

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Частные миры Великой русской революции

Сборник научных трудов

Казань – 2017

УДК 94(470)"1917"
ББК 63.3(2)611
Ч-25

*Издание подготовлено в рамках Государственной программы
«Реализация государственной национальной политики
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»*

Редколлегия издания:

доктор исторических наук, академик АН РТ *Р.С.Хакимов*
доктор исторических наук, академик АН РТ *Р.Р.Салихов*
доктор исторических наук *Л.Р.Габдрафикова* (научн. ред.)
кандидат исторических наук *Е.В.Миронова* (отв. ред.)

Рецензенты:

кандидат исторических наук *А.И.Ногманов*
кандидат исторических наук *А.Р.Мухаммадеев*

Ч-25 Частные миры Великой русской революции. Сборник научных трудов (на русском и татарском языках) / под общ. ред. *Л.Р.Габдрафиковой*. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 484 с.

ISBN 978-5-94981-262-4

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные в рамках проведения Международной научной конференции «Частные миры Великой русской революции», приуроченной к 100-летию революции 1917 г. (Казань, 28–29 сентября 2017 г.). Особое внимание уделяется вопросам частной жизни, частной собственности, взаимодействия общества и власти, истории повседневности, а так же историческим биографиям и эго-документам революционного периода (дневников, писем, воспоминаний).

Сборник рассчитан на специалистов, аспирантов и студентов, а также на всех, кто интересуется историей России.

В оформлении обложки использована фотография из фонда Национального музея Республики Татарстан: *Празднование первой годовщины Октябрьской революции Казанским комитетом РКП(б)*, 1918 г., а также иллюстрации к статьям *А.П.Филлиповой*, *И.А.Рябец*, *В.А.Гайкина*, *Т.А.Биктимировой*, *М.Хотопп-Рике* и *Р.Кайзера*.

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017
© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Частные миры революции 1917 года: постановка проблемы (<i>Л.П.Габдрафикова</i>)	7
Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях (<i>И.В.Маслова</i>)	16
Частный мир и институты революции: риски бунтующего социума (<i>С.А.Данилов</i>)	27

ДОМ И СЕМЬЯ

Революция и предпринимательство: судьбы Стахеевых после 1917 г. (на материалах личного происхождения) (<i>И.В.Маслова</i>)	31
События 1917–1918 годов и татарские предприниматели Акчурины (<i>Н.И.Таиров</i>)	39
Семья Садри Максуди в годы революции (<i>М.Р.Гайнанова</i>)	46
Царицын – Париж. История семьи (<i>А.П.Филиппова</i>)	51
«Женский вопрос» и революция в татарском обществе: опыт историко-биографического анализа (<i>Л.П.Габдрафикова</i>)	55
Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары (<i>А.А.Зиннатуллина</i>)	64
«Я» – жена-коммунистка. Враг? (<i>Д.З.Марданова</i>)	70
Революция в судьбах татар Петропавловска (<i>З.А.Махмудов</i>)	78
Биография старого дома (бывшая дача Бринеров в пригороде Владивостока) (<i>В.А.Гайкин</i>)	82

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Земельный вопрос в России в 1917–1918 гг. (<i>Р.В.Шайдуллин</i>)	85
Организация и деятельность земельных комитетов Казанской губернии весной–летом 1917 г. (<i>Р.Р.Батыршин</i>)	92
1917 год в судьбе купеческой династии Заитовых (<i>А.М.Рафиков</i>)	99
«Красногвардейская атака на капитал» в городах Казахстана в эпоху «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) (<i>Е.И.Медеубаев</i>)	106
Судьбы провинциальной интеллигенции в 1917–1918 гг.: на примере «музыкальной истории» семьи Гольник в Царицыне (<i>И.А.Рябец</i>)	112

ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

Н.И. Фешин: художник и революция (<i>Е.В.Миронова</i>)	120
Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938) и сохранение историко-культурного наследия Бахчисарая в годы революции (<i>У.К.Мусаева</i>)	127
Иерей В.М.Филипьев (1874–1937): жизнь и судьба (<i>С.И.Никонова</i>)	135
Татарские правоведы и татарская правовая мысль в начале XX века (<i>Д.Р.Зайнутдинов</i>)	142

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Распространение баптизма в Волго-Уральском регионе в 1905–1917 гг. (<i>А.А.Машковцев</i>)	150
Четвертый на Земле «миротворец» (о Мергалетдине Курамшине) (<i>Ф.А.Рашитов</i>)	157
Бөтенрусия мөселманнарының гомуми корылтаенда (Мәскәү, 1–11 май 1917 ел) дини тәшкилат проблемасы (<i>Э.К.Салахова</i>)	165
Эволюция взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви в период 1917–1929 гг. (<i>М.А.Яшина</i>)	170

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

1917 год: вопросы повседневной жизни и моды в российских женских журналах (<i>И.В.Синова</i>)	178
Революция 1917 года по дневникам петроградской интеллигенции (<i>О.И.Зезегова</i>)	184
Продовольственный кризис в Туркестане: доходы и потребление (1914–1917 гг.) (<i>С.Б.Шадманова</i>)	190
Жизнь в провинции в годы революции глазами петербургского кадета (по воспоминаниям А.А.Алексеева) (<i>В.Н.Макарова</i>)	206

ВЛАСТЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Командующий войсками Казанского военного округа Александр Генрихович Сандецкий: поступки и восприятие обществом в 1917 г. (<i>Х.М.Абдуллин</i>)	216
Формирование народной милиции в Казанской губернии после Февральской революции (<i>Е.В.Миронова</i>)	226
Деятельность уездных комитетов общественной безопасности в 1917 году (на примере Свияжского уезда) (<i>Е.В.Афонина</i>)	232

Большевики Саратова и их политические противники в 1917 г. (<i>Ю.Я.Курмакаев</i>)	239
--	-----

ЛИЦА ЭПОХИ

Просветитель П.П.Глезденев на Первом Всероссийском съезде марийского народа (<i>А.Г.Ошаев, К.Н.Сануков</i>)	246
Пшемахо Тамашевич Коцев: исторические реалии жизни (<i>А.Г.Кажаров, З.Ю.Захохов, М.М.Самко, И.Ю.Соломина, Н.И.Политова</i>)	252
Проекция человеческой судьбы на русскую революцию: биография А.М.Дьяконова (<i>М.В.Кротова</i>)	261
Дмитрий Николаевич Потоцкий. 1880–1949 (<i>В.И.Попков, Ю.Ф.Болдырев, О.В.Назарова, Н.Ю.Болдырев</i>)	269
Организатор и вожак первых царицынских большевиков (<i>Л.И.Будченко</i>)	277

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Татар хатын-кызларының беренче корылтаена 100 ел! (<i>Т.А.Биктимирова</i>)	284
Конструируя кряшенскую идентичность: дискуссии вокруг «кряшенского вопроса» в 1917–1920-х гг. (<i>Р.Р.Исхаков</i>)	289
К проблеме определения настроений и мотивов поддержки украинской интеллигенцией Украинской революции 1917–1921 гг. (<i>В.А.Бабюх</i>)	294
Протестные настроения населения Вятской губернии в 1917 г.: влияние Первой мировой войны и русской революции (<i>С.А.Рябая</i>)	304
Скауты в России в 1917 году (<i>Е.А.Ефимова</i>)	309

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И РЕВОЛЮЦИЯ

«Потерянное поколение» татарской молодежи начала XX века (на примере биографии Абдулхамида Апанаева) (<i>Л.Р.Габдрафикова</i>)	317
Назия Максудова: биография ответственного работника (1903–1949) (<i>Х.З.Багаутдинова</i>)	328
Жизнь и подвиг братьев Рамазановых (<i>Р.И.Ишмухамедова</i>)	335

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

Восприятие революции 1917 г. и гражданской войны в мемуарах офицеров Оренбургского казачьего войска (А.Л.Худобородов)	340
Формирование в мемуарах образа врага: классовые стереотипы рабочих Пермской губернии (Н.А.Павлова)	346
Гражданская война в воспоминаниях (О.И.Боднарь)	352
Период гражданской войны в Бондюжском крае (Е.Ю.Мещерякова)	359
Встреча с трагической реальностью: письмо омской гимназистки Зои Гавриловой о раненых воинах (1919) (С.Г.Сизов)	363
Эго-документы сельских мугаллимов предреволюционной эпохи (по материалам журнала «Шура») (Б.Ю.Хайрутдинов)	368

РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

Азербайджан и Северный Кавказ в период русской революции 1917 года: историография (С.И.Алиева)	373
Советская революция и уроки истории в школах Турецкой Республики (Нихат Бойукбаш)	399
Художественные панорамы, посвященные теме «Оборона Царицына» (С.А.Аргасцева)	408
Брянская область в октябре 1917 года: дневник событий первых дней советской власти (С.А.Приходько)	418
Татарский светильник из Гарделегена: частные миры Первой мировой войны (Мисте Хомонн-Рике, Руперт Кайзер)	425

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВА

В поисках путей модернизации: Казанский университет и преобразования в высшей школе в 1917 г. (Л.А.Бушувеева)	430
Российское образование в 1917–1918 учебном году: сохранение наследия или формирование новой школы (И.Е.Крапоткина)	436
Совет властеның беренче елларында татарлар арасында укый-яза белмәүчелекне бетерүнең кайбер мәсьәләләре (ТАССР мисалында) (Л.Р.Муртазина)	440
Испорченный праздник духа. К 100-летию начала культурной революции в СССР (Г.С.Сабирзянов)	447
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	458
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	475

ВВЕДЕНИЕ

УДК 930.1

Л.Р. Габдрафикова

Частные миры революции 1917 года: постановка проблемы

1917 год – символическая дата для исторической науки. На протяжении многих десятилетий изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции было важной составляющей идеологии Советского государства. Однако на пороге 100-летия революции задаемся вопросом: а много ли мы знаем о событиях (теперь уже) Великой русской революции – от февраля 17-го года до Гражданской войны? Хроника революции, вроде бы, восстановлена по часам и минутам, но когда дело касается судьбы отдельно взятого человека, то здесь порой возникает путаница. В условиях революции люди создавали себе новые биографии, вычищали прошлое, убирали лишнее [1, с. 44]. Если сложить все эти частные моменты, получится немного другая история 1917 года.

Еще в середине Первой мировой войны среди татар Казанской губернии курсировали слухи о конце света. Представители правопорядка то и дело находили так называемые письма из Мекки о скором появлении Даджала, в которых говорилось о предстоящих грозных событиях 1916 г. и был призыв к покаянию [2, с. 205–206]. После февраля 1917 г. о скором наступлении конца света и появлении антихриста в составе Временного правительства говорили уже русские крестьяне [3, с. 101]. Но конца света никто не дождался. Изменились границы государства, власть в стране, а люди остались. И каждый житель бывшей Российской империи пережил крах собственного частного мира: кто-то потерял имущество, семью, друзей, работу или должность, кому-то пришлось покинуть Родину, кто-то отрекся от Бога и идеалов юности... Эти личные катастрофы можно перечислять очень долго.

В отечественной историографии частные истории оставались за кадром большой событийной истории, поэтому не было объемной картины прошлого. Столетие событий 1917 года дает возможность по-новому взглянуть на революцию, без идеологических штампов (причем с обеих лагерей) и представить жизнь человека в экстремальных условиях. Выражение «Частные миры» нами было выбрано для обозначения всего многообразия жизни человека в этот исторический момент: начиная от его семейной истории до взаимоотношений с властью.

Понятие «частная жизнь» давно уже стала предметной областью историков. Вспомнить хотя бы знаменитый пятитомник об истории частной жизни в Европе, подготовленный авторской группой под руководством Ф.Арьеса и Ж.Дюби. Во всех исследованиях о частной жизни объектами изучения являются семья, частное пространство человека и его неформальные связи. Новые веяния каждой эпохи отражаются в этих доминантах человеческой повседневности. Но изучение революции 1917 г. через такие фокусы долгое время считалось задачей, не имеющей ничего общего с научным познанием. Даже художественное осмысление эпохальных событий начала XX в. через личную историю, если она была без героических образов (например, роман «Доктор Живаго» Б.Пастернака) вызывало негативные оценки.

Ситуация переломилась в постсоветские годы, когда помимо официальных источников исследователями стали привлекаться многочисленные материалы личного происхождения, сильно отличавшиеся от советских публикаций о личной «борьбе за власть Советов». Эта работа не потеряла своей актуальности: именно введение в научный оборот новых *эго-документов* дает возможность увидеть революционные дни под другим углом зрения.

Неслучайно научно-просветительские проекты делают основной упор как раз на материалах личного характера. В этой связи стоит упомянуть интернет-проект «1917. Свободная история» [4], где авторы попытались показать историю данной эпохи от первого лица. Для этого были привлечены личные документы более 1,5 тыс. современников революционной эпохи. Многоголосие революции представлено в формате условной социальной сети столетней давности. Хотя документальная база проекта – это дневники и письма, которые тогда не были адресованы широкой публике. Практическая значимость подобных научно-образовательных проектов заключается в актуализации исторических знаний, в том числе через частные моменты и аналогии.

В эпоху интернет-технологий и социальной открытости в виртуальной реальности для многих нет границ между частным и публичным пространством. Это отношение к жизни транслируется и на изучение истории, молодежь интересуют не только официальные факты, но и частные детали. Впрочем,

применительно к такому историческому прошлому (истории частной жизни) у общества еще не выработалась определенная позиция: что дозволено к обнародованию, а что нет. Ярким примером амбивалентного отношения к прошлому является ситуация с запретом к показу фильма «Матильда». Даже художественное осмысление истории в таком ключе еще не везде позволено. Это говорит о том, что нужна долгая и кропотливая работа в русле историко-антропологических исследований, а также популяризация данных знаний среди широких слоев населения, чтобы общество постепенно приняло прошлое во всем его многообразии.

Помимо «частной жизни», не менее важным понятием в исследовании частных миров революции является «*частная собственность*». Для России его можно назвать самым болезненным вопросом, т.к. основная масса населения отказывалась понимать существование прав собственника и категорически не желала мириться с появлением единоличных хозяев земли. Она могла быть Божьей / царской, но никак не принадлежать рядовым гражданам. Отсюда тотальное нарушение прав собственника: начиная от барской земли до фабричного имущества. Февральская революция 1917 г., получившая обозначение «буржуазно-демократической», по характеру мало чем отличалась от более радикального Октября. Провозглашенная свобода была воспринята отдельными группами буквально и архивные документы тех лет открывают далекую от буржуазной демократии действительность.

Революция постоянно «тасует» людей: это время невероятных карьерных взлетов и таких же ошеломительных падений. Но в этом калейдоскопе неизменным остается человек, преданный своей профессии, для которого *призвание и долг* являются доминантами жизни. Профессор Преображенский из знаменитой булгаковской повести – это не только олицетворение старого порядка, но и художественный образ профессионала революционной поры. Художник продолжает творить в любую эпоху, независимо от условий быта и политического фона. Этот ежедневный подвиг возвышает его над обыденностью, поэтому нам представляется очень важным научное изучение профессиональной деятельности человека в экстремальной ситуации.

Революция является итогом «долгого XIX века», столетия, в котором как никогда был налицо ценностно-нормативный кризис общества. Каждый автор называл и объяснял это явление по-своему («аномия» по Э. Дюркгейму, «дух практицизма и утилитаризма» по М.Я. Феноменову), но суть сводилась к потере человеком религиозно-нравственных ориентиров. Революционное время обострило *духовные метания* общества, появилось множество сект и учений. Традиционные конфессии вели свою борьбу с новыми идеалами населения.

Ретроспектива духовного кризиса начала XX в. дает ключ к пониманию социальных устремлений современной эпохи.

Взаимоотношения человека с властью – один из ключевых аспектов его повседневности. При этом власть – это не обязательно представители органов государственного управления, но, например, школьный учитель для ученика, начальник для подчиненного и т.д. На каждом уровне социальной иерархии воспроизводилась общая тональность верховной государственной власти. Если до 1917 г. можно было провести четкую границу между обществом и властью, то в эпоху социальных катаклизмов она стала «плавающей». Игры во власть стали основным занятием общества. Данный исторический опыт очень важен с точки зрения социально-психологических знаний. Что двигало людьми власти? Революционные идеалы или корыстные интересы? Насколько население было заинтересовано в смене власти и насколько оправдались их социальные ожидания? Поэтому первостепенной задачей историков нового поколения мы считаем изучение не событийной истории революции, а исследование человека во власти (его мотивы, поведение), а также образа власти (восприятие обществом, социальные настроения в контексте властных преобразований) и другие историко-антропологические задачи.

Именно с этими соображениями было задумано проведение Всероссийской научной конференции «Частные миры Великой русской революции», приуроченной к 100-летию революции 1917 года. Обозначенные научные проблемы нашли живой отклик среди широкого круга исследователей, представляющих различные российские вузы, научно-исследовательские и музейные центры. Безусловно, значительная часть докладов посвящена истории Волго-Уральского региона. Кроме статей татарстанских историков, традиционно солидным выглядит научный десант из Волгограда¹. Заинтересовала тема конференции и некоторых зарубежных коллег. К сожалению, не все статьи вошли в данный сборник. Но мы надеемся, что, доклады, не вошедшие в сборник, будут опубликованы в других научных изданиях Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

«Частные миры» объединили исследователей с различными научными интересами и подходами. Вводная часть сборника включает несколько статей. В публикации И.В.Масловой о современных концептуальных подходах

¹ С коллегами из Нижнего Поволжья мы начали сотрудничество благодаря работе Всероссийской научной конференции «Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны», прошедшей в Казани в октябре 2014 г. Надеемся, что в будущем появятся и доклады о татарском наследии многонациональной Волгоградской области.

обращается внимание на расширение предметного спектра отечественной исторической науки, которая все больше вовлекается в мультидисциплинарные исследования. Сегодняшний историк оперирует разными понятиями, в том числе из сферы социологии, психологии и других наук. Например, идентичность, ментальность, историческая память. В этой связи, и история изучения революции 1917 г. может быть проанализирована с точки зрения культурной антропологии. Полярность интерпретаций, представленных даже в этом сборнике, иллюстрирует разные пласты «памяти», в зависимости от корпоративных, поколенческих установок. Как подчеркивает И.В.Маслова, эффективным инструментом историко-антропологических исследований является микроистория. Одной из задач данной конференции также была необходимость актуализации микроисторического анализа. Но, как показывает опыт, в исследованиях с таким потенциалом пока еще превалирует описательный подход с элементами краеведения. Между тем, изучение различных групп и сообществ признается одним из перспективных направлений в изучении истории революции. Например, в сообщении С.А.Данилова как раз обосновывается эвристическая значимость анализа революции с точки зрения институционального подхода.

Нельзя утверждать, что первоначальная задумка конференции (предложенные к обсуждению научные проблемы) реализовалась в полной мере. Но каждый автор привнес свое понимание этой проблематики, иногда совсем неожиданное. Так, раздел «Реконструкции прошлого» объединил статьи по историографии и методике преподавания истории, о художественном осмыслении Гражданской войны (о создании панорамы «Оборона Красного Царицына») и рассказ о судьбе татарского артефакта времен Первой мировой войны. Автор этой статьи – Мисте Хотопп-Рике – тюрколог, долгие годы занимается изучением тюркского наследия в Европе. В своей статье автор касается не только музейного экспоната, но и судьбы некоторых захоронений мусульманских военнопленных периода Первой мировой войны. Революция 1917 г. в России произошла во многом из-за затянувшейся Великой войны, а многочисленными жертвами этой эпохи стали, в том числе, и российские военнопленные. Многие из них так и не дождались репатриации, они умерли на чужбине уже после 1918 года.

В статье С.Алиевой особенно любопытным представляется анализ современной историографии, где в контексте изучения истории революционной эпохи показаны основные тенденции развития исторической науки как в Азербайджане, так и в России. Одним из самых болезненных последствий 1917 года можно назвать территориальные споры современности. Если советская наука предпочитала не заострять внимание на этих проблемах, то на

постсоветском этапе данные вопросы являются актуальным предметом научных исследований. Автор на основе широкого круга научной литературы анализирует развитие историографических знаний о революционном периоде в Азербайджане и Северном Кавказе, начиная с первых лет советской власти до современности.

В сообщении Нихата Бойукбаша дается обзор учебных программ по истории, применяемых в турецких школах. Автор показывает, что в воспитании подрастающего поколения особое внимание уделяется изучению общего наследия всех тюрков, прежде всего, средневекового периода. Сюжеты о Великой русской революции 1917 г. затрагиваются только в старших классах. Нихат-бей подчеркивает, что эта тема представляет особый интерес для турецкой педагогики, т.к. связана с родственными тюркскими народами, проживавшими на территории Российской империи и Советского Союза. Кроме того, революция в России повлияла на Первую мировую войну и собственно историю Османской империи.

Здесь хочется добавить, что из-за революции 1917 г. оказались в эмиграции в Турции многие выдающиеся татарские интеллектуалы. Некоторые из них сумели внести существенный вклад в развитие турецкой государственности, культуры и науки. Например, советниками Мустафы Кемаля Ататюрка были юрист и ученый Садри Максуди², журналист и ученый Юсуф Акчура³ (именно он стоял у истоков Турецкого исторического общества, который сегодня входит в АТАМ), классиком турецкой исторической науки стал уроженец Мензелинского уезда Уфимской губернии (совр. Татарстан) Акдес Нигмет Курат⁴. Конечно, татар в Турции вряд ли можно назвать обычными эмигрантами. После 1917 г. Турция была практически единственной страной, которая предоставляла им гражданство. Этим и объясняется многочисленность татарской диаспоры в Турции. Кроме того, многие татарские эмигранты всю жизнь прожили в Японии, США, Австралии и других странах, являясь турецкими гражданами. Поэтому, неудивительно, что выдающихся деятелей-татар часто именуют турецкими. Но не стоит забывать, что они имели российское

² В этом сборнике представлена статья М.Р.Гайнановой о жизни семьи С.Максуди в революционный период. Кроме того, в статье Д.Р. Зайнутдинова дается обзор историко-правовых работ С.Максуди, Ю.Акчуры и других татарских эмигрантов.

³ Ю.Акчура эмигрировал в Османскую империю после первой русской революции. Поводом к переезду стали жандармские преследования и препятствия к ведению общественно-политической деятельности в России. В Стамбуле издавал журнал «Тюрк йорду» («Дом тюрков»).

⁴ 4-х томное собрание сочинений А.Н.Курата впервые было переведено на русский язык и издано Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ в 2014–2016 гг.

происхождение и являются сынами татарского народа. Социальная катастрофа начала XX в. разлучила их не только с Родиной, но и с родственниками и друзьями. И эту боль разлуки они пронесли через всю жизнь.

Ожидаемым стало большое количество докладов, связанных с эго-документами. На сегодняшний день достаточное количество источников уже опубликовано (например, материалы связанные с белым движением), но их качественный анализ еще не в полной мере нашел отражение в исследованиях, поэтому интерес к ним вполне объясним. Кроме того, сохранился большой пласт неопубликованных документов, и источниковедческая работа в данном направлении должна вестись и в будущем. В этой связи, продуктивным может стать научный поиск в зарубежных и отечественных личных архивах, а также в музейных собраниях. Например, сотрудники Менделеевского краеведческого музея представили сразу два доклада по воспоминаниям очевидцев событий – жителей Бондюжского края. Наверное, в других музейных фондах Татарстана могут быть аналогичные малоизвестные широкой публике документы. Поэтому необходим диалог между учеными и музеями, открытость фондов, а также развитие электронных каталогов и баз данных. Следует отметить, что представленные воспоминания участников Гражданской войны в Бондюжском крае довольно идеологизированные. Впрочем, как большинство аналогичных документов этой эпохи. Поэтому такие мемуары нужно привлекать с особой осторожностью, в большинстве случаев нужен лингвистический анализ текста. Примером такого анализа может служить статья Н.А.Павловой о формировании образа врага в мемуарах рабочих Пермской губернии.

Кроме музейных собраний, любопытные источники встречаются в архивных коллекциях истпарт. В советское время не все революционные воспоминания были допущены к печати из-за идеологической невыдержанности, либо были опубликованы в отредактированном виде. Иногда заказанные архивными службами воспоминания представляли собой описания исторических событий в другом регионе. Поэтому такие источники, безусловно, заслуживают отдельного внимания. Некоторые доклады базируются как раз на документах истпарт.

Материалы личного происхождения – специфические источники, где возможно искажение фактов и не всегда точные оценки. Но важно настроение самого героя, частные детали его жизни, повседневные заботы, отношение к отдельным явлениям. Поэтому наряду с так называемым «бытовым» применением эго-документов в исследованиях о повседневности (описание цен, качества жизни и т.д.), они важны для проведения научного анализа социально-психологического характера. Ряд докладов представляют собой подобный конструктивистский опыт.

Постсоветская историография накопила солидный багаж знаний по истории дореволюционного предпринимательства, крестьянства, общественных объединений начала XX в., национальных движений и институтов власти революционной эпохи. Некоторые доклады продолжают данные исследовательские традиции. Отдельно следует выделить исторические биографии и судьбы купеческих династий, которые особенно рельефно показывают уязвимость человека перед вызовами времени. В сборнике опубликованы статьи о судьбах предпринимательских семей – Стахеевых, Акчуриных, Зайтовых. Эти публикации ценны тем, что авторы базируются не только на архивных документах, но и личных беседах с потомками предпринимательских фамилий и материалах их семейных архивов. Много было купцов и в дореволюционной татарской общине г. Петропавловска.

Большинство биографий удивительно похожи, поэтому они могут стать основой коллективной биографии целого поколения. Биографии некоторых «бывших людей», особенно из интеллигенции, очень часто иллюстрируют крах иллюзий молодости. Например, в статье М.В.Кротовой анализируется история жизни чекиста дворянского происхождения А.М.Дьяконова, вступившего в социал-демократическую партию еще в годы первой русской революции. Уже после 1917 г. он оказался по разные стороны баррикад с родной сестрой. Безусловно, таких семейных драм и трагедий в годы Гражданской войны было много. Другой герой – из публикации В.Н.Макаровой – А.Н.Политоров, в годы первой русской революции был адвокатом уфимского комитета социал-демократической партии, успел отбыть даже ссылку наравне со своими подзащитными. По иронии судьбы, после 1917 г. гибель присяжного поверенного была связана с последователями именно этой партии.

Постсоветский период был примечателен тем, что с особым интересом открывались забытые имена и страницы прошлого, связанные с историей белого движения, Гражданской войной, эмиграцией. На современном этапе не меньший интерес вызывают не только лица эпохи (известные деятели, герои событийной истории), но и так называемый «маленький человек» своего времени. Революция и Гражданская война вытряхивала из людей последние остатки «мещанского» прошлого: семейные и родственные привязанности, ставя во главу угла интересы партии. С этого момента, пожалуй, начинается дегуманизация человека... Очень похожи судьбы так называемых ответственных работников: бесконечно преданных идеям революции и несчастных в частной жизни. Именно ежедневные трудности «маленького человека», обыденность в призма его мыслей и чувств, составляют основной предмет изучения истории повседневности.

Таким образом, историко-антропологические исследования призваны сгладить дисбаланс между постсоветской идеализацией вновь обретенного буржуазного прошлого и марксистской ностальгией по революционным и советским идеалам. Только полноценная картина жизни обычного человека может дать ответы на неудобные вопросы истории. Мы благодарны всем неравнодушным коллегам и рады возможности совместного научного исследования сложных вопросов общего прошлого.

Список источников и литературы

1. Казакова М.А. Воспоминания об Октябрьской революции в Среднем Поволжье как исторический источник: дис. ... к.и.н. – Казань, 1994. – 176 с.
2. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 395 с.
3. Человек в революции. Казанская губерния: в 2-х томах. – Т.2. – 1917. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 432 с.
4. «1917. Свободная история» [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <https://project1917.ru> – Проверено: 14.08.2017.

И.В. Маслова

Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях¹

Историческое сознание является структурообразующей частью общественного сознания, что повышает важность его анализа. Именно в сфере общественного сознания ярче всего проявляется социально-воспитательная функция исторической науки, реализуется ее мировоззренческий потенциал, проявляются механизмы ее влияния на развитие отдельных групп людей и общества в целом. Но процесс взаимодействия исторического сознания и общества обоюден. Оформившееся в определенную эпоху общественное сознание и общественное мнение, в рамках которого формируются стереотипы поведения, образ мысли оказывают серьезное воздействие на социокультурный контекст современного исторического знания.

Важную роль в этой коммуникативной стратегии истории и общества играет «история для всех» или «публичная история», ориентированная на публику за пределами научного исторического сообщества. Историю часто рассматривают в двух ипостасях: история как наука и история как ремесло (или искусство, в том случае если исследователь преуспел в ремесле историка). Л.П.Репина обозначает эту двойственность как историю академическую (аналитическую, рефлексивно-критическую), соответствующую научным стандартам и историю прикладную (популярную) [7, с.21].

Проблематика «потребления» продукта исторической науки приобретает сегодня особую актуальность. Господствовавшая XIX в. высокая степень доверия к истории, связанная с уверенностью о преемственности исторического знания, а значит и об уникальных возможностях использования исторического прошлого для прогнозирования будущего была подорвана событиями XX в. Советская историография отвергала сложившиеся интерпретации истории России. Почти восьмидесятилетняя идеализация исторической науки усугубила разрыв между историей и обществом, и способствовала решению проблемы «полезности истории», в сторону малой пользы исторического знания.

¹ Статья подготовлена для журнала «Историческая этнология». Публикуется с любезного разрешения автора и редакции.

Парадигмальный сдвиг в области гуманитарного знания в начале XXI в. наметил положительную тенденцию возвращения истории заслуженных центральных позиций в культуре любой эпохи. Процессы исторических исследований, подверглись концептуальному пересмотру. Новая историческая наука повернулась лицом к человеку. Исторические процессы, явления, события, изучаемые столетиями, были существенно дополнены исследованиями истории отдельных людей (а не только не выдающихся личностей и политических деятелей), семей, приходов, корпораций. В научное поле историка попали вопросы ментальности, исторической памяти, интеллектуальной истории, исторической конфликтологии и многие другие. Таким образом, историческая наука в начале XXI в. вышла на уровень взаимодействия с различными социально-гуманитарными областями знания: социологией, психологией, экономикой, экологией. Это взаимодействие может осуществляться на мультидисциплинарной, интердисциплинарной и трансдисциплинарной основе. Рассмотрим, в чем заключаются отличия подобных исследовательских взаимодействий.

Мультидисциплинарные исследования предполагают самостоятельную деятельность ученых различных научных сфер для решения одной проблемы. Подобные исследования могут вестись и параллельно и последовательно. Ярким примером подобного взаимодействия являются совместные проекты историков и специалистов в области информационных технологий, в результате которых создаются информационные системы, систематизирующие и классифицирующие исторические источники и знания.

Например, при создании исторической классификации занятий населения России в конце XIX – первой половины XX вв. историками Алтайского государственного университета был поднят большой пласт источников, которые были систематизированы с привлечением специалистов в области компьютерных технологий. В результате была создана информационная система по историческому профессиоведению, основанная на русскоязычном варианте HISCO – международного исторического стандарта классификации профессий [2].

Еще одним примером мультидисциплинарного исследования историков, IT специалистов, политологов может служить проект ученых Пермского государственного национально-исследовательского института «Из истории политической агитации в Прикамье: движение по пути «Digital political science». Итогом реализации проекта стало «создание электронной коллекции материалов и документов предвыборной политической агитации, не только перевод и сохранение их в цифровом формате, но и такая их организация, которая обеспечила бы наиболее широкий доступ к ним и возможность осуществ-

ления информационно-поисковых и аналитических операций на основе различного рода запросов и выборов» [3, с. 223].

Интердисциплинарное взаимодействие различных наук, предполагает совместную работу специалистов изучающих различные аспекты общей проблемы, но опирающийся каждый на свою методологическую дисциплинарную базу. В этом случае при решении конкретной научной проблемы дисциплинарные поля могут быть размыты. Для проведения интердисциплинарных исследований создается смешанная команда, в состав которой входят специалисты из различных областей знаний, но занимающиеся изучением взаимосвязанных аспектов общей проблемы. Примером интердисциплинарного взаимодействия может быть исследование «Исторический феномен «смены ролей»: психологический аспект гендерной идентичности в истории», совместно проведенное учеными историками и психологами [5]. В этом случае предметом исторического исследования (отправной точкой) стал жизненный путь исторической личности кавалерист-девицы Н.А. Дуровой, но преломленный через психологический анализ проблемы гендерной идентичности.

Специалисты, участвующие в транснациональных исследованиях, несмотря на принадлежность к разным научным областям работают совместно, используя общий концептуальный аппарат, объединяя теории, концепции и подходы отдельных дисциплин для решения общей проблемы. Особенность транснационального исследования является то, что взятая к анализу проблема не может быть решена в границах одной из сотрудничающих наук.

Проблемным полем для транснационального взаимодействия истории с другими науками может служить следующая проблематика: история миграций, исторический конфликт, порядок и беспорядок, пространство и время, граница и порубежье и многие другие проблемы рассматриваемые в различные хронологические периоды. При этом взаимодействие историков, философов, демографов, антропологов, экономистов, политологов предполагает создание общего концептуального и методологического поля.

Заметим, что приведенная типология кросс-дисциплинарных взаимодействий носит относительно условный характер: речь не идет о непреодолимых границах между названными походами, мы выделяем лишь их специфические характеристики.

Уникальность ситуации сложившейся в современных социально-гуманитарных исследованиях в том, что исследователи сходятся в одном мнении: необходимости продуктивной научной коллаборации. Подтверждение этому служат направления работы научных конференций, проводимых в последние годы в российских институтах и исследовательских центрах. В 2014 г., отмечалось 100-летие со дня начала Первой мировой войны, что вызвало активиза-

цию научной общественности по представлению результатов своих исследований по названной проблеме. Был проведен целый ряд научных конференций по истории Первой мировой войны. Направления работы конференций проходили в рамках кросс-дисциплинарных взаимодействий различных отраслей гуманитарного знания. Например, на конференции прошедшей в институте истории им. Ш. Марджани АН РТ предметами научного дискурса стали проблемы последствий войны в «человеческом измерении»: проблемы демографии, семьи и детства; этноса и религии в условиях войны и др. [9]. Организаторы международной интернет-конференции «Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований» определяя ракурс выносимых на обсуждение проблем акцентировали внимание на кросс-дисциплинарных направлениях работы форума: «наряду с политическими практиками государства и темой военного насилия, предлагается рассмотреть политику культурной памяти, способы визуализации войны, её гендерное измерение, а также самые разнообразные аспекты влияния Первой мировой войны на общество» [6].

Еще одним важным концептуальным поворотом в российской науке рубежа XX–XXI в. стал переход от макро- к микро-историческим исследованиям. Микроисторический анализ, принес с собой перемены революционного масштаба в предметной области истории. Предметом исследования стал человек в исторической действительности. При этом человек выступает не как часть исторических процессов, событий или явлений, а как самодостаточная единица для исследования – общественный человек, который переживает историю. Изучая людей во времени, мы воссоздаем отношение субъекта к объекту, – мы вступаем в диалог с ними. Подобный диалог с людьми прошлого предполагает их собственную систему ценностей, равно как и всех других аспектов сознания. Предметом исследования современного историка становятся – люди, мыслящие и эмоциональные, их идеи и чувства. Человек всегда и неизменно остается частью общества, и принадлежность его к социуму означает его погруженность в присущую этому социуму культуру. «Новая историческая наука», предполагающая рассмотрение общества сквозь призму культуры, снимает привычную для историографии метафизическую противоположность культурного и социального.

История, перейдя на микроуровень и широко используя методы социологии, социальной психологии, демографии, что в конечном итоге привело к появлению большого количества новых исторических субдисциплин. К ранее известным: экономической истории, истории культуры, добавились историческая антропология, историческая экология, история ментальностей и т.д.

Исторические субдисциплины с различных ракурсов изучают «человека во времени», при этом исследуются не только его свершения и поступки, но и

ментальность, т.е. структуры личностно-психологического уровня. Человек исследуется как бы «снизу», с его ближайшего окружения, установки и культурные традиции, которого обуславливали повседневную жизнь и досуг, приемы организации труда и участие в общественно-политической деятельности.

В этом ракурсе исторического исследования особую роль приобретает история повседневности, локальная история.

Уход на микро-уровень в рамках антропологической версии социальной истории привел к возросшему вниманию к изучению той или иной локальной общности, как развивающего социального организма, исследованию его коллективной биографии. При этом внутри «новой локальной истории» оформились два исследовательских подхода.

В первом подходе исследователи отталкиваются от детального анализа социальной среды, включая исторический ландшафт, многообразие формальных и не формальных общностей и групп, коммуникативное поле.

Во втором подходе применяется биографический анализ, позволяющий глубже изучить индивидуальные процессы истории, смену социальных ролей и стереотипов поведения. При этом исследуя личные, естественные связи людей, историки выходят на анализ социально-классовых структур, связанных с деятельностью конкретного человека. То есть переходят к опосредованному изучению социальных отношений. Что чаще всего приводит к выходу за рамки локального микро-анализа, а значит налицо комбинация инструментов микро- и макроанализа.

Несомненной заслугой микроисторических исследований является системный, длительный сбор фактического материала, основанного на мельчайших событиях и деталях жизни людей, семей, страт. Микроанализ серьезно расширяет и круг исторических источников, в состав которого дополняя письменные, включаются изобразительные (с середины XIX в. фото- и видео-документы), аудио-материалы, вещественные (предметы быта, одежды), архитектурные и устные источники.

Способ повседневного существования человека в определенной локальной общности детерминируется правилами поведения и даже образами мышления принятыми в этой общности. «Границы же разномасштабных общностей накладываются друг на друга, пересекаясь в локальном микрокосмосе и даже в одном и том же индивиде, формируя сети социального взаимодействия и создавая основу для перекрывающихся друг друга социальных идентичностей» [7, с. 167]. Таким образом, локальная история выводит нас на проблему идентичности. Определяющей характеристикой идентичности служит локально ограниченная территория (государство, город, край, об-

щина и др.) по отношению к которой люди чувствуют свою принадлежность и эмоциональную привязанность.

Историческая идентичность находит воплощение в вещественных источниках. Примером могут служить города, имеющие достаточно длительную историю. Неповторимые исторические черты сохраняются в перспективе города, силуэте и направлении улиц, градостроительных реликтах.

В историческую идентичность людей следует включать весь их жизненный путь, тем самым их социальность. Поэтому идентичностью обладают не только отдельные личности, но и социальные группы, общность, страты. Следует обратить внимание на субъективную и объективную стороны исторической идентичности. В этом ключе понятие идентичности коррелирует с понятиями ментальности и менталитета. На наш взгляд основное отличие названных понятий лежит в сфере их индивидуализации. Ментальность формируется на уровне неосознанных психологических установок, это проявление психики конкретного индивида. Менталитет носит коллективный, общекультурный характер, выступает как социальная память общества. Ментальности и менталитет постоянно взаимодействуют между собой и реально существуют в сложной единой общественной системе.

Ментальность как сплав чувств и умонастроений, бессознательных влечений и не вполне осознаваемых предпочтений отличается изменчивостью, текучестью, подвижностью. Менталитет же представляет собой устойчивую совокупность предпочтений, которые формируются на уровне коллективного сознания вокруг традиционно сложившихся социокультурных норм. Таким образом, ментальность отличается изменчивостью, а менталитет относительной стабильностью и устойчивостью.

Менталитет связывается с ментальностью через реальных, конкретных, живых индивидов, благодаря деятельности их психики и сознания, через которые положения теории, генерируемые мозгом отдельных индивидов, входят в менталитет социума, народности, той или иной эпохи.

Если наложить характеристики понятий ментальности и менталитета на проблему исторической идентичности мы легко улавливаем, что менталитет по ряду характеристик близок к понятию объективная идентичность, т.е. идентичность социальной группы. Ментальность в свою очередь соотносится с процессами самоидентификации (т.е. субъективной идентификации) отдельных личностей.

На наш взгляд отличия этих, несомненно, близких понятий, лежат в возможностях их визуализации в исторических источниках. Историческая идентичность, как это указывалось выше, как правило, визуализируется в вещественных источниках: архитектуре, одежде, предметах быта, знаковых системах

и символах имеющих вещественное воплощение в виде письменных и изобразительных документов. Примером отражения исторической идентификации в рукописном документе может служить почерк, приемы и стиль письма. Менталитет поддается историческому исследованию гораздо труднее, т.к. реализуется через эмоции, проступки, формы поведения.

Еще одним маркером, отличающим понятия исторической идентичности и менталитета, является пространственно-темпоральная обусловленность первого. Историческая идентичность имеет больше привязок к территории и временному отрезку. Менталитет больше соотносится с понятием социальная память, при этом не исключается влияние и пространственно-временных характеристик.

В последние годы на первый план выходят проблемы этнической идентичности. Обоснование концепции этнической идентичности предпринял российский этнолог В.А.Тишков. Согласно его точке зрения под этнической идентичностью понимается «группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувства групповой солидарности» [11, с. 230]. Никакая идентичность не является врожденной, она формируется на уровне семьи (устно-семейные традиции), на уровне этнической общности (посредством просветительской деятельности общественных деятелей), и наконец, на уровне страны (через усилия интеллектуалов и политиков). Структурообразующим звеном этнической идентичности является миф об общем предке, представление об общей территории (историческая родина), память об общем историческом прошлом.

Следует осознать, что этническая идентичность это не объективная реальность, это феномен сознания, форма восприятия действительности. Поэтому она динамичная и подвержена изменениям в зависимости от факторов оказывающих влияние на нее. Например, в эпоху средневековья решающую роль в этнической самоидентификации личности и группы играли устные семейные традиции. В XX в. доминирующую роль в процессе этнической идентификации играли сложившаяся идеология национализма, пропагандируемая политиками и общественными деятелями. Таким образом, мы выходим на понимание искусственности понятия этнической идентичности – «биографии нации». Не отрицая элементов «искусственности» конструкта идентичность отметим, что целый ряд факторов дополняет это понятие естественным путем. Например, общность языка, обычаи, верования и др.

Идентичность формируется в результате интерпретации опыта прошлого и оформлении его цепочку значимых для исторической памяти событий. Самые значимые события, выполняющие роль отправной точки (корня) приобретают характер мифа, призванного доказать, либо подтвердить идею национальной самобытности.

Вместе с тем следует учитывать феномен множественности неконфликтующих индивидуальных идентичностей.

Дискурс вокруг идентичности в истории выводит исследователя на проблему исторической памяти. Идентичность при этом трактуется как структура, требующая постоянного подтверждения, дополнения. Эти функции берет на себя историческая память.

На рубеже XX–XXI в. исследователи все чаще обращали внимание на «мемориальный поворот», иногда интерпретируемый как «парадигма памяти». Сущность это поворота состоит в том, что предметом исследования является не историческое событие или явление, а сама память о прошлом, сохранившаяся в сознании общества. Историческая память это процесс осовременивания событий прошлого в сознании отдельных людей или групп [10, с.170]. Интересная трактовка разграничения и одновременно взаимовлияния понятий «память» и «история» приводится в статье Дж. Уинтер: «история – это не просто память со сносками; а память – это не просто история, лишенная сносок. Практически во всех актах воспоминания история и память переплетаются в публичном пространстве и оказывают совместное информационное воздействие на наше изменчивое понимание прошлого» [12, с. 9].

Дискуссионным остается вопрос в определении понятия «коллективная память». Нередко исследователи отождествляют её с понятием «память коллектива». Но сословия или государства не обладают памятью, помнят конкретные люди, которые входят в эту общественную группу. Поэтому коллективная память, это процесс совместного воспоминания о том или ином событии. Источниками коллективной памяти могут быть письма, мемуары, дневники, фотографии в которых нашли отражения одни и те же события истории. Дж. Уинтер предлагает использовать понятие «коллективное воспоминание», т.к оно точнее отсылает нас к указаниям на время и место, исследуемых событий.

Память в психологическом смысле избирательна: человек запоминает самые яркие события своей жизни, при этом «яркость» событий в равной степени может носить позитивный и негативный характер. То же происходит и с коллективной памятью, она обостряется в периоды конфликтов, войн. Это объясняется еще и тем, что история войн, во-первых, охватывает большие группы людей, во-вторых, транслируется множеством институций, в-третьих, серьезно влияет на изменение формы сознания. Не случайно начавшийся в

среде историков «бум памяти» был вызван исследованием проблем Первой Мировой войны. Это не означает, что исследователь, работающий в русле микро-истории «застрахован» от столкновения с понятием «коллективная память». Например, эпохальным событием для уездной Елабуги (Вятская губерния) был городской пожар 1850 г., в ходе которого сгорела половина жилой застройки. Результатом формирования «коллективной памяти» о событии стал тот факт, что горожане повернулись лицом к каменному строительству, особое внимание стало уделяться вопросам пожарной безопасности. В повседневной речи стало бытовать выражение «до большого пожара», «после большого пожара».

Проблема исторической памяти позволяет по-новому взглянуть на «востребованность» исторического знания. Если раньше историю использовали для объяснения настоящего, то теперь произошел отход от объяснительной схемы. Историческое событие стараются интерпретировать в свете повлиявших на него причин, а главное концентрируется внимание на следах произошедшего: историка интересует не содержательная сторона свершившегося, а его исторический шлейф, отражающийся в исторической памяти. Это придает исследованию открытый характер и со временем в поле зрения историка попадают детали, не замеченные современниками в момент происходивших событий, но неожиданно ставшие важными для потомков.

Исследуя «мемориальный поворот» в современной исторической науке О.Б. Леонтьева ставит проблему «субъекта» (носителя) исторической памяти. «В качестве «субъекта» исторической памяти могут выступать группы, выделенные по самым разным критериям. Так, предметом анализа является память крупных социальных групп – дворянства и крестьянства, память групп, выделенных по гендерному и возрастному принципу (например, женщин или детей), память профессиональных и субкультурных сообществ (например, университетской корпорации), наконец, память людей, которых объединил общий опыт – как правило, травматический (память эмигрантов, узников ГУЛАГа или нацистских концлагерей, ветеранов мировых или локальных войн)» [4, с. 65]. Исследователи обращают внимание и на проблемы «памяти поколений», «семейной памяти».

Анализируя содержательную сторону исторической памяти, исследователи оперируют понятиями «образы прошлого», «исторический миф». Содержание исторической памяти может включать образ вполне конкретных исторических деятелей, а также типологизированные образы. Например, «образ чужого», «образ врага», «образ власти» достаточно детально проработанный в рамках исторической имагологии [1].

Дискурс проблем исторической памяти породил дискуссии вокруг даже вполне устоявшихся понятий: исторический факт и событие, историческое пространство и время. «Концептуальная ломка», которую переживает историческая наука привела к отходу от привычной трактовки казалось бы базового понятия «исторического события». «Представление о том, какое событие является историческим, существенно изменилось, в том числе и потому, что историки обратили внимание на вопрос о взаимоотношениях социальной памяти и историописания, а также на место коллективной памяти в субъективности историка» [8, с. 40].

Сегодня пристальное внимание обращается на социальный контекст события, на то как его оценивали современники и историки, каким образом оно отразилось в исторической памяти. Неизбежно встает вопрос о том, какой из череды исторических фактов поднимется до уровня исторического события?

Именно в структуре коллективной памяти происходит «просеивание» исторических фактов и отбор событий, которые становятся своеобразными вехами, отделяющими периоды истории. Подобные события, пройдя сквозь механизмы коллективной памяти сакрализируются, мифологизируются и становятся символами идентичности.

Подводя итоги, отметим, что на рубеже XX–XXI в. историческая наука прошла несколько методологических поворотов: среди которых «антропологический», «социологический», «лингвистический», «мемориальный» и др. Каждый поворот приводил к переосмыслению проблематики попадавшей исследовательское поле историка, пересмотру концептуальных подходов и методов исследования, изменению (как правило в пользу расширения) круга источников.

Основным выводом исследователей стал вывод о необходимости кросс-дисциплинарных взаимодействий истории и другими социально-гуманитарными и даже техническими науками. Вопросы, поставленные перед современной исторической наукой, предполагают поиск новой исследовательской оптики, связанной не столько с причинностью или последствиями, сколько с контингентностью истории. Возможность всестороннего исторического исследования с учетом случайностей, эпизодичности, спонтанности дает нам микро-анализ.

Парадигмальный спор сторонников макро- и микро-исторических подходов начавшейся к концу прошлого столетия находит возможности для консенсуса в рамках локальной истории. Сфера исследования локального историка конечно не достигает уровня общегосударственного или цивилизационного масштаба, но материалы локального анализа могут и должны включаться в обобщающие исследования, проводимые на принципах макро-истории.

Сегодня предметом исследования историка становится не просто человек в истории, а человек взаимодействующий. Коммуникативный подход к

изучению человека в истории выводит исследователя на проблемы идентичности, коллективной памяти (воспоминаний). Важной концептуальной проблемой становится обоснование различных проявлений понятия идентичности (этническая, социальная, гражданская), составляющих значимую часть «картины мира» и играющей важную роль в трансляции культурных и этических ценностей.

Список литературы

1. Власть и образ: образы протестантской имагологии: Сборник статей / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.
2. Информационно-справочная система «Историческое профессиоование. <http://occupations.asu.ru/?q=node/38> (дата обращения: 27.02.2017).
3. Корниенко С. И. Из истории политической агитации в Прикамье: движение по пути «Digital political science» // Вестник Пермского университета. – Выпуск 3 (30). История. – С.223–227.
4. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59–96.
5. Маслова И.В., Исмаилова Н.И. Исторический феномен «смены ролей»: психологический и гендерный аспект идентичности в истории // Историческая психология и социология истории. – 2015 – Т.8., номер 2. http://www.socionauki.ru/authors/maslova_i_v/ (дата обращения 27.02.2017).
6. Международная интернет-конференция «Россия в Первой мировой войне» на сайте ИНИОН РАН. <http://www.inion.ru/www1> (дата обращения 10.03.2017).
7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Репина Л.П. Событие в истории и коллективной памяти: «Казус 1066» // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 39–46.
9. Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой Мировой войны: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, приуроченной 100-летию начала войны (г. Казань, 10–11 октября 2014 г.) / под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. – 508 с.
10. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян – М.: Аквилон, 2014. – С.170.
11. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.
12. Уинтер Джейн. Война, память, воспоминание // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 5–15.

Частный мир и институты революции: риски бунтующего социума¹

Частный мир является актуальным измерением в исследовательских работах, посвященных революциям. Многомерность этой проблемы не вызовет сомнений, учитывая разнообразие, плюралистичность и реалистичность жизни, проживаемой частным лицом или локальной социальной группой. В то же время существует потребность в осмыслении соотношения «частного» и «общего» миров революции на социально-философском уровне. Вопрос о том, как «вписан» частный мир человека в транзитивную, претерпевающую трансформации революцию, остается открытым, приглашая к исследовательским решениям. Предложим гипотезу: в процессе революционного транзита и кризиса институциональной структуры общества происходит трансформация жизненного мира индивида, когда в амбивалентной связи находятся тенденции, когда частное становится общественным, а общественное – частным.

Анализ революции с позиций институционального подхода приобретает большую эвристическую значимость. Институциональное измерение общества – нормы, правила, соглашения, организации, нормирующие и формирующие систему социальных взаимодействии в ситуации радикальных изменений. Собственно, революция и возникает как институциональная проблема, когда одни институты, уже не могут обеспечивать устойчивость социума, а другие, приходящие в трансформирующееся пространство общества, пока не в состоянии реализовать базовый институциональный потенциал – упорядочить, стабилизировать. Одним из таких риск-факторов, приведших к трансформации институциональной структуры, выступил процесс модернизации, итогом которого стал «распад традиционных социальных связей, ранее сдерживавших эти формы протестного поведения (в виде религиозных ценностей, общинной организации, традиционной семьи)» [1, с. 118].

Поэтому революция – это деинституализация, институциональный транзит, лишаящий бытие общества его стабильности и устойчивости. Здесь можно говорить о двух аспектах. Во-первых, частная сфера индивида острее

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ научного проекта № 15-33-12009 «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс».

всего «ощущает» трансформирующее влияние революции. Меняется семья, быт, церковь – те институты, которые глубже всего интегрированы в частное пространство человека. Во-вторых, именно в точках соприкосновения общественных институтов и частного пространства индивида, генерируются риски частной сферы, возникают противоречивые тенденции. Жизненный мир частной сферы становится «последним рубежом» революционного транзита.

Упорядочение, в том числе частного жизненного мира индивида, оказывается в кризисе, институциональные структуры (семья, органы правопорядка), направлявшие жизнь индивида в определенном русле – нормативном, пребывают в состоянии критической неопределенности. Падение доверия к прежним институтам и несформированность новой институциональной структуры, приводит к распространению формата частного мира с его ценностями, задачами и смыслами как альтернативы хаотичному ломающемуся общественному миру.

Революционная ситуация характеризуется наличием конструктивных и деструктивных начал. Подъем общественного настроения, стремление построить «новый мир», пространство которого преодолет национальные рубежи и зажжет огонь революции по всему миру, активизация участия в различных формах гражданской интеграции (комитеты, общества) – как стремление к созиданию, преодолевающее транзитивный хаос. Деструктивность выражалась в росте слухов, страхов, популяризации безнравственных форм поведения. Рост самоубийств и количества душевнобольных на фоне революционного процесса свидетельствует о том, что «волны» революции дошли и до сферы личностно-психического, затрагивая глубинные основы человеческого бытия. Как отмечает И.И. Глебова, «народная стихия, снимала с себя различные ограничения», осуществляя «сдирание с себя всех культурных покровов и выход на поверхность того инстинктивного, темного, низменного, что под ними скрывалось» [2, с. 127].

Это ни что иное как выход социальной энергии из частного мира в общественное пространство характеризовался как рациональным, так и в большей степени иррациональными проявлениями: толпа, переворачивающая трамвай, бьющая стекла без видимых причин. Приватная сфера становится «страхосферой», наполняется многочисленными слухами, реинкарнацией мифов, конструирующих в сознании индивида картины социального будущего. Действительно, в условиях тотального институционального кризиса, частью которого выступает и кризис института масс-медиа, в условиях роста социальной тревожности за будущее, слухи повседневности становятся мотиваторами принятия решений, поведения. В эпоху революции очевиден протест индивида не столько против политически-конкретного, сколько против

риска потерять свою жизнь, идентичность, уникальность. Это, прежде всего экзистенциальный протест.

Частный мир человека нуждается в защите, это тот «последний» рубеж, сдерживающий рискогенность революционного социума. Революционный романтизм сменяется прагматикой выживания, обостряется чувство на фоне предельного обострения «чувства депривации, что является воспринимаемой разницей между ценностными ожиданиями (тем, что люди, как они считают, заслуживают) и ценностными возможностями (тем, что они в действительности могут получить)» [3, с. 59].

Частный мир явился объектом формирующегося нового контроля и влияния власти, стихийно образующейся в пространстве революционного общества. Подтверждением выступает и «первая революционная «традиция» устраивать обыски на частных квартирах с целью поиска оружия», и «помеченные квартиры» [4, с. 40–41]. Атака на частный мир индивида, находила ответные стратегии в виде мер по защите частных пространств. Волны революции принесли с собой проблемы, «связанных с личной и имущественной безопасностью, следствием которых и стало распространение всевозможных психозов, страхов». Образуются, например, «домовые комитеты, изначальная цель которых и состояла в охране квартир от незаконных вторжений» [4, с. 42].

Процесс институционального строительства можно рассмотреть на примере формирования в феврале 1917 г. милиции, когда получение оружия – гарантия личной безопасности в период общественных угроз. Так со слов секретаря Управления Петроградской городской милиции З. Кельсона озвучивается цифра в 10000 выданных милицейских удостоверений по состоянию на 1–2 марта 1917г. и «неудивительно, если все взрослое мужское население Петрограда в эти дни оказалось на службе в милиции» [5, с. 166].

В условиях кризиса институционального и апофеоза ценностного, обыватель революционного общества начинает конструировать стратегии существования, переходя от режима «ожидания» к режиму «созидания» своей частной жизни. Частная сфера становится объектом реконструкции, создания того самого «нашего, нового мира» только в частном измерении. Не обретя еще «конституцию» нового институционального человека, но получив максимум возможностей «аполитичный и инертный прежде обыватель начал действовать так, как умел... На принимаемые решения оказывали влияние эмоции и прагматичный личный интерес... Для некоторых людей это был просто способ реализации личных амбиций и канал проникновения во власть» [6, с. 55].

Отметим, что жизненное пространство частного мира в условиях революционного транзита становится рискогенной средой, содержанием которой выступают амбивалентные процессы конструктивного и деструктивного, рационального и иррационального.

Список источников и литературы

1. Медушевский А.Н. Была ли неизбежна русская революция 1917 года? // Обозреватель. – 2012. – № 11. – С. 114–127.
2. Глебова И.И. Павшая власть – падшая власть (О судьбе монархии в революциях 1917 г. и сакрально-символическом значении верховной власти в России) // Труды по россиеведению: Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; гл. ред. И.И. Глебова. – М., 2009. – Вып. 1. – С.117–170.
3. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
4. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 231 с.
5. Кельсон З. Милиция февральской революции // Былое. – 1925. – №1. – С. 161–179.
6. Захарова К.Л. Мимикрия как способ политической адаптации в пост-февральском политическом пространстве Сибири (март – октябрь 1917 г.) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2015. – С. 45–64.

ДОМ И СЕМЬЯ

УДК 94(470)41

И.В. Маслова

Революция и предпринимательство: судьбы Стахеевых после 1917 г. (на материалах личного происхождения)

Переосмысление Великой русской революции в современной исторической науке проходит сразу в нескольких научных ракурсах: методологическом, историографическом и источниковедческом. На наш взгляд материал для методологических теорий, историографических обзоров и обобщений дает именно всесторонний и детальный источниковый анализ. Документальное наследие русской революции необычайно широко, вместе с тем в формировании ее современной объективной картины особую роль играют источники личного происхождения, хранящиеся в семейных архивах. Работу с дневниками, мемуарами, письмами проводят с учетом трех подходов: информационного, коммуникативного и биографического. В первом случае источники личного происхождения являются носителями исторической информации о прошлом; во втором, последовательно воплощают процесс самоанализа личности и становление межличностных отношений; в третьем, выступая продуктом творчества отдельной личности, отражают биографические особенности жизненного пути.

Источниковым корпусом, для написания статьи стали материалы личного архива Екатерины Павловны Головановой, которая является прямым представителем «французской» ветви Стахеевых. Екатерина Павловна правнучка Петра Васильевича и Веры Ивановны Стахеевых. Архив состоит из документов различных категорий и разных периодов: дореволюционный период, годы Первой мировой войны, гражданской войны и жизни Стахеевых в Сибири, и наконец, эмиграции в Китай потом во Францию. Эти документы были вывезены из России Верой Ивановной Стахеевой, которая пройде

трудный путь эмиграции, жила со своей младшей дочерью Екатериной Петровной в Биарриц. После смерти в 2005 г. Екатерины Петровны хранительницей семейного архива Стахеевых стала Екатерина Павловна.

Еще одним источником стали, «Воспоминания о русской семье» – Татьяны Карсон (в девичестве Стахеевой) об эмиграции их семьи в Сибирь. Рукопись, написанная в 70-е гг. XX в. на английском языке, долгое время хранилась в Лондоне, в семье Карсон. Рукопись была переведена на русский язык и опубликована ограниченным, менее десяти экземпляров, тиражом Евгенией Третьяковой (правнучкой Владимира Ивановича Стахеева).

Революционный кризис 1917 г. не оставил российским купцам выбора, Советская Россия не нуждалась в предпринимательском опыте «третьего сословия», единственной возможностью выжить и спасти семьи для многих стала эмиграция. Большая часть провинциальных купцов покидали Россию через Сибирь, что, конечно же, изменило облик и повседневность сибирских городов 1918–1919 г. Ряды русского дворянства и купечества с Волги и Камы, хлынувшие бурным потоком на Восток, опасаясь большевистского террора, пополнили и Стахеевы.

Семья купца Петра Васильевича и Веры Ивановны была большая: семеро детей. Накануне революции Петр Васильевич Стахеев работал в своей конторе в Санкт-Петербурге, старшие дочери Татьяна и Вера учились в гимназии Алферовой в Москве. А супруга Вера Ивановна с младшими детьми (Ириной, Василием, Глафирой, Петром, Екатериной) жила в имении Святой Ключе (Уфимская губерния). На рождественские и летние каникулы вся семья собиралась вместе на Святом Ключе.

В январе 1917 г. сестры Стахеевы, традиционно проведя рождественские каникулы в имение Святой Ключ, вернулись в московскую гимназию. В марте стало известно об отречении Николая II и переходе власти в руки Временного правительства, но и эти события мало изменили размеренный ход жизни семьи. После сдачи переводных экзаменов Татьяна и Вера провели каникулы вместе с семьей на Святом Ключе. Но вернувшись к началу учебного года в Москву, почувствовали перемены. «В период Октябрьской революции в гимназии проводили ученья по полной эвакуации всех трехсот учениц вниз по лестнице, через черный ход, если мадам Коллонтай и большевистские лидеры придут захватывать школу с парадного входа. Александра Степановна (учредитель и директор гимназии) решила, что во время восстаний и обстрелов, нас, старших учениц лучше всего занять домашней работой, уборкой, наведением порядка в классных комнатах, что позволяло отвлечь нас от происходивших событий и морально поддержать. Однажды, когда я вытирала пыль с пианино, через окно влетела пуля и прямо над моей головой простре-

лила стену» [2, с. 76]. Зимой 1917–1918 гг. в Москве девочкам приходилось страдать от голода. Продукты, которые присылали им из Елабуги из-за перебоев в работе транспорта до Москвы не доходили, если все-таки посылка приходила, то продукты оказывались уже испорченными. Несмотря на трудности, девочки блестяще закончили гимназию: Татьяна с золотой, а Вера с серебряной медалями.

Весной 1918 г. революционные события докатились уже и до Уфимской губернии. Напуганный революционными событиями, П.В. Стахеев собрал всю семью в имение Святой Ключ. Но к этому времени, вся земля, сады, расположенные в имение были конфискованы. Летний домик был изъят, в нем разместили детский лагерь из Москвы. Только благодаря поддержке местных крестьян, которые «стояли горой» за Стахеевых, купеческой семье оставили зимний дом.

Дети из летнего лагеря разрушали все кругом. В один из дней, предварительно порезав и порвав все противопожарные шланги, лагерники устроили костер в летнем доме. Стахеевы, вместе со слугами, вынуждены были выстроиться в цепочку до самого берега реки Камы и тушить пожар, передавая друг другу ведра с водой. На этом «детские шалости» не закончились, уезжая в Москву, дети проделали в углах дома дыры и запустили туда гадюк из ближайшего леса.

В это же время начались обыски и аресты. Петр Васильевич опасаясь, что из-за него пострадает вся семья, вынужден был бежать. Татьяна так описывает последний день с отцом: «Однажды он взял несколько вещей, сел в лодку и поплыл вниз по Каме. Больше мы его никогда не видели» [2, с. 78].

Петр Васильевич очень переживал за судьбу своей семьи. В архиве К.П. Головановой сохранилась телеграмма, отправленная 27 июля 1918 в Елабугу некому Молькову из Нижнего Новгорода, где прятался Пётр Васильевич: «Телеграфируй здравие Веры Ивановны и детей». Ответ набросан на той же бумаге: «Все здоровы и благополучно Можно приехать. Мольков.» Пётр Васильевич вернулся к своим, но месяц спустя, всвязи с угрозой прихода «красных» вынужден был опять бежать. Уже во Владивостоке одна из дочерей Вера Петровна, которая вышла замуж и задержалась во Владивостоке дольше остальных членов семьи Стахеевых, получила письмо с известием о смерти отца: «Он скончался в Н-Новгороде 4-го февраля 1920 года н.ст. от угара. Накануне он сидел до 11 часов вечера у моей жены, был очень весёлый, а утром нашли его мертвым в его комнате». Печальное известие в письме сообщил в декабре 1920 её дядя, Владимир Иванович Докучаев [3]. По другой версии Петр Васильевич погиб недалеко от Рыбинска в бою между красными и белыми.

Вскоре пришло время и оставшимся членам семьи покинуть Святой Ключ. Одна из стахеевских служанок сообщила, что семью богатого купца большевики хотят взять в заложники. Семья спешно покинула имение и двинулась к отдаленной мельнице в Уфимской губернии. Мельник поселил их самой большой комнате, но в ней не было кроватей, беглецам приходилось спать на голом полу. «Каждый раз, завидев марширующие роты солдат вдалеке, мы вынуждены были прятаться на сеновале» [2, с. 79]. Татьяна тяжело заболела и Вера Ивановна приняла решение вернуться на Святой Ключ, где в детском лагере работала женщина – врач. После того как Татьяна поправилась, в один из дней пароход из бывшей стахеевской флотилии с солдатами на палубе остановился на Святом Ключе, чтобы набрать воды. Капитан судна, хорошо знавший Петра Васильевича, предложил семье поплыть с ними. Взяв только самые необходимые вещи и драгоценности Веры Ивановны, семья Стахеевых направилась вверх по Каме, а затем по Белой.

Как многие представители дворянства и буржуазии Вера Ивановна надеялась, что потрясения продлятся недолго и семья вернется в имение, поэтому она тщательно составила список серебра, оставленного в Елабуге. В списке, переписанном трижды, содержалось 349 предметов (столового серебра) весом 80,174 фунтов (примерно 32 кг). В годы Первой мировой Петр Васильевич купил много облигаций военных займов, которые семья тоже взяла с собой. Вера Ивановна взяла с собой облигации государственных краткосрочных займов (в архиве 9 облигаций в 10.000 руб., 7 в 1000 руб., пачка в 100 руб. займа 1916 г.). Интересно, что проценты в 5,5% ей выплачивались до мая 1919, а вырезанные купоны на ноябрь остались невыплаченными; в начале декабря 1919 г. [3]

Отправившаяся в неизвестность семья Стахеевых, сделав небольшую остановку в Уфе, решила поехать в Сибирь по железной дороге. Из-за отсутствия пассажирских вагонов, ехали в вагоне для скота. Обычные вагоны для восьми лошадей, как выяснилось, были вполне пригодны для сорока человек. Путешествие было долгим, более месяца и очень утомительным. Но как пишет Татьяна в своих воспоминаниях «Нам повезло, что на нас не напали, не ограбили и не убили банды преступников, отпущенные из сибирских тюрем господином Керенским, чему свидетельствовали сожженные кареты, встречающиеся нам на пути» [2, с. 81].

Новониколаевск, куда приехала семья Стахеевых, находился в руках белых. Поначалу большая семья остановилась в единственной в городе гостинице, но вскоре сняли две небольшие комнаты в маленьком домике на вокзальной площади. Вера Ивановна со старшими детьми разместились в одной комнате, а младшие дети, с двумя служанками в другой. Этому периоду

жизни семьи посвящена маленькая по объему записная книжка, исписанная простым карандашом и составленная Верой Ивановной. Она начинается 1-го октября 1918 г. «9 октября переехали на Михайловскую ул...за квартиру ...: 500 р». Почти все траты шли на питание большой, состоящей из восьми человек семьи, служанки Дуняши и гувернантки Фелиси. «Приходится часто чинить или возобновлять обувь детей, платить учителю», но встречаются и такие строчки: «29-го декабря театр детям – 15 руб.». Записи в Книжке заканчиваются датой 15-ого марта 1919 г. [3]

Пережившая голодную зиму в Москве в 1918 г. Татьяна, с облегчением отмечает, что в Сибири было много продуктов: мясо, дичь, масло, но совсем не было сахара. В Новониколаевске работала американская миссия Красного Креста и старшие девочки Татьяна, Вера и Ирина, прекрасно владевшие английским языком, что для Сибири было редкостью, устроились на работу переводчицами.

Жизнь продолжалась, и в этих новых для купеческой семьи условиях, приходилось многому учиться. Вере Ивановне и старшим детям самим приходилось ходить на рынок, выбирать мясо и другие продукты.

Денег не хватало, даже на самое необходимое, поэтому брались за любой дополнительный заработок. Татьяна стала давать частные уроки английского и французского языков двум польским генералам. В Новониколаевске было много польских солдат, в основном это были бывшие военнопленные, захваченные австрийскими солдатами. Действовал даже польский клуб, в котором организовывались танцевальные вечера. Сестры Стахеевы иногда посещали его.

Имея на Святом Ключе собственный конный выезд, Стахеевы скучали по верховой езде, поэтому, когда Татьяну пригласили на конную прогулку с группой британских офицеров Омской военной миссии, она с удовольствием согласилась. Вся семья стала готовить Татьяну к прогулке: одолжили на время ботинки у одного их младших офицеров, а служанка Дуняша сшила из хлопчатобумажной ткани, взятой в Красной Кресте, раздельное пальто для верховой езды.

Новое испытание ждало семью зимой, когда начались сильные морозы, до минус сорока. В довершение ко всему началось отступление войск Колчака. Благодаря работе в Красном Кресте, у Стахеевых появилась возможность эвакуироваться вместе с этой организацией в Иркутск. «Мы ещё надеялись, что все эти ужасы скоро закончатся, и мы вернемся назад. Но даже не могли себе представить, что это затянется более чем на шесть лет. А в действительности, навсегда...» [2, с. 83].

Из Иркутска отправились во Владивосток. Четвертая записная книжка начиналась словами: «Приехали на Ст. Океанскую (Владивосток) 26-го сентября 1919 ст.ст.». Несколько дней пришлось ночевать в машине, т.к. город был заполнен беженцами, солдатами и моряками. С трудом удалось снять комнаты в летнем домике, на улице Океанической. Татьяна с Верой устроились на работу во французское военное дипломатическое представительство. Жизнь во Владивостоке была очень дорогой: «хлеб, сушки 85 р.; дрова 2000р.» [3].

Младшие дети не понимали всей тяжести испытаний выпавших на долю семьи, а расценивали ситуацию как временное захватывающее приключение. Петр, которому в то время было десять лет, был задорным озорником и приходил в восторг от вида армии, банд противников. Мальчик страстно любил животных, результатом чего стал случай во Владивостоке, когда Петра покусила бешеная собака. Ребенку пришлось делать болезненные инъекции в живот. Вера Ивановна старалась облегчить жизнь семьи, свои вниманием и заботой. Но, «оставаться в городе было опасно: людей, известных, как состоятельные, похищали и грабили бандиты. Похищенных удерживали в городах и требовали за них выкуп. У нас, конечно же, уже не было никаких денег, так как банки в России были национализированы. Остались только Мамины украшения» [2, с. 84]. Во Владивостоке Стахеевы оставались недолго, о чем свидетельствует запись от 22-го ноября 1919 г.: «китайцу носильщику 200 р.; паспорта 60р.». А дальше уже про Китай [3]. Вера Ивановна принимает решение эмигрировать в Шанхай, где уже жил её брат.

Но во Владивостоке остается ее старшая дочь Вера Петровна, которая в 1920 г. вышла замуж за офицера Белой армии, и семейство увеличилось. Сохранилось письмо ее дяди В.И. Докучаева, написанное в 1920 г., в котором он пишет о её браке: «Я только что получил письмо, в котором сообщили Твой адрес, а также о Твоем замужестве. Прежде всего поздравляю Тебя... К сожалению, в письме не пишут за кого Ты вышла замуж, как Твоя фамилия». В мае 1922 г. Вера Петровна телеграммой сообщила матери о рождении дочери Татьяны. В январе 1924 г. у Веры Петровны родился второй ребенок – сын Алексей. Несмотря на материальные затруднения, Вера Ивановна посылала дочери деньги во Владивосток. А в 1924 г. Вера Петровна покинула Владивосток и приехала с детьми жить к матери [3].

В мае 1923 г. вторая дочь, Татьяна Петровна, вышла замуж за английского дипломата, и её дальнейшая жизнь сложилась в Англии. Так начался период зарубежной эмиграции семьи Стахеевых. Оставив в горячо любимой России все свое состояние, Стахеевы свято хранили память о Елабуге, об истории своего купеческого рода, его славных представителях.

Второй возможный жизненный маршрут российского купечества условиях революционных событий – отказ от нажитых капиталов, формальное признание новой советской власти, в замен на «тихое существование» в советской России. Именно такой жизненный сценарий предпочла избрать потомственная почетная гражданка Елабуги, купчиха Глафира Федоровна Стахеева. Летом 1918 г. Глафира Федоровна ездила к сыну Федору Васильевичу в Петроград, но несмотря на опасность и сложность ситуации решила вернуться в Елабугу.

Через разрушительных погромов и арестов пронеслась по Елабуге с приходом советской власти. Глафира Федоровна вынуждена была, оставив все свое имущество, покинуть родной дом на Набережной улице и поселиться в Казанском Богородицком монастыре. Глафира Федоровна поддерживала связь с эмигрировавшей за рубеж семьей сына Петра Васильевича. В личном архиве Е.П. Головановой хранятся три письма Глафиры Федоровны Стахеевой, которые Вера Ивановна получила из Елабуги в 1925–1926 гг. В первом письме от 1 января 1925 г. Глафира Федоровна сообщает, что живет в монастыре и очень скучает по внукам: «Ах, как бы я на Вас на всех посмотрела я думаю которых уже и не узнаю. Очень соскучилась о всех Вас, да и жизнь здесь монастырская очень скучная» [3].

Год спустя Глафира Федоровна присылает еще одно письмо, в котором поздравления с праздниками и новости о родственниках: «живется неважно, что продадут то только на это и живут... от Марии я получила письмо из Николаевска, у ней пишет родилась дочка». Прожив при советской власти почти десять лет, Глафира Федоровна осознает, что обратной дороги нет: «О всех Вас я очень соскучилась, очень желательно было бы повидаться, но только это несбыточная мечта». Из третьего письма становится ясно, что у Глафиры Федоровны серьезные проблемы со зрением, поэтому она ездила в Москву «посоветоваться с профессором», который «сказал нет! Не ослепнете!». Письмо датировано 19 (30 сентября) 1926 г. Весной 1927 г. Глафира Федоровна умерла и была похоронена на кладбище монастыря, некогда построенного на средства представителя её славного рода, Ивана Ивановича Стахеева. В 1929–1930 гг., монастырь, а вместе с ним и монастырское и кладбище было уничтожено.

В процессе исследования автору удалось обнаружить еще одну версию судьбы Глафиры Федоровны после революции. Согласно воспоминаниям воспитанницы елабужского епархиального училища Алевтины Алексеевны Жуйковой Глафиру Федоровну «умертили на электрическом стуле на своей даче» [1]. Не ясно откуда мог взяться электрический стул в тот период в России. Возможно, это просто образное выражение, возникшее у А.А. Жуйковой

намного позднее, в период, когда она писала свои воспоминания. А может быть в тот период ходили подобные слухи. Но Алевтина была убеждена в своей «версии», т.к. записала ее не только в своих воспоминаниях, но и оставила маргинальную надпись напротив фотографии Г.Ф. Стахеевой в своем выпускном альбоме, который экспонируется в Музее истории Елабужского института Казанского федерального университета.

Подводя итоги, отметим, что источники личного происхождения, хранящиеся в семейных архивах Стахеевых, позволяют изучать революционные события и их последствия в контексте личного восприятия и преломления исторической информации, характеризуют включенность их авторов в исторические события и эпоху. Удивительным и бесспорным остается факт надежды предпринимателей на временность революционных событий, и убежденность в возможности возвращения дореволюционных устоев.

Список источников и литературы

1. Воспоминания Жуйковой А.А. о Елабуге // Фонды музея истории Елабужского института КФУ.
2. Карсон Т. Воспоминания о русской семье / Пер. Е.В. Третьяковой. – Краснодар: [б.и.], 2009. – 85 с.
3. Стахеевский семейный архив // Личный архив Е.П. Головановой.

Н.И. Таиров

События 1917–1918 годов и татарские предприниматели Акчурины

1917 год положил начало революционным преобразованиям в самых различных сферах жизни российского общества: социально-экономической, политической, духовной. Революционные события 1917–1918 гг. самым существенным образом повлияли на историю не только России, но и других стран мира. В первую очередь, перелом 1917 г. сказался на судьбах всех россиян. События, которым ровно век, кардинальным образом отразились на положении всех народов страны, в том числе татарского.

При новой власти 1917–1918 гг. резко изменились судьбы и возможности российских предпринимателей, в том числе из числа татар.

Данное явление можно проследить на примере известных татарских предпринимателей и меценатов России Акчуриных. Несмотря на сложнейшие проблемы Первой мировой войны Акчурины как и другие предприниматели России встретили 1917 г. с большими планами и надеждами. Из них никто не мог предполагать какие потрясения и трудности ждали их в новом году.

Революционные события 1917 г. и их последствия самым серьезным образом повлияли на жизнь и деятельность Акчуриных. Они вошли в историю как крупнейшие фабриканты сукна, щедрые благотворители и меценаты из татар России.

Одна часть Акчуриных категорически не приняла результаты событий 1917–1918 гг., новую власть, ее решения и конкретные шаги, охватившие все стороны человеческой жизни. Данная группа вчерашних предпринимателей категорически не восприняла кардинальные перемены, во всех сферах жизни: социально-экономической, духовной, и, конечно же, в политической. Как логически результат этой заявленной позиции – Акчурины оказались за пределами страны. Акчурины, их сыновья и дочери оказались в других сопредельных и дальних странах. Среди географических точек, куда переместились вчерашние фабриканты, меценаты и их родные, следует назвать Китай, Турцию, США, Канаду...

Следует сказать, что абсолютное большинство Акчуриных после 1917–1918 гг. осталось жить в России, связав свою биографию и жизнь с судьбами своих сородичей и других народов страны.

Одна часть Акчуриных в условиях советской власти, преодолевая значительные трудности, по мере возможности смогла приспособиться к этой жизни и добилась некоторых успехов. Акчурины и их дети стали активными участниками крупномасштабных процессов: индустриализации страны, преобразований в области культуры. Представители и представительницы рода Акчуриных храбро и достойно прошли по трудным и опасным дорогам Великой Отечественной войны. Они были и в блокадном Ленинграде. Таким образом, в Великой Победе 1945 г. есть и доля Акчуриных... Следовательно потомки основателей рода симбирских предпринимателей из татар преодолели самые серьезные трудности, негативные явления, характерные для новой системы смогли добиться определенных успехов, достижений.

Судьбы других Акчуриных, которые остались на Родине оказались не простыми. Они так и не смогли адаптироваться к новым порядкам, совершенно иной системе жизни. Им приходилось доказывать окружающим и властям свою преданность новой политической системе и идеологии. В разной степени, негативные последствия от событий 1917–1918 гг. почувствовали все Акчурины.

Более того, некоторые из Акчуриных не избежали политических репрессий 20–30-х годов XX в. Они были обвинены в антисоветской деятельности. Отдельные жертвы из числа представителей знатного рода так и не смогли вернуться к своим семьям и близким. Впоследствии они были полностью реабилитированы.

В результате событий 1917–1918 гг. фабрики переживали огромные трудности во всех сферах деятельности. В частности, резко упало производство сукна, существенно ухудшилось качество продукции. Например, на промышленных предприятиях ощущался острый дефицит в кадрах высокой квалификации, в том числе и организаторах. Именно таковыми были сами Акчурины. Впрочем, аналогичную оценку заслуживают и другие фабриканты сукна региона: Дебердеевы, Степановы, Шатровы, Бахтеевы.

Рабочие и служащие тех лет суконных предприятий рассказывали нам, что абсолютное большинство владельцев фабриками прекрасно знало производство. Например, братья Акчурины на слух могли определить причины неудовлетворительного функционирования станков и другого оборудования. В этих условиях стали раздаваться требования: отыскать бывших владельцев и вернуть на предприятия. Вчерашние владельцы должны были наладить производство и обеспечить высокое качество продукции. Такие призывы были и по отношению Акчуриных.

Вчерашние владельцы предприятиями спешно покинули места своего проживания и активной коммерческой деятельности. Они бежали в те регио-

ны и места России, где их практически не знали. Схему их передвижения по стране можно представить следующим образом. Так, казанские предприниматели оказались в Уфе, на Урале, Сибири, а также в Средней Азии и Казахстане. В свою очередь, довольно интенсивно шло движение и в обратном направлении. Деловые люди из татар Сибири, Урала, Средней Азии переместились в центральные регионы, а также в Поволжье и Приуралье. Некоторые купцы и фабриканты, занимающиеся торгово-промышленной деятельностью в огромных просторах страны, оказались в Казани или в губернии.

При всей общности отношении новых властей к предпринимателям положение вчерашних купцов и промышленников и членов их семей было различным, неодинаковым.

В дни неожиданных и резких, перемен Акчурины оказались в Петрограде, Москве, на Урале, в Украине, в Поволжье, Сибири, Средней Азии. Здесь им пришлось пройти через самые суровые и труднейшие испытания.

Обжитые, удобные, привлекательные родные места, где находились их большие дома, с просторными, светлыми комнатами остались вдалеке. Они были оставлены фабрикантами на короткое время, временно. Но позднее выяснится, что дорогие и близкие во всех отношениях деревни и города были покинуты навсегда.

Непростой советский период жизни Акчуриных можно проследить на примере отдельных представителей симбирских фабрикантов.

Юсуп (Юсуф) был средним сыном Сулеймана Акчурина от второго брака. Он родился в 1852 г. Юсуп имел собственную суконную фабрику, которая не входила в состав акционерного общества «Товарищество Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных». Предприятие было основано купцом Ильясом Акчуриным в 1859 г. Оно перешло в руки Юсупа после смерти дяди, который скончался в 1865 г.

В тревожные, грозные дни 1917–1918 гг. в гостях у фабриканта Ю.С. Акчурина гостил студент одного из вузов страны Гайнетдин Дебердиев. Представитель одного из известных родов татарских купцов и фабрикантов был родственником жены Юсуп-бая. Скорее всего, студент хотел найти спокойствие и покой вдали от столиц и родных мест. В Старотимошкино (Старое Тимошкино) его практически никто не знал. В эти суровые дни и месяцы (днем и ночью) дом Юсупа Сулеймановича посещали отряды красновардецев. Они искали золото и другие драгоценности. В одно из таких посещений «гостей» к ним на балкон вышел Гайнетдин и был убит выстрелом. Студент нашел последний приют на местном зирате, рядом с могилами представителей Акчуриных. Несмотря на сложнейшее время, событие всколыхнуло жите-

лей не только фабричной деревни, но и окрестных населенных пунктов. Местное население откликнулось на это кровавое событие баитом.

Юсуп бай был не только деловым, но и старательным человеком. Все его помыслы и действия были направлены на содержание и функционирование своей суконной фабрики. Последняя не входила в состав двух товариществ Акчуриных. Выдержать конкуренцию на этом поле коммерции было сложно. Отдельные недалекие люди деревни Старое Тимошкино заметив фабриканта рано утром у фабрики с издевкой спрашивали: «Зачем и для кого ты стараешься?» (Юсуп был бездетным). Ответ фабриканта был совершенно неожиданным: «Для вас стараюсь. Ведь без работы на фабрике вы пропадете!» [1].

Последние годы жизни Юсупа Акчурина на родине полны драматизма. После октября 1917 г. он лишился дома с надворными постройками, прекрасным садом и т.д. Так, Юсуп, имевший определенное состояние и богатство, в одночасье потерял все.

Архивы сохранили документ о том, что 18 декабря 1919 г. правление суконных фабрик Симбирской губернии решило передать дом Ю.С. Акчурина в распоряжение культурно-просветительной секции местной фабрики [2, л. 117 об.]. Юсупа Акчурина приютили у себя дальние родственники.

Со своими трудными проблемами Юсуп обращался и к новым властям. О своем чрезвычайно тяжелом материальном положении он писал в заявлении от 31 июля 1919 г. Он просил о помощи, просил ходатайствовать в соответствующие органы. 19 августа 1919 г. заседало правление суконных фабрик Симбирского группового объединения с привлечением профсоюза текстильщиков и представителей отделов. На этом заседании и было рассмотрено заявление бывшего фабриканта. Гражданину Акчурину было рекомендовано обратиться с просьбой в отдел социального обеспечения, а копию прошения было решено немедленно переслать в особый отдел Восточного фронта [3].

Позднее Юсуп Акчурин исчез из д. Старое Тимошкино, родственники и старожилы видели его несколько раз в деревне ночами. Он был плохо одет, выглядел неважно. Давал о себе знать и возраст. В это тяжелое время он похоронил жену Айшу. По непроверенным данным, он уехал в Уфу.

В р.п. Старотимошкино Барышского района Ульяновской области сохранился и дом Юсупа Сулеймановича Акчурина. Это двухэтажное деревянное здание с большим прямоугольным балконом. Он расположен в восточной части рабочего поселка. В свое время дом окружали прекрасный фруктовый сад и парк. На территории парка был искусственный водоем. После революции 1917 г. в особняке разместился детский дом. В советское время, когда суконная фабрика имени III Интернационала активно работала, дом исполь-

звался как гостиница для командировочных и других гостей предприятия и рабочего поселка.

В настоящее время здесь проживают тринадцать семей рабочих и служащих бывшей фабрики Акчуриных. От когда-то замечательного парка и сада сохранились вековые тополя и небольшой водоем.

Дом входит в число несомненных историко-культурных памятников Ульяновской области, связанных с историей жизни и деятельности известных татарских купцов, фабрикантов и меценатов Акчуриных и татарского народа.

Историческая память местного населения не совсем коротка старотимошкинцы называют дом именем владельца Юсуп-бая.

К началу 1917 г. в д. Старое Тимошкино проживала и семья Якуба Сулеймановича Акчурина. Якуб был последним сыном Сулеймана от второй жены Махмуб-Земал. Он появился на свет в 1854 г., когда отцу оставалось жить всего десять лет. К руководству фабрикой Якуб пришел во второй половине 70-х гг. XIX в. [4, с. 37].

После кончины последнего в начале XX в. его дело продолжали супруга и сын Али (Гали). Рождение сына стало настоящей драмой, как для молодой семьи, так и всего рода Акчуриных. Не только родители, но и близкие родственники старались помочь в воспитании глухонемого Али. После смерти отца он принимает некоторое участие в руководстве фабрикой.

В бурные дни после февраля 1917 г. руководители товарищества готовились к очередному собранию пайщиков. На основании 51-го параграфа устава товарищества его правление решило созвать общее собрание пайщиков. Оно было назначено на 30 марта 1917 г. на 10 часов утра в правлении товарищества при д. Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. На повестку дня были вынесены следующие вопросы: выборы одного из директоров правления, взамен выбывшего по очереди, и членов ревизионной комиссии; рассмотрение и утверждение сметы расходов по производству на 1917–1918 гг.; рассмотрение других вопросов, касающихся текущих дел.

15 ноября 1918 г. Старотимошкинская фабрика товарищества была национализирована, вскоре и дом Али (Гали) перешел в руки местных властей. Али и его семья остались без каких-либо средств к существованию. В отличие от других родственников, Али остался на исторической родине и своим трудом содержал семью. В частности, ему очень пригодилось знание сапожного дела. Он шил и ремонтировал туфли и сапоги своим вчерашним рабочим. Последние по-разному относились к своему бывшему хозяину: одни беззащитно издевались, другие – сочувствовали, третьи, были равнодушны. Нам доводилось встречаться с клиентами Али. Они рассказали о большом мастерстве Али в сапожном и слесарном делах.

Нам известно, что А.Я. Акчурин навещал своих родственников, живущих в других регионах страны. Поездки, видимо, были связаны и с поисками нового местожительства. В конце 20-х гг. XX в. он с семьей уехал из д. Старое Тимошкино. Люди, знавшие его, видели Али в Казани, Москве, Уфе. И в новых местах проживания ему пригодились навыки сапожного и слесарного дела. Быстро обретали своих хозяев и отреставрированные им старые самовары. В новых условиях он потерял свою фабрику, драгоценности, деньги. В те катастрофические дни отпрыска фабрикантов выручили знания сапожного и слесарного дела. Богатство ушло, а знания и мастерство остались.

В р.п. Старотимошкино и в настоящее время сохранился дом Якуба Сулеймановича Акчурина. По свидетельству старожилов, он был построен Сулейманом Абдулловичем в середине XIX в. и считается ровесником фабрики. Данная постройка является своеобразным родовым имением знаменитых купцов и фабрикантов. Двухэтажный дом расположился на северной окраине тогдашней деревни. Деревянное здание стоит на кирпичном фундаменте. В его комнатах высокие потолки, украшенные лепными узорами. До наших дней сохранились камин и фарфоровые печи. Все двери и оконные рамы изготовлены из дуба. Перила лестниц были украшены узорами. При Акчуриных во дворе было множество хозяйственных построек: подвалы сухой и для ледника, конюшни, баня и дом для обслуживающего персонала. Дом окружает лесопарк. После смерти Сулеймана хозяином дома стал его младший сын Якуб. Последним владельцем прекрасного особняка стал Али – сын Якуба. В народе здание по-прежнему называется «домом Якуба-бая».

С первых лет Советской власти в этом историческом здании размещались медицинские учреждения. Здесь долгие годы успешно функционировала участковая больница. В последние годы в связи с оптимизацией медицинских учреждений здание опустело. К сожалению, как показывает практика, это серьезный шаг к исчезновению замечательного памятника истории и культуры народов Российской Федерации.

По-своему сложилась судьба детей Т.К. Акчурина из Гурьевки Карсунского уезда Симбирской губернии. Речь идет о братьях Абдулле и Якубе, сыновьях Тимербулата Курамшевича Акчурина. Они были самыми влиятельными членами двух товариществ, созданных в свое время их отцом.

Весной и летом 1918 г. шел процесс поиска компромисса между фабрикантами и профессиональными союзами суконной промышленности Поволжья. Активное участие в нем принимали и Акчурины. 17 июня 1918 г. состоялось совместное заседание союза фабрикантов и правления союза текстильщиков Поволжского региона. От владельцев предприятий в нем участвовали: Я.Т. Акчурин, А.В. Поляшев, Г.Д. Сиднев, И.С. Павлыгин, С.Г. Мельников, профсоюзы

были представлены А.И. Кузьминым, Ф.М. Паниным, М.П. Ананьевым, Сметанкиным и Р. Шишковым. Заседание, проходившее под председательством А. Кузьмина, обсудило протокол представителей администраций фабрик товарищества Акчуриных, Н.Я. Шатрова и А.Д. Протопопова от 31 мая 1918 г. по вопросу о введении новых расценок на фабриках с 1 мая текущего года. Заседание приняло развернутое (из 13 пунктов) решение о прибавке расценок на фабриках. Данный документ подписал и Якуб Акчурин [5, с. 8].

Все происходящее Якуб и Абдулла Тимербулатовичи Акчурины воспринимали как временное явление. Якуб и Абдулла и их семьи уехали из Гурьевки в 1918 г. с твердым намерением вернуться. Об этом в частности, свидетельствуют воспоминания уроженцев и старожилов поселка.

По источникам нам известен примерный маршрут братьев из Гурьевки. Они доехали до города Петропавловска (ныне Республика Казахстан). Есть и второе, тюрко-татарское название города-Кызыльяр («Красный берег»). До 1917 г. в городе было значительное влияние татарского предпринимательства. Здесь функционировали предприятия таких деловых людей из татар как Акчурины, Тюменевы... В годы бурь революций, войн здесь побывали известные представители тюрко-татар и мусульман России: Гаяз Исхакий, Галимджан Баруди. В этом городе какое-то время жили и трудились представители рода Ахтямовых, юристов и депутатов Государственной думы России. Здесь издавались татарские газеты.

Именно в этом городе навсегда разошлись и пути, дороги Абдуллы и Якуба Акчуриных. После непродолжительного пребывания здесь Якуб с семьей уехал в Китай. Семья Абдуллы осталась на некоторое время в этом городе...

Таковы некоторые страницы жизни и деятельности купцов, фабрикантов и меценатов Акчуриных после революционных событий 1917–1918 гг.

Список источников и литературы

1. Беседа автора с ветераном Великой Отечественной войны и труда А.А. Урмеевым от 17 июля 1989 года.

2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 249-Р. Оп. 1. Д. 50.

3. Таиров Н., Таиров И. Йосыф Акчурин йорты (Дом Юсуфа Акчурина) // Безнен мирас («Наше наследие»). – 2016. – № 8. – С. 17–19.

4. Таиров Н.И. Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Казань: КГУКИ, 2011. – 279 с.

5. Таиров Н.И. Акчурины. – Казань: Таткнигоиздат, 2002. – 158 с.

М.Р. Гайнанова

Семья Садри Максуди в годы революции

В годы революции ломались тысячи судеб, менялись порядки и нравы, сменилась власть, царил хаос. Большинство представителей татарской интеллигенции оказались в растерянном состоянии. Они понимали, что пришедшая на смену старой власти новая представляла собой нечто несложившееся, хаотичное. Представители татарской интеллигенции очень остро переживали период революции и гражданской войны. Это ярко отразилось в их деятельности.

Садри Максуди (1878–1957) был непосредственным свидетелем событий начала XX в. Он являлся одним из ярких представителей передовой татарской общественно-политической мысли начала XX в., после окончания Сорбонского университета (1902–1906) был дважды избран в Государственную думу Российской империи II и III созывов, стал главой Национальной автономии татар России, а позднее – советником первого президента Турции Мустафы Кемаля Ататюрка, был депутатом турецкого парламента. С.Максуди внес большой вклад в становление правовых институтов Турции, в реформирование и обновление современного турецкого языка, являлся профессором Анкарского (1925–1943 гг.) и Стамбульского (1943–1955 гг.) университетов.

Как и многие выдающиеся деятели XX в., Садри Максуди прошел нелегкий путь и на протяжении всей жизни его поддержкой, верным спутником жизни всегда была супруга – Камиля Максуди (1893–1973).

Революция нарушила обычное течение жизни семьи Максудовых, где все было строго организовано и определено на много лет вперед. О его семье, о супруге и детях тепло отзывались современники. В своих воспоминаниях обязательно упоминали гостеприимность Камили ханум и теплые отношения в их семье.

Знакомство Садри Максуди и Камили Рамеевой, дочери золотопромышленника Шакира Рамеева, состоялось благодаря известному богослову Мусе Бигиеву. Позднее их дочь Адиле Айда в своей книге подробно опишет это знакомство. *«Знакомство состоится весной 1910 г. в летнем доме Шакира Рами, недалеко от шахты рудника в Верхнеуральском уезде. Первая встреча молодых людей состоится за чаем. За столом всего четыре человека: отец Шакир Рами, его супруга Гаухар ханым, их дочь Камиля и гость – Садри Максуди...»*

Камиля сидит перед серебряным самоваром, аккуратно наполняет чаем опустевшие чашки и передает их.

Она с непокрытой головой. На ней белая блузка с длинным рукавом и черная длинная юбка. Талия тоненькая-тоненькая.

Эта выпускница гимназии не так уж и застенчива. Хотя она и не вмешивается в разговор из уважения к отцу, но с улыбкой поглядывает на молодого человека, члена Думы, имя и фотографии которого она все время видит на страницах газет.

Решение Шакира Рами и его дочери сообщается Мусе хазрету (прим. Мусе Бигиеву). Оно положительное. Торжественная свадьба состоится в ноябре в оренбургском доме Шакира Рами. Молодые проведут двухнедельный медовый месяц в Оренбурге, а потом Садри Максуди увезет жену в Петербург». Именно так подробно расписывает первое знакомство родителей в своих воспоминаниях Адиле Айда. Она отмечает, что много раз слышала эту сцену первой встречи от матери и отца [1, 78–79 с.].

В 1912 г. в Петербурге у молодой семьи рождается первая дочь Гадила (Адиле), роды принимает частный врач, работающий в доме Российского императора [2, 5 р.]. Адиле Айда (1912–1992) – историк, профессор, политик, представитель Турции в ООН, сенатор Великого национального собрания Турции (1976–1980). Вторая дочь Наиле (1915–1991) родилась 11 ноября в Казани, в Турции она работает преподавателем французского языка, пишет произведения.

В 1913 г. Максуди с семьей возвращается в Казань и начинает заниматься адвокатской практикой. После Февральской революции, С. Максуди становится одним из организаторов и участников I и II Всероссийских мусульманских съездов. На I съезде он выступает с речью в защиту образования национально-культурной автономии мусульман России. На базе либерализма он принимает унитарную форму государства, в котором видит развитие и сохранение языка, религии, культуры в рамках национально-культурной автономии мусульман.

Впоследствии Февральской революции 1917 г. радикально изменилась общественно-политическая ситуация в России, что привело к усилению национальных движений тех народов, которые имели интеллектуальный потенциал и прошли определенный путь политической организации.

В конце 1917 г. С. Максуди становится председателем Национального Собрания, в 1918 г. провозглашается штат «Идел-Урал», председателем которого избирается С. Максуди. На заседании штата принимается конституция, в своей речи Максуди объявляет о вере в светлое будущее тюрко-татарской нации. Однако правительство большевиков не принимает этот орган и запрещает его деятельность. В результате многие татарские деятели были арестованы или были вынуждены эмигрировать.

Садри Максуди не оставалось ничего другого, кроме как покинуть страну. Полностью поменяв стиль одежды, отрастив усы и бороду, изменившись до неузнаваемости, в первое время Максуди был вынужден прятаться в дерев-

нях. Позднее, политик приезжает в Петроград и, благодаря помощи Мусы Бигиева, уезжает в Финляндию.

Покидая Россию, Садри Максуди думал, что, поработав на Мирной конференции, он через месяц другой вернется обратно. В Уфе у него оставалась семья, и были надежды на изменение ситуации в стране.

По воспоминаниям дочери Адилы Айды, будучи в Финляндии, ее отец пишет письма в Уфу, Казань, Оренбург и через контрабандистов отправляет их на Родину, так как почтовые связи со страной были нарушены.

И только 16 января 1920 г. Садри Максуди получает письмо от Гаяза Исхаки, в котором сообщается о его семье. Г. Исхаки пишет, что Максуди считали погибшим или же арестованным. Камиля ханум с дочерьми до 1919 г. жила в Уфе и позднее по совету матери они переезжают в Оренбург, несмотря на то, что многие их родственники и знакомые покидают родной город. Гаяз Исхаки подробно описывает в письме встречу с семьей Максуди, где родственники Садри и Камиля ханум обиделись на Гаяза Исхаки, за то, что он вернулся из Петрограда один, без друга. *«Уфада синең гаиләңне күрдем. һәм мәсәен сөйләдем. Ләкин, ник инде алып кайтмадың шунда, дип үпкәләделәр. Төрле дәлилләр берлән, алып кайтмадым түгел, шулай мәслихәт булды, болай мәслихәт булды, дип сөйләдем. һич аңлата алмадым. Менә сез кайткан, ул юк, диделәр дә тордылар»* [3, 29 б.].

Получив письмо от друга с известием о том, что с семьей все в порядке, Садри Максуди немного успокаивается. В 1921 г. он отправляет еще два письма, одно супруге с текстом «любыми способами доберись с детьми до Петрограда! Там найди Мусу Джаруллу хазрете. Он обеспечит тебе переход в Финляндию» [1, 135 с.]. Второе письмо адресуется Али Фуату Джебесой¹, в котором он рассказывает о себе, при каких обстоятельствах расстался с семьей и просит помощи воссоединиться с ними. Оба письма Садри передает своему другу Ахмету Рызе, который обещает ему помочь. В 1922 г. Максуди получает конверт от имама мечети в Хельсинки Вали Ахмеда Хакима с письмами от самого имама и Камили ханум. Камиля ханум писала из Петрограда и сообщала, что с миллионом трудностей добралась до города с двумя детьми и теперь они ждут удобного случая, чтобы перейти русско-финскую границу [1, 135 с.]. Таким образом, С. Максуди через своих турецких и татарских друзей связывается со своей женой и с помощью своих знакомых добивается того, что семью Максуди вывозят из России.

Весной 1922 г. в Финляндию приезжает семья Максуди – жена с двумя дочерьми. Чтобы их встретить, Садри Максуди и сам выезжает в Хельсинки

¹ Али Фуад Джебесой (1882–1968) – военный, политический деятель, 1920–1922 гг. посол Турции в Москве.

из Парижа. После воссоединения, семья Максуди чуть более двух месяцев живет в деревне Хювинкя (ныне город), находящейся в 50 км от столицы Хельсинки. Затем они переезжают в Берлин, где живут на окраине города в районе Панков. По причине высокой инфляции после Первой мировой войны, жизнь в Германии была сравнительно дешевой для людей, приехавших из-за рубежа, у которых сохранились средства. В Берлине С. Максуди работает в библиотеках, изучает архивные материалы, касающиеся истории древних тюрков. В это же время в Германию приезжали и другие татарские деятели, они часто навещали Максудовых. Главной обязанностью Камили ханум в эту пору было принимать гостей. «По выходным дням дом просто подвергался атакам. Во время обеда за блюдо с туркестанским пловом, приготовленным Камилей ханум, садилось до пятнадцати человек» [1, 139 с.].

Г. Баттал-Таймас в своих воспоминаниях тоже упоминает о встречах в доме Максуди. *«В 1923 году, в конце июля, я из Финляндии прибыл в Берлин, в это время С. Максуди со своей семьей жил в предместье Берлина. Во время моего пребывания в Берлине по приглашению Садри Максуди я поехал к нему в Панков. На этом званом обеде были Гаяз Исхаки и Фуад Туктаров. Гостеприимная жена Максуди, уважаемая Камиля ханум, приготовила для приезжих гостей в большом количестве прекрасный «туркестанский плов». Для нас, питавшихся в то время в берлинских дешевых столовых, эта пища домашнего приготовления была очень вкусна. И вот мы, как голодные волки, все набросились на этот плов, который возвышался на обеденном столе как холм, и в мновенье ока все было съедено»* [4, 110–111 с.].

В Германии семья Максуди долго не задерживается. Денег, полученных от публикаций статей в газете, не хватало для обеспечения семьи. После окончания учебы детей, в августе 1923 г. семья переезжает во Францию, где они начинают жить в пригороде Парижа, точнее в Ножан-сюр-Марне. Садри Максуди в ноябре назначается на должность преподавателя по истории тюркских народов в Институт славяноведения (Institut d'Études Slaves) при Сорбонском университете и 4 декабря он приступает к своей работе.

Несмотря на налаженную жизнь во Франции, в своем письме Гаязу Исхаки у Садри Максуди чувствуется пессимистичный настрой. Г. Исхаки пытается поддержать друга, предлагает ему через Камиллю ханум попросить денег у ее родных и написать статьи на французском языке для турецкой, политико-экономической газеты, выходящей в Стамбуле, где обещают платить. *«Садри! Синең кәефсез мәктүбеңне алдым. Син тәэвил иткәнчә булмаса да, сиңа шулай хис калдырган икән, әхвале рухияң шундый булгандыр шул. Кәефсез вакытда бит һәр килгән мәктүб шулай күңелсез хис калдыра. Фәкать акчалы мәктүб булса гына, кешене азрак күтәрәп куя. Әйдә, бик үк төшәргә ярамый әле. Ни булса да булыр, Аллах ярдәм итәр. Мин дә*

соң көнлөрдә бик авыр хәлләр кичердем. Чәчемнең бик күбән агартдым... Инде сезнең икътисади хәләңезгә килгәндә, минем сиңа бер киңәшем бар. Ул да мондан гыйбарәт: беренче – Русиядән акча алдырту... Сезнең агай-эне дә бик үк шәп түгелдер. Ләкин бит Камилә ханымның анасы бар, сеңлесе бар. Алар – хатыңлар, йөрәкле, бәгырьләрәк халык. Шуңарга дикъкәть ит әле. Бу булмый торган эш түгел. Ләкин туп-тузры итдөрмә үзеңә. Камилә ханым исеменә алдырт. Ягъни Финляндияләрне бутама. Икенче бер мәсьәлә. Миңа бер төрек язучысы Русиядә әсир булып торып, минем гәзитә-китапларны укып, мине сөйгәнә хақыны берлә, Истанбулда шул арада чыгачак французча төрек гәзитәсенә французча мәкаләләр сорый. Мин аңарга: «Мин яза алмыйм, бәлки, Садри бәй язар», – дип яздым. Акча түләячәкләр, ди. Ул, бәлки, иш янына куш булыр иде. Нәм дә Истанбулда укылдыгына сәбәп булып, башка ишәкләргә дә юл ачар иде...» [3, 35 б.].

Таким образом, Г.Исхаки всячески пытается поддержать друга советами, несмотря на свою нелегкую жизнь.

В 1924 г. на конгрессе общества «Türk Ocağı» («Тюркский очаг»), проходившем в апреле в Анкаре, С. Максуди знакомится с первым президентом Турции Мустафой Кемалем, который приглашает его работать на благо новой республики. У С. Максуди складываются хорошие отношения с Хамдуллой Супхи (1885–1966), министром просвещения Турции. Х. Супхи ходатайствует перед Советом министров Турции о вручении С. Максуди и его семье турецкого гражданства заочно. Оставив свою преподавательскую деятельность в Сорбонском университете, татарский деятель С. Максуди в конце июня 1925 г. переезжает из Франции в Стамбул. В Турции он живет и работает до конца своей жизни.

Несмотря на то, что семья Максуди не сможет вернуться обратно на Родину, в Турции у них начинается спокойная, налаженная жизнь.

Список источников и литературы

1. Айда Адиле. Садри Максуди Арсал. Пер. с турецкого В.Б. Феоновой. М., 1996. – 359 с.
2. Pultar Gönül. Dedem Sadri Maksudi Arsal (1878–1957). İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası, 2017. – 40 s.
3. Исхаки Г. Сочинения в 15-ти томах. Том 14 (письма и автобиографические записи 1902–1954 гг.). Казань, 2013. – 479 с.
4. Баттал-Таймас Г.Г. Два брата Максуди. Казань: Изд-во «Фэн», 1999. – 144 с.

А.П. Филиппова

Царицын – Париж. История семьи

Согласитесь: старинные здания, удивительным образом все же уцелевшие в нашем городе, обладают удивительной притягательной силой.

Чутьочку воображения – и вот уже видится у парадного крыльца пролетка с извозчиком-лихачом или пофыркивающий автомобиль начала XX в. Кажется, вот-вот распахнутся двери особняка, и на крыльцо выйдут люди, одетые так не похоже на нас. Сколько их осталось в минувшем столетии, какими были их судьбы, как разбросал бурный XX в. наших предшественников, жителей Царицына и их потомков?

Эту историю можно начать так: жила-была девушка, молодая, красивая и очень бедная... Или так: стоял в г. Царицыне большой металлургический завод. Завод в народе называли «французским». В руководстве – много выходцев из Франции. Один из них еще и не стар, но уже и не молод, холост...

А можно начать и совсем иначе.

1965 год. Члены одной семьи, разбросанной 20-ми годами XX в. встретились в Волгограде, встретились впервые, и, проходя мимо хорошо знакомого всем волгоградцам старинного здания музея на улице Гоголя, самая старшая из них задумчиво произнесла: «А я бывала здесь на званых вечерах, была знакома с Репниковой. Вместе бегали слушать проповеди Илиадора, ходили на поклонение к Распутину». Звали эту уже немолодую женщину Матрена Петровна.

Коренная донская казачка из Усть-Медведицкого округа. С юности отличалась она красотой, сильным характером и гордым нравом. Две ее старшие сестры, которые были намного старше Матрены, уехали на заработки в Царицын и уже работали в столовой металлургического (французского) завода. Там же нашлось место и для младшей. На бойкую, красивую, яркую девушку обращали внимание многие. Пригласилась она и одному из директоров, руководителей производства, Жану Протуа, французу, немолодому и одинокому холостяку, единственной спутницей которого всегда была его большая собака, которая и обедала всегда возле него, ее миску во время обеда хозяина всегда ставили на полу рядом с ним.

Матрена под натиском рассудительных ставших сестер не устояла. Потом вспоминая об этом, говорила с грустью: «Сестры отдали меня за большой мешок денег». Так она стала Матреной Петровной Протуа. С точки зрения чисто житейской это был хороший, удачный брак. Мужу уже 45, но ведь так, состоявшись, в России женились многие. Относился он к супруге с большой заботой, нежностью. Пытался учить ее грамоте, музыке. Для нее были куплены фортепиано и наняты учителя. А в ее родных местах, там, где росли дубы и ольха, где были дачи высшего офицерского состава и столичные, Петербургские дачи, муж выстроил дом, в котором отдыхала летом его молодая семья и где жила мать Матрены Петровны. Ласково и в шутку Жан именовал супругу «баушкой», может быть, стараясь так чуть-чуть сгладить разницу в возрасте.

В 1910 г. родился сын Жан (**Рис.1**), которому отец дал хорошее образование. В том числе и музыкальное. Так прошло несколько лет.

Но грянули события 1917–1920 гг., изменившие Россию. Иностранцы представители и специалисты еще работали какое-то время в Царицыне. Однако в 1923 г. Жан Протуа решает вернуться на Родину, во Францию, где одиноко живет его старенькая мать, ей уже 95. Но главным было не только это: в его семье начиналась скрытая пока от всех драма: Матрена Петровна решает остаться в родной станице. Жан предпринимает последнюю попытку сохранить семью и жену. Уезжая на Родину, он забирает с собой сына – последнюю надежду на воссоединение семьи. Однако вслед за сыном она не поедет и с ним уже никогда не увидится. Их будут соединять только письма, которые он будет писать, тоскуя по ней, а она будет их бережно хранить. В жизнь Матрены Петровны придет большая любовь. На этот раз разница в возрасте тоже очень велика, но теперь намного моложе он, ее избранник, ее земляк. В 1927 г. у Матрены Петровны в новом браке родится еще один сын. Она назовет его непривычным для окружающих и совсем не казачьим именем Альберт. Разница братьев в возрасте составит 17 лет. Второй муж, Иван Тимофеевич, происходил из состоятельных казаков, учился в гимназии, потом в Новочеркасском сельскохозяйственном училище. Матрена, сама по-прежнему оставаясь неграмотной, приложила все усилия к тому, чтобы помочь мужу продолжить образование. Закончив Тимирязевскую академию, он работал агрономом в МТС.

По воспоминаниям близких, Матрена Петровна знала очень много, сама при этом не умея читать и писать. Обладая великолепной памятью, она многое запоминала просто наизусть. Жили непросто, но второго мужа любила Матрена Петровна крепко, подняла сына, помогала воспитывать внуков. Все выросли, стали достойными людьми.

А в далекой Франции тоже продолжалась ею данная жизнь. Жан Протуа, вернувшись на Родину, вскоре похоронил мать, через три года не стало и его. 16-летний сын Матрены Петровны остался один. Русская семья помещиков Оглоблевых, выходцев из Киева, эмигрантов первой волны, взяла мальчика под свою опеку, определив его в военно-морское училище. В семье Оглоблевых подрастала дочь Серафима, она была на 5 лет моложе Жана. На ней он и женился, став военным, морским летчиком, и вдали от России появилась еще одна русская семья. Жан служил в Тунисе, Алжире, Марокко. В 1935 г. в их семье родился сын Георгий (Жорж), а в 1940 г. – дочь Татьяна. Во время Второй Мировой войны Жан сражался в рядах Французского сопротивления, получил 16 ранений. После окончания войны служил в авиакомпании, летал из Парижа в Бонн. Он очень любил мать, писал ей замечательные письма. Но в те годы им встретиться было не суждено. Жизнь Жана оборвалась довольно рано. Он разбился в 1959 г., когда ему было всего 49 лет.

А здесь, в России мать на 10 лет пережила своего первенца.

Увидеться с русской бабушкой удалось только внуку, Георгию.

В 1965 г. внук Матрены Петровны в составе группы туристов из Франции смог впервые приехать в Волгоград и встретился с бабушкой. В городе своей молодости она решила показать внуку поселок «Малая Франция», в котором жили когда-то представители руководства металлургического завода в Царицыне и где родился и провел детство его отец Жан. Именно там и произошла ее просто удивительная встреча с прошлым. Матрена Петровна остановилась возле забора дома, всматриваясь в человека, который работал во дворе. Тот поднял голову, выпрямился, сделал несколько шагов ей навстречу и почти уверенно воскликнул: «Мадам Протуа?». Так ее узнали почти полвека спустя. Этот человек оказался одним из рабочих поселка «Малая Франция». Теперь он жил в ее доме. Для Георгия памятная встреча с бабушкой и родной отца не прошла бесследно. Когда в 1972 г. у Георгия и его жены Франсуаз родился сын, его называли Иваном.

Георгий (Жорж) долгое время работал врачом в шахтерском городке Ля Машин, недалеко от Парижа, потом поселился в Болонье. Иван унаследовал профессию отца и тоже стал врачом. Дочь Жана и внучка Матрены Петровны Татьяна вышла замуж за сына русских эмигрантов, Ростислава. В соборе Александра Невского в Париже их венчал Н.А. Оболенский. Русский князь, эмигрант, муж Веры Оболенской, той самой русской княгини, которая в дни фашистской оккупации Франции не захотела предать свою Родину, Россию, стала вместе с мужем одним из лидеров Французского сопротивления и была казнена гитлеровцами в 1944 г. Князь Н.А. Оболенский был заключен гитлеровцами в концлагерь Бухенвальд, откуда освобожден в 1945 г. частями аме-

риканской армии. В 1960-е гг. он стал православным священником, протоиреем собора Александра Невского в Париже. Окончив университет, Татьяна стала специалистом по космическим приборам, пыталась устроиться на работу в России, но получила отказ. Ее сын Владимир тоже получил техническое образование, стал инженером. Дети Жоржа и Татьяны живут на побережье. Старый 2-х этажный дом Протуа в Сан-Рафаэль (под Марселем) стоит там до сих пор.

Русские имена, любовь к России. Все это смогла сохранить начавшаяся в Царицыне и оказавшаяся далеко от него семья. А еще в ней любят и знают русский язык. Пример – новогоднее и рождественское послание пришло к родным в Россию из Франции. Оно написано Георгием (Жоржем) Протуа с большой теплотой и хорошим знанием русского языка. А еще в нем сообщается о рождении нового члена семьи, теперь уже праправнука Матрены Петровны по имени Виктор. Так история нашего земляка, 13-летним мальчиком покинувшего Царицын, во Франции вновь продолжилась. Пусть она будет счастливой.

P.S. Об этой необычной семейной истории рассказала жительница станции Кременской Клетского района Волгоградской области Лидия Степановна Князева, сноха Матрены Петровны, жена её сына Альберта.

Л.Р. Габдрафикова

**«Женский вопрос» и революция в татарском обществе:
опыт историко-биографического анализа**

В современном обществе одной из ключевых проблем идентичности являются вопросы социального пола. Наряду с развитием феминизма и других движений, в России наблюдается тяготение к ценностям традиционных культур: как в мусульманской, так и православной среде. В связи с этим особую актуальность приобретает исторический опыт преодоления / не преодоления социальных проблем. «Женский вопрос» является одним из таких аспектов социальной истории России, т.к. он ведет за собой целый ряд других – брачных и семейных взаимоотношений, воспитания и образования, трудовой этики и т.д. По сути, именно женщина является центром социальной истории, поэтому изучение ее положения, как общественной, так и частной жизни, является одной из перспективных научных задач.

Историко-культурное наследие татарского народа с призмы женской истории, в том числе с учетом частного мира женщины, остается малоизученной проблемой. Хотя даже один из самых ярких образов татарской культуры – это царица Сююмбике. Символично, что первый татарский женский журнал начала XX в. назывался именно «Сююмбике» (издавался с 1913 г.). Сам факт того, что Казанским ханством управляла женщина, заставляет говорить об истоках татарского менталитета. Например, если взглянуть на примеры других мусульманских стран (Арабского халифата, Османской империи), то таких случаев было немного и почти всегда они вызывали негодование на разных социальных уровнях [1, с. 202–203]. Царица Сююмбике, как один из архетипов, заняла прочное место в сознании татарского народа и отношение к её исторической фигуре, вероятно, сыграло положительную роль в трансформации взглядов на положение женщины на рубеже XIX–XX вв.

Пожалуй, главным достижением этой эпохи стало признание решающей роли женщины в нациестроительстве. Нация нуждалась в образованных матерях, поэтому в татарском обществе были чрезвычайно популярны идеи женского обучения. При этом дочери татарских дворян и чиновников с конца XIX в. обучались в русских учебных заведениях. Однако многие из них имели значительные пробелы в религиозном воспитании. Представительницы духовенства и купечества, получившие преимущественно домашнее образование у жен

мулл, в этот период открывали собственные светские женские школы и различные курсы. В Казани работали школы Магруй Барудии, Магруй Музаффарии, Лябиби Хусаинии, Фатыхи Аитовой. Именно на такие национальные учебные заведения возлагались надежды по воспитанию «матерей нации».

Вопросы женского просвещения и общественной деятельности данного периода не раз становились предметом научных работ. В качестве отдельных изданий фигурируют научно-популярные труды о роли женщин Татарстана в революции, о женском просвещении, об участии женщин в мусульманских съездах и т.д. [2–6] Отдельно следует выделить труды Т.А. Биктимировой, С. Фаизова, А.Х. Махмутовой, вернувших целый ряд забытых имен татарского женского движения начала XX в.

Однако за рамками данных научных исследований остались частные миры женщины: внутренние мотивы женского движения, проблемы семьи и множество других аспектов женской повседневности (от материальных потребностей до инфраструктурных перемен), которые также являлись важной частью «женского вопроса» начала XX в. В какой-то мере эти проблемы были затронуты в наших исследованиях по татарской буржуазной культуре, по Первой мировой войне и революции 1917 года.

При изучении повседневной жизни городских татар пореформенной эпохи, безусловно, невозможно обойти вопросы женской эмансипации [7, с. 290–310; 8, с. 277–322]. Он был важной составляющей татарского мира рубежа XIX–XX вв., который переживал болезненный процесс европеизации. Новые межличностные отношения, самоидентификация и тщательно создаваемый имидж, обусловленный этим спектр потребностей – представляли с собой уникальную социальную конструкцию своей эпохи – буржуазный стиль жизни [9].

Пробуждение женского самосознания – результат как модернизационных преобразований на общероссийском уровне, так и идей джадидизма. На смену традиционному замкнутому миру пришли взаимоотношения другого порядка. Это касалось сферы образования и медицины, труда и отдыха. Женское затворничество становилось атавизмом. Перемены коснулись и материального мира, и духовной культуры. Одним из каналов распространения идей прогресса и западной культуры стала светская литература, в том числе татарские газеты и журналы, появившиеся главным образом после 1905 г.

Технический бум и буржуазное развитие стали испытанием для традиционного сознания, отсюда возникали двойные стандарты поведения и социальные проблемы. Очень остро стоял вопрос соблюдения / не соблюдения норм ислама. Эти дискуссии не могли не отразиться на внутрисемейных взаимоотношениях, вопросах воспитания и положении женщины в семье и обществе.

Женская эмансипация была двусторонним процессом. Это было желание не только самих женщин, но и поощрение частью мужского сообщества «независимого» поведения женской половины общества. Однако это касалось больше вопросов образования, благотворительности, мало соотносилось с экономическими вопросами. Эта неразрешенность оставляла открытой и вопросы социального характера: в сфере брака и семьи. Поэтому зарождение феминизма, обусловленное влиянием извне, породило множество противоречий в повседневной жизни татарского народа.

Эмансипация меняла традиционные женские роли. «Узкая домашняя жизнь с заботами о хозяйстве, о воспитании детей, посвященная исключительно интересам замкнутой семьи – меня не удовлетворяла», – писала о себе супруга казанского купца Фатыха Аитова [10]. Итогом, неуемной энергии благотворительницы стало открытие в 1916 г. татарской гимназии для девочек в Казани. Примечательно, что по всей Российской империи это была первая татарская гимназия, аналогичного светского учебного заведения для мальчиков еще не существовало. Ей повезло, свою общественную работу она осуществляла «благодаря моральной и материальной поддержке мужа» – Сулеймана Аитова. Но это нетипичный пример гармоничного сочетания семейной жизни и активной общественной деятельности мусульманской женщины.

На протяжении нескольких десятилетий дореволюционной эпохи права женщин имели декларативный характер. Именно в этом контексте нами был проанализирован «женский вопрос» в буржуазном обществе. Поэтому не будем подробно останавливаться на этом сюжете, а ограничимся лишь обозначенными выше тезисами.

Надо сказать, что в целом, гендерные исследования в татароведении занимают скорее периферийное место. Например, в фундаментальном семитомном труде «История татар» отсутствуют такие сюжеты. Разъединение истории, выделение в фундаментальных исследованиях только генеральной «мужской» линии, не совсем верно. Как показал опыт изучения тыловой жизни татарского народа в годы Первой мировой войны, при разработке подобных сюжетов не обойтись и без женского взгляда на проблему. И это не только так называемая «фасадная история» женского образования и благотворительной деятельности, но и вполне земные эпизоды: например, такие как изменения в брачном поведении и семье, перемены на трудовом рынке и т.д.

Так в сельской местности до 1914 г. в семьях наблюдалось строгое разделение женских и мужских обязанностей. Мир женщины ограничивался, как правило, домом, все полевые и иные работы оставались прерогативой супруга. Но несколько отличались татарки, проживавшие в центральных губерниях России. Мужчины этих уездов занимались в основном отхожими промыслами, уезжали на заработки в столичные и другие города. Поэтому женщины само-

стоятельно справлялись с оставленным на их попечение хозяйством, отличались более независимым поведением.

В годы Первой мировой войны произошла вынужденная эмансипация многих татарских женщин. В деревнях они начали осваивать полевые работы, в городах – фабрично-заводские, торговые занятия. В этот период увеличилось количество татарских учительниц, в том числе за счет их экстренной подготовки на краткосрочных курсах. Помимо мужской работы в тылу, некоторые девушки в качестве сестер милосердия отправлялись на фронт. Эти сюжеты не раз уже были опубликованы, поэтому нет смысла здесь повторять их [11; 12, с. 267–288].

Данная работа о положении татарских женщин была продолжена и в рамках исследования о революции 1917 г. в Казанской губернии. Если в книге о Первой мировой войне были обозначены многие тенденции в семейной и трудовой жизни, то в этой работе акцент был сделан на представлении внутренних механизмов поведения женщин-активисток. Оставалось очень много непонятных моментов. С одной стороны к 1917 г. работающей татаркой мало кого можно было удивить, но сохранилось множество табу, которые еще не все смели перешагнуть. В апреле 1917 г. мусульманские женщины провели собственный съезд в Казани и говорили о равноправии, в том же году выбрали женщину-казыя Мухлису Буби, но, вместе с тем, женщин не пускали в мечеть или во время общих собраний пытались разделить зал занавесками на женскую и мужскую половину. И в таких условиях появляются совершенно отчаянные женщины, которые участвуют не только в женском съезде, но и становятся гласными городских дум, членами советов и т.д. Как это могло произойти? Что их побудило на это?

Для этого были проанализированы автобиографии и воспоминания татарских активисток периода революции и гражданской войны. Большинство этих документов хранятся в Центральном государственном архиве историко-политической документации РТ, часть воспоминаний опубликована еще в советские годы. География общественной деятельности татарских активисток охватывала Волго-Уральский регион: в основном, это Казанская, Уфимская, Оренбургская губернии. Обращалось особое внимание на происхождение данных женщин, семейные обстоятельства, эмоциональные оценки, частные детали.

Уникальной фигурой является Абруй Сайфи. Она родилась в 1889 г. (по другим данным в 1890 г.) в д. Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда Казанской губернии. Примечательно, что ее односельчанами были известные деятели начала XX в. Это сын местного муллы – Фуат Туктаров (журналист, общественно-политический деятель), Габдулла Кариев (основатель татарского театра). Этот факт сыграл значительную роль в биографии Абруй. Воспитывалась она только матерью. Семья испытывала материальные трудности.

Поэтому временно они переехали в Астрахань, где она с 8 лет, вместе с матерью, занималась изготовлением национальных головных уборов. Это было достаточно распространенное занятие для татарских женщин, но, к сожалению, оно было малоприбыльным. Перекупщики скупали эти изделия за очень небольшие деньги. Считается, что Абруй была самоучкой. Но, судя по всему, в период проживания в Астрахани она обучалась при какой-то мечети и получила начальное образование. Уже в подростковом возрасте, с 16 лет в своей родной деревне она занималась обучением грамоте девочек. После замужества, вместе с мужем, мугаллимом Муртазой Гильмановым она переезжает в другую деревню Чистопольского уезда (Адам-Су), где также работала в женской школе. В 1911 г. она отправляется в Астрахань. Здесь не совсем понятно, что послужило причиной переезда (это либо неудавшаяся семейная жизнь, либо переезд был совместным решением супругов). Как известно, постреволюционное время (после 1907 г.): это сложный период для татарской истории, время, когда жандармерия была занята поисками панисламистов. Поэтому по ложным доносам было сфабриковано множество дел. В это время было разогнано медресе Иж-Буби в Вятской губернии, отправлен в Вологодскую губернию казанский богослов Галимджан Баруди, такая же участь постигла и татарскую общину в Астрахани. В административную ссылку в Казань был отправлен мулла Габдрахман Гумари, закрыты мусульманские школы, в том числе женская школа «Намун тарракый», где работала Абруй Сайфи. Поэтому она уезжает из Астрахани в Казань, но, видимо, с такой репутацией ее уже не хотели брать в местные женские школы, и она отправляется в с. Азеево Рязанской губернии. Здесь она проработала до 1915 г. [13]. Любопытно, что уехала она оттуда в период громкого скандала, связанного с другой известной деятельницей женского движения – Захидой Бурнашевой. Она была ученицей Абруй Сайфи. Этот сюжет неоднократно упоминался нами [12, с. 280–281], отметим лишь, что Бурнашева (поэтесса Гиффат туташ) серьезно поссорилась со своими родителями из-за их запрета публиковать ее стихи. Впоследствии, Захида убежала из дома и уехала в Москву, где работала мугаллимой. Дерзкий поступок Бурнашевой мог быть спровоцирован и влиянием приезжей учительницы Абруй ханым.

После отъезда из Азеево, Абруй Сайфи кардинально поменяла род деятельности, из учительницы она переквалифицировалась в певицу. Выступала в труппе «Сайяр» своего односельчанина Г. Кариева. Интересно, что уроки музыки она брала в дворянской Уфе. В Казани, видимо, они могли вызвать сильное недовольство местных мусульман. Татарская общественность Казани отличалась большей консервативностью. Например, первая татарская актриса С. Гизатуллина-Волжская уехала, в конце концов, именно в Уфу и организовала там свою труппу «Нур».

Что касается Абруй, то в 1916 г. она становится супругой журналиста и педагога Фатиха Сайфи. Видимо, он всячески поддерживал ее общественную активность. В 1917 г. избрана гласной Уфимской городской думы, баллотировалась в гласные Казанской городской думы, была в числе организаторов мусульманского комитета солдаток в Уфе и Казани. В ноябре 1917 г. ее включили в состав Миллэт Меджлисе (Национальный парламент). Весь 1917 г. Абруй Сайфи либо гастролировала, либо переезжала из Уфы в Казань и обратно. Поэтому нельзя вести речь о какой-то планомерной общественной работе. В советские годы она поступила на рабфак (ей было 34 года), занималась организацией татарских детских садов.

Остальные активистки отличались тем, что всем им к 1917 г. было около 20 лет. Большинство были еще не замужем. Семьи их испытывали серьезные материальные затруднения, но, несмотря на это девушки получили среднее образование либо при поддержке работодателей родителей, либо общественных объединений. Окончили они русские учебные заведения (земские школы / гимназии). Многие из них совмещали работу (давали частные уроки) и учебу. Амина Мухетдинова, например, училась на юридическом факультете Казанского университета и подрабатывала частными уроками. Кояш Валитова училась в Мамадышской женской гимназии. Зухра Баимбетова в годы войны устроилась земской учительницей.

В этот период образ мугаллимы считался радикальным, девушки, делая выбор в пользу образования и профессии, бросали вызов традиционному обществу. Например, убежавшая из дома Захида Бурнашева начала самостоятельную жизнь как раз в качестве мугаллимы. Поэтому их общественная активность была тесно связана с профессиональной областью. Неслучайно самым обсуждаемым произведением этого периода была пьеса «Мугаллима» Гаяза Исхаки.

Амина Мухитдинова была в числе организаторов Мусульманского социалистического комитета, Зухра Баимбетова занималась агитацией среди мусульманского населения Оренбургской губернии, чтобы они не мешали участию женщин в выборах Учредительного собрания, Кояш Валитова в 1917 г. принимала участие в митингах (за что ее осуждали) и публиковалась в татарской прессе. Но основная ее активность приходится на период уже после 1917 г.

В отличие от идейных феминисток, которые сознательно пришли к этому движению немного иным был путь женщин-работниц. При создании в Казани мусульманского комитета союза солдаток такая роль «активистки» выпала на солдатку Гизенису Таззетдинову. Несмотря на молодой возраст, она была замужем и имела троих детей. Еще до войны сначала вместе с братом, потом уже вместе с мужем она работала переплетчицей в типографии Каримовых. После его ухода на фронт она сдала экзамен и получила право на самостоятельную работу. Из-за службы в типографии она всегда была осведомлена на

счет последних новостей и была известна среди мусульманских солдаток. Как она вспоминала, во время ожиданий социальных пособий читала им газеты. Гизениса владела разговорным русским языком, поэтому другие солдатки часто приглашали ее в качестве переводчицы.

В марте 1917 г. из фронта вернулся ее больной муж. Семью поддерживали его друзья из числа «сознательных рабочих». Именно под влиянием одного из них, произошло вовлечение Тазетдиновой в профсоюзное движение, в работу комитета солдаток. Скорее всего, все это происходило с одобрения мужа. Идеологической наставницей Гизинисы была Мария Памфилова – бывшая актриса, т.н. профессиональная революционерка. Обращает на себя внимание, что в этот период Тазетдинова потеряла двух своих малышей. Дети умерли от туберкулеза, заразившись этой болезнью от фронтовика-отца. В ноябре 1917 г. скончался и ее муж, а в годы Гражданской войны не стало уже третьего ребенка. При такой личной катастрофе (Гизинисе было около 25 лет) вполне объяснимо ее поведение, когда она пошла за агитаторами и участвовала во всех собраниях, в качестве слушателя. Для своего традиционного мира она была изгоем, после выдвижения в кандидаты местного Совета, ее стали обвинять в том, что «она продалась русским». К ней домой приходил один из местных татарских торговцев, который хотел лично увидеть татарскую женщину-депутата. Но не для того, чтобы выразить уважение, а скорее посмотреть на некую диковинку. В советские годы она уже прошла обучение в партийных учебных заведениях и занималась организацией женсоветов [14].

Даже поверхностный взгляд на ситуацию в татарском обществе 1920-х гг. показывает, что положение женщины в целом не сильно изменилось. С одной стороны, в советское время не приветствовалось деление товарищей по половому признаку, с другой, для вовлечения в партийное дело широких масс, нужна была специфическая работа среди женщин. Поэтому без женсоветов обойтись было нельзя. По сути, они заменили собой дореволюционные женские благотворительные общества, но охватили более широкую аудиторию. Аналогичную работу выполняла в Оренбургском магометанском духовном собрании в Уфе казый Мухлиса Буби. Единственным плюсом стало появление более широких образовательных возможностей для женщин, в том числе на рабфаках. Образование рассматривалась как альтернатива замужеству. Почему? Возможно потому, что брачное поведение продолжало регулироваться традициями. Сохранялись бытовые преступления [15]. Отцы требовали от потенциальных женихов калым, в годы дефицита и голода этот вопрос стал особенно актуальным. Так в некоторых местностях женихи должны были преподнести особый продовольственный набор. Что касается многоженства, то мужа регистрировали вторых жен как домашнюю прислугу и платили за них взносы в профсоюзы. Учительницы в этот период продолжали

восприниматься как носители радикальных идей, поэтому участь многих из них была очень печальной в годы вилочного восстания [2, с. 79–80]. Если отношение традиционных слоев населения к общественной активности женщины проявилось в жестоких убийствах, то часть татарской интеллигенции реагировала на эти процессы маскулинизации женщины немного другим образом. Характерной является пьеса Хади Такташа «Потерянная красота» (1928). Постановки по ней шли в Казани и Астрахани. Поэт попытался намекнуть своим ровесницам-комсомолкам, что излишнее увлечение женщины общественной деятельностью лишает ее женственности и мешает материнской роли. И, конечно же, такой итог женского движения – это явно не то к чему стремились активистки женского движения начала XX в.

Подытоживая свой рассказ о «женском вопросе» в татарской истории, хотелось бы подчеркнуть, что вопрос этот далеко не исчерпан. Нам недостает «голосов» женщин из традиционного мира. В этом могут помочь частные архивы. Например, только в 1930-е гг. был обнаружен архив поэтессы Газизы Самитовой, она всю жизнь писала стихи, была очень развитой и образованной женщиной. Но никогда не хотела обнародовать свое творчество [16]. Только с привлечением широкого круга источников мы сможем понять этот «женский мир». Мы оцениваем его с сегодняшних позиций и очень созвучных им взглядов женщин-активисток, хотя, нельзя исключать того, что многих устраивало такое положение. Может быть, эти традиции должны были быть изжиты естественным образом, а не с помощью авторитарных методов.

Таким образом, эпоха войн и революций сыграла решающую роль в эмансипации татарских женщин. К началу XX в. они были самыми эмансипированными среди мусульманок Российской империи. В этом уникальном явлении огромную роль сыграли татарские интеллектуалы дореволюционной эпохи. Во многом феминизм татарок был обусловлен желанием самих мужчин видеть рядом с собой образованных и самостоятельных женщин, достойных представительниц нации.

В 1920-е гг. татарские женщины были заняты в сфере образования, медицины, культуры во многих мусульманских регионах Советской России, а также союзных республик. Они работали врачами, учителями, артистками в Средней Азии и на Кавказе, стали вдохновляющим примером для мусульманок этих регионов. Даже в начале 1930-х гг. для работы врачом во дворце короля Саудовской Аравии по предложению Наркомата здравоохранения СССР направили гинеколога Амину Алимбекову [17]. Все это было плодом той большой работы по разрешению «женского вопроса», проведенной в татарском обществе задолго до революционного 1917 г.

Список источников и литературы

1. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М.: Политиздат, 1990. – 288 с.
2. Смирнова В.Н. Женщины Татарии в борьбе за власть советов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – 116 с.
3. Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. – 152 б.
4. Биктимирова Т.А. Татар хатын-кызлары мәгърифәт юлында. – Казан: Печатный Двор, 2001. – 140 б.
5. Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Н.Новгород: НИМ «Махинур», 2005. – 106 с.
6. Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы (Джадидизм и женское движение). – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2006. – 254 с.
7. Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в эпоху буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 384 с.
8. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 367 с.
9. Габдрафикова Л.Р. Формирование стиля жизни татарского буржуазного общества (вторая половина XIX – начало XX века). Автореферат дис. ... д.и.н. – Казань, 2013. – 51 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.74. Оп.1. Д.1. Л.2–3.
11. Габдрафикова Л. Татарские женщины в годы Первой мировой войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2014. – №3/4. – С.61–69.
12. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.
13. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф.30. Оп.3. Д.2406. Л.38.
14. ЦГАИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.2621. Л.7.
15. Мухитдинова Э. Революционная законность и бытовые преступления на Востоке. – М.-Л., 1929. – 38 с.
16. Сәмитова Г. Сайланма әсәрләр. – Казан, 1965. – 156 б.
17. ЦГА ИПД РТ. Ф.30. Оп.3. Д.136. Л.4.

А.А. Зиннатуллина

Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары¹

Кешенең киләчәк тормышына төп нигез балалык чорының мәктәпкәчә доверендә салына башлауга карамастан, Октябрь революциясенә кадәр мәктәпкәчә яшәтгә балаларны тәрбияләү эшенә дәүләт тарафыннан игътибар бирелми. Бу вакытта Россия территориясендә фәкать шәхси кешеләр яки хәйрия жәмгыятьләре тарафыннан оештырылган балалар оешмалары гына яшәп килә.

Россиядә балалар бакчалары оештыру тәҗрибәсе XIX гасырның икенче яртысыннан тормышка ашырыла башлый. Ул ике юл белән алып барыла. Беренчесе – югары катлау балалары өчен немец педагогы Г.Фребель системасына нигезләнеп оештырылган шәхси балалар бакчалары. Казан шәһәрндә өлгә системага нигезләнгән беренче балалар бакчасы Берлиндагы Фребель курсларын тәмамлап кайткан А.А.Самойлова тарафыннан 1907 елда оештырыла. 1917 елга шәһәрдә өч түлөүле Фребель балалар бакчасы эшләп килә [1, с. 307]. Бу, әлбәттә, рус халкының югары катлау балалары өчен ачылган бакчалар була.

Икенчесе, хатын-кыз хезмәтен киң куллана башлау нәтижәсендә эшче гаиләләре балалары өчен завод-фабрикалар каршында оештырылган балалар оешмалары. Бу эшкә беренчеләрдән булып фабрикант И.И.Алафузов керешә. 1900 елның 28 августында фабрикант үз предприятиясендәгә эшче хатын-кызларның балалары өчен мәктәп бинасында беренче ясле ача. Анда балалар тиешле тәрбия һәм күзәтү астында ике яшкә кадәр тәрбияләнә алганнар [2, с. 195]. Алафузов завод-фабрикаларында татар хатын-кызлары да эшләвен исәпкә алсак, өлгә оешмаларда мөселман балалары да тәрбияләнгән дип санарга жирлек бар.

Шулай ук революциягә кадәр чыккан татар вакытлы матбугаты битләрендә дә балалар бакчалары, жәйге майданчыклар оештырылу турында мәгълүматлар очрый. Мәсәлән, 1915 елгы «Тормыш» газетасы язуы буенча, Уфа шәһәрндә 16 майда балалар бакчасы ачу тантанасы булган. Ачылган көнне бакчага 130 бала яздырылган. Монда балаларны яшьләренә карап төркемнәргә бүлгәннәр. Балалар белән иртәнгә 9 дан 11

¹ Предпосылки возникновения первых татарских детских садов и их становление.

гә кадәр һәм өйләдән соң сәгать дүрттән жидегә кадәр шөгыльләнгәннәр, ягъни сәламәтлек өчен файдалы булганнар төрле уеннар уйнатканнар [3]. Шул ук газета хәбәр итүенчә, май башыннан Петропавловск (Кызыльяр) шәһәрәндә дә хәйрия жәмгыяте тарафыннан балалар бакчасы ачыла. Балалар һәр көнне иртәнге сәгать 8 дән кичке 7 гә кадәр төрле хәрәкәтле уеннар уйнап вакыт уздырганнар, атнасына бер мәртәбә табигать кочагына чыгып сәяхәт кылганнар. Газета билгеләвенчә, әлеге бакчага йөрүче балаларның өчтән бер өлешен мөселман балалары тәшкит иткән [4].

Күрәнгәнчә, революциягә кадәр рус булмаган милләт вәкилләре өчен махсус балалар бакчалары оештырылмаса да, балаларның билгеле бер өлеше мәктәпкәчә тәрбия чөлтөрәннән читтә калмый.

Татар халкы арасында мәгрифәтчелек идеяләре үтеп керә башлау белән, балага кече яшьтән дәрәс тәрбия бирүнең, аның сәламәтлеген кайгыртуның әһәмиятен ассызыклаган хезмәтләр дөнья күрә башлый. Татар педагогларынан беренче булып әлеге мәсьәләгә әһәмият биргән галим булып Каюм Насыри санала. Аның «Бала тәрбияләүче аналарга теләкләр» китабы бу юнәлештә татар телендә язылган беренче китап булып тора. Педагог үзенчә кече яшьтәге балаларны тәрбияләү турындагы фикерләрен фәнни яктан дәлилләп, ата-аналарга тәрбия, бигрәк тә тән тәрбиясе, буенча тәкъдимнәр бирә [5, с. 37].

Татар халкы арасында жәдитчелек хәрәкәте таралу белән, бала тәрбиясенә багышланган хезмәтләр саны тагын да арта. Фәхрелбанат Сөйләмания, Риза Фәхрәтдин, Мәрһям Акчурина, Галимәтелбанат Биктимерия һ.б. хезмәтләре моның ачык мисалы.

Димәк, инде революциягә кадәр үк хатын-кыз хезмәте киң кулланыла башлау белән, мәктәпкәчә тәрбия оешмаларына ихтыяж туа, педагоглар һәм галимнәр тарафыннан мәктәпкәчә тәрбиянең әһәмияте таныла, күпмедер күләмдә теоретик мәгълүмат барлыкка килә, тәжрибә туплана башлый.

Октябрь революциясеннән соң илдәге кискен борылышлар мәгариф өлкәсенә дә зур йогынты ясыя. Бер яктан, белем бирү тулысынча дәүләт карамагына күчәреп, аның максаты, бурычлары һәм эчтәлегә тамырдан үзгәрсә, икенче яктан, структур яктан үзгәрешләр дә кертелә, мәгариф чөлтөрәндә мәктәпкәчә тәрбия һәм белем бирү тармагы барлыкка килә.

Совет дәүләте, мәктәпкәчә тәрбия эшен үз карамагына алып, жәмгыятьтә барлыкка килгән ике төп мәсьәләне тормышка ашыру максатын куя: беренчедән, эшләүче хатын-кызлар ижтимагый тормышта күбрәк катнаша алсыннар өчен, аларны бала караудан вакытлыча азат итү; икенчедән, балаларга тиешле дәрәжәдә тәрбия һәм белем бирү, аларны сәламәт яшәү мөхитенә күнектөрү.

Дәүләт тарафыннан мәктәпкәчә балалар бакчалары оештыру эше 1918 елдан тормышка ашырыла башлый. Казанда шул елның көзенә 9 балалар бакчасы барлыкка килсә, татар балалары өчен бакчалар 1919 елдан эшли башлый. Бу елны яңа ачылган 40 бакчаның 7се татар балалар бакчасы була. Алар Иске Татар, Яңа Татар, Пороховой бистәләрендә оештырыла [1, с. 307]. Шул ук елны балалар бакчасы оештыру эше авылларда да башланып китә. Мәсәлән, Казан артында беренче балалар бакчасы 1919 елда Кече Солабаш авылында ачыла [6, с. 57].

Мәктәпкәчә тәрбия йортлары оешуның беренче елларында тәрбия буенча бердәм система, расланган бердәм юнәлеш булмый. Күп очракта «мөстәкыйль тәрбия теориясе», Фребель һәм Монтессори системаларының кайбер элементлары кулланыла.

Балалар бакчаларын оештыру, төрләрән билгеләүдә 1919 елның май аенда узган I Бөтенроссия съезды зур роль уйный. Шул елда дөнья күргән «Балалар бакчасы һәм балалар уагы буенча инструкция» бу өлкәдә беренче төп документ булып тора.

Яңа төр тәрбия оешмалары чөлтөрә барлыкка килгәч, педагоглар алдына өлгә оешмаларның төп максатларын билгеләү, төрләрән ачыклау, һәрбер төрнең тормышка ашыру юлларын һәм аларның эшчәнлеген оештыру буенча методик кулланмалар белән тәэмин итү зарурлыгы килеп баса. Өлгә мәсьәләләренә чышү юллары И.Бикчәнтәй, К.Вәлитова, Г.Айдаров, М.Ялымова, М.Мөштәри һ.б. педагогларның хезмәтләрендә тәкъдим ителә.

Беренче чорда мәктәпкәчә тәрбия йортлары берничә төргә бүленә. Аларга яслеләр, балалар бакчалары, балалар уагы һәм жәйге балалар майданчыклары, колонияләр, балалар шөһәрчеге, клублар янында оештырылган балалар почмагы, балалар бүлмәсе һ.б. керә.

Яслеләрне бу вакытта «балалар бишеге» дип тө атап йөрткәннәр. Балалар бишекләренә туганнан алып өч яшькә кадәр булган балалар кабул ителгән. Өлгә төр тәрбия йортларының максаты булып аналарга, бигрәк тө ярдәмчеләре булмаганнарга, яшь баланы тәрбиячеләр кулына калдырып торырга мөмкинлек бирү, баланы авырудан һәм зәгыйфьләнүдән саклап калу, кечкенәдән үк рухи һәм тән тәрбиясе нигезләрен салу торган [7, с. 41].

Балалар бакчасы һәм балалар уагына 3 яшьтән алып 7 яшькә кадәр булган балалар йөргән. Бала тән һәм рухи яктан нык, дәрәс тәрбия алып, мәктәпкә керергә әзерләнеп чыгарга тиеш булган. Бу төр йортларның максаты «балада булган һәртөрле мәгънәви вә хиссияти куәтләренә үстерү. Баланы зиһен, фикер, аң вә әхлакый жәһәттән юлга салу» [8, с. 9]. Балалар бакчасында балалар 6 сәгатькә кадәр генә, ә балалар уагында 8–10 сәгать дөвамында булганнар.

Жәйге балалар майданчыклары – балаларның жәй көннәрендә бергә жыйналып уйный торган урыннары. Анда төрле яшътәге балалар кабул ителгән. Балалар, яшъләренә карап, аерым төркемнәргә бүленгәннәр. Авыл жирләрендә хатын-кызларның күпчелеге кыр эшләрә белән мәшгуль булганлыктан, жәйге майданчыклар авылларда күбрәк үсеш алган. Мәсәлән, 1927 елда Буа кантонындагы барлык мәктәпкәчә тәрбия йортларының 58%ын татар балалар майданчыклары тәшкил иткән [9, с. 11].

Колонияләр – торак пунктлардан читтә урнашкан, дача тибындагы йортлар. Монда балалар, гаиләләреннән аерылып, даими рәвештә торырга, кирәк-яракны кайгыртуда, шундагы хезмәтләрне үтөүдә тәрбиячеләргә булышлык итәргә тиеш булганнар [7, с. 41]. Аларны хәзерге замандагы балалар лагерьлары белән чагыштырып карарга мөмкин.

Татар халкы өчен бу төр хезмәт күрсәтү яңа эш булганлыктан, мәктәпкәчә тәрбия йортлары турында гади халыкның мөгълүматы булмый. Балалар бакчаларын оештыручыларның бигрәк тә беренче чорда төрле каршылыкларга очравы да шуның белән билгеләнә. Кайбер очракларда аларны хәтта авылларга да кертмиләр [6, с. 57]. Шунлыктан, иң беренче чиратта, педагогларга балалар бакчасының нәрсә икәнән, аның нинди максатлардан чыгып төзелгәнән, нинди нәтижәләргә китерәчөгән гади халыкка аңлатып бирү кирәк була. Халыкның бу төр оешмалар турында мөгълүматы бөтенләй булмаганлыгы түбәндәге мисалда ачык күренеп тора. И.Бикчәнтәев балалар бакчасына аңлатма биреп, болай дип яза: «балалар бакчасы дигәч тә анда, әлбәттә, бакча була, агачлар күп була икән, дия аңланмасын. Ул махсус бер өй булып, балаларны һәр жәһәттә тәрбияләр өчен кирәкле жиһазлары хәзер булган буш йорттан-бинадан гыйбарәт» [8, с. 9].

Тәрбия йортларын ачканда педагоглар ата-аналар ярдәменә мөрәжәгат итү кирәклеген асызыклылар. Мәсәлән, балаларны ашату-эчертү өчен савыт-сабалар, гади уенчыклар белән тәэмин итүдә, балаларга уйнау өчен майдан ясауда һ.б. шундый күмәк эшләрдә ата-аналар каршы килмәс дип исәплиләр [10, с. 8–9].

Октябрь революциясеннән соңгы чорда балалар оешмаларының киң таралган төрләре булып балалар бакчалары һәм майданчыклар торган. Бу халыкның әле бу елларда баласын озак вакытка үзеннән аерып ясле яисә колония ише оешмаларга бирергә өйрәнмәвә белән бәйлә була. Әлеге төр оешмаларда баланы тотуның матди яктан күбрәк чыгымнар таләп итүе дә төп сәбәпләрнең берсе булган.

Балалар бакчалары ачыла башлау белән, аларны белемле тәрбиячеләр белән тәэмин итү зарурлыгы туа. Тәрбиячеләр хәзерләү буенча беренче курслар Югары хатын-кызлар курслары каршында оеша. Анда I баскыч мәктәпләреннән яшә укучылар жибәрелә. 1918 елны Казанда,

1922 елны Чистайда Халык Мәгарифенең Югары институты каршында 2–3 еллык мәктәпкәчә бүлекләр ачыла. 1919–1920 елларда татар һәм башка рус булмаган милләт вәкилләреннән тәрбиячеләр хәзерләү буенча Казанда алты айлык, Чистай, Спас, Чабаксар, Зөя өязләрендә өч айлык курслар ачыла. 1921 елны мәктәпкәчә оешмаларда эшләүче татар хатын-кызлары өчен ике айлык курслар оештырыла. Татар педагогия техникумында (хәзерге Казан педагогия көллияте) тәрбиячеләр хәзерләү буенча махсус бүлек ачыла. Буада һәм Чистайда махсус мәктәпкәчә тәрбия педагогия техникумнары оештырыла.

Мәктәпкәчә тәрбия йортлары, илдә барган сәяси һәм икътисади шартлар нәтижәсендә төрлечә үсеш чорлары кичерәләр. 1918–1920 еллар актив рәвештә төрле төрдәге мәктәпкәчә тәрбия йортлары оештырыла башлау чоры буларак тарихка кереп кала. Беренче вакытта финанслау дөүләт карамагында була, әлеге оешмалар тоткарлыксыз рәвештә кирәкле күләмдә матди яктан тәэмин ителеп киленә. Революциядән соң дөүләт тарафыннан хосусыйлаштырылган буш биналар күп булу сәбәпле, бина белән тәэмин итүдә мохтажлык тумый. Шунлыктан бу елларда мәктәпкәчә тәрбия йортларының саны шактый арта. 1921–1925 елларда мәктәпкәчә тәрбия оешмаларының саны кискен кими. Моңа, беренче чиратта, 1921 елгы ачлык йогынты ясый. Икенчедән, финанслауның урындагы бюджетларга күчерелүе сәбәпле, мәктәпкәчә оешмаларның матди хәлләре начарлана, эреләндерү процессы башлана. Бу сәбәпләр аркасында иң башлап авыллардагы мәктәпкәчә балалар йортлары ябыла башлый һәм озакламый алар барысы да диярлек ябылып бетә [11, с. 11].

Октябрь революциясенең беренче елларында мәктәпкәчә яшәтәге балалар өчен татар педагоглары тарафыннан татар халкының гореф-гадәтләрен, тормыш-көнкүрешен күз алдында тотып язылган методик һәм педагогик кулланмалар төзелә. Әлеге хезмәтләр уен барышында баланың сөйләм телен үстерүгә, физик һәм хезмәт тәрбиясе бирүгә, балаларда сәламәт яшәү күнекмәләре булдыруга юнәлдерелгәннәр. Бу эш белән беренче чиратта үзләре үк мәктәпкәчә тәрбия йортлары оештырып йөргән галимнәр шөгыльләнә. Алардан К.Вәлитова, С.Миңлекәй, М.Ялымова, М.Мөштәри һ.б. ларны санап китәргә була. Алар үзләренең гамәли һәм тәгълимат хезмәтләре белән мәктәпкәчә тәрбия эшенең урнашуына һәм аның таралуына зр йогынты ясыйлар.

Список источников и литературы

1. Татарская энциклопедия: в 5 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т.2: Г-Й. – 656 с.
2. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 276 с.
3. [16 нчы майда балалар бакчасын ачу тантанасы...] // Тормыш. – 1915. – 21 май.
4. [Бу ел балалар бакчасы...] // Тормыш. – 1915. – 17 июнь.
5. Шарафутдинов З.Т., Ханбиков Я.И. История педагогики Татарстана. – Казань: КГПУ, 1998. – 307 с.
6. Хәמידуллин Ф. Беренче балалар бакчасы // Мәгариф. – 1967. – № 11. – Б. 57–58.
7. Вәлитова К. Мәктәпкә кадәр тәрбия // Мәгариф. – 1921. – № ½. – 36–43.
8. Бикчәнтәев И. Мәктәпкә кадәр уку эшләре / Мәгариф эшләре. – Оренбург: Типо-литография кооперативного союза «Народное Дело», 1918. – 9–15 б.
9. Корнеева М. Очерки по истории общественного дошкольного воспитания в ТАССР (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань: 1960. – 20 с.
10. Балалар майданчыгы нәрсә һәм аны ничек төзәргә? – М.: Нәшрият. – 1926. – 24 б.
11. Мөхетдинов Н. Татарстан җөмһүриятендә гомуми-мәҗбүри уку керту мәсьәләләре. Мәктәпкәчә тәрбия // Мәгариф. – 1927. – № 1. – 11–15 б.

Д.З. Марданова

«Я» – жена-коммунистка. Враг?

Каждая историческая эпоха вырабатывает собственный стиль мышления, свою систему ценностей и мыслительных координат. Через них она смотрит и конструирует мир. Человек, как сознающий и мыслящий субъект, является главным носителем «эпохального» мировоззрения. Присущие человеку определенной эпохи суждения формируют и очерчивают субъективность его мышления. Примером субъективности недавнего коммунистического прошлого стало убеждение, что в обозримом будущем возможно построить общество, исключаящее частную собственность и деление на классы. Эти идеи, став основополагающими коммунистической идеологии, оказывали определяющее влияние на образ мышления и поступки людей.

Проблема субъективности долгое время оставшаяся сферой интересов в основном философов и психологов, в конце прошлого века привлекла внимание историков-советологов. Впервые проблему самопрезентации советских людей затронула Шейла Фицпатрик. Ее интересовало, как советские люди через сопротивление, приспособляемость в «чистках», самокритике, доносах переосмыслили себя. Как они обнаруживали в себе личность, способную жить в постреволюционном обществе [1]. Линию Фицпатрик продолжил Стивен Коткин, которого интересовали стратегии и тактики освоения «советскости» и обретение советской субъективности через рождение нового «Я» [2]. По следам Коткина последовал другой американский исследователь Хелльбек, посмотревший на «советскость» через конструирование советской (коммунистической) субъективности, которая описывалась и осмыслилась авторами в личных дневниках, письмах, автобиографиях [3]. Вслед за Фуко [4] Хелльбек обнаруживал субъекта в авторе и субъективность в его тексте. Он анализировал, каким образом идеология раскрывалась и индивидуализировалась в субъекте, превращая его в осознающего советского гражданина. Истиной для субъекта становилась существующая внутри него субъективность, проявляющаяся при написании текста, в особенности автобиографии, дневника.

В статье, обращаясь к проблеме субъективности и подходу Хелльбека, я хотела бы проследить процесс конструирования самого себя в субъекта по дневнику Юлии Пятницкой, рассматривая ее субъективность через образ жены-коммунистки, в отдельных случаях матери [5]. Этот дневник интересен в

первую очередь личностью автора. Юлия Пятницкая – жена известного советского партийного и государственного деятеля Осипа Ароновича Пятницкого. В ее дневнике сохранились переживания, связанные с арестом мужа и старшего сына, которые в числе многих стали жертвами Большого Террора (1935–1938 гг.) в 1937 г. Ее дневник, не являясь единовременным творческим актом, запечатлел этапы трансформации ее субъективности. Результатом стало рождение нового «Я».

Я постараюсь проследить основные переломные моменты в трансформации «Я» Юлии Пятницкой, отразив ее участие в коммунистическом проекте.

Первая часть. Арест мужа

Дневник начинается с описания бытовых вещей – переезда семьи на новую дачу, пустой детской. Однако быт необходим лишь в качестве краткого вступления, ему посвящен лишь первый абзац. Далее Юлия полностью погружается в свои переживания, лишь в отдельные моменты, впуская в свой внутренний мир «бытовые зарисовки».

Впервые в дневниковой записи она обнаруживает Пятницкого вечером 27.06.1937 г. Он лежит «...в ванне – на пленуме ему было выражено недоверие и подозрение в причастии к троцкизму». Следующая запись от 28.06 «не пошел на работу. Наступили тяжкие дни...» [5, с. 19]. В это время на страницах дневника поселяется ожидающий ареста Пятницкий, все окрашивается в мрачные и тревожные тона: «Обедали в тягостном молчании». «Очень хотелось умереть. Я ему это предложила (вместе), зная, что не следует» [5, с. 20, 26].

Кульминацией этих дней стала ночь 7.07, когда Пятницкого арестовали. Во время ареста Юлия ведет себя, как преданная и любящая жена. Она защищает семью, дом, верит в полную невиновность мужа: «Одно сознание, что больше его никогда не увижу и страшное сознание бессилия и праведности его жизни, беспрестанное служение делу рабочего класса» [5, с. 27]. Своему невиновному мужу она противопоставляет «молодых, грубых, преступных и извращенных» людей из НКВД. Она описывает, как в ее комнату вбежал «высокий, бледный, злой человек», который вытолкнул ее в столовую. Она сравнивает приехавших с «черными воронами», называет их «сволочами» [5, с. 26]. На это Ежов делает ей замечание: «С представителями власти так не обращаются советские граждане», Пятница, в свою очередь, извиняется за поведение жены и обращается к ней: «я прошу тебя быть разумной», читаем: «сознательной» [5, с. 27–29].

Пятницкому приходится извиняться за поведение жены, ведущей себя не по-коммунистически: она не осознает всю судьбоносность и государственную важность происходящих событий. Вместо этого ведет себя, как жена и

мать, чье «гнездо» собираются разрушить «злые сволочи». Ей кажется, что «бесконечно жестоко расправились с семьей» [5, с. 32]. Ее хотят лишиться самого важного и дорогого: ее – мужа, а детей – отца. О ее любви и привязанности к Пятницкому можно судить по ее записям: «...хотелось целовать след его ног...», «Ночь я не спала. Не знаю, кто спал. Было очень нужно умереть» [5, с. 29]. Чтобы спасти «родовое гнездо», вслед за арестом, веря в невиновность мужа и не соглашаясь с обвинениями властей, она начинает ходить и ходатайствовать за него.

Таким образом, арест показывает насколько мало пока в Юлии от сознательной коммунистки: высшей ценностью для нее выступает семья и дом. В представителях власти она видит врагов, разрушивших ее женское счастье. Однако Юлия отвергает не всех, в дневниковой записи она не узнает Ежова¹, когда другие указывают на него. Она не готова поместить Ежова в возникшую негативную ситуацию и дать ему отрицательную роль – она его просто не узнает.

Через две недели после описанных событий Юлия обнаруживает в партии «врагов и гадов», повесивших на Пятницкого «тяжелый крест» и ставших причиной «страшного конца его светлой жизни» [5, с. 47]. Одновременно с этим несколько меняется ее отношение к мужу. Юлия уже не так благосклонна, как прежде, и ставит ему в вину его пассивность, замалчивание правды и нежелание бороться. «Большевик должен не только слушать вождей, но и бороться, но и свое – проявлять» – призывает она Пятницкого вести себя большевистски и проявлять присущий, по ее мнению, большевикам индивидуализм. Юлия пишет, что неоднократно высказывала мужу подобную критику: «разговор всегда кончался ссорой. Он называл меня «бабой»» [5, с. 47].

Переломным моментом в настроении Юлии стала запись от 29.07. Здесь впервые она подумала о муже со злобой: *«как он смел допустить нас до такого издевательства? Что же это он работал, работал с ними и не знал их методов, не мог предупредить, что они могут обречь нас на муки и голод...?»* И далее: *«На Пятницкого вся обида горькая. Отдал своих детей на растерзание,...и отдал этим, кто грабит и вещи и деньги, но кто же эти люды? В чьей мы власти – страшный произвол и все боятся. Опять схожу с ума, что я думаю, что я думаю?»* [5, с. 39].

Эта запись, появившаяся через три недели после ареста Пятницкого, «обогащает» нашу историю негативными персонажами. Юлия перестает быть

¹ Ежов Николай Иванович – советский партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности. Один из главных организаторов массовых репрессий, среди которых наибольшую известность получил Большой Террор 1935–1938 гг. – прим. авт.

«доброй» и понимающей женой, она начинает обвинять мужа, оказавшегося, вдруг, главным виновником случившегося. По ее мнению, он собственноручно отдал детей на растерзание «этим», неизвестным людям. Хотя она уже обнаружила в записи от 23.07, присутствие в партии в большом количестве «гадов и врагов», тем не менее, она гонит от себя даже мысль о том, что «эти люди» могут быть из НКВД. Она запрещает себе думать так, видя в этом проявление сумасшествия. Этот запрет свидетельствует о появлении в ней некоторой коммунистической сознательности: она верит в добрую и справедливую советскую власть, априори, неспособную на произвол.

Через два дня, 25.07, появляется запись: «я в борьбе погибну. Пока смогу, буду бороться» [5, с. 50]. Эти слова становятся некоторым завершением первой части дневника, который, хотя и на разделен самой Юлией, но условно может быть поделен на два больших тематических блока. Первый связан с арестом мужа и сосредоточенный на нем. Вторым, с перерывом в полгода после последней записи в «первой части», начинается с ареста старшего сына Игоря. Во второй части на первом плане оказываются переживания за детей – перед нами возникает Юлия-мать, что касается самого Пятницкого, то он отходит на второй план, вслед за ним удаляется Юлия-жена.

Описание Юлиной борьбы, завершающее «первую часть», заставляют вспомнить Фуко, утверждавшего, что дневники, возникающие в эпоху христианства, центрируются вокруг идеи духовной борьбы. По мнению Фуко, в них отражаются элементы (ступени) человеческого покаяния: 1) страдание, 2) стыд, 3) смирение 4) раскаяние [4]. Подобные элементы, как мне кажется, можно также различить в дневнике Юлии Пятницкой.

Вторая часть. Арест старшего сына

Мы встречаемся с Юлией лишь через полгода – 15.02.38 г. За это время, в особенности в ее тяжелых условиях, человек может очень сильно измениться. Причиной ее возвращения к дневнику становится новый удар, требующий осмысления и принятия – арест старшего сына Игоря. Ее ближайший собеседник – дневник, запечатлел ее состояние следующим образом: «теперь мы живем в уродливом заключении. Официально – на свободе, фактически – в заключении» [5, с. 52]. Дневниковые записи этого времени исполнены болью и страданием: «чувствую, что иногда теряю рассудок, иногда целыми днями борюсь с собой, а мысль о самоубийстве не уходит» [5, с. 52]. Мысль о самоубийстве, невозможности справиться со всеми проблемами и сложностями, безвыходность – все эти темы неоднократно фигурируют на страницах Юлиного дневника в этот период. Юлия много думает о погибающих детях: старшем Игоре – бесследно исчезнувшем, кого она пытается без-

результатно найти, стаптывая пороги «казенных» учреждений и младшем Вове, который хотя и на свободе, но подобно всей семье отвержен и погибает. Крайне редко сейчас она вспоминает о муже. Ее мысли о Пятницком кардинально изменились за прошедшие полгода: она уже не считает его безупречным перед партией, ее мучает вопрос, кем в действительности был ее муж. «*«Кто же он? Если профессиональный революционер ... то с ним произошло несчастье, его окружили шпионы, враги, навредили делу, может быть, много навредили, но он не видел. Почему же считать его контрреволюционером?»* И далее продолжает: «*Очевидно, я не так думаю. Очевидно, Пятница никогда не был профессиональным революционером, а был профессиональным мерзавцем – шпионом или провокатором, как Малиновский. И потому так жил он, и был таким замкнутым и суровым. Очевидно, на душе было темно, пути иного не было, как ждать, когда его раскроют или когда он сумеет удрать от кары. А все мы – я, жена, и дети – для него не имели особого значения»* [5, с. 53]. Эти размышления показывают, что Юлия больше не пытается «выбелить» и защитить Пятницкого, она уже не ищет его, как прежде. Ей не дает покоя, пульсирующая в голове мысль, о том, что он, действительно, может быть, предателем и врагом народа. Как же иначе: советская власть не посадила бы просто так, не обошлась бы со всей семьей так жестоко. Она не понимает, как ей жить и что делать. Часто ее посещают мысли о самоубийстве.

Преследующая Пятницкую безвыходность вдруг уходит. Она неожиданно находит выход: «*...не надо детей. Разрушить все, и Вову отдать государству, а самой жить только трудом – без конца работать, для себя оставить только время на чтение, близость к природе (без которой я не мыслю себе жизни), это уже как сложится. К людям относиться без сентиментальностей, но отдавать им и работе все, что имею. Мне показалось это так хорошо – всю себя потратить...*» [5, с. 55]. В это время Юлия называет себя «женой контрреволюционера», которая, как ей кажется, неспособна ничего дать сыну, считая, что государство сможет позаботиться о нем лучше. Эти слова отражают коренные изменения в Юлии. Она принимает волю государства и начинает видеть в муже контрреволюционера, а в себе – жену контрреволюционера. В этот момент она перестает быть просто женой Пятницкого и матерью его детей, к ней приходит коммунистическая сознательность, она начинает больше верить в справедливость партии и необходимость жертвы ради всеобщего блага. Даже, если этой жертвой она лишится личного счастья.

В записи от 1.03.38 г. Юлия размышляет о сидевшем уже месяц Игоре. Она свыкается с мыслью, что он не учится, осознает, что для них уже невозможно «...жить обычно, как люди живут...». Они вынуждены «смотреть вперед

и тратить себя для «завтра» и не во имя завтрашних людей (не могу я ими жить), а во имя того, кто всю жизнь свою отдал для этого «завтра», кто был предан, кто был скромнен, кто был простодушен и кто... так неожиданно. Я говорю о таких, как Пятница» [5, с. 67–68]. В этом отрывке чувствуется некоторые изменения в ее отношении к мужу. Обличив его, как контрреволюционера, она не отрекается от него, напротив, Юлия на себе обнаруживает «пятно Пятницкого», назвав себя женой контрреволюционера. Мы видим, что она не пытается вытравить эту «черную метку», закрывающую дорогу в «завтра» ей и ее детям, иначе бы отеклась от мужа – «врага народа», она соглашается жить с этим «пятном», принеся себя этим в жертву. Она осознает, что «без жертв ничего больше нельзя совершить» [5, с. 70]. Эта мысль помогает ей согласиться с избранной судьбой-жертвы и обрести в ней свой смысл. По-прежнему она много думает о смерти и самоубийстве, но меняется ее отношение к ним: «но как умереть, когда могу быть полезна» [5, с. 83]. Эти слова кажутся особенно абсурдными в ее условиях, когда она не может найти никакой работы, ей везде отказывают, как жене «врага народа». Но она верит, что может быть полезна именно своей жертвой в борьбе за «завтра», потому что «каждая жизнь должна дать что-нибудь своим, ближним по духу. Каждая жизнь должна дать сколько-нибудь от того, что она возьмет от общества» [5, с. 90].

Переоценка своего места в обществе, открывают перед Юлией новое понимание семьи, роли жены в ней. Возвращаясь в воспоминаниях в прошлую жизнь, она пишет, что не всегда понимала Пятницу: «была эгоисткой, со своей точки зрения я судила о его желании, а не с его» [5, с. 91]. Оценивая себя в качестве жены, Юлия продолжает: «я должна была для него быть самой близкой и самой умной... Но во мне не хватало ума, а прежде всего – выдержки», «быть женой такого человека, это значит служить ему, быть постоянно на посту, быть его другом...». В этих словах видно, что с осознанием, что она должна посвятить себя служению народу, меняется также ее отношение к мужу. Она пишет: «он был мне для меня, а не [я] для него, хотя я и очень хорошо к нему относилась, по-своему бережно, по-своему очень сильно любила. Не выполнила своей задачи» [5, с. 92–93].

Новый виток в ее «самотворении» начинается со встречи на мосту с С.И. Гопнер: «Начала расспрашивать ее о Пятнице. Она рассказала об известных ей слухах: «он провокатор, есть бумаги охранного отделения». Это вызывает в Юлии агрессивную реакцию: «О, как он мне непонятен. И если это так, как я презираю, как я ненавижу его подлую, трусливую, хотя и непонятную для меня душу!... И был он, в основном, мрачен, и не умел никогда раскрыться передо мной» [5, с. 117–118]. В этом примере видно, что за отсутствием какой-либо официальной информации о муже, Юлия готова по-

верить даже слухам. Благодаря этому слуху, она находит новые интерпретации прошлых событий, обнаруживая скрытый подтекст и смысл в действиях Пятницкого. Часто она не может объяснить логику его поступков: «В общем, неразгаданный он для меня человек». Вслед за этим Юлия вспоминает, что ей хотелось в партию, а Пятница «отговаривал» ее: «Ты анархистка, какая ты марксистка?». «...Это долгие годы было моим самым большим горем – я не верила в себя, я считала себя действительно недостойной. И жилось мне поэтому очень одиноко, я и закапывалась в семью и книги» [5, с. 119–120].

Юлия начинает верить, что «партия – это солнце нашей жизни, и ничто не может быть дороже ее здоровья, и если жертвы неизбежны (и если твою жизнь скосило случайно), найди силы, чтобы остаться человеком, несмотря ни на что» [5, с. 94]. То есть оставаться человеком, сознательным коммунистом, можно только будучи освященным светом этого солнца, даже, в случае, если цена этому – собственная жизнь. К Юлии приходит осознание, что высшей ценностью жизни является верность и преданность партии, она пишет: *«я никогда не смогу совершить преступление перед Советской властью, перед завоеванными великими страданиями и кровью правами народа. Ах, если так, то докажи [обращается сама к себя Юлия]... Ты докажешь этим, что ты выше, чем жена, и выше, чем мать. Ты докажешь этим, что ты гражданка Великого Советского Союза»* [5, с. 149]. В этих словах проявляется рождение ее нового советского «Я».

О том, что она обрела советскую субъективность можно судить по следующим ее действиям. Когда она вдруг осознает, что может совершить преступление против советской власти, Юлия предпочитает быть изолированной. Она пишет: «Я умела себя держать в руках, я пыталась бороться за свою жизнь, у меня не было конфликтов с Советской властью. Но что-то новое случилось: или я больная, или меня нужно изолировать от своих граждан. В газетах я вижу много отвратительного, Во двор посмотрю – тоже все переворачивает...» [5, с. 149]. В результате в один из дней Пятницкая пытается спровоцировать свой арест, иначе нельзя назвать ее действия 27.05.38 г. у прокурора Ульяновой. Она приходит к прокурору справиться о судьбе сына Игоря и начинает доказывать, что Игорь не совершал никого преступления: *««Я заявляю вам, что никакого преступления Игорь не совершал, и кто бы мне об этом ни сказал, я не поверю. А если считают, что он совершил преступление, то я, его мать, – совершила также и должна быть арестована». – «Пока мы не находим это необходимым». – «Так я сделаю все необходимое для того, чтобы быть арестованной». – «Ну, тогда я сейчас, вы пока сидите – и вас арестуют», – она взялась за телефон. Я, уходя к двери: «Теперь я знаю, как мучают детей в Советской стране»»* [5, с. 144]. Такое

поведение Юлии напоминает ритуал «кающегося» в католичестве, во время которого человек признающий себя кающимся и грешником, «приходит к епископу и просит того возложить на него статус кающегося» [4]. Юлия провоцирует прокурора на свой арест, обнаруживая свою «греховность» перед советской властью.

В статье я постаралась показать участие Юлии в коммунистическом проекте по превращению несовершеннолетних человеческих существ в универсальных социализированных субъектов. В тексте видно, как Юлия из индивидуалистки, ограниченной заботой о личном счастье, семье и доме, перерождается в советского гражданина, обретающего счастье в коммунистической общности. Новая Юля готова взять ответственность за других, и готова жить ради других. Здесь нельзя не вспомнить А.С. Хомякова и его идею соборности.

Полученный опыт Юлия осмысляет через дневник: постепенно меняются акценты, ее отношение и оценка происходящего. В условиях советской коммунистической действительности на ее мышление влияет советский опыт и советская идеология. Ее дневник отражает многослойность ее субъективности, вытеснение одной субъективности другой. «Заботясь о себе», по Фуко, и желая найти свое место в советском обществе, Юлия обличает себя в дневнике, и благодаря этому проходит определенное число трансформаций в душе, мыслях и способах существования. Таким образом она «преобразует себя ради достижения состояния счастья...» в нового советского субъекта [4].

Список источников и литературы

1. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.
2. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
3. Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Harvard University Press, 2006.
4. Foucault M. Technologies of the Self / Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault, ed. by L. H. Martin, H. Gutman, and P. H. Hutton. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988.
5. Пятницкая Ю. Дневник жены большевика / пред. С. Максудова [автограф]. Benson: Chalidze Publication, 1987.
6. Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial. Harvard University Press, 2003.

*З.А. Махмутов***Революция в судьбах татар Петропавловска**

В дореволюционное время Петропавловск был городом с высокой концентрацией татарского населения. В 1915 г. в городе проживало 14149 татар (21,6% от всего населения города) [1, с. 83]. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. свидетельствует о том, что среди татар Петропавловска насчитывалась значительная часть потомственных дворян – 100 чел. и купцов – 289 чел. [2, с. 84–85]. Для большинства татарской аристократии революционные события и последующая гражданская война повлекли за собой самые трагические последствия.

В начале гражданского противостояния в столкновении с большевиками погиб купец Закир Акчурин. Крупный предприниматель, а также председатель петропавловского исполнительного комитета мусульман Хамза Тюменев активно помогал войскам А.В. Колчака, снабжая скотом и продуктами питания. Перед приходом в Петропавловск Красной Армии он, как и купцы Ахметжан Шафеев, Мухамадей Мухамедьяров, Валиулла Ибрагимов, Саид Муратов, писатель и журналист Хусаин Габдуш, уехал в Китай. Эмиграция в Китай не стала для многих из них путевкой в счастливую жизнь. Известный предприниматель и меценат Саид Муратов умер на чужбине в бедности и сильной тоске по Родине, жене его посчастливилось возвратиться в СССР только в 1954 г. Шафеевы приняли решение вернуться в родной город в 1930-е гг. Двухэтажный особняк в центре города вместе с магазином у них конфисковали, семье с девятью детьми пришлось жить и в подвале деревянного дома, и в заброшенной избушке. В 1932 г. купец Ахметжан Шафеев умер в нищете [3, с. 573].

Купца и гласного городской думы Мухамет-Камала Шамсутдинова судьба забросила в Иран. В 1943 г. во время проведения Тегеранской конференции он разыскал среди советских солдат уроженцев Петропавловска, с ностальгией расспрашивал их про родной город, судьбу своих домов и магазина, выразил желание часть своего наследства оставить Петропавловску.

Внучка купца Мухамеджана. Давлеткильдеева, Зубайда, долгое время работала в школе своего деда учителем. Она вышла замуж за Галима Еникеева. Во время гражданской войны, потеряв мужа, пыталась эмигрировать с

детьми в Китай, но не добралась и осела в Ташкенте. Там оказывается и семья известных петропавловских купцов Янгуразовых. Чтобы прокормить многочисленные семьи, Гульсум Янгуразова и Зубайда Еникеева устраиваются работать посудомойками.

Другой внук Мухамеджана Давлеткильдеева, Ибрагим (1901–1967), воевал на стороне белого движения. После эмиграции жил в Харбине, Токио и Мукдене. Был сподвижником Гаяза Исхаки и одним из организаторов и активнейших деятелей мукденской мусульманской общины. Работал редактором газеты «Национальное знамя», позже стал секретарем Исполнительного комитета тюрко-татар «Идель-Урал» на Дальнем Востоке [4, с. 79]. Под руководством Ибрагима Давлет-Кильди прошел последний Курултай «тюрко-татар» Восточной Азии в 1941 г. После вступления советских войск в Маньчжурию Ибрагим был арестован [5, с. 126]. Десять лет он провел в сталинских лагерях. У оставшихся в Петропавловске других членов купеческой семьи Давлеткильдеевых конфисковывают практически все недвижимое имущество. Аналогичное происходит и с семьями других знатных татарских предпринимателей, не покинувших город. Например, вдову известного купца и мецената Касыма Тойматова из двухэтажного дома вместе с пятью детьми переселяют в надворную баню [6, д. 39]. Детей его брата купца Гарифа Тойматова в 1930 г. преследует НКВД: Шарип и Шамиль были расстреляны в 1937 г., Гани был посажен в камеру смертников в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, но ему удалось выжить.

Достаточно трагично сложились жизни многих видных жителей Петропавловска, симпатизирующих большевикам. Одним из ярких участников революционного движения становится петропавловец, потомок купеческой семьи Газис Гереевич Ялымов (1885–1937). В 1905 г., во время учебы в Петербургском технологическом институте, он стал членом РСДРП, где познакомился с М.В. Фрунзе. За участие в студенческих революционных волнениях Г. Ялымов был исключен из института и выслан в Баку. Там он становится членом Бакинской коммуны, после ее поражения, спасаясь от преследования, переправляется на лодке по Каспийскому морю в г. Астрахань. В 1918 г. Г. Ялымов вместе с М. Султангалиевым, Н. Яруллиним становится сопредседателем Первого Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, на котором было избрано Центральное бюро мусульманских организаций РКП(б). Целью новой институции была координация работы мусульманских бюро и секций местных комитетов РКП(б). В бюро Г. Ялымов занимал должность заместителя председателя, которым являлся лично

И.В. Сталин. В 1919г. Г.Ялымов был командирован ЦК РКП(б) в Туркестанское краевое мусульманское бюро РКБ и работал членом коллегии Наркомата просвещения Туркестана. В начале 1920-х гг. он отходит от политической деятельности и уезжает в Алматы. В 1937 г. по обвинению в участии в Татарской националистической организации, он был расстрелян [7, с. 432].

В революционные годы получают известность также петропавловские большевики Гариф Идрисов, Шарафулла Рахимов, Карим и Хасан Сутюшевы. Последние принадлежали к династии цинских татарских князей (мурз) Сутюшевых. Еще в 1912 г. они основывают нелегальный социал-демократический кружок «Талап». Карим Сутюшев (1888–1918) организовал боевую дружину красногвардейцев из рабочих кожевенного завода. После установления советской власти он был членом петропавловского ревкома, возглавлял секцию по работе среди казахов и татар трудящихся петропавловского Горсовета, был помощником комиссара банка, а также комиссаром торгово-промышленного отдела Совдепа [8, с. 490]. После захвата города армией А.В. Колчака он был жестоко убит. В советское время имя Карима Сутюшева стало символом отваги героизма. В честь него названа одна из улиц в центральной части города Петропавловска и установлен бюст. Сподвижник Карима Сутюшева Гариф Идрисов был также убит в 1918 г.

За период с 1915 г. по 1925 г. численность татарского населения Петропавловска сократилась более чем в два раза [9, с. 9]. В 1926 г., согласно Всесоюзной переписи, в Петропавловске проживало лишь 7936 татар (16% от всего населения города) [10, с. 126]

Итак, татары Петропавловска приняли активное участие в революционных событиях 1917 года. Одни из них стали видными деятелями революционного движения, другие содействовали восстановлению царской власти. Судьбы многих видных известных представителей татарской общины сложились трагически: кто-то погиб в военных столкновениях или позже в период сталинских репрессий, кто-то был лишен имущества и остаток жизни провел в нищете, некоторые были вынуждены прожить остаток своей жизни в эмиграции.

Список источников и литературы

1. Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: [б.и.], 1917.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 89-ти т. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Слово, 1904. – Т. 81: Акмолинская область.
3. Североказахстанцы в годы Великой Отечественной войны. – М., 2005. – 752 с.
4. Усманова Л. Наш национальный и культурный лидер Аяз Исхаки стоит выше подобных грязных дел // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 122–126.
5. Давледкильдеев Н.Х. Что ты знаешь о Давледкильдеевых? Молчите! А Архивы заговорили. – Астана, 2011.
6. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 924. Оп. 1. Д. 39.
7. Ялымов Н. Политические репрессии и большевизм. – Тольятти, 2011. – 240 с.
8. Казахская ССР: Краткая энциклопедия: [в 4-х т.]. – Алма-Ата, 1985. – Т. 1. – 592 с.
9. Акмолинская губерния в цифрах. – Омск, 1925.
10. Всесоюзная перепись 1926 г. Казахская АССР. – М., 1928. – Т.8.

В.А. Гайкин

Биография старого дома (бывшая дача Бринеров в пригороде Владивостока)

Этот двухэтажный деревянный особняк в лесном пригороде Владивостока (станция «Санаторная») разрушается, брошенный на произвол судьбы, как старый больной человек, за плечами которого жизнь, наполненная событиями, населенная яркими персонажами, сыгравшими в прямом и переносном смысле значительные роли в мировой культурной и политической жизни. Дом построен приморским предпринимателем Борисом Бринером и использовался в качестве дачи. Его отец Жюль Бринер (выходец из Швейцарии) в 1902-м продал царскому правительству лесную концессию в верховьях пограничной реки Ялу, что было использовано Японией в качестве одного из поводов для развязывания войны против России (1904–1905 гг.) [1, с. 431].

Борис Бринер, «владелец заводов, портов, пароходов» (в частности дальнегорских рудников) успел побыть министром Дальневосточной республики. Его империя была национализирована советским государством. И семья сочла за благо в 1931 г. эмигрировать в Харбин [2, с. 60].

Дом помнит озорного мальчугана Юлия (Юла), который стал любимцем зрителей послевоенного кинематографа, всемирно известным актером Юлом Бриннером, американским Робин Гудом из знаменитого вестерна «Великолепная семерка», за чьими подвигами на экране с замиранием сердца следили миллионы советских людей в 60-е гг. **(Рис.3)**. А его родная сестра Вера Бриннер стала солисткой Метрополитен оперы.

Особняк пережил революционные потрясения и в 30-е гг. всемогущий НКВД устроил здесь спецшколу [3]. Её посещал замнаркома НКВД Люшков (самый высокопоставленный перебежчик) перед тем как «уйти» в Японию в 1938г. Информация, которую он передал, была бесценна: дислокация советских войск, военные шифры, информация о группе Зорге и т.д. Японцы застрелили Люшкова 19 августа 1945 г., после вступления советских войск в Маньчжурию [4, с. 92].

В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон чжу, в 1946 г. ставший известным всему миру как Ким Ир Сен – лидер Северной Кореи. Впервые я узнал об этом в конце 70-х гг., работая над диссертацией о борьбе ко-

рейцев за независимость (в том числе партизанской борьбе Ким Ир Сена), наткнувшись на серьёзный японский источник, согласно которому в 1942 г. Ким Ир Сена видели (японские агенты) в районе станции Санаторной [5, с. 76–78]. Но я не поверил этой информации, ведь шпионская сеть к этому времени была ликвидирована, по крайней мере, так считалось. Кроме того Ким Ир Сен в начале 40-х гг. был всего на всего командиром партизанского отряда в Маньчжурии [6]. И найти средней руки партизанского лидера на бескрайних просторах СССР было гораздо сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Каково же было мое удивление, когда в автобиографии Ким Ир Сена, вышедшей в конце 80-х годов, я прочитал, что в 1942 г. будущий президент Северной Кореи действительно обучался в советской спецшколе, находившейся в этом месте [7, с. 325]. Какой многочисленной, разветвленной, имеющей устойчивую связь с Японией должна была быть японская разведсеть на территории СССР (в годы войны!), чтобы моментально идентифицировать корейского партизана, появившегося на короткое время на маленькой железнодорожной станции в лесном пригороде Владивостока! Имеет право на существование и другое объяснение столь быстрой фиксации японской разведкой появления Ким Ир Сена на Санаторной – «наводка» Люшкова, обладавшего феноменальной памятью, несколько месяцев диктовавшего японцам по 40 страниц в день. Информацию, которую он «сбросил» японским спецслужбам можно смело назвать «большой энциклопедией НКВД» (и не только).

Как место, связанное с жизнью великого вождя корейского народа дом мог бы стать Меккой для северокорейских туристов, свято чтящих все, что имеет отношение к первому президенту КНДР. Директор Восточной школы Павел Спивак вспоминает: «В первые годы моего директорства Восточной школы был случай, когда на Санаторной останавливался на несколько часов спецпоезд уже нового лидера Северной Кореи Ким Чен Ира. Санаторная была окупана братскими спецслужбами, а у меня в памяти – серьезные восточные мужчины из-за забора почтительно фотографируют Восточную школу» [8].

В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руководителей Приморского края. В 1990-х гг. в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где владивостокские дети получали уроки истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуры. Директор Восточной школы Павел Спивак однажды случайно наткнулся в подвале на человеческие останки. Кем был этот незнакомец? Невольным свидетелем тайн семьи Бринеров? «Человеком в железной маске», убитым сотрудником НКВД? Сохранив в тайне страшную находку, Павел Спивак снова закопал истлевшие останки [9]. Кому сейчас интересны жуткие тайны XX века.

Старый дом, переживший революции и войны тихо умирает в мирное время, как лишний свидетель эпохи великих потрясений, разглядывая пустыми глазницами выбитых окон быстро меняющийся пленэр.

Список источников и литературы

1. Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу // Сборник статей по русской истории, посвящённый С.Ф. Платонову. – Петроград, 1922. – С. 425–459.
2. Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов Музея) // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева. – Владивосток: Фаркон, 1996.
3. Спивак Павел. От разведшколы до восточной школы // Правда Приморья. – 2008. – №28.
4. Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. – М.: 2006.
5. Токко гайдзи гэппо (Бюллетень внешней разведки). – Токио, 1944. – ноябрь (яп. яз.).
6. Тиан гайкё гаппо (Краткое ежемесячное обозрение общественного порядка). – [Б.м.], 1940. гектограф (яп. яз.).
7. Ким Ир Сен. В водовороте века. – Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1993. – Т.3.
8. Спивак Павел. О сколько тайн и странных совпадений таишь ты Санаторная... // Арсеньевские вести. – 2008. – 23 июля.
9. Завадская Марина. Хунхузы, чиновники и восточная школа // Арсеньевские вести. – 2007. – 12 декабря.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

УДК 9(с)2

Р.В. Шайдуллин

Земельный вопрос в России в 1917–1918 гг.

В период Февральской революции 1917 г. земельный вопрос занимал центральное место, поскольку крестьянские реформы 1860-х гг. и последующая за ними столыпинская аграрная реформа в начале XX в. не смогли его решить. Способы и методы решения земельного вопроса имели определяющее значение для судеб всех российских общественно-политических сил, властных структур, социальных групп и их вождей. Свой вклад в решение земельного вопроса пыталось внести и Временное правительство, образованное в марте 1917 г. Для разработки проекта земельной реформы при Временном правительстве был создан Главный земельный комитет, работа которого первоначально строилась преимущественно на программных установках кадетской партии, представители которой принимали активное участие в подготовке земельной реформы. В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы выявились различные мнения на характер предстоящих аграрных преобразований. В проекте Главного земельного комитета нашла отражение точка зрения, которая сводилась к признанию необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, созданию максимально благоприятных условий для материального подъема и духовного развития крестьянства. Причем Главный земельный комитет намеревался на длительное время оставить крупные капиталистические хозяйства их собственникам. Это не устраивало не только крестьянские массы, но и социалистические партии, прежде всего представителей партии социалистов-революционеров. Поднялась волна стихийных массовых выступлений крестьян. Начиная с 15 марта в Министерство внутренних дел стали регулярно поступать известия о захватах пахотных земель, потравках посевов, сенных угодий, а также о раз-

граблении имений и хуторов. В результате в мае 1917 г. министром земледелия был назначен социалист-революционер В.М. Чернов, предложивший эсеровскую аграрную программу, основанную на идее «социализации земли». Предполагалось изъятие земли без выкупа из частной собственности и товарного оборота в общественное достояние и передача ее в ведение центральных и местных органов народного самоуправления для последующего уравнилельно-трудового землепользования.

Аналогичные требования содержались и в 242 наказах крестьянских депутатов о земле, опубликованных в августе 1917 г. в газете «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов». Крестьяне требовали отмены частной собственности на земли и обращения их в общенародное достояние, превращения земельных участков с высококультурными хозяйствами в показательные и передачи их в исключительное пользование государства или общин (которым должен быть передан весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель), недопущения наемного труда, уравнилельное распределение земли между трудящимися с периодическими переделами. До созыва Учредительного собрания должны были быть осуществлены переходные меры: запрещена купля-продажа земли, отменены законы о выделе из общины, изданы постановления об отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров и т.п. [1]. Таким образом, элементарная теория собственности, по мнению многих крестьян, заключалась в том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Требования наказа были изложены в формулировках эсеровской программы социализации земли.

Нерешенность земельного вопроса привела к самозахватам пустующих частновладельческих земель, отчасти и обрабатываемых пашен, по образцу Революции 1905–1907 гг., а слабое и нерешительное Временное правительство оказалось не в состоянии им помешать. Временное правительство, в том числе В.М. Чернов, несмотря на массовые самозахваты частновладельческих земель, погромы помещичьих имений, хозяйств хуторян, откладывало решение земельного вопроса и считало необходимым его рассмотреть на Учредительном собрании, которое должно было поставить окончательную точку. Затягивание решения аграрного вопроса Временным правительством привело к росту недовольства среди крестьян. Центральный орган партии эсеров вынужден был признать: «Вся деревня вопиет о новых законах. По старым законам, по законам дореволюционного времени она жить не может» [2]. Однако под давлением политических оппонентов, главным образом кадетов, В.М. Чернов вынужден был уйти в отставку, а его преемник правый эсер

С.Л. Маслов во второй половине октября 1917 г. представил правительству другой земельный законопроект, предусматривавший сохранение частной собственности на землю, выкуп отчуждаемой помещичьей земли с сохранением помещичьих привилегий. Фактически это означало отказ от эсеровской программы социализации земли и уступки конституционным демократам.

Таким образом, земельный вопрос до Октябрьской революции 1917 г. в России оставался нерешенным. Это объясняется тем, что, будучи правопреемником царской власти, Временное правительство продолжало быть носителем старой идеологии. Оно готово было реформировать старый аппарат, но не разрушать его. Скорее всего, из-за желания придать своей власти легитимность Временное правительство решение земельного вопроса откладывало до созыва Учредительного собрания, необходимого для всенародного, отчасти и корпоративного обсуждения этой насущной проблемы.

Нерешительность социалистов-революционеров – «псевдо защитников» интересов многомиллионного российского крестьянства усилила позиции большевиков среди крестьян, страдавших малоземельем и требовавших возврата отрезков, прирезанных в пользу помещиков во время Крестьянской реформы 1861 г., и нового передела частновладельческих, государственных, удельных и других земель. В результате в деревне царил хаос. Власти проявили полное неумение и неспособность управлять страной. Эсеровские специалисты по аграрному вопросу В.М. Чернов, С.Л. Маслов и др. считали, что захват крестьянами помещичьих земель – это вред, настаивали на разрешении земельных споров путем мирных соглашений крестьян и помещиков в земельных комитетах. Но эти попытки властей решать таким способом спорные вопросы землевладения и землепользования в российской деревне вообще не имели успеха, а воззвания Временного правительства к достижению социального мира вызывали лишь озлобление, способствовали падению авторитета комиссаров Временного правительства на местах. В результате крестьянские земельные комитеты стали рассматривать Советы крестьянских депутатов не только как представительные общественные организации, но и как управленческие, властные структуры.

Этим умело воспользовались большевики, приняв на II Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Декрет о Земле», составленный на основе известных 242 наказов, обеспечив себе тем самым в октябре 1917 г. поддержку основной части населения страны. Благодаря столь популярному «Декрету о Земле», отчасти и «Декрету о Мире» авторитет большевиков среди сельского населения заметно возрос. В этих

условиях, видя потерю легитимности старой власти, большевики, используя поддержку войск, провели в октябре–ноябре 1917 г. захват власти на местах, завершив, таким образом, короткий период буржуазно-демократического устройства России.

«Декрет о Земле» фактически легализовал массовые самозахваты крестьянами земли, начавшиеся в апреле–мае 1917 г., и ставшие особенно бурными с лета 1917 г., т.е. происходила самая настоящая социализация земли. Одновременно оформилась социально-психологическая готовность крестьян к восприятию большевистских идей. В них крестьяне нашли программу действий, основанную на идее уравнительного передела земли. В сложившихся условиях большевики умело использовали крестьянский аграрный радикализм и крестьянский аполитизм. Следуя логике революции, большевики сумели направить разрушительный стихийный поток в организованное русло. С принятием декрета российское многонациональное крестьянство, в том числе татарское, вплоть до весны 1918 г. полностью отошло от всякой политической деятельности и с головой ушло в «чёрный передел» земли. Помимо земли, ранее принадлежавшей помещикам, купцам, духовенству и царской семье, крестьяне также начали захватывать земли хуторян и отрубников, вышедших из общин во время столыпинской аграрной реформы. В результате значительная часть отрубников и хуторян была вынуждена отказаться от прежних форм землепользования и вернуться в общину. Об этом свидетельствует и местная статистика, к примеру, в 1924 г. в Татарстане хутора занимали лишь 0,25% (283215 дес.) общей площади пашни [3, л. 61]. Борьба за землю в свою очередь спровоцировала новые межселенные и межобщинные столкновения, доходившие порой до кровопролитий и смертоубийств.

В первых аграрных законах Советского государства были соединены две утопии: крестьянская, с ее стремлением к уравнительному землепользованию (общинный традиционализм, патриархальность, натуральное хозяйство и т.п.) и коммунистическая – отрыв крестьянства от собственности, создание крупного общественного производства в сельском хозяйстве (совхозы, коммуны, колхозы и т.п.). Практически крестьяне не стали собственниками или арендаторами национализированной земли, они оказались лишь ее пользователями. Это объясняется тем, что большевики в основном связывали свое политическое будущее с разрушением института частной собственности вообще и частного землевладения в частности. Их целью были полная национализация всей земли, всеобщий контроль над хозяйственной жизнью крестьянства и устройство ее по правилам, навязанным крестьянину политическим руководством страны.

Результатом реализации аграрной программы, осуществленной большевистским руководством в многонациональной деревне, стало создание условного землевладения, характерного для азиатского способа производства. Уравнительный принцип, положенный в основу аграрных законов, имел тенденцию к разрушению производительных сил в сельскохозяйственном секторе экономики страны, поскольку в нем нормировались земельные площади, поголовье скота, количество инвентаря и др. Этот принцип был направлен против всего частного, в том числе против крестьянского землевладения, на основе которого велось товарное производство. К тому же отмена частной собственности на землю, запрещение аренды и наемного труда и другое имели целью подавить экономическую и общественно-политическую активность крестьянства. Все эти меры, безусловно, вызвали острое неприятие, подтолкнув их к выступлениям, передовой части крестьянства против новых земельных порядков, сохранявших в целом общинные аграрные отношения в деревне.

Однако советская аграрная революция, начатая после октября 1917 г., не означала радикального и полного разрыва с прошлым. Конечно, был разрыв в плане политическом. Если посмотреть на структурные изменения в общественной жизни крестьянства, то можно увидеть, что, наоборот, элементы преемственности восторжествовали над разрывом. Советское руководство, вместо того чтобы радикально изменить социально-экономические отношения в деревне, усилило архаичную и традиционную структуру сельского общества. Реальной направляющей силой этого процесса было крестьянство с его консервативной реакцией на внедрение новых форм землепользования в деревне. Такая реакция крестьянской общины на деле означала отказ от возможности преодоления прошлого и модернизации сельскохозяйственного производства. Перед лицом альтернатив российское общество всегда выбирало дорогу традиционализма, отбрасывая попытку преодолеть прошлое.

Для более углубленного анализа следует предпринять сравнительную оценку площади земли, полученной крестьянами в результате принятия «Декрета о Земле». По официальным данным Наркомата земледелия РСФСР на 1920 г., было получено 21,15 млн дес. (23,27 млн га), «прирезки» составили 0,4 дес. на едока, то есть 23,7%. Крестьянство избавилось от ренты до 700 млн руб. в год. Кроме того, большевики отменили задолженности деревни Крестьянскому поземельному банку, дошедшие до 1,4 млрд руб. С другой стороны, гиперинфляция, резко возросшая с 1918 г., полностью уничтожила сбережения крестьян, которые американский советолог Ричард Пайпс оценивает на октябрь 1917 г. в 5 млрд руб. [4].

Говоря о результатах аграрной революции в Казанской губернии, следует сказать, что земельные приращения также были незначительными. В ходе революционного землеустройства 1917–1918 гг. площадь крестьянских земельных наделов в перерасчете на одного едока увеличилась в среднем на 10,4% (или на 0,17 дес.; с 1,47 дес. до 1,64 дес.) [5, л. 1], что было значительно ниже даже по сравнению со средними общероссийскими показателями: 0,4 дес. и 0,17 дес. на едока. Причем из общего конфискованного земельного фонда в размере 714 тыс. дес. (помещичьих, удельных, церковных и пр. земель) татарам, составлявшим 54,8% от общей численности населения Татарской республики, досталось 26,2%, или 0,12 дес. на едока; русским, соответственно – 37,6%, 64,3%, или 0,38 дес.; национальным меньшинствам (чувашиам, марийцам, удмуртам, мордве и пр.) – 7,6%, 9,5% или 0,15 дес. [3, л. 58]. В наиболее привилегированном положении оказалось русское крестьянство. Размер земельного надела на едока у русских крестьян равнялся 1,89 дес., у татарских – 1,52 дес. и у нацменовских – 1,51 дес. [3, л. 58].

В то же время следует обратить внимание на то, что новый передел частновладельческих, государственных и других национализированных земель не приблизил крестьян Казанской губернии к показателям 1861 г. В 1919 г., по сравнению с 1861 г., на одного едока в среднем приходилось на 31,7% меньше земли. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы

Уровень землеобеспеченности крестьянства Казанской губернии в 1861–1919 гг. [6, с. 99; 101; 5, л.1]

В среднем на одного едока	1861 г.	1917 г.	1919 г.
В десятинах	2,4	1,45	1,64
В %	100	60,4	68,3

Таким образом, передача значительной части конфискованных частновладельческих, государственных, церковных и прочих земельных угодий российским крестьянам не смогла разрешить земельный вопрос. Этот политический демарш большевиков лишь несколько притупил земельный голод крестьян. К тому же крестьянская стихия не только усилила позиции сельской поземельной общины, но и отчасти разрушила устоявшиеся передовые земельные отношения в деревне, отбросив тем самым ее на несколько десятилетий назад. В годы новой экономической политики земельный вопрос вновь

стал одним из ключевых вопросов властей. Главной отправной точкой решения земельного вопроса тогда должен был быть не экстенсивный путь его разрешения в форме красногвардейской атаки на частновладельческих земельных собственников и уравнительного распределения конфискованных земель, а агрикультурный путь, основанный на интенсификации крестьянского труда и капиталовложений в сельское хозяйство с целью повышения продуктивности и товарности земледелия и животноводства.

Список источников и литературы

1. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – №88.
2. Дело народа. – 1917. – 1 августа.
3. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1331.
4. Российская революция. 1917–1922 [электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <https://history-is.jimdo.com>. – Проверено: 20.07.2017
5. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–4580. Оп. 1. Д. 118.
6. Социальный строй крестьянства в Татарской Республике // Труд и хозяйство. – 1926. – №6/8.

Р.Р. Батыршин

Организация и деятельность земельных комитетов Казанской губернии весной–летом 1917 г.

Свержение царя и приход к власти Временного правительства не вызвало у крестьянства Казанской губернии столь бурной и эмоциональной реакции, как у представителей других сословий. Однако стоит отметить, что Февральская Революция разбудила сельчан, вызвав к жизни установку на незамедлительное осуществление социального идеала. Крестьянский идеал – «свободный труд на свободной земле». Он предполагал возможность осуществления его каждым, кто желал и мог обрабатывать землю своим собственным трудом.

Процесс разрушения прежних государственных структур и формирование новых органов власти на провинциальном уровне носил затяжной и противоречивый характер. Помимо отстранения от должности губернатора (казанский губернатор П.М. Боярский сложил свои полномочия 6 марта 1917 г.) и его помощников, были практически упразднены все силовые структуры губернии (ликвидированы корпус жандармов, департамент полиции и институты полицейского сыска). В волостях, в отличие от Казани и крупных уездных центров обстановка была более спокойной, хотя и не менее напряженной. В селах и деревнях слухи о произошедшем в Петрограде перевороте были поначалу встречены сдержанно, однако уже весной в деревне развернулось широкое движение за преобразование сельской власти. Началось он «снизу» по инициативе крестьянства и выражало стремление последних к полному искоренению старых порядков. Волостная организация наполнилась новым содержанием: устранялись наиболее одиозные фигуры волостной администрации (прежде всего, земские начальники) и вместо волостных правлений учреждались волостные общественные комитеты. В короткое время вся страна покрылась сетью подобных комитетов.

В сельских обществах и волостях образовывались сельские и волостные комитеты, избираемые на сходах жителей; уездные комитеты по большей части избирались косвенным путем – представителями волостных комитетов; губернские общественные комитеты создавались путем кооптации в их состав представителей всевозможных самодельных организаций, в том числе и Советов. Правительство считало крестьянские комитеты временными органами, которых должны были заменить всесословные земства. Однако на

практике волостные комитеты, комитеты народной власти и прочие учреждения становятся непосредственными выразителями воли крестьянства. Идея всесословности, скомпрометированная в земствах, не вызывала энтузиазма у крестьян. В сообщениях с мест, поступавших в Министерство внутренних дел, отмечалось, что малоземельные и безземельные крестьяне при выборе комитетов выражают недоверие помещикам, кулакам, интеллигенции [1, с. 15]. Реальная власть на сельском и волостном уровнях оказалась у тех самых общинных институтов самоуправления, которые прежде рассматривались «верхами» исключительно как инструмент осуществления собственной политики. В дальнейшем, санкционированный правительством процесс создания новых выборных органов местного самоуправления имел весьма неожиданные для действующей власти последствия.

Весной 1917 г. поволжская деревня поднимается до осознания необходимости собственного участия в политических структурах, реализация же этого представления на практике приводит к серьезному разногласию с правительственным курсом. Землевладельцы многих уездов жаловались Временному правительству, что крестьянские комитеты считают себя высшей исполнительной властью, выдвинутой революцией. По их постановлениям отбираются земли, луга, леса, устанавливается разорительная для помещиков арендная плата. Напряженную обстановку, вокруг своего имения, отмечает помещик с. Три-Озера Спасского уезда А. Молоствов, в своем обращении от 29 марта 1917 г. на имя министра-председателя Временного правительства Г.Е. Львова: «...крестьяне решили снять из экономии всех служащих и отпустить военнопленных. В обществе крестьян есть агитаторы погромов, замешанные еще в 1905 г., которые и мутят народ...» [2, л. 90]. Захваты частновладельческих земель, расхищение хлеба и порча имущества, в марте-апреле 1917 г. были частыми явлениями в Лаишевском, Свияжском, Чистопольском уездах [3, л. 31; 4, л. 148; 5, л. 11–12].

Важную роль по решению крестьянского вопроса сыграли земельные комитеты, организация которых началась в соответствии с постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. [6] Призывая в своем обращении «спокойно, в сознании своей великой ответственности за будущее нашей Родины готовиться к приходу истинного устроителя земли русской...» [6], Временное правительство объявляло об образовании губернских, уездных и волостных земельных комитетов, на которых возлагается «собрание сведений о местных земельных порядках и нуждах населения и в течение переходного времени до проведения земельной реформы в Учредительном собрании, решение споров и недоразумений по земельным делам» [6]. Все материалы, собранные местными комитетами, и выработанные ими планы земельного устройства должны были передаваться в Главный земельный комитет, в работах которого предпо-

лагалось «...участие представителей Временного комитета Государственной Думы, политических партий, Всероссийского крестьянского союза, Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского союза кооперативов, губернских земельных комитетов и приглашенных Временным правительством лиц...» [6]. Главный земельный комитет должен был подготовить к Учредительному собранию «новый закон о земельном устройстве».

К концу августа в стране было создано 45 губернских и 425 уездных земельных комитетов [1, с. 27]. В Казанской губернии уездные и волостные земельные комитеты начали создаваться в мае-июне 1917 г. 19 июня был образован Казанский губернский земельный комитет. Исполнительным органом губернского земельного комитета стала земельная управа (председатель И.И. Штуцер). К осени 1917 г. на территории Казанской губернии действовали 12 уездных и 181 волостной земельные комитеты [7, л.7–14, 72]. Состав губернского и уездных земельных комитетов являлся левозсеровским по своей политической направленности и складывался из представителей городского чиновничества и крестьянства. Исключительно крестьянскими, без определенных политических предпочтений оказались низовые земельные комитеты Казанской губернии.

Согласно «Положения о земельных комитетах» волостные земельные комитеты должны были состоять из 5 членов и 3-х заместителей к ним и могли учреждаться по инициативе местного населения или уездных комитетов. Уездные земельные комитеты Казанской губернии учреждались либо на общем собрании представителей властей, либо на волостном уровне. Так, на экстренном заседании Спасского уездного земского собрания 9 мая 1917 г. были избраны 4 представителя, которые на следующий день от имени уездного земельного комитета разослали в волостные комитеты общественной власти предписание избрать своих делегатов в уездный комитет. К уже избранным 13 мая присоединились представители Спасской городской думы и мирового суда [8, л. 28, 29 об., 32]. Чебоксарский уездный земельный комитет доложил губернскому комиссару о своем учредительном собрании еще 31 мая 1917 г., хотя волостных земельных комитетов в уезде еще не было [9, л. 9].

В процессе формирования земельных комитетов большое внимание уделялось их национальному составу. Так, Казанский уездный земельный комитет особо указывал, что при избрании волостного комитета следует соблюдать «пропорциональность, как для членов, так и для заместителей в отношении разных народностей» [10, л. 2]. Нередко от волостей со смешанным населением в уездные земельные комитеты направлялись по два представителя. К примеру, 16 мая 1917 г. волостной сход Полянкой волости Спасского уезда направил в земельный комитет крестьян И. Рамодина и Х. Ибетуллина [8, л. 34]. Вместе с И. Христофоровым на организационное собрание Мама-

дышского уездного комитета из Кляушской волости прибыл Б. Мухаметшин «как представитель татарского населения» [11, л. 32].

По замыслу Временного правительства земельные комитеты должны были заниматься сбором статистических сведений о землевладении и землепользовании. Подготовительные действия комитетов сводились главным образом к определению всей земельной площади в волостях, с указанием количества удобной и неудобной земли, а также количества земли, находящейся под выгоном, дорогами, сенокосными угодьями, лесами и т.д. Летом 1917 г. земельные комитеты приняли активное участие в осуществлении Всероссийской сельскохозяйственной переписи: проводили разъяснительную работу среди населения о необходимости точно указывать количество произведенных посевов и наличие скота. В некоторых уездах Казанской губернии прошли съезды местных земельных комитетов, на которых вырабатывались единые требования по оформлению статистических материалов переписи.

Несмотря на то, что политический состав Казанского губернского земельного комитета был эсеровским, его члены не всегда были склонны к принятию радикальных мер. Как ни парадоксально, но по части решения земельного вопроса, губернский комитет находился скорее на правозсеровских позициях. Ярким примером данного утверждения является инструкция для волостных земельных комитетов Казанской губернии, разработанная губернским комитетом 22–23 июля 1917 года. По существу, инструкция носила достаточно либеральный характер (по сравнению с постановлением Казанского съезда крестьянских депутатов от 13 мая). Так, до Учредительного собрания волостным комитетам предписывалось охранять от захвата хуторские, отрубные, арендуемые земли, а также земли, купленные у Крестьянского Поземельного банка и наделы лесной стражи (если, эти земли обрабатывались) [12, л. 66–68]. В отношении частновладельческих земель волостные комитеты должны были: «... добиваться соглашений между крестьянами и владельцами о предоставлении последним земли в арендное пользование первым и об оставлении им достаточного количества земли для семьи и скота» [12, л. 68–69]. Но, тем не менее, все равно инструкция была явно прокрестьянской ориентации. И не будем забывать, что волостные комитеты, по сути, представляли собой общинный орган, а отношения между общинниками и землевладельцами, были, мягко говоря, напряженными.

К середине лета общим требованием земельных комитетов было скорейшее издание инструкций и законов, регулирующих их права и обязанности. Но, не дожидаясь правительственных директив, волостные земельные комитеты встали на путь самовольного решения аграрного вопроса. Действия комитетов были направлены не только против помещиков, но и против кулаков, хуторян и отрубников. Так, в обзоре, составленном Временным комите-

том Государственной думы, отмечалось: «*Мелкий хуторянин, средний землевладелец, крупный помещик одинаково испытывают тяжелые, иногда непоправимые удары волостных комитетов...*» [1, с. 16]. В процентном отношении насильственные действия крестьян Казанской губернии в отношении домохозяев, по сравнению с периодом после октября 1917 г, были не столь велики в общем количестве правонарушений: 22% за март-ноябрь 1917 г, против 40% такого рода преступлений в марте-апреле 1918 года [13, с. 106]. Однако социальные и экономические последствия были несоизмеримы. На крестьян-единоличников оказывалось всяческое давление. Сообщения о захватах земли у хуторян и отрубников приходили весной-летом 1917 г. из Козьмодемьянского, Свияжского и Цивильского уездов. Председатель Казанского губернского союза сельских хозяев Н.А. Мельников жаловался министру внутренних дел: «*У мелких собственников не только отбирают землю, но заставляют их же пахать, для тех, которыми земля отобрана...*» [5, л. 120]. Хуторяне и отрубники, напуганные агрессивностью общинников, нередко покидали обжитые места и были вынуждены возвращаться в общину.

Крайне негативную роль в нагнетании напряженности между земельными собственниками и крестьянами играли солдаты-фронтовики, начавшие прибывать в деревню в начале 1917 года. Это были демобилизованные и раненные воины, приезжающие домой в отпуск и дезертиры, численность которых постоянно возрастала. Солдаты нередко становились инициаторами конфликтных ситуаций в деревне. Как правило, такие акции носили спонтанный характер и больше были похожи на хулиганские выходки. Появление солдат в деревне во многих случаях становилось прелюдией к началу брожения среди крестьян.

Земельные комитеты использовали и другие способы борьбы с частным землевладением. Исходной формой ограничения землевладения в распоряжении землей был комитетский контроль. С помощью контроля волостные комитеты точно определяли, сколько земли было у землевладельцев. Самой распространенной формой ограничения землевладельцев в распоряжении землей была принудительная аренда. Комитеты запрещали передачу земли крупным арендаторам и следили за тем, чтобы арендованная земля не скапливалась в руках кулаков. Многие земельные комитеты сознательно старались поставить землевладельцев в такие условия, при которых они не могли обрабатывать землю: у них снимали рабочих, реквизировали инвентарь, а затем отбирали землю как вовремя необработанную. Ситуация в деревне Казанской губернии стала неотъемлемой частью докладов и донесений местных чиновников Временного правительства. Сообщения об изъятии земли у землевладельцев, саботаже сельскохозяйственных работ, погромах, хищениях и т.д. поступали Казанскому губернскому комиссару практически ежеднев-

но. Постепенно причастность к категории земельных собственников становится общим критерием названия «враждебных» крестьянству сил, что наглядно проявилось в ходе деятельности земельных комитетов различных уровней, а также в ходе работы крестьянских съездов.

Крестьянские комитеты, съезды и советы Казанской губернии, проходившие в мае-июне 1917 г. развернули активную дискуссию по земельному вопросу. Решения и постановления делегатов и уполномоченных, на местах можно условно разделить на радикальные, которые выходили далеко за пределы установок Всероссийского крестьянского съезда и съезда крестьянских депутатов Казанской губернии (Спасский уездный крестьянский съезд, волостные земельные комитеты Лаишевского уезда) и умеренные, суть которых сводилась к тому, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание (Тетюшский и Чистопольский уездный съезд крестьянских депутатов) [14, с. 159; 15, с. 98; 16, с. 296; 17, с. 97]. Нередко крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления комитетов и съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса. Подливали масло в огонь и представители партий (левые эсеры и большевики), которые дезинформировали крестьян на местах, намеренно неверно представляя постановления I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (как например, на Спасском уездном съезде, проходившем в конце мая 1917 г. [16, с. 296]). Анализ решений и постановлений, принятых уездными и волостными земельными комитетами и съездами Казанской губернии подтверждал факт радикализации крестьянских масс. Этому способствовало и слишком неспешный ход аграрной реформы, и агитация социалистических партий, призывавших к захвату земель до созыва Учредительного собрания, и ухудшающее положение страны и т.д.

К лету 1917 г. ситуация в деревне значительно осложнилась. Земельные комитеты настойчиво требовали от Временного правительства немедленного издания закона о переходе земли в распоряжение комитетов. Из губерний сообщали, что отстаивать политику Временного правительства очень трудно, что даже к лицам, призывавшим ждать Учредительного собрания, крестьяне относились с недоверием [1, с. 25]. Аграрное движение нарастало с каждым месяцем. В марте крестьянские выступления были зарегистрированы в 34 уездах, в апреле – в 174, мая – в 136, июне – в 280, в июле – в 325 [15, с. 111]. Все чаще стали поступать сообщения об избиениях представителей власти и общественности.

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий (прежде всего, по изъятию земли у частных собственников), объявляло решения крестьянских комитетов и съездов незаконными. На места посылались эмиссары и специальные уполномоченные Временного правительства, но крестьяне не шли на уговоры и уступки. Таким образом, Времен-

ное правительство оказалось в сложном положении: инициатива на местах явно опережала законотворческую деятельность центральных органов власти. Медлительность Петрограда в принятии решений по земельному вопросу подталкивала крестьян к анархическим действиям, ставя под сомнение дальнейшее будущее института частной собственности на землю.

Список источников и литературы

1. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001. – 400 с.
2. НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 74.
3. НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 54.
4. НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 180.
5. НА РТ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 189.
6. Сборник Указов и постановлений Временного правительства. – Пг.: Гос. тип., 1917. – Вып. 1. – С. 192–197.
7. НА РТ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4.
8. НА РТ. Ф. Р–512. Оп. 2. Д. 4.
9. НА РТ. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 55.
10. НА РТ. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 44.
11. НА РТ. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 45.
12. НА РТ. Ф. Р–174. Оп. 1. Д. 1.
13. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М.: АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
14. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 г.: год 33-й / Казанское губернское статистическое бюро / Секция текущей сельскохозяйственной статистики. – Казань: 4-я Гос. типолит., 1920. – 137 с.
15. Крестьянское движение в 1917 г. / пред. Я.А. Яковлева – М., Л.: Госиздат, 1927. – 445 с.
16. Татария в борьбе за победу пролетарской революции: сборник документов и материалов (февраль-октябрь 1917): Сборник документов и материалов / под ред. М.К. Мухарямова. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 510 с.
17. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: Сборник документов и материалов / сост. Н.М. Силаева. – Казань: Таткнигоиздат, 1958. – 825 с.

А.М. Рафиков

1917 год в судьбе купеческой династии Заитовых

Вятская губерния второй половины XIX – начала XX в. являлась одним из полиэтничных административно-территориальных образований России. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на ее территории проживали русские, удмурты, марийцы, коми-пермяки. В юго-восточных уездах региона была высока численность татар, которых насчитывалось более 111 тыс. чел. [1, с. 94].

Среди представителей мусульманского населения губернии встречалось немало крупных предпринимателей, оставивших заметный след в социально-экономическом развитии края. Одной из самых древних и широко известных современникам купеческих династий являлись Заитовы.

Корни этого рода уходят еще в средневековый период. Основателем фамилии считается некий Сарманай, переселившийся в деревню Варзи-Омга (в XVII в. входила в состав Царства Казанского, в XVIII – начале XX в. в состав Агрызской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Ныне Агрызский район Республики Татарстан) в XVII столетии. Долгие годы потомки Сарманая проживали в этой местности. В 1780 г. один из представителей рода – Загит Мухсинович (1759–1836) переселился вместе с семьей на берег реки Сукман, которая протекала неподалеку от Варзи-Омги. На этом месте он основал новую деревню.

После смерти Загита Мухсиновича его многочисленное семейство переехало в деревню Кадрали Большекибынской волости Елабужского уезда (ныне Агрызский район Республики Татарстан). У мусульман существует традиция, согласно которой родовая фамилия часто образуется от имени отца или деда. По нашему мнению, от имени Загита Мухсиновича и появилась фамилия Заитовы. Вероятно, в память об отце так стали называть себя его сыновья после переезда в Кадрали.

В числе представителей династии Заитовых было много выдающихся и образованных людей, проявивших себя в самых разных областях. Духовную стезю служения выбрал один из сыновей Загита Мухсиновича – Гайнельхазик (1801–?). Впоследствии муллами в родной деревне Кадрали стали и его наследники – Сибгатулла (1827–1892) и Галяутдин (1872–?). Тонким философом и поэтом, большинство произведений которого, к сожалению, не сохра-

нилось, являлся Фаттахитдин Зайтов (1883–?). Предпринимательской деятельности посвятили себя братья Ахмат-Шакир (1857–1931) и Шигабутдин (1853–?) Зайтовы.

Отец Ахмат-Шакира и Шигабутдина – Зайнутдин Зайтов (1827–?) был младшим из двенадцати сыновей Загита Мухсиновича. Вместе со своими братьями он переселился в Кадрали, где организовал крепкое крестьянское хозяйство и положил начало одной из ветвей фамилии Зайтовых. Вступив в брак с местной крестьянкой Бибигайшой, Зайнутдин Зайтов оставил после себя многочисленное потомство. Помимо Ахмат-Шакира и Шигабутдина в его семье воспитывались еще два сына – Камалетдин (1849–?) и Ахмат-Шах (?), а также дочь Фахриса (1847–?) [2, л. 456–457].

Зайнутдин Зайтов позаботился не только о материальном благосостоянии своих сыновей, но и об их образовании. Средний из братьев – Шигабутдин обучался у муллы, младший – Ахмат-Шакир окончил медресе [3, л. 71, 63 об., 163 об.]. Наличие прочной материальной базы и хорошее образование позволило братьям Зайтовым заняться торгово-предпринимательской деятельностью.

Формирование капиталов Зайтовых проходило типичным для большинства представителей купеческого сословия путем. Оба брата стали заниматься мелкой торговлей, принадлежа еще к крестьянскому сословию. Первое свидетельство о коммерческой деятельности Зайтовых относится к 1889 г. В этот период А.-Ш. Зайтову принадлежала одна лавка, открытая в деревне Мордва Ильинской волости Елабужского уезда, где продавались посуда, мыло, чай, сахар. Годовой оборот заведения составлял 1000 руб. За Ш. Зайтовым в конце 1880-х гг. числились четыре лавки, находившиеся в Большекибынской, Салушской, Терсинской и Можгинской волостях Елабужского уезда. В них продавались чай, сахар, мыло, посуда, бакалейный товар, ситец, платки и сукно. Годовой оборот коммерческой деятельности предпринимателя составлял 3000 руб. [4, л. 51 об., 98 об., 421 об.].

Накопив первоначальный капитал, Зайтовы значительно расширили торговое дело. В 1900 г. оба брата записались в купечество второй гильдии города Елабуги [5, л. 14 об.]. Расцвет их предпринимательской деятельности пришелся на начало XX в. В период с 1903 по 1914 гг. в собственности А.-Ш. Зайтова одновременно находились десять лавок, семь балаганов для временной базарной торговли, несколько товарных складов, а также магазин с колониальным товаром в городе Сарапуле с годовым оборотом 100 тыс. руб. [6, л. 340 об.] и более 3600 дес. земли [7, л. 109]. Помимо этого купец занимался оптовыми продажами леса, воска, кож и другого сырья, имел прочные связи с Казанью и Нижним Новгородом [8, л. 24 об., 52 об., 53 об.–54].

В собственности Ш. Зайтова в этот же период находились 12 торговых лавок. Предприниматель также брал строительные и извозные подряды, продавал скот, совместно с братом занимался хлеботорговлей [8, л. 24 об., 52 об., 53 об.].

Приведенные данные позволяют считать братьев Зайтовых одними из самых состоятельных купцов-татар Вятской губернии.

Зайтовых отличала активная жизненная позиция. Обладая значительными финансовыми средствами, они многое делали для развития и благоустройства родного края. В период между 1906 и 1912 гг. на средства А.-Ш. Зайтова была построена одноэтажная каменная мечеть в родовом имении семьи – «Соклово» [9, с. 15].

Являясь человеком просвещенным и образованным, А.-Ш. Зайтов был озабочен развитием обучения и грамотности. На свои средства купец построил две русско-татарские школы. Одна из них находилась в «Соклово», вторая в другом имении, принадлежавшем лично предпринимателю – «Чучкан» [10, с. 333].

С именем А.-Ш. Зайтова связан еще один уникальный пример благотворительности. В имении «Чучкан» купцом был создан детский сад, который посещали дети из окрестных деревень. За ними ухаживали женщины-крестьянки. В период страды мальчики и девочки жили здесь по целому месяцу, потом родители на несколько дней забирали их домой, и вскоре приводили снова. Вместе с крестьянскими детьми в этом саду, воспитывались и наследники самого А.-Ш. Зайтова. Ребятам из бедных семей купец постоянно оказывал помощь продуктами и одеждой [11, л. 1].

Благотворительной деятельностью занимался и Ш. Зайтов. Купец неоднократно избирался попечителем Кадралинской и Сарсазкой русско-татарских школ Елабужского уезда, оказывал им постоянную финансовую поддержку [12, с. 1186].

Оба брата избирались гласными Елабужского уездного земского собрания (Ш. Зайтов в трехлетие с 1886 по 1888 г.; А.-Ш. Зайтов – в трехлетие с 1906 по 1908 г.). В этом отношении показательна биография А.-Ш. Зайтова, который помимо текущего участия в деятельности органов местного самоуправления, избирался председателем специальной комиссии по распределению средств на содержание медресе и мектебе; попечителем Граховской больницы; представителем от земства в раскладочное по промысловому налогу присутствие [13, с. 9, 450, 850]. Незаурядные деловые и административные способности позволили купцу активно включиться в общественную жизнь всей Вятской губернии. В 1907 г. предприниматель стал выборщиком в Вят-

ское губернское избирательное собрание для избрания депутатов Государственной Думы [14, с. 266].

Пример братьев Зайтовых позволяет проследить важную общероссийскую тенденцию. Интенсивное развитие капиталистических отношений, торгового законодательства, проникновение в жизнь российского общества буржуазных норм и ценностей приводят к постепенному разрушению традиционного феодального уклада, исчезновению ярко выраженных сословных границ. Результатом этих перемен стало появление нового типа купца, ориентирующегося не столько на поддержку правительства и повышение социального статуса, сколько на поиск новых путей самореализации. Современные исследователи едины во мнении, «что одна из основных тенденций эволюции российского купечества во второй половине XIX – начале XX в. заключалась в постепенном превращении его в предпринимательский слой населения, имевший широкие общественные интересы» [14, с. 86].

Активной общественной и торгово-предпринимательской деятельностью братья Зайтовы занимались до 1917 г. После Октябрьской революции и прихода к власти большевиков Зайтовых, как и многих других состоятельных людей, раскулачили. В частности, национализировали всю недвижимую собственность А.-Ш. Зайтова. Земельные угодья купца в имении Соклово были поделены между местными крестьянами единоличниками и новообразованными коллективными хозяйствами.

Так, в протоколах заседаний комиссии Елабужского кантземотдела за 1924 г. отмечалось: «Слушали: заявление сельхозартели имени Абдуллы Буби о закреплении за таковой построек бывшего помещика Зайтова, предоставленных в их владение, согласно постановления Елабужского КИК (Кантонный исполнительный комитет – А.Р.) от 17. 04. 1922 г.

Постановили: принимая во внимание, что постройки бывшего помещика Зайтова заняты членами сельхозартели им. Абдуллы Буби с начала революции, благодаря чего лишь могли сохранить свою ценность, как поддерживаемые от разрушения... и имея в виду, что состав артели состоит чисто из татарского населения пролетарского происхождения, а потому на основании вышеизложенного постройки в бывшем имении Зайтова закрепить за артелью...» [15, л. 136 об.–137].

Из описи имущества имения, прилагаемой к протоколам заседания, следует, что оно включало в себя обширный комплекс хозяйственных и жилых сооружений: шесть домов (три деревянных одноэтажных, двухэтажный на каменном фундаменте, двухэтажный полукаменный, одноэтажный каменный), три конюшни, три деревянных погреба, баню, мельничный мукомольный амбар с пристроем и зерносушилку. Общая стоимость названного иму-

щества, даже с учетом того, что к 1924 г. многое было уже наполовину разрушено, составляла более 3 тыс. руб. [15, л. 145 об.–147 об.].

Другое имение купца – Чучкан было использовано для решения такой насущной проблемы, вызванной Гражданской войной, как ликвидация детской беспризорности. Зимой 1920 г. специальная комиссия Елабужского уездного и кантонного отдела народного образования провела осмотр поместья на предмет открытия здесь детского дома и нашла его вполне подходящим. «...В имении Заитова очень красивое местоположение, построек достаточно для детского приюта, требуется только оклейка комнат и белка потолков», – отмечали члены комиссии [16, л. 138 об.–139]. Вопрос решился быстро и уже в июне 1921 г. приют, созданный «исключительно для детей-мусульман всего Елабужского кантона от 3-х до 10-ти лет», принял первую партию воспитанников в составе 20 человек [17, л. 12].

Когда началась Гражданская война А.-Ш. Заитов, небезосновательно опасаясь за свою семью, решил уехать из России. Вместе с сыновьями он отправился в Крым, чтобы оттуда уплыть в Турцию. Однако сесть на пароход Заитовы не смогли. Тогда Ахмат-Шакир решил пробираться в Китай. В дороге купец и один из его сыновей заболели тифом и были вынуждены сойти с поезда. Истощенный недугом и голодом, Ахмат-Шакир лежал в одном из госпиталей на Дальнем Востоке, и лишь судьбоносная встреча с земляком помогла Заитовым вернуться в Казань.

В годы НЭПа Ахмат-Шакир и Шигабутдин возобновили коммерческую деятельность и успешно торговали до конца 1920-х гг. После ликвидации НЭПа Заитовы вновь стали изгоями в новом обществе. В 1929 г. Ахмат-Шакир и Шигабутдин уехали вместе со своими семьями, а их братья Камалетдин и Ахмат-Шах остались на родине.

Некоторые из представителей династии, в частности Фаттахитдин Заитов, были арестованы. Вспоминая о событиях того времени, он писал: «1 января 1930 года всех хорошо живущих торговцев раскулачили, выгнав их из своих домов, туда вселили бедных. Мы и сами попали под этот удар. Оставшись без дома, мы прожили 9 месяцев у одной вдовы, затем всех раскулаченных купцов арестовали. Осенним днем конца сентября 1930 года нас всех отправили в Казань. Приехав в Казань, нас всех закрыли в первую камеру тюрьмы. Примерно три месяца мы находились в заключении. За это время тщательно проверяли наши дела и думали кому какой срок дать. Для выполнения вынесенного предписания нас отправили в лагеря, объяснив кому сколько работать. Нам троим дали три года: мне, Гайсину Нигматулле и молодому парню из Табарлей. Остальным товарищам по несчастью дали раз-

личные сроки, кому 5 лет, кому 10. Нас всех отправили рыть канал между Балтийским и Белым морями...» [18, л. 2].

Освободившись, Фаттахитдин Заитов сумел вернуться домой. К этому времени Ахмат-Шакир и Шигабутдин обосновались в Ташкенте. Ахмат-Шакир прожил здесь до 1931 г., точное время смерти Ш. Заитова неизвестно. Со смертью братьев Заитовых их династия не оборвалась. Современные представители этого рода по-прежнему проживают в Ташкенте, а также в Казани.

На сегодняшний день династическая преемственность фамилии наиболее полно представлена ташкентской ветвью. Гражданами Узбекистана являются Масуда, Гузаль, Рифкат (внуки Ахмат-Шакира и Шигабутдина), Неля и Искандер (правнуки) Заитовы. Они живут одной большой дружной семьей, где каждый нашел свое призвание. Некоторые работают на производстве, другие в сфере сельского хозяйства. Масуда Салиховна всю жизнь преподавала в Ташкентском университете и в настоящий момент находится на пенсии. Заитовы сумели сохранить связь поколений и живо интересуются историей своей семьи. Примечателен тот факт, что Масуда Салиховна после замужества предпочла сохранить родовую фамилию.

Таким образом, на примере купеческой династии Заитовых ярко отразились противоречивые тенденции внутренней жизни России второй половины XIX – первой четверти XX в.: расцвет предпринимательской деятельности, рыночных отношений, зарождение гражданского общества в дореволюционный период, Октябрьская революция и коренная перестройка механизма социальных отношений в первое десятилетие советской власти. Не вызывает сомнения, что после Октября 1917 г. многовековая история делового мира России была прервана в пору его больших потенциальных возможностей, когда миллионы предпринимателей могли способствовать быстрому экономическому оздоровлению страны.

Список источников и литературы

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Изд-во Центр. стат. комитета МВД, 1904. – Вятская губерния. – Т. X. – 228 с.
2. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 574.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 574. Оп. 9. Д. 32.
4. НАРТ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 6.
5. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4620.
6. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3556.

7. ГАКО. Ф. 574. Оп. 5. Д. 396.
8. НАРТ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 36.
9. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы. – Т. 1. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 460 с.
10. Журналы XXXXIV очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 28 сент.–11 окт. 1910 г. – Елабуга: губ. тип., 1911. – 919 с.
11. НАРТ. Ф. Р–4536. Оп. 1. Д. 10.
12. Журналы XXXXVIII очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 5–16 окт. 1914 г. – Елабуга: губ. тип., 1915. – 1594 с.
13. Журналы XXXXI очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 5–13 окт. 1907 г. – Елабуга: [б.и.]. тип., 1908. – [б.с.].
14. Судовиков М. С. Политическая деятельность купечества в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2009. – № 7. – С. 86–95.
15. НАРТ. Ф. Р–6066. Оп. 1. Д. 20.
16. НАРТ. Ф. Р–6066. Оп. 1. Д. 6.
17. НАРТ. Ф. Р–1293. Оп. 1. Д. 73.
18. Воспоминания Фаттахитдина Зайтова // Личный архив Шамиля Мирзиевича Зайтова.

Е.И. Медеубаев

«Красногвардейская атака на капитал» в городах Казахстана в эпоху «военного коммунизма» (1918–1921 гг.)

Одной из главных отличительных черт «военного коммунизма» стало широко распространенное насилие. Волны конфискации и реквизиции буквально захлестнули небольшие города Казахстана, став обычным явлением в повседневной жизни горожан. По меткому образному определению современника – это была «та эпоха, когда наш мещанин-обыватель дрожал за свою вторую пару штанов, боясь, что Советская власть, узнавши об ее существовании, отберет ее» [1, с. 130]. В свете процесса конфискации и реквизиции раскрывается одна из самых неприглядных сторон «военного коммунизма» – нигилистическое отношение к человеческой личности, нежелание признания его прав на частную собственность. Принудительное изъятие у граждан многих необходимых в быту предметов, орудий труда, личных вещей стало для государства универсальным методом решения всех насущных проблем. Во многом этот процесс был порожден провозглашенной политикой «экспроприации экспроприаторов». На практике он носил откровенно грабительский характер.

Создаваемые в городах государственные органы и учреждения Советской власти в Казахстане, пользуясь правом сильного, обеспечивали себя всем необходимым за счет городских жителей. Так, 24 февраля 1920 г. председатель Казревкома Пестковский обращался в реквизиционную комиссию учетно-инвентарного отдела с просьбой передать в отдел юстиции ревкома мебель, реквизированную незадолго до этого в квартире жителя Оренбурга Алексеева [2, л. 60]. В мае 1920 г. вся мебель, реквизированная в доме жителя Оренбурга Панкратова, была передана в распоряжение Казревкома [3, л. 99].

Очень часто такие акции выливались в настоящие грабежи. В то же время властвующие структуры ничем не мотивировали свои противоправные действия. Например, в Верном у жителей при обыске забирались все деньги, особенно ценились деньги царского времени, все золотые и серебряные вещи. Широкий размах приобрела реквизиция мебели у граждан. Мебель забиралась в государственные учреждения, в первую очередь такие, как ЧК, Особый отдел, уездный исполком, коммунальный отдел [4, л.16об.]. При этом каждое учреждение вело самостоятельные реквизиции, изымая у горожан все

необходимое для себя. Пользуясь безнаказанностью, немалая часть ответственных работников в Верном экспроприировали предметы быта у частных владельцев для личного пользования. Вот как описывает подобную ситуацию один из жителей города: «При отбирании не руководствовались какими-либо нормами или соображениями о законности и государственной целесообразности, а просто орали, применяя угрозы и аресты. Особенно аппетиты разыгрывались насчет реквизиции мягкой мебели и ковров для создания буржуазного комфорта в квартирах некоторых ответственных работников» [4, л.17].

Своего рода пик экспроприаторских акций в городах Казахстана пришелся на первые дни Советской власти, когда в пылу псевдоклассовой борьбы стихия национализаторских и конфискационных увлечений охватило общество. Как протекали эти процессы, можно рассмотреть на небольших примерах из жизни в Усть-Каменогорске в марте-апреле 1918 г. после того, как в городе установилась Советская власть. В первую очередь были национализированы Усть-Каменогорское казначейство, а также отделение Русско-Азиатского банка и Городской банк. Комиссаром национализированных финансовых учреждений был назначен В.Петров, который должен был руководить всеми операциями банков и казначейства. В городе была проведена национализация крупных торгово-промышленных учреждений и частных объектов. Так, комиссару медицинского отдела Усть-Каменогорского исполкома было поручено национализировать аптеку Корхмана и аптекарский магазин Плотунова. Все конфискованные лекарства были переданы в единую централизованную аптеку города. Таким же образом дело обстояло и с конфискованными продовольственными товарами. Они должны были поступать в уездный продовольственный комитет для распределения между горожанами и организаций товарообмена между жителями города и села. Многие продукты отпускались по продовольственным карточкам. Для этого каждый горожанин должен был предварительно внести в Совдеп деньги и получить карточки. Конечно, необходимое продовольствие конфисковывалось у частных владельцев. Например, сахар был конфискован у крупного торговца Усть-Каменогорска Братчикова. У известного в городе купца Рафикова был конфискован весь запас меда. На пивоваренном заводе, принадлежавшем частному владельцу Суворову, была реквизирована вся готовая продукция. По приказу уездного Совдепа у казахского населения города были конфискованы изделия из серебра, которые были сданы в Госбанк, а изъятые у казахов деньги были внесены на текущий счет Совета [5, лл. 5–9; 11–13об.; 17об.].

Схожие процессы происходили и в других регионах Казахстана. В июне 1918 г. в Верном была образована «Комиссия по приведению в известность конфискованного имущества капиталистов». Дома и торговые помещения в

городе, принадлежавшие крупным торговцам, занимались под почты, телеграфы, склады конфискованного имущества и другие государственные объекты. В других городах Семиреченской области также происходила конфискация имущества зажиточных граждан. Например, в Лепсинске в июне 1918 г. все имущество, принадлежавшее крупному собственнику Пугасову, было взято местным Советом в свое распоряжение до образования отдела народного хозяйства [6, л. 31; 7, л. 52].

Другим важным аспектом политики «военного коммунизма» в городе являлась денежная контрибуция. В условиях хозяйственной разрухи, полного истощения финансовой системы органы Советской власти на местах, остро нуждаясь в деньгах, революционными методами изыскивали средства для покрытия неотложных местных нужд. В этом смысле контрибуция, накладываемая на зажиточных граждан, стала действенным инструментом в деле мобилизации материальных ценностей. С другой стороны, Советская власть, прибегая к обложению контрибуциями, преследовала еще одну цель – подорвать материальные силы «буржуазного класса». Так, весной 1918 г. в городах Сырдарьинской области прокатилась целая волна финансовых репрессий. 26 марта 1918 г. Туркестанский исполком принял решение об обложении горожан г. Туркестана контрибуцией в сумме 1200000 рублей. В марте 1918 г. Казалинский Совдеп постановил наложить на жителей г. Казалинска контрибуцию в размере 500000 рублей. В это же время Аральский Совдеп наложил контрибуцию на 1000000 рублей на аральских рыбопромышленников. В г. Аулие-Ата была наложена контрибуция на имущих горожан в сумме 1300000 рублей. 20 марта 1918 г. Туркестанский исполком постановил конфисковать имущество горожан, не внесших в указанный срок налог в сумме 300000 рублей. Для взимания контрибуции с жителей г. Туркестана была назначена комиссия, которая арестовывала людей, составлялись списки имущих горожан [8, с. 231–235]. 19 марта 1918 г. исполком Чимкентского Совета совместно с представителями Красной гвардии и рабочих предприятий на своем заседании постановил: «Обложить капиталистов города на 1 млн. рублей, в случае, если деньги не будут внесены в установленный срок, сумму увеличить еще на 1 млн. рублей, а представители буржуазии будут арестованы, имущество их будет конфисковано» [9].

Важно отметить, что большевики при осуществлении революционных мер в области финансов, исходили из представлений о некоем идеальном коммунистическом обществе, в котором не будет места деньгам. Советская власть, опираясь на национализацию банков и государственный контроль над производством, взяла под контроль денежные обороты имущих слоев населения, движение денежных капиталов. Выдача денег с текущих счетов была ограничена прожиточным минимумом [10, с. 76]. Одновременно с этим были

попытки привлечь циркулировавшие среди населения деньги в государственную казну путем развития вкладных операций. Однако рядовой обыватель не доверял Советской власти. Один из руководящих финансовых работников большевистского правительства А.Потяев следующим образом комментировал эту ситуацию: «...Денег нам не несли, потому что выдачи с текущих счетов были обставлены целым рядом формальностей; ...и покуда он этими удостоверениями запасается он, конечно, много крови испортит, много энергии потеряет и поэтому каждый уже зная, что вносить деньги в банк значит портить себе кровь, предпочитал все скопленные деньги держать у себя в кубышке, а не нести в банк» [1, с. 114].

Также наблюдался процесс замораживания частных банковских вкладов. Все это создавало дополнительные трудности для простых горожан. 9 мая 1920 г. в уездный ревком поступила просьба от жительницы г. Перовска Червяковой. Она просила разрешения взять из банка треть принадлежащей ей суммы, объясняя просьбу смертью мужа [11, л. 15]. Действительно, люди не могли получить свои денежные сбережения, так как государство фактически наложило арест на банковские счета вкладчиков. В Семиреченский облисполком поступило прошение, датированное 1 июлем 1918 г., от гражданина 4-го района г. Верного Н. Дериглазова. «Имея на руках вкладную книжку Казачьего банка, я как человек бедного состояния, имея на руках четырех детей, и крайне мне необходимы средства для уборки хлебов. Я покорнейше прошу комитет разрешить мне получить сделанный вклад на 500 рублей на уборку хлеба из средств бывшего Казачьего банка», – писал проситель [12, л. 1].

Получение законных денежных вкладов было обставлено такими бюрократическими препонами, что на практике это было осуществить невозможно. Наряду с этим советская власть прибегала к откровенно грабительским акциям, чтобы изъять денежные капиталы граждан. Так, управляющий Ташкентским отделением Народного банка дал указание от 29 февраля 1919 г. Семиреченскому облисполкому «конфисковать все принадлежащие буржуазии и частным лицам суммы свыше 10000 рублей, находящиеся на текущих вкладах и счетах» [12, л. 2]. Этот приказ шел вразрез с политикой Семиреченского областного отдела финансов, так как население агитировали нести свои сбережения в государственный банк, а данное указание из Ташкента подрывало доверие у населения. С другой стороны, вся эта ситуация создавала паническую атмосферу, и прекратился приток денежных вкладов из деревни, основного держателя денег. И, наконец, 10000 рублей, на тот период являлось небольшой суммой, к примеру, столько стоила плохая лошадь. Так что если следовать логике, исходящей «сверху», то у всех граждан пришлось отобрать бы все, оставив им только лошадь или телегу. Подобные абсурдные решения

Советской власти на местах не добавляли к ней доверия и уважения со стороны населения.

В документах того периода отмечалось, что учет и взимание контрибуции с буржуазии, а также производство разного рода реквизиций и конфискации производилось чаще всего днем, в отсутствие хозяев дома. После этого люди были обречены на бесконечные хождения по официальным учреждениям, пытаясь вернуть обратно хотя бы часть вещей, так как забиралось самое необходимое в быту. Следует отметить, что увлечение экспроприаторскими акциями в городах приняло настолько угрожающие размеры, что власть была вынуждена хоть как-то упорядочить этот безудержный процесс. Наблюдались случаи, когда одно госучреждение реквизировало имущество у другого. ТурЦИК выпустил декрет от 20 октября 1919 г., в котором пояснялось, в каких случаях следует проводить реквизицию, а в каких конфискацию [13, л. 417]. Этот декрет был выпущен из-за явлений беспорядочных конфискации и бесчинств. Здесь следует уточнить разницу между понятиями реквизиция и конфискация, так как они чаще всего употреблялись и понимались как термины одного порядка. В декрете ТурЦИКа подчеркивалось, что реквизиция – это акт государственно-хозяйственного свойства, акт присвоения государством частного движимого имущества, а также права пользования государством частной недвижимостью. А конфискация имущества частных лиц – репрессивная акция, акт возмездия со стороны Советского государства за государственную измену, саботаж, неподчинение Советской власти и т.д. Тем не менее следует признать, что на практике трудно было провести четкую грань между этими понятиями. 17 марта 1920 г. Атбасарский уездный ревком выпустил приказ № 16 о запрещении реквизиций и обысков у частных лиц без разрешения ревкома. Этот приказ вышел в связи с тем, что в г. Атбасаре широкий размах приняли самовольные обыски, реквизиции, захват квартир, производимые разными советскими учреждениями, воинскими частями, отдельными должностными лицами [14, л. 2об.].

В городах Степного края в этот период также проводились экономические меры, характерные для политики «военного коммунизма», и в первую очередь это вопросы, связанные с продрозверсткой и организацией различного рода трудовых повинностей. Учет продовольствия и контроль за выполнением продрозверстки в городах лежал на квартальных комитетах. Горожане, как и жители села, обязаны были поставлять государству продовольствие по разверстанной норме. Так, Семипалатинский губревком на основании декрета СНК РСФСР от 2 февраля 1920 г. своим приказом за № 218 от 11 мая 1920 г. по г. Семипалатинску и его пригородам и г. Алашу обязал городское население к обязательной поставке коровьего масла, а также к годовой поставке молока в размере 5 пу-

дов с 1 головы крупного рогатого скота. Для этого жителям Семипалатинска было приказано явиться для регистрации в городской продкомитет. Уклонившимся от регистрации и разверстки продовольствия угрожали судом ревтрибунала и реквизицией скота [15]. Применялись и другие меры административно-силового воздействия. Например, в марте 1919 г. власти г. Уральска взяли на учет имевшееся у жителей города продовольствие. При этом была проведена конфискация продуктов у частных лиц, когда на взгляд властей наблюдалось превышение установленной нормы [16, л. 33].

В эпоху «военного коммунизма» под натиском революционных преобразований правосознание в обществе претерпело значительную трансформацию. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Большевистский режим не признавал правовых механизмов, подменив их аморфным понятием «революционная законность». Все это создавало простор для произвола и разгула беззакония со стороны власти.

Список источников и литературы

1. Сарабьянов В. Экономика и экономическая политика СССР. – М.: Госиздат, 1926. – 456 с.
2. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21.
3. ЦГА РК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 20.
4. Архив Президента РК. Ф. 666. Оп. 1. Д. 198.
5. ЦГА РК. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 1.
6. Алматинский Областной Государственный Архив (АОГА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 33.
7. АОГА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 91.
8. Пашинцева З.В. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Сыр-Дарьинской области 1917–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1952. – 283 с.
9. Правда Южного Казахстана. – 1947. – 5 ноября.
10. Атлас З.В. Социалистическая денежная система – М.: Финансы, 1969. – 384 с.
11. ЦГА РК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 13.
12. АОГА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 107.
13. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. 17. Оп. 1. Д. 821.
14. Государственный Архив Акмолинской области. Ф. 115. Оп.1. Д. 8.
15. Степная правда. – 1920. – 23 мая.
16. ЦГА РК. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 3.

*И.А. Рябец***Судьбы провинциальной интеллигенции в 1917–1918 гг.:
на примере «музыкальной истории» семьи Гольник в Царицыне**

История музыкальной культуры Волгоградского региона относится к числу малоизученных краеведческих тем. Исследовательский интерес к данному вопросу представляют весьма редкие работы общего плана [1], а так же специальные статьи, которые в основном касаются генезиса музыкального образования в Царицыне и нюансов деятельности Царицынского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО) [2; 3]. В связи с крайней скудностью материала по музыкальному краеведению г. Царицына в 1917–1918 гг., работы на эту тему в региональной историографии практически отсутствуют. Наиболее ярко этот процесс проявляется на фоне других областных центров Нижневолжского региона, ранее губернских городов – Саратова и Астрахани, обладающих многолетней практикой изучения вопросов художественной жизни [см., например, 4; 5; 6].

Особенности источников предопределили вектор данного исследования, в котором изучение музыкальной культуры Царицына указанного периода интерпретировано посредством рассмотрения деятельности музыкального магазина и издательства, принадлежавшего коммерсантам по фамилии Гольник. В связи с тем, что анализу подлежали каталоги, нотные публикации и видовые открытки, изданные указанным музыкальным магазином, автором были широко использованы материалы коллекции одного из ведущих филокартистов г. Волгограда – А.Ф. Рябеца.

В формировании исследовательского поля проблемы многое объясняет специфика Царицына, состоявшая в том, что торгово-промышленная и транспортно-логистическая составляющая развития города в начале XX в. значительно опережала динамику роста общественной активности. Здесь так и не появилось объединения, схожего с саратовским обществом любителей изящных искусств (ОЛИИ), а открытие царицынского отделения ИРМО произошло на 37 (!) лет позже, чем в губернском центре. Зато в городе к началу XX в. работало сразу три музыкальных магазина, которые вели бойкую торговлю музыкальными инструментами, атрибутикой, нотами. Это были заведения С.Б. Гильдебрандта, Р.Ф. Гольника и Н.А. Пятакова. Причём два первых удостоились упоминания в уникальном Каталоге Б.С. Родкина, отразив-

шем в аспекте топографической статистики картину театральную и музыкальную жизни Российской империи на 1914 год [7, с. 1049–1050].

Упоминания фамилии Гольников закрепляются в Царицынской прессе на рубеже XIX–XX вв. К 1901 г. относится «Каталог нот музыкального магазина Р. Гольника в Царицыне н/В», изданный в Воронеже [8]. Место публикации указывает на прочные связи с воронежским издателем и нестабильность, вызванную переездом. После закрепления Гольников в городе на их товарах появилась надпись: «Изд. музык. магаз. Р.Ф. Гольникъ, Царицынъ н.В.» (Рис.2).

Следует отметить, что деятельность Гольникова в Царицыне демонстрировала такие необходимые предпринимателям качества, как перфекционизм, контактность, высокую степень мобильности, острое ощущение конъюнктуры и предпринимательскую интуицию, безукоризненное знание особенностей своего направления торговой деятельности. Всё это позволило семье Гольников выйти на высокий уровень внутрироссийских и международных контактов и сотрудничать с лучшими представителями музыкальных фирм, торговых представительств, издательств: их партнёрами были издатели Л. Идзиковский (г. Киев), Н. Маречек (г. Харьков), В.Ф. Кастнер (г. Воронеж). Печатали свои ноты Гольники в известнейшей типографии Ф. Гроссе (г. Москва).

В 1910 г. при организации Царицынского отделения ИРМО Роберт Гольник становится его комиссионером, о чём свидетельствует соответствующая надпись на титульном листе каждого его издания.

В период с 1910 по 1916 гг. магазином Гольников было издано значительное количество нотных тетрадей самых различных музыкальных произведений. Некоторые из них сегодня сохранились в Российской Государственной библиотеке. Это издания отличного качества, обладающие высокими полиграфическими показателями – качеством оформления, выполнения типографских работ, бумаги. Анализ сохранившихся нот также позволяет создать представление о диапазоне музыкальных предпочтений и исполнительских возможностей жителей нашего региона [9]. В основном это были салонные романсы: «Я хочу. Ноты», «Любовное признание», «Воспоминание». Но среди музыкального материала, изданного Гольником, были не только фривольные легковесные мелодии, но и гораздо более серьёзные произведения: это и романтическая «Песня о Волге», и триумфальный вальс «Привет Астраханской мужской гимназии», посвящённый её директору А.Н. Воробьёву, и патриотический «Походный марш на 1915–16-ый год». Автор последнего произведения – И.М. Перегудов впоследствии стал выдающимся представителем советской школы хорового дирижирования. С его именем связано создание Пролетарского Красного хора при Реввоенсовете X Армии в годы Граж-

данской войны и руководство духовым оркестром Московского Кремля во время Великой Отечественной.

В целях рекламы и продвижения своего дела владельцем была заказана и открытка с изображением собственного торгового заведения, которая, по мнению экспертов, сегодня является единственной «постановочной» фотографией витрины магазина, сделанной на территории Нижнего Поволжья [10]. Рассматривая снимок, мы можем составить представление о буржуазном шике магазина, уютно расположившегося на первом этаже элитной гостиницы «Столичные номера» в самом центре Царицына.

Перед нами богато декорированная витрина, в которой выставлены технические новинки – патефон и граммофоны, в другой представлена продукция собственного полиграфического производства: каталоги, ноты, наборы видовых открыток, в третьей расположен столик, украшенный предметами мелкой пластики. На витринном стекле вокруг изображения двуглавого императорского орла надпись «Представительство К. Шрёдер¹. Рояли и пианино». В соответствии со стилистикой времени каждая из витрин затейливо задрапирована шторами с ламбрекенами. Афиши и аншлаги на фасаде здания свидетельствуют о предлагаемом наборе товаров, а приветливо полуоткрытая дверь услужливо приглашает войти...

Круг покупателей, заинтересованных в приобретении качественных новинок музыкального издательства и инструментов в Царицыне неуклонно увеличивался. Помимо царицынского отделения ИРМО и организованных им «музыкальных классов», в 1915 г. в городе возникает общество «Общество любителей музыки и пения» с целью объединить молодые силы, дать им музыкальное образование, отвлечь от трактиров и карт [11].

Заказывая модные новинки, удивляя и эпатажуя, Гольники неустанно привлекали внимание публики. В 1916 г. газеты публиковали их громкие рекламные объявления о получении магазином «самоиграющего пианино», которое называли «последней новостью Америки», роялей и пианино фирмы Я. Беккера и других первоклассных фабрик, пластинок, нот, струн.

Благодаря огромному интересу к музыке и активности коммерсантов царицынцев среднего и высокого уровня достатка имелось значительное количество музыкальных инструментов и атрибутики. Для примера процитируем перечень распродаваемого имущества одной из семей, в котором значились: «рояль почти новый, пианино, корнет, детская скрипка, детский музыкальный ящик, ноты: для рояля, для двух роялей и в 8-мь рук, для скрипки и для роя-

¹ Известнейшая фортепианная фирма немецких саксонских мастеров и фабрикантов Шрёдер, существовавшая с 1816 по 1917 гг. – *прим. авт.*

ля, для скрипки, виолончели и рояля, для рояля с оркестром, для пения хорового и соло, красивые табулаты к роялю» [12].

Кроме функции прямых продаж подобные магазины претендовали на право быть своеобразными «культурными гнёздами». Их владельцы выступали организаторами гастролей, поэтому здесь можно было купить билеты на театральные спектакли, на несколько часов арендовать инструмент (фортепиано) для занятий, познакомиться с афишами-анонсами предстоящих мероприятий. Возможность приобщения к музыкальным новинкам, соответствующим высоким столичным и зарубежным образцам позволяли просвещённой публике организовывать самые разнообразные мероприятия.

Например, начало 1917 год было ознаменовано тем, что застойную жизнь Царицына освежило большое культурное событие. Несмотря на то, что главная сценическая площадка – Дом науки и искусств летом 1916 г. был отдан под размещение лазарета, 2 января 1917 г. в городе состоялся концерт профессора Саратовской консерватории И.А. Розенберга. Этот выдающийся исполнитель принадлежал к числу лучших шопенистов Поволжья, поэтому его выступление отличалось особо чутким проникновением в характер музыки великого польского композитора, «неотразимо действующей своей нежностью, мечтательностью, высшим изяществом с постоянной скорбной нотой». Кроме произведений Ф. Шопена слушатели услышали филигранное исполнение произведений Й. Гайдна, Р. Шумана, Ф. Листа, Мендельсона. Журналисты подчёркивали, «что даже царицынская публика, привыкшая в общественных местах распоясываться..., в первом же отделении присмирела, захваченная громадной силой художественного исполнения» [13, с. 338–339].

Помимо гастролей приезжих знаменитостей в городе были широко развиты любительские выступления: спектакли, мелодекламации, литературно-музыкальные вечера, насыщенные самыми различными, в том числе, музыкальными, номерами. Источники свидетельствуют, что в январе – феврале 1917 г. в Царицыне активно проводились вечера в пользу детей воинов, призванных на войну. Они собирали хорошие творческие силы и проходили с «большим художественным и материальным успехом». Выступал хор учениц гимназии, струнный оркестр, ансамбли (мандолина, гитара и рояль). «Звездой» подобных концертов часто становилась ученица 6-го класса Райская, которая играла на рояле марши собственного сочинения. Эта выдающаяся барышня была награждена Георгиевской медалью, а её творчество заслужило внимание генерала А.Н. Селиванова, который посещал Царицын в 1916 г. с плавающей выставкой боевых трофеев [13, с. 351].

Общее настроение сказывалось и на том, что вплоть до начала марта 1917 г. царицынские газеты очень осторожно реагировали на происходящее в

столице. Лишь 7 марта издательства разразились потоком информации от «Подробностей отречения от престола Государя» до «Праздника свободы в Царицыне», который, по мнению прессы, состоялся в городе воскресенье 5 марта 1917 г. [14]. Ситуация менялась постепенно. С апреля в газетах стала трансформироваться стилистика, появились новые термины, несвойственные прежнему режиму сокращения и аббревиатуры. Некоторые волгоградские краеведы придают большое значение массовым мероприятиям, проводимым партией большевиков, в качестве примера упоминая вечер-концерт 27 мая 1917 г. В его ходе демонстрировалась драма Митрофана Седина «В городе», после чего, с исполнения «Интернационала» начался дивертисмент. Но в целом представители местного краеведения вынуждены констатировать, что «буржуазная революция мало отразилась на искусстве» [1, с. 57–58].

Действительно, несмотря на то, что летом 1917 г. Царицын пережил события чрезвычайной важности: прибытие карательного отряда полковника Корвин-Круковского, а затем корниловско-калединский мятеж, всё это не коснулось насыщенности программ увеселительных заведений. 24 июля 1917 г. газеты анонсировали спектакль-концерт-бал, в ходе которого ожидалась комедия «Дамочка с пружинкой», сценка А. Чехова «Предложение», за которыми следовали концерт-дивертисмент и бал. За лучшее исполнение мазурки и вальса организаторы обещали призы и титул «Королевы бала» [15].

Широкую известность в это время в Царицыне получил «Интимный театр» В.П. Левицкого, дававший одноактные комедии, фарсы и водевили, и привлекавший больше своим названием, нежели репертуаром. Создаётся впечатление, что осенью 1917 г. город переживал музыкально-танцевальный бум, потому что в газетах появляются объявления сразу нескольких танцмейстеров (А.П. Сайковского и Е.К. Вистриховского) о проведении уроков танцев, информация об открытии А.Г. Ротэрмелем (настройщиком при музыкальном училище) мастерской по ремонту и проверке всех музыкальных инструментов и приёме их на комиссию [16]. Несколько позже пресса сообщает о продолжении проведения цикла лекций Я.А. Александрова на тему деятельности художественной школы передвижников. Состояться лекции должны были 19 и 21 ноября 1917 г. [17].

Окончание 1917 года в плане художественной жизни также предполагалось провести масштабно: газеты сообщали, что 17 декабря ожидался спектакль-вечер, 20 декабря – вечер-бал, а 22 декабря – грандиозный вечер при участии лучших представителей музыкального мира Царицына: всего 12 номеров, затем танцы, ценные призы в виде золотых и серебряных украшений. И это всё дополнялось участием оркестра музыки, серпантинном, летучей почтой, боем конфетти и буфетом. Сборы поступали в пользу безработных почтовых служащих... [18].

Изучение быта уездного города тем более интересно, что позволяет реконструировать жизнь регионального (локального) сообщества, которая, так или иначе, вбирает в себя тревогу событий мирового масштаба, но при этом ещё остаётся бытовой повседневностью, носящей привычный мирный уклад и характер [19, с. 261]. Этот уходящий упорядоченный мир российской провинции никак не напоминал революционные настроения в Петрограде и Москве, политическую истерию высказываний и взбудораженность ангажированной прессы. Царицын и основная масса его жителей были необыкновенно далеки от осознания остроты политического момента, в водоворот которого постепенно втягивалась вся страна.

К этому времени имя Роберта Фердинандовича Гольника в рекламных объявлениях уже устойчиво сменилось именем брата – Германа Фердинандовича, как владельца торгово-промышленного предприятия, принадлежащего ко 2 разряду, в пределах Царицынского городского поселения. Но с исчезновением рекламы с газетных полос в ноябре 1917 г. проследить состояние дел в музыкальном магазине не представляется возможным, хотя ещё одно упоминание о Роберте Гольнике в ходе событий 1918 г. автору обнаружить удалось.

Протокол заседания царицынской Чрезвычайной комиссии от 1 ноября 1918 г. содержал обвинения Г.Ф. Гольника «в злостном сокрытии золотых украшений и денежных знаков». Заседание проходило в присутствии заведующего Отделом по борьбе со спекуляцией Д. Кузьменко, члена Коллегии Отдела по борьбе со спекуляцией В. Шевцова, секретаря Комиссии В. Сергеева, председателя Коллегии следователей И. Шевцова.

В местном ЧК процесс был поставлен «на поток», на ежедневных заседаниях рассматривались до десяти обвинений. Параллельно с «делом Гольника» рассматривалось ещё 8 подобных «дел»: от торговли кокаином до спекуляции мукой. Различными были и степень вины, и налагаемые наказания. Но обвинения Германа Гольника было настолько голословными, что члены комиссии постановили: «Отобранное при обыске конфисковать. Г.Ф. Гольника освободить. Дело производством прекратить» [20, с. 68].

Попавшие в жернова революции граждане зачастую не были злостными спекулянтами-перекупщиками, которых необходимо было изолировать от общества. По терминологии того времени, к «спекуляции» относилось любая продажа или обмен, а «спекулянтами» чаще всего считались представители буржуазии, которые хотели выменять остатки имущества на предметы первой необходимости. Возможно также, что следственные действия были лишь предлогом для конфискации имущества зажиточных горожан.

«Музыкальная история» знаменитого магазина, специфическая торговля которого была призвана дарить людям ощущение гармонии и счастья, закон-

чилась. Эта история стала отражением эпохи, апогеем культурной жизни периода «уездного Царицына». Выскажем предположение о том, что торговые операции в инструментально-музыкальной и нотно-издательской сфере являются индикатором уровня развития общества, показателем стремления к достижению лучших образцов культуры, определённой просветительской миссией их организаторов. Создание магазина, подобного предприятию Гольников, свидетельствовало о высокой степени самосознания и образованности самих предпринимателей, способных в российской глубинке организовать дело подобного масштаба. Окончание деятельности магазина и арест его руководителя означали окончание определённого этапа формирования провинциальной музыкальной культуры.

Список источников и литературы

1. Андрианова Г.Н. Художественный облик Царицына-Сталинграда // Это было в нашей истории. – Волгоград: Панорама, 2013. – 334 с.
2. Алексеев-Борецкий А. Из истории царицынского отделения РМО // «Musicus» (Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова). – 2009. – № 6. – С. 4–10.
3. Сиксимова М.В. Деятельность Царицынского отделения Императорского русского музыкального общества и становление системы музыкального образования в Царицыне // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Вып. – №3. – Том 57. – 2011. – С. 79–82.
4. Этингер М.А. Музыкальная культура Астрахани. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. – 160 с.
5. Демченко А.И. Саратовская консерватория (1912–2012). Вехи. События. Лица. – Саратов: Саратовская государственная консерватория (академия) имени Л.В. Собинова, 2012. – 288 с.
6. Савельева Е.К. Общество любителей изящных искусств в Саратове: Конец XIX – начало XX века // Художественные коллекции музеев и традиции собирательства: Материалы шестых Боголюбовских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения А.П. Боголюбова 28–31 марта 1999 года / Отв. ред. Г.М. Кормакулина. – Саратов, 1999. – С. 92–99.
7. Вся театрално-музыкальная Россия. Каталог (составитель Б.С. Родкин, редакция Н.И. Тетериной) // История русской музыки. – М.: Музыка, 2004. – Т. 10Б: 1890–1917 / Под ред. Л.З. Корабельниковой и Е.М. Левашева. – 1071 с.
8. Каталог нот музыкального магазина Р. Гольника в г. Царицыне н/В. – Воронеж: [б.и.], 1901. – 53 с.

9. Российская Государственная библиотека. Отдел нотных изданий и звукозаписей. МЗ W №№ 297/1874, 1875, 1877, 2071; МЗ № 183/121; V 344/510.

10. Рябец А.Ф. Гольники – издатели открыток Царицына. – Выпуск II. – Волгоград: Принт, 2016. – 36 с.

11. Царицынский вестник. – 1915. – №4785 (16 января).

12. Обстановка продаётся // Царицынская мысль. – 1912. – №26 (1 февраля).

13. Царицын в мировую войну. 1914–1917 / Автор-составитель О. Швыдкий. – Волгоград: Издатель, 2016. – 360 с.

14. Волго-Донской край. – 1917. – №52 (7 марта).

15. Волго-Донской край. – 1917. – №158 (22 июля).

16. Волго-Донской край. – 1917. – № 224 (27 октября).

17. Волго-Донской край. – 1917. – №236 (14 ноября).

18. Волго-Донской край. – 1917. – № 258 (17 декабря).

19. Леонтьева Е.Ю., Леонтьев А.Н., Болдырев Ю.Ф. Повседневность и быт уездного города в начале Первой мировой войны (по материалам газет г. Царицына) // Региональная история: методология, источники, историография: сборник науч. трудов Третьих международных Усмановских чтений. Республика Башкортостан, Уфа-Стерлитамак, 2 декабря 2016 г. – Стерлитамак, 2016. – С. 260–262.

20. ВЧК/ГПУ: документы и материалы / Редактор-составитель д.и.н. Ю.Г. Фельштинский. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. – 272 с.

ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

УДК 94.2(470)"1917/1923"

Е.В. Миронова

Н.И. Фешин: художник и революция

Сформировавшийся в обществе образ творческого деятеля рисует человека несколько не от мира сего, чрезвычайно увлеченного своей работой и не обращающего внимания на происходящие вокруг него события. Этот стереотип имеет под собой некие основания, поскольку творчество требует полного погружения и отвлечения от посторонних дел. Но как будет вести себя такой человек в условиях, когда окружающую обстановку просто нельзя не замечать? Именно такая ситуация сложилась в 1917 г., когда война и две революции подряд вызвали гиперинфляцию и дефицит товаров первой необходимости. Кроме того, изменилась культурная политика государства, и деятелям искусства пришлось подстраиваться под нее.

В рамках данной статьи мы рассмотрим революционный и послереволюционный период в жизни одного из самых ярких представителей творческих кругов Казани – художника Николая Ивановича Фешина (1881–1955).

Но для начала рассмотрим, какая обстановка царила в то время в художественной сфере Казани. Центром изобразительного искусства губернии являлась Казанская художественная школа (КХШ). С момента открытия в 1895 г. и до Февральской революции из её стен вышла целая плеяда мастеров: Н.И. Фешин, Д.Д. Бурлюк, А.М. Родченко, П.П. Беньков и др.

1917 год привнес много испытаний в жизнь Казанской художественной школы. В июне руководство КХШ было извещено о прекращении субсидирования вследствие реформы Академии художеств и предстоящей автономизации провинциальных художественных школ [1, с. 55]. А к 1918 г. встал вопрос о закрытии учебного заведения ввиду нехватки средств на выплату жалования преподавателям, прислуге и на ремонт [1, с. 76]. С целью решения материальных проблем еще летом 1917 г. была повышена плата за обучение до

75 руб. [2], в декабре состоялся благотворительный вечер с любительским концертом и танцами, организован сбор пожертвований [3]. Но спасение пришло со стороны казанского дворянина и мецената А.Н. Боратынского, которому летом 1918 г. удалось убедить комиссара Академии художеств А.И. Таманова возобновить финансирование школы в прежнем объеме [1, с. 84].

В КХШ были и внутренние противоречия. 18 апреля в газете «Казанское слово» появляется открытое письмо от некоего Крысина, который обвиняет заведующего школы Г.А. Медведева в захвате должности и предлагает ему уйти с поста. Автор напоминает, что еще в 1906 году преподаватели Горохов, Денисов, Дробанов и Тиссен просили Медведева провести новые выборы заведующего, но тот донес о них начальству как о революционерах, и они были уволены из школы. В 1912-м Медведев якобы собирался проделать то же самое с Фешиным, Абрамычевым, Григорьевым и Богатыревым, но за них вступился губернатор Петр Боярский. Заканчивает Крысин письмо словами о наглости Медведева, остающегося на своем посту в школе, где его презирают коллеги [4].

24 апреля состоялось заседание педсовета КХШ, созванного группой преподавателей. Официальной повесткой предполагались выборы представителя в правление учительского союза и обсуждение реорганизации школы. Но неожиданно главным в заседании стал вопрос о законности пребывания Медведева на месте заведующего и о его переизбрании. Сам Медведев временно исполнял обязанности заведующего вместо М.С. Григорьева, взятого в 1915 г. на военную службу. Возник спор о правомочности заседания решать такие вопросы. В итоге большинством в восемь голосов против четырех при двух воздержавшихся собрание признало свои полномочия достаточными для рассмотрения проблемы. Медведев, не дожидаясь самого обсуждения о его увольнении, заявил, что снимает себя обязанности и.д. заведующего школой, и покинул заседание. На его пост единогласно был избран И.А. Денисов. Таким образом, была решена проблема, имевшая десятилетнюю историю. Такие склоки не способствовали установлению творческой гармонической атмосферы в художественной школе.

Помимо этого, начавшиеся непродуманные преобразования школы не шли на пользу постановке учебного процесса. В 1918 г. она была переименована в Казанские свободные художественные мастерские, в 1921 стала Казанским художественно-техническим институтом, и вплоть до 1935, когда получила устойчивое название «Казанское художественное училище», меняла имена несколько раз.

Разруха в период Гражданской войны и после нее сказались на материально-техническом оснащении школы. Богатейшая коллекция реквизита,

служившего фоном при написании картин, была утеряна из-за лопнувшей от морозов трубы в подвале зимой 1918-го [5, с. 130]. А в 1919 г. в здании бывшей художественной школы произошел пожар, в результате которого сгорели ценные картины и пострадали несколько помещений [6, с. 11]. Страдало и качество красок, что сказывалось на художественной выразительности рисунка. Педагоги трудились за идею, поскольку их жалованья не хватало даже на самое необходимое.

После Октябрьской революции в школе активизировалась радикальная часть студентов и преподавателей, которые стремились отбросить всё старое и создать новое пролетарское искусство. 27 ноября 1917 г. в педагогический совет была отправлена резолюция общего собрания учащихся с обвинением совета в доведении школы до полного упадка, в связи с чем констатировалась необходимость её реформирования. Ученики требовали отставки П.А. Радимова и Г.А. Медведева, которые, «благодаря своему деморализующему и парализующему Педагогический совет поведению являются причиной настоящего упадка школы и тормозят каждое проявление в строительстве школы» [1, с. 76]. Это были отголоски того конфликта преподавателей, в результате которого Медведев ушел с должности и.д. заведующего школой.

В первые годы советской власти авангардисты, по словам П.М. Дульского, «взбудоражили молодежь, взяли приступом школу и, засев там, стали творить свое искусство» [7, с. 8]. Уже в начале двадцатых годов в стране началось противостояние сторонников нового искусства, стремившихся изобразить революцию в необычной форме, и реалистов, чьи идеи в последующем вылились в социалистический реализм. Эта тенденция не обошла стороной и КХШ. Во главе авангардистов встал молодой художник К.К. Чеботарев, а лидером реалистов – поэт и живописец П.А. Радимов, имевший обширные знакомства среди власть имущих. Во время этого противостояния обстановка в художественной школе и вообще в творческой среде была беспокойной, и многие художники, среди которых были К.К. Чеботарев, П.П. Беньков, Н.И. Фешин, к концу двадцатых годов покинули Казань.

Одним из самых именитых местных живописцев являлся Николай Иванович Фешин. Будучи выходцем из семьи иконописца, владельца позолотностолярно-резной мастерской, он с детства приобщился к искусству. С 12 лет он стал ездить по селам вместе с мастеровыми и помогал отцу выполнять заказы [8, с. 4]. В 14 лет Фешин поступил в только что открывшуюся в Казани художественную школу в класс элементарного рисования. А после окончания ее продолжил обучение в Академии художеств, по выпуску из которой получил возможность совершить путешествие в Европу [8, с. 15].

С 1910 г. Николай Иванович преподавал в КХШ. К тому времени его картины уже несколько лет выставлялись на крупных выставках и пользовались успехом за границей. Ко времени революции он был всемирно известным художником. А в 1923 г., устав от тягот кризисного периода, переехал в Америку, где его произведения позволяли вести безбедную жизнь. Он жил в Нью-Йорке, Таосе, Лос-Анджелесе, где и скончался в 73-летнем возрасте.

В биографических материалах о Николае Ивановиче практически отсутствуют сведения о его отношении к революциям 1917 г. Особенно мало информации о периоде от февральских событий до октябрьского переворота. Зато последствия прихода к власти большевиков отразились на жизни Фешина весьма четко.

Прежде всего, послереволюционные годы – это голодное время. Николай Иванович жил на даче в селе Васильево под Казанью и иногда ему даже не хватало денег на проезд до художественной школы, где он преподавал, и обратно [9, с. 13]. О нормальной постановке работы приходилось только мечтать, и его курсы постепенно приходили в упадок. Если до революции он одевался со вкусом, но при этом, стараясь не слишком отличаться от простого народа: дорогие брюки в полоску, жилет, крахмальный воротник рубашки, но при этом вместо пиджака носил тужурку из солдатского шинельного сукна [6, с. 401], то в описываемое время это изящество исчезает. Фешин приезжал на занятия «в шубе с бобровым воротником и в такой же шапке, в ботинках на толстой подошве и в чулках из толстой шерсти в серую и коричневую шашку» [5, с. 130].

Сам художник воспринимал свой дом в Васильево как островок тишины и спокойствия по сравнению с Казанью. Когда однажды супруга подала ему суп без сметаны, его это очень удивило. Для добывания молочных продуктов им пришлось даже взять корову в долг, но зато это позволило им не только иметь на столе свежие продукты, но и немного зарабатывать [см: 10].

Несмотря на материальные сложности, Фешин вел довольно плодотворную творческую жизнь. Как и до революции, основным жанром его творчества оставался портрет. Но если раньше объектами внимания художника становились знакомые, приглашенные натурщики и натурщицы, представители простого народа, то теперь он изображал фигуры, творившие историю. По заказу Казанских художественных мастерских он написал портреты Маркса и Троцкого [9, с. 68], а также по фотокарточкам создал изображения Ленина и Луначарского [1, с. 120]. Эти заказы позволили Фешину выжить в трудные годы. Очевидно, что картины возникли не из творческого импульса живописца, а с целью получения дохода. Но одновременно писал и произведения «для души». В 1919 году он заканчивает картину «Бойня», задуманную еще во время обучения в Академии художеств, рисует свою дочь Юю, портрет отца (1918)

[8, с. 31]. В начале 20-х годов он выполняет эскизы на актуальные темы – «Голод», «Восстание в тылу Колчака» [1, с. 120].

В это тяжелое время казанским художникам помог заведующий музеем Селькредпромсоюза, коллекционер, историк литературы Г.М. Залкинд, предложивший заказы по художественному оформлению различных кустарных изделий. Николай Фешин взялся за этот заказ и разрисовывал деревянные коробки, написал миниатюры для табакерок и пудрениц [7, с. 5]. В это же время он выполняет декорации к местным театральным постановкам [5, с. 16].

Несмотря на бытовые неудобства, отношения с советской властью у Фешина складывались довольно удачно. Лишь в 1918 г. большевики закрыли журнал «К свету», в котором Николай Иванович заведовал художественной частью [1, с. 120]. Но, благодаря портретам вождей революции, ему предложили работу при Кремле, где ему предстояло продолжить портретный ряд лидеров большевиков. Однако в это время он уже задумывается над переездом за границу. Причина этого желания кроется не в конфликте с властью и даже не столько в материальных проблемах, сколько в невозможности работать по-прежнему. В письме художнику И.И. Бродскому, своему другу по Академии художеств, в 1921 г. он признавался: «... до революции я еще мог чувствовать себя здесь более или менее сносно. Но теперь, когда я потерял всякую связь с внешним миром, – становится немого... переселение моё из Казани принципиально решено...» [1, с. 122]. Фешин не мог следить за происходящими в художественном мире изменениями, его картины не выставлялись на международных выставках. К тому же ему не нравились реформы в бывшей художественной школе. По мнению Николая Ивановича, новые преподаватели-авангардисты «не могут дать тех серьезных знаний, которые нужны молодежи, потому что нет педагогов с реалистической подготовкой...» [5, с. 67].

Но всё же решение о переезде далось Фешину с трудом. Когда, благодаря помощи со стороны представителей Американской администрации помощи (АРА), появилась возможность выехать за рубеж, он долго колебался. Сидя в кругу учениц, он надолго задумывался и затем спрашивал их, ехать ли ему или остаться [5, с. 130]. Этот вопрос он, скорее, самому себе. Америка как страна эмиграции была выбрана не случайно – здесь его хорошо знали, и американская критика положительно оценивала фешинские работы. Однако США признали Советский Союз и установили с ним дипломатические отношения только в 1933 г., до этого времени существовала проблема с выдачей визы для въезда страну. Фешин не владел английским языком, не было уверенности и в том, что сможет обустроиться в новой обстановке.

Голодное и холодное существование в разоренной войнами и революциями стране подорвало здоровье Николая Ивановича, у него развивается

туберкулез. Чтобы излечиться требовались улучшение бытовых условий и качественная медицинская помощь, которые, как ожидал Фешин, будут ему доступны в Америке. Но главную роль в принятии окончательного решения сыграла супруга художника – Александра Николаевна. По признанию Фешина Д.И. Рязанской, в 1923 г. в Москве Николай Иванович говорил, что «ехать за границу ему не хочется, что неизвестность, чужой уклад жизни его не привлекают, но жена настаивает, изучила язык, хлопочет визу...» [5, с. 139].

В 1922 г. Николай Иванович с женой и дочерью Ией переехал в Москву, а через год – в США. Изначально он рассматривал Америку как временный приют и лет через пять планировал вернуться в Россию, но жизнь за рубежом сложилась весьма удачно, Фешин стал популярным художником и получал немалые гонорары. Но, несмотря на это, в 1949, будучи уже на склоне лет, он писал брату Павлу: «...люди искусства не должны покидать своей страны, что бы то ни случилось с ней. Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растет вместе с окружающим до самого конца. В чужой стране он только существует физически, находясь в постоянном одиночестве, не понимая смысла жизни. Одно утешение, что судьба поделила мою жизнь между двумя великими народами и этим не дала мне возможности закончить то, что начал» [5, с. 51].

Прожив долгую жизнь, он умер в 1955 году в Калифорнии. В 70-е гг. дочь Ия перевезла его останки в Казань, которые были перезахоронены на Арском кладбище.

После революции искусство осталось для Николая Ивановича на первом месте, но при этом он должен был выкручиваться, чтобы обеспечить себя и свою семью, и это мешало работе. Он был вынужден исполнять правительственные заказы, которые не доставляли ему удовольствия, заниматься мелкими бытовыми вопросами, и вдобавок прервалось сообщение с другими странами. Он мог бы стать придворным портретистом, но Фешина совершенно не прельщало всю жизнь заниматься нелюбимым делом.

Его отъезд стал большой потерей для искусства России. Он не выступал против большевиков как политической власти, его картины, написанные «для души», не подвергались нападкам, но востребованными оказались совершенно другие темы – пафос революции, строительство новой жизни, изображение вождей пролетариата. Но даже в таких неблагоприятных условиях окончательное решение о переезде в Америку было принято под влиянием жены, не желавшей жить впроголодь.

Революция поставила художника в такие обстоятельства, что он был вынужден выбирать между материальным благополучием и любимой работой. Но, на счастье Николая Ивановича, он мог сам выбирать условия суще-

ствования благодаря всемирной известности, хоть и в отрыве от родины, которая так и не стала для него чужой.

Список источников и литературы

1. Ключевская Е.П. Казанская художественная школа. 1895–1917. – СПб.: Славия, 2009. – 240 с.
2. Камско-Волжская речь. – 1917. – 10 августа.
3. Камско-Волжская речь. – 1917. – 12 декабря.
4. Казанское слово. – 1917. – 18 апреля.
5. Николай Иванович Фешин. Документы. Письма. Воспоминания о художнике. – Л.: Художник РСФСР, 1975. – 171 с.
6. Валеев Н.М. Константин Чеботарев, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. – Казань: Заман, 2016. – 440 с.
7. Дульский П. Искусство в Татарской Республике за годы революции. – Казань: Госуд. Объедин. типо-литогр. Татполиграф, 1929. – 16 с.
8. Дульский П. Николай Иванович Фешин. – Казань: Казанское отделение государственного издательства, 1921. – 32 с.
9. Памяти Ф.П. Гаврилова. – Казань: Полиграфшкола им. А.В. Луначарского, 1927. – 80 с.
10. Fechin Alexandra. March of the past. – Santa Fe: The Rydal Press, 1937. – 164 p.

У.К. Мусаева

**Усеин Абдуретиевич Боданинский (1877–1938)
и сохранение историко-культурного наследия
Бахчисарая в годы революции**

Крупнейшим из действовавших в Крыму в «Золотое десятилетие советского краеведения» научных центров, занимавшихся историко-этнографическим изучением крымских татар был музей, созданный в стенах бывшего Ханского дворца. Образованный в марте 1917 г. Временный крымскотатарский исполнительный комитет объявил, что Ханский дворец находится под его юрисдикцией [1, с. 211]. Официальный статус национального музея Бахчисарайский ханский дворец приобрел 4 октября 1917 г., когда Таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов назначил его заведующим У.А. Боданинского, который специализировался на изучении крымскотатарского искусства. В музейный совет вошли представители от Бахчисарайского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины [2, с. 129]. В годы революционного лихолетья музейный совет сумел отстоять здание дворца от посягательств различных административных и общественных организаций. У.А. Боданинский не смог противостоять только германским оккупантам. В 1918 г. в течение двух месяцев в музее размещался штаб 7-го Егерского полка, который, оставляя Крым, основательно, вплоть до кухонной посуды, пограбил дворец [1, с. 212].

Со дня учреждения музея начался сбор предметов, имевших отношение к этнографии крымских татар. За несколько месяцев благодаря пожертвованиям местного населения музейный фонд увеличился до 1000 экспонатов. 21 октября 1918 г. по инициативе ученых ТУАК и Таврического университета состоялось совещание с представителями лояльного белым Таврического магометанского духовного правления и Вакуфной комиссии. У.А. Боданинский в своем докладе, основные положения которого были опубликованы в газете «Голос татар» еще в 1917 г. [3], остановился на истории создания дворца, его плачевном физическом состоянии при отсутствии реставрационных работ и ближайших задачах по сохранению крымскотатарских памятников культуры. На заседании было принято решение передать музей Комиссии в составе председателей от Министерства внутренних дел, ТУАК, Магометанского Духовного правления и Вакуфной комиссии [1, с. 213]. Однако реальной помощи

от Комиссии Дворец-музей не получил. Он существовал лишь за счет средств, отпускаемых Крымскотатарской национальной директорией. Коллекция пополнялась путем частных пожертвований. В 1919 г. была учреждена библиотека-архив для хранения образцов древней татарской литературы и рукописей [2, с. 133].

Основным вдохновителем и организатором планового экспедиционного обследования полуострова, изучения этнографии был директор Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры (ГДМТТК) Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938 гг.). Жизненный путь краеведа был воссоздан проф. Д.П. Урсу благодаря его скрупулезным архивным штудиям в Государственном архиве литературы и искусства Российской Федерации, а также в ГАРФ [4, с. 15–17]. Крымовед родился в деревне Бадана, Симферопольского уезда в семье преподавателя Симферопольского народного татарского училища.

Согласно с собственноручно заполненной У.А. Боданинским анкетой свое первоначальное образование он получил в четырехлетней народной школе (окончил в 1888 году) [5, л. 75 об.], затем Симферопольской татарской учительской школе, где он проходил курс с 1888 по 1897 год в течение семи лет. После этого в 1895 году юноша поступил в Строгановское художественно-промышленное училище в Москве, где обучался на декоративном отделении по специальности «художественная индустрия» до 1905 г. (девять лет). С 1905 по 1907 годы У.А. Боданинский в течение двух лет преподавал графическое искусство в Симферопольском коммерческом училище [5, л. 75]. Учительская деятельность, по-видимому, не удовлетворяла творческую натуру художника. Воспользовавшись возникшей вакансией в 1907 году У.А. Боданинский уехал в деревню Лигачево Московской губернии, где получил должность руководителя художественно-промышленной школы, которая являлась филиальным отделением Строгановского художественно-промышленного училища. В 1909 году из уездной глуши его перевели в Москву, где Усеин Абдурефиевич получил должность преподавателя рисования вечерних классов и заведующего учебной мастерской. Эти обязанности он выполнял до 1911 года [5, л. 75].

В эти годы будущий хранитель памятников крымскотатарской культуры сотрудничал в Московском архитектурном обществе и Петроградском обществе архитекторов. В ежегодниках этих организаций им были опубликованы фотографические снимки декоративных изделий. Эти работы приносили молодому художнику-декоратору кроме опыта дополнительный заработок [5, л. 73]. По данным, приведенным искусствоведом Эльмирой Черкезовой, с 1907 по 1909 годы Усеин Боданинский неоднократно выезжал за границу, «стажировался в Стамбуле, Париже, Мюнхене и Дрездене». В 1912 году он

изучал живопись эпохи Возрождения в Италии [7, с. 204]. Причины, по которым У.А. Боданинский оставил работу в Московском Строгановском художественно-промышленном училище, нам неизвестны. Не исключено, что привлекли заработки в столице. Известно, что с 1911 года он работал в Санкт-Петербурге художником-декоратором, выполнял эскизы интерьеров общественных зданий и частных особняков. Так, в 1910 году он расписывал плафоны в здании Торгового банка, дома Я.В. Ратькова-Рожнова и С.С. Абамелек-Лазарева на Набережной Мойки. В это время художник пробовал свои силы и в графическом искусстве, создавал эскизы для золотошвейного ткачества.

В Санкт-Петербурге-Петрограде У.А. Боданинский работал с известным русским архитектором И.А. Фоминым, на дочери которого он женился [7, с. 204]. С 1911 по 1917 год, согласно архивным документам, У.А. Боданинский работал на условиях найма на различных стройках «государственных общественных и частных учреждений» в Санкт-Петербурге-Петрограде [5, л. 75], уже в 1916 году, твердо решив вернуться в Крым, Усеин Абдуредиевич пытался наладить научные связи столичных памятникоохранительных организаций с бахчисарайской общественностью. Вместе с тем, выявленная в различных архивных фондах информация свидетельствует, что в эти годы У.А. Боданинский значительную часть времени проводил в Крыму (в Бахчисарае). Он выезжал в столицу по мере финансовой необходимости для работы по найму.

Одно из самых ранних упоминаний об У.А. Боданинском, как состоявшемся уже знатоке крымскотатарской старины, содержится в материалах выдающегося русского (советского) тюрколога Александра Николаевича Самойловича (1880–1938) [9]. Молодой, но уже хорошо известный в научных кругах исследователь – А.Н. Самойлович – занимался в 1912–1916 годах сбором этнографических материалов для учрежденного в 1895 году Русского музея [10]. Так, интересные данные об Усеине Боданинском содержит «Отчет приват-доцента А. Самойловича о поездке летом 1916 года в Поволжье и Крым с этнографическими целями на средства Этнографического отдела Русского музея императора Александра III». Рассказывая о ходе своей поездки А.Н. Самойлович писал:

«До выезда в степь, я провел несколько дней в Бахчисарае, собирая сведения, полезные для предстоящего путешествия. Здесь я познакомился с художником-декоратором из симферопольских татар Боданинским, братом крымско-татарского этнографа А.А. Боданинского и беседовал с ним по вопросам археологического и этнографического изучения Крыма. Боданинский был в то время занят организацией Общества охраны бахчисарайских памятников и Художественно-промышленной школы в Бахчисарае. На даче Боданинского я осмотрел его художественно-этнографическую коллекцию» [11, л. 18–19].

Документальные источники свидетельствуют, что Усеин Абдуредиевич Боданинский в это время (1916 год) был уже хорошо известным специалистом в области археологии и этнографии Крыма. Не случайно с ним консультировались такие видные специалисты как А.Н. Самойлович. Бахчисарайский этнограф в это время вел активную общественную работу, связанную со своей специальностью художника-декоратора – организовал Художественно-промышленную школу, занимался изучением и охраной памятников крымскотатарской культуры. Благородная идея У.А. Боданинского о создании Общества охраны бахчисарайских памятников в то время практически уже была реализована в более широком формате – в масштабах всего полуострова – Таврической ученой архивной комиссией. У.А. Боданинский принимал участие в работе ТУАК. В протоколах заседаний Комиссии зафиксированы его доклады, посвященные изучению пословиц и поговорок крымских татар, сделанные 10 февраля 1910 и 19 мая 1912 года. Во всекрымское движение по охране памятников он влился уже после 1923 года в составе приемника ТУАК – Таврического общества истории, археологии и этнографии [12, с. 8–9].

В 1916 году среди художников, любителей старины, общественных деятелей Бахчисарае возникла идея создания общественной организации, которая бы занималась изучением и сохранением местных архитектурных и исторических памятников. Известно, что 31 марта 1916 года совет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (Петроград) сообщил У.А. Боданинскому о своем согласии на открытие в Бахчисарае отдела Общества. 5 июля 1916 года его учредители подали на имя Таврического губернатора Николая Антониновича Княжевича заявление с просьбой о регистрации [2, с. 127–128]. В этом документе были заявлены основные направления предполагаемой деятельности Общества:

- «1) регистрация и изучение всех без исключения памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности,
- 2) устройство в г. Бахчисарае художественно-исторического музея,
- 3) изыскание средств, для поддержания архитектурных памятников» и т.д. [12, с. 8–9].

Интересно и упоминание А.Н. Самойловичем личной художественно-этнографической коллекции У.А. Боданинского, которая к 1916 году имела известность среди специалистов-этнографов и искусствоведов.

Гораздо меньше известно о деятельности У.А. Боданинского как художника-декоратора после его возвращения в Крым. С.М. Червонная утверждает, что здесь он «начал педагогическую работу, преподавал рисунок» [8, с. 220; при этом С.М. Червонная не раскрыла, откуда взята ею эта информация]. В свободное от директорских будней время У.А. Боданинский продолжал зани-

маться живописью и графикой, преимущественно – книжной графикой. В этом направлении творчества он проявил тонкий вкус и незаурядное мастерство. В изданных в 1924 году путеводителях П.В. Никольского «Бахчисарай» и «Бахчисарай. Чуфут-Кале. Салачик» [13, л. 16.] помещены его великолепные изящные орнаментальные заставки и виньетки. В овальном картуше обложки книги «Бахчисарай» мы видим пышный геральдический букет цветов, стилизованный в духе живописи Омера и узоров растительной орнаментики. На поверхности вазона, из которого произрастает этот букет, – тамга Гиреев [8, с. 221]. И, безусловно, как художник-декоратор У.А. Боданинский сделал бы гораздо больше, крымскотатарская культура обогатилась бы и иными шедеврами графики, живописи, декора, но, здесь в Крыму, Усеин Абдуредиевич всю энергию отдал другому – делу изучения и сохранения исторической памяти своего народа [11, л. 18–19].

1917 год, положивший начало революционному лихолетью в бывшей Российской империи, породил братоубийственную Гражданскую войну. Крым волею исторических перипетий на протяжении 1917–1920 годов оказался в эпицентре политических событий. За четыре года здесь сменилось несколько правительств. В научной литературе уже подробно исследованы политическая жизнь на полуострове в это смутное время [14] и состояние научной жизни, в том числе – охраны памятников истории и культуры [15, с. 91–130]. Организация У.А. Боданинским в 1916 году Бахчисарайского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины выделила его из среды местных подвижников краеведения. А с изменением власти возымели реальное воплощение и его старания по приданию Ханскому дворцу статуса общегосударственного памятника культуры. Приказом от 4 октября 1917 года Таврический губернский комиссар Н.Н. Богданов назначил У.А. Боданинского заведующим национальным музеем «Бахчисарайский ханский дворец» [2, с. 129]. Решение было обосновано тем, что Усеин Абдуредиевич занимался вопросами искусства, является художником и специализируется на изучении крымскотатарского искусства [13, л. 3]. В музейный совет вошли представители Бахчисарайского отдела Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

В трудные годы непредсказуемых перипетий Гражданской войны, когда в Крыму постоянной стала смена властей, порой полярно противоположной политической ориентации, благодаря усилиям У.А. Боданинского Дворец-музей продолжал экспозиционно-экскурсионную деятельность, сборы коллекций путем пожертвований. Во время деятельности Второго Крымского краевого правительства (ноябрь 1918 – апрель 1919 года) в музее была основана

библиотека-архив «для сохранения образцов древней татарской литературы, рукописей, документов» [16, с. 197–198].

При образовании после окончательного установления Советской власти в ноябре 1920 года в Симферополе КрымОХРИСе (Крымском отделе по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта) было учреждено Ученое Собрание, куда вошли представители Таврического университета (Д.В. Айналов, А.Н. Деревницкий, Н.Л. Эрнст и др.), Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы (Н.Н. Клепинин), Таврической ученой архивной комиссии (А.И. Маркевич), заведующий художественным сектором Я.А. Тугендхольд. В состав Ученого Собрания, как представитель татарского отдела вместе с Абиевым и О.-Н.А. Акчокраклы вошел У.А. Боданинский [17, с. 9]. Бывший тогда заведующим КрымОХРИСом Г.А. Бонч-Осмоловский пытался объединить работу крымского Ученого Собрания с планами Российской Академии наук. Однако дальнейшие политические события свели на нет эти потуги [18, с. 146–152]. У.А. Боданинский сотрудничал в этно-археологической комиссии этого научного образования. Заметим, что установление Советской власти не поменяло служебного положения У.А. Боданинского, который был утвержден в должности директора Дворца-музея. Он полностью отказался от участия в политической деятельности, не вступал в ряды Коммунистической партии. При этом Усеин Абдурейевич продолжал пользоваться благосклонностью властей как брат героя Гражданской войны и отличный работник.

Таким образом, эта сложная историческая эпоха наряду с народной трагедией, как не парадоксально, будет характеризоваться в Крыму с подъемом научной жизни и активизацией памятникоохранительной и музейной работы. В период «Золотого десятилетия советского краеведения» в стенах Ханского дворца в Бахчисарае, сформируются этнографические собрания, посвященные крымским этносам. Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры будут проведены наиболее масштабные экспедиционные исследования по всей территории полуострова (1925–1926 гг.). Их результаты и лягут в основу этнографических публикаций директора музея У.А. Боданинского, где впервые станут детально рассматриваться археологические и этнографические исследования по крымским татарам в Крыму, написанные в «Золотые десятилетия советского краеведения».

Список источников и литературы

1. Зарубин А.Г. Из истории Бахчисарайского дворца-музея // Проблемы истории и археологии Крыма: Сб. научн. трудов. – Симферополь, 1994.
2. Андросов С.А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3/4.
3. Доклад, прочитанный У.А. Боданинским на заседании Врем. Кр.-мус. исп. комит. 26 сент. 1917 г. о мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму // Голос татар. – 1917. – 30 сент.
4. Урсу Д.П. Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму // Востоковедный сборник. – Симферополь, 2000. – Вып. 4.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 72.
6. Ежегодник Московского архитектурного общества за 1909 год; Ежегодник Петроградского Общества архитекторов за 1912, 1913, 1914, 1915 года.
7. Черкезова Э. Усеин Боданинский: Художник, искусствовед, общественный деятель (штрихи к портрету 1877–1938 гг.) // Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры: Материалы международной научной конференции 28–29 мая 1999 года. Симферополь / Сост. Э. Сеитбекиров. – Симферополь: Крымчпедгиз, 2001.
8. Червонная С.М. Искусство татарского Крыма / Российская Академия художеств. – М., 1995.
9. Непомнящий А.А. Крым в научном наследии академика А.Н. Самойловича // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. – Симферополь: Доля, 2000. – С. 8–18; Непомнящий А.А. Изучение крымскотатарского народа в отечественной ориенталистике в начале XX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 2002. – № 3/4. – С. 238–249; Фазылов Э.И. А.Н. Самойлович – исследователь тюркских памятников средневековья // Советская тюркология. – Баку, 1973. – № 5. – С. 58–65.
10. Непомнящий А.А. Русский музей и изучение этнографии народов Крыма в начале XX века // Етнічність в історії та культурі: Матеріали і дослідження. – Одеса: Гермес, 1998. – С. 43–46.
11. Российский этнографический музей, научный архив. Ф. 1. Оп. 2. Д. 513.
12. Мусаева У. К. Историко-этнографічне вивчення народів Криму в 20-х – на початку 30-х рр. XX століття: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2004. – 19 с.
13. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р–2235. Оп. 1. Д. 26.

14. Никольский П.В. Бахчисарай: Культурно-исторические экскурсии / КрымОХРИС. – Симферополь, 1924. – 50 с.

15. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. – Симферополь: Таврия, 1997. – 352 с.

16. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. (Биобиблиография крымоведения; Вып. 3).

17. Абдульваап Н. Зібрання рукописів та стародруків у Бахчисарайському державному історико-культурному заповіднику // Бахчисарайська книжна колекція в Російській національній бібліотеці: Показчик рукописів і стародруків, переданих у 1976 р. з Бахчисарайського історико-археологічного музею до Державної Публічної бібліотеки ім. М.Є. Салтикова-Щедріна / Упор., ком. Н. Абдульваап. – Симферополь: Доля, 2007. – 148 с.

18. Непомнящий А.А. Новые документы по истории краеведения в Крыму из архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 146–152.

С.И. Никонова

Иерей В.М. Филиппев (1874–1937): жизнь и судьба

Великая Российская революция 1917 г. четко разделила жизнь страны и каждого ее жителя на две части. До 1917 г. – традиционный для поколений российских граждан уклад жизни, сложившаяся веками иерархия ценностей, социальная структура, картина мира и духовная жизнь. После 1917 г. за короткое время привычные жизненные реалии трансформируются, определены новые ценностные категории, уничтожена старая и создана новая иерархия социальных групп, из которой исключены целые сословия, которым новая власть отказала в гражданских правах, они превратились в «бывших» граждан, потеряли собственность, право на профессию, а зачастую, и на жизнь. Часть «бывших» рассматривали эмиграцию как единственный способ спасения. В то же время значительная часть представителей «опасных» сословий осталась в России, разделив трагическую судьбу тысяч своих сограждан.

До революции 1917 г. особое место в сословном реестре занимало духовенство, значительную часть которого составляли сельские приходские священники, имевшие несомненное влияние на умы и души своей паствы. Можно по праву отнести представителей сельского духовенства к категории духовной интеллигенции, разделяющей с крестьянским миром бытовые трудности, семейные невзгоды, а также драматические страницы истории страны.

Потребность проследить судьбы многих героев революционных и постреволюционных событий связана с необходимостью восстановить реальную картину российской драмы 1917 г., пережитой каждым человеком, семьей, обществом в целом. Реалии повседневности, отраженные в личных документах, фотографиях, воспоминаниях современников, и безусловно, отложенные в архивных фондах, – все это дает возможность рассмотреть историю отдельного человека сквозь призму истории страны. В статье предпринята попытка проследить жизненные реалии потомственного священника В.М. Филиппева, более 40 лет прослужившего настоятелем небольших сельских приходов Вятской губернии.

Владимир Михайлович Филиппев родился в 1874 г. в семье сельского священника в с. Верховино Вятской губернии. В семье было семеро детей, и после ранней смерти отца мать Афанасия Ивановна вырастила их одна. В клировой ведомости Преображенской церкви села Верховино 1890 г. в соста-

ве причта значится «просфорница-вдова Афанасия Иоаннова, умершего священника сей церкви Михаила Филипьева жена, 39 лет. На должность просфорницы определена 9 ноября 1885 г. Пропитывается добровольным подаянием от прихожан с получением из Вятского о бедных духовного звания попечительства по 15 руб. в год и от церкви по 9 руб.» [1, лл. 32об.–34].

В 1895 г. Владимир окончил Вятскую духовную семинарию с аттестатом 1 разряда. Получивший такой аттестат семинарист мог продолжать образование в Духовной академии, но юноша выбрал иное: стал сельским священником, как отец. Владимир Михайлович был рукоположен в сан иерея и определён на службу в Пророко-Ильинскую церковь с. Балахна Котельничского уезда Вятской губернии, в январе 1897 г. переведён в Предтеченскую церковь с. Монастырское Орловского уезда Вятской губернии, в которой прослужил двадцать лет.

Жизнь сельского священника проходила в разнообразных трудах и заботах. Крестьянская община и церковь жили в едином ритме, в соответствии с церковным календарем и событийными обрядами (венчания, крещения, отпевания). Таким образом, настоятель оставался, пожалуй, главным лицом крестьянского мира, общественной и частной жизни общества. Священническая деятельность отца Владимира была отмечена церковным начальством. Так, в 1899 г. он награждён набедренником, в 1904 г. скуфьёй, в 1913 г. камиллавкой [2]. В клировой ведомости Предтеченской церкви села Монастырское на 1907 г. записано о В.М. Филипьеве: «Имеет грамоту. Поведения отличного. Весьма усерден в благоустройстве своего приходского храма... Живет в новом деревянном церковном доме на церковной земле. Постоянного жалования не получает. Пропитывается он со своим семейством от получения добровольной платы за требоисправления и добровольных сборов от прихожан. Средняя денежная доходность по братской книге за последнее трехлетие выражается суммой 975 руб., 14 коп., из коих на долю священника приходит 487 руб. 57 коп. Председатель церковно-приходского попечительства при церкви с 13 августа 1900 г.» [3, лл. 87, 88 об., 89, 95об.].

В 1915 г. доходы священника составляют: «содержания из казны 294 руб. в год, за требоисправления 555 р. 75 коп.; за законоучительство в земских училищах по 60 руб. и в церковной школе 30 руб.» [4, лл. 163об., 164]. В семье священника к этому времени было трое детей, поэтому для «пропитания» держали птицу и скотину, разводили огород, а также «держали стол» для чужих людей.

Кроме основной, собственно, священнической деятельности, в обязанности сельского священника входило обучение крестьянских детей Закону Божьему. На территории прихода имелись школы: церковная Монастырская с

1896 г.; земские – Монастырская с 1881 г., Старцевская с 1908 года и 2-я Коршуновская с 1909 г. Отец Владимир с 1 апреля 1897 г. состоял в должности законоучителя Монастырской земской школы, а с 27 сентября 1908 г. одновременно и Старцевской земской школы. Его педагогическая деятельность проходила успешно. В течение нескольких лет (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.) священник избирался депутатом Вятского училищного съезда.

В.М. Филипьев не только преподавал в земских школах, он взял на себя обязанность опекать молодых учителей, направляя их педагогическую деятельность и духовное развитие. Так, в начале XX века в земские школы уезда были направлены молодые учительницы – выпускницы Татианинской Орловской женской гимназии. Закрепилось неофициальное название этой гимназии – крестьянская, связанное с тем обстоятельством, что в гимназию за казенный счет принимали девочек из крестьянских семей, имеющих определенные способности и желание учиться. Так, одной из выпускниц 8 (педагогического) класса Орловской гимназии была Ирина Михайловна Багаева, сирота из беднейшей крестьянской семьи. Окончив с отличием 8 (педагогический) класс гимназии в 1909 году, Ирина Багаева получила назначение в Монастырскую земскую школу [5, л. 180–180 об.]. Молодые учительницы столовались в семье отца Владимира. Матушка взяла шефство над молодыми учительницами-простолюдниками, помогала одеваться, советовала, что читать, наставляла в жизни. Священник и его жена опекали девушек до свадьбы, а матушка стала крестной матерью для их детей.

Первая мировая война изменила привычный порядок жизни, оказала серьезное влияние на умонастроения населения. По мнению С.В. Казаковцева, «первоначальный патриотический угар прошел довольно быстро, сменившись на рутинную жизнь, каждодневно приносившую лишь ухудшение положения большинству населения» [6]. Мобилизация еще более усугубила тяжелое положение крестьянских семей, многие оказались на грани голода и нуждались в помощи. В период войны проводили свою работу наряду с государственными также и общественные благотворительные организации для помощи семьям солдат, оказавшимся без кормильца. Практически в каждой губернии были созданы попечительские общества, отделения которых плодотворно работали в уездах и волостях. Во главе этих организаций стояли авторитетные для общества люди. В Монастырской волости председателем попечительства избран иерей В.М. Филипьев.

В трудные военные годы осуществилась мечта отца Владимира о работе в приходе отца. 16 октября 1916 г. согласно прошению он перемещен на настоятельскую священническую вакансию в церковь с. Верховино Орловского уезда.

Преображенская церковь с. Верховино упоминается в документах с начала XVII в. в связи с обретением чудотворного образа Преображения Господня («Спас Колотый»). В 1750–1755 гг. на месте старого деревянного храма построена каменная церковь, в 1865 г. возведен новый теплый храм. В 1816 г. «в 50 саженях от церкви на месте появления Чудотворной иконы Преображения Господня» построена каменная часовня [7, л. 821].

В селе работали больница, школа, библиотека, открытые врачом-подвижником С.И. Сычуговым в конце XIX в., а также сельское училище и земская станция. Помимо службы в храме отец Владимир «проходил должность» законоучителя Верховского двухклассного училища с 1 декабря 1916 г.

1917 год стал разделительной линией между «старой» и «новой» жизнью каждого человека. Вятская губерния оказалась на линии фронта Гражданской войны в 1918–1919 гг. Постановлением Чрезвычайного штаба 2 августа 1918 г. Вятка и Вятская губерния были объявлены на военном положении, в августе военные действия вплотную приблизились к территории Вятской губернии, в ряде уездов вспыхнули восстания. К середине ноября 1918 г. вся территория Вятской губернии была освобождена от белогвардейских частей, мятежи подавлены. В 1919 г. на вятские земли наступали части Колчака, в ноябре 1919 г. Орловский в числе других северных вятских уездов был объявлен на военном положении. Только к концу 1919 г. красные части смогли отбросить отряды Колчака с территории губернии [8, с. 21, 24, 37, 49].

Иерей Владимир Филипьев являлся последним настоятелем храма Преображения Господня, исполнял свой профессиональный долг вплоть до закрытия храма в феврале 1937 г. [9, с. 59]. После 1917 г. профессиональная причастность к «служению культуре», принадлежность к духовному сословию являлись основанием для различного рода притеснений со стороны властей, а также судебного преследования.

Первый арест и судебное разбирательство были осуществлены по отношению к В.М. Филипьеву в 1930 году. Он был осужден по с. 62 УК РСФСР (Организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов). «Гражданский суд 25 декабря 1930 г. за неплатеж церковных налогов приговорил на год принудительной работы, каковую выполнил, и к штрафу 1000 рублей. Постановлением президиума крайсуда от 4 мая 1932 г. приговор отменен и судебное дело прекращено за отсутствием состава преступления. Выдана выписка из протокола заседания президиума суда № 21 от 4 мая 1932 г.» [10, л. 4].

Советская власть продолжала наступление на представителей «чуждых» классов: лишает семью В.М.Филипьева дома. «Гражданским судом 4 мая 1931 г. по иску райисполкома, собственный дом с постройками, устроен-

ный в 1924–25 гг. по законам советского правительства на коммунальной земле, признан муниципализированным» [10]. Также на священника возложены обязательства по мясопоставкам. В ответ на его жалобу в Кировский краисполком «служителю культа Филипьеву Владимиру Михайловичу, проживающему в деревне Погорелка Верховинского сельсовета Верховинского района» от 9 июня 1935 г. указано: крайисполком считает решение Верховинского райисполкома правильным и одновременно разъясняет, что согласно постановления ВЦИК от 25 декабря 1934 г. служители культа, не имеющие кулацких признаков, привлекаются к мясопоставкам по нормам как крестьяне-единоличники. Поэтому Вашу жалобу возвращаем без удовлетворения» [10]. Как видно из текста документа, после «муниципализации» дома, семья священника вынуждена переселиться в д. Погорелки (3 км от Верховино), откуда священник каждый день пешком ходил в храм на службу.

Второй раз В.М.Филипьев арестован и осужден в 1936 г. по ст. 162. (Тайное похищение чужого имущества (кража)). К сожалению, данные о деталях данного судебного процесса отсутствуют, однако сам факт ареста и суда по несправедливому обвинению, несомненно, нанесли пожилому иерею душевный удар, но он продолжал службу в храме вплоть до его закрытия в феврале 1937 г.

В конце 1930-х гг. Преображенский храм постигла та же судьба, что и большинство церквей в соседних селах: склады, мастерские в алтарях, зернохранилища... Чудотворный образ «Спас Колотый» был украден или уничтожен большевиками, с тех пор его следы теряются. Пожилой батюшка и его жена остались без средств существования, и Владимир Михайлович вынужден был устроиться на работу в лесоучасток. Работа была тяжелая для 64-летнего священника, к тому же оплату производили крайне не регулярно, что вызывало недовольство рабочих.

16 ноября 1937 г. В.М. Филипьев был арестован Верховинским РО НКВД. Ему предъявлено обвинение по ст. 58–10 УК РСФСР. Владимир Михайлович обвинялся в том, что в 1936 и 1937 гг. вел активную контрреволюционную деятельность, а «августе м-це 1937 года, используя финансовое затруднение лесоучастка вел активную к-р агитацию, организуя рабочих не выходить на работы, заявляя, что денег нет, хлеба тоже, рабочих морят с голоду, советская власть задушила, надо организовано не выходить на работу... В октябре м-це ...1937 года при разделке древесины забивал в кряжи железные предметы для производства аварийности, с тем, чтобы сорвать работу лесопильного завода...». «В период весеннего сева 1937 года Филипьев вел контрреволюционную агитацию за срыв сева, объяснял тем, что надо недодавать кормов лошадям и выводить их из строя, чтобы сорвать сев» [11, л. 34].

В.М. Филипьев не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения. Так, в протоколах допроса от 19 ноября 1937 г. Владимир Михайлович не признает участие во «вредительской и диверсионной работе, направленной на срыв выполнения государственного плана лесозаготовок», объясняя, что работал «на разделке древесины на погореловском лесоучастке всего два месяца (октябрь и сентябрь 1937 г.), проводил разделку мелкой древесины, никакой вредительской работы не вел, виновным себя не признаю». В.М. Филипьев дает отрицательные ответы и на следующие вопросы: «Вы умышленно забивали в древесину гвозди с целью аварийности лесопильного завода? Признаете ли Вы, что вели контрреволюционную пораженческую агитацию, направленную против колхозного строительства?» [11, л.31–31об.].

27 ноября 1937 года на заседании Особой Тройки при УНКВД Кировской области было заслушано «Дело №5490 Верховинского РО УНКВД по обвинению Филипьева Владимира Михайловича, 1874 г. рождения, служ. культa. Судимый 1 раз за кражу. Обвиняется в том, что вел среди рабочих лесоучастка кр. повстанческую агитацию, и призывал к забастовке. Постановили: Филипьева Владимира Михайловича заключить в исправтрудлагерь сроком на десять лет, считая срок с 15 ноября 1937 г.» [11, л. 34]. К сожалению, проследить дальше жизненный путь В.М. Филипьева не представляется возможным, не известна судьба его жены Надежды Васильевны и детей. В 1931 г. был осужден по ст. 58–10 брат Владимира Михайловича – Иван Михайлович, протоиерей церкви с. Анкушино Кирово-Чепецкого района Кировской области (реабилитирован 06.05.1989) [16, с. 98–99]. 14 апреля 1989 г. прокуратурой Кировской области В.М. Филипьев был реабилитирован на основании действия ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [17, л. 40].

Жизнь замечательного человека, наставника, священника и учителя Владимира Михайловича Филипьева является примером беззаветного служения народу, честного исполнения своего долга. Он разделил судьбу невинно осужденных, казненных, умерших в лагерях священников, крестьян, рабочих, десятков тысяч российских граждан, на долю которых выпало жить в России в годы великих испытаний.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 70. Д. 1216.
2. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Дд. 1218, 1258, 1073, 1216.
3. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1258.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1260.
5. ГАКО. Ф. Р–1140. Оп. 2. Д. 131.
6. Казаковцев С.В. Вятская губерния в годы первой мировой войны: эволюция общественных настроений // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 310. – № 3. – С. 184–188.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1073.
8. Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть вторая: 1918–1941 / В. Аржанова, А. Гарахин, М. Бахтин. – Горький: Волговятское кн. изд-во, 1966. – 447 с.
9. Зуев А.В. История Преображенской церкви с. Верховино в XVII – начале XXI вв. – п. Юрья: [б.и.], 2015. – 94 с.
10. ГАКО. Ф.Р–2168. Оп.4. Д.76.
11. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. Р–6799. Оп. 6. Д. СУ–8350.
12. Сухих А., прот. Вспомним поименно. – В 8 кн. – Кн. 4. – Киров: Экспресс, 2005. – 151 с.

Д.Р. Зайнутдинов

Татарские правоведы и татарская правовая мысль в начале XX века

Изучение татарскими правоведами общих закономерностей и тенденций происхождения и развития государства и права в их неразрывной взаимозависимости представлялось важным моментом в становлении правовой мысли татарского народа. Однако в дофевральской России проблематикой теории государства и права татарские правоведы активно не занимались. Одни к изучению данной проблематики приступили лишь с 1917 г., а другие – в период антибольшевистской эмиграции за рубежом.

Одним из первых татарских правоведов, дореволюционного периода, занимавшихся исследованием теории государства и права, являлся Юсуф Хасанович Акчурин (Юсуф Акчура) (1876–1935). Среди работ Ю.Акчуры ярко выделяется труд «Три политические системы», изданный в 1904 г. Данный научный труд представлял собой попытку теоретического обоснования возможности конструирования новой формы государства (формы правления, формы территориального устройства, формы политического режима, вида государственно-правовой идеологии) на основе западной модели демократии во взаимосвязи с идеями тюркизма. При этом Юсуф Акчура никогда не являлся тем «демоническим» тюркистом, которым его пытались представить царский и советский режимы. Его взгляды были вполне объективны и в полной мере соответствовали эпохе. Например, он достаточно высоко оценивал историческое значение правовых реформ, проводимых Александром II, что выделяется в работе «О революции в России» (1905 г.). Исследование реформ Александра II с правовой точки зрения во многом повлияло на формирование воззрений Юсуфа Акчуры в части вопросов организации местного самоуправления в Российской империи и роли национальных меньшинств в его развитии.

После революции 1905–1907 гг. Ю.Акчура эмигрировал в Османскую империю. Его правовые воззрения оказали определенное влияние на правовую политику Турции в период, когда он являлся советником Мустафы Кемала Ататюрка по вопросам культуры и политики. Следует подчеркнуть, что изучение истории развития российской, турецкой и европейской государственности сильно сказалось на научной деятельности Юсуфа Акчуры, сформировав из него не столько теоретика права, сколько историка права.

Более основательно исследованиями в области теории государства и права занимался Садретдин Низаметдинович Максудов (Садри Максуди) (1878–1957). Необходимо упомянуть такие его труды как «Общие принципы права» (1937 г.) и «Теократическое государство и светское государство» (1940 г.). Он дополнил теорию государства и права новыми знаниями о правовых обычаях и нормативно-правовых актах тюркских государств (например, тора и яса). Так, М.Р. Гайнанова, анализируя деятельность С.Максуди в эмиграции, подчеркивает, что он «хотел показать истоки тюркского доисламского права, которые базировались на традициях и обычаях» [2, с. 14]. В то же время, наибольший вклад в теорию государства и права С.Максуди сделал посредством юридической терминологии. Словесные обозначения понятий, используемых при изложении содержания нормативно-правовых актов тюркских государств, составили важную часть научных трудов Садри Максуди. В этом аспекте нельзя не согласиться с М.Р. Гайнановой, также отмечающей его весомый вклад в реформу турецкого языка [2]. Свои знания о закономерностях развития государства и права С.Максуди в полной мере применил в период великих реформ Ататюрка, энергично включившись в составление целого комплекса нормативно-правовых актов и их кодифицировании для новой турецкой правовой системы, основанной на светских началах.

Научная деятельность в области юриспруденции Ю.Акчуры и С.Максуди во многом схожа. Так, соотнося характер научных работ С.Максуди однозначно выявляется, что в них, как и в трудах Ю.Акчуры, доминировала историко-правовая тематика, а также сравнительное правоведение.[3; 4] Период пребывания С.Максуди в Турции наполнен исследованиями именно тюркской истории государства и права, и представлен такими значимыми трудами как «Лекции по истории тюркского права» 1928 г. и «Общая история права» 1941 г.

Изучением теоретико-правовых аспектов в эмиграции занимался и Муса Яруллович Бигиев (Муса Биги) (1875–1949). Несмотря на то, что в 1917 г. уже выходила теоретико-правовая работа Мусы Бигиева «Шәригать эәслары» («Основы шариата»), тем не менее она носила общий характер, нежели последующие, написанные в эмиграции. Среди его работ в области теории государства и права, наиболее значимыми являются «История исламского правотворчества» («Тарих ат-Ташри иль-ислами») 1935 г. и «Система исламского халифата» («Низам аль-Хилафа аль-исламия») 1945 г. В них исследуются как общие вопросы теории права, так и система институтов государственной власти. Отличительной особенностью этих работ является их непосредственная взаимосвязь с мусульманской правовой системой и источниками права (Ко-

ран, Сунна, Иджма, Кийас). Нельзя не согласиться с А.Г. Хайрутдиновым, что «Муса Бигиев приложил много сил для разработки теории и практики исламского законотворчества-фикха, а исламская правовая система и его основы (усуль аль-фикх) представляют собой наиболее подробно исследованных им область религиозных наук» [5, с. 116]. Многие труды Мусы Бигиева по мусульманской юриспруденции представляют собой толкование правовых норм, что крайне важно для процесса правоприменения.

Исторические этапы становления тюркской государственности и правовой системы занимали центральное место в трудах татарских правоведов еще в дофевральский период 1917 г. К историкам права можно отнести таких татарских ученых как Хасан-Гата Мухамметович Габяши (1863–1936), Мухаммед-Хади Мифтахутдинович Атласов (Хади Атласи) (1876–1938), Габделбарый Габдуллович Батталов (Габделбари Баттал) (1880–1969), Газиз Салихович Губайдуллин (1887–1937). Например, в работах историка Х.-Г.М. Габяши раскрываются общие закономерности развития существовавших тюркских государств («Краткая история тюркских племен» 1899 г. и «Подробная история тюркских племен» 1909 г.). Причины динамичного развития тюркской государственности Х.-Г.М. Габяши обосновывал следующим: «Нация, достигшая значительных высот в культуре, земледелии, торговле, ремесле, письме и религии, не может оставаться невежественной и необразованной» [6, с. 221]. Следует поддержать точку зрения А.Х. Тухватулина, что такой труд как «Подробная история тюркских племен» 1909 г. Х.-Г.М. Габяши «являлся наиболее полным на то время описанием истории, этнических процессов и становления государств тюрков, и непосредственно связанных с ними народов, с древнейших времен до средневековья (XIII в.). Отличительными чертами этого исследования стали энциклопедизм, включение всех известных историка новейших научных сведений, доступность языка, привлечение восточных и западных источников, широкое использование российской историографии» [7].

Татарские правоведы рассматривали как роль тюркской государственности в мировой истории, так и затрагивали проблемы формирования татарской нации в непосредственной взаимосвязи с развитием Улуса Джучи и татарских ханств. В данном аспекте важно упомянуть работы Х.Атласи, в которых исследуются этапы становления, рассвета и краха Сибирского и Казанского ханств, правовые основы власти правителей, их политическая деятельность («История Сибири» 1911 г., «Сююмбике» 1913 г., «Казанское ханство» 1914 г.). Х.Атласи огромное внимание уделял историческим закономерностям

рассвета и краха татарской государственности, а также связывал ее восстановление с динамичным ростом татарского национального движения в 1917 г. Он высоко ценил работы русских авторов по истории татар, отмечая: *«Мы с благодарностью склоняем голову перед каждым, кто был честен, кто послужил на пользу нашей истории, оказал ей неоценимую услугу, не дав пропасть, навсегда согнута в мрачной пропасти прошлых столетий, подобно татарским государствам. Помог собрать воедино разрозненные куски прошлого»* [8, с. 12].

Весомый вклад в историю государства и права внес своими трудами Г.Г. Батталов («История татар» 1916 г., «История и политическая борьба казанских тюрок» 1925 г., «История тюрко-татар» 1938 г., «Казанские тюрки» 1966 г.). Отличительной особенностью его работ является то, что они посвящены исследованию именно татарской государственности, нежели тюркской. Такие работы Габделбари Баттала как «История татар» (1916 г.), «История и политическая борьба казанских тюрок» (1925 г.) и «Казанские тюрки» (1966 г.), прежде всего, связаны с государственностью казанских татар на территории Волго-Уральского региона.

Подавляющее большинство татарских правоведов, имеющих юридическое образование, интересовалось именно вопросами исторического становления государства и права, нежели конкретными проблемами отраслевого законодательства. Так, например, Г.С. Губайдуллин поступив в 1910 г. на юридический факультет Казанского университета, проучился там всего лишь год, а в 1911 г. перевелся на историко-филологический факультет. «Известно, что здесь он под руководством профессора Ивановского изучал вопросы происхождения государства и нации. Однако его все же тянули к себе исторические науки» [9, с. 77]. При этом базовые юридические знания в соединении с историческими науками позволили Г.С. Губайдуллину проводить фундаментальные исследования в области истории государства и права. Труды Г.С. Губайдуллина, такие как «Положение женщины у тюрко-татарских народов с древнейших времен до Тимура» (1914 г.), «История татар» (1925 г.), «Падение империи Тимуридов и период узбеков» (1928 г.), а также ряд статей («Внутреннее устройство Золотой Орды», ««Яса» или «Ясанамз» (историко-правовой опыт)»), публикуемых им с 1917 г., имели яркий историко-правовой характер. События 1917 г., приведшие к децентрализации власти, автономизации регионов и отделение от нее национальных образований, вызвали живой интерес к государственному устройству Улуса Джучи, который, в определенный период истории России распространил свою власть на огромной тер-

ритории многонациональной Евразии. Помимо изучения государственности Улуса Джучи Г.С. Губайдуллин рассматривает и причины крушения Казанского ханства. Бесспорно, что он «создал первую научную концепцию истории татарского народа, в которой период Казанского ханства играл роль национального государства, разрушенного русским государством, превратившим его в свою первую колонию» [10, с. 156]. Г.С. Губайдуллин был одним из первых татарских правоведа начавших свою научную деятельность в дореволюционной России, прошедший через горнило революционных событий 1917 г. и Гражданской войны, и погибший от «рук» советского режима, за непреклонность своих научных воззрений.

Следующим татарским правоведем в рассматриваемой области юридической науки является Гаяз Гилязетдинович Исхаков (Гаяз Исхаки) (1878–1954). В то же время Г.Исхаки нельзя назвать «чистым» правоведем, его правовые воззрения всегда шли параллельно с политикой. «Он, прежде всего, человек борьбы, кипучей общественной деятельности; пишет много, торопливо; стиль отличается образностью и густотой красок; он умеет зло насмеяться» [11, с. 463]. Достаточно сложно в трудах Г.Исхаки отделить политическую мысль от правовой. В его трудах не затрагивается проблематика теории государства и права, но имеется анализ исторических этапов развития государственности России и татарского народа. Историческую проблематику государственности Г. Исхаки стал рассматривать еще в преддверии революционного периода 1917 г. Так, в работах 1915 г. «Мусульмане России» и «Мусульмане и «национальные проблемы»» он обобщил проблемы бесправия татарского народа, связав их с действующим государственным режимом. Г.Исхаки отмечал: *«Если принять во внимание, что при том громадном напряжении сил, которое потребовалось при этой работе, не было ни малейшей поддержки извне – ни материальной, ни моральной, если принять во внимание, что для создания новых начал пришлось разрушить старые, крепкие основы, что холодно-мертвящая бюрократическая рука неизменно действовала в союзе с нашим ретроградным духовенством, то станет ясно, какие исчерпываемые силы таились в недрах всегда молчаливого, серьезного тюрко-татарского народа»* [12, с. 147–148]. Однако, начиная с Февральской революции и вплоть до окончания «малой» Гражданской войны (1920–1922 гг.) творческий потенциал Г.Исхаки поглотила политическая деятельность. В 1917–1919 гг. на территории России он активно участвует в национальном движении татарского народа: становится одним из строителей Штата «Идел-Урал» (зима-весна 1918 г.), выступает на стороне социал-

демократических антибольшевистских режимов (лето-осень 1918 г.), позднее продолжает борьбу за национальное самоопределение в начальный период колчаковского режима (осень 1918 г. – зима 1919 г.). «В 1919 году Исхаки в качестве представителя штата «Идель-Урал» отправляется на Версальскую мирную конференцию и больше не возвращается в Россию» [13, с. 52].

К изучению исторических аспектов развития государства и права Г. Исхаки вернулся лишь в период эмиграции. Он пишет фундаментальные работы, не потерявшие свою актуальность и для современной правовой мысли. В качестве значительного вклада в науку истории государства и права следует считать такие труды Г. Исхаки как «Будущее России» и «Историко-политический очерк Республики Идель-Урал» 1929 г., «Национальная история» 1932 г., «Краткий очерк борьбы татар Идель-Урала за освобождение» 1932 г., «Идель-Урал» 1933 г. В работе «Будущее России» Г. Исхаки с сожалением отмечает неудачный опыт парламентаризма в России и то, что идеи Всероссийского Учредительного собрания так и не были реализованы [14, с. 300]. В работах «Национальная история» и «Идель-Урал» им анализируются отдельные этапы развития татарской национальной государственности. При этом для истории отечественного государства и права особо ценной представляется работа «Идель-Урал» [15], которая существенно дополняет знания о причинах становления и краха антибольшевистских режимов на Востоке России в 1918–1920 гг. В 1930-е гг. Г. Исхаки продолжает политико-правовые исследования, но уже в неразрывной связи с советским режимом и большевизмом («Исламский мир и большевики» 1932 г., «19 лет большевизма» 1936 г. и др.).

Определенный интерес для изучения истории российской государственности представляет доклад, прочитанный Г. Исхаки в Доме мусульманской общины Харбина 1 сентября 1934 г., на тему «Положение тюрко-татар в СССР, их движение, взгляды и надежды на будущее. Туркестан. Кавказ, Крым. Идель-Урал и Сибирь» [16, с. 157–167]. В данном докладе он однозначно подчеркивает негативную роль большевиков в истории российской государственности. Исследуя общественно-политическую деятельность и исторические взгляды Гаяза Исхаки, Б.Т. Гали справедливо отмечает: «Основу мировоззрения и всей его общественно-политической деятельности составляют его представления о государственных управленческих традициях в прошлом и будущем. Национальная государственность для него не только социальный паспорт народа, но и источник обновления памяти и составная часть самосознания народа» [17]. Гаяз Исхаки оставил огромное научное на-

следие во многих областях знаний, в том числе и в сфере юриспруденции, а именно в истории государства и права и политико-правовых учениях.

Подводя итоги, следует отметить, что под влиянием целой эпохи социальных потрясений первой половины XX в. (русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война) правовые воззрения татарской интеллигенции претерпели целый ряд трансформаций. Татарская правовая мысль с конца XIX в. к началу XX в. совершила великий подъем к вершинам юриспруденции. Кактивному исследованию проблем теории государства и права татарские правоведы дореволюционной России, не принявшие советский режим, приступили лишь в эмиграции в 1930–1940 гг. При рассмотрении общих вопросов теории государства и права они стремились учесть те ошибки, которые были допущены в течение 1917–1918 гг. в процессе строительства татарской национальной государственности. В то же время историко-правовая проблематика в трудах татарских правоведов, рожденных в дореволюционной России, занимала господствующее положение. Февральская революция 1917 г. вызвала необходимость обоснования именно исторической закономерности восстановления национальной татарской государственности. Последующий крах проекта Штата «Идель-Урал» в 1918 г. лишь усилил исследования в области истории государства и права.

Список источников и литературы

1. Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 159 с.
2. Гайнанова М.Р. Эволюция общественно-политических взглядов Садри Максуди в период его эмиграции: 1925–1957 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012. – 23 с.
3. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право / Пер. с тур. Р. Мухамметдинова. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.
4. Максуди С. Англиягә сәяхәт (Путешествие в Англию). – Казан: [б.и.], 1912.
5. Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань: Фэн, 2005. – 180 с.
6. Габаши Х.-Г.М. Всеобщая история тюркских народов. – Казань: Фэн, 2009. – 248 с.
7. Тухватулин А.Х. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) как общественный деятель и историк: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань: Казан. гос. ун-т., 2003. – 23 с.

8. Атласов Х.М. История Сибири / Пер с татар. яз. А.И. Бадюгиной. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 96 с.
9. Багаутдинов Ф.Н. Музы и право. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 383 с.
10. Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. Газиз Губайдуллин об истории Казанского ханства // История и современность. – 2013. – №1(17). – С. 150–157.
11. Валидов Д. Тангисты // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жьыентык / тез.-авт.: С. Рәхимов, З. Мөхәммәтшин, А. Заһидуллин. – Казан: Жьыен, 2011. – 964 б.
12. Исхаки Г. Мусульмане России // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жьыентык / тез.-авт.: С. Рәхимов, З. Мөхәммәтшин, А. Заһидуллин. – Казан: Жьыен, 2011. – 964 б.
13. Галямутдинов А.И. Татарская эмигрантская пресса первой половины XX века. – Казань: Бриг, 2016. – 146 с.
14. Исхакий Г. Будущее России // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жьыентык / тез.-авт.: С. Рәхимов, З. Мөхәммәтшин, А. Заһидуллин. – Казан: Жьыен, 2011. – 964 б.
15. Исхаки Г. Идель-Урал. – Париж: [б.и.], 1933. – 52 с.
16. Исхаков М.Г. Әсәрләр. – 15 т. – 13 т.: публицистика. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 335 б.
17. Гали Б.Т. Общественно-политическая деятельность и исторические взгляды Гаяза Исхаки: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001. – 181 с.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

УДК 277.4(470.40/43)"1905/1917"

А.А. Машковцев

Распространение баптизма в Волго-Уральском регионе в 1905–1917 гг.

Резкое обострение общественно-политической ситуации в России после начала революции 1905–1907 гг. заставило имперское руководство проводить более гибкую конфессиональную политику и прислушаться к многочисленным обращениям протестантов, католиков, мусульман и др., поступавших в этот период в Комитет министров. 17 апреля 1905 г. вышел знаменитый указ «Об укреплении начал веротерпимости», юридически закрепивший смену курса в отношении религиозных меньшинств. Данный документ отменял правовую ответственность за выход из православия и переход в иные конфессии, а также резко сокращал вмешательство административно-полицейских органов в деятельность неправославных религиозных объединений. Вслед за указом 17 апреля 1905 г. последовал ряд других нормативных актов, конкретизировавших его положения и окончательно оформлявших в России свободу вероисповеданий.

Либерализацией конфессионального законодательства в годы Первой русской революции сразу же воспользовались многие религиозные объединения в России, в первую очередь баптисты и родственные им евангельские христиане. В 1905–1917 гг. они развернули активную миссионерскую в различных регионах страны, в том числе в Среднем Поволжье и Приуралье. В результате этого на территории рассматриваемых Казанской, Пермской и Вятской губерний стали возникать многочисленные общины баптистов и евангельских христиан.

В Вятской губернии наиболее крупные объединения евангельских христиан возникли в с. Верхняя Слудка Малмыжского уезда и в Ижевске, а баптистские общины – в сёлах Уржумского и Яранского уездов. По мнению священника Иоанна Маракулина, в Малмыжском уезде евангелизм «был насаж-

дён возвратившимся с военной службы жителем села Верхней Слудки беспоповцем-рябиновцем Елисеём Фалалеевым и сектантами села Ершовки Казанской губернии» [1]. Действительно, жители Верхней Слудки и Ершовки поддерживали между собой самые тесные (в первую очередь, торговые) контакты. Кроме того, многих связывали родственные узы.

Помимо Малмыжского уезда общины евангельских христиан и баптистов возникли в Вятке и Ижевском заводе. В губернском центре распространителем евангелизма стал некто Чекмарёв, являвшийся книготорговцем так называемого «Комитета по распространению религиозно-нравственных книг». Целью данной организации, учреждённой в 1911 г. Святейшим Синодом, было распространение среди населения православной литературы. Однако среди книгонош комитета встречалось немало протестантов и сектантов, которые, пользуясь официальным прикрытием, занимались пропагандой своих религиозных взглядов. Впрочем, в рассматриваемый хронологический период деятельность евангелистских проповедников в Вятке большого успеха не имела.

Что касается Ижевского завода, то там, по словам Иоанна Маракулина, «секта евангельских христиан насаждена заводскими обывателями Самоделкиным и Игошиным, заразившимися сектантством на военной службе. Большое влияние на появившихся сектантов оказал заводской обыватель Иоанна Андреевич Храмов, 18 лет проживший в Петрограде, и, будто бы... уехавший учиться на сектантских богословских курсах» [1]. В Ижевске евангелистские проповедники добились больших успехов, чем в Вятке. Так, уже осенью 1914 г. ижевская община насчитывало около 30 человек, при этом 18 верующих на основе нового религиозного законодательства официально перешли из православия в евангелизм [2].

Согласно данным православных миссионеров, в 1914–1915 гг. евангельское движение получило распространение на территории Уржумского и Яранского уездов. Вятский епархиальный миссионер Е. Николаев в отчёте за 1915 г. сообщил о появлении евангельских христиан в с. Елсево Уржумского уезда, а также баптистов в сёлах Ильинском Яранского уезда и Решетники Уржумского уезда [3]. Другой православный священник – уржумский уездный миссионер В. Мартынов – с тревогой писал об активизации баптистов в самом Уржуме, а также в приходе с. Высоково Яранского уезда.

В Уржумском уезде в 1914–1915 гг. протестантские миссионеры работали, главным образом, среди старообрядцев различных согласий, добиваясь при этом заметных результатов. Так, в с. Решетниково и д. Кисели баптистские общины состояли в основном из бывших старообрядцев-беспоповцев. Одним из лидеров баптистской общины Уржума являлся бывший старообрядческий начётчик Н. Чирков. Священник В. Мартынов писал: «Чирков в ре-

зультате чтения книг разочаровался в расколе. В Саратове он случайно попал на собрание баптистов и был очарован их любезностью. Через короткое время после этого он стал убеждённым баптистом и сейчас усердно старается привить баптизм старообрядцам Уржума» [4]. В целом старообрядческая среда оказалась весьма благодатной почвой для распространения различных форм протестантизма.

В 1914 г. крупная баптистская община возникла в приходе села Высоково Яранского уезда. Её основателем являлся крестьянин деревни Большой Юхтунов Сердежской волости Ф.В. Винокуров, увлечшийся идеями баптизма во время прохождения военной службы в Пермской губернии [5]. Вернувшись из армии, он создал баптистскую общину в родной деревне, куда вошли многие родственники и односельчане демобилизованного солдата. Вскоре после этого Филипп Винокуров вместе со своим племянником эмигрировали в США, однако местная баптистская община не только не распалась, но и продолжала увеличиваться. Её члены регулярно получали от своих единомышленников религиозную литературу, а также плакаты с библейскими сюжетами, которые раздавали всем желающим. Сам Ф. В. Винокуров постоянно посылал письма из США, в которых с восхищением рассказывал о жизни американских баптистов и требовал ни в коем случае не отступать от новой веры. Скорее всего, юхтуновская община стала первой структурой вятских баптистов, установившей прямые контакты с баптистами США.

Таким образом, накануне Первой мировой войны общины евангельских христиан и баптистов возникли в Ижевске, а также в ряде сёл Малмыжского, Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии [6]. Кроме того, протестантские миссионеры вели активную пропагандистскую работу в Вятке, Уржуме и в населённых пунктах на юге края, находившихся на линии строившейся тогда новой железной дороги (Вятские Поляны, Сосновка, Старый Бурец и пр.) [7]. Объектами их агитации являлись не только православные, но и адепты различных старообрядческих согласий, заметно представленные в южных районах края.

В Казанской губернии в период Думской монархии наиболее крупная община евангельских христиан находилась в сёлах Ершовка и Кукмор Мамадышского уезда [8]. Её лидером являлся богатый крестьянин с. Ершовка Гурьян Егорович Фёдоров, познакомившийся с учением евангельских христиан во время одной из своих поездок по торговым делам в Москву. Увлёкшись идеями данного вероучения, Г.Е. Фёдоров сначала сам присоединился к евангельскому движению, затем привлёк к этому свою семью и многочисленных родственников, после чего они вместе начали активную миссионерскую деятельность не только в Мамадышском уезде, но и на территории приграничного с ним Мал-

мыжского уезда Вятской губернии. Успеху агитации способствовали не только красноречие и несомненные лидерские качества Фёдорова, но и его значительные финансовые возможности. «Как человек богатый, торговый и умный, он пользуется почётом, уважением и влиянием среди местного населения, особенно среди лиц менее зажиточных и бедных, нуждающихся в кредите у него», – отмечалось в одном из отчётов начальника Казанского губернского жандармского управления в Департамент полиции МВД [9].

В фонде Казанской духовной консистории (Ф. 4) Национального архива Республики Татарстан имеется большое количество дел, датированных в основном 1910–1916 гг., о переходе жителей Мамадышского уезда из православия в евангелизм [10]. Как правило, переход совершали целыми семьями, и попытки приходского православного духовенства увещевать их успеха не имели [11].

Помимо Мамадышского уезда небольшие группы евангельских христиан возникли в Чистопольском [12] и Тетюшском уездах [13]. В последнем случае евангельскими христианами становились не только русские, но и представители финно-угорских народов, в частности мордвы (например, в с. Мордовские Каратаи) [14]. Евангельские христиане и баптисты пытались развернуть миссионерскую деятельность и в самой Казани, однако до начала Первой мировой войны не смогли добиться здесь заметных результатов. В связи с этим можно согласиться с выводом И.П. Корнилова, считавшего, что «первые общины евангельских христиан-баптистов в Казанской губернии состояли из крестьянства, что является характерной особенностью развития ЕХБ в регионе» [15].

Что касается Пермской губернии, то наиболее прочные позиции евангельское движение получило в Осинском уезде. Именно здесь в конце XIX в. в д. Нижний Космяш появились первые евангельские христиане [16]. В последующем они распространили своё вероучение в соседних населённых пунктах, в частности в волостном центре – с. Рябки, ставшим своеобразным духовным центром евангельского движения в Пермской губернии в период Думской монархии [17]. В 1913 г. в Осинском уезде насчитывалось 214 евангельских христиан, из них 155 чел. проживали в Рябках [18]. Благодаря наличию такого числа верующих местная община в августе 1913 г. даже получила у губернских властей разрешение на строительство собственного молитвенного дома [19].

Помимо Нижнего Космяша и Рябков евангельские христиане проживали ещё в ряде населённых пунктов Осинского уезда, однако их общее число там было незначительно. Так, 13 сектантов проживали в самом уездном центре – г. Осе, по 10 чел. в сёлах Крюково и Комарово, 2 чел. в Медянке и пр. [20] Однако, сразу оговоримся, что речь идёт лишь о лицах, официально пере-

шедших к евангельским христианам. Помимо них было значительное число сочувствовавших, но пока ещё не вышедших из православия или староверия.

Наиболее активными пропагандистами евангелизма как на территории Осинского уезда, так и Пермской губернии в целом являлись пресвитер Рябовской общины Н.П. Найданов и житель Осы Д.Д. Драчёв. Н.П. Найданов постоянно разъезжал с проповедями по территории губернии, а на крупные религиозные праздники в Рябки съезжались не только пермские евангельские христиане, но и их единоверцы из соседних губерний (в частности, Уфимской и Вятской). Так, 13 июня 1914 г. в Рябки приехало несколько десятков человек, в том числе немцы-колонисты из Уфимской губернии, а также миссионер слудской общины Малмыжского уезда Вятской губернии Татьяна Фалалеева и один из лидеров ижевских евангелистов – Николай Игошин [21]. Это свидетельствует не только о серьёзном авторитете рябовской общины и её пресвитера, но и о достаточно тесных связях евангельских христиан из разных губерний Волго-Уральского региона.

Что касается жителя Осы Д.Д. Драчёва, то он также как Н.П. Найданов совершал миссионерские поездки по территории губернии, но основное внимание уделял пропаганде баптизма в самой Осе. Успеху агитации способствовало то, что у Драчёва установились неплохие отношения с местной администрацией, в частности с осинским уездным исправником. «Серьёзная опасность со стороны сектантов грозит г. Осе, где злейшим пропагандистом является Дмитрий Драчёв, в доме которого живёт исправник. Драчёв беспрепятственно проводит у себя собрания и распространяет литературу», – отмечал епархиальный миссионер А. Г. Куляшев [22].

Помимо Осинского уезда евангельское движение в период Думской монархии получило развитие в Оханском, Соликамском и Пермском уездах Пермской губернии. В Оханском уезде центром евангелизма была деревня Сухановка Змиевского прихода [23]. Кроме того, отдельные семьи евангельских христиан жили в с. Сива [24] и в Ножовском заводе [25]. В Соликамском уезде баптисты находились в сёлах Рождественское, Ощепковское, Орловское и Веретийское [26]. Что касается Пермского уезда, то наибольшую активность евангельские христиане и баптисты проявляли в самой Перми, а также Мотовилихинском заводе, где неоднократно фиксировались случаи распространения их литературы и периодических изданий, а также проведения религиозных собраний [27].

Таким образом, революция 1905–1907 гг. привела к резкой смене конфессионального курса российского правительства, провозгласившего в стране веротерпимость. Этим воспользовались многие религиозные организации, в том числе баптисты и родственные им евангельские христиане. Начинается

стремительное распространение баптизма в различных регионах России, в том числе и в Волго-Уралье. Начиная с 1905 г., происходит создание общин баптистов и евангельских христиан в ряде уездов Казанской, Пермской и Вятской губерний. При этом наибольшую активность протестанты проявляли на крупных промышленных предприятиях региона (Ижевский, Воткинский, Мотовилихинский заводы), а также в полосе прохождения железных дорог (Кукмор, Вятские Поляны и пр.). Социальной опорой евангельского движения в Волго-Уралье стало зажиточное крестьянство, но заметную предрасположенность к восприятию религиозных идей баптистов проявляли также некоторые рабочие промышленных центров Урала.

Список источников и литературы

1. Маракулин И. Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. – 1915. – № 44. – С. 1291.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 1–2.
3. Вятское епархиальное братство во имя Святителя и Чудотворца Николая в 1915 отчётном году. – Вятка. – 1916. – С. 234.
4. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 180. Л. 8.
5. ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. 245. Оп. 2. Д. 1915. Л. 12, 46 об. и пр.; ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 699. Л. 3 об.
7. ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 39.
8. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 1021. Л. 35 об.–36.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. 1915 г. Оп. 245. Д. 85. Л. 148 об.
10. НАРТ. Ф. 4. Оп. 146. Д. 301; НАРТ. Ф. 4. Оп. 146. Д. 328; НАРТ. Ф. 4. Оп. 147. Д. 728; НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 365 и пр.
11. НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 364. Л. 2; НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 434. Л. 2; НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 426. Л. 2 и пр.
12. НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 445. Л. 2; НАРТ. Ф. 4. Оп. 148. Д. 439. Л. 2 и пр.
13. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8727. Л. 1 об.; НАРТ. Ф. 4. Оп. 147. Д. 704. Л. 1 и пр.
14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 797. Оп. 62. II отдел. Д. 177. Л. 2; НАРТ. Ф. 4. Оп. 147. Д. 704. Л. 1.

15. Корнилов И.П. Протестантизм в Татарстане: основные этапы и особенности развития (XVIII в. – 80-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С. 17.

16. Пермские епархиальные ведомости. – 1914. – № 6–7. – С. 110.

17. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 27; ГАПК. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3. Л. 75, 109, 137 и пр.

18. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 27.

19. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

20. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

21. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 35. Л. 68.

22. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

23. ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

24. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 26. Л. 1, 10, 28 и пр.

25. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

26. ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–4 об.; ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 64. Л. 3 об.; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 14. Л. 10 и пр.

27. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 17. Л. 21; ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–4 об. и пр.

Ф.А. Рашитов

Четвертый на Земле «миротворец» (о Мергалетдине Курамшине)

В самом начале XX в. в Саратове объявился человек, называвший себя «четвертым на Земле «миротворцем», посланником всевышнего Аллаха (махди). Это был купец 2-й гильдии, главный попечитель местной соборной мечети Мергалетдин Аминович Курамшин (1854–1912). Будучи уже в зрелом возрасте, этот трезвый, сугубо деловой человек, глава большого семейства, проснулся 25 декабря 1901 года с твердым убеждением, что ночью, во сне он получил свыше особую миссию – созвать Всемирный Собор для выработки обновленного, единого для всего человечества, Духовного Закона.

Имам мечети, ахун Саратовской губернии Мухамеджан Енгальчев, которому он сообщил о полученном им в 26-й день Священного месяца Рамазан «Святом Откровении», высмеял его и заявил, что тот, очевидно, болен и рассудок его ненормален [1, с. 117]. М.А. Курамшин не послушался совета своего духовного наставника выбросить эту ересь из головы. Напротив, он развил напряженную и неустанную умственную и организаторскую деятельность. Последняя продолжалась десять лет, вплоть до смерти Мергалетдина Аминовича в самом конце 1912 года. За эти годы им было опубликовано 10 брошюр и книг с изложением основных положений его Учения [2, с. 29]. Изданные в Саратове на русском языке они составляют философско-религиозное наследие, оставленное потомкам этим незаурядным человеком. К сожалению, это наследие находилось на протяжении столетия в забвении.

В начале 2013 года автор этих строк обнаружил в отделе редких книг Научной библиотеки Саратовского университета четыре книги, принадлежащие перу М.А. Курамшина [3]. Знакомство с содержанием книг показало, что в его лице мы имеем дело с весьма оригинальным и серьезным религиозным и социальным мыслителем. Важно при этом заметить, что духовно-нравственные искания саратовского купца с присущей им изрядной долей мистицизма и маниловщины были созвучны беспокойному духу того времени, верно отражали многие проявления переживаемого системного кризиса Российской империи [4, с. 29]. Этим также определяется актуальность темы настоящего исследования.

Источниковую базу последнего составили, кроме сочинений самого М.А. Курамшина, несколько сохранившихся прижизненных публикаций о нем [1; 5; 6; 7]. Все они принадлежат русским авторам. Каких-либо откликов на его «учение» и деятельность в татарской прессе того времени нам пока обнаружить не удалось.

Среди публикаций особого внимания заслуживает повесть А.Байгушева «Татарский пророк: очерки мусульманского раскола». В повести М.Курамшин выведен под фамилией «Тагиев». Автор повести, опираясь на свидетельства разных людей (журналист, доктор и др.), опровергает распространенное бытовательское мнение о Курамшине – «Тагиеве» как о «сумасшедшем», «противнике мусульманского духовенства», «обыкновенном самодуре». Вот высказывание доктора: *«Мозги у него на своем месте и пока еще не воровались. Голова у него хорошо устроена и, что самое главное, – без сору. Тагиев – человек, ищущий самостоятельных путей в религии, претендующий на новое слово, которое и говорит людям»* [5, с. 119].

В названных публикациях мы находим не только информацию фактографического характера, но и определенные подходы к историографическому и концептуальному анализу предмета исследования. Опубликованная в 2014 г. журнальная статья автора этих строк явилась, пожалуй, первой в историографии попыткой научного осмысления феномена татарского религиозного реформаторства в лице Мергалетдина Курамшина [8, с. 180–191]. Хочется надеяться, что наша инициатива послужит толчком для новых исследований.

Основную часть настоящего сообщения начнем с краткой биографической справки. Мергалетдин Аминович Курамшин родился 3 апреля 1854 г. в деревне Старая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии¹. Старая Кулатка была крупнейшим татарским поселением губернии: 500 дворов, 3300 человек населения в 1860 г. [9, с. 99]. В деревне располагалось волостное правление, функционировали 7 мечетей. Умер М.А.Курамшин 28 декабря 1912 г. в Саратове.

Интересно отметить такой факт: уроженец Старой Кулатки шейх и ишан Джагфар Салихов (1790–1862) стоял, по мнению Д.Усмановой, у истоков ваисовского движения, был духовным наставником Багаутдина Ваисова (1804–1893) [10, с. 590–591]. Правда, Р. Фахретдин, поместивший в своем «Асаре» биографический очерк о Дж.Салихове, имя Б.Ваисова не называет. Среди учеников и последователей кулаткинского шейха значится некий Хуснутдин бин Гумар ас-Суксави аль-Казани. Сам ишан Джагфар, обучавшийся в Казани в

¹ Биографические сведения о М.А. Курамшине почерпнуты в основном, из сочинений самого купца.

медресе Мухаммедкерима бин Абдурахман ат-Танкеши, в течение многих лет путешествовал по мусульманским странам Средней Азии и Ближнего Востока, жил в Медине, а вернувшись в родное село, вел уединенный образ жизни, не был понят и принят местными имамами. Последние, как сообщает Р.Фахретдин, даже называли его «Джагфар Зиндик» («Джагфар-еретик») [11, 251].

М.Курамшин в своих сочинениях не упоминает ни о Дж.Салихове, ни о Б.Ваисове. Но то, что он знал о них, не вызывает сомнений. На формирование его внутреннего мира, как мусульманина, сильное воздействие оказала, очевидно, вся атмосфера религиозной жизни кулаткинско-хвалынских татар второй половины XIX в., характеризовавшаяся широким распространением суфизма и ишанства.

Но обо всем по порядку. Тяжелое полугодное детство выпало на долю Миряя, как его называли родные и друзья. Отец Мухамедамин находился на военной службе. После окончания срока службы ему удалось устроиться в г.Саратове в полицию будочником. Семью он перевез к себе в город. Миряю в это время было около 10 лет. Отец отдал его в ученики знакомому татарину, занимавшемуся разносной торговлей в городе.

Живой как ртуть, сообразительный паренек быстро постиг «науку» торговли и вскоре встал на собственные ноги. Известно, что уже к 18 годам Мергалетдин имел на Волге несколько собственных лодок, которые в летние месяцы сдавал в аренду для гуляний и для перевозки отдыхающих на острова. Позже занялся мануфактурной торговлей. К началу XX века Мергалетдин Аминович уже купец 2-й гильдии, владелец двух крупных мануфактурных магазинов, один из самых богатых татар города. Его капиталы оценивались в большую для того времени сумму 1,5–2 млн. рублей. Но его интересы не ограничивались сферой бизнеса. Еще в молодые годы он путем самообразования постиг азы арабской грамоты, научился читать Коран. Одновременно овладел русской речью и русской грамотой. Общительный, любознательный Мергалетдин сблизился с русской учащейся молодежью, живо интересовался теми идейными спорами и духовно-нравственными исканиями, которые в 1860–70-е годы имели место в российском обществе.

В 1880–90-е годы успешно развивающийся бизнес и семейные заботы (жена Алимя Рахматулловна, на которой он женился в 1884г., подарила ему 10 детей), казалось бы, отнимали у него все силы, не оставляя времени для отвлеченных умственных занятий. Однако, это было не так. Мергалетдин Аминович сильно увлекался религиозно-философскими вопросами, тщательно изучал Коран, религиозную литературу, общался с видными мусульманскими богословами. Попутно изучал христианство, знакомился с трудами православных мыслителей: В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого и др. У него разви-

валась сильная склонность к мистицизму. Свою роль сыграла, очевидно, широко распространенная в то время вера в вещие сны. Именно с такого сна началось превращение скромного, хотя и богатого, татарина-торговца в носителя «тайного учения», в «пророка».

С 1902 г. повседневная жизнь Мергалетдина Аминовича разделилась на две совершенно непохожие друг на друга части: видимую, внешнюю и невидимую, внутреннюю. С утра до вечера он занят торговым делом, общается как купец с покупателями, заемщиками, партнерами, «делает деньги». Вечером наступает время напряженной внутренней, духовной жизни. В течение нескольких часов он диктует секретарю основные положения своего «тайного учения». К 1905 г. он завершает труд, которому дает название «Форкан» (от арабского «Фарх» – различать). Сам он впоследствии характеризовал его как «величайшее поэтическое произведение о духовной тайне, в коем изложил для спасения рода человеческого основы предшествующих небесных посланий» [1, с. 116]. Он ставил Форкан в один ряд с Пятикнижием, Евангелием и Кораном, возлагая на него миссию аутентичного и актуального применения предшествующих Священных посланий.

Это была крайне противоречивая фигура. Объявив, что снооткровения составляют его духовную тайну, которую он может сообщить только Всемирному Духовному Собору, Курамшин ставил себя в положение человека, которому те, от кого зависел созыв Собора, поверили «на слово». Это заранее обрекало его «предприятие» на неуспех. Тем не менее, он на протяжении ряда лет настойчиво пытался осуществить свою идею, обращаясь, прежде всего к правительствам таких стран, как Россия, Турция, Япония. Ни одно правительство не проявило интереса к проекту татарского «пророка». И дело здесь, очевидно, не только в недостатке личного авторитета и отсутствии влиятельных покровителей, но и в содержании и направленности его «тайного учения», завесу с которого он был вынужден все-таки приоткрыть в своих сочинениях.

Свою миссию Мергалетдин Курамшин как четвертый на Земле «мироворец» видел в том, чтобы на основе трех предыдущих Заветных учений создать новый, единый для всех народов духовный Закон, предварительно очистив учения Моисея, Иисуса и Магомета от позднейших искажений и надуманных обрядов. Озарить разум и чувство светом Истины и вывести человечество из тьмы на путь духовного просветления, считал он, «...можно лишь путем объединения всех Заветных учений в одно учение, которое, подобно фокусу, собирающему все лучи света в один центр, сосредоточит в своем объеме основу Заветных идей и, объединив их в одно целое, явит миру освобожденную истину» [12, с. 6].

Корни царящего на Земле зла Курамшин видел в том, что «род людской разделился на тысячи сект и религий с церковными уставами. Один народ хулит другого и поносит словами: гяур, жид, бусурман, язычник. Темные люди проливают кровь из-за религиозной разницы, между тем никогда миротворцы – Моисей, Магомет – не делали обрядового зла бессмертным словом» [13].

Заметим, что это писалось в то время, когда на планете формировались две мощные противостоящие друг – другу военно-политические группировки, которые в 1914 г. свергли человечество в кровопролитную мировую войну. И хотя в основе данного конфликта лежали не религиозные, а социально-экономические и геополитические противоречия и факторы, ожидать от правительств империалистических держав поддержки единого для всех духовного Закона, рассчитывать на созыв Всемирного Духовного Собора было утопией.

В чем же состояло положительное содержание учения М.А. Курамшина? Представляется, что догматическая составляющая этого учения была разработана довольно слабо. Главное внимание он уделял тем сторонам своего учения, которые касались современного общества. Совершенно очевидно, что он осуждал господствующие в этом обществе ложь, несправедливость, рознь, вражду, насилие. Искал пути избавления общества от этих болезней, пути установления на земле равенства, справедливости, всеобщего братства. По сути это была идея социального реформаторства. Только эту идею М.А.Курамшин облекал в религиозную форму. Он искал идею всеобщего братства и равенства в религии, обнаруживал ее во всех Заветных учениях, призывал реализовывать ее на практике.

Признание связи религии с жизнью людей на Земле, а также понимание хода человеческой истории как прогрессивного развития «законным усвоенным своим порядком» [14, с. 3] составляют сильную сторону учения «татарского пророка». Названный порядок, хотя и определялся духовным законом, тем не менее, последний должен соотноситься со временем, «...с условиями духовного народного быта и с различными обстоятельствами его духовной жизни» [1, с. 93].

Еще одной примечательной чертой «учения» саратовского купца является стремление примирить науку и религию. Антагонизм между религией и наукой, считал он, «приводит человечество к ... печальным последствиям». Ответственность за этот антагонизм М.Курамшин возлагал как на современную науку, совершенно пренебрегающую учением Святых Заветов, так и на религию, стремящуюся «уничтожить науку и принять на себя руководящую роль в истории человечества» [1, с. 93]. Названный антагонизм порождал неустанную и упорную борьбу за преобладание. «До XX века в этой борьбе победительницей оказалась религия; с наступлением же XX столетия наука

быстро начинает вытеснять религию из всех областей жизни». Но пусть помнят люди науки, что невнимательность и халатность к вопросам чисто духовным могут привести к тяжелым последствиям. Истинное призвание науки, по мысли Курамшина, – «не разрушать, а создавать; протянуть братскую руку помощи представителям религии, чтобы совместной работой рассеять тот мрак, в котором блуждает бедное и исстрадавшееся человечество» [1, с. 8].

Целью работы объявлялось «...подвергнуть тщательному анализу самые Заветы, взвесить и разработать каждое Заветное речение научными приемами, могут ли Заветы считаться Святыми учениями, соответствуют ли они понятиям современного разума и действительно ли имеют то воспитательное значение, какое им придают» [1, с. 8].

Отсюда видно, что в споре науки и религии М.А.Курамшин явное предпочтение отдавал первой. Это, естественно, подрывало основы его «учения» о ниспосланном ему в сновидениях Святом Откровении. Но он, очевидно, был готов пойти даже на то, что доверенное ему Сокровенное звание будет подвергнуто тщательному анализу и критике со стороны науки. Он шел явно в направлении признания принципа: «практика – критерий истины».

Анализ социальных практик современного ему капиталистического общества, основанного на присвоении результатов чужого труда, на неравенстве и угнетении, неизбежно должен был привести. М.А. Курамшина к отрицанию как самого этого общества, так и защищавшей его религии. Этот путь был пройден многими представителями татарской нации. Великий народный поэт Габдулла Тукай в стихотворении, написанном в 1912 году, утверждал: «В наше время религия – это гнилая стена. Ткнешь мизинцем – и рухнет, в труху превратится она» [15, с. 56]. Еще в самом начале своей творческой жизни поэт четко уловил связь религии с капиталистическим строем. Он не хотел быть причастным к делам мечети до тех пор, пока последняя не откажется от поддержки данного строя. В одной из своих статей он писал: «Пока не рухнет капиталистическая система, не установится социалистический строй и капитал не перестанет быть завесой истины, я не вижу никакого смысла в том, чтобы считаться мусульманином» [16, с. 37–38].

В самом конце XIX в. представитель знатного татарского рода Ибрагим Ахтямов вступил в ряды только что созданной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). С 1904 г. в этой партии состоял, занимая твердые большевистские позиции, сын казанского купца Хусаин Ямашев, ставший вскоре близким другом Габдуллы Тукая.

Мергалетдину Курамшину не суждено было выйти за рамки привычного круга капиталистических порядков и исламской веры. Он до последнего держался мусульманства, рассчитывая на его обновление. Но жизнь брала свое.

Второй его сын Измаил учился в Саратовской гимназии, третий – Абдул-Хамид – в коммерческом училище. Существует предание, что Измаил в какой-то момент отказался совершать вместе с отцом намаз. Случился страшный скандал, закончившийся самоубийством сына [17, с. 237]. Точно известно, что старший сын Мергалетдина Аминовича Ибрагим посещал тайные собрания существовавшей в 1906–1907 гг. революционной организации татарской молодежи, которой руководили члены казанской эсеровской организации «Тангисты» Фуат Туктаров и Шакир Мухамедъяров [18, л. 10–11]. В 1913 – 1916 гг. он был активным членом и главным меценатом Саратовского мусульманского общества. После победы Февральской революции вошел в состав Мусульманского народного комитета [19]. Поддержал Октябрьскую революцию и советскую власть. В феврале 1918 года Ибрагим Мергалетдинович вышел из состава попечителей Торгового дома «Наследники М.А. Курамшина и Ко» [20]. Вскоре Торговый дом был ликвидирован, а мануфактурные материалы были реквизированы Советом губернских комиссаров по продовольствию с целью обменять их на хлеб для населения города Саратова [21, с. 439].

В последующем Ибрагим Мергалетдинович вступил в РКП(б), стал ответственным советским работником. По этому же пути пошли многие саратовские татары: учитель Саратовской русско-татарской школы Бурганутдин Юскаев, сын ахуна Мухамеджана Енгальчева Мухаммад-Саид, учитель, общественный деятель Шигап Рамазанов, его младший брат Феттях и другие.

На смену религиозно – мистическим, утопическим мечтаниям Мергалетдина Аминовича Курамшина пришли столь же смелые, но вполне реалистические устремления и дела младшего поколения саратовских татар по построению на Земле справедливого общества.

Список источников и литературы

1. Курамшин М.А. Святая наука заветов с природно-числовыми тайнами к засвидетельствованию во всемирном духовном Соборе. – Вып. 2. – Саратов: электро-типо-лит. Б.Л. Рабинович, 1910. – 127 с.
2. Соколов С.Д. Саратовские писатели и ученые. – Саратов: тип. Союза печ. дела, 1913. – 110 с.
3. Духовная потребность. – Саратов: электро-типо-лит. Б.Л. Рабинович, 1911. – 16 с. и др.
4. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. – 1996. – №6. – С. 28–38.
5. Байгушев А. Татарский пророк: Очерки мусульманского раскола. – Саратов: [б.и.], 1908. – 123 с.
6. Саратовский «пророк» // Саратовский вестник. – 1909. – №287.

7. Панкратов А.С. Торговец пророк. Ищущие Бога. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1911. – В 2 кн.
8. Рашитов Ф. Татарский «пророк» из Саратова // Волга – XXI век. – 2014. – № 3–4. – С.180–191
9. Списки населенных мест Российской империи. XXXVIII. Саратовская губерния. – СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861. – 130 с.
10. История татар. – В 7 томах. – Т. VI. – Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 1171 с.
11. Фахретдин Ризаэтдин. Асар. – Т.2. – Казань: Рухият, 2009. – 303 с.
12. Курамшин М.А. Основная тайна проческой азбуки. – Саратов: электро-типо-лит. Б.Л. Рабинович, 1911. – 100 с.
13. Саратовский листок. – 1914. – №101.
14. Курамшин М.А. Пророческая азбука на символах художественной истины. – Саратов: электро-типо-лит. Б.Л. Рабинович, 1909. – 157 с.
15. Тукай Г. Избранное. – М.: Советская Россия, 1974. – 304 с.
16. Тукай Г. Избранные произведения. – В 2 т. – Т. II. – Казань: Таткнигоиздат, 1961. – 264 с.
17. Орешин П. Злая жизнь // Повести и рассказы. – М.: [б.и.], 1960.
18. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. (1907). Д. 73
19. Саратовский листок. – 1917. – 17 марта.
20. Известия Саратовского Совета. – 1918. – 17 фев.
21. Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы ее не знаем. – Кн. первая. – Саратов: Волга, 2016. – 720 с.

**Бөтенрусия мөселманнарының гомуми корылтаенда
(Мәскәү, 1–11 май 1917 ел) дини төшкилат проблемасы¹**

1905 елдан соң башланган милли-дини үзгәрешләр татар жәмгытенә озактан көтелгән өметләрне тормышка ашырырга талпыныш бирә, кыска гына вакыт эчендә татар жәмгыятенә бар өлкәсә дә диарлек зур тизлек белән үзгәреш кичерә. 1917 елгы февраль инкыйлабы Русия мөселманнары хәятенә яңа сулыш өсти. Русия мөселманнары бердәмлеккә, инкыйлабка кыйбла итә. Шул заманның зур вакыйгасы буларак, Мәскәү шәһәрәндә 1–11 май көннәрәндә Бөтенрусия мөселманнарының гомуми корылтае үтә, алдан май аеның 1–8 нче көннәрәнә генә планлаштырылган бу корылтай 11 майның төненә кадәр үк сузыла, күләмлеге ягыннан да көтелгәннән киңрәк килеп чыга: оештыручылар тарафыннан 450–500 делегат килер дип көтелсә, чынлыкта исә делегатлар саны 830 кеше исәпләнә, шуларның 122 се хатын-кызлар булуын да билгеләп үтү кирәк [1, с. 218–231]. Корылтайда делегат булып Русиянең һәр төбәк мөселманнары катнаша. Идел буе мөселманнарыннан, Сибирия, Кавказ, Кырым, Төркестан, Каспий арты, Литва, хәтта Бохара һәм дә Хивадан да вәкилләр була. Бу корылтайда миллиләте ягыннан грузин булган ажәр мөселманнарыннан да вәкилләр катнаша. Съезда халыкның һәр сыйныфыннан – сәүдәгәр, крестьян, эшче һәм муллалардан, шулай ук фронттан килгән офицер һәм дә солдатлар була. Корылтай үз эшен алып бару өчен 12 кешедән торган президиум сайлый: бу составта Ибраһим Әхтәмөв, Гаяз Исхакий, Әхмәт Салихов, Хәлил Дусмөхәммәдов, Галимәрдән Тупчыбашев, Фатих Кәримов, Габдулла Хожаев, Сәлимә Якупова, Хәсәнгата Гобәши, Ильяс Алкин, Жәгъфәр Сәедәхмәтов, Муса Ярулла Бигиев [2, с. 219], шулар арасында татар халкының күренекле жәмәгать эшлекләренән 7 се катнаша. Корылтай Русиядә гомер итүче барлык мөселманнарның мәнфагатен кайгыртырлык мәсьәләләр күтәрә [3, с. 168–181]. Аның карарлары арасында идарә ысуллары, дини һәм милли мәсьәләләр, мәдәният һәм мәгариф эшләре, сугышка мөнәсәбәт, эшчеләр, жир-туфрак мәсьәләләре, мәмләкәттә мөселман гаскәрләренә төшкиляты, ил корылтаена сайлау алды тактикасы, Русия мөселманнарының шурасын төзү

¹ Проблема религиозной организации на Всероссийском мусульманском съезде (Москва, 1–11 мая 1917 г.).

һәм аңа әғзалар сайлау, һәм дә хатын-кыз мәсьәләләре [4, с. 24] булу үзе үк мөселманнарның Русиядәге шартларда үз урынын билгеләүдә колчлы эш башлаулары хақында сөйли. Корылтайның ачылышында кереш сүз белән атаклы галим-теолог Муса Бигиев сүз ала. Корылтай утырышларын алып барган И.Алкин һәм Г.Исхакыйлар бу корылтай эшендә аерым тәэсирле роль уйныйлар. корылтайда мәгариф мәсьәләләре хақында Гомәр Терегулов, жир проблемалары турында Шакир Мөхәммәдъяров, ә иң күп шау-шу кузгаткан четерекле сорау – хатын-кыз мәсьәләсе турында Фатыйма Коләхмәтова чыгыш ясый. Мөселман депутатлар 10 көн эчендә милли проблемалар белән бергә Бөтенрусия өчен мөһим булган проблемалар хақында фикер алышалар [1, с. 218–231].

Корылтайның 6 май көнне узган утырышында дини мәсьәләләр кара-ла. Бу темага ике нотык сөйләнелә: аның берсе – Сәедгәрәй Алкин тарафыннан дин һәм мәдәни мохтарият турында, икенчесе – Кашшаф Тәржеманиның дини оешмалар хақындагы чыгышы була. Кызганычка каршы, бу мәсьәләләрнең яктыртылышы фәнни әдәбиятта тиешенчә өйрәнелмәгән. Кайбер хезмәтләрдә хаталык белән беренче чыгыш ясаучы буларак Сәедгәрәй Алкин түгел, ә Ильяс Алкин күрсәтелсә, Кашшаф Тәржемани чыгышы турында берни дә әйтелми [3, с. 177–178].

С. Алкин Оренбург һәм Таврия мөфтиятләренең мөселманнар өчен хезмәт итә торган орган түгеллеген, ә аларны «мөселманнарның уй-фикере вә рухи халәте хақында кызыксынучы рәсми оешмаларга мөгълүмат биреп торучы патша полициясе органы» дип атый. Ул дини хәяткә үзгәрешләр кертү юллары хақында да фикер биткерә, аның карашынча, мөхәллә, жәмгыять тарафыннан сайланган муллалар югары органнары тарафыннан раслану үтәргә тиеш түгелләр. Шулай ук аның карашы буенча, ахундлык тәртипләре дә гадиләштерелергә, олы мулла белән, кече мулла арасында хокукый аерма булырга тиеш түгел. С. Алкин үз чыгышында жирле мөселман советларын житәкчесе мөселман булган һәм дә хөкүмәтнең мөселман эшләре буенча министры саналган житәкчелек астында эшләгән гомүмсовет карамагына берләштерү, жыю тәкъдима белән чыга. Министр эшенә ярдәм итәр өчен экспертлардан һәм дә жәмәгать эшлеклеләреннән торган совет оештыру күзалдында тотыла. Дәүләт Думасындагы мөселман фракциясе каршында бу министрның жаваплы булуы, фракция аның эшеннән канәгатьсезлек белдергән очракта үз урын бирү шарты куела. С. Алкин тарафыннан Русия шартларында яшәгән мөселманнар өчен гаять тә әһәмиятле булган – жомга көнен һәм мөселман бәйрәмнәре көннәрен ял көне итү мәсьәләсе дә С. Алкин тарафыннан тәкъдим ителә. Корылтай делегатлары бу тәкъдимне үз гамәлләре белән дә раслыйлар: 5 май – жомга көн корылтай эше туктап тора [3, с. 177–178].

Корылтайда дини мәсьәләләр хақындагы икенче зур чыгышны Кашшаф Тәржемани ясый. Кашшаф Тәржемани (1877–1943) – дин һәм жәмәгать эш-

леклесе, дин галиме. 1904 елдан башлап Яңа татар бистәсенең 11 нче мәчетендә имам-хатыйб, мәчет каршындагы мәдрәсәдә мөгаллим булып эшләгән. Ягъни ул дини проблемаларны эчтән белгән, жәмгыять каршында торган мәсьәләләрне, руханилар арасындагы халәтләрне үзе күреп белгән, шуңа да ул корылтай утырышында чын мәгънәсендә көчле, эшлекле доклад белән чыгыш ясый, ләкин аның чыгышы хакында фәнни хезмәтләрдә телгә алынмый диярлек. С.Исхаков аның чыгышы булуын гомумән атамый [3, с. 177], корылтай документларына таянып эшләгән Н. Дәүләт тә аның чыгышына кыскача гына күзәтү ясап үтә [2, с. 227–228]. Кашшаф Тәржемани бу корылтайга кадәр дә, корылтайдан соң да татар-мөселманнар тормышындагы дини проблемаларны чишүне дәвам итә, гомумән, ул бу өлкәдә актив, фидакарь эш алып барган шәхес. 1917 елдан соң ул Эчке Русия һәм Сибирия мөселманның Үзәк Диния идарәсенең казые итеп сайлана. Инкыйлабтан соңгы катлаулы 1924–1928 елларда «Ислам мәжлесә» исемле журнал чыгара, аның мөхәррире була. Фажиғале 1936–1937 елларда ул мөфти вазыйфасын башкара. Әлбәттә инде ул да бу елларда үз эшчәнлеген өчен репрессия корбаны була, соңыннан гаепсезлеген танылып ул мәңгелеккә реабилитацияләнгән [5, с. 556–557].

Кашшаф Тәржемани тарафыннан корылтайда мөселманнарның дини бердәмлеген булдыруга, аларның эшчәнлеген гәмәлгә кую юлларында эшләнәчәк эшләр буенча түбәндәгелә конкрет планнар тәкъдим ителә: 1) рухани идарәләрнең төзелеше мәркәз төзелеше тәртипләренә туры килерлек рәвештә булдырылып бөтенрусия мөселманнары шул мәркәзгә буйсынырлар; 2) Русиянең баш шәһәрләрдә бөтенрусия мөселманнары өчен бер үзәк идарә булдырылырга тиеш. Эчке Русиядә, Кырымда, Төньяк Кавказда, Кавказ артында, Казахстан һәм дә Төркестанда, ягъни барлығы 6 югары дәрәжәдәгә мөхәллә үзәкләргә төзелер, аерым төбәкләрдә, районнарда (вилаятьләрдә) кирәгенчә урта дәрәжәдәгә идарәләр булдырылып, шулай ук түбән дәрәжәдәгә мөхәллә идарәләргә ачу да күзалдында тотыла; 3) Русия мөселманның дини, рухани, мөғариф-укуы эше, шулай ук иганә һәм хәйриячелек эшләрен үз эченә алган аерым бүлекләрдән торган бер идарәгә жыелу карала; 4) рухани идарәләрнең һәммәсендә – иң түбәннәреннән башлап, югары идарәләргә кадәр бу бүлекләрдә хезмәт куючылар дин белгечләргә белән бергә дөнъяви карашлы әгъзалардан да торырга тиеш; 5) рухани идарәләрнең әгъзалары гомуми, тугры, тигез һәм яшерен тавыш белән халык тарафыннан сайланарга тиеш була; 6) дини һәм гыйльми хезмәт өчен халык тарафыннан сайланган һәрбере бу урынга сайлануларын бернинди оешмада да раслатуға мохтаж булмаслар; 7) мөхәллә руханилары тоту чыгымнары мөхәллә тарафыннан тәмин ителә. Урта, югары һәм баш идарә һәр мөселманнан жыйган салым исәбенә тотыла; 8) Төньяк Кавказ мөселманнарыннан кала (аларда гарәп теле) һәрбер идарә, оешмаларның аралашу теле – төрки-

татар теле булырга тиеш; 9) урта, югары, баш идарәләр үз вазыйфалары кысасына туры килгән форматтагы жыелышлар ясый алар; 10) һәрбер югары дәрәжә идарә идарә даирәсеннән руханилар белән дөньявилар арасыннан сайланган вәкилләр шура ясыйлар һәм дә шул шуралар баш идарәдә жыелып, аның эшчәнлеген тикшерү хокукына ия булалар.

Кашшаф Тәржемани шулай ук мөхәллә булдыруның шартлары һәм таләпләре хакында да төпле, уйланылган тәкъдимнәр бире: 1) мөселманнар нинди микъдарда, кай урында яшәүләренә карамастан, мөхәллә тәшкил итә алырлар; 2) һәр мөхәллә юридик оешмага (шәхси мөлкәтле) һәм үз әгъзаларына салым салу хокукына ия; 3) жыелган салым суммасына имам-мөзәзиннәр, яисә мөхәлләдә хезмәт итүче башкалар да тәэмин ителерләр, бу сумма мөхәлләнең чыгымнары өчен дә, кирәкле урында хәйрия өчен дә тотылыр; 4) һәр мөхәлләнең китапханәләр, хәйрия йортлары ачарга, йорт-жир сатып алырга, вақыфлар ясарга хокукы булыр. Бу эшләрне аерым мөхәллә үзе генә башкарып чыга алмаганда, башка мөхәлләләр белән берлектә эшләү мөмкинлеге дә карала; 5) мөхәллә халкы мөхәллә эшләрен башкару өчен гомуми, туры, тигез һәм яшерен тавыш белән попечителльләр советы сайлый һәм аның эшен тикшереп тору өчен аерым совет сайлау тәкъдим ителә; 6) мөхәллә имамына һәм мөзәзингә бирелә торган хаклар мөхәллә төзү хакындагы канун кысаларында карала; 7) мөхәлләнең ваклануына китермәс өчен бер мәчет һәм мөхәллә булган жирдә иккенчене ачуга чик куелыр [6].

Съезд гомуми жыелышында «Киләчәк дини идарәләр тәшкилаты» мәсьәләсен карап өлгерә алмау сәбәпле, Кашшаф Тәржемани проекты, аның фикерләре Казанда 1917 елның 18 июлендә булачак дин галимнәре жыены карамагына да тапшырыла [7].

Мәскәүдә узган Бөтенрусия корылтае фикерләшү, сөйләшү-аңлашу нәтижәсе буларак, үзенең 9 май утырышында «Дин вә дини идарәләрнең вакытлы тәшкилаты хакында» 7 матдәдән гыйбарәт булган карар кабул итә: I бүлек.

1. Оренбургтагы «Мөхкәмәи шәрғыя»гә бәйле мөселманнарның вә бу идарәгә керергә теләгән казакъларның дини ихтыяжларын үтәү максаты илә, Оренбургтагы «Мөхкәмәи шәрғыя»дә вакытлы яңа комиссия төзеп, аның вазыйфаларын билгеләргә кирәк.

2. Киләчәктә дин [эшләре] дәүләт [эшләреннән] аерылса да, аерылмаса да, дини идарәләрнең рөвеше вә урыннары төгәл расланырга тиеш.

II бүлек. «Мөхкәмәи шәрғыя»нең вакытлы гамәлләре:

Ислам динен кабул иткәннәргә бәйле кирәкле эшләрне башкарырга.

III бүлек «Мөхкәмәи шәрғыя»нең вакытлы комиссиясе: Бер мөфти белән алты казыйдан гыйбарәт булып, барысының да дин галиме булу шарт. Искәрмә: казыйларның берсе – Эчке Урда казакъларыннан, берсе – казыйлар арасыннан сайлана.

IV бүлек. Мөхтәсибнең вазыйфалары.

V бүлек. «Мәхкәмәи шәрғия»нең чыгымнары.

VI бүлек. Мөхтәсибнең эш хаклары

VII бүлек. Акча белән тәэмин итү юллары:

1. Никах саен 25 тиеннән ким булмаслык итеп алынган акчадан башка, калым акчасының һәр бер сумыннан бер тиен микъдарында өлеш алыныр. Елда 60000–70000 никах укылган төкъдирдә, яқынча 80000 сум акча керәчәк.

2. «Мәхкәмәи шәрғия»нең күзәтүе астында булган вақыф керемнәренең һәр сумыннан биш тиен алыныр.

3. Авыл мәхәлләләреннән – 10, өяз мәхәлләләреннән – 25, губерна мәхәлләләреннән – 50 шәр сум алыныр. Бу – 200000 сум керем алырга мөмкинлек бир [2, с. 228–229].

Русия мөселманнарының үз проблемалары, киләчәге, аларның бердәмлеге турындагы мәсьәләләренең куелуы, боларны чишүдә Бөтенрусия мөселманнарының бергәләп эш башлаулары чын мәгънәсендә тарихи вақыфга була, бу эшнең башында татар-мөселманнарның торуы, лидерлык алар кулуында булуы да тарихи әһәмияткә ия. Алга таба дини проблемаларны куйган жыелышлар, жәмгыятьләр эше жирле үзәкләргә күчә, Казанда да, Уфада да бу максаттан заман сулышы үзгәргәнгә кадәр шактый эшләр эшләнеп өлгерелә, ләкин октябрь алып килгән вақыфгалардан соң аларны тормышка ашыру өчен шартлар бәтә.

Список источников и литературы

1. История татар с древнейших времен. – В 7 т. – Т. XVII. Татары и Татарстан в XX – начале XIX в. – Казань: АН РТ Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. – 1002 с.

2. Дәүләт Н. Русия төркиләренең милли көрәш тарихы (1905–1917). – Казан: Милли китап, 1998. – 400 б.

3. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. – М.: Социально-политическая Мысль, 2004. – 600 с.

4. Гомумрусия мөселманнары съездының карарлары. 1917 ел, 1–11 май // Безнең мирас. – 2017. – № 6. – Б. 24–27.

5. Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. Хасанов М.Х. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 690 с.

6. КФУ. Н.И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханә. 244 Д.

7. КФУ. Н.И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханә. 246 Д.

М.А. Яшина

Эволюция взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви в период 1917–1929 гг.

К началу Февральской революции 1917 года Русская православная церковь была влиятельным общественным институтом, подчиненным интересам государственной власти, и по сути частью государства.

В 1916 году в Российской империи имелось 54174 церкви, 23593 часовни и молитвенных домов. Количество духовенства составляло 117 тыс. 916 человек, из которых 5 тыс. 287 человек состояли за штатом. Кроме того имелось 1025 монастырей (478 мужских и 547 женских), с общим числом монашествующих и послушников 94 тыс. 629 человек (21 тыс. 330 м.п. и 73 тыс. 299 ж.п.) [6, с.35].

Восстановление патриаршества и реорганизация церковной жизни совпали в России с приходом к власти большевиков. Русская православная церковь (РПЦ) рассматривалась уже новой властью в качестве одного из главных препятствий на пути к построению социализма. Основная масса духовенства выступила на стороне противников советской власти. Например, только на Урале с октября 1917 г. по 1920 г. произошло 118 антисоветских выступлений с участием духовенства, из них 13 – вооруженных [8, с. 15–16].

Значительная часть архиереев пыталась поддерживать антисоветские выступления. Это мы можем увидеть из донесения осведомителя ВЧК Екатеринбургской губернии: *«1921 года в мае месяце /числа не помню/. Мне пришлось быть у епископа Екатеринбургского Григория. Из беседы с ним я установил, только что от него вышли двое людей из Колчадана, которые спрашивали у владыки благословение, дабы идти бороться с ненавистными им большевиками, и владыка Григорий дал это благословение. Обещал дать и средства, для помощи восстанию, но таковых у него в то время не оказалось. При этом владыка поминал в разговоре, что во главе колчаданских заговорщиков стоит генерал Перхуров»* [2, л.101].

В начале 20-х годов XX столетия небывалый голод охватил 35 губерний: Поволжье, юг Украины и Крым, бассейны рек Камы и Урала, Башкирию, среднее течение Дона, Азербайджан и Армению, часть Казахстана и Западной Сибири. На этой территории проживало около 90 млн. человек, из которых голодало 40 млн. человек. Этим и воспользовалась советская власть для изъятия

ценностей из церкви. Изъятие церковных ценностей должно было стать не столько со ставной частью кампании помощи голодающим, сколько составной частью секретной кампании по учету, сосредоточению и распродаже за границей национализированных богатств. В случае исполнения намеченного плана правящая верхушка считала вполне реальным решение стоящих перед нею проблем финансовой стабилизации, возрождения денежной и экономической систем, оплаты контрибуций по мирным договорам, поддержания обороноспособности, подпитки зарубежного коммунистического движения, мировой революции и в целом обеспечения жизнеспособности властвующего режима. Административное управление НКВД РСФСР 4 февраля 1922 г. требует в месячный срок выслать в Москву копии старых епархиальных описей и количественные сведения о современном состоянии церковных ценностей [4, с.201].

Инициатива в насильственном изъятии церковных ценностей исходила от Л.Д. Троцкого, которого Совнарком 12 ноября 1921 г. назначил председателем особой «Комиссии Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей» (заместитель – Г.Д. Базилевич), ему поручалось руководство всей работой по учету и изъятию ценностей для продажи за границу.

На местах создавались специальные комиссии, которые возглавлял один из членов ЦК, для выполнения директив. Проводимая под руководством Политбюро руками карательных органов, кампания требовала повседневного и централизованного руководства в масштабах страны. ВЧК еженедельно готовила сводки о политической ситуации в стране, в которых в специальном разделе «Духовенство» отражались настроения служителей культа, отношение к голоду, к изъятию церковных ценностей.

Отношение священнослужителей и мирян к изъятию было неоднозначным. Одни выступали категорически против; другие поддерживали сдачу имеющихся в церкви драгоценностей; третьи, соглашаясь с необходимостью использования церковных ценностей для спасения голодающих. Многие выражали сомнения в их употреблении по прямому назначению.

Интересную оценку позиции епископа Григория (Яцковского) по вопросу изъятия церковных ценностей раскрыл осведомитель ВЧК-ОГПУ в 1922 г.: *«Будучи в мае у епископа Григория, я в разговоре с ним на тему об изъятии церковных ценностей узнал, что он смотрит на это дело отрицательно. Считая явление это не каноническим, архиерей к тому же сомневается, что ценности эти пойдут на удовлетворение голодающих, его окончательное убеждение, что они пойдут на удовлетворение личных appetites коммунистов. На днях по почину Каслинского благочинного Голубятникова, привезены были оттуда церковные ценности для сдачи их в финотдел. Представители привезли ценности, зашли к епископу, испрашивая Его*

благословения на это святое дело, но епископ, закричав на них, затопал ногами и, спрашивая, кто разрешил им это сделать. Говоря, что он не согласен, добровольно выдать ценности коммунистам, он заставил Каслинских представителей, предварительно запугав их проклятьями, увести эти ценности обратно и поставить их на свое место» [2, л. 85].

Весной 1922 г. ВЧК предъявило обвинение патриарху Тихону (по делу об изъятии церковных ценностей), и он находился под домашним арестом. 12 мая 1922 г. в сопровождении работников ОГПУ реформаторы церкви протоиерей А. Введенский, священники А.И. Боярский и Е.Белков, псаломщик С. Стаднюк посетили Троицкое подворье на Самотеке патриарха. Посетители оказали моральное и психологическое давление на первоиерарха и потребовали (у без того измотанного старца) отстранения его от управления Церковью и передачи полномочий митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) или митрополиту Петроградскому Вениамину (Казанскому) до созыва Собора, согласно постановлению от 25 января 1918 г. [1, с.51]. Ни один из кандидатов из-за противодействия вступить в свои права не смог. Сложившимся вакуумом незамедлительно воспользовалась эта «инициативная группа». После переговоров с М.И. Калининым 16 мая 1922 г. объявили о создании нового Высшего церковного управления (ВЦУ).

Изначально ВЦУ поддержали 37 епархиальных архиереев из 73 епархий, в т. ч. будущие патриархи Сергей (Страгородский) и Алексий (Симанский); из 97 архиереев 37 встали на сторону ВЦУ, 36 отказались это сделать, 24 пытались сохранить нейтралитет [15, с. 21]. В обеих столицах обновленцев поддержала примерно половина духовенства (одни – будучи в растерянности, другие – снедаемы честолюбием, третьи – под влиянием авторитета митрополита Сергея) [14, с. 220,228–234]. Уже к началу 1923 г. за обновленцами последовало уже более 60 епископов [11, с. 84].

16 июня 1922 г. митрополитом Владимирским и Суздальским Сергием (Страгородским), архиепископом Нижегородским Евдокимом Мещерским и архиепископом Костромским и Галичским Серафимом (Мещеряков) подписано воззвание, известное под названием как «меморандум трех», с призывом ко всем членам церкви признать обновленческого ВЦУ.

В июле 1923 г. свердловские церковные советы города предъявили ультиматум своим настоятелям храмов, поддерживающих обновленцев, об: отделении от ВЦУ или оставление ими своих мест. Оказавшись в оппозиции, духовенство направило коллективное заявление Епархиальному Церковному Совету о том, что порывает молитвенно-каноническое общение с обновленческим Синодом [13, л.46].

После освобождения из тюремного заключения 15 апреля 1923 г. патриарх запретил иметь с обновленцами молитвенное общение. Попадал под анафему и митрополит Сергей (Страгородский). Он подлежал извержению из сана. Это для него означало конец столь блестящей карьеры.

В сентябре 1923 года при встрече председателя обновленческого Синода митрополита Евдокима (Мещерского) с представителями патриарха архиепископами Серафимом (Александровым), Илларионом (Троицким) и Тихоном (Оболенским) обсуждались условия объединения старой и новой (тихоновской и обновленческой) Церкви. Взамен примирения с обновленцами Е.А. Тучков пообещал патриарху освободить всех арестованных архиереев. Особенно резко против любых договоренностей с Синодальной церковью выступили митр. Казанский Кирилл (Смирнов), арх. Крутицкий Петр (Полянский), арх. Екатеринбургский Григорий (Яцковский) [10, с. 76; 11, с. 345; 14, с. 64–65].

К концу 1924 г. в тюрьмах и лагерях побывало около половины всего российского епископата – 66 архиереев. Общее количество репрессированных церковных деятелей в 1921–1923 гг. составило 10 тысяч человек, при этом был расстрелян каждый пятый [14, с. 306].

Несмотря на неоднократные призывы сверху перейти к углубленным пропагандистским формам, использовались исключительно агитационные методы преодоления религиозного влияния, а атеистическому воздействию старались придать планомерно-систематический характер. На протяжении первой половины 1920-х гг. антирелигиозная работа осуществлялась преимущественно по принципу «ударных кампаний» и явно тяготела к использованию административных мер борьбы с религиозными предрассудками посредством закрытия культовых помещений.

К середине 1925 г. количество обновленческих приходов на Урале уменьшилось. Однако обновленческие деятели достигли главного – были образованы устойчивые епархиальные структуры, способные противостоять патриаршей церкви. К 1 октября того же года имелось не менее 12 593 церквей, 192 епископов и 16 540 священников. По сравнению с началом года количество приходов снизилось более чем на тысячу единиц, что обусловлено переходом в староцерковничество, а количество архиереев наоборот возросло на 22 человека, ввиду увеличившегося числа посвящений [7, с. 512; 11, с. 514].

Начальник 6-го отделения ОГПУ Е.А.Тучков, зная о непопулярности обновленцев в народе, не терял надежды использовать в своих интересах местоблюстителей патриаршего престола. Речь шла об издании декларации, призывающей верующих к лояльному отношению к советской власти, легализации церкви, устранение неугодных власти архиереев, осуждение заграничных епископов, контакт с правительством в лице представителя ГПУ.

При личной беседе между начальником 6-го отделения ОГПУ и митрополитом Петром (Полянским), последний твердо отстаивал независимость церкви в ее внутренних делах.

На случай своей смерти местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) оставил завещание, датированное 5 декабря 1925 г. Днем позже, 6 декабря 1925 г., было составлено другое распоряжение о замещении его на время болезни или на случай ареста. Первое и второе завещания сформулированы были так, что вступления в должность заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) очевидно. После обыска, 10 декабря 1925 г., митрополита Петра арестовали и этапировали в тюрьму на Лубянку. В это же время прошли массовые аресты епископов, близких митрополиту Петру (Полянскому).

Об аресте местоблюстителя в первую очередь узнали епископы, находившиеся в Москве. Вот они-то оказались основателями церковного раскола, получившего название по имени председателя собора архиепископа Григория – «григорианским». Малый Собор в количестве 10 епископов, совершив панихиду на могиле Патриарха Тихона. 22 декабря 1925 г. открыли совещание, с разрешения правительства. Согласно указу № 362 от 7 / 20 ноября 1920 г. о самоопределении епархий в условиях возможных гонений, архиереи пришли к единому мнению о создании Временного Церковного Совета, который бы занялся подготовкой к созыву Собора, текущими делами и не имел никакого канонического общения с обновленцами [11, с.281]. Участники совещания признали советскую власть, как государственную: *«Вместе с тем, мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность предрержащей власти Правительства СССР и веру в его добрую волю, в чистоту его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа в меру наших сил, разума и возможности...»* [11, с.282].

Начальник 6-го отделения ОГПУ рассматривал появление ВВЦС как новый раскол среди тихоновцев. Поэтому Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) был 2 января 1926 г. зарегистрирован советской властью. ВВЦС получил справку о согласии Центрального административного управления НКВД «к открытию деятельности Временного Совета, впредь до утверждения такого».

И 14 января 1926 г. было разослано во все епархии решение Малого Собора о созыве Всероссийского Поместного Собора. А 29 января заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергий на приглашение об участии в работе ВВЦУ для поисков выхода из создавшегося положения, предает григорианских епископов церковному суду и устраняет их

от управления епархиями и викарствами [1, с. 431]. Не теряя время, заместитель местоблюстителя старается укрепить свои позиции. За небольшой промежуток времени им рукоположено 24 новых епископа (большая часть вернувшихся из обновленческих пресвитеров), создав из них себе поддержку.

На окраинах страны не только священники и миряне, но епископы оставались в неведении всех происходящих событий в столицах. ОГПУ одновременно делало ставки на все три церковные власти для раскола РПЦ. Поддерживался раскол между митрополитом Сергием (Страгородским), назначенным митрополитом Петром (Полянским) временным местоблюстителем, и митрополитом Агафангелом (Преображенским), претендующим на патриаршее местоблюстительство. И в тоже время укрепляло тихоновскую иерархию – Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Григорием.

3 июня 1926 г. в Московском Донском монастыре проходил съезд сторонников Временного Высшего Церковного Совета. На нем было принято решение передать митрополиту Агафангелу управление церковной властью, как истинному преемнику патриарха Тихона. Просьбы ВВЦС взять под свое окормление митрополита Агафангела (Преображенского) оказались тщетными. 29–30 июня 1926 г. в г.Екатеринбурге прошел епархиальный съезд духовенства и мирян, возглавляемый архиепископом Григорием. На съезд съехались представители: 41 человек – от духовенства и 52 человека – от мирян. Заслушав доклад архиепископа о положении в церкви на тот период, съезд признал ВВЦС законным органом, а полномочия митрополита Сергия (Страгородского) «неканоническими». Был сформирован епархиальный совет под председательством настоятеля Александро-Невского собора протоиерея Евгения Львова, а перешедшие на сторону архиепископа Григория приходы объединены в 10 благочиннических округов: Алапаевский, Верхнетуринский, Горнощитский, Каслинский, Кисловский, Пермско-Чусовской, Петрокаменский, Свердловский, Челябинский и Шадринский [5, с. 47–48]. Таким образом, в Свердловской епархии, благодаря личному участию архиепископа Григория (Яцковского), появилось много сторонников ВВЦС.

В Челябинском соборе Александра Невского 17 августа 1926 г. проходило объединенное собрание духовенства и мирян в составе 226 человек. В резолюциях констатировалось, что за неимением средств к содержанию персонального епископа, вновь прибывшему обновленческому епископу Сергию (Звереву) – отказать. Было принято решение послать телеграмму архиепископу Григорию (Яцковскому) с просьбой о принятии под свое покровительство общину [9, л. 219об.].

Архиепископ Екатеринбургский Григорий, преданный церковному суду и изверженным из сана митрополитом Сергием, обращается за разъяснением к

митрополиту Петру (Полянскому). При личной встрече 21 января 1927 г. в Свердловской тюрьме в присутствии представителя власти местоблюститель патриаршего престола категорически заявил, что он «никакой бумаги направленной против ВВЦС и архиепископа Григория, о чем разглашают сторонники митр. Сергия, не писал и по тюремным условиям писать не мог...», что «митрополит Кирилл не может вступить в отправление лежащих на него обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, а митрополит Агафангел в виду выступления против него митр. Сергия Нижегородского и его сторонников, решительно от этого отказывается и впредь главою Российской Церкви считает митрополита Петра Крутицкого», дальше местоблюститель добавляет «хотя сторонники митр. Сергия распространяют слух, будто митр. Петр в разномыслиях с архиепископом Григорием. Всем иереям и дьяконам поминать арх. Григория, как своего епархиального архиерея независимо от согласия или не согласия с его образом действия и он не может быть извержен из сана согласно 15-му св.Двукратного Собора» [2, л.29–29об.].

Не добивших положительных результатов от григорианцев, ОГПУ сделало ставку на митрополита Сергия (Страгородского). В этом выборе Е.Тучков не ошибся. 29 июля 1927 г. была озвучена Декларация о лояльности Русской православной церкви к советскому государству. Чекистам отныне не нужно было самостоятельно выявлять «врагов народа» и каждый, кто решался выступить в оппозиции к действиям этого «красного синода», автоматически зачислялся в разряд «контрреволюционеров».

С июля 1927 г. закончился «религиозный НЭП» и начинался тотальный этап уничтожения всех верующих из жизни атеистического государства. Политика власти в отношении Русской православной церкви носила планомерный характер, а также целью являлось не только отделение Церкви от государства, но ее изоляция и последующая ликвидация.

Список источников и литературы

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. в 2 кн. – Новосибирск; М.: Сибирский хронограф: РОССПЭН, 1997–1998. – 599 с.
2. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф.1. Оп. 2. Д. 46693. Т. 2.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 123.
4. Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 624 с.

5. Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 436 с.
6. Лавринов, В., прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2007. – 310 с.
7. Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 1996. – 672 с.
8. Нечаев М.Г. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1988.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области Ф. 220. Оп. 4. Д. 3.
10. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
11. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. 2-е изд. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 630 с.
12. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер: в 2 кн. – М.: Пропилеи, 1995.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области Ф. 4. Оп. 3. Д. 140.
14. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 832 с.
15. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2005. – 394 с.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 93/94

И.В. Синова

1917 год: вопросы повседневной жизни и моды в российских женских журналах

Войны и революционные потрясения оказывают влияние не только на политическую жизнь и социально-экономическое положение населения, но и отражаются на повседневной жизни, изменяют быт, досуг, питание, моду. Публикации в женской прессе – «Журнале для женщин» и «Женском деле» хотя и не отличались глубоким анализом происходивших в 1917 г. изменений в стране и научным прогнозированием ее дальнейшего развития, зато были эмоциональными и искренне выражали веру и надежду на лучшее будущее. «Война и революция! На первый взгляд это представляется чудовищным. Прекрасные стремления к свободе, к равенству и братству людей и кровавые ужасы мертвых полей...» – восклицал автор статьи в журнале «Женское дело» [1, с. 1].

Несмотря на возросшую политическую активность населения, и как следствие средств массовой информации, среди публикаций были и те, которые касались вопросов повседневной жизни, в том числе содержали кулинарные рецепты, советы по красоте, здоровью, гигиене, дизайну квартиры, по приготовлению кулича, по крашению пасхальных яиц, рекомендации по сервировке стола, по шитью шляпок. Некоторые номера журналов иллюстрировались именитыми художниками, в частности Борисом Кустодиевым [2].

На страницах «Журнала для женщин» писали, что *«события огромной важности, то грозные, то радостные сменяют друг друга и заставляют каждую из нас с напряженным вниманием следить за ними. Все обыденные заботы хотелось бы отодвинуть на самый задний план. Но, к сожалению, это невозможно.»*

Нельзя запускать наших повседневных домашних дел, забот о доме, о столе, точно также не следует быть невнимательными к своей внешности, перестать следить за тем, чтобы мы и наши дети были красиво одеты, стараясь затрачивать при этом возможный минимум, так как во всем необходимо соблюдать строгую экономию» [3, с. 24]. Это свидетельствует о том, что революцию подавляющее большинство населения восприняло, как перемены к лучшему, расширение прав граждан в целом и женщин, в частности, но при этом никто не собирался отказываться от повседневных дел, забот и привычек.

А журналы наряду с оценкой изменившейся обстановки напоминали женщинам, что *«наступил уж весенний сезон, пора готовиться к лету, запасаться легкими тканями и, кому это необходимо следует это сделать, чем скорее, тем лучше, так как многие фабрики бумажных тканей сокращают, а некоторые и совсем прекращают производство» [3, с. 24].*

При этом в журналах стремились показать влияние революционных событий на изменяющиеся фасоны одежды и цвета. *«Революция захватила сейчас всех. Она отразится на всех наших действиях и мероприятиях, должна отразиться отчасти и на модах. Красный цвет мы увидим не только на плакатах знаменах и значках, которыми украсились серые шинели наших защитников, но и на хорошеньких головках дам и девушек скоро будут красоваться красные шляпы, красные отделки ленты, красные шарфики и цветы. У наших союзников и законодателей мод, французов мы видим тоже, что красный цвет встречается на последних моделях шляп, блузок и отделок... Что касается нарядных вечерних туалетов, то черный атлас, перемешанный с тюлем и украшенный вышивкой из золота, или серебра продолжает служить для самых изысканных моделей» [3, с. 24].* Значит, по-прежнему, ни смотря ни на какие тяготы, лишения и невзгоды военно-революционного времени не перевелись в России «изысканные люди».

Но все же иногда модные советы давали с учетом особенностей политического и социального развития. *«Мода стала приноравливаться к современному порядку вещей, к изменившейся жизни большинства женщин ставшими более деятельными членами общества с начала Великой войны. Им необходимо платье удобное для передвижения и работы» [3, с. 24].* Под влиянием войны в моде были дамские авиаторские шляпки, и «Журнал для женщин» рассказывал о том, как их можно изготовить самостоятельно в домашних условиях: *«Бархата на шляпу идет один аршин два вершка» [4, с. 25].*

Журналы стремились давать универсальную информацию, отвечая широким интересам читательниц. «Женское дело», наряду с призывами «Не забудьте о своем гражданском долге, подписывайтесь на заем свободы»,

публикацией статей общественно-политической направленности, стремился в условиях возросшей активности населения максимально помочь женщинам хорошо выглядеть и следовать модным тенденциям. Но при этом создается впечатление, что статьи и рекомендации далеко не всегда учитывали бедственное экономическое положение граждан и возможность следовать, пусть даже частично высказываемым рекомендациям. Именно в советах, связанных с повседневной жизнью явно прослеживается сословная направленность женских журналов. Не говоря уже о том, что они были нацелены на грамотную аудиторию, по своей сословной принадлежности не только не были нацелены на женщин-крестьянок, но даже не учитывали возможности трудящихся женщин городов, которые не носили платья из бархата, муслина и шелка, мантио, фигаро, прозрачные туники с вышивкой тамбуром крученым шелком или стеклярусом, авиаторские шапочки или шляпки с вуалью. А все советы и рекомендации были рассчитаны исключительно на изысканных и не бедных представительниц слабого пола, но при этом журналы одновременно очень активно боролись и отстаивали права женщин, в первую очередь избирательные. К какой категории женщин мог быть направлен в условиях тяжелого экономического положения, карточной системы, войны и революции следующий вопрос: «И в самом деле, что может быть изящнее и удобнее маленькой шляпы в сутолоке нынешнего дня?» [5, с. 17]. Явно не к женщине, которая работает прачкой или стоит по десять часов у станка.

Оптимизмом журналов и их желанием помочь женщинам пронизаны все публикации: *«Мы уже накануне летнего сезона... Шитье и вообще всякие вышивки будут очень много носить этим летом... каждая из наших читательниц может использовать свои часы досуга не только для украшения своего жилища или принадлежностей сервировки, но и для отделки своих и детских туалетов»* [6, с. 21].

Модные советы журнала, несмотря на осознание сложной политической обстановки, на советы «открыть бабушкины сундуки» в поисках отрезков на платья, в целом были рассчитаны не на массовую аудиторию, не на угнетенных женщин, не на тех, кто боролся до революции и продолжал бороться за свое равноправие с мужчинами. *«Просматривая последние номера иностранных журналов, приходишь к заключению, что мода движется черепашьими шагами. Она понимает, что быть капризной и требовательной в настоящее время невозможно, а потому избрав своим девизом благородную скромность, позволяет себе лишь маленькие отклонения в сторону роскоши, маленькие радости от которых ей слишком трудно отказаться: грациозный воротничок из дорогого меха, вышивку, оживляющую материю, кружева «филе» для летних платьев и этим кажется исчерпываются ее*

фантазии» [7, с. 18]. Вряд ли женщины-работницы когда-либо могли себе позволить «маленькие радости» и имели «воротничок из дорогого меха» или «кружева «филе»». В этих строках видно даже некое лицемерие и ирония по отношению к подавляющему большинству женщин. «Но бодрое, молодое начало, которым можно будет охарактеризовать в истории моды эпоху европейской войны, несомненно благотворно подействует на ее дальнейшее развитие» [7, с. 18].

Но одновременно авторы публикаций осознавали, что *«в настоящее время когда каждая уважающая себя женщина занята общественной работой и досуг ее доведен до минимума, трудно следить за капризами моды. Следует поэтому наметить основную ее тенденцию, дать нашим читательницам руководящую нить, которая избавила бы их от излишних поисков и досадных ошибок»* [5, с. 17]. Но далее в статье идут явные противоречия и речь идет опять об иллюзорном: «Весенние и летние шляпы будут из шелка, легкого шелкового крепа, линон-батиста, креп-де-шина, шелка с соломой и просто соломенные» [5, с. 17]. Автор публикации не может, с одной стороны, не связать свою статью с общим политическим настроением, а, с другой, упоминает шляпы из таких материалов, которые явно были не просто не доступны женщинам из низших слоев населения, но даже не известны своими названиями.

В модных рекомендациях журналов периодически прослеживались и некие демократические и национальные черты. Художницу Р.Н. Браиловскую «увлекает мысль не только о чисто-эстетической стороне вопроса, но и о тех обширных социальных и экономических последствиях, которые мог бы иметь совершившийся поворот в сторону национальной моды» [8, с. 18]. Ею рисуются новые отрасли промышленности, возрождение «забытых рукоделий, расцвет захиревших способов обработки материалов» [8, с. 18]. Художница не сомневалась, что в русском обществе она найдет горячую поддержку своим начинаниям. *«Попробуйте приподнять перед любой русской женщиной тяжелую крышку бабушкиного сундука и извлеките из него тяжелые добротные ткани милаго старого времени, старинные вышивки, бисерные украшения, обрывки парчи и домодельного кружева, и вы увидите ее радость и восхищение. Нас положительно заипнотизировали французские модницы, модистки и портные, захватившие рынок и ошеломившие нас шумной рекламой и бешеным размахом цен. Мы забыли самих себя, свои исконные вкусы, свое поэтическое прошлое, роскошь и богатство, простоту и чистоту своих родных костюмов, объезженных очарованием исторических воспоминаний и родного быта»* [8, с. 18]. И такой патриотизм, и тяга к национальным мотивам в моде явились также отражением общественных перемен.

И логичным выводом для 1917 года стало признание того, что *«мода отражает исторические события и психологию толпы. И покуда судьба отдельных народов более или менее одинакова и национальные психологии совпадают. Мода у них может быть общей. Но когда одной из стран совершаются, как у нас события исключительной важности, когда изменяются коренным образом, весь ее строй обычаи и привычки, т.е. вся национальная психология, – естественно ждет и полного переворота в ее взглядах на красивое и изящное, в частности, на красоту в одежде, на моду.*

И если мы мечтаем бросить в широкий иноземный мир новые социальные лозунги, перестроить Европу на свой манер вместо того, чтобы строиться на ее лад как мы делали до сих пор когда были скованы по рукам и ногам, не забудем же о том, что вместе с новыми принципами свободы мы должны извлечь из глубины своего народа и подарить всему миру новые принципы красоты» [9, с. 18].

Одновременно журналы призывали к демократизму в моде, к отказу от лишних деталей в одежде: *«То ли испытывала она еще раньше, волоча за собой пыльный надоедливый шлейф. Этот ужасный придаток костюма способный, кажется, как цепь каторжника остановить всякое свободное движение, всякий порыв... Длинные юбки с тренем знаменовали собой женскую несамостоятельность и полное отсутствие демократизма. Предполагалось, как будто бы, что для передвижения, она будет обязательно пользоваться экипажем»* [7, с. 18].

В вопросах моды и одежды женщины пытались освободиться и от влияния дореволюционных тенденций, и от влияния мужчин на их внешний вид. *«... Если прежде моду творил мужчина, черпая свое вдохновение в различных общественных настроениях, в большинстве случаев чуждых женщине, и к тому же в полной мере буржуазных, то в настоящее время, когда женщина свободна, она сама будет для себя творить форму новой одежды. Теперь она отвернется с презрением, когда услужливые руки мужчин, по старой привычке, подsunут ей какую-нибудь архи-затейливую штучку, годную для куртизанки или гаремной женщины»* [9, с. 18].

Но если по содержанию журнал и давал порой трудно реализуемые советы в области женской моды, в этом просматривается искреннее желание помочь женщинам в сложное для них время добиться изменений не только в сфере равноправия и расширения гражданских прав, но и в одежде, предлагая в качестве бесплатных приложений альбомы прикладного искусства и выкройки платьев.

Своими публикациями, советами и рекомендациями журналы пытались вселить некий оптимизм в жизнь женщин, чтобы легче было пережить труд-

ности: «Суровую и sereneкую жизнь проповедуют и ведут только бездарности. Творцам нужен свет, краски, линии, крик и песни жизни... Вспомните желание Пушкина.

И пусть у гробового входа

Младая будет жизнь играть.

И равнодушная природа

Красою вечною сиять» [10, с. 18].

«Женские журналы в течение 1917 года не только отражали многополярность взглядов и мнений на смену власти и предполагаемые грядущие перемены в обществе, но и являлись своеобразной трибуной с которой звучали проблемы женщин, а порой, и их зов о помощи. Бесспорно, они добились изменений в правовом отношении, включая избирательные права, трудовую деятельность, повседневную жизнь, но в реальности эта борьба растянулась на десятилетия, а фактически полное равенство в ряде сфер не достигнуто и сегодня» [11, с. 104]. Статьи вне зависимости от тематики, отличались эмоциональными оценками, оптимистичными прогнозами, порой наивными, и главное верой и ожиданиями перемен к лучшему. Повседневная жизнь населения, являясь отражением не только сословной принадлежности граждан, их материального положения, национальных особенностей, демографических показателей, впитывает в себя, а затем ретранслирует социальные катаклизмы в виде войн и революций, привнося в нее новые практики.

Список источников и литературы

1. Стояновская М. Мысли о революции // Женское дело. – 1917. – № 16–17.
2. Женское дело. – 1917. – № 16–17.
3. Мадлен. Обзорение моды // Журнал для женщин. – 1917. – № 6.
4. Дамская авиаторская шапочка // Журнал для женщин». – 1917. – № 6.
5. Ольга Б. Несколько слов о моде // Женское дело. – 1917. – № 8.
6. Мадлен. Обзорение моды // Журнал для женщин. – 1917. – № 7.
7. Ольга Б. О моде // Женское дело. – 1917. – № 9.
8. Ольга В. Мода // Женское дело. – 1917. – № 6.
9. Ольга Б. О моде // Женское дело. – 1917. – № 10.
10. Эленор. Художник о нашей одежде // Женское дело. – № 12.
11. Синова И.В. «В свободной России не должно быть прежней женщины-рабы», или О чем писали отечественные женские журналы в 1917 г. // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 2 (83).

Революция 1917 года по дневникам петроградской интеллигенции

Повседневная жизнь людей находит свое отражение на страницах дневников и ежедневных заметок. Авторы дневников описывают текущие события, фиксируют окружающий их мир, выплескивают на страницы свои переживания, страхи, надежды, сомнения. Содержание дневниковых заметок, безусловно, определено возрастом, полом, уровнем образования, профессиональными и общественными интересами, кругом общения авторов. В связи с этим наибольший интерес представляет повседневность Петрограда 1917 года и последующих лет глазами людей умственного труда, часто критически относящихся к существующей власти.

В данном исследовании революционные годы в Петрограде реконструируются по дневникам двух представителей интеллигенции: математика и историка, зрелой женщины 42 лет и 24-летнего молодого человека. Учительница математики в школе, преподававшая принцессам Саксен-Альденбургским, в Выборгском восьмиклассном коммерческом училище и Петроградской общественной гимназии им. Л.Д. Лентовской [1], Ольга Викторовна Синакевич (1875–1959) на страницах тетрадей, обозначенных как «Зрелые годы» (1915–1918) [2], детально описывает разворачивающиеся на ее глазах революционные события 1917 года. Сумбурность, непонятность происходящего вокруг отразились и в ее записях: нельзя обнаружить ежедневных записей революции, порой они охватывают сразу несколько дней. Стоит отметить, что О.В. Синакевич неоднократно переписывала свои дневники, вносила исправления, чтобы они могли соответствовать советскому режиму.

Выпускник исторического факультета Петербургского университета, преподаватель учебных заведений Петрограда Владимир Владимирович Бирюкович (1893–1954) делал свои записи на разрозненных страницах, которые гораздо позже были положены в твердый переплет, неравномерно: каждый день, раз в неделю, одна за несколько месяцев. Это не столько описание текущих событий, сколько размышления о них, поиски сравнения с историей других стран и эпох, особенно с Великой Французской революцией.

Записи в дневниках зачастую не выражают напряжения, все кажется обыденным и не вызывающим особой тревоги. Так описывая первые дни революции О.А. Синакевич отмечает: «...я со скептическим недоверием

смотрела на весело оживленные толпы, спокойно двигавшиеся по Невскому, и на отряды казаков, с чисто цирковой осторожностью разъезжавшие по тротуарам между публикой: "Ведь вот даже и нечаянно-то не заденут ни одного пешехода. Разве такие "всамомделишные" беспорядки бывают? ... Провокация это все... Не беспорядки, а какая-то балетная инсценировка беспорядков... Да еще и бездарная в придачу" ворчала я» [2, л. 274]. В.В. Бирюкович, сделавший первую запись летом 1917 г. в связи с посещением штаб-квартиры анархистов на даче Дурново, описывает благостную картину: «На солнечных полянах под тенью деревьев расположились семьи рабочих: мужья спят, подложив шляпы под голову и расстегнув жилеты, спят или болтают жены, роятся в разбросанных повсюду грязных бумагах и истоптанных папиросных коробках детишки, два солдата взобрались на каменную урну, один играет на гармошке, другой сонливо посматривает и болтает ногами, ударяя каблуками сапог по животу поддерживающей снизу урны "каменной нимфы". По избитым дорожкам с расплзшимися вытоптаннными краями бесконечной вереницей шагают толпы демократов, подымая облака тяжелой серовато-желтой пыли. Двое мальчишек, переключаясь звонкими голосами, в маленькой черной лодке, подгребая одним веслом, плывут по темной воде канальчика, то скрываясь за островком, то снова появляясь среди прямых зеленых берегов. ... Все чувствуют себя как дома и благоденствуют в жаркий летний день, развлекаясь и наслаждаясь каждый на свой лад. Политика совсем на втором плане, она заслоняется этим кусочком природы, который, как он ни мал и искусственен, таит в себе долю ее могущества и привлекательности. Все располагает отдаться простому и непобедимому влечению к зелени, воздуху, позабыв о том, что делается за спиной в гнезде анархистов» [3]. Однако тревожные мысли и размышления не покидают автора: «Я с любопытством вглядываюсь в лица и прислушиваюсь к разговорам. Ведь это те люди, которые, возможно, через несколько дней выйдут с оружием на улицы города, это материал для разрушительных банд, появление которых все предчувствуют и перед мыслью, о которых все тревожатся в моем кругу. Что происходит в их душах? Но ни лица, ни разговоры не выдают никаких интересных для меня душевных переживаний. Все обыденно, каждый инстинктивно и без всякой мысли наслаждается солнечным теплом, мягкой травой, тенью, чистым воздухом, разговоры не выходят из круга мелких и непонятных мне, случайному слушателю, интересов и забот. Может быть, так же не рассуждая, так же по-животному, как эти люди теперь греются подобно ящерицам на солнце, они вскоре возьмут вложенные им в руки ру-

жья и, отдавшись пассивно, всколыхнувшейся в душах рабской ненависти, пойдут убивать на мостовых женщин и детей» [3, с. 50].

Жизненно важная продовольственная проблема затронута в дневниках обоих авторов. О.В. Синакевич отмечает о требовании «хлеба», которое было «у всех на устах»: «Я поняла, наконец, что то, что происходило в эти дни на улицах города было не балетной инсценировкой, а естественным, стихийно-неизбежным следствием той продовольственной неурядицы, в которой мы жили все последнее время. Я поняла, что этот голод выгнал вчера на улицу весь рабочий люд Петрограда. "Голодный бунт" – вот наиболее верное определение того, что творилось в городе эти дни» [2, л. 275]. Приход к власти большевиков, судя по дневниковым записям В.В. Бирюковича от 30 апреля 1918 г., не решил проблемы с обеспечением хлеба: «Наши властелины предложат завтра *circenses*, но они не могут дать народу *panem*. А *circenses sine pane*¹ средство не устнаавливающее, а возбуждающее народную ярость. А ярость тупая, голодная уже готова вырваться наружу. Мы уже дошли до точки кипения. Что-то будет?» [3, с. 68]. Голод превращает даже образованного человека в «пязгающее зубами голодное животное» в «Петроградском Клондайке»: «Чем полна душа современного образованного человека: жаждой продолжить свое существование, жалкой боязнью за свою жизнь, заботой о хлебе, готовностью всему подчиняться, пожертвовать и поступиться всем, что было для него свято, ради того, чтобы спастись, спастись какой угодно ценой. И этот несчастный с опустошенной душой, видящий в каждом из своих ближних не сотрудника в общей работе, а врага, соперника на жизненном узком пути, этот человек, уже наполовину покрывшийся шкурой животного, все же исполняет культурную работу, все же поддерживает иллюзию обычных отношений культурной жизни» [3, с. 98]. Таким несчастным с опустошенной душой является учитель географии Алексеев, коллега Бирюковича, который в темной холодной учительской делится своими ощущениями: «У меня угагло в душе все человеческое, не знаешь, зачем живешь. Прежде ложишься спать, думаешь, пока не заснешь, так о чем-нибудь, а теперь только о том, чтобы поесть. Поверите ли, я дочерей своих всегда очень любил, и все что мог охотно им отдавал, а теперь я за дочерью, с которой живу, слежу, чтобы она не съела чего-нибудь больше меня. Смотришь, а она картошек-то 9 съела, а мне 8 дала. Хе, хе. Понимаете, прежде мне чудовищной казалась мысль о человеческом мясе, а теперь, я не говорю, чтобы я согласился бы поесть его, но только мне *человеч. [еское]* мясо не представляется

¹ Зрелища без хлеба (лат.)

уже таким отвратительным. Хе, хе. Да...» [3, с. 99]. Слова эти он говорит спокойно, рассудительно и даже цинично, отчего у Бирюковича возникает чувство холодного безнадёжного ужаса. Себя и своих коллег автор дневника представляет «большими пустыми, жалобно стонущими животами с приставленными к ним головами, чтобы зарабатывать пищу, и привешенными к ним руками и ногами, чтобы ее разыскивать», фигурами с «хищными и жалкими повадками пещерных людей, готовых передуть друг друга из-за куска пищи» [3, с. 98]. Описание петроградских улиц 1919 г. и их обитателей, данное в дневнике В.В. Бирюковича, вызывает шок: *«Полупустой Невский, ветер крутит бумаги и отбросы, по панелям медленно движется бледная, скучная и голодная поредевшая петрогр.[адская] толпа, к стенам жмутся голодающие нищие с воспаленными глазами и пересохшими губами, на мостовой раздутые трупы лошадей, собак, вокруг них недоуменные, словно прибитые фигуры зевак... Дух тления, несущийся от лошадиных трупов, мертвенность стеклянного зора остановившихся глаз заползает в душу людей, заражает их тем же разложением и той же мертвенностью. Мне противно и страшно последнее время соприкасаться с людьми. То, что происходит вокруг, это хуже, чем озверение, чем одичание, хуже животной борьбы за существование»* [3, с. 96].

О.В. Синакевич в первые дни революции по-другому видела петроградские улицы: *«мне показалось, что я в первый раз вижу сейчас Нижегородскую улицу, – такой неузнаваемо-новой и непохожей ни на какие другие прежде виденные мною улицы выглядела она в эту минуту... Во всю ширину улицы непрерывным, беспорядочно вольным потоком шли мимо меня солдаты и рабочие, вооруженные чем попало, одни – с растерянной улыбкой недоумения и вопроса, – по-видимому врасплах захваченные общим властным потоком и, без руля и якоря, отдавшиеся на волю его волн»* [2, с. 281]. После выхода в газете «Известия» о свершившихся революционных событиях Синакевич отмечала, что улица стала «какая-то праздничная, торжественная и затихшая» [2, л. 285]. Все окружающие так же казались радостными, все поздравляли друг друга «С новым строем!» и пожимали друг другу руки [2, л. 285]. Эта радость передавалась Ольге Викторовне, ее больше не пугали ни «непривычные уху сухие и четкие пощелкивания» пистолетов, ни запах пороха, все пьянило и взвинчивало нервы. В этом состоянии накотившей эйфории она благодарила «Бога за то, что Он сподобил дожить до этих великих событий». Она еще не знала, что ждет ее впереди: обвинение в участии в религиозно-мистическом «кружке Мейера», заключение в лагункте «Кремль» на Большом Соловецком острове, продолжение ссылки в Вологде.

В.В. Бирюкович также восторженно принимает февральские события, называет их «нашей революцией», призывает защитить Родину от Германии: «Только защитив страну от врага, может исполнить наша революция и национальную, и общечеловеческую освобождающую миссию» [3, с. 54]. Дальнейшие события трактуются им как «смута»: *«Большевизм – враг всякого рода самоопределения, будь то личности или национальности. Он почитает себя обладателем абсолютной истины и сам определяет всех на одну коммунистическую мерку казарменного социализма»* [3, с. 128]. Причины победы большевиков ему ясны, однако его не покидают мысли о возможной реставрации даже в 1923 г.: *«Большевизм – это простота и исключительность, пришедшая снизу, и он силен. Ему на смену явится простота и исключительность сверху – монархически-реставрационная исключительность, и она, без сомнения, будет менее сильна, а жизненна еще более, чем большевизм»* [3, с. 151]. В определении революционных событий октября как «смуты» Бирюкович не был одинок. Историк Б.Н. Никольский в своих дневниках писал: «Повернулась великая страница истории, но книга судеб ещё не разогнулась и не захлопнулась. Во всяком случае, переворот совершился, династия кончена и начинается столетняя смута, – если не более, чем столетняя. Ведь в лице нашей Империи умирает Восточная-Римская Империя... Не знаю, что мне сулят перемены. В порядок и покой я не верю» [4, с. 280]. О.В. Синакевич в своих первых неотредактированных еще дневниковых записях оставила такое сообщение о большевистском правлении, которое не оставляет сомнений в отрицательной его оценке: *«...сплошной сумасшедший дом для буйных. На стенах расклеены «декреты» большевиков, представляющие собой бред безумцев, на улицах маршируют отряды «красногвардейцев», все типичные дегенераты, как на подбор, никогда не знала, что их так много: наглые, глупые и озлобленные рожи, нечеловеческие лица и какие-то кошмарные маски в стиле Э. По»* [2, л. 359].

Сто лет минуло с событий Великой российской революции, но историки продолжают дискутировать, выдвигать версии причинно-следственных связей, создать объективную картину произошедшего. В.В. Бирюкович очень надеялся, что историки будущего смогут разобраться в тех обстоятельствах экономических, политических, социальных, повседневных, в которых пришлось жить ему и его современникам: «Настанет время, не знаю, увижу ли его, когда все то, что мы переживаем, сделается предметом всеохватывающего научного исследования, если и не «sine ira et studio»², то во всяком случае настолько объективного, что основные контуры нашей величественной и тра-

² Без гнева и пристрастия (лат.).

гической эпохи выступят во всем своем решающем и грозном для судеб человечества значении из того тумана личных страстей, повседневных тяжких страданий, животного страха за свою жизнь, которая теперь заслоняет совершающиеся перед нами события и мешает нам обозреть их совокупность и вникнуть в их смысл» [3, с. 100].

Список источников и литературы

1. Манжукова С.И. Отражение Февральской революции 1917 г. в дневниках петербургской учительницы О.В. Синакевич // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 97 – 102.
2. Синакевич О.В. «Жили-были». Воспоминания. Тетрадь 32-я. «Зрелые годы» (1915–1918 гг.) // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 347.
3. Бирюкович В.В. Заметки. Дневниковые записи 1917–1924 гг. / сост., вступ. ст., биография, коммент., послесл. О.И. Зезеговой. – Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 184 с.
4. Никольский Б.Н. Дневник 1896–1918 гг. / изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. – Т. 2: 1903–1918. – СПб., 2015. – 656 с.

С.Б. Шадманова

Продовольственный кризис в Туркестане: доходы и потребление (1914–1917 гг.)

Продукты и их цена. В конце XIX – в начале XX вв. царское правительство инициировало проведение в Туркестане аграрных реформ, которые стали причиной резкого уменьшения разновидностей сельскохозяйственных культур в регионе. Именно после проведения этих реформ в регионе появились проблемы с продовольствием, которые особенно обострились с началом Первой мировой войны.

По сообщению газеты «Туркестанский голос», стотысячное население Андижана и четырехсоттысячное население Андижанского уезда жило, в основном, за счет привозной пшеницы [25, №71]. В то же время пшеницу сюда привозили, преимущественно, из Самаркандской и Семиреченской областей, население которых, по данным газеты, само нуждалось в помощи. Проблема была в том, что не было возможности завоза пшеницы из Самары и Оренбурга. Помимо этого в Оренбурге пшеницу для нужд населения Туркестана продавали по завышенным ценам. По утверждению крупного хлеботорговца Шахбазиди, для населения Оренбурга существовала особая такса – 12 рублей за мешок муки, в то время как для нужд Ташкента этот хлеботорговец смог сторговаться только по цене 17 рублей за аналогичный мешок муки [21]. Для обеспечения хлебом населения Андижана и Андижанского уезда необходимо было ежемесячно закупать минимум 270.000 пудов зерновых¹. Для обеспечения города и уезда другими товарами первой необходимости необходимо было также завезти 6.000 пудов картошки, 2.000 пудов овощей и фруктов, 30.000 пудов соли, 5.000 пудов чая и другие товары [25, №68].

Ташкентское городское управление для решения продовольственной проблемы отправило своего представителя для приобретения муки в Россию. Однако, несмотря на то, что этот представитель, обладал большими связями в торговых кругах Оренбурга и Самары не смог приобрести ни одного фунта муки для нужд Ташкента [25, №103].

¹ В них входило 112 тысяч пуда муки, 90 тысяч пуда зерна, 30 тысяч пуда овес, 36 тысяч пуда кукурузы и 2 тысячи пуда других круп.

Необходимо отметить, что несмотря на нехватку продовольственных товаров в самом Туркестане, некоторые их виды отправлялись для нужд Российской армии. Так, например, одна из газет, в ноябре 1916 г., писала о том, что военно-промышленный комитет осуществил вывоз 1 млн. пудов хлопкового масла из Ташкента в Москву [25, №102], хотя в том же 1916 г. вследствие сокращения поставок зерна дефицит хлеба в Туркестане составлял 22 млн. пудов.

В 1915–1916 гг. были значительно повышены цены на зерно, рис, сахар и другие продовольственные продукты при этом были установлены твердые заниженные цены на хлопок; процветала спекуляция; на почве дороговизны во многих местах вспыхивали стихийные волнения и акции протеста.

Несмотря на установление твердых цен на продукты первой необходимости в городах и селах края увеличилось число спекулянтов, которые продавали товары по значительно завышенным ценам. Например, в октябре 1916 г. в Андижане 1 пуд сахара отпускался оптовым покупателям по цене 8 руб. 40 коп., в розницу этот же пуд сахара поступал по цене 9 руб. 40 коп. [25, №81], а в некоторых местах сахар продавался по цене 15 и более рублей [25, №69]. По мнению андижанских купцов, М.Махмутбаева и С.Муминбаева, перед первой мировой войной более 20 лет занимавшихся продажей сахара, туркестанская администрация должна была предпринимать меры для предотвращения спекуляции сахаром.

Спекуляция стала проблемой не только в области сбыта товаров первой необходимости. Такие же проблемы возникли при сбыте мануфактурных товаров. Московские фабриканты повысили цену на 25–30 процентов, учитывая увеличение расходов производства и цены на хлопок. Местные же фирмы повысили цену более чем на 100%, пользуясь уже не ценами, установленными московскими фабрикантами, а тяжелыми условиями военного времени. Например, бумажная материя, которую московские фирмы продавали по цене 30 коп. за аршин, в магазинах Туркестана продавали уже по цене 60 коп. Ситец, продававшийся московскими фирмами по цене 25 коп. за аршин, в Туркестане продавали по цене 50–55 коп. [2].

Одной из причин подорожания товаров первой необходимости было их искусственное удержание на складах. Подтверждением этого факта может служить сообщение газеты «Туркестанский голос», в которой говорилось о том, что масложирзаводы Туркестана поставляли растительное масло на рынок только небольшими партиями, основная же часть масла хранилась на складах, по всей видимости, для искусственного поддержания высоких цен [25, № 69]. На некоторых заводах по производству масложира было так много готовой продукции, что они были вынуждены по несколько раз в год оста-

навливать производство. По мнению специалистов, работавших в продовольственных комитетах, масложирзаводы могли без ущерба продавать 1 пуд масла по цене 5 руб. 26 коп. Однако владельцы заводов отпускали растительное масло по цене 8 руб. 15 коп. за 1 пуд [25, №71].

Потребление продуктов питания населением Туркестана. Население края перед первой мировой войной в основном обеспечивало себя продукцией сельского хозяйства. По данным супругов Наливкиных, в Ферганской долине в среднем на одного человека в год приходилось 15,80 пуда пшеницы, 8,97 пуда кукурузы, 2,56 пуда риса и 0,82 пуда маша [13].

Доктор В.И.Кушелевский, проходивший службу в Туркестане, приводит данные, касающиеся питания различных слоев населения края. В частности, он провел сравнительный анализ ежедневного рациона обеспеченной семьи, состоявшей из 8 человек, и малообеспеченной семьи, состоявшей из 5 человек. Согласно приведенным данным, ежедневный рацион обеспеченной семьи состоял из 7,5 фунта хлеба (8,51 пуда хлеба в год); в рацион также входило 4,56 пуда муки (13,00 пуда пшеницы) [8, с.285]. Обеспеченная семья также потребляла 6,08 пуда риса, 1,18 пуда маша, 2,28 пуда баранины в год. Ежедневный рацион малообеспеченной семьи состоял из 7,5 фунта муки (12,21 пуда пшеницы в год). Кроме того, малообеспеченная семья потребляла 9,12 пуда проса. Приведенные данные, особенно по малообеспеченным семьям весьма неполные, однако по ним видно, что основу рациона у всех слоев населения составляли хлебные и бобовые зерновые.

Если сравнить данные по потреблению хлебных зерновых населением Туркестана и населением России, то можно увидеть, что население России потребляло в среднем 18,5 пуда ржаной муки в год. Если сравнить количество хлебных зерновых (пшеницы), которое потребляло население Туркестана с потреблением зерновых в России, то получалось, что оно эквивалентно 15,2 пуда ржаной муки в год [16, с.410]. Исходя из того, что питательность пшеницы была выше питательности ржаной муки, можно сказать, что потребность в хлебе населения Туркестана была меньше, чем населения России. Необходимо отметить, что кочевое население Туркестана, в частности казахи, вместо пшеницы в большей степени потребляло просо.

Доктор А.Шишов сопоставил данные, касающиеся посуточного рациона питания населения Туркестана с рационом питания населения центральных областей Российской империи. Например, башкиры в сутки потребляли 2367 гр. пищи, из которых 131,3 гр. составляли белки, 68,9 гр. – жиры, 522,6 гр. – углеводы. У мордвы этот показатель составлял 2804 гр., из которых 171,2 гр. составляли белки, 80,0 гр. – жиры, 697,7 гр. – углеводы. Население Туркестана в сутки потребляло 1180 гр. пищи, из которых 86 гр. составляли белки, 72,9 гр. –

жиры, 528,3 гр. – углеводы [30, с.171]. Однако, питание дехкан отличалось от среднестатистического показателя населения Туркестана где белки составляли 65,8 гр., жиры – 14,26 гр., углеводы – 355,5 гр. По нормам питания начала XX в. в рационе питания дехканам недоставало белков – 19,2 гр., жиров – 33,74 гр., в то время как углеводы превышали норму на 30,53 гр. [31, с.68]. Из этого следует, что питание основной части населения, каковыми были именно дехкане, не было сбалансированным и его нельзя считать нормальным.

По сведениям доктора В.И.Кушелевского, рацион питания основной часть подёнщиков, арбакешей и других рабочих состоял из 4–5 лепешек в день², они не могли позволить себе горячее питание. Содержание белка в 4 лепешках было в пределах 50 гр., жира – 2 гр. и крахмала – 415 гр. Наряду с лепешками сельскохозяйственные рабочие потребляли бахчевые, фрукты. Содержание белка в одном фунте дыни было в пределах 4,3 гр., жира – 2,4 гр. и крахмала – 5,8 гр. [8, с.285]. По сведениям А.И.Шахназарова, зарплата поденщиков без обеспечения пищей ежедневно составляла 50–60 коп., из которых 15–20 коп. из этой суммы расходовалось на питание, при этом рабочий день составлял 9–9,5 ч. И очень тяжело было работать в жаркие дни [29, с.83]. У строителей, арбакешей, сапожников зарплата была выше и составляла в среднем 80–100 руб. [31, с.58]. Местное население только в исключительных случаях продавало свою землю, так как сложно было существовать без земледелия, в связи с тем, что основную часть питания составляла продукция, выращенная на своем участке. На себя дехкане тратили в среднем 8 коп. в день [31, с.64].

Зарплаты кустарей также, не хватало для полноценного питания. По утверждению Н.Габбина, кустарь, в состав семьи которого, помимо его самого, входили также жена, один ребёнок и подросток-ученик, в расчете на одного человека потребляла 7 пудов муки, более 3 пудов риса, более 1 пуда маша, 30 фунтов баранины, более 1 пуда бараньего жира, 1 пуда моркови, 14 фунтов лука, 1,5 фунта чая. Основу их рациона питания составляла мука (44,7%) и рис (23,8%) [23] из чего можно сделать вывод, что в основе рациона были продукты растительного происхождения. Пищевая корзина дехканских семей (данные 1908 г.) состояла из 8,54 пуда муки и 2,3 пуда бобовых. Помимо этого, они потребляли бахчевые (5,0), овощи (1,52), фрукты (1,18), молочные продукты (3,1) и мясо (1,0) [31, с.64].

По данным ревизии сенатора К.К.Палена было определено, что из 13,51 пуда выращенных зерновых продуктов Сырдарьинской области (в расчете на одного человека), 6,39 пуда составляла пшеница. Из 14,46 пуда выращенных

² В начале XX в. стоимость одной лепешки была 1 коп. [30, с.170].

зерновых продуктов Ферганской области (в расчете на одного человека), 5,75 пуда составляла пшеница. Из 18,45 пуда выращенных зерновых продуктов Самаркандской области (в расчете на одного человека), 11,16 пуда составляла пшеница. Только в Семиреченской и Закаспийской областях Туркестанского края степень выращиваемого зерна (в расчете на одного человека) была относительно высока. Например, из выращенных в Семиреченской области 21,63 пуда зерновых культур 15,69 пуда составляла пшеница и 5,03 пуда просо. В Закаспийской области из 5,89 пуда зерновых культур 5,29 пуда приходилось на пшеницу [16, с.411]. Однако необходимо констатировать тот факт, что ни в одной области края не выращивалось достаточного количества пшеницы, что, в свою очередь свидетельствует о том, что в областях, ориентированных на выращивание хлопков зерновые культуры выращивались недостаточно.

В Фергане, в период до 1890 г., цена 1 пуда пшеницы составляла 45 коп., 1 пуда риса – 95 коп. [16, с.118]. Однако цена на пшеницу и продовольствие в целом имела тенденцию к увеличению и связано это было с увеличением посевных площадей под хлопок. Место пшеницы стал занимать хлопчатник, уничтожались сады и люцерновые поля. Так, в Самаркандской области в 1891 г. цена 1 пуда пшеницы составляла 59 коп., а в 1893 г. ее цена достигла 1 руб. 25 коп. [16, с.119]. Даже учитывая тот факт, что население Туркестана относительно мало (в сравнении с россиянами, например) потребляло пшеницу, тем не менее выращиваемого на ее территории не хватало для покрытия собственных нужд. Население Ферганской долины вместо пшеницы стало потреблять кукурузу, а кочевое население потребляло просо. За счет этого, а также за счет привоза пшеницы из других областей империи население более или менее обеспечивалось необходимым количеством продовольствия.

Авторы статей, публиковавшихся в Туркестане газет, отмечали такие проблемы, как недостаток хлеба и продуктов первой необходимости, которые возникли вследствие резкого увеличения площадей под хлопок, массовое разорение мелких хлопкоробов. Увеличение посевных площадей под хлопок сказалось и на развитии скотоводства, что выразилось в уменьшении поголовья крупного рогатого скота в результате нехватки кормов [28].

После отмены твердых цен на хлеб и мясо цены на них быстро выросли – если один фунт первосортного мяса в 1905 г. стоил 7 коп., то в 1907 г. уже 13–14 коп., т.е. мясо стало в два раза дороже. Поэтому неимущее население вместо мяса стало потреблять субпродукты второй категории, преимущественно бараньи головы, ноги и внутренности. Помимо этого, ответом на повышение цен на продукты первой необходимости стало появление поддельных продуктов [11].

В период Первой мировой войны ухудшилось обеспечение населения продовольственными товарами [25, №98]. По данным Ташкентского городского управления, мука подорожала на 157%, хлеб на 100%, мясные продукты на 150%, мясо птицы на 260%, яйца на 433%, рис на 329%, соль на 100%, лекарственные препараты на 900%, мыло на 650%, бахчевые продукты на 200%, а растительное масло на 180%, хлопковое масло на 300% [10]. Кроме того, цена простых материалов, используемых в повседневной жизни выросла на 125–400% [25, №98]. Масло животного происхождения по цене стало недоступно среднему и малоимущему обывателю, поэтому хлопковое масло стало потреблять не только русскоязычное, но и местное население. В феврале 1917 г. Ташкент переживал настоящий мясной кризис. Мяса на рынке почти не было, им торговали всего лишь 2–3 частных торговца и немного продовольственный комитет. Продажа мяса была ограничена 4 фунтами [12], но и за ним приходилось выходить глубокой ночью и долгие часы стоять в очередях. По мнению некоторых современников событий, введение нормировочных цен на скот, установление в Ташкенте несоответствующей таксы на мясо явилось главной причиной кризиса, так как в уездах Сырдарьинской области, где не было таксы, мяса было много, в то время как цена была не намного выше ташкентской. Необходимо отметить, что весь наличный скот в Ташкентском уезде был закуплен для нужд армии уполномоченным министерства земледелия.

По состоянию на 1914 г. в «старой» и «новой» части Ташкента проживало 250.000 жителей и все это многочисленное население огромного города, находившегося по числу населения в первом десятке больших городов Российской империи, в год потребляло около 50 тыс. голов крупного рогатого скота и до 150 тысяч баранов. Принимая, что баран в среднем давал до 50 фунтов убойного веса, а крупный рогатый скот около 6 пудов, население Ташкента потребляло до 300 тысяч пудов говядины и до 280–300 тысяч пудов баранины [4]. Эти цифры практически не менялись в течение нескольких лет. Необходимо при этом отметить, что в рационе питания населения Ташкента помимо говядины и баранины, мясо других животных и мясо птицы играли лишь небольшую роль.

Потребление мяса в Ташкенте совершенно не соответствовало росту населения. Потребление мяса крупного рогатого скота в течение двух десятилетий шло по нарастающей, т.е. при увеличении количества русскоязычного населения, главного его потребителя, в три раза, потребление мяса увеличилось в два раза. Потребление баранины непрерывно падало и не соответствовало росту населения. В 1894 г. в Ташкенте было отправлено на убой 194 тыс. голов скота, а в 1914 г. 153 тысячи [4]. Необходимо отметить, что в 1894 г., что вне пределов официальных боен резалось значительно больше

скота, так как надзор за убоем вне боен был намного слабее, чем в 1914 г. Действительный же убой в 1894 г. значительно превосходил зарегистрированный [4].

Несмотря на неоднократные просьбы продовольственного комитета отменить таксу, дума упорно отказывалась делать предполагая, что с отменой таксы продавцы мяса резко поднимут цены и неимущая часть населения будет не в состоянии его покупать.

Потребление продовольствия в кишлаках. В изучаемый период экономическое положение сельского населения еще больше ухудшилось, они вынуждены были ограничиваться только водой и хлебом. Усиленно шел процесс обнищания кишлака. Газета «Русский Туркестан» писала: «Запутавшиеся в их (торговых фирм и их посредников) паутине потребители, лишенные своей земли, т.е. того, что исключительно связывало их с прозябанием в деревне – рвут эту связь и идут на заработки вон из деревни..., разделяют долю того бездомного класса, которому приходится шататься по краю в поисках за куском хлеба» [18, №3]. Народная нищета в крае была ужасающей. «Положение вообще в Фергане очень скверное, прежде в Коканде поденщики получали от 80 коп, до 1 руб., а нынче поденщики ищут работу даже за 35 коп. в день», – писала газета [18, №23]. Об этом могут свидетельствовать факты, опубликованные на страницах газет. Например, газета «Русский Туркестан» писал: «Обращаем внимание на бедственное положение мальчиков-учеников в кухнях туземцев старого города. Работают эти дети от зари до зари, порой выполняя работу взрослого мастера. За свои труды они имеют лишь скудный стол да рваное белье» [19, №27]. Обнищание народа становилось катастрофическим. «...Сборы с темного сельского населения Маргеланского уезда, – писала газета, – не считая тех, которые обязательны для него по местному положению, достигли в прошлом году, небывалой и поистине ужасающей цифры – около 100 000 р.» [18, №18].

Ряд материалов, посвященных безземелью и малоземелью местных дехкан, было опубликовано на страницах газет. Например, в обширной статье В. Наливкина «Туземный пролетариат» отмечалось, что в 1897 г. в Фергане в среднем приходилось около полдесятины пахотной земли на душу населения. В Самаркандской области, по официальным данным того же года, на 857 847 душ обоего пола орошаемой пахотной земли приходилось 501 924 десятины, или 0,58 десятины на душу. В туркестанском кишлаке имелось значительное число безземельных семей, составлявших местами от 40 до 60% кишлачных хозяйств. Согласно исследованию В.Наливкина, в 1883 г. в кишлаке Нанай Наманганского уезда из 121 хозяйства 69 были безземельными, а из этих 69 – 11 не имели не только земли, но и домов. В результате всего

этого в кишлаке росло число чайрикеров. Чайрикер (поденщик) за свой труд получал землю, семена и рабочий скот. Годовой доход чайрикера колебался в среднем от 45 до 70 руб. «У большей части чайрикеров нет ничего кроме убогой сакли», – писал В.Наливкин.

Зимой у чайрикера не было заработка, так как ничем, кроме поденной работы он заниматься не мог. Ранее в качестве приработка женская половина зарабатывала до 40 копеек в неделю пряжей ниток. Но в конце XIX – в начале XX вв. этих заработков не стало, так как продукцию местных ткачей-кустарей вытеснила фабричная продукция из России [19, №10].

Наёмная рабочая сила. В 1897 г. в Фергане в среднем на каждого человека приходилось половина десятины посевной площади. В том же году на 857.847 человек Самаркандской области приходилось 501.924 десятины орошаемой посевной земли, т.е. на каждого человека приходилось 0,58 десятины. В.Наливкин, проводивший исследования в 1883 г. в кишлаке Нанай Наманганского уезда сообщает, что из 121 хозяйств 69 хозяйств не имели земли вообще, из них у 11 хозяйств не было не только земли, но и дома. В результате в кишлаках увеличивалось число чайрикеров. Чайрикеры брали в аренду посевную площадь, семена и рабочую скотину при этом $\frac{1}{5}$ урожая они платили в качестве налога, $\frac{1}{4}$ доставалось самому чайрикеру и $\frac{3}{4}$ урожая отдавали владельцу земельной собственности. В среднем годовой доход чайрикеров составлял 45–70 рублей [13].

Накануне 1917 г. 50,1% дехкан Ферганской области имели 9,8% земли, 50,1% дехкан Самаркандской области имели 10,2%, т.е. большая их часть может быть отнесена к категории безземельных дехкан [3]. По результатам ревизии Палена, в Андижанском уезде из 64.616 хозяйств 9940 хозяйств вообще не имели земли, т.е. 15,38% составляли безземельные хозяйства. В Маргеланском уезде безземельные дехкане составляли 22% [16, с.115]. В их распоряжении были только их подсобные участки. В зерновых районах положение было еще хуже, к примеру, в Челекской волости Самаркандской области безземельных дехкан было 29,6%, в Дагбидской волости – 16,7% [16, с.116].

Расходы по удовлетворению личных потребностей семьи. По данным бюджетного учета общий годовой расход по этой категории из расчета на душу населения определяется в 49,46 руб., что составляет 13 коп. в день. На какие нужды и в каком размере расходуются эти суммы? Соотношение личных расходов: питание – 58,1%, одежда – 10,9%, жилище – 7,5%, посуда – 0,3%, разные домашние вещи – 1,3%, лечение – 0,1%, образование – 0,4%, похороны и свадьбы – 15,3%, платежи и повинности – 5,8%, другие расходы – 0,3% [31, с.64]. Из представленного списка видно, что больше половины всех расходов семьи на личные нужды составляют затраты на питание. Следую-

щее место занимают издержки по свадьбам, похоронам, обрезанию и религиозным обрядам. Так как последние расходы имеют непостоянный характер, то возможно, что столь значительный процент их объясняется случайностью выбора семей для обследования. Заметное место принадлежит расходам на одежду, жилище и оплату различных повинностей.

В среднем на питание тратилось около 8 коп. в день на человека. По данным подсобных учетов в течение года одним человеком потреблялось следующее количество продуктов растительного и животного происхождения – потреблено в год на душу населения: 22,84 пуда продовольствия, из них муки – 8,54 пуда, крупы – 2,3 пуда, бобовых – 0,2 пуда, овощей – 1,52 пуда, фруктов – 1,18 пуда, дынь и арбузов 5,0 – пудов, мяса – 1,0 пуд, молочных продуктов – 3,1 пуда. Из них 18,74 пуда составляли продукты растительного происхождения и только 4,1 пуда животного происхождения [31, с.64]. Преобладание в питании продуктов растительного происхождения является весьма характерным для сельского земледельческого населения. И в хозяйстве, несмотря на его по преимуществу денежный характер, для пропитания приобретались главным образом продукты растительного происхождения.

Для сравнения норм пищевого довольствия можно привести данные по казахскому, местному земледельческому населению и русским хозяйствами юго-восточной части Чимкентского уезда. Согласно этих данных в на одного члена казахской семьи приходилось 57,8 пуда потребляемых продуктов, из них весьма значительную часть составляли молочные продукты. Местное земледельческое население этого района потребляло 36,37 пуда и в русских переселенческих хозяйствах 47,15 пуда. Сопоставляя эти цифры с выведенными для земледельческого местного населения хозяйства Андиганского уезда, можно увидеть, что высокая интенсивность сельхозпроизводства в Фергане, позволяла целой семье существовать на каких-то двух десятинах в то время, как в Чимкентском уезде для этого необходимо было не менее 15–20 десятин. Ферганское земледельческое население питалось значительно хуже, по сравнению с населением более северных районов. Объяснялось это, прежде всего малоземельем, которое несмотря на высокую земледельческую культуру отражалось на всем бюджете местного земледельческого населения обследованных кишлаков.

Количество потребляемых продуктов в крупных хозяйствах имело тенденцию к увеличению; это увеличение особенно заметно в отношении продуктов животного происхождения. Отсюда, можно сделать вывод, что более богатые семьи, питались лучше, в сравнении с бедными.

Установление нормы пищевого довольствия, т.е. того количества питательных веществ, которое необходимо для поддержания жизни человека,

является весьма трудной задачей. В данном случае на величину этой нормы оказывают влияние не только возраст и пол человека, но также климатические условия, род занятий и другие факторы. В виду этого различные исследователи пищевого довольствия дают различные нормы питательных начал, необходимых для поддержания жизни человеческого организма. Например, по мнению специалиста того периода Щербина минимумом питательных веществ, необходимых для одного человека в день, служит: 85 гр. белковых веществ, 48 гр. жиров и 355 гр. безазотистых соединений.

Только безазотистые соединения содержались в избытке в продуктах питания местного земледельческого населения, белков и жиров было недостаточно, из чего можно сделать вывод о том, что питание местного населения обследованных кишлаков нельзя назвать удовлетворительными.

Большинство населения Ферганской долины не имело домашнего скота. Только в хозяйствах, которые имели более 10–20 танавов земли имелось рабочее животное. В среднем из 100 хозяйств только 58 хозяйств имели дойную корову [31, с.25]. Из выращенных продуктов крупных хозяйств, которые имели более 20 танавов земли только $\frac{1}{3}$ часть составляли продовольственные культуры, остальную часть продовольствия они вынуждены были покупать на стороне. Главная причина этой проблемы заключалась в том, что хлопок стал основной сельскохозяйственной культурой [31, с.64].

Социально-экономическое положение населения Туркестана накануне 1917 г. Если сравнить размер посевных площадей в 1917 г. с 1915–1916 гг., то можно увидеть, посевные площади сократились на 400.000 батманов (1 батман – 1.1 га) [15, с.43]. Помимо этого, урожайность была гораздо ниже в связи с засухой 1917 г., большая часть богарных земель была неурожайной. Засуха также повлияла и на скотоводство. В некоторых районах не хватало корма для скота. В Туркестане начались не наблюдаемые ранее голод и эпидемии. Начиная с 1917 г., были прекращены поставки зерна в Туркестан, вместе с тем сильно упала потребность в хлопке. Если в 1916 г. посевы зерна составляли 80% продовольственных растений, то в 1917 г. они составляли 89% [15, с.46]. Например, в Джизакском уезде Самаркандской области на 121.646 батманах земли, в Самаркандском уезде на 119.980 батманах, в Каттакурганском уезде на 110.086 батманах, в Худжанде на 8.250 батманах была засеяна пшеница. На 9.627 батманах земли в Джизакском уезде, 8.973 батманах в Самаркандском уезде, 2.103 батманах в Каттакурганском уезде, 1.256 батманах земли в Худжанде был засеян хлопок [9]. Несмотря на это, в Туркестане в 1914 г. не хватало 2.437 тысяч пудов пшеницы, этот показатель в 1917 г. составил 46.709 тысяч пудов [20, с.43]. Из телеграммы краевого продовольственного комитета Оренбургскому продовольственному управлению

видно, что в эти годы увеличилось число умерших от голода, ежемесячно одному человеку давалось от 4 до 6 фунтов хлеба [24, №10]. От голода особенно страдало местное население, которое начало искать пути решения проблемы. Первый съезд мусульман Туркестанского края рассмотрел проблему продовольствия, принял решение, где говорилось, о том, что необходимо отменить фиксированную твердую цену на продукты первой необходимости, а реквизированное зерно должно было продаваться на базаре, кроме того необходимо было устранить трудности в транспортировке зерна и овец. Также, съезд мусульман постановил распределить привозную пшеницу в зависимости от общего количества жителей каждой национальности городов и кишлаков Туркестана, принял решение о создании специальных пекарен и раздаче хлеба под контролем комитета продовольствия. Также, недовольный работой продовольственного комитета, съезд постановил выбрать новый комитет исходя из численности каждой национальности. Одним из путей решения проблемы съезд считал распределение 12 тысяч десятин посевных площадей в Голодной степи и засеивание этих площадей пшеницей, машем, просом, джугарой, картошкой, рисом, фасолью и другими продовольственными культурами. Съезд принял постановление о завозе кавказской пшеницы, проса и кукурузы через Пензу и Оренбург. Также съезд, учитывая расходы местного населения на свадебные торжества и другие мероприятия, постановил сократить эти расходы и раздать сэкономленные средства беднейшим слоям населения. Съезд обратился к Туркестанскому комитету с просьбой о скорейшем исполнении постановлений мусульманского съезда [27, №1]. Однако, эти предложения мусульман остались без внимания и не учитывались.

Из разных мест Туркестана поступали тревожные известия о голоде среди населения. Одно из таких сообщений поступило из Ташкентского уезда, где говорилось, о том, что «из-за увеличения голода среди мусульман уезда возникла паника и страх. Мусульмане в результате невозможности кормления животных вынуждены продавать их задешево. Большинство мелких хозяев полностью обанкротились, среди населения изо дня в день возрастает тревога за будущее» [14; с.5; 24, №96]. Естественно, кризис сельского хозяйства привел к сложному продовольственному кризису. Цена продовольственных товаров очень быстро выросла. Если в июне 1917 г. 1 пуд пшеницы стоил 40 руб., то в октябре того же года стал стоить 75–80 руб. [24, №156].

Заработков населения не хватало для покупки продовольствия. Например, в «старом» Маргилане «неимущие в неделю заработав 4 рубля, даже два дня не в состоянии себя прокормить. Муку покупали только отдельные граждане. Из 125 тысяч населения в Маргилане таковых было 10 тысяч. Малоимущий целую неделю работал, чтобы купить муку, которой могло хватить

на один день, остальные дни он должен был голодать. Муки, которая предоставлялась продовольственным комитетом, хватало всего лишь на два дня» [17, с.16]. В результате несправедливого распределения пшеницы продовольственными комитетами и допущения злоупотреблений, принятия различных решений без учета условий жизни мусульман их положение еще более усугублялось. Несмотря на то, что мусульмане составляли большинство в Туркестане, в состав продовольственного комитета они были включены в малом количестве. Русскоязычная часть населения Туркестана, представляя различные политические партии и организации, составляла большинство в продовольственных комитетах. Например, в июле 1917 г. в составе Ташкентского продовольственного комитета (31 член) Ташкентское городское управление представляли 5 человек – Филипенко, Максимов, Хлопцев, М.Х. Ходжаев, А.Х. Ходжаев, Ташкентский совет солдатских и рабочих депутатов представляли 12 человек – Кришталь, Медведев, Пелипенко, Смирнов, Черкович, Гриднев, Криштоп, Макшанцев, Павлов, Чернишев, Ташкентский совет крестьянских депутатов представляли Вегриянов и Гоголин, Ташкентский квартальный комитет представляли Люшин, Остромисленский, Сапожников, Ташкентский совет мусульманских депутатов представляли мулла З.Абдуллаев, М.Ташбаев, торгово-промышленных работников представляли Гусев, Малков, Селифанов, Ташкентский торгово-промышленный союз представляли Бронштейн, Щеткин, местный кооператив представлял Лозинский, мелко кредитную инспекцию представлял Андреев, сельскохозяйственное общество представлял Шилин, Ташкентский местный продовольственный комитет представлял Х.Х. Ходжаев [26]. Таким образом, из 31 члена Ташкентского продовольственного комитета только 5 членов были мусульманами. Необходимо отметить, что продовольственные комитеты не обладали соответствующими денежными средствами.

При распределении пшеницы продовольственные комитеты открыто проявляли несправедливость. К примеру, если в «новой» части Ташкента ежедневно на одного человека давали по одному фунту – $\frac{3}{4}$ фунта хлеба, то в «старой» части города давали по $\frac{1}{4}$ фунта муки. Такое распределение произошло после создания мусульманского продовольственного комитета, до его создания жители «новой» части города получали по одному-полторы фунта хлеба, в то время как жителям «старой» части в неделю доставался всего лишь один фунт муки. Даже после создания комитета жители «новой» части города Ташкента один фунт хлеба покупали по 11–12 коп., а жители «старой» части города один фунт хлеба вынуждены были покупать по 90 коп. – 1 руб. [7, №9; 32]. Мусульмане «старого» Маргилана требовали уравнивать количество, получаемой муки с жителями Скобелева, которые получали $\frac{3}{4}$ фунта хле-

ба. Так как выделенной на один день 90 мешков муки не хватало для 82 тысячного населения Маргилана, они требовали, чтобы им выделяли по 300 мешков в день [17, с.16–17]. В некоторых местах мусульманам по несколько дней не давали хлеба. Об этом писала газета «Знамя свободы» «в городе Андижан мусульмане более 10 дней не получали хлеб, и европейское население 4 ноября тоже не получало хлеба» [6]. Это положение городов, где имелись продовольственные комитеты, в городах и кишлаках, где не было продовольственных комитетов еще более усугубляло положение. К тому же эти комитеты реквизируют зерно, выращенное дехканами.

Обеспокоенный этим положением Краевой мусульманский центральный совет на заседании от 29.06.1917 г. от своего имени выбрал в краевой продовольственный комитет трех представителей – М.Чокаева, Норбутабекова, Ф.Тахирий и им было поручено решать проблемы продовольствия исходя прежде всего из интересов большинства населения края, т.е. мусульман [7, №5]. 10 августа 1917 г. в результате действий членов Краевого мусульманского центрального совета Туркестанский продовольственный совет устроил съезд, где принял постановление соответствующее интересам мусульман. Основные пункты постановления были следующими: «Впредь твердые цены отменяются. Не будет монополии на зерно. Т.е. дехкане свободно будут продавать излишки зерна без установления цен и места. Никто не будет задерживать зерно дехкан, только они должны продавать его. Дехкане сами будут решать, как поступить с выращенным хлопком. Только хлопок, оставшийся с прошлого года сейчас будет считаться, однако цены на них будет впоследствии устанавливаться учитывая современное положение» [7, №9]. Однако это постановление, принятое исходя из условий края не было осуществлено. Вследствие непринятия практических шагов положение во всех областях оставалось печальным. Например, в августа 1917 г. в Сырдарьинскую область привезли 152 вагона муки. Если эту муку распределить на 2 миллиона 170 тысяч населения области, то каждому человеку досталось бы 3/4 фунта муки [7, №15].

Обеспокоенные мусульмане с усилением голода от имени третьего съезда мусульман 9 сентября направили телеграмму Временному правительству в Петроград, мусульманскому исполнительному комитету, редакции газеты «День», экономическому совету. В телеграмме говорилось, о том что «Третий съезд Туркестанского центрального мусульманского совета просит Временное правительство наиболее скорейшим образом принять меры по обеспечению хлебом население Туркестана. Население края стоит в шаге от голодной смерти. Накануне голода посевы хлопчатника были сокращены на 50%, в то время как посевы зерновых были увеличены.

В данное время обеспечения населения зерном находится в безнадежном состоянии, чтобы освободить народ от голода третий съезд обращается с просьбой разрешить дехканам засеять вместо хлопка другие посевы.

Кроме того, съезд привлек внимание к такому явлению, как обеспечение зерном населения городов, не учитывая интересов населения уездов и кишлаков. Население городов составляли в основном европейцы, и положение с обеспечением у них было лучше. Необходимо было принимать решение с учетом сложившейся ситуации [7, №16].

Кроме того, Третий съезд Туркестанского центрального мусульманского совета просил Временный комитет Туркестана решить проблему с обеспечением сахаром и распределять его не только среди горожан-европейцев, но и среди мусульманской части населения. Третий съезд Туркестанских мусульман рассмотрел продовольственный вопрос первым и обсуждение этого заняло целый день. Несмотря на принятие постановления об отмене твердых цен на продукты первой необходимости на практике во многих местах оно не выполнялось, вследствие чего третий съезд мусульман заново принял постановление об отмене твердых цен. В постановлении съезда мусульман нашло отражение то, что если население края не будет обеспечено продовольствием, то в 1918 г. хлопок совсем не будет засеиваться, вместо него будут засеяны другие культуры [7, №16].

Купцы, представители местного населения занимались также благотворительностью. Например, один из богачей Ташкента А. Абдумаликов раздал жителям сотни махаллей Шайхантохурской части Ташкента по 2,5 мешка муки [27, №5]. Азим ходжа в Андижане предоставил беднякам хлеб по таксовой цене [22]. Кроме того, махалли помогали голодающему населению продуктами питания, одеждой [1]. Однако, такая помощь не была широко распространена.

В заключение необходимо отметить, что в Туркестанский край в этот период начали привозить сельскохозяйственные продукты из других регионов Российской империи. Однако продукты привозились недостаточное. По этой причине увеличивались цены на продукты питания постоянно. В результате снижалось количество потребляемых продуктов населением. Это явно можно увидеть, когда проанализировать потребление продуктов питания одной семьи в сутки. В частности, некоторые семьи не могли себе позволить потреблять необходимые продукты для жизнеобеспечения. Особенно эта ситуация обострилась в период первой мировой войны.

В 1917 году социально-экономическое положение еще более ухудшилось. Пришедшее к власти Временное правительство продолжало шовинистическую политику и в первую очередь обеспечивало продовольствием русскоязычную часть населения. Они не учитывали интересы многомиллионного

местного населения Туркестана. Национальные прогрессисты Туркестана проявляли недовольство данным положением, и на своих съездах и заседаниях обсуждая эти вопросы, пытались найти решение данной проблемы, обращались к правительству и другим организациям с петициями. По инициативе Краевого Мусульманского совета для местного населения отдельно были созданы продовольственные комитеты, и они вели деятельность по обеспечению населения продовольствием.

Список источников и литературы

1. Ал Изоҳ. – 1917 – №13.
2. Баранов Е. Городская дума о дороговизне // Туркестанский курьер. – 1916. – №58.
3. Данные переписи 1917 г. / Труды ЦСУ. Т.2. Вып.7. – М., 1923.
4. Е-вич. Мясное продовольствие Ташкента // Туркестанские ведомости. – 1914. – №10.
5. Знамя свободы. – 1917. – 6 июля.
6. Знамя свободы. – 1917. – №133.
7. Кенгаш. – 1917.
8. Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т.II. – Новый Маргелан: Типография областного правления, 1891. – 479 с.
9. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 1. Поволостные итоги Самаркандской области. – Ташкент: Изд-е ЦСУ Туркеспублики, 1924. Приложение № 4.
10. Меры борьбы с дороговизной // Ферганская жизнь. – 1916. – №64.
11. Морковин В. Дороговизна пищевых продуктов и их недоброкачественность // Туркестанские ведомости. – 1907. – №56.
12. Мясной кризис // Туркестанское слово. – 1916. – №18.
13. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань: Типография императорского Университета, 1886. – 244 с.
14. Наша газета. – 1917. – 27 июня.
15. Отчет о деятельности Туркестанского экономического Совета за февраль-октябрь месяцы 1921 г. – Ташкент: Изд-е ТЭС, 1922. – 423 с.
16. Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Часть 1. – СПб., 1911. – 419 с.
17. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1947. – 232 с.
18. Русский Туркестан. – 1905.

19. Русский Туркестан. – 1906.
20. Средне-Азиатский экономический район. – Ташкент: Изд-е ТЭС, 1922. – 128 с.
21. Тимаев К. Совещание по дороговизне // Туркестанский курьер. – 1916. – №58.
22. Турк эли. – 1917. – №1.
23. Туркестанские ведомости. – 1898. – №83.
24. Туркестанские ведомости. – 1917.
25. Туркестанский голос. – 1916.
26. Туркестанское слово. – 1917. – №7.
27. Улуғ Туркистон. – 1917.
28. Фарғонада чорвачилик (Скотоводство в Фергане) // Туркистон вилоятининг газети. – 1903. – №35.
29. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае – Спб., 1908. – 512 с.
30. Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование / Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент: Типолиитография В.М.Ильина, 1904. – С.1–495.
31. Юферев. Хозяйство сартов Ферганской области. – Ташкент, 1911. – 76+48 с.
32. Хуррият. – 1917. – №10.

В.Н. Макарова

**Жизнь в провинции в годы революции
глазами петербургского кадета
(по воспоминаниям А.А.Алексеева)**

Александр Александрович Алексеев – русский эмигрант первой волны. Он родился в 1901 г. в Казани, детство провел в Константинополе, где его отец служил военным атташе. Мальчик рано остался без отца. В юности учился в Санкт-Петербургском кадетском корпусе. В лихолетье революции и Гражданской войны, петербургский кадет приезжает к родственникам в Уфу.

Историю пребывания в Уфе и Оренбурге в период Революции и Гражданской войны мы и хотели бы предложить Вашему вниманию. Речь идет о времени, проведенном мальчиком в Уфе, в семье дяди – адвоката, присяжного поверенного Анатолия Никандровича Полидорова, одного из лидеров партии кадетов и его мобилизации на фронт.

«... Февральская революция свершилась... Казалось в Петрограде было все спокойно, но начались проблемы с продовольствием. Приближались пасхальные каникулы, и мне разрешили не возвращаться после них к последующему семестру и остаться до осени в Уфе, у дяди Толи. Путешествие мое должно было продлиться три дня... Поезда брали приступом. Вооруженные солдаты разбивали прикладами стекла и пролезали в окна. В конце пятого дня прибыл в Уфу», – вспоминает А.А. Алексеев [2].

Он поселился в доме своего дяди, здание находилось на Рыночной площади, на углу Пушкинской и Соборной улиц. Дом принадлежал наследникам купца Гирбасова. О нем следует упомянуть отдельно. Гирбасов Михаил Миронович – уфимский купец 2-ой гильдии, член уфимского отделения Государственного банка, имел свою типографию в Уфе. Был известен своей благотворительной деятельностью. Купцы Гирбасовы проживали также в уездном городе Елабуга в Вятской губернии.

«Из многочисленных окон, выходящих на площадь, три имели цельные стекла – редкий шик даже для Петербурга. В доме было два парадных входа, один из которых, главный, вел в апартаменты, а другой, с соседней улицы – в рабочие кабинеты. Этот незнакомый мне особняк был обставлен современной мебелью, по изяществу сравнимой лишь с мебелью шикарных кают-компаний на больших волжских пароходах. Полки библиотеки

были заставлены дорогими книгами и художественными журналами, которых я до этого никогда не видел. В столовой находился фонограф – по тем временам новшество, а на стенах висели современные картины, писанные маслом. Больше всего меня удивило то, что посреди разных украшений из дерева, в так называемом русском стиле, был прикреплен к стене кнопками заголовок из газеты. На маленьком бумажном прямоугольнике была напечатана красными заглавными буквами фраза: «ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ КРОВОПРОЛИТИЯ».

Большую часть времени дядя Толя отсутствовал, зато столовую заполняла своим ароматным присутствием моя дородная молодая тетя. Вечерами, когда моего маленького кузена Сережу отправляли в спальню, тетя Катя и я оставались сидеть за столом друг против друга. Горничная приносила два или три бумажных мешка с семечками. У каждой нации есть своя манера проводить время. Мы с тетей Катей грызли семечки и разговаривали. Она мне рассказывала, что она и ее сестра были дочками купца из Уфы, настоящего купца, ведающего целыми азиатскими караванами. Он сам три раза ездил в Пекин – за одну жизнь больше не сделаешь и, привозил оттуда всевозможные диковины, редкие шелка, безделушки, раковины.

У тети Кати и ее старшей сестры были очень красивые голоса, светлые волосы и голубые глаза. Обе брали уроки пения и мечтали стать оперными певицами. Ольга вышла замуж за торговца пшеницей из Петербурга. В тетю Катю был влюблен уральский миллионер. Она мне показывала свое сокровище – шкатулку из сандалового дерева. Из нее она доставала и читала длинные письма, которые он посылал с почты или телеграфировал из купе 1-го класса Великого европейского экспресса...

В другой раз она рассказала мне о молодости моего дяди. Сын несчастного протоиерея Никандра, Анатолий подавал большие надежды и учился на юридическом факультете в университете Ярославля. Он влюбился в дочку знатного купца, и, молодые тайно обвенчались. После церемонии в сельской церкви, они договорились встретиться утром следующего дня и сбежать вместе. Но судьбе было угодно другое. Приехав заранее, Анатолий поднялся на свой пароход, который должен был плыть вверх по течению. Молодая жена задерживалась, и он перешел на другой, пришвартованный к их борту, который тут же отчалил и поплыл в противоположном направлении. Так он оказался в Уфе. Снял маленькую комнатку, в том самом доме, где тетя рассказывала эту историю. Молодой адвокат открыл свою контору, практика приносила ему достаточно средств, чтобы вести элегантную жизнь. По утрам он катался на лошади, а дочь домовладельца с восхищением смотрела на него из окна своей комнаты.

....В 1903 г. красноречивый адвокат взялся защищать рабочих революционеров с такой горячностью, что из защитника сам превратился в обвиняемого. В соответствии с административными правилами, его приговорили к ссылке «в места не столь отдаленные» [2].

Дядя Алексеева – Полидоров Анатолий Никандрович был помощником присяжного поверенного. В годы первой русской революции был выслан из Уфы за принадлежность к Уфимскому революционному кружку на четыре года, считая срок с 22 января 1906 г. До Тобольска ехал на собственный счет в сопровождении конвоира. 25 января выехал в Березов. Предполагал заняться изучением Тобольского севера. Участник первомайской демонстрации ссыльных. С разрешения губернатора 23 мая выехал в Тобольск. По неизвестным причинам с ведома властей 19 июня выехал в с. Демьянское. 23 февраля 1907 г. получил разрешение отбыть оставшийся срок ссылки в г. Бугуруслане [3].

Как выясняется из воспоминаний А.Алексеева, осужденный помощник уфимского присяжного поверенного за время ссылки успел обзавестись семьей, у него родился сын Сергей. *«Когда, конвоируемый жандармами, он вышел из дома, вслед за ним выскочила Катя и закричала: «Я еду с тобой!». Жандармы воспротивились, но не смогли помешать девушке нанять другого кучера, и, нагнать их на первой же стоянке. Катя стала жить вместе с Анатолием на принудительном поселении в маленькой деревне, куда ссылали известных революционеров... Среди прочих там был и Троцкий. Про которого тетя сказала, что у него мания величия, и утверждала, что он сравнивал себя с Петром Великим. Затем чету направили в Иркутск, где у них родился мой славный кузен Сережа.*

Когда семилетняя ссылка окончилась, Анатолию установили место жительства в Уфе, ограничив его перемещение окрестностями города. Эти ограничения не распространялись на Катю, поскольку они не были женаты. Она сказала, что это вопрос их убеждений. Это положение «ненастоящей семьи» исключило Катю из «общества» Уфы. Я ни разу не видел, чтобы к ней приходила какая-нибудь женщина. Интерес, который она находила в моем обществе, следовало наверняка объяснить ее крайним одиночеством. От мамы я узнал, что мамой моей маленькой кузины Людмилы, которой исполнилось уже три года, была вовсе не Катя. Анатолий, продолжавший погуливать «на стороне», прижил этого ребенка от своей секретарши. Катя приняла девочку и относилась к ней, как к своей собственной дочери.

Таяние снега, прилет птиц, солнечное небо отметили весну 1917 г. в Уфе совершенно особой восторженностью; все мы – и люди, и птицы – были счастливы. Весь город будоражило. По городу проходили демонстранты и несли красные транспаранты с лозунгами, которые выражали

гордость и надежду на чудесное будущее. Я помню одну демонстрацию, которая проходила под нашими окнами. За красными знаменами и транспарантами проплывали шесты, на концах которых – словно орлы на римских штандартах – болтались какие-то мелкие золотые предметы, блестящие на солнце. Сначала я никак не мог рассмотреть, что это такое, но потом понял: это были кандалы и цепи каторжников, кандалы моего дяди, которые теперь возносились к небу, как символ обретенной свободы.

Вскоре в городе состоялись первые гражданские похороны. Теперь траурный кортеж напоминал праздничное шествие: черный флаг катафалка заменили на красный, а серебряную кайму – на золотую. Вместо религиозных псалмов пели революционные гимны. «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...». Недалеко от рыночной площади на бакалейной лавке сменили вывеску; на новой – красной, желтыми буквами было написано: «Совет солдатских и рабочих депутатов».

Снег растаял, и плавучий мост восстановили. Наш дворник Кузьма, мой маленький кузен Сережа и я, часто отправлялись в тележке, запряженной жеребцом Башкиром, на другой берег и долго там катались за предместьем нижнего берега, которое по-русски называлось Волей. Кузьма был еще и плотником, учил столярному делу моего кузена. Это он научил меня искусству вырубать цельное корыто при помощи одного лишь топора. Я просил его научить меня колоть дрова...

В разгар лета 1917 г. жители Уфы, неподалеку от городского вокзала увидели крестьянскую повозку, груженную огромным сундуком. На нем спиной к вознице восседал мужчина и невозмутимо читал газету. Его звали Давид Давидович Бурлюк. Этот художник-живописец – олекун и друг Маяковского – был футурист, известный в обеих столицах...» [2].

Давид Давидович Бурлюк был не только одним из основоположников и теоретиков русского футуризма, но и живописцем, и графиком, поэтом и писателем, литературным критиком, издателем. В Уфе он больше известен как художник. В Башкирском государственном художественном музее имени М.В.Нестерова хранятся 37 его картин. Это самая крупная в России музейная коллекция произведений Д.Бурлюка. В фонде Национального музея РБ находится 13 работ. Работы, в основном, связаны с пребыванием художника в Башкирии с 1915 по 1918 гг. По единодушному мнению обывателей-современников, художник, проживавший в годы Первой мировой войны в Иглино (Белебеевский уезд Уфимской губернии) и наезжавший в столицу губернии, скрывался от мобилизации.

В одном из своих писем из Америки он признается: «Уфа – дорогой мне город. Спасибо, что вы храните мои картины... Привет другу юных дней

Тюлькину. Ваши Давид и Маруся» (Маруся – Мария Никифоровна Еленевская – жена Давида Бурлюка).

Из автобиографического очерка «Лестница лет моих» (Нью-Йорк, 1924) можно узнать вехи его жизни. Родился 21 (9) июля 1882 г. на Украине. Учился в Сумской, Тамбовской и Тверской гимназиях, затем в Казанской художественной школе. Посчастливилось ему работать и за границей: во Франции и Германии. Талант художника раскрылся после возвращения на родину. В сферу его литературного окружения входили поэты Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Василий Каменский, Алексей Крученых... Во время войны его не призвали на военную службу, поскольку у него не было одного глаза. Весной 1915 г. Давид Бурлюк с женой обосновался на станции Иглино Самаро-Златоустовской железной дороги. Искусствоведы отмечают, что некоторые картины были им написаны в Иглино, в Буздяке, деревнях Байраш, Каран... Среди уфимских работ Давида Бурлюка особо выделяют небольшую картину «Красный полдень» (1918). «Башкирский» период жизни охватывает 1915- 1918 гг. За эти годы он «написал более 200 картин». А еще, он «был образцовым поставщиком» сена в армию. Бурлюк часто проезжал в Уфу, подружился здесь с художником Александром Тюлькиным. Александр Эрастович вспоминал, как уходили они с гостем на этюды в уфимские овраги, в живописные уголки, где среди бурьяна и чертополоха постигал он замечательные уроки живописи. Во время неоднократных приездов в Уфу он останавливался у врача Владимира Ишерского в доме 16 по улице Александровской (ныне Карла Маркса). Д.Бурлюк оставил заметный след в формировании художественной среды в Уфе. И уфимцы не остались в долгу. В 1916 г. в Уфе в здании Губернского музея была организована первая персональная выставка картин художника. Она сопровождалась брошюрой «Пояснения к картинам Давида Бурлюка, находящимся на выставке» (Уфа, 1916). Семья Бурлюков выехала из России в 1920 году, вначале в Японию, затем в Америку. Там художник и скончался в городе Лонг-Айленд 15 января 1967 г. [4].

Свидетелем этой выставки был и юный кадет Алексеев. Встреча с эпатажным художником очень впечатлила его, а его тетя купила даже несколько картин Д.Бурлюка. *«Господин Бурлюк был гением рекламы: после постановки своего прибытия в город, очень откомментированного в прессе, он председательствовал на вернисаже с лицом, раскрашенным в зеленый цвет. Его левый глаз был закрыт нарисованным фингалом, а в бутоньерке торчала кофейная ложечка. «Гвоздем» выставки был трупик настоящей мыши, приколотой в центре маленького натюрморта, написанного маслом. Все полотна были распроданы за один день: тетя Катя купила пять. После отъезда Бурлюка был организован Женский комитет для пропаган-*

ды изящных искусств в Уфе. Среди зимы в Уфе были расклеены объявления: «СКОРО в Уфе – открытие Школы изящных искусств под попечительством знаменитого художника Давида Давидовича Бурлюка. Начало занятий в ближайшее время в новых помещениях школы. Плата за весенние занятия 300 рублей. За справками обращаться к такому-то петроградскому академику, по такому-то адресу» [2].

Бездеятельность действовала угнетающе и, А.Алексеев решил записаться на художественные курсы. Этот опыт практически не дал ничего для становления будущего художника, который оценивал их как «посредственное образование». Курсы были организованы с коммерческой целью и не оправдали себя. *«Член Академии, молодой человек с белой бородкой, одетый в красивый комплект цвета синего горизонта, проявил неожиданную почтительность. Он проводил меня в ателье художника. Разговаривал со мной как с взрослым. Обольщенный, я переживал своего рода метаморфозу: из младшего я становился равным. «Здание еще не достроено – говорил он мне, школа откроется не раньше чем через шесть недель, но приемная открыта после обеда». Будучи в списках будущих учеников, я мог уже рисовать здесь гипсовые слепки и пользоваться библиотекой. Нет, для этого не надо было вносить задаток. Я проводил там все вечера. Попечительство Бурлюка было простеньким предложением для рекрутирования учеников, но весь набор состоял лишь из трех студентов. Свое посредственное образование я получил в компании трогательной молодой особы с темно-синими глазами и некоего поручика, отважно мазавшего повсюду фиолетовые тени» [2].*

В своих воспоминаниях Александр Александрович касается политических взглядов членов семьи, разные убеждения дяди и тети обострили застарелые семейные конфликты.

«...Дядя Анатолий был членом партии конституционных демократов, партии либеральной и правоверной... Тетя Катя была левой социал-революционеркой. Своим убеждениям она следовала со страстью, напоминавшей религиозный фанатизм ее предков. Однажды, сидя на моей кровати между мною и Сергеем, она выхваляла большевистские тезисы, пытаясь убедить сына, которому было двенадцать лет. Она показала нам манифест и программу коммунистической партии. Я изучил их с великодушием молодости: честно и серьезно... Постоянная смена властей была на протяжении всей Транссибирской магистрали: пока чехи держали вокзал, белое командование правило городом. Потом все менялось местами. Мы узнавали об образе сегодняшнего правления по тому, чьи подписи и печати красовались внизу листовок, расклеенных на палисадах: комиссарские или генеральские?»

Фамилии многих комиссаров, присланных из Москвы, были мне известны из рассказов тети Кати. Когда большевики держали город в своих руках, левые входили в состав исполнительного комитета и тетушка моя становилась «на короткой ноге» с властью. Политические разногласия между дядюшкой и тетушкой подогревались страстями гораздо более личными и настоящими. Семейные конфликты, скрывааемые в обычные времена, находили в гражданской войне предлог, чтобы заявить о себе открыто. Как-то ночью, в период оккупации большевиков, дядя был схвачен патрулем и посажен в тюрьму. Там он провел несколько месяцев. Положение мое в доме, который больше не был дядюшкиным, но был тетушкиным, становилось тяжким. ...В поисках заработка я ходил на Биржу Труда.... Там толпа ждала нанимателя, который не появлялся. В течение недель не было ничего, кроме одного и того же объявления: «Требуются опытные шляпники». Я оставался безработным.

После новых пулеметных очередей дядя мой был выпущен на свободу; власть сделалась «белой». Но это освобождение было недолгим: скоро красные вновь взяли Уфу. Каждую ночь мы ждали, не позвонит ли дверной колокольчик. И вот как-то утром нас разбудили до зари. Некто в гражданском, командир патруля, попросил «переговорить» с дядюшкой. Анатолий, Катя, брат ее Шеша, который как я знал был предан Анатолию, своему опекуну, – все мы столпились в прихожей. Зная, что Шеша вооружен, я шепнул ему на ухо: «Будем обороняться?» «Не усердствуй, ответил он мне, Анатолий этого не хочет ни в коем случае». Так патруль из пяти человек умудрился задержать три сотни «нарушителей» – одного за другим на протяжении трех месяцев. Каждый из арестованных полагал, что лучше не сопротивляться и отдаться «в руки закона»...

По воскресеньям тетя Катя ходила в тюрьму на свидание с Анатолием. Однажды она сказала: «Анатолий хочет тебя видеть. В воскресенье пойдешь со мной». (Во время встречи Полидоров расспросил племянника о планах и занятиях, обещал оплатить занятия на художественных курсах – прим. авт.). Больше я не видел дядю Анатолия. На следующий день тетя Катя по его просьбе послала ему Библию и одеяло» [2].

Весна 1918 г. мало чем напоминала революционную весну прошлого года. Как отмечает Алексеев, «не слышно было больше голоса манифестантов». Власть в Уфе захватили белые. Перед этим красные посадили заключенных на баржу и отправили вниз по течению реки. Среди них были лидер уфимских кадетов П.П.Толстой, директор частной мужской гимназии А.Ф.Ница, лидер уфимского отделения СРН Г.А.Бусов, владелец электростанции Н.В.Коншин, член Учредительного собрания и башкирского областного Шуру Ш.А.Манатов.

В их числе оказался и дядя Александра – Анатолий Николаевич Полидоров, осужденный двенадцать лет назад как член уфимского революционного кружка и проведенный семь лет в ссылке за свои убеждения. Баржа проплыла Бирск, где некоторым сердобольным горожанам удалось снабдить узников продуктами и одеждой. Через два дня баржа оказалась на Каме, у села Николо-Березовка. Пленников высадили на берег и поместили в здании школы. Но вскоре их вернули на баржу и отправили в сторону Сарапула. Судьба заложников стала печально известна через год, после возвращения в Уфу, сошедшего с ума, сторожа баржи. Из его рассказов узнали, что три сотни пленников были высажены в открытом поле и казнены под предлогом попытки бегства. Было убито девять человек [1]. Среди них был и А.Н.Полидоров.

Кадет Алексеев был зачислен, тем временем, в состав полка, который по его словам насчитывал «всего-навсего двести человек». Он пишет о том, что их кормили одним капустным супом и постоянно держали в полном неведении. Вскоре их отправили на переподготовку в Самару, оттуда осенью 1918 г. он едет в кадетский корпус Оренбурга. По дороге в новое место назначения, Александр взял трехдневный отпуск, чтобы навестить родных в Уфе.

«Петроград и Москва оставались в руках у красных. Линия фронта гражданской войны приближалась к нам. Из Самары по ночам можно было увидеть всполохи горящей Казани, – вспоминает он эти дни. – Две железнодорожные дороги, одна – на Сибирь, другая – на Туркестан, были в руках у белых, но им угрожали банды всякого рода, которые переходили из лагеря в лагерь в зависимости от обстановки. Ни их численность, ни зоны боевых действий не были известны из-за их нестабильности. То они распадались, то объединялись в призрачные царства под руководством деспотов или комитетов заговорщиков. Поскольку банкноты уже не поступали из столиц, эти региональные правители чеканили собственную монету. В Уфе почтовому отделению поручили печатать почтовые марки на бristolской бумаге: недостающая сумма вырезалась ножницами. Рынки были закрыты, деньги мало на что годились. Чтобы питаться, надо было воровать, воевать или выменивать предметы, провиант или политическое влияние. Значение последнего колебалось, как алгебраические числа, и, могло легко менять отрицательный знак на положительный.

Вот уже восемнадцать месяцев, как я разлучен с матерью и братьями кровавым хаосом гражданской войны. Я ничего не знал о судьбе дяди Анатолия и собирался оборвать связь с последним другом, который у меня еще оставался, с тетей Катей.

Под впечатлением таких мыслей ночью я вошел в дом моего дядюшки. Я не узнал квартиру: она показалась мне унылой и темной. Комнату, кото-

рая была моей, сдали молодой женщине-дантисту. В этой сделке Катю интересовали документы врача-дантиста, позволяющие покупать на государственной фабрике бутылки со спиртом, которые стоили дороже золота» [2].

Через три дня кадет отправился из Уфы в Оренбург. Он никогда не был в этом городе, хотя именно там родились его отец и мать. Любопытны описания попутчиков Александрова, сопровождавших его из Уфы в Оренбург. В поезде находились одни мужчины. «Исчезновение воинской дисциплины и отсутствие тканей стимулировали фантазию и изобретательность. Этот маскарад имел свое значение: все были незнакомы, а посему судили по одежке. Поскольку это время было особенно страшно для слабых (женщин и штатских), они старались добавить к своей одежде какие-нибудь воинские атрибуты: обмотки, фуражку или сапоги.

Подобно тому, как Директория создала моду на щеголей, вооруженных дубинками, русская революция породила свой тип элегантности, символизирующей насилие. Какой-то фонфарон нацепил на грудь пулеметные ленты с патронами, к ремню подвесил одну или две гранаты разных моделей, а также один или два патронташа с сигаретами и банкнотами. Он носил с собой повсюду русскую винтовку-семизарядку за неимением немецкого маузера с двенадцатью патронами. Если бы он мог, то добавил бы к этому еще и револьвер. Подобные битюги внушали уважение.

Другой пройдоха выделялся иностранной фуражкой и пиджаком с бесчисленными карманами, который называли френчем по имени генерала. Карманы были забиты документами, украшенными печатями неизвестного происхождения на всякий случай.

Натуры, склонные к идеализму, выбирали более утонченную маскировку, как, например, один лейтенант, возвращающийся с фронта, молодой человек серьезного вида, в мирное время учитель. Он был одет в приталенный френч из синего сукна с большими карманами, пышные полугалифе и солдатские обмотки. Он показался мне эдаким кондотьером в полукафтани и длинных штанах. Этот кавалерийский офицер старался походить на авиатора.

Урюмые солдаты в шинелях без хлястиков, без погон и без пуговиц тащили тяжелые мешки, предназначенные для барахолки.

Наконец, один молодой казак из Читы демонстрировал отлитые из олова черепа, которые были пришиты на его меховой шапке, на погонах, на груди – повсюду. Этот редкий экземпляр, попавший сюда издалека, вызывал всеобщее восхищение.

О петроградской моде, в которой героями дня были сутенеры, мы судили по частушке:

*«Я милого узнаю по походке:
Он носит, носит брюки галифе,
А шляпу он носит на панаму,
Ботиночки он носит на ремнях» [2].*

Позже он преодолел сотни километров зимнего пути с группой таких же юнцов и с санным обозом от Уфы до Транссибирской железной ветки, а потом через всю Сибирь и Дальний Восток мучительно добирался до Владивостока. Оттуда – через Китай, Японию, Индию, Египет – в Европу. За весь этот путь, полный драматических потрясений, вплоть до испытания цингой, обморожением, голодом, нищетой – он «тысячу раз избегал смерти», видел, «как человек корчится на земле с пулей в животе».

Воспринимая обрушившиеся на него испытания как ступени необходимого для творческого человека духовного роста, он писал об этом: *«Я не думал, что наш исход – это несчастье. Напротив, я считал, что это исследовательское путешествие и, значит, подарок судьбы. Я с любопытством наблюдал неизвестный мне мир, от которого ограждало меня изнеженное воспитание. Как я жалел, что не могу писать красками!»*

В 1921 г. после странствий и лишений, становится жителем Франции. Судьба Александра Александровича Алексеева – замечательного кинорежиссера, аниматора, художника, иллюстратора книг – сродни судьбам тех русских эмигрантов первой волны, у которых жизнь на Западе сложилась в высшей степени успешно. Имя его известно в нашей стране давно, но лишь среди специалистов мультипликаторов, как автора игольчатого экрана. Данная технология была успешно использована для создания пиксельного телевизионного изображения. В 1996 г. в стенах Национального музея Республики Башкортостан прошла выставка, посвященная его творчеству. Алексеев всю жизнь вел дневники и, как пишет его дочь, был баснословным рассказчиком ИСТОРИЙ.

Список источников и литературы

1. Егоров А.В. Уфимские заложники // Башкирский край. – Вып. 5. – Уфа, 1994. – С. 9.

2. Алексеев А. Забвенье, или сожаление. Воспоминания петербургского кадета // Киноведческие записки. Историко-теоретический журнал. – 2002. – № 56. – С. 272–296.

3. Хазиахметов З.Ш., Букин А.Ф. Протоколы III съезда политических ссыльных Тобольского уезда. 1–5 сентября 1906 г. // Омский научный вестник. – 2002. – Март. – Вып. 18. – С.12–17.

4. <http://ufa-gid.com/ocherki/khudozhnik-burlyuk-zhil-i-tvoril-v-ufe.html>.

УДК 929

Х.М. Абдуллин

**Командующий войсками Казанского военного округа
Александр Генрихович Сандецкий:
поступки и восприятие обществом в 1917 г.**

«Нигде значение отдельной личности не может быть так велико, как в армии... В течение трех лет мне пришлось быть свидетелем такого единоличного влияния, но в обратном отражении: командование войсками Казанского военного округа генералом Сандецким наложило печать моральной подавленности на жизнь округа на многие годы» [1, с.169]. Такими словами начинается глава «В Казанском округе» в книге «Старая армия» знаменитого военачальника периода Первой мировой и Гражданской войн Антона Деникина.

Александр Генрихович Сандецкий родился 17 августа 1851 г. Образование получил во 2-м Константиновском училище и Николаевской академии Генштаба. С 30.3.1890 начальник штаба 38-й пехотной, с 25.11.1891 – 1-й гренадерской дивизии, с 12.4.1895 – Забайкальской области. С 12.7.1899 командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, с 25.1.1904 начальник 34-й пехотной дивизии, с 15.3.1906 командир гренадерского корпуса. С 24.9.1907 командующий войсками Казанского военного округа. С 18.4.1910 генерал от инфантерии. С 7.9.1912 член Военного совета [2, с.544–545].

Эти сухие цифры формулярного списка военнослужащего вряд ли подскажут нынешнему исследователю все перипетии и особенности карьерного роста героя данной статьи. Однако совсем иначе они воспринимались современниками А.Г. Сандецкого. Тот же генерал А.И. Деникин в своих мемуарах отмечал: *«Карьера ген. Сандецкого не совсем обычна. Офицер Ген. штаба, не слишком преуспевавший по службе, в 1904 г. он был начальником 34 пех. дивизии, стоявшей в Екатеринославе. Первая революция, отозвавшаяся*

крупными беспорядками и в этом городе, выдвинула ген. Сандецкого, который, действуя быстро и решительно, подавил восстание. В 1906 г. мы видим его уже на посту командира Гренадерского корпуса в Москве...

К этому времени все Поволжье пылало. Край находился на военном положении, и не только все войска округа, но и мобилизованные второочередные казачьи части, и регулярная конница, прибывшая с западной границы, несли военно-полицейскую службу для усмирения повсеместно вспыхивавших беспорядков. Командовавший в то время войсками Казанского округа ген. Карас – человек мягкий и добрый – избегал крутых мер и явно не справлялся с делом усмирения. Не раз он посылал в Петербург по телеграфу ходатайства о смягчении приговоров военных судов, – приговоров, определявших смертную казнь и подлежавших... его подтверждения. Так как к тому же телеграммы эти не зашифровывались, председатель Совета министров Столыпин усмотрел в действиях Караса малодушие и желание перенести одну казней на него или на государя. Караса уволили; назначили неожиданно для всех Сандецкого.

Сандецкий наложил свои тяжелые руки – одну на революционные элементы Поволжья, другую – на законопослушное воинство.

В первом же годовом Всеподданнейшем отчете нового командующего проведена была параллель: в то время как ген. Карас за весь год утвердил столько-то смертных приговоров (единицы), он, ген. Сандецкий, за несколько месяцев утвердил столько-то (сотни). Штрих – характерный: принятие мер жестоких бывает иногда не только правом, но и долгом; похвалиться же этим не всякий станет» [1, с.169–170].

С началом Первой мировой войны А.Г. Сандецкий был назначен временно командующим войсками Московского военного округа, руководил проведением мобилизации, подготовкой и формированием подкреплений. С 24 апреля 1915 г. был зачислен в распоряжение Верховного главнокомандующего [2, с.544–545].

В Московском военном округе А.Г. Сандецкий продолжил применять свои солдафонские методики на практике: «Московским округом... стал командовать надменный генерал Сандецкий. И владела им дичь недоучивать новобранцев, как можно больше и скорей посылать на фронт необученных солдат, не умеющих ни стрелять, ни вперевежку. И особенно люто он изгонял на фронт недолюбленных офицеров, где они и воевать не могли, а домирились от своих болезней. Врывался на медицинские осмотры и вмешивался. Вот один случай, не попавший в газеты лишь оттого, что пострадавший смолчал. Освидетельствовался офицер, у которого от ранения были скрючены на правой руке четыре пальца. Комиссия постановила уволить его от военной служ-

бы, Сандецкий возмутился, приказал офицеру положить больную руку на стол – и трахнул по ней кулаком изо всей силы. Все четыре пальца – сломал, офицер лишился сознания» [3, с.158]. Наверно, благодаря именно таким случаям, генерал-лейтенант А.С. Лукомский, с июня 1917 г. ставший начальником штаба Верховного главнокомандующего, назвал А.Г. Сандецкого в своих воспоминаниях «безобразно грубым начальником» [4, с.47].

Говорят, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Но это в полной мере удалось генералу А.Г. Сандецкому. С 8 августа 1915 г. он вновь был назначен командующим войсками Казанского военного округа. Стиль его управления конечно же не изменился, если не сказать более. И это при том, что Казанский военный округ являлся одним из крупнейших в стране. Его общая площадь составляла почти 2 миллиона квадратных верст, населения – около 25 миллионов человек. На 1 января 1917 г. войска Казанского военного округа дислоцировались в 98 населенных пунктах. Крупные гарнизоны располагались в городах Казань, Самара, Екатеринбург, Царицын. В Поволжье находилось 60 гарнизонов, в состав которых входили 53 запасных пехотных, 4 артиллерийских и 2 пулеметных полка, 1 казачье войско, 8 отдельных казачьих сотен, 3 полка кавалерийского запаса, 9 дружин ополчения, а также десятки других военных учреждений; в их составе находилось свыше 500 тысяч солдат и офицеров (около 70% личного состава округа). На Урале размещались 38 гарнизонов: 26 запасных пехотных полков, Сибирский стрелковый полк, 2 казачьих войска, 8 дружин ополчения, 180 других военных подразделений; общая численность военнослужащих составляла свыше 250 тысяч человек. На территории округа находилось более 30 военных заводов, свыше 20 госпиталей и лазаретов [5, с.80].

Если говорить о численности, то здесь не было постоянных цифр в связи с непрерывной отправкой маршевых рот на фронт, набором новобранцев и прибытием раненных с фронта в тыловые гарнизоны. И все же, контрольные данные для Казанского военного округа могут дать представление о количестве военнослужащих в интересующий период. К 7/20 декабря 1916 в Казанском военном округе насчитывалось 45741 человек постоянного состава и 615590 человек переменного, всего 661331 военнослужащий. К 15/28 сентября 1917 г. – 28876 человек постоянного состава и 248731 человек переменного, всего 277607 военнослужащих [6, с.230].

Такой многотысячный военный коллектив, конечно же, таил в себе огромные противоречия бытового, политического, сословного, классового, национального и религиозного характера. Наложило свой отпечаток на текущее положение и ухудшающаяся экономическая ситуация.

Приступив к выполнению обязанностей командующего войсками Казанского военного округа, А.Г. Сандецкий немедленно был вынужден решать эти довольно острые вопросы. В одном из своих докладов Генеральному штабу от 17 октября 1915 г. за № 2175, А.Г. Сандецкий недоумевал, что мобилизационный отдел Генерального штаба предъявил к округу требование об обязательной высылке на фронт в течение сентября-ноября 1915 г. по 800 маршевых рот, что соответствовало 200 000 человек в месяц. При этом за тот же временной период было необходимо выслать в другие округа еще до 40 000 человек [7, с.21].

Не могли не найти воплощение в деятельности А.Г. Сандецкого и личные взгляды, которые, впрочем, он и не скрывал никогда. Даже при императорском дворе он подчеркивал свою не любовь к немцам: «Говорят, великая княгиня Елизавета Фёдоровна стала обличать Сандецкого, но её отношения с царственной сестрой испорчены, а тут Сандецкий стал её самоё травить в Москве как немку» [3, с.158]. В Казанском военном округе, где традиционно много проживало немцев – потомков колонистов А.Г. Сандецкий также себя не сдерживал. В ноябре 1915 г. он разослал в подведомственные ему запасные части телеграмму, в которой подчеркивал необходимость «с немцев-колонистов снять новое обмундирование, выдавать поношенное, но все же приличное, разбить поротно, и назначить в караулы и на работы» [8, с.268].

В 1916 г. валовой урожай хлеба уменьшился на 17% по сравнению с предыдущим годом, а по сравнению с 1913 г. и вовсе на 25%, хотя имевшиеся в стране запасы могли обеспечить потребности населения. Тем не менее, расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления, в том числе и тыловые гарнизоны, такие как Казань [9, с.202]. Все это, а также общее продолжающееся ухудшение экономической ситуации в стране приводило к народным волнениям. На их усмирение направлялись солдаты тыловых гарнизонов, сами в своем большинстве выходцы из крестьян. Понятно, это не вызывало у военнослужащих ничего кроме раздражения. Начали множиться случаи отказа солдат от усмирения волнений. Имеющий богатый опыт командования в период революционной ситуации А.Г. Сандецкий отличился телеграммой губернаторам и начальникам гарнизонов, в которой потребовал решительных действий местных команд. По его словам, местные команды вызываются, не для того, чтобы быть наблюдателями происходящих беспорядков. Тут же прописывались и меры по отношению к нижним чинам, проявившим слабование при подавлении беспорядков или ставшими их соучастниками – военно-полевой суд с приведением приговора в исполнение в тот же день [10, с.134–135].

Солдаты также в полной мере испытывали трудности гражданской жизни: дороговизну товаров и бытовое неустройство. К этому следует прибавить и армейские проблемы: усталость от службы, недовольство офицерами, занятиями,

плохое продуктовое и вещевое довольствие [11, с.197–204; 12, с.834]. В одном из донесений Казанского военного округа на имя начальника Генерального штаба А.Г. Сандецкий указывал, что «...в округе не было обмундирования, в этом я убедился лично, исполняя в начале июля повеления Верховного главнокомандующего по осмотру батальонов Казанского военного округа, что мною и было помещено в отчете, представленном Верховному главнокомандующему» [7, с.16–17]. Здесь А.Г. Сандецкий вел речь о необходимости обмундировать 32 240 ратников, находящихся в запасных батальонах Казанского военного округа и подлежавших отправке на пополнение в воинские части других округов. Переписка по данному поводу возникла в виду того, что пополнение было отправлено в округ в личной верхней одежде и выданных батальонами лаптях [13, с.92–99].

7 января 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу №30 А.Г. Сандецкий как нельзя лучше охарактеризовал восприятие действительности нижними чинами казанского гарнизона, и их отношении к идущей уже третий год войне: «5-го сего января осмотрел команды, выделенные из первого и второго дивизионов 2-й запасной артиллерийской бригады для особого назначения. Нижние чины по своему внешнему виду, отсутствию всякой выправки у большинства из них и по незнанию даже самых главных сведений, обязательных каждому рядовому, представляют собою новобранцев, прибывших в часть не более одной недели. Эти нижние чины не знают даже для чего они призваны на службу, когда окончится война, какие неблагоприятные последствия ожидают нашу родину в случае не благоприятного исхода, совершенно не проникнуты дисциплины и присяги...» [14, с.51]. Апатия, давно уже охватившая все слои русского общества, постепенно перерастала в недовольство, особенно у самых низших слоев населения, к которым относились и нижние чины. Недовольство и протест приобретали самые разнообразные черты.

Одной из форм протеста, несомненно, являлось дезертирство, и оно прогрессировало. Если с начала войны в июле 1914 г. и до революции в феврале 1917 г. число официально зарегистрированных дезертиров составило немногим более 195 000 человек, то к ноябрю 1917 г. число явных и «скрытых» дезертиров достигло более двух миллионов человек [6, с.246]. По свидетельству Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, пополнения из тыловых батальонов прибывали на фронт уже с «25%-ной утечкой солдат, разбегавшихся по дороге» [15, с.51–76]. Приказом №14 по Казанскому военному округу от 4 января 1917 г. А.Г. Сандецкий объявил, что еще 25 октября 1916 г. при осмотре маршевых рот 141-го пехотного запасного полка, оказалось, что из состава 94-й очередной роты пополнения самовольно отлучились 73 нижних чина, за что командованию был объявлен выговор [14, с.34].

Разительные перемены произошли и в русском офицерском корпусе. За годы войны представлявший элиту русского общества офицерский

корпус был значительно размыт выходцами из низших слоев общества. В военных училищах и школах прапорщиков удельный вес выходцев из крестьян составлял 38%, мещан – около 25% [16, с.353]. Эти выходцы из среды мещан и крестьян имели гораздо больше общего с солдатскими массами, нежели чем с относившимися к ним свысока аристократическими офицерскими и генеральскими кругами. Многие представители старого офицерства и не скрывали своего отношения к новым командирам. Так, известный боевой генерал В.И. Гурко негативно отзывался о новом офицерстве, «вышедшем из среды банщиков и приказчиков», утверждая, что оно «восприняло от старого самые нехорошие стороны» [12, с.838].

При этом аристократические командные круги не понимали новых реалий, усталости военнослужащих, чаяния нового офицерства, не говоря уже о солдатских массах. Например, 10 января 1917 г. командующим Казанским военным округом А.Г. Сандецким был подписан приказ №55, замечательно характеризующий пропасть между старой военной аристократией и основной массой военнослужащих, преимущественно из нового офицерства: «По дошедшим до меня сведениям, в некоторых полках округа устраиваются танцевальные вечера. По условиям настоящего времени, когда Отечество требует напряжения всех сил, когда каждый из нас по долгу присяги обязан всю свою энергию посвящать исполнению служебных обязанностей, устройство танцевальных вечеров считаю положительно неуместным и приказываю воспретить подобные увеселения в полках и вообще участие офицеров в танцах в общественных местах. Кроме сего вновь подтверждаю о том, чтобы полковые оркестры не играли вне полка» [14, с.74].

В январе-феврале 1917 г. продовольственное снабжение гражданского населения составило менее четверти намеченного объема. Продовольственные проблемы в эти два месяца приобрели наибольшую остроту. Правительство не могло обеспечить продовольственное снабжение даже рабочих оборонных предприятий, которые состояли на особом учете и пользовались преимуществами по сравнению с другими [12, с.322]. Приказ по Казанскому военному округу №374 от 28 февраля 1917 г. за подписью А.Г. Сандецкого как нельзя лучше характеризует экономическое положение простых солдат в эти дни: «За последнее время установлено, что значительное число нижних чинов отправляемых из запасных частей в составе рот и команд пополнения, прибывают на театр военных действий, не имея, не редко, до двух третей выданного им обмундирования, каковое они продают во время остановок в пути и на станциях назначения эшелонов» [14, с.539].

К началу 1917 г. не помогало уже и религиозно-милитаристское обеспечение войны. Отчасти это было связано с тем, что уровень религиозности офицеров был невысок [17, с.78]. В одном из январских приказов по Казан-

скому военному округу А.Г. Сандецким отмечалось, что при осмотре «рот пополнения нередко замечается, что на развитие религиозного, нравственного и патриотического чувства призываемых обращается очень мало внимания. Вся подготовка нижних чинов в этом отношении выражается зачастую лишь в требовании заучивания тех немногих мест, которые имеются в общеобязательных сведениях для рядового, при чем даже и эти, сами по себе конспективные сведения не разъясняются во всей полноте, не передаются понятным языком, почему и зазубриваются только самые слова, без понимания заключающегося в них внутреннего содержания» [14, с.31]. Можно констатировать, что к началу 1917 г. прежние ценностные ориентации солдат сместились. Это явственно выявилось, когда уже после Февральской революции Временное правительство отменило обязательность причастия и удельный вес причастившихся резко упал. Однако, как отмечают исследователи, чаще солдаты требовали от священников изменения привычных текстов молитв, вплоть до включения в них мольбы за мир «без аннексий и контрибуций». Участились случаи откровенного богохульства, либо желание помолиться «кабы знать» за кого [18, с.127–128; 19, с.136].

Вся совокупность экономического кризиса, микро и макроконфликтов в среде военнотружущих послужила питательной средой для поддержки и участия военных в Февральской революции. Это было характерно не только для двух столиц, но в полной мере касалось и поволжского региона. Конечно, командующий Казанским военным округом А.Г. Сандецкий 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции [20, с.33]. Подобная позиция престарелого, монархически и аристократически ориентированного командующего, естественно, не могла остановить объективные процессы преобразования, но вполне объясняла последующие шаги революционных, в том числе и военных масс по отношению к самому А.Г. Сандецкому.

Впрочем, подобные процессы проходили по всей стране: в первые дни марта «солдатские депутаты» под угрозой убийства вынудили уехать из Воронежа командира 8-й пехотной запасной бригады генерал-майора К.Д. Тимковского; в Луге был арестован, а затем убит солдатами генерал Г.Г. Менгден; в Выборге – арестован комендант генерал-лейтенант А.К. Петров; были арестованы командующие войсками Московского, Иркутского, Омского, Приамурского и Казанского военных округов. В Казанском военном округе, кроме того, были отстранены от должности 8 из 13 начальников запасных бригад (один из них, генерал-майор М.А. Бем, был убит, 5 арестованы) [21, с.196].

Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади Казани вместе с рабочими и студентами приняли участие и солдаты Казанского гарнизона, по тем или иным причинам оказавшиеся в центре го-

рода. На следующий день командующий округом А.Г. Сандецкий вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по военному округу. Однако он опоздал. Военные массы были настроены крайне решительно по отношению к командующему, скомпрометировавшему себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта [20, с.35].

4 марта в 9 часов вечера состоялось первое заседание Временного военного комитета Казанского гарнизона. На собрании присутствовали офицеры и нижние чины, представлявшие военнотружущих из 94-го, 95-го, 164-го, 240-го пехотных запасных полков, 2-й Казанской школы прапорщиков, Казанского артиллерийского склада, 686-й пешей Казанской дружины государственного ополчения, 2-й артиллерийской бригады, Штаба Казанского военного округа и 93-го госпиталя. В приказе №2 Временного военного комитета Казанского гарнизона по поводу собрания отмечалось, «что настроение солдатских масс крайне возбуждено и требует немедленного принятия мер для локализации этого возбуждения. Первыми и настоятельными требованиями частей гарнизона были – немедленное арестование: командующего войсками округа генерала от инфантерии Сандецкого, состоящего для поручений при командующем войсками генерал-лейтенанта Язвина, начальника 13-й пехотной запасной бригады генерал-майора Файдыш и коменданта города Казани генерал-майора Комарова». Собрание по этому поводу постановило их «немедленно арестовать». Кроме того был избран исполнительный комитет Временного военного комитета Казанского гарнизона. Председателем этого комитета и одновременно комендантом города был избран командир 94-го пехотного запасного полка полковник Дмитрий Николаевич Григорьев. После чего общее собрание было закрыто и продолжилось заседание исполнительного комитета, завершившееся составлением и отправкой в Петроград телеграммы следующего содержания: «4-го марта в Казани организован временный военный комитет по охране безопасности города. Командующий войсками округа Сандецкий по настоятельному требованию войск всего гарнизона арестован. Командование войсками округа им передано начальнику штаба Добрышину. В городе спокойно. Просим назначения командующего войсками округа» [22, без указ. стр.].

Несмотря на арест, уже 7 марта 1917 г. А.Г. Сандецкий был назначен членом Военного совета, однако 27 марта он был уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. В июле 1917 г. по докладу главного военного прокурора военный министр А.Ф. Керенский приказал передать военно-окружному суду Московского военного округа дело А.Г. Сандецкого, предполагалось, что оно будет слушаться в октябре 1917 г., но произошла задержка и суд к этому вопросу уже не возвращался [2, с.545].

Дальнейшая судьба генерала от инфантерии А.Г. Сандецкого сложилась трагически, впрочем, как и у большинства царских генералов оставшихся в советской России. Одним из последних людей видевших еще живым престарелого генерала был член подпольного «Союза Защиты Родины и Свободы» В.Ф. Клементьев: *«В Бутырку мне пришлось ехать в «воронке» вместе с бывшим грозой Московского, а потом Казанского военного округа генералом Сандецким. Тюрьма и обстоятельства сильно изменили его. В осунувшемся и сильно скорбленном седом старичке вряд ли кто-либо узнал бы прежнего властного генерала. В нашей группе люди разные были: старые, молодые, рабочие, студенты, военные – постарше и помоложе. Но все с жалостью относились к едва державшемуся на ногах старику генералу. Все, должно быть, знали, что жить ему осталось недолго. В декабре 1918 года большевики расстреляли Сандецкого»* [23, с.293].

Генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий является одной из ярких, но сильно противоречивых фигур России на переломе эпох. Кадровый военный, не участвовавший ни в одной военной кампании, но дослужившийся, во многом благодаря подавлению народных масс, до полного генерала пехоты Российской империи; в то же время человек прямой, строго придерживавшийся своего мнения и говоривший в лицо даже фигурам императорской фамилии нелюбимые вещи; самодур и формалист, ненавидимый в годы своего могущества, как ни странно, совместно и солдатскими массами, и офицерско-генеральскими кругами; человек старой формации, который так и не смог перестроиться и понять произошедшие в обществе и стране перемены ни в 1905, ни в феврале 1917 г.

Список источников и литературы

1. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 512 с.
2. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 463 с.
3. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 томах (Редактор-составитель Наталия Солженицына) – Т. 9. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках: Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 1. – М.: Время, 2007. – 592 с.
4. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / составл., предисловие, комментарии С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 750 с.
5. Татарская энциклопедия в 5 томах. – Т.3: К-Л. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2006. – 663 с.
6. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2014. – 91 с.

7. Ежов Н. Военная Казань в 1917 году: краткий очерк. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 86 с.

8. Фролова К.В. Немецкий вопрос в Самарской губернии в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. – Вып. 2. – Самара, 2014. – С. 266–275.

9. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.

10. Шайпак Л.А. Общественно-политический процесс в Поволжье и армия на рубеже XIX – начала XX вв. // Вестник Военного университета. – 2009. – № 4 (20). – С. 134–138.

11. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). – Орел: ОГУ, 2005. – 317 с.

12. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.

13. Шайпак Л.А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. – 2007. – № 1(9). – С. 92–99.

14. Приказы по Казанскому военному округу. – 1917 г. – №1–511.

15. Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. – М.: ИРИ РАН, 1999. – С. 51–76.

16. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 218 с.

17. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск: Омский государственный университет, 2011. – 260 с.

18. Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции. – М.: Госполитиздат, 1960. – 286 с.

19. Прайс М.Ф. Русская революция. Воспоминания о 1917–1919 годах // Вопросы истории. – 1967. – № 11. – С. 134 – 144.

20. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. – Самара: Самарский университет, 2002. – 324 с.

21. Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. – М.: Русская панорама, 2012. – 272 с.

22. Приказ №2 от Временного военного комитета Казанского гарнизона // Приказы по Казанскому военному округу. – Казань: [б.и.], 1917. – №1–511.

23. Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). – М.: Русский путь, 1998. – 448 с.

Е.В. Миронова

Формирование народной милиции в Казанской губернии после Февральской революции

28 февраля 1917 г. Временный комитет Государственной думы издал постановление об аресте всех чинов наружной и тайной полиции и Отдельного корпуса жандармов [1, с. 128]. Само название прежних правоохранительных органов в сознании многих жителей России было связано с царским режимом, политической реакцией и произволом. Поэтому полиция была упразднена, а нижние чины уволены. Но государство не могло существовать совсем без органов правопорядка. И 3 марта было объявлено о замене полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным местным органам самоуправления [1, с. 129]. 4 марта министр внутренних дел и председатель Временного правительства князь Н.Е. Львов упраздняет должности губернаторов и передает их полномочия председателям губернских земских управ, которые становятся комиссарами Временного правительства. Они должны были помогать местным органам самоуправления в реформировании правоохранительных структур.

17 апреля было издано «Временное положение о милиции». Согласно этому документу руководство территориальными отделениями и набор сотрудников возлагалось на начальника милиции. Каждый уезд и наиболее крупные города губернии, где до этого имелась своя полиция, теперь также имели отдельные милицейские отряды. Штат милиции состоял из начальника, его помощников, участковых начальников, их помощников, старших милиционеров и милиционеров. Размер окладов и штатов определялись земствами и городскими думами. Расходы на содержание милиции распределялись между министерством внутренних дел, городскими думами и земскими собраниями. Соответственно начальники милиции непосредственно подчинялись земским и городским управам, в пределах губернии ими руководил губернский комиссар, а общее руководство осуществлялось министром внутренних дел [2, с. 186–192].

В Казани распоряжение о замене губернаторов комиссарами было получено 6 марта. Временно исполняющий должность губернского комиссара В.В. Молоствов немедленно разослал в уездные земства телеграммы местным председателям управ об их назначении на посту уездных комиссаров и сооб-

шил им, что полиция реформируется в милицию распоряжением местных самоуправлений. Молоствов рекомендует не распускать полицию, прежде чем не будут набраны милиционеры. В качестве кандидатов на эти должности он рекомендует нижних чинов, уволенных с военной службы, но не лишенных способности служить в милиции, а также оставить прежних полицейских, «которые перешли возраст, связанный с отправлением воинской повинности, сочувствуют новому строю и своими качествами удовлетворяют требованиям службы».

Как правило, роспуск старой полиции происходил без проблем, поскольку против неё была настроена большая часть населения. Кроме того, сдерживающим фактором для полицейских, не желающих оставлять свои посты, служили военные, настроенные на поддержку революции. Так, в Чистополе исправник Лаврентьев был отстранен от должности местным начальником гарнизона генералом Ковальским. Но случались и эксцессы. 8 марта начальник станции Шихраны Удобников телеграфировал в Казань, что в Цивильском уезде полиция осталась на своих местах, спрятали оружие, приставы организуют нападения на воинские чины, ведется черносотенная пропаганда. Он просит прислать воинскую команду для ареста полицейских и спокойной организации милиции. В последующем полицейских, подходящих по возрасту для несения военной службы, отправляли на фронт. Но и им оказывалась помощь. Когда исполком комитета общественной безопасности узнал о бедственном положении членов семей бывших полицейских, то обратился к городской управе с ходатайством выплатить каждому городовому двухмесячное жалованье, которое они получали до увольнения [3].

В основном, формирование народной милиции производилось демократическим путем. В Казани начальник милиции был избран комитетом общественной безопасности (КОБ) [4]. В Чебоксарах выборы производились всеми гражданами города, достигшими 21 года, без различия пола [4]. В селе Большое Фролово Тетюшского уезда избрание членов волостной милиции производил сельский сход [5]. Но в Чистополе уездный и городской начальник милиции был назначен уездным комиссаром Нератовым, правда, по соглашению с начальником гарнизона, городским головой и местным временным комитетом общественной безопасности.

Начальниками милиции становились лица совершенно разного статуса и профессии. Для этой должности существовал возрастной ценз – кандидат должен быть не младше 21 года и требовалось образование не ниже среднего [2, с. 187]. Возглавлять городскую милицию в Казани был избран полковник Владимир Александрович Геркен. Юрист по образованию, он состоял преподавателем местного военного училища по законоведению и пользовался большим авторитетом у юнкеров. Также некоторое время он находился в составе воен-

ного суда, но будучи убежденным противником смертной казни, оставил этот пост. Геркен был уже человеком в преклонном возрасте, но, по свидетельству корреспондента «Камско-Волжской речи», «еще очень бодрый и крепкий» [4]. Однако такая характеристика оказалась преждевременной, и уже через месяц Геркен оставил эту должность по болезни, а вместо него комитетом общественной безопасности был назначен присяжный поверенный М.С. Бухов [6].

В Чебоксарах уездным начальником милиции первоначально стал городской судья Михаил Николаевич Бочаров [7]. Но уже в мае его обязанности выполнял замещающий эту должность большевик К.Я. Грасис. К этому времени он был начальником милиции уже довольно длительный период, поскольку 6 мая его сменил сельский учитель с институтским образованием Роднов. Формальным поводом к смещению Грасиса стало его избрание лишь горожанами и жителями окрестных деревень, а не уездом через своих представителей, но газета «Камско-Волжская речь» утверждает, что истинной причиной стала его деятельность. Если верить заметке, то почти все бумаги подписывались не Грасисом, а помощником начальника Корюлиным. Он проводил в управлении милиции ежедневно по 10–15 минут, свободное время посвящая политической агитации. На собрании комитета ударял по столу кулаком и называл его членов крайне оскорбительными словами [8].

В Чистополе, по назначению уездного комиссара, временным главой милиции стал офицер местной школы прапорщик подполковник Дыбов. Полноценные выборы проходили не столь гладко. Намеченные на первом соединенном заседании городского и уездного КОБов 20 марта кандидаты на должность начальника милиции – агроном Асанов, помощник присяжного поверенного Лапков, чиновник банка Шитов и штабс-капитан Свищев – от баллотировки отказались. Избранный заочно поручик Дароватовский также не пожелал занять этот пост. В итоге только на следующем заседании 22 марта неостребованную должность согласился заместить инспектор мелкого кредита Ложкин [9].

Частая смена начальников милиции и нежелание кандидатов избираться на эту должность объяснялась трудностью работы и низким жалованьем. Оклад начальников милиции был равен окладу бывших исправников и полицмейстеров, установленному законом 23 октября 1916 г. [2, с. 185] и не увеличивался. Однако галопирующая инфляция 1917 г. превращала это жалованье в ничтожную сумму. Между тем препятствий в работе встречалось огромное множество.

Прежде всего, не хватало кадров. Козмодемьянский городской голова Бычков сообщал, что у них нет ни воинских чинов, ни нижних офицеров, а также «интеллигентных сил», требуемых для временной милиции. В Чисто-

поле начальник милиции Ложкин просил КОБ разрешить ему набирать женщин из-за недостатка мужского населения [9]. Начальники милиции и уездные комиссары пробовали оставить на службе прежних полицейских. В Чистополе комиссар попросил полицию остаться на своих постах, лишь переименовав форму на вольную и переименовавшись в милицию. Но когда тоже самое было произведено в Арске, возмущенные жители отправили в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обращение, в котором называли полицию преступной, обвиняли её в потворстве погрому, бывшему в городе и требовали немедленно удалить полицейских [10, с. 36–37].

Недоверие к прежним правоохранительным структурам проявлялось не только в негативном отношении к бывшим полицейским, но и к полиции как целому. В селе Большое Фролово, когда уездный начальник милиции предложил оставить в милиции тех полицейских, которые по возрасту не подходят для отбывания воинской повинности, сельский сход заявил, что считает некоторых из полицейских хорошими, но оставлять их не желает [5]. Таким образом, и такой способ пополнения милиции был практически невозможен.

Между тем в уездах начались беспорядки, крестьяне начинали самовольно отбирать частновладельческие земли, громить имения, в городах росло количество преступлений. Те немногочисленные милицейские силы, что имелись в наличии, не могли сдерживать эти волнения, и командование Казанского военного округа отрядило солдат для помощи милиционерам и охраны важных объектов, вроде государственных учреждений, заводов, складов и пр. Только к середине – концу мая заканчивается формирование милицейских отрядов, и военных постепенно отзывают из уездов. Уже 7 мая Казанский совет рабочих и солдатских депутатов стал запрашивать губернского комиссара Временного правительства, когда будут отозваны военные отряды, вызывающие недовольство населения, и сформирована милиция. 15 мая губернский комиссар рассылает в уезды просьбы поторопиться с набором милиционеров, поскольку с 1 июня все офицеры и солдаты будут отозваны в свои части. 24 мая губернский КОБ просит штаб военного округа оставить в каждом уезде по 50 человек, так как там не вполне спокойно и милиция еще не сформирована. Однако уже 27 мая оказывается, что во всех уездах милиция сформирована. В Мамадышском уезде, правда, из 51 конного милиционера и 27 пеших, запланированных по штату, имелось только 42, но, тем не менее, солдаты, посланные для охраны, были отпущены. В Чебоксарах милицейский отряд был укомплектован, однако местный КОБ попросил оставить 25 военных для охраны винного завода, казначейства и пр.

Новая милиция должна была не просто заменить полицию в деле охраны порядка, но и поддерживать статус революционного органа. Перед пасхой

начальник казанской милиции выпустил приказ, в котором указывал, что прежняя полицейская традиция ходить по домам и получать «на чай» должна быть забыта, поскольку унижает чувство собственного достоинства милиционера как свободного гражданина [3]. Тем не менее милиция, особенно сельская, иногда сама становилась на путь нарушения закона. Так, 7 марта помещица Мария Дельвиг телеграфирует губернатору Боярскому, еще не зная, что он уже не губернатор, из своего имения ТурминскоеСвияжского уезда. По её сообщению, крестьяне во главе с милицией избили приказчика и сторожа, угрожают увозом сена.

Новообразованная милиция была слаба и не могла противостоять стихийным митингам. Когда 13 мая толпа захотела арестовать казанского городского голову В.Д. Боронина, виня его в продовольственных трудностях, начальник милиции Бухов не только не смог утихомирить разбушевавшийся народ, но и вынужден был доставить Боронина на гауптвахту [11].

В Чистопольском уезде беспорядки приняли угрожающий характер. Угроза исходила как от крестьянства, требовавшего разрешения аграрного вопроса, так и от черносотенцев и преступников. Начальник главного управления милиции Сидамон-Эрихов, чтобы прекратить попытки захвата частновладельческих земель, вынужден был обратиться к губернскому комиссару с просьбой разъяснить Чистопольскому съезду крестьянских депутатов, что это вопрос может быть решен только Учредительным собранием.

10 июня было созвано соединенное собрание комитетов для обсуждения создавшегося в Чистополе и уезде положения и по вопросу о борьбе с преступным элементом и союзом русского народа, но, по всей видимости, эффективных мер принято не было, поскольку в селе Черемуховая слобода 20 августа черносотенцы сорвали выборы волостного земства и избили председателя избирательной комиссии. Для расследования этого инцидента были посланы из Чистополя начальник милиции, районный начальник и 4 милиционера, но толпа, поддерживавшая погромщиков, освободила их и напала на милиционеров. Тем пришлось спасаться бегством, отстреливаясь от нападавших. Для защиты жителей было послано 10 юнкеров и 10 солдат, но уездный комиссар просил дополнительную подмогу.

После Октябрьской революции первоначально крупных реформ в милиции Казанской губернии не видно, по всей видимости, она осталась примерно в том же составе.

Можно сказать, что попытка создания в губернии новых правоохранительных органов после Февральской революции оказалась неудачной. Во-первых, ставшие во главе милиции выборные лица не обладали необходимым опытом. В лучшем случае, это были военные юристы, в худшем – пред-

ставители гражданских профессий, никак не связанных с правоохранительной практикой. Они не могли вести квалифицированную следственно-розыскную деятельность, что делало практически невозможной профилактическую работу и следствие по преступлениям. Таким образом, милиция имела чисто охранительную функцию, но и в этой сфере её эффективность была невелика. Возникали проблемы с набором сотрудников, начальники милиции постоянно менялись, финансирование находилось на низком уровне. К охране порядка привлекались военные, но только в экстренных случаях. В результате росла преступность, власть не могла последовательно проводить в жизнь свои распоряжения и защищать законы, поскольку не имела для этого силы. В результате слабость органов правопорядка стала одним из факторов, которые привели к нарастанию недовольства в народе и сравнительно легкой смене власти в октябре 1917 года.

Список источников и литературы

1. Рыбников В.В., Алексушин Г.В. История правоохранительных органов Отечества: Учебное пособие. – М.: Щит-М, 2008. – 296 с.
2. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 1. – Отдел 2. – № 80. – СПб.: Гос. тип., 1917. – 555 с.
3. Камско-волжская речь. – 1917. – 29 марта.
4. Камско-волжская речь. – 1917. – 8 марта.
5. Камско-волжская речь. – 1917. – 23 марта.
6. Камско-Волжская речь. – 1917. – 6 апреля.
7. Камско-волжская речь. – 1917. – 9 марта.
8. Камско-волжская речь. – 1917. – 20 мая.
9. Камско-волжская речь. – 1917. – 11 апреля.
10. Документы по истории Октября в Татарии. – Казань: Татарское книжное издательство, 1973. – 212 с.
11. Камско-волжская речь. – 1917. – 14 июня.

Е.В. Афонина

Деятельность уездных комитетов общественной безопасности в 1917 году (на примере Свяжжского уезда)

После свержения самодержавия, началось крушение местных государственных аппаратов. Доверие населения к старым органам власти было утрачено, поэтому они поддержали создание абсолютно нового – комитета общественной безопасности.

15 апреля 1917 г. Казанским Губернским комитетом общественной безопасности была утверждена инструкция о создании комитетов общественной безопасности в уездах, для исполнения руководящих постановлений Губернского комитета и для управления делами уезда. Возглавлять этот комитет должен был избранный Уездный Комиссар. Текущими и срочными делами, заниматься исполнительный орган, состоящий из не менее 7 человек, выбранных из членов Комитета. Соответственно образуются волостные сельские и поселковые Комитеты, которые выбираются прямым, тайным и всеобщим голосованием. Уездный комитет должен состоять из одного представителя от каждой волости (избранный Волостным Комитетом), представителей земства, города, рабочих и других общественных организаций. Но если в уезде, волости или селении уже организован на демократических началах комитет, и население согласно с его деятельностью, то не следует создавать новую организацию [4, л.70].

Постановлением от 21 апреля 1917 г. «Об отпуске средств на содержание исполнительных комитетов общественных организаций» Временное правительство разрешило их финансирование из средств губернских и уездных органов управления.

В Свяжжском уезде Казанской губернии уездный комитет общественной безопасности был создан раньше, чем была утверждена инструкция. Комитет объявил, что является органом верховного управления в уезде, исполнительным – земское собрание (земская управа), которая ему подчиняется. Члены совета уездного комитета получают такое же вознаграждение, как и члены уездной земской управы. Уездным Комиссаром был избран бывший председатель земской управы Г.В. Каменев.

В НА РТ сохранился протокол заседания от 12–13 апреля 1917 [3, л. 76]. На заседании присутствовали 53 чел.– 8 представителей земства – члены эко-

номического совета, остальные – представители от волостей. Первоначальной задачей комитета было создание новых органов власти в уезде, и поэтому комитет упразднил волостные правления, вместо них во всех волостях назначить волостные комитеты; обязанности сельских старост возложил на сельские комитеты. Был решен вопрос о размерах вознаграждения членам волостного комитета. Он устанавливался самим комитетом, члены правления получают ежемесячно, а члены комитета и совета посуточно, не более 2 руб. в день.

Было принято решение ассигновать из средств земства на приобретение агитационных изданий одну тысячу двести рублей, причем должны быть брошюры и на татарском языке.

Следующим вопросом было определение полномочий волостных комитетов: «Волостной комитет должен заботиться не только о материальном благосостоянии лиц живущих в волости, но и о их духовном мире, а уездный комитет занимается общеуездными мероприятиями и проводит в жизнь постановления волостных комитетов.»

В этот период остро стоит вопрос о захвате частной собственности в том числе «земельный передел». Уездный комитет общественной безопасности объявляет населению уезда через волостные комитеты, что переделы земель в этом году нигде не производились, исключая Сатламышское и Верхне Актаршское сельские общества, т.к. из земель этих обществ вышли отрубщики (т.е. кто вышел из сельской общины). И по ходатайству Ключищенского сельского общества была произведена передвижка полос. Но отмечалось, что если земля использовалась не для удовлетворения нужд, а для эксплуатации, то она может быть передана новому нуждающемуся арендатору. Дело о переделе земли предоставлено в ведение волостных комитетов. Лес разрешается вырубать только для своей надобности, с согласия волостного комитета.

5 апреля 1917 г. временное правительство принимает закон о государственной монополии на хлеб, по которому излишки хлеба изымались по твердым ценам, а в случае обнаружения укрываемых запасов – по половине от твердой цены. Хлеб распределялся по установленным нормам. В соответствии с этим законом Свяжский комитет устанавливает цену на ржаную муку – 2 руб. за пуд, рожь сыромолотая – 1 руб. 42 коп., овес не сортированный – 1 руб. 58 коп., сортированный – 2 руб., пшеница – 2 руб. 50 коп. Хлеб должен выдаваться в количестве, установленном местным продовольственным волостным комитетом. Комитетом были установлены нормы потребления на одного человека – 2 пуда, лошадь – 40 п. до нового урожая, на одну корову – 9 п. и свинью – 4 п. до выгона.

Попытка ввести закон о хлебной монополии вызвала ожесточенное сопротивление деревни, в первую очередь – крестьянских общин. Местное на-

селение не подчинялось представителем новой власти, и поэтому было принято решение вооружить револьверами избранных волостными комитетами, начальников волостных милиций и милиционеров (заменившие полицейских). Им были выданы должностные удостоверения, а так же и соответствующие инструкции выработанные советом уездного комитета. Было назначено жалование: волостному милиционеру – 120 руб., его помощнику – 75 руб., младшим помощникам по 65 руб. в месяц.

Россия продолжала участвовать в войне, и комитет, что бы помочь солдаткам, организовал покос их земель, используя труд беженцев. Предложил привлечь местную сельскую интеллигенцию к организации работы на местах. Установить один день в неделю (воскресенье), день помощи миром.

На этом заседании комитета были проведены выборы в уездный комитет, временных мировых судей, уездного комиссара и начальника уездной милиции. В состав городского комитета общественной безопасности был включен один из членов Совета Свяжского уездного комитета общественной безопасности, и наоборот.

Каменев Г.В. отказался от должности Уездного комиссара и большинством голосов избран гражданин И.А. Майоров. Затем его кандидатура была одобрена Исполнительным Органом Губернского комитета безопасности [3, л.70].

На должность начальника уездной милиции большинством голосов избран Г.Я.Комаров. В НА РТ сохранилась телеграмма начальнику Штаба Московского военного округа от Казанского Губернского Комиссара Плотникова, в которой он просит перечислить прапорщика 65 Московского полка Г.Я. Комарова в Казанский военный округ как эвакуированного и причисленного 19 июля 1915 г. к разряду 3 категории для несения службы Свяжского Уездного начальника милиции по выборам граждан этого уезда [3, л. 110].

В Комитет должны были входить представители различных партий и учреждений и по мере возникновения новых организаций состав комитетов расширялся.

Казанский Губернский комитет общественной безопасности, контролировал деятельность уездных комитетов, направляя своих уполномоченных для выяснения положения общественных дел в уезде, для разбора и разрешения их на местах, а так же для установления в случае необходимости нужных организаций в пределах уезда. При этом у уполномоченного было удостоверение, по предъявлении которого должностные лица должны оказывать ему полное содействие [3, л. 95].

Свяжский уездный комиссар регулярно отчитывался господину губернскому казанскому комиссару о состоянии дела продовольствия и безопасности по уезду. Так 24 апреля 1917 г. он докладывает, что в уезде организованы ко-

митеты приблизительно на тех основаниях, какие были указаны в инструкции Губернского комиссара. Приняты меры по посеву яровых и овса, часть семян была взята из запасов Свяжского земства, а часть приобретена Уездным Продовольственным комитетом у частных владельцев. Весь этот овес продавался по удостоверениям Волостных комитетов и лишь крайне нуждающимся крестьянам за наличные деньги. Говоря о крестьянских волнениях, он отмечает, что они были в отдельных селениях и связаны с выборами на волостных или уездных съездах. И там, где шла борьба малоимущих слоев крестьянского населения с зажиточными. Они были малочисленными и к концу апреля практически закончились. Волнения происходили из-за захвата отдельными обществами частновладельческих земель. Но это было редко и кончалось мирно, так как либо население соглашалось на аренду земли, либо землевладельцы, соглашаясь с условиями времени, шли навстречу требованиям крестьян и отдавали все свои земли им в бесплатное пользование. Особой проблемой для комиссара был Юматовский волостной комитет безопасности. Этот комитет нанял 40 чел. солдат, для вырубki собственного леса с целью обесценивания земли и увеличения своих доходов. Что противоречило не только интересам местных крестьян, но и всего уезда. И шло в разрез смерами принятыми уездным съездом волостных делегатов для сохранения лесов. Уездный комитет безопасности принял решение прекращения вырубki леса и отозвание солдат [3, л. 113].

Все протокол заседания комитета направлялись Казанскому Губернскому Комиссару на утверждение.

22 июня 1917 г. Свяжским уездным комитетом общественной безопасности на заседании были утверждены 15 пунктов Временных обязательных постановления [2, л. 332]. С 1 по 8 пункты регламентируют штраф и сроки арестов за разные правонарушения, на пример, хулиганы за угрозы и оскорбления словом и действием арестовывались на срок от одной недели до одного месяца, за оскорблением должностного лица при исполнении – штраф от 2 до 20 руб. или арест от 2 до 10 дней. За появление в не трезвом виде в общественных местах – штраф от 5 до 50 руб. и арест до протрезвления. Виновных в хищении леса из бывших казенных, помещичьих, монастырских и частных теперь народных, лесных дач, приговариваются к аресту от 3 до 5 суток. Похищенный ими лес отбирается в пользу бедных и вдов солдаток.

Все штрафы поступают на просветительские цели в распоряжение того комитета, где совершено преступление.

Обязанности пожарного и дорожного старост возлагаются на начальника сельской милиции, избрав приговором в помощь ему от 1 до 4 помощников, по одному милиционеру – лучшего гражданина – от каждых 10 дворов. Сель-

ская милиция, первая после сельского комитета, несет ответственность за порядок в селении и на нее должна опираться правительственная власть.

В этих постановлениях даже регулировалось наличие у колодцев срубов требуемой высоты, содержание в чистоте мест, где население берет питьевую воду, уборку соломы между надворными постройками, как противопожарные меры.

Всех лиц самовольно, но не в виде кражи, захвативших чужое имущество, в т.ч. лес, оштрафовать до 30 руб., а при неуплате, арестовывать милицией до 15 дней. При этом имущество возвращается владельцу, лес – волостной земельной управе. Те, кто торгует винными суррогатами, штрафуются от 5 до 200 руб., с заменой арестом от 2 до 6 месяцев.

Но 23 сентября 1917 г. Губернский комиссар отменил пункты 1–8, 13–14 Временных обязательных постановлений, как незаконные и не подлежащие исполнению.

На том же на заседании Свияжского уездного комитета общественной безопасности от 22 июня 1917 г. Уездный комиссар И. А. Майоров отказался от должности. Был избран новый комиссар – гражданин Юматовской волости В.А. Паленин, получивший 17 избирательных и 2 неизбирательных шара [2, л. 11].

Постепенно деятельность Свияжского комитета становится менее активной. На заседании присутствуют не все представители. Председатель вынужден переносить заседания общего собрания из-за неявки большинства членов комитета.

На заседании 10 сентября председатель В.А. Паленин выступил с докладом о настоящем тяжелом времени в жизни Государства и призвал всеми силами поддерживать Временное Правительство. С этой целью из лучших граждан уезда образовать народную крестьянскую гвардию, которая помогала бы проводить в жизнь постановления Временного Правительства. Народная гвардия должна была быть вне влияния какой-либо партии и находиться в распоряжении уездного Комиссара.

Во время заседания была получена телефонограмма от командира 94 пехотного запасного полка, в которой сообщалось, что 120 солдат командированы в распоряжение Комиссара. Было решено: 120 солдат разбить на 12 частей и послать в 11 волостей уезда, а последнюю оставить в резерве в г. Свияжске.

Воинским чинам, командированным в уезд, поручить совместно с уездной милицией, ловить дезертиров и через сельскую милицию этапировать в распоряжении воинского начальника и содействовать членам продовольст-

венной управы и всем и уездным волостным и сельским властям в учете и реквизиции хлеба и скота.

Следующим вопросом был дело о торговцах суррогатами. Постановили образовать денежный фонд имени Народного дома Свяжского уезда и все штрафы взысканные постановлениями вносить через казначейство в этот фонд. Было разрешено начальнику уездной милиции продать все конфискованные спиртные суррогаты: денатурат, самогонку, тройной одеколон, лаки, политуру. Фунт одеколону по 2 руб., на одно лицо не более одного фунта, продавать лицам пользующимся доверием общества. Деньги, вырученные от продажи внести в созданный фонд. В этот же фонд был внесен добровольный штраф в сумме 280 руб., от граждан д. Сеитовой за похищенный ими лес.

Последний, протокол, сохранившийся в НА РТ от 8 октября 1917 г. [1, л. 2].

В начале заседания было принято решение допустить представителя Свяжского Уездного Союза Увечных Воинов И.П. Тимофеева на заседание с правом решающего голоса.

Главным на повестке дня были выборы, т.к. Уездный Комиссар В.А. Паленин и его помощник М.И. Саганов отказались от занимаемой должности. Было представлено 5 кандидатов, трое из них сразу отказались от баллотировки, а оставшиеся два не набрали нужного количества голосов. Было решено – выборы комиссара провести на следующем заседании. На должность помощника были выдвинуты 6 человек, 4 из которых до этого предлагалось баллотироваться на должность комиссара. Все намеченные кандидаты, кроме одного, от выборов отказались. Оставшийся кандидат не набрал нужное количество голосов, и выборы помощника также были перенесены на следующее заседание.

Актуальным был вопрос о борьбе с торговцами спиртными суррогатами. Представители от Губернского Совета Крестьянских Депутатов Н.Я. Гордеев и Мышев заявили что *«Волостные Комитеты пьянствуют, забывая возложенные на них обязанности и только за четверть самогонки выдают нуждающемуся населению хлеб»* [1, л. 4об.] и предложил принять меры против гонящих самогонку, торгующих и пьющих. Подчеркнув, что милиция, зная об этой ситуации, не принимает ни каких мер. Было решено, что всех лиц гонящих самогонку или другие напитки, торгующих и пьющих, немедленно задерживать и передавать милиции, для заключения под арест, а затем в уездный суд, с просьбой решения дела без очереди.

Затем обсуждался вопрос о продовольствии в уезде. Член Продовольственной Управы П.Е. Рожков доложил, что наличного хлеба в уезде всего 30 тысяч пудов, а по подсчету на весь уезд необходимо до 300 тысяч пудов.

Комитет постановил: «просить Губернского Комиссара и казанский Губернский Комитет помощи беженцам принять меры к выселению из пределов уезда беженцев и военнообязанных и Штаб Казанского Военного Округа о выселении пленных» [1, л. 5]. Это было необходимо, так как хлеба не хватало, чтобы прокормить жителей своего уезда. Если меры по выселению не возможны, то предполагалось просить: Продовольственную Управу предоставить для временно проживающих в уезде достаточное количество хлеба. Губернского комиссара и Совет Солдатских и Рабочих Депутатов помочь Свяжской Продовольственной Управе получить хлеб из Цивильского и Тетюшского уездов, хотя бы в обмен на сено. Местная милиция должна следить за тем, чтобы хлеб не вывозился за пределы уезда, и привлекать к судебной ответственности тех, кто будет в этом замечен. Просить Казанскую Продовольственную Управу отменить постановление о разрешении вывоза хлеба из Свяжского уезда.

Ввиду того, что Ширданская волость и г. Свяжск находились в очень критическом положении, что грозило безопасности в уезде, комитет постановил просить Совет Солдатских и Рабочих Депутатов заменить находящихся в имении Маркиза Паулуччи солдат другими и при содействии милиции взять немедленно из имения четыре тысячи пудов хлеба для волости и города.

Во время работы, представители города покинули заседание, не смотря на то, что в повестке был вопрос о нехватке продовольствия в Свяжске, не желая защищать интересы горожан. Было решено довести до сведения Свяжской городской думы, что их представители не соответствуют своему назначению.

В конце октября 1917-го комитеты общественной безопасности, прекратили свою работу, в связи с арестом Временного Правительства.

Список источников и литературы

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.1246. Оп.1. Д.24.
2. НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.37.
3. НА РТ. Ф.1246. Оп.1. Д.38.
4. НА РТ. Ф.1353. Оп.1. Д.1.

Большевики Саратова и их политические противники в 1917 году

Прошло ровно сто лет с тех исторических событий в нашей стране, которые, без всякого преувеличения, буквально потрясли весь мир. Революция 1917 г. в России вызвала к активной политической жизни многомиллионные массы людей, предельно обнажив их чаяния и идеалы, выдвинула на политическую авансцену лидеров различных партий и общественных движений, которые сыграли решающую роль в те роковые месяцы и дни. И сейчас настало время без эмоций и патетических восклицаний разобраться, кто был кто в Саратовской губернии в тот памятный революционный год.

История Саратовского края неотделима от истории России и то, что происходило в центре страны, находило зеркальное отражение и на периферии. И революционные события 1917 г. в «столице Поволжья» – это попытка социального переустройства в одном, отдельно взятом регионе России.

В данной статье сделана попытка показать линию поведения отдельных персонажей на этом крутом изломе истории, принадлежащих к разным политическим силам – яркого монархиста, губернатора С.Д. Тверского, меньшевика, Саратовского губернского комиссара Д.А. Топуридзе и большевиков – М.И. Васильева-Южина и В.П. Антонова-Саратовского. Им трудно давался политический диалог, каждый из них был одержим своей идеей, действовал согласно своих политических установок и пристрастий, и каждый считал себя правым.

Безусловно, серьезным катализатором трагических событий в России в 1917 г., явилась Первая мировая война, которая круто изменила жизнь людей империи, включая и Саратовскую губернию. Хотя тыловой статус её и накладывал определенный свой отпечаток: острота восприятия войны утрачивалась по сравнению с прифронтовыми территориями – население края по полной испытало все трудности того периода. Здесь формировались запасные воинские части, собирали пожертвования для нужд фронта, сюда привозили пленных и раненых. Аграрно-промышленный статус определил её роль в качестве поставщика продовольствия и боеприпасов для фронта.

Уже к осени 1916 г. в городе и губернии царила какая-то смутная тревога. Главной, может быть, решающей чертой положения была усталость от войны, стихийно разливавшаяся в широких массах. Страх перед голодом, скорбь об огромных потерях, безнадежное ощущение «войне не видно конца»

– все это создавало у людей растущее раздражение против власти, которая эту войну вела.

«Не будь войны, – отмечал В.И. Ленин в своей работе «Классовое сотрудничество или борьба с капиталом?» – Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов. При войне это объективно невозможно: либо гибель, либо революция против капиталистов. Так стоит вопрос. Так он поставлен жизнью» [1, с. 31].

Несмотря на эту социальную напряженность, Февральская революция стала для волжан, как и для большей части страны, полной неожиданностью; и когда это радостное известие подтвердилось, жителей Саратова буквально захлестнула эйфория от случившегося. Произошел резкий подъем общественной активности. Люди живо интересовались происходящим и требовали перемен. Как образно сказал один из лидеров большевиков М.И. Васильев-Южин: «Мы знаем, что старый режим свален улицей» [2].

Пожалуй, самым активным человеком, который рьяно пытался остановить ход истории и восстановить старый режим, был губернатор Саратовской области Сергей Дмитриевич Тверской. 1 марта, он составил текст телеграммы, адресованной Николаю II: «Получив известие о происшедших в столице событиях, доношу Вашему Императорскому Величеству, что мною приняты меры к сохранению спокойствия и законного порядка и дальнейшему снабжению действующей армии и тыла всем необходимым. Готов до конца исполнять верноподданнический долг. Прошу указаний Вашего Величества» [3].

Чуть позже петроградским властям поступила новая телеграмма из Саратова от оппозиционных царю кругов: *«Губернатор Тверской чинит препятствия печатанию телеграмм «Петроградского агентства», требует изменения текста, конфискует газеты. Полиция введена в редакции и типографии, препятствует печатанию»* [2].

Губернатор предупредил отцов города о необходимости действовать осторожно во избежание общественных беспорядков, напомнив собравшимся, что лично он по долгу присяги вынужден поддерживать старый режим и подавлять любые незаконные действия [4, с. 67]. Выступая перед депутатами, он вновь высказал опасения по поводу общественных беспорядков: *«Я знаю, по опыту, что самые лучшие чувства выброшенные на улицу, загрязняются, топчутся... События решат Петроград, Москва и армия, – заключил он, – здесь нужно просто ждать»*. Призывая Думу действовать так, чтобы избежать каких-либо демонстраций, он заявил, что намерен сохранять свой пост до тех пор, пока не будет Высочайшего приказа его покинуть: *«Я другой власти не знаю, – заявил он, – и употреблю все усилия, чтобы сохранить порядок»* [5]. Человек, в 1896 г. окончивший Императорское училище право-

ведения с серебряной медалью, до мозга костей монархист, прокурор Московского, затем – Уфимского и Нижегородского окружных судов, который был назначен губернатором одной из крупных губерний России – категорически отказывался верить в фатальность самодержавного строя. Без сожаления отверг предложение о сотрудничестве с Временным правительством и до конца своей жизни боролся за реанимацию царской власти.

Среди вновь созданных институтов управления самыми авторитетными первое время были общественные исполнительные комитеты. Именно они наиболее полно выразили демократический потенциал российского общества и народный характер Февральской революции. В телеграмме, направленной в Петроград 2 марта 1917 г., ОГИК сообщал, что он вынужден был взять власть «ввиду нежелания местной администрации примкнуть к новому правительству» [7, л.11].

Через некоторое время, ОГИК вновь напомнил правительству о том, что именно он является органом местной власти: «Соединенное собрание Саратовской городской думы с представителями общественных организаций и рабочих, избрав объединенный исполнительный комитет, взявший в свои руки управление городом и губернией, шлет вам горячие приветствия и пожелания скорейшей и полной ликвидации старого режима» [7, л. 9].

Одновременно с комитетами возник и активно стал действовать еще один влиятельный институт – Советы рабочих и солдатских депутатов. Советы и общественные исполнительные комитеты представляли интересы разных социальных потоков: первые – леворадикального, вторые – центристского. В первые дни революции, отношения между ними были вполне лояльными – и Советы и Комитеты были на виду, действовали в тесном соприкосновении [8, с. 319].

Обычно Советы признавали приоритет за общественными исполнительными комитетами, и для координации усилий и проведения совместной работы направляли в них своих представителей. Например, председатель Саратовского Совета В.П.Милютин и его заместитель М.И. Васильев-Южин были самыми деятельными членами общественного городского исполнительного комитета.

Советы согласовывали свои действия с Комитетами, помогали им в решении проблем, направленных на ликвидацию остатков самодержавия и укрепления демократических завоеваний.

Губернским комиссаром в Саратове пребывал Диомид Алексеевич Топуридзе, который сразу после возвращения в Саратов был привлечен к работе и в общественный исполнительный комитет и в Совет рабочих и солдатских депутатов. Пост губернского комиссара был доверен ему, думается, как разумной компромиссной фигуре, которая вроде бы ратовала за революцию, но

в то же время была против оголтелой и огульной революционной одержимости большевистских лидеров.

Являясь лидером меньшевистской группы в Саратовском Совете, он старался всегда мирно уживаться с представителями других политических сил. И в дальнейшем от своих меньшевистских убеждений Топуридзе никогда не отступал, противодействуя по мере сил любому проявлению партийного экстремизма.

Тот короткий, пятимесячный период, когда формально у руля местной власти, исполняя волю Временного правительства, стоял Топуридзе, характеризуется как время, когда в целом ситуация была еще управляемой и похожей на нормальную. Работали предприятия, базары, магазины, выходили газеты, заполнялись театры и кинематографы, в обычном русле находилась сфера образования и здравоохранения, цены были на все высокие, но продуктов было достаточно.

В октябре, когда началась осада здания городской Думы большевиками, где забаррикадировались саратовские сторонники Временного правительства во главе со смещенным уже губернским комиссаром, Д.А. Топуридзе руководил лично обороной бывшего законодательного органа. Последняя его акция в городе – это подписанное «Воззвание к гражданам Саратова», выпущенное 27 октября 1917 г. Призыв сплотиться вокруг Думы – «для защиты порядка и спокойствия» действия не возымел, и через два дня Дума, после переговоров с Советом и небольшой спонтанно возникшей перестрелки, пала перед лицом превосходящих сил сторонников Советской власти. Топуридзе сумел тайно покинуть здание Думы, и когда оно было захвачено, среди арестованных Диомида Алексеевича не оказалось. М.И.Васильев-Южин впоследствии злорадствовал в своих воспоминаниях: «Кажется, первым, кто пытался спасти свою шкуру, был Топуридзе – губернский комиссар» [9, с. 47]. Волна демократизации общества привела к оживлению деятельности политических партий, которые теперь перешли к открытой работе с людьми. Большевики сумели использовать эту ситуацию, чтобы попытаться на практике осуществить свою идеологическую доктрину.

В частности, большевики Саратова легализовали свою партийную организацию в марте 1917 г. Тогда она насчитывала только 150 членов, но в апреле – уже около 1500, в начале октября – почти 5000 членов. Дальнейшие события покажут, что именно эта партия оказалась наиболее мобилизованной к борьбе за власть, сплоченной и хорошо организованной [6, с. 511].

Лидерами саратовских коммунистов были М.В. Васильев-Южин и В.П. Антонов-Саратовский.

Михаил Иванович Васильев-Южин был убежденным большевиком, ярко проявил себя еще в годы первой российской буржуазно-демократической революции. Имел прекрасное образование: в 1910 г. выдержал экзамен (экстерном) за юридический факультет при Юрьевском университете. В начале Первой мировой войны, он жил в Астрахани, в 1915 году был арестован за агитацию и пропаганду среди рабочих и выслан в Саратов, где с головой окунулся в революционную деятельность. После Февральской революции Васильев-Южин принимал активное участие в организации Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов и в восстановлении губернской большевистской организации. Он выступал со статьями в новой газете «Социал-демократ», с докладами на конференциях и митингах, «решительно разоблачая соглашательскую политику меньшевиков и эсеров». Рискую жизнью, вел активную революционно-пропагандистскую деятельность в Саратовском гарнизоне, который в дни Октябрьской революции стал на сторону революционеров.

Являясь председателем Саратовского губкома, Михаил Иванович стал одним из главных организаторов социалистической революции в Саратове. О его беззаветной преданности делу революции говорит тот факт, что когда после смены власти в Петрограде, на внеочередном заседании Саратовского Совета, слово для «экстренного» сообщения взял эсер А.А. Минин и сказал, обращаясь к большевикам: *«Вы, вероятно, уже знаете, что петербургские большевики начали под предводительством вашего ЦК предательский мятеж против Временного правительства... От вас, во избежание местных осложнений, мы требуем, чтобы саратовская организация большевиков публично и решительно осудила мятежные действия ЦК партии и петербургских большевиков».*

«Понимаете ли, сознаете ли вы сами, что вы требуете от нас? – крикнул Васильев-Южин. – Ведь вы хотите, чтобы мы поступили как жалкие трусы, изменники и предатели. Как смеете вы думать так о нас? ... Мы всеми силами, не останавливаясь ни перед чем, поддержим наших петроградских товарищей!» [9, с. 14].

В конце августа – начале сентября 1917 г., в ходе выборов, большевики получили в Саратовском Совете 60% мест, в отличие от 22% в предыдущем составе, и, имея большинство в Совете, могли навязывать ему свои решения, касающиеся позиции Совета применительно к текущим событиям. Вскоре Советом было объявлено о полном разрыве с предыдущим периодом революции и выставлении политического лозунга «Вся власть Советам!» – в пику городской Думе и ее сторонникам, требовавшим сосредоточения власти только у Временного правительства. Председателем Совета был избран В.П. Антонов-Саратовский.

Антонов-Саратовский получил, пожалуй, наибольшую известность как первопроходец и зачинатель Советской власти в Саратове. Люди, хорошо знавшие Антонова-Саратовского, характеризовали его как интеллектуального и образованного человека с аналитическим складом ума, склонного к самым серьезным размышлениям. Владимир Павлович переехал в родной город и тут же включился в активную работу по пропаганде революционных идеалов. В Саратове в это время первую скрипку играли здешние и приезжие активисты М.С. Ольминский, В.П. Ногин, П.А. Лебедев, С.И. Мицкевич, В.П. Милютин и позже М.И. Васильев-Южин. Достоинно вписался в эту компанию и Антонов-Саратовский, отличавшийся темпераментом, красноречием, широкими разнообразными знаниями и умением увлекать и убеждать собеседников. В 1916 году местная социал-демократическая организация была разгромлена, большинство членов ее арестованы и высланы из Саратова. Антонов до апреля 1917 года пребывал в Иркутской губернии, а после падения самодержавия был амнистирован и вновь появился в родном городе, где сразу же включился в активную работу в составе Саратовского совета рабочих депутатов как руководитель большевистской фракции. После установления Советской власти в Саратове Антонов был избран председателем губернского исполнительного комитета Саратовского Совета и фактически стал олицетворять высшую административную власть в губернии. Он оставался на этом посту до конца 1918 г.

«В революционном воздухе России пахнет грозой. Все невольно, инстинктивно чувствуют приближение решительных событий», – писал в середине октября Васильев, имея в виду готовящуюся смену власти в Петрограде.

После Октябрьской революции в Петрограде, началось установление Советской власти и в провинции. Саратовские большевики действовали решительно и бескомпромиссно, выполняя указание вождя пролетариата В.И. Ленина: «Взятие власти есть дело восстания: его политическая цель выяснится после взятия», – говорил он.

На внеочередном заседании Саратовского Совета, после нескольких выступлений эсер Минин задал большевикам вопрос, поддерживают ли они «петроградское безумие»? Большевики ответили: «Да, поддерживаем». Эсеры в ту же минуту объявили о своем полном выходе из Совета. «Скатертью дорога!» – выкрикнул Васильев. «Мы тоже», – заявили меньшевики. «Ну и вам тоже скатертью дорога!» – ответил Васильев [10, с. 120–121].

Демарш Васильева-Южина был вполне понятен: большевики были прекрасно осведомлены, что баланс сил в стране уже давно в их пользу, и поэтому в союзниках особо-то и не нуждались.

Очевидно, что приход большевиков к власти, и в стране в целом и в одной отдельно взятой губернии, был бы невозможен, не имея он достаточно предпосылок в сознании народных масс. Это с одной стороны. Но совершен-

но очевидно и другое: лидеры саратовских большевиков, а это были образованные, убежденные, энергичные люди, прекрасно понимали, что всякая власть состоятельна лишь при условии, что она имеет силы легитимно поддерживать утверждающую ее законность. Поэтому главную ставку в захвате они делали на «человека с ружьем». Город предоставлял для этого прекрасные возможности.

Таким образом, в октябрьские дни, большевики, опираясь на народ, действовали смело и напористо, знали, что в Саратове не найдется ни одной серьезной военной или политической структуры, которая была бы готова защищать Временное правительство.

Случившаяся российская революция 1917 г. стала поворотным пунктом в истории человечества. Политически активные граждане, действуя напористо и бескомпромиссно, старались изменить жизнь миллионов людей.

Люди еще очень долго будут спорить и расходиться в своих оценках ее, отвергая идеологические постулаты и установившиеся стереотипы прошедшей эпохи: одни будут прославлять революцию как историческую веху в освобождении народных масс от гнета, другие же – проклинать как преступление и катастрофу. Однако факты – упрямая вещь: итогом революции является окончание изнурительной войны, предотвращение национальной катастрофы, сохранение территориальной целостности и независимости, демократизация российского общества. И в этом ее величие.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 32. – М., 1981. – 605 с.
2. Саратовский листок. – 1917. – 3 марта.
3. РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. №41.
4. Рейли Д.Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 г. в Саратове. – Саратов: Слово, 1995. – 395 с.
5. Саратовский вестник. – 1917. – №51. – 5 марта.
6. Кумаков А.В., Симонов А.А. Пролетарская революция, какой мы её знаем. – В 2 кн. – Кн. 2. – Саратов: Волга, 2016. – 720 с.
7. ГАСО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 57.
8. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). – Т. 2. Ч. 2 / Под ред. И.В. Пороха. – Саратов: Саратовский ун-т, 1999. – 429 с.
9. Семёнов В.Н. Начальные люди Саратова. – Саратов: Надежда, 1998. – 352 с.
10. Васильев-Южин М.И. Пролетарская революция в Саратове // Советское строительство. – М., 1927. – №10–11 (Октябрь – ноябрь). – С. 119–141.

ЛИЦА ЭПОХИ

УДК 947(470.343)

А.Г. Ошаев, К.Н. Сануков

Просветитель П.П.Глезденев на Первом Всероссийском съезде марийского народа

Свержение царизма Февральской революцией 1917 г. всколыхнуло все народы, пробудило их надежды на демократическое обновление России с учетом специфики национальных районов в их общественно-политическом, хозяйственном, социальном, культурном развитии. Передовая интеллигенция различных народов, в том числе и марийского, выступила катализатором национального самосознания. Она получила надежду на возможность начать претворять в жизнь свои демократические взгляды и устремления, направленные на социально-культурное возрождение родного народа на основе строительства в обновленной России демократического общества.

На собрании марийских солдат и офицеров Уфимского гарнизона 19 марта 1917 г. возникла идея образовать «Марий Ушем» (Общество или Союз мари). Созданная организация выступила с призывом к сородичам объединяться, чтобы укреплять национально-освободительное движение.

Среди деятелей этого движения началась работа по консолидации культурных сил народа, зрело желание и понимание необходимости объединения и проведения съезда своего народа. Инициатором этого выступила черемисская секция Общества мелких народностей Поволжья. Она постановила созвать Всероссийский съезд народа мари. Поскольку из образовавшихся уже Обществ мари Бирское общество было более опытным и активным, то съезд решили провести именно в г.Бирске [6, с.11].

Программа съезда была отпечатана на марийском и русском языках, предлагаемые к рассмотрению вопросы затрагивали почти все стороны жизни народа мари. Раздел программы «Политико-экономические и социальные вопросы» включал пункты об отношении к Временному правительству, об отношении к войне, о форме государственного строя, о местном самоуправлении и

о суде, о военных и гражданских национальных организациях, о земельном вопросе, о переселении, о кооперации, о продовольствиях, о торгово-промышленных обществах и союзах, о подготовке к выборам в Учредительное собрание, о связях между народностями Поволжья, о народном банке, об отношении к Кукарскому культурно-просветительскому обществу и др. Кроме того, большое внимание уделялось всем звеньям народного просвещения, издательскому делу, народному творчеству, религиозным вопросам – праздникам, молитвам, обрядам, духовным лицам мари и их правовому положению.

В работе Первого Всероссийского Съезда Мари активное участие принимал известный священник, издатель и педагог П.П.Глезденев. Он родился 9 апреля 1867 г. в д. Тумбагуш Белебеевского уезда Уфимской губернии. Будущий просветитель происходил из семьи язычников, и в школе он учился как Ислам-Гарей Мендияров, новую фамилию, имя и отчество он получил в 1892 г. при крещении [6, с. 6].

В 1887 г. окончил Бирскую учительскую семинарию, затем несколько учительствовал в начальных школах Белебеевского уезда. В 1898–1902 г. учился в Уфимской духовной семинарии, стал дьяконом, был рукоположен в сан священника в селе Ново-Никольское Белебеевского уезда. В 1902 г. поступил вольнослушателем миссионерского отделения Казанской духовной академии, а по ее окончании в 1906 г. стал одним из первых мариЙцев, получивших высшее образование [4, с. 22]. Еще во время учебы Глезденев проникся идеями системы выдающегося российского просветителя Н.И. Ильминского, создателя системы по обучению детей поволжских «инородцев» на основе их родных языков с постепенным переходом на русский язык. На этой почве он духовно тесно сблизился с учащимся духовной семинарии В.М.Васильевым. Молодых людей объединяло стремление к просветительской деятельности среди мариЙского населения.

Многие аспекты деятельности просветителя П.П. Глезденева получили освещение в работах П.А.Апакаева [1], К.Н. Санукова [5, 6], Р.И. Чузаева [7, 8], Л.П. Москвиной [2] и других исследователей. В данной работе предпринята попытка рассмотреть участие и роль П.П. Глезденева в организации и проведении Первого Всероссийского Съезда Мари.

Съезд состоялся 15–25 июля (по старому стилю, а по новому – 25 июля – 7 августа) 1917 г. В течение 11 дней на съезде шло обсуждение важнейших вопросов жизни мариЙского народа. В первый день, 15 июля 1917 г., был избран президиум съезда в составе: председатель – солдат 144 запасного полка И.Н.Коведяев, товарищи (заместители) – Вятский епархиальный миссионер П.П.Глезденев, надзиратель Бирской инородческой учительской школы В.М.Иванов, солдат 144 запасного полка Б.Айгузин [7, с. 51].

На первом заседании «священник П.П. Глезденев от редакции газеты «Война увэр» и яранских черемис высказал приветствие и пожелание бросить всякие раздоры, которые раньше не давали возможности черемисам объединяться. Как редактор и издатель черемисской литературы, выразил живейшую радость по поводу увеличения числа подписчиков на черемисскую газету от 500 до 1100» [3, с. 10–11]. Огромным достоинством газеты «Война увэр» и лично Павла Петровича является тот факт, что газета работала на просвещение не только народа мари. Она выходила одновременно на трех языках – марийском, татарском и удмуртском. На всех трех языках номера редактировал П.П. Глезденев лично.

Революция 1917 г. вызвала оживление национального бытия малых народов, пробудила надежды на демократическое переустройство их жизни. Бурные события привели к размежеванию социально-политических сил, в том числе и в среде марийской интеллигенции. В этот период произошла и революция взглядов у представителей духовенства. Миссионеры начинают отказываться от убеждений и принципов, которых придерживались раньше. П.П. Глезденев тоже включился в активную общественную деятельность. На съезде горячо обсуждались вопросы, касающиеся не только повседневной жизни мари, но и их участия в общественно-политической жизни. Сам П.П. Глезденев по ходу работы съезда смог изложить те идеи и мысли, которые волновали его в течение многих лет. Он выразил решимость добиваться в местах компактного проживания мари введения делопроизводства на марийском языке, занятия должностей в земствах представителями коренного населения, знающими язык мари. Еще в далекое время он видел отстраненность марийцев от участия в общественном управлении и судопроизводстве и всеми силами добивался, чтобы они сами своими силами решали свои проблемы.

На съезде В.Т.Якманов выступил с предложением создать марийский национальный музей, «чтобы не утратились в области прошлого особенности населения мари в одежде, головном уборе, предметах обстановки, орудиях труда и т.п., нам мари следует учредить свой музей» [3, с. 47]. Полностью поддержав этот призыв и при этом, сославшись на опыт создания марийского музея в Слободе Кукарка, П.П. Глезденев призвал не ограничиваться только предметами старины. Он говорил: «В музее должны быть не только предметы древности, но и современные нам произведения рук мари, характеризующие особенности его душевных способностей, быта, нравов, обычаев и т.д.» [3, с. 47].

Отец Павел прекрасно понимал, что религия – неотъемлемая часть жизни народа. В душе православного священника-миссионера пробуждается прежняя приверженность к язычеству. При поддержке своих друзей он предложил выделять и религиозным служителям мари денежное жалование, равное со священнослужителями других религий. Он понимал, что этот шаг под-

нимает не только престиж религии народа мари, но и национальное самосознание. Была выработана четкая, стройная структура марийских религиозных организаций (от деревенских, до общемарийских) во главе с центральным духовным управлением в г. Бирске. Предлагались общие правила жертвоприношений, ритуалы похорон и т.д. – на основе соединения некоторых догматов православия с традиционными элементами язычества.

Казанский историк М. Корбут по этому поводу отмечал: «Может показаться парадоксом: съездом руководил глава службы целой епархии, много попов было среди делегатов, но в резолюции – ни слова о православной религии, и единогласно принимается резолюция, узаконивающая в качестве «национальной» религии для всех мари: древние языческие верования» [6, с. 34].

Как просветитель-миссионер, видевший, что его народ поражает такой социальный порок, как пьянство, П.П.Глезденев на съезде горячо выразил идею необходимости борьбы с этим злом. «На борьбу против пьянства надо встать любыми способами, при этом приложив все усилия, в борьбу надо включать и неграмотных мари, направить их на дорогу здорового образа жизни... Надо сделать все возможное, чтобы марийцы были здоровыми и жизнерадостными людьми» [8, с. 21]. Так в общественной деятельности Павла Петровича можно усмотреть определенную миротворческую точку зрения на сохранение здорового этноса. Он одним из первых понял, что без просвещения народа в области здравоохранения, элементарной этики народ утонет в пороках и грехах. И надо отдать ему должное, что он, благодаря своей пророческой дальновзоркости, начал борьбу с пьянством и моральной распущенностью, распространившимся среди марийского народа за годы войны.

П.П. Глезденев перед делегатами съезда 22 июля 1917 г. сделал доклад о необходимости возобновления издания марийских календарей, напомнив об успешном опыте 1907–1913 гг. Он считал, что в них должно быть больше материалов о жизни, культуре самого народа. Он обратился к присутствующим с призывом собирать и присылать ему произведения устного народного творчества, особенно песни, в которых сохранился настоящий, чистый язык предков. Он говорил, что язык надо охранять от чрезмерного проникновения иноязычных слов. В его докладе так же была обоснована необходимость возврата к марийским географическим названиям, к оформлению имен и фамилий в соответствии с нормами родного языка.

При обсуждении данного вопроса П.М. Кунаев высказал следующее соображение: «Доклад о. П.Глезденева усматривает желательность и необходимость сохранения и даже восстановления утраченных имен и названий мари» [3, с. 29]. В резолюции съезда по докладу Глезденева и заявлению Кунаева было записано: *«В целях самосохранения мари необходимо всеми мерами содействовать развитию родного языка, изгоняя из него ненужные*

варваризмы, а также всячески восстанавливать и сохранять исторически сложившиеся чисто черемисские названия рек, озер, деревень, а также имена и фамилии людей» [3, с. 29].

В то время, когда народ еще только начал вставать с колен, П.П. Глезденев, Л.Я. Мендияров и другие демократы-просветители мечтали о марийском университете, ставили практическую задачу создания национального музея. На заседании 23 июля 1917 г. П.П. Глезденев сделал доклад о народном университете. Отец Павел воодушевленно говорил: *«Скоро настанет новая светлая эра в просвещении мари, но для этого нужна интенсивная работа»* [3, с. 32]. Он отмечал также, что различные культурно-просветительные общества наподобие Кукарского, не откажут в своем содействии при открытии народных университетов. Анализ документов съезда позволяет уверенно сказать, что главную свою задачу лидеры марийского национального движения видели в организации культурно-просветительской работы, в центре которой – вопросы образования.

В число реально достижимых на тот момент задач духовного развития народа выдвинулась тогда проблема национальной печати. Много слов было произнесено П.П.Глезденевым на съезде как от редактора-издателя газеты «Война Узэр» (Военные вести). Делегаты подтвердили решение об издании марийской газеты «Ўжара» (Заря) в Казани с начала 1918 г., сохранив право получения новой газеты старыми подписчиками. Но уже в ходе работы съезда из Казани в Бирск пришла телеграмма от Е.П. Ермакова (марийца из Моркинской волости, работавшего тогда заместителем председателя исполкома Казанского губернского совета крестьянских депутатов), что губернская земская управа выделила на издание марийской газеты 18000 рублей. Делегатов съезда охватила радость, и они уполномочили П.П.Глезденева и В.М.Васильева выразить благодарность Казанскому Губернскому Земству. П.П. Глезденев разъяснил депутатам, что «газета будет выходить 2 раза в неделю (годовая плата 6 руб.). Языком газеты будет луговой – понятный и основной для всех мари... Направление газеты признано желательным беспартийно-прогрессивное» [8, с. 22]. Решением, что «Ўжара» должна быть беспартийно-прогрессивной газетой, П.П.Глезденев и другие просветители-демократы показали свое общедемократическое мировоззрение, показали отсутствие у них партийно-классовой зашоренности [6, с. 37].

На съезде было решено признать необходимым создание губернских просветительских организаций в губерниях с наибольшим марийским населением – в Вятке, Уфе, Казани. В организационную группу по координации этой работы были избраны три выдающихся деятеля прогрессивного национально-демократического движения: В.М. Васильев, С.Г. Гаврилов-Эпин и П.П. Глезденев (последний – по Вятской губернии) [8, с. 18].

Все понимали, что для успешного проведения широкой культурно-просветительской работы нужны финансовые средства. Поэтому назрела мысль о создании в этих целях особого общественного Фонда поддержки развития культурно-просветительских начинаний. Для выработки его устава была избрана комиссия, которой руководил П.П. Глезденев. В уставе указывалось: «В целях поддержания и развития в будущем культурно-просветительских начинаний всех обществ мари образовывается особый фонд. Фонд образовывается двумя способами: а) путем обязательных, точно указанных и определенных Всероссийским Съездом Мари, взносов; б) приемом добровольных пожертвований» [3, с. 28].

Первый Всероссийский Съезд Мари стал важнейшим событием в истории марийского национального движения. Он состоялся в уездном г.Бирске Уфимской губернии усилиями передовых людей марийского общества, в чем непосредственно большая заслуга была и П.П.Глезденева. По страницам протоколов можно видеть, какую активность проявлял и каким авторитетом пользовался видный просветитель, вышедший из народа и поставивший перед собой благородную цель помочь родному народу выйти к светлой жизни. Он стал одним из подлинных выразителей национальных интересов, способствовал пробуждению национального самосознания.

Список источников и литературы

1. Апакаев П.А. Просветители Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. – 180 с.
2. Москвина Л.П. Марийская национальная интеллигенция в конце XIX – начале XX веков. – Йошкар-Ола: ГОУ ДПО (ПК) С «Марийский институт образования», 2007. – 200 с.
3. Первый Всероссийский Съезд Мари: протоколы и материалы. – Йошкар-Ола: Центр-Музей им. Валентина Колумба, 2006. – 64 с.
4. Помелов В.Б. Выдающийся просветитель марийского народа П.П. Глезденев и его миссионерская деятельность в Вятской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №2 (6). – С.21–28.
5. Сануков К.Н. Просветитель марийского народа // Наши земляки: пути и судьбы. Очерки. – Йошкар-Ола: Мари Книга, 2011. – С. 50–72.
6. Сануков К.Н. Просветитель Павел Петрович Глезденев. Очерк жизни и деятельности. – Йошкар-Ола: ГУП «Газета Марий Эл», 2005. – 55 с.
7. Чузаев Р.И. Марийское национальное движение в 1917–1918 годах. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. – 165 с.
8. Чузаев Р.И., Сануков К.Н. Первый Всероссийский Съезд Мари. – Йошкар-Ола: [Центр-музей им. Валентина Колумба], 2006. – 46 с.

*А.Г. Кажаров, З.Ю. Захохов, М.М. Самко,
И.Ю. Соломина, Н.И. Политова*

Пшемахо Тамашевич Коцев: исторические реалии жизни

Пшемахо Тамашевич Коцев родился 12 апреля 1884 г. в семье кабардинского узденя (дворянина) Коцева Тамаши Хусиновича в селении Бабукова, 1-го участка Нальчикского округа, Терской области.

Как явствует из аттестата, выданному П.Т. Коцеву, бывшему младшему кандидату на судебные должности Екатеринодарского окружного суда «у родителей его имеется дом в гор. Пятигорске и три участка земли в 600 десятин в Нальчикском округе Терской области». Известно, что отец Пшемахо, Тамаша Хусинович был весьма предприимчивым хозяином и вёл активную торговлю в северо-кавказских городах, а семья жила в селе Бабукова. По настоянию отца начальное образование П.Т. Коцев получил в городе Пятигорске. В архиве Краснодарского края сохранился документ, указывающий что П.Т. Коцев окончил курс Новороссийской гимназии в 1905 г.

В этом же году он поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета, затем перевёлся на юридический факультет того же университета.

В 1910 г П.Т. Коцев окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С января 1911 г. по 31 марта 1916 г. П.Т. Коцев работал в Екатеринодарском окружном суде.

Пшемахо Тамашевич вернулся в Кабарду во второй половине марта 1917 г. [1]. На родине П.Т. Коцева знали о его успешной профессиональной работе, выступлениях в периодической печати. К такому выводу нас подводит то обстоятельство, что он не принимал участие в работе собрания представителей горской интеллигенции во Владикавказе 5–6 марта 1917 г., но заочно был избран членом Временного Центрального Комитета объединённых горцев.

Он был сформирован 6(19) марта 1917 г. в центре Терской области г.Владикавказе горцев в качестве общественного органа, представляющего интересы горских народов Терской области. В состав временного ЦК оказались избранными балкарец Басият Шаханов, осетины Гаппо Баев, Исмаил Баев, Сафарбек Даударов, Александр Цаголов, Владимир Абаев, карачаевец Магомед Абуков, дагестанец Башир Далгаш, кумыки князь Рашид-хан-Капланов и Таджудин Пензуев, ингуши Тонта Укуров, Гафур Ахриев, Бексултан

Мьянов, кабардинец Пшемахо Коцев, балкарец Таусултан Шахманов, чеченец Мажид Чермоев и другие.

Главой временного ЦК горцев стал Шахманов. Перед горским Комитетом стояли три основных задачи: представительство интересов горских народов в областных органах власти; организация новых органов управления и самоуправления в национальных округах; подготовка общегорского форума, который должен был определить структуру, идеологию и политическую программу национального движения народов Северного Кавказа [2, с. 15–18].

Так началось вхождение П. Коцева в мир Великой революции 1917 года и Гражданской войны в России и на Северном Кавказе.

Тогда же 6(19) марта 1917 г. П. Коцев вошёл в состав Владикавказского Областного гражданского комитета [3, с. 565].

12–27 марта (25–9 апреля) 1917 г. образовался Кабардино-Балкарский окружной Гражданский исполнительный комитет, фактически ставший органом национального самоуправления Кабардинского и балкарского народа.

Особую роль в комитете играли глава Временного ЦК Объединённых горцев Басият Шаханов и член Временного ЦК П. Коцев.

Оформившийся Нальчикский исполком создал несколько рабочих комиссий. Наиболее активными оказались юридическая и хозяйственная, Сохов, Шакманов и Абуков [2, с. 24–25].

В.Х. Кожаров обращает внимание на то, что Г.Сохов, И.Урусбиев, Х.Чихсоков, И.Абакоков, Б.Шаханов, Б.Карачаев, М.Абуков, П.Коцев и другие в истории кабардинцев и балкарцев сыграли свою роль. Они в условиях русской революции старались, с одной стороны спасли свои народы от надвигающейся Гражданской войны, а с другой – утвердить соответствующие формы политического самоуправления (или автономии), призванные стать средствами их самоопределения в этих условиях. Для кабардинцев и балкарцев на первых порах такой формой стал временный гражданский исполнительный Комитет Нальчикского округа, который координировал свою деятельность с Терской областной администрацией и возникшим «Союзом объединённых горцев» [4, с. 36–37].

1–7 (14–20) мая 1917 г. П.Коцев принял активное участие в работавшем в г. Владикавказе съезде представителей горских народов Кавказа. П.Коцев был в числе 32 делегатов прибывших от Кабарды. Всего же на съезде присутствовало около 300 человек делегатов и гостей. Съезд принял решение об объединении всех горских народов Северного Кавказа и Дагестана в политический Союз объединённых горцев. Был сформирован Временный ЦК Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. В избранный на съезде Временный ЦК вошли 17 человек. Председателем Комитета стал балкарец Басият Шаханов.

По Терской области от кабардинского народа членом ЦК избирается «Коцев Пшемахо – присяжный адвокат из Владикавказа» [5].

С сентября 1917 г. в связи с вхождением в союз Абхазии он называется Союзом объединённых горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии. Избранный Временный ЦК переименован с ноября 1917 г. в Горское Правительство. Туда вошли представители всех народов края, в том числе от Кабарды П. Коцев и Балкарии – Б. Шаханов.

На всём протяжении своего существования (май-ноябрь 1917 г.) Союз объединённых горцев Кавказа выполнял роль законодательного и исполнительного органа власти на территории Терской губернии и Дагестанской области. За это время разработаны: Политическая платформа и Программа. Конституция получила одобрение со стороны главы Временного правительства Ф. Керенского. Реформы земского управления высокую оценку Комиссии Временного Правительства (Комиссия Веселовского). Разрабатывались реформы местного суда и др.

Создание Союза объединённых горцев Кавказа можно рассматривать как первую попытку создания на Северном Кавказе национальной государственности горских народов Кавказа. Продолжением этого процесса была попытка создания уже независимой Горской Республики [6, с. 46].

18–20 мая 1917 г. работал съезд представителей сельского населения, горских самоуправлений и Советов РСД Терской области. Съезд принял «Положение о временном самоуправлении Терской области». В Положении отмечалось, что областной Гражданский Исполнительный Комитет является высшей исполнительной властью на Тереке, что он целиком и полностью руководствуются распоряжениями и решениями Временного правительства. Съезд избрал новое руководство Исполкома: Президиум Комитета, Председателя, Товарищей Председателя, Секретарей. «Председатель – присяжный поверенный Коцев Пшемахо Томашевич» [5, с. 156; 7, с. 46].

В августе 1917 г. под председательством П. Коцева открылся ингушко-казачий съезд. Он должен был символизировать «мир» между ингушами и казаками. Выступивший на съезде атаман Терского казачьего войска Караулов заявил, что все беды приходят от безвластия, а безвластие – результат деятельности всяческих комитетов. Такой властью, по мнению атамана, может быть только Терское войсковое правительство [8, с. 131–132].

Во Владикавказе 21 сентября (4 октября) 1917 г. начал свою работу II съезд горских народов Кавказа и Дагестана. Председателем съезда стал Т. Чермоев, председатель Союза объединённых горцев. П. Коцев стал первым из четырёх товарищей председателя. Съезд избрал новый состав ЦК из

15 человек. По Терской области от кабардинского народа вновь был избран П. Коцев [5, с. 19, 20, 350, 150, 151].

16 (29) октября по 21 октября (3 ноября) 1917 г. во Владикавказе, в Атаманском дворце, открылась конференция представителей казачьих войск и горских народов. От Союза объединённых горцев прибыла делегация из четырёх человек. П. Коцев был первым из четырёх. Основным итогом конференции стало решение о создании Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (ЮВС), главным документом стал Союзный договор. П. Коцев совместно с А.М. Чермоевым и имамом Н. Гоцинским вошёл в руководство ЮВС [2, с. 254; 9, с. 254].

Во Владикавказе 6(19) ноября 1917 г. состоялось чрезвычайное совместное заседание Войскового правительства и ЦК Союза объединённых горцев Кавказа. От горцев присутствовало шесть деятелей, в том числе П. Коцев. Спустя два дня лидеры горцев и казаков огласили проект создания двух автономий на Тереке, где говорилось о разделении Союза горцев Кавказа и на территории Терского казачьего войска [2, с. 269–270].

17(28) ноября 1917 г. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана провозгласил Горскую республику, включавшую все горские народы, а также ногайцев и туркмен на территории от Каспийского до Чёрного моря, включая Ставрополье, Кубань и Черноморье. Руководителями этого государства являлись Рашид-хан-Капланов, Абдул Межид (Тапа) Чермоев, Гайдар Байтматов, Ахмед (Ахмед-бек, Ахмед), Цалыккаты (Цаликов Салихов), Вассан-Гирей Джабагиев, Пшемахо Тамашевич Коцев, Бассият Шаханов и другие [10, с. 31].

Противостояние центров власти, рождённых Октябрём 1917-го, и национальных окраин нарастало стремительно.

16(29) ноября 1917 г. в Екатеринодаре создаётся правительство ЮВС. Это была исполнительная структура межрегиональной автономии. Пшемахо Коцев был назначен одним из двух заместителей союзного премьера Василия Харламова [9, с. 514].

В первый день декабря 1917 г. 1(14-го) образуется Временное Терско-Дагестанское правительство, образованное ЦК Союза объединённых горцев Кавказа, Терским казачьим войском о Союзе городов Терско-Дагестанского края. В списке Комиссаров или главноуправляющих («министров») первым значился Комиссар по делам общественного спокойствия (МВД) – «Пшемахо Коцев (ЦК горцев)» [2, с. 307–308].

Через день: 2(15) декабря правительство издало декларацию о совместной борьбе народов Северного Кавказа против «большевистской анархии»,

за конституционный строй. Организацию «твёрдой государственной власти» решили отложить до созыва краевого Учредительного сейма [10, с. 31].

1–2(14–15) декабря 1917 г. ЦК Союза объединённых горцев преобразовался в Горское правительство. На деле, однако, в состав Горского правительства вошли представители Владикавказской Группы ЦК, которые и прежде фактически руководили деятельностью ЦК. В их числе был и Пшемахо Коцев.

Горское правительство, как прежде ЦК Союза объединённых горцев существовало исключительно на средства чеченского нефтепромышленника Т. Чермоева.

В ночь на 8 марта 1818 г. после прибытия во Владикавказ делегатов II съезда народов Терека из Пятигорска, где была признана власть Совета Народных Комиссаров и провозглашена Терская Советская Республика, руководители Терско-Дагестанского правительства и само правительство покинули г. Владикавказ: члены правительства прибыли в Грузию, где в мае 1818 г. часть из них вошла в Горское правительство.

11 мая 1918 г. в занятом турецкими войсками Батуме после завершения переговоров с турецким правительством делегация руководителей Северного Кавказа провозгласила независимость Республики Союза горцев Северного Кавказа и создали новое Горское правительство, обратившееся за поддержкой к Турции и Германии.

История Горской Республики, как и предшествующий ей Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана, являются неотъемлемыми страницами истории Кавказа периода революций 1917 г. и Гражданской войны. В их изучении достигнуты определённые результаты. Прежде всего, следует сказать о том, что учёные института истории, археологии, этнографии Дагестанского Научного центра РАН подготовили и опубликовали двумя изданиями обширный корпус документов и материалов «Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Горская Республика». Среди исследователей, занимающихся историей Союза горцев и Горской Республики необходимо назвать М.А. Абдуллаева, В.Д. Джидзоева, А.Г. Кажарова, Г.К. Какагасанова, А.Х. Кармова, С.А. Орешина, О.И. Османова и других.

Определённым шагом в исследовании всего комплекса вопросов, связанных с созданием и деятельностью Горской республики стал выход сборника «Гайдар Баммат – известный и неизвестный» [11].

В 1962 г. в Стамбуле Пшемахо Коцев выпустил книгу «Северный Кавказ: страницы из истории борьбы за свободу и независимость» Целый раздел книги «Северный Кавказ и коммунистическая Россия» посвящён Гражданской войне на Северном Кавказе. П.Коцев пишет, что «2 марта 1917 года царизм рухнул, как прогнившее дерево. Воспользовавшись этим народы Кавказа,

мечтавшие о свободе, создали свои национальные государства. На Северном Кавказе это случилось 11 мая 1918 года». Он часто повторяет, что это «государство» на Северном Кавказе было создано волей народов и представляло собой подлинную демократическую республику.

Ричард Пайпс в своей книге, вышедшей ещё в 1964 г. и посвящённой образованию СССР, взаимоотношениями большевиков с национальными движениями в 1917–1923 гг. вынужден признать, что во главе этой «республики» стояли «буржуазная интеллигенция, знать и денежные элементы».

П.Коцев утверждает, что «Горская Республика» возникла в противовес России и в борьбе с Россией. Это правительство П.Коцев представляет в образе борца за свободу Северного Кавказа. П. Коцев, который был главой правительства и представлял дело так, будто Добровольческая армия А.И.Деникина не могла допустить «возникновения демократической республики на Северном Кавказе» и направляла против неё войска «снятые с коммунистического фронта». Между тем, войска А.И.Деникин посылал не против Горского правительства, а против частей Красной Армии, большевиков. Генерал-лейтенант В.П. Ляхов, назначенный главнокомандующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края в письме П. Коцеву подчинился командованию Добровольческой армии. 27 февраля 1919 г. делегация Горского правительства в Г. Грозном была уведомила генералом В.П. Ляховым о введении на Северном Кавказе управления Добровольческой армии [12, с. 46, 48, 50]. 24 апреля 1919 г. Командующий английскими войсками в Порт-Петровке (ныне Махачкала) полковник Уоккер в своём письме на имя Горского правительства требовал «немедленных действий против большевиков в городах и деревнях» [13, с. 71]. 13 мая 1919 г. Горское правительство П. Коцева было организатором ареста, а затем и расстрела дагестанских большевиков во главе с У. Буйнакским.

Положение, в котором оказалась Горская республика, было отмечено в Сводке правления войска Терского о положении в Дагестане:

«Сводка правления войска Терского о положении в Дагестане.

20 апреля 1919 г.

Петровск. В настоящее время в Дагестанском крае существует горское правительство, стремящееся к полному отделению Дагестана от России. Форма правления будущего федеративного государства не установлена. Существуют республиканские и монархические течения. Границей образовавшегося государства... должна являться линия Грозный, Владикавказ, Кисловодск, Суровская, со стороны Азербайджанской республики – граница Бакинской губернии, резиденция правительства – Темир-Хан-Шура. С целью получить народную санкцию горское правительство выдало каж-

дому представителю народа по 20 ф. сахару и по несколько аршин мануфактуры; добившись же от народных представителей признания своей полномочности, горское правительство приступило к изысканию средств путём эксплуатации ж. д. захваченного района и национализировав ситце-набивную фабрику Тагиева и все рыбные промыслы. Также была получена ссуда от азербайджанского правительства в несколько десятков миллионов рублей в счёт будущих грозненских богатств. Своих денежных знаков горское правительство не имеет, в ходу знаки Азербайджанской республики – Бакинские боны и общегосударственные деньги.

Председателем Совета министров является Пшемахо Коцев, юрист по образованию.

Отношение правительства к Добрармии отрицательное. В речах своих в парламенте члены правительства называют её монархической бандой.

Отношение населения к горскому правительству отрицательное. Объявленная горским правительством мобилизация всего туземного населения успеха не имела, так на призыв никто не явился. Действия правительства вызывают недоверие к нему всего населения. Горское правительство предложило всему коренному русскому населению признать себя подданными Дагестана, грозя в противном случае высылкой и конфискацией всего имущества. Единственной реальной силой, на которую опирается горское правительство, является Дагестанский полк, в котором принимаются весьма охотно и русские офицеры за вознаграждение в полтора раза больше, чем в Добрармии. Офицеров же, высказывающих свои симпатии к России, горское правительство под разными предлогами арестовывает...

Настроение рабочих – большевистское. Существуют железнодорожные комитеты, преследующие наряду с экономическими и политическими задачи. Объясняется это открытой агитацией большевиков и совершенной неуведомлённостью о событиях на Северном Кавказе. Кроме железнодорожного комитета существуют также и рабочие профессиональные союзы. Например, союз грузчиков, нормирующий заработную плату и не позволяющий не членам работать где-либо, а предпринимателям нанимать их. Подобные союзы также зачастую помимо своих прямых целей преследуют и задачи политические.

Из промышленных предприятий Дагестана в настоящее время работают некоторые консервные заводы, все рыбные промыслы и национализированная правительством ситце-набивная фабрика, продукт которой, бязь, продается на рынках по 15 рублей аршин. Наряду с городским продовольственным комитетом существуют кооперативы, к сожалению, ложно

понявшие свои задачи и вместо удешевления продуктов стремящиеся лишь к повышению своей собственной доходности.

За отсутствием денег банки закрыты. Эвакуированные из Петровска в Баку все денежные ценности в настоящее время находятся в руках азербайджанского правительства. Деятельность торгово-промышленного класса направлена к тому, чтобы поскорее завязать сношения с англичанами, доставляющими иногда на рынок свои товары. Большинство мелких купцов занимается спекуляцией деньгами, продавая николаевские 100 рублей за 265 рублей Бакинских» [14, с. 209–210].

23 апреля (2) мая 1919 г. в Приказе №№ 1, 2, 3 Председателя Временного Правительства Дагестана генерала М. Халилова сообщалось: «По случаю отставки Совета Министров и роспуска Горского парламента, а также образования взамен их в Дагестанской области временного Дагестанского Правительства, на должность председателя такового избран единогласно генералами Союзного Совета от Дагестана генерал-майор Халилов.

В виду создавшихся политических условий текущего момента Совет Министров Республики Союза Горцев Кавказа во главе с председателем солидарно подал в отставку и 23-го сего мая в 10 часов вечера сложил полномочия.

Объявляю во всеобщие сведения, что в виду создавшихся политических условий текущего момента в связи с прибытием в г. Шамиль-Калу воинских частей Добровольческой армии, Союзный Совет Республики Горцев Кавказа, по предложению членов его от Дагестанской области, 23 мая прекратил свои функции» [15, с. 195].

Премьер П.Т.Коцев и многие члены кабинета, в том числе Г.Баммат, покинули Северный Кавказ и до поры до времени обосновались у мусаватистов Азербайджана и меньшевиков Грузии.

После установления Советской власти в Закавказье П.Т.Коцев, как и многие деятели горского национального движения и независимости, эмигрировал в Турцию.

Умер П.Т. Коцев 10 января 1962 г. в Стамбуле. Он был похоронен на кладбище Фийкуре в Стамбуле как государственный деятель высокого ранга. На надгробном памятнике, установленном на могиле П.Т. Коцева по-турецки написано «Бывший президент Северо-Кавказской Республики».

Список источников и литературы

1. Кармов А.Х., Саблиров М.З. Жизнь и общественно-политическая деятельность П.Т. Коцева. Рукопись статьи. – 17 с.

2. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. – 2-е изд., испр. и доп. – Нальчик: Печатный двор, 2012. – 608 с.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. академик А.А. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 666 с.
4. Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 1999. – С. 36–37.
5. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 183 с.
6. Какагасанов Гаджи Курбан, г. Махачкала. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана // Кавказский Дом: Общекавказская независимая общественно-политическая газета. – 1992. – № 2. – Октябрь. – С. 46.
7. Шахалиева Ф.Б. Кабарда и Балкария в революционно-демократических процессах на Северном Кавказе (февраль-декабрь 1917 г.) // Известия Кабардино-Балкарского гос. ун-та. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 46.
8. История Гражданской войны в СССР. – Т. 2 (Октябрь-ноябрь 1917 года). – М.: ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1942. – С. 131–132.
9. Революция и Гражданская война в России. 1917–1923. Энциклопедия. – Т. 4. – М., 2015. – 655 с.
10. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Бейтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 31.
11. Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сб. док-тов и мат-лов / авт.-сост. Х.М. Донго. – Баку: Азербайджанское историческое общество, 2015. – 458 с.
12. Абдуллаев М.А. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. – Махачкала: Даг. Кн. изд-во, 1975. – 233 с.
13. Очерки истории Дагестана. – Т. 2. – Махачкала, 1957. – 478 с.
14. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917–1921 гг.: сб. док-тов и мат-лов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 537 с.
15. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Док-ты и мат-лы. Изд. 2-ое испр. и доп. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, Алеф, 2013. – 295 с.
16. Какагасанов Гаджи Курбан. Горская Республика // Кавказский Дом. – 1992. – № 29.

М.В. Кротова

Проекция человеческой судьбы на русскую революцию: биография А.М.Дьяконова

В современной гуманитаристике не ослабевают интерес к теме биографии, ее анализа и возможностей. Это связано с общими процессами «персонализации» истории, «раскодированием» индивидуального опыта человека для изучения формирования и трансформации личности. В судьбе каждого человека отражается как личное, уникальное, так и общее, типическое, характерное для жизни поколения, страны, эпохи. Так, микроисторический подход позволяет конкретным людям и локальному опыту вновь стать частью истории. Биография также является важным средством для «понимания тех сил, которые движут действиями людей» [1, с. 287].

В этом смысле интересен анализ судеб людей разного социального происхождения, образования, жизненных траекторий, так или иначе вовлеченных в события русской революции 1917 года. Исследователь В.П. Булдаков считает, что в личности революционера фокусируется «патология» своего времени, он представляет «феномен личностной десоциализации и отчаянного поиска новой социальности в условиях, когда открываются новые горизонты» [2, с. 162]. На стороне революции по разным причинам оказались представители всех сословий Российской империи, в том числе и дворяне. Путь дворян в революцию был индивидуальным, мотивы могли быть разными: разочарование в старом строе, увлечение марксизмом, поиск новых идей, антибуржуазный пафос, личные амбиции, возможность служения родине, независимо от строя и режима.

Биография Александра Михайловича Дьяконова (1885–1942) – потомственного дворянина, юриста, чекиста – интересна, с одной стороны, своей типичностью, с другой стороны, неожиданными поворотами его судьбы. О нем вскользь упоминают некоторые справочники, не указывая, впрочем, даже точных дат его жизни. Так, в энциклопедии ВЧК он назван русским и польским революционером, членом ВЧК (1918), однако не указана дата его смерти, а в биографической информации о нем немало неточностей [3, с. 160]. О А.М. Дьяконове известно немного. Сохранилось несколько анкет, послужных списков из его личных дел, протоколы допроса во время следствия в 1938 г., которые полны противоречий и умолчаний. Однако даже по ограниченному

кругу источников возможна реконструкция жизненного пути и внутреннего мира героя, хотя и приходилось заполнять лакуны на основе предположений.

Александр Михайлович Дьяконов родился в 1885 г. в Польше, в г. Антополь Гродненской губернии, в дворянской семье. Можно только предполагать, что привело Дьяконова в революцию: идеи переустройства мира, масштаб преобразований, «интеллигентский романтизм», поиски рецепта спасения человечества. Однако в 1902 г. в 17-летнем возрасте он вступил в польскую социалистическую партию (ППС), а в 1906 г. стал членом Литовской социал-демократической партии [3, с. 160]. В одной из анкет Дьяконов указал, что окончил 7 классов Гродненской гимназии в 1905 г. [4, л. 1]. Из его архивно-следственного дела 1938 г. стало известно, что он был исключен из гимназии за «работу среди солдат по заданию подполья» [5, л. 140].

В пути А.М. Дьяконова в революцию было много общего с судьбами интеллигентных молодых людей того поколения, когда в начале XX в. происходило их интенсивное политическое развитие. Это был период напряженной деятельности, вызванной внутривнутриполитическим кризисом Российской империи, в разных слоях общества вызревало желание перемен. Именно в гимназиях приобщались к революционным идеям и получали первый политический опыт многие молодые люди в начале XX в. Этапы биографии А.М. Дьяконова можно сравнить с деятельностью его младшего брата – Бориса Михайловича Дьяконова, 1887 г.р., о которой известно немного больше благодаря его членству в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев: в 1905 г. он вступил в Гродненскую организацию партии эсеров и вел агитационную и пропагандистскую работу в Гродно, Двинске, Могилеве, Смоленске до 1906 г. В 1907 г. Борис Михайлович стал членом боевой организации эсеров в Брянске, был арестован в 1908 г. за нападение на казначея Брянского арсенала «с отображением 11 тыс. рублей в пользу ЦК партии» и осужден на 8 лет каторги, и только в 1917 г. по амнистии Борис Михайлович вернулся в Петроград, где вступил в 1924 г. в РКП(б) [6, с. 206].

В отличие от младшего брата Александр Михайлович избежал арестов, сдал экстерном экзамены за весь гимназический курс в Московском учебном округе и поступил в 1908 г. в Московский университет на юридический факультет, который окончил в 1913 г. Возможно, сыграла свою роль перемена в личной жизни – он женился, и в 1909 г. у него родился сын Леонид. Надо сказать, что, в отличие от брата, с 17 лет А.М. Дьяконов постоянно работал – с мая 1902 г. и до поступления в Московский университет он давал частные уроки в г. Гродно и Гродненской губернии, затем, во время учебы в университете работал учителем на курсах для взрослых.

После окончания университета в 1913–1915 г. Дьяконов служил помощником присяжного поверенного Московской судебной палаты, присяжным стряпчим Московского коммерческого суда. С началом Первой мировой войны он, как и многие, поддавшись патриотическому порыву, стал помощником уполномоченного Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и главным инспектором этого комитета по санитарным поездкам, находился на Западном и Южном фронтах, и, видимо, только в октябре 1917 г. вернулся в Москву [7, л. 9а].

Революция полностью перевернула жизнь Александра Михайловича. В первые дни после октябрьского переворота 1917 г. он вступил в РКП(б), в октябре – декабре 1917 г. состоял в штабе Красной гвардии Замоскворецкого района. Как юрист он был назначен в октябре 1917 г. заведующим следственной частью Ревкома, с января 1918 г. также исполнял обязанности народного судьи совета рабочих и солдатских депутатов Замоскворецкого района. В апреле 1918 г. Дьяконов стал председателем Московского ревтрибунала. Видимо, А. Дьяконов был направлен на эту должность из ВЧК, как человек, имевший высшее юридическое образование и опыт работы.

Революционные трибуналы – политические суды, рассматривавшие дела о «преступлениях и проступках против народа», были созданы согласно Декрету Совета народных комиссаров 22 ноября 1917 г. В качестве вновь назначенного председателя Московского Ревтрибунала (МРТ) Дьяконов закончил громкое дело (начал рассматривать это дело Я.А. Берман) «по жалобе гражданина Сталина (Джугашвили) по обвинению Ю.О. Цедербаума (Мартова) в клеветании в печати доброго имени Сталина» [8]. Дело в том, что меньшевик Мартов в газете «Вперед» № 51 в марте 1918 г. сообщил, что Сталин в свое время (в 1907 г.) был исключен из партийной организации за «прикосновенность к экспроприациям». Сталин подал в суд за клевету. Это был, по выражению С.С. Монтефиоре, «один из самых странных судов в советской истории» [9, с. 237]. После нескольких заседаний Московским ревтрибуналом 16 апреля 1918 г. было принято Постановление за подписью А.М. Дьяконова: «оставить жалобу гр. Сталина по обвинению Мартова в клевете в печати без дальнейшего рассмотрения, как неподсудную Московского ревтрибунала» [8, л. 63].

Как председатель Московского революционного трибунала, А.М. Дьяконов допрашивал Фанни Каплан в связи с покушением на В.И. Ленина 30 августа 1918 г., собрал свидетелей по этому делу, оставив протоколы их допросов. Именно он записал слова Фанни Каплан 30 августа 1918 г. сразу после покушения: «Я стреляла в Ленина потому, что считаю, что он предатель, и чем дольше он живет, [тем] он удаляет идею социализма на десятки лет. Я совершила покушение лично от себя» [10, с. 158].

К этому периоду относится его выступление в рамках дискуссии начала 1919 г. о разграничении функций между ревтрибуналами и ВЧК, которое «всплыло» во время его ареста в 1938 г. В одной из характеристик Дьяконова 1934 г. было сказано: «В 1919 г. в период гражданской войны, когда обыватели и мелкая буржуазия выступили против диктатуры пролетариата, и в частности, одной из организаций диктатуры – ВЧК, Дьяконов, будучи председателем МРТ, выступил за ликвидацию ВЧК и за передачу всех дел трибуналу» [5, л. 68]. На первом допросе 8 июля 1938 г. Дьяконову был задан вопрос об этом, на что он ответил: «Я никогда не выступал против ВЧК. Я выступал в разрезе, что ВЧК есть орган борьбы с контрреволюцией и что он должен проводить всю работу вплоть до суда, включая следствие, но сам процесс суда должен проводить трибунал» [5, л. 16]. Итог дискуссии известен: 17 февраля 1919 г. ВЦИК вынес постановление о праве вынесения приговоров ВЧК и ревтрибуналами, по которому права ВЧК были расширены.

В апреле 1919 г. Дьяконов, видимо, по собственному желанию, был направлен на Восточный фронт как член Реввоенсовета 1 армии и особоуполномоченный Совета Обороны. После разделения Восточного фронта на Восточный и Туркестанский в августе 1919 года, он вошел в состав Реввоенсовета Туркестанского фронта, которым командовал М.В. Фрунзе [4, л. 1]. Позже его вторая жена С. Фрейдин-Дьяконова называла его близким соратником Фрунзе [5, л. 115].

В одной из анкет он указал, что находился на фронте до апреля 1920 г. [4, л. 1], в послужном списке 1931 г. он вообще дистанцировался от революционной и военной деятельности, указав, что с 1918 г. он работал юрисконсультom железнодорожного Московского и Ленинградского узлов [7, л. 1]. Известно только, что с 1920 г. Дьяконов полностью посвятил себя юридической деятельности: в 1921–1922 гг. он заведовал отделом юстиции Самарской губернии, затем в 1923 г. был назначен заведующим Высшими юридическими курсами Наркомата юстиции РСФСР [11, с. 674]. С 1924 г. он – начальник Юридического отделения Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги, с 1927 по 1931 гг. – главный юрисконсульт НКПС и старший инспектор Управления дорожного транспорта [7, л. 9а].

В 1923 г. А.М. Дьяконов, будучи вдовцом, вторично женился на Софье Николаевне Фрейдиной, 1896 г.р. Они познакомились в 1921 г., скорее всего, на службе – с мая 1919 г. она работала фельдшерницей 3 врачебного участка Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги. Она была вдовой, окончив медицинский факультет 2-го МГУ в Москве в 1926 г., работала врачом [12, л. 1, 5]. Второй брак, был, видимо, очень удачным. В 1927 г. у них родился сын Юрий. Судя по письму С.Н. Фрейдиной-Дьяконовой в 1955 г. по поводу

реабилитации А.М. Дьяконова, она обожала своего мужа, воспитывала его сына Леонида как родного. Только благодаря строкам из этого письма облик Дьяконова приобретает реальные, «теплые» человеческие черты. В письме она называет мужа «гигант, конькобежец, спортсмен», сообщает о том, что он всегда много читал, знал несколько языков [5, л. 111–116].

В ноябре 1931 г. Дьяконову предложили отправиться на работу на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) в Харбин в качестве начальника службы общих дел Управления КВЖД с огромным окладом 4620 рублей в год, а также предоставлением ему отдельного особняка в Харбине. Надо сказать, что это был очень ответственный пост: служба общих дел (бывшая канцелярия Управления КВЖД) – считалась ключевым местом, которая ведала всеми кадровыми перестановками на КВЖД, возглавляли ее только проверенные коммунисты, связанные тесно со спецслужбами. Позже, во время следствия в 1938 г. он сообщил: «в Харбин выехал согласно командировке ЦК ВКП(б) на подпольную партийную работу (официально – начальник службы общих дел)» [5, л. 31]. Среди эмигрантов эта служба считалась (и небезосновательно) местом скопления агентов ОГПУ. Эмигрантская газета «Русское слово» сравнивала ее с секретариатом ВКП(б), а должность начальника службы с постом генерального секретаря ВКП(б): «Кто владеет этой службой, тот владеет и аппаратом, регулирующим личный состав, контролирующим всю переписку. <...> Через службу общих дел проводятся «нужные люди» во всех службах» [13, с. 4].

Назначение принципиального Дьяконова на этот пост привело к его конфликтам с администрацией КВЖД. По-видимому, Дьяконов вызывал раздражение советской администрации своей чужеродностью, он явно отличался своим воспитанием, честностью, добросовестным отношением к делу. Для него, искреннего революционера, были неприятны интриги и особый стиль поведения новых советских «буржуа», который сформировался в среде советской колонии в Маньчжурии. Об этом писала его супруга в 1955 г.: «Личное скверное отношение к нему некоторых руководителей КВЖД, к которым он относился осторожно и критично, не ведя с ними дружбы и панибратства, повели к тому, что на Дьяконова – чистого, кристально чистого человека начали лить грязь, доведшую его до могилы» [5, л. 140].

В Харбине, состоялась случайная встреча Александра Михайловича с его старшей сестрой Татьяной, связь с которой он потерял в конце 1917 года, когда она выехала с детьми к мужу в Поволжье. Оказалось, что жизнь развела их по разные стороны баррикад. Сестра вышла замуж за А.Н. Голубятникова, подполковника в армии Колчака, эмигрировавшего вместе с семьей в Маньчжурию. Сестра, узнав о брате из харбинских газет, нанесла ему визит.

Положение Дьяконова как ответственного партийного работника стало двусмысленным: семейные отношения много значили для него, но, с другой стороны, по его словам, «связь с сестрой» его «компрометировала» [5, л. 25]. Это стало основанием для обвинений Дьяконова. Он встретился с сестрой осенью 1932 г., и после некоторых раздумий сообщил об этой встрече в письме в Генконсульство СССР в Харбине в январе 1933 г.: «Я не видел основания избегать с ними [семьей сестры – М.К.] встречи, однако, при первой встрече принял максимальные меры предосторожности» [5, л. 75]. 21 декабря 1934 г. комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), рассмотрев его дело, вынесла ему строгий выговор с предупреждением «за сокрытие своей связи с классово-чуждыми элементами – сестра и ее муж белогвардеец» [4, л. 1].

По-видимому, недолгий период жизни в Харбине был все-таки счастливым для него. Он встретился с сестрой, возобновил общение с людьми «своего круга», одного социального и культурного уровня, окончившими Санкт-Петербургский или Московский университеты, с которыми у него были общие воспоминания, увлечения, эстетические предпочтения. В Харбине он увлекся мотоциклетным спортом, приобрел «Харлей Дэвидсон» выпуска 1932 г. [7, л. 39]. С 24 мая 1933 г., видимо, после конфликта с администрацией КВЖД он был переведен на другую должность – начальника службы сборов КВЖД. В характеристике, данной ему в 1934 г. советским вице-консулом в Харбине Ю. Вартэ, Дьяконов представлен как «выходец из буржуазии», тесно связанный «как родственными, а также личным знакомством с мелкобуржуазными кругами»: «За время крутых поворотов линии партии имел почти всегда колебаниями. Свои колебания он вновь повторил в отношении коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. Партнагрузки не имеет, общественные обязательства выполняет плохо. ... Для партии является случайным элементом. Если продолжит оставаться в Харбине, то может стать невозвращенцем, поэтому необходимо ускорить его отзыв в СССР» [5, л. 68]. 20 августа 1934 г. А.М. Дьяконов был уволен со службы на КВЖД. В партийных документах это было названо «отводом», как лица, «не пользующегося доверием». Он вернулся в Москву, где работал в коллегии защитников.

В 1937 году кольцо вокруг него стало сужаться: были арестованы бывшие сослуживцы, знакомые по Харбину, брат, расстрелянный 9 сентября 1937 г., сын Леонид, потом жена, получившая за «контрреволюционную деятельность» 5 лет лагерей. В марте 1938 г. он был исключен из партии за «небдительное отношение к арестованной жене и брату» [5, л. 66об.]. Его арестовали только 5 июля 1938 г. Допросы начались через 3 дня после ареста, но следствие за год после ареста нисколько не продвинулось. Судя по протоколам многочисленных допросов, Дьяконов держался удивительно – он не дал ни одного показания на

коллег за все время следствия в то время, как многие проходившие по подобным делам «харбинцы», даже старые большевики, уже через неделю после ареста создавались в работе на японскую разведку. Ничего не добившись от Дьяконова, продержав его год в Таганской тюрьме, 10 июня 1939 г. ему дали 8 лет ИТЛ по ст. 19–58 и 8 УК РСФСР. Он еще переписывался с женой, которая тоже была в лагере, писал во все инстанции, настаивая на своей невинности, апеллируя к законам. Умер А.М. Дьяконов в январе 1942 г. в Темниковском лагере, не зная о судьбе близких.

Его сын, Леонид Александрович, бывший талантливый инженером, летчиком-испытателем, 29 апреля 1939 г. был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 29 апреля 1939 г. по ст. 58–10 на 8 лет ИТЛ. Работал в «шарашке» (4-й спецотдел НКВД), участвовал в создании самолетов Пе–2 и Ту–2. По спецсообщению Л.П. Берии И.В. Сталину о работе заключенных – специалистов от 9 августа 1943г., он был досрочно освобожден, но погиб в Казани 6 июня 1945 г. во время испытания реактивного самолета. Жена, вышедшая из лагеря, работала врачом, пыталась реабилитировать мужа. Ее письмо председателю Комиссии партийного контроля П.Т. Комарову в 1955 г. далеко от официального, полно боли и отчаяния: «Молю Вас, как молит меня мать у постели дифтерийного больного ребенка, который задыхается и синееет, помогите мне снять с любимого человека, которому я отдала всю свою жизнь, снять это ужасное пятно. Память о нем в моем сердце светла, я хочу, чтобы она была светла и чиста у людей, которые знали Дьяконова» [5, л. 140–141].

Биография А.М. Дьяконова важна для понимания мотивов и стратегий поведения людей в переломные эпохи, которые позволяют поставить некоторые вопросы, имеющие общее значение для изучения революции и советской истории. Согласно В.П. Булдакову, всякий революционер – «функциональная величина исторического процесса, сущности которого ему самому не дано разглядеть. В этом смысле он не столько палач, сколько жертва эпохи» [2, с. 163]. Однако трагедия А.М. Дьяконова была не только в том, что, он, будучи искренним сторонником советской власти, юристом, теоретиком новой социалистической законности, стал жертвой законодательной машины. В случае Дьяконова встает вопрос о принадлежности его к определенной социальной и культурной среде, от которой он хотел оторваться. Будучи неофитом, «стихийным» большевиком, втянутым водоворотом истории в революционные события, он так и не стал «своим» среди партийной элиты. Дьяконов оказался чужеродным элементом в среде нового «советского дворянства», «романтиком революции», лишним человеком, для которого семья, а также такие понятия, как честь, совесть, порядочность, много значили, но оказались ненужными в новой реальности. Его судьба не была уникальной, однако в ней

можно увидеть вектор развития российской революции, приблизиться к пониманию особенностей исторической судьбы России.

Список источников и литературы

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
2. Булдаков В.П. Деструкция личности революционера в России, 1920-е гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 162–182.
3. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. – М.: Вече, 2013. – 512 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 37. Д. 1206.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп.1. Д.П–24525. Архивно-следственное дело по обвинению А.М. Дьяконова.
6. Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1934. – 879 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 9. Д. 1588. Дело бывшего работника КВЖД Дьяконова А.М.
8. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 3.
9. Монтефиоре С.С. Молодой Сталин. – М.: Corpus, АСТ. – 576 с.
10. Покушение на Ленина 30 августа 1918 года. Документы, воспоминания очевидцев, протоколы допросов. – М.: Новая Москва, 1925. – 261 с.
11. Алексеев М.А. Колпакиди А.И. Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918 – 1945 гг. – М.: Кучково поле, 2012. – 976 с.
12. РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5652. Дело Фрейдиной С.Н.
13. Русское слово (Харбин). – 1929. – 10 мая.

В.И.Попков, Ю.Ф.Болдырев, О.В.Назарова, Н.Ю.Болдырев

Дмитрий Николаевич Потоцкий. 1880–1949

Дмитрий Николаевич Потоцкий был видным военным деятелем, участником Белого движения на Юге России. Дворянин. Родился 5 ноября 1880 г.

В 1900 г. окончил Пажеский корпус. Был выпущен хорунжим в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк. В 20 лет завершил курс обучения в Николаевской академии Генерального штаба.

Д.Н. Потоцкий прошел полями сражений Первой мировой войны. В 1915 г. был назначен командиром 25-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В 1916 г. – командир бригады 4-й Донской казачьей дивизии. В этом же году Д.Н. Потоцкий стал генерал-майором [1, с. 391; 2, с. 590].

Всю жизнь Дмитрий Николаевич хранил небольшой пистолет из никелированной стали. На блестящей поверхности рукоятки была укреплена пластинка с золотой монограммой. На ней сияла красивая славянская вязь: «За боевые заслуги... Потоцкому. Да хранит вас бог!». Это был подарок Главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, своему любимому адъютанту [3, с. 155].

В начале ноября 1917 г. Д.Н. Потоцкий прибыл на Тихий Дон атамана А.М. Каледина. 9 (22) ноября 1917 г. Приказом атамана Каледина все войсковые части, расположенные в Ростове-на-Дону и его окрестностях, подчинены генералу Потоцкому [4, с. 91].

Потоцкий решительно повел борьбу с большевиками. 10 (23) ноября юнкера, по его приказу, конфисковали большевистскую газету «Наше знамя». 25–26 ноября (8–9 декабря), по приказу Потоцкого, юнкера и казацкие офицеры разгромили Совет депутатов. В бою убиты член штаба Красной гвардии Казбирюк и член Совета Кунда. Были разгромлены помещения редакции «Наше знамя» и Комитета большевиков. 26 ноября (9 декабря) отряд во главе с Потоцким занял вокзал Ростов-главная. 27 ноября (10 декабря) в Ростов-на-Дону в распоряжение Потоцкого из Таганрога прибыло 200 казаков. 27 ноября (10 декабря) из Новочеркасска для пополнения войск Потоцкого атаман Каледин отправил в Ростов-на-Дону отряды юнкеров и офицеров [4, с. 92, 98, 99].

Но в стане воинства Потоцкого всё было не так просто и слаженно. Об этом свидетельствовало донесение генералу Потоцкому: *«Генералу Потоцкому, 1917 года, 26 ноября, 20 час. 15 минут, № 18, станция Аксайская.*

Вторая и пятая сотни 46 полка, дойдя до будки при переезде через железную дорогу, отказались идти к Ростову и вернулись, вторая сотня – в станицу Аксайскую, 5 – в станицу Александровскую. 29 батарея осталась в станице Александровской в полной готовности выступить по первому требованию. В Аксайскую станицу прибыл 41 полк: штаб полка, пулеметная команда, команда связи, 4-я сотня и 38 человек первой сотни. 30-я батарея в ст. Ольгинскую не прибыла, как видно из донесений командира 41 полка, она приходила в станицу Кагальницкую и снова вернулась в станицу Мечётинскую. Получаются ли Вами мои донесения?

Полковник Юдин.

С подлинным верно: хорунжий Данилов».

В Ростове-на-Дону шли ожесточенные бои. 27 ноября (10 декабря) попытка отрядов Каледина прорваться в районе станции Нахичевань на выручку казакам генерала Потоцкого блокированных в Ростове, окончилась неудачей [5, с. 57, 58; 6, с. 102].

Казачьи части не выдержали натиска. На рассвете 28 ноября (11 декабря) на станции Ростов они сдались и сложили оружие. Генерал Потоцкий был арестован [7, с. 101]. Его отвезли на вспомогательный крейсер «Колхида» в распоряжение матросского отряда, прибывшего из Севастополя [2, с. 589].

Потоцкий был посажен в трюм «Колхиды», где уже находился арестованный кадет Зеелер. Пять дней и ночей Потоцкий с часу на час ждал расстрела. Неожиданно судьба повернулась к нему лицом.

Атаман Каледин отдал приказ верным ему казачьим частям ликвидировать выступление местных пробольшевистских сил и взять Ростов-на-Дону. Но казаки тех немногих частей, которые находились в это время в Донской области, этот приказ не выполнили. Будучи бессильным своей властью направить казачьи части против Ростова, Каледин обратился с просьбой к Войсковому кругу: «Прикажите двум казачьим полкам 46 и 48, стоящим под Аксаем, оказать поддержку отрядам юнкеров, изнемогающим в борьбе с ростовскими большевиками». Круг это требование поддержал. С помощью отрядов Добровольческой армии немногочисленные казачьи части 2 (15) декабря заняли Ростов-на-Дону [5, с. 58; 8, с. 75].

3 (16) декабря в станице Гниловская был произведен обмен пленными. Генерал Потоцкий и градоначальник Зеелер передавались властям Каледина. Взамен их возвращены черноморские моряки, попавшие в плен во время борьбы за Ростов [4, с. 103].

В тот же день Потоцкого доставили в Новочеркасск, в атаманский дворец. В кабинете атамана Каледина состоялся конфиденциальный разговор двух генералов. Он продолжался свыше двух часов.

А.М. Каледин заявил, что настал момент, когда для спасения России необходимо перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области. Надо овладеть Воронежем, восстановить порядок и открыть путь на Москву. Эту задачу Каледин и возложил на Потоцкого.

Каледин объяснил: Исходный пункт – станция Урюпинская Хопёрского округа Области Войска Донского. Чем это было вызвано? Хопёрский и соседний с ним Усть-Медведицкий округа, самые северные в Донской области, представляли собой как бы форпост донских белых сил. Эти округа ближе всего находились к важнейшим промышленным центрам страны. Именно через них пролегал кратчайший путь к Москве и Петрограду. В непосредственной близости от них находились такие пролетарские центры, как Царицын и Воронеж. И Каледин, учитывая это важное стратегическое положение северных округов, пытался превратить их в плацдарм для похода на Москву. Исполнителями же его должны были стать донские полки, дислоцированные на севере Дона [9, с. 61–63].

Каледин назначил Потоцкого начальником 7-й Донской казачьей дивизии. В июле 1917 г. генерал Кунаков, старый боевой генерал, все три годы войны с немцами проведенный на фронте, по распоряжению Каледина привел дивизию в Урюпинскую. В окружной станице Кунаков стал начальником гарнизона. 7-я дивизия, укомплектованная наполовину из калмыков, наполовину из казаков низовых донских станиц, считалась одной из самых надежных опор атаманской власти. Разложение не коснулось ее, дисциплина оставалась крепкой, организация полковых комитетов – не допускалась.

Атаман Каледин возлагал большие надежды на 7-ю дивизию, как на ударный боевой авангард, который первым должен двинуться в наступление против красных. В распоряжение Потоцкому Каледин передал 21-й, 22-й и 6-й запасной донские полки, 14-ю и 15-ю казачьи батареи, 4-й донской пеший батальон.

По плану Каледина, 7-я дивизия из Урюпинской должна отправиться по железной дороге через Поворино и Лиски на Воронеж, громя отряды красных.

Каледин обещал поддержку Потоцкому с юга. Обсуждали вопрос, как добраться до Урюпинской. Потоцкий решительно отверг юнкерский отряд, назначенный ему в охрану. Отряд должен был идти своим путем, а Потоцкий решил под видом простого казака, возвращавшегося с фронта, проехать по всей линии похода на Воронеж и лично прощупать силы красных.

Грубая солдатская шинель без погон, казачья папаха и башлык, повязанный вокруг шеи, одним словом, чужая одежда, помогла Потоцкому пробраться из Новочеркаска через опасные участки железной дороги: Лиски, Таловую, Поворино, занятые красногвардейскими отрядами, где его могли задержать. Но

даже когда опасные места остались позади, Потоцкий не стал размаскироваться. От маленькой проходной станции Алексиково (это уже были земли Войска Донского) до станции Урюпинской Потоцкий, облеченный большими полномочиями и властью, проехал 32,5 версты с двумя адъютантами в местном поезде, в тупиковом, головном почтовом вагоне, наглухо закрытом снаружи. Снаружи вагона с пассажирами ехали еще двое верных людей.

По дороге Потоцкий много размышлял. Он не сомневался в надежности своих войск. Тем не менее, он решил устроить по приезду смотр, лично разобраться в настроении казаков. Он планировал ряд мер: местную команду, поднявшую 8(21) ноября восстание – ликвидировать; провести мобилизацию молодых казаков, хорошо вооружить их, а там пустить наперед и дать пограбить Воронеж или другой крупный город. Пусть размахнутся молодцы! Если действовать умело, из них можно сформировать личную гвардию.

Потоцкий по приезду на время поселился в доме окружного атамана Демидова. Штаб 7-й казачьей дивизии разместился в каменном двухэтажном доме полковника Серебрякова. 25 декабря (7 января) новый начальник гарнизона генерал Потоцкий вызвал в штаб дивизии командиров полков и артиллерийского дивизиона. Он потребовал от командиров провести смотр людей и конского состава, поднять дисциплину на высокий уровень, прекратить увольнения и свидания казаков с родственниками.

7-я дивизия объявлялась на чрезвычайном положении. Войска должны были быть готовы в любой час выступить на Воронеж. Казаки чистили оружие, маршировали; коням прибавили корму. По станциям Хопёрского округа разослан приказ о призыве на службу отставных и ограниченно годных казаков. Генерал Потоцкий не терял времени. Силы его росли: они составляли свыше трех тысяч сабель, 35 пулеметов. Такой военный кулак мог крепко ударить по малочисленным отрядам красных и расчистить путь на Москву [3, с. 23–24, 27–32, 65–66, 97–98, 114].

Но росли и силы, противостоящие Каледину. Прошли три съезда фронтового казачества: 7(20) января 1918 г. в Воронеже, начало января 1918 г. – чрезвычайный съезд Советов в Царицыне, 10(23) января 1918 г. – Каменский съезд казаков-фронтовиков.

Для раскрытия нашей темы имеют значение материалы, показывающие роль Царицына в срыве похода Потоцкого в центр России.

Революционные элементы севера Дона – иногородняя и казачья беднота, а также казаки-фронтовики сплотились вокруг Царицына. Организационным выражением этого процесса и стало создание при Царицынском Совете Казачьей секции. Она образовалась 25 декабря 1917 г. В момент ее возникновения в секцию вошло 18 человек – представители полков и станций северо-

восточных донских округов: Хопёрского, Усть-Медведицкого и 2-го Донского. О создании секции рассказала 29 декабря 1917 г. газета царицынских большевиков «Борьба». О царицынской секции (замолчать было просто невозможно) писал 14 января 1918 г. вестник Донского Войскового правительства «Вольный Дон» [10, с. 129].

В начале января 1918 г. в Царицыне открылся уездный чрезвычайный съезд Советов. На съезд прибыло 83 казака, представлявших северные и восточные донские округа, а также 18 казачьих частей, дислоцированных вблизи Царицына. Во время работы съезда была создана и Донская крестьянско-рабочая секция. 7 января 1918 г. делегаты-казаки, Казачья секция Царицынского Совета и Донская крестьянско-рабочая секция приняли резолюцию, осуждавшую военные планы атамана Каледина [11, с. 171].

В.С. Колесниченко глубоко прав, подчеркивая, что станица Урюпинская стала одним из ключевых пунктов консолидации и сплочения революционного казачества верхнего Дона и развертывания его борьбы против сил атамана Каледина [12, с. 14].

На Хопре положение складывалось следующим образом: в январе 1918 г. в окружную станицу Урюпинскую с фронта прибыли 18 и 35 казачьи полки. Несколько позже сюда из Петрограда были направлены 1 и 14 донские казачьи полки. В 18 и 35 полках старое командование было изгнано и избраны новые командиры. В 18-м полку им стал есаул М.Ф. Болдырев, а в 35-м – подъесаул Черкесов. В полках действовали комитеты. Оба полка установили между собой связь, развернули подготовительную работу для перехода власти в руки трудового казачества. Чувствуя нажим революционного казачества и не имея возможности предотвратить наступавшие события, начальник 7 казачьей дивизии генерал Потоцкий бежал из Урюпинской.

Чувствуя, что сила на стороне возвратившихся казачьих фронтовых частей, верные Каледину и Потоцкому части, 21-й полк и 7-й артиллерийский дивизион, спешно покинули округ. Все же Каледин попытался предотвратить утверждение Советской власти на Хопре. 28 (15) января 1918 г. он объявил Хопёрский округ на осадном положении. Но эта мера изменить что-либо уже не могла [13, с. 57].

29 (16) января 1918 г. в Урюпинской состоялось гарнизонное собрание 18, 35 и 6 запасного казачьих полков. Собрание постановило признать власть Советов. Был избран временный окружной военно-революционный комитет. В него вошли активные члены полковых комитетов. Приняли в нем участие и большевики. Председателем Комитета был избран Г.А. Глухов, заместителем председателя И.Д. Оленев, военным комиссаром А.Я. Кутырев, всего в ревком вошло 40 человек [9, с. 79–80].

Священник Пётр Протопопов в Церковно-приходской летописи Христо-рожденческой церкви станицы Урюпинской так описал январские 1918 года события в окружной станице:

2 (15) января: «По ночам раздаются на улицах оружейная стрельба и взрывы ручных бомб. Возвращающиеся войсковые части дают о себе знать, уstraшая население, особенно состоятельное – «буржуазию» по новой кличке».

15 (28) января: «Все дни по ночам и днем раздаются оружейные выстрелы и разрывы бомб. Прибывшие полки казаков враждебно настроены к войсковому правительству и отрядам партизан, сформированных в станице Урюпинской. Выстрелы и взрывы – показатель протеста и способ уstraшения местных жителей, сторонников донского правительства.

16 (29) января: «Ночью начальник казачьей дивизии генерал Потоцкий и многие офицеры покинули Урюпин. Утром состоялось собрание войсковых частей. Окружной атаман Демидов заявил о сложении с себя власти.

Образован военно-революционный комитет. Из тюремного замка освобождены казаки местной команды и другие лица, заключенные во время восстания 8 ноября прошлого 1917 г.» [14, с. 252, 255].

В глубоко документальном произведении В.Г. Головачёва приводится пространное сообщение из газеты «Приазовский край»:

«По захвату власти в станице Урюпинской большевиками, первым делом насильников была попытка арестовать начальника 7-й Донской казачьей дивизии генерала Потоцкого, недавно командовавшего войсками Ростовского округа и в дни Ростовского восстания сидевшего под большевистским арестом на «Колхиде».

И далее: «От урюпинских большевиков Потоцкому удалось бежать. Вдгонку ему был послан конный отряд. На глазах всадников Потоцкий перебрался на другую сторону Хопра и скрылся с глаз большевиков. Все их поиски не увенчались успехом, и они возвратились в станицу, привезя с собой лишь шину автомобиля, брошенную генералом Потоцким. Место нахождения генерала неизвестно [3, с. 160–161].

Князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937), внук декабриста С.Г. Волконского, зиму 1917–1918 г. жил в станице Урюпинской, куда перебрался, спасаясь от погромов, оставив свою дворянскую усадьбу в Павловске Тамбовской губернии. В своей книге «Мои воспоминания» во втором томе «Родина» С.М. Волконский пишет: «Приехал и через несколько дней был вынужден бежать симпатичный, даже обаятельный генерал Потоцкий. Его жена прелестно пела; мы успели провести два приятных вечера. Впоследствии большевики урюпинские пустили слух, что Потоцкий расстрелян, слух, кото-

рый в залах заседаний вызывал взрывы рукоплесканий, но, тем не менее, был совершенно ложен: Потоцкий жив и сейчас в Сербии...» [15, с. 255–256].

Побег из Урюпинской был началом долгих и бедственных скитаний генерала Дмитрия Николаевича Потоцкого.

Потоцкий после Урюпинско-Хопёрских событий не сложил оружия. Он возглавил белый партизанский отряд, но был разбит силами Донского Военно-революционного комитета.

Потоцкий попал в плен и был доставлен в Петроград, где его содержали в Петропавловской крепости, в Трубецком батальоне.

Весной 1918 г. он бежал и добрался до занятого немцами Киева, где вскоре командование Добровольческой армии назначило его председателем Комиссии по вопросу о военнопленных.

В конце 1918 г. выехал из Киева в Берлин вместе с германскими оккупационными войсками. Был назначен уполномоченным Общества Красного Креста в Германии. В этом качестве в 1919 г. Потоцкий помогал отряду князя А.П. Ливена наладить систему пополнения личного состава. Позднее этот отряд влился в состав Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича.

В 1920 г. по рекомендации генерала П.Н. Шатилова, тогда начальника штаба Русской армии, Потоцкий был назначен военным агентом и представителем главнокомандующего Русской армии П.Н. Врангеля в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

В ноябре 1923 г. был уволен с занимаемого поста Врангелем.

После увольнения организовал частное общество «Техпомощь», которое путем заключения контрактов с французскими фирмами успешно осуществляло переезд из Балканских стран во Францию всех желающих русских эмигрантов.

В 1930-х годах уехал во Францию, а затем переехал в США. Умер 31 марта 1949 г. в Нью-Йорке [1, с. 391; 16, с. 344].

Список источников и литературы

1. Революция и гражданская война в России, 1917–1923: энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. А. Матвеев. – М.: Терра, 2008. – 560 с.
2. Трут В.П. Военная энциклопедия казачества. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 690 с.
3. Головачёв В.Г. Платон Ермаков: повесть. – Ростов-на-Дону: Книж. изд-во, 1970. – 214 с.
4. Раенко Я. Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 1: Март 1917 г. – март 1918 г. – Ростов-на-Дону: Рост. обл. книж. изд-во, 1939. – 154 с.

5. Москатов П., Шаблиевский Г., Карагодская М. Рабочий класс Дона в борьбе за Советскую власть: (крат. ист. очерк). – Ростов-на-Дону: Книж. изд-во, 1957. – 142 с.
6. Кириенко Ю.К. Крах Калединщины. – М.: Мысль, 1976. – 246 с.
7. Ростов-на-Дону: ист. очерки. – Ростов-на-Дону: Книж. изд-во, 1979. – 319 с.
8. Казачий Дон: пять веков воинской славы / А.В. Венков, А.А. Озеров, Т.С. Рудиченко, В.П. Трут, В.Ф. Хижняков, О.И. Борисова, К.Н. Хохульников. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 448 с.
9. Болдырев Ю.Ф. Борьба трудящегося крестьянства и казачества северных округов Дона за Советскую власть (1917–1920): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1975.
10. Болдырев Ю.Ф. Создание и деятельность Казачьей секции при Царицынском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Декабрь 1917 г. – ноябрь 1919 г.) // Казачество в революциях и Гражданской войне : материалы 2-й всесоюз. науч. конф., Черкесск, 9–11 сент.1986 г. / под общ. ред. А.И. Козлова. – Черкесск: [НИИИФЭ], 1988.
11. Болдырев Ю.Ф. Борьба пролетариата Царицына за массы трудящегося казачества Дона в период Октябрьской революции и Гражданской войны // Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. Черкесск, 12–13 нояб. 1980 г. – Черкесск: [б. и.], 1984.
12. Колесниченко В.С. Урюпинск. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1987. – 109 с.
13. Болдырев Ю.Ф. Из истории борьбы за Советскую власть на Хопре и Медведице. (Октябрь 1917 – апрель 1918 гг.) // Историко-краеведческие записки / отв. ред. Б. С. Абалихин. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1974. – Вып. 2.
14. Церковно-приходское летописание на волгоградской земле: документы / сост. иеромонах Климент (Наумов), И.В. Котова, Л.А. Шевченко. – Волгоград: Изд-во Волгогр. филиала РАНХиГС, 2015. – 364 с.
15. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. – М.: Искусство, 1992. – Т. 2: Родина. – 1992. – 383 с.
16. Волков С.В. Генералитет Российской империи: энцикл. словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: в 2 т. Т. II: Л–Я. – М.: Центрполиграф, 2010. – 830 с.

Организатор и вожак первых царицынских большевиков

«Вернемте же прошлое. Не для того, чтобы его переделывать сначала: в этом природа отказала человеку. И не для того, чтобы только воспевать победы или каяться в ошибках. Вернемте его в памяти, восстановим его в воображении со всем тем беспристрастием... А вспомнить есть что».

Это строки вступительной статьи книги «Город – боец. Шесть диктатур 1917 года (воспоминания о работе в Царицыне)». Статья датирована январем 1922 г. Автор этих строк, как и самой книги – С.К. Минин (Книга была опубликована рабочим издательством «Прибой» в Ленинграде в 1925 г.).

В советский период в официальной литературе о нем писали кратко: Минин Сергей Константинович (1882–1962 гг.). Советский государственный и партийный деятель, публицист. Активный участник революционного движения и Гражданской войны в России.

Его биография самым тесным образом связана с историей г.Волгограда: крупный революционный организатор, блестящий оратор, популярность которого в 1917–1918 гг. исключительно велика, и... единственный из политических лидеров Царицына, лично знакомый с Лениным.

Соратники о С.К. Минине напишут: «Принадлежит к славной когорте профессиональных революционеров».

29 июня 2017 года – 135 – й день его рождения.

В 1922 году в своей автобиографии Сергей Константинович писал: «Отец – священник, потом протоиерей Успенского собора посада Дубовка¹. Мать – бывшая народная учительница» [1, л. 7], а в личном листке по Учетно-распределительному отделу ЦК РКП(б), заполненном в 1923 году, уточнил: «личный почетный гражданин [2, л. 2], отметив также: «окончил три семестра историко-филологического факультета в Юрьеве и четыре семестра юридического факультета Венского университета. – В графе «На каких языках свободно говорит и пишет» – запись: «говорил на немецком» [2, л. 2–3].

Из автобиографии: «Осенью 1903 года началась революционная работа как председателя Саратовского «землячества» и члена «Союзного Совета» революционных студенческих организаций г. Юрьева [1, л. 7].

¹ Ныне Волгоградской области.

Что привело 20-летнего студента к революционной деятельности? Обостренное чувство несправедливости окружающего мира? Юношеский максимализм? А может быть, книги, к чтению которых он пристрастился рано. Сестра, Софья Константиновна Минина в 1954 году писала: «Отец Минина – ученый-изобретатель по физике, связанный с революционной средой того периода в годы его учительской работы, до женитьбы. Мать Минина имела брата, Григория Алексеевича Софинского, близкого Чернышевскому, с которым он и сидел в Шлиссельбургской крепости. Имелась марксистская литература, читался «Капитал» Маркса» [1, л. 10].

О себе Минин напишет: *«Партийная работа с лета 1904 года. После работы в посаде Дубовка в октябре 1905 года вступил в партию и был председателем партийного комитета в Царицыне. 13 декабря 1905 года арестован за принадлежность к партии и осужден судебной палатой на 1 год 10 месяцев крепости. Освобождён 11 октября 1907 года. Летом 1909 года как представитель ЦК работал на Волге (Казань – Астрахань). Второй раз был арестован 20 сентября 1910 года и сослан административно в отдаленнейшие уезды Архангельской губернии (Печера, Кемь, Мезень), откуда вернулся 1 января 1914 года»* [2, л. 3; 1, л. 7–9].

Софья Константиновна об этом периоде жизни брата написала более подробно: после ареста он был заключен в Царицынскую тюрьму, пережил «кошмар карцеров», за которым последовал «этап с уголовными в Архангельскую губернию в Усть-Цильму на Печере, дикий тогда край, отдаленный». Эти нечеловеческие условия привели к попытке самоубийства и вызвали психическое заболевание, которым он страдал всю дальнейшую жизнь. Попал в Архангельскую больницу, после которой ссылку заканчивал в г. Мезене, в Кеми и Долгощелье [1, л. 11].

«Третий раз арестован 29 июля 1914 года в Царицыне за статью в газете против войны и сослан в Сибирь (Енисейский уезд), откуда вернулся осенью 1916 года» [1, л. 7–9]. Сестра об этом пишет: *«тюрьма в Царицыне, далее пересыльные тюрьмы, заключение в декабре в холодный карцер, 7-дневная голодовка и, наконец, сама Сибирская ссылка, в конце которой он оказался в Ялани, в медицинском пункте для политических ссыльных, откуда после окончания срока ссылки возвратился тяжело больным на родину, на Волгу, в Дубовку, где постепенно наступило физическое и душевное выздоровление»*. В конце 1917 г. Минин вновь направляется на подпольную работу в Москву, «маскируясь бухгалтерской работой» [2, л. 12]. Февральская революция застала его в Москве, а в марте 1917 г. он вновь в Царицыне.

Его выступления на митингах в 1917 г. производили очень сильное впечатление. Вот как об этом вспоминала жительница Царицына Мария Ники-

тична Волошина: «Каждая партия выставляла за своим номером список своих кандидатов: большевики – список № 10, меньшевики – 4, эсеры – 6. Митингов было много и повсюду. Полуян (меньшевик) – невысокий, худой и нервный ратовал за войну. Слушали неохотно. Война надоела. В Бекетовку (южный пригород Царицына, примеч. автора) приехал Минин. Трибун не было. Выступал с лавки (ступенек) Кудрявцева. Речь его была убедительна и доходчива. Он уверенно цифрами и фактами доказывал вред империалистической войны. И призывал голосовать за список № 10 (большевики). Вокруг огромной толпой стоял народ. Рабочие лесозаводов. Многие стояли, держа на плече багор. Минину из толпы передали записку. Прочитав записку, он усмехнулся и сказал: «Товарищи, вот записка, здесь грозят убить меня. Вот я стою. Вот грудь моя! (он стоял? выпрямившись и спокойно-уверенный.) Что ж не стреляете. Трусый!» Выстрела не было.... Не успел он произнести все это, как багры с плеч оказались в руках рабочих. Ощетинившись баграми, как штыками, рабочие возмущенно кричали: «где, кто такой, растерзаем гада на куски». Одновременно они образовали плотную цепь вокруг Минина. Произошла заминка, занявшая несколько времени, пока все успокоилось. Митинг продолжался» [3, л. 1–2].

Я работал везде. Но, главным образом, в гарнизоне, вспоминал С.К. Минин в книге «Город-боец», изданной в 1925 г. (стр. 44). В протоколах заседаний Исполнительного бюро Царицынского Совета за 1917 г. можно встретить немало выступлений эсеров и меньшевиков, обвинявших Минина в «дезорганизации солдат Царицынского гарнизона». Прибывший для наведения порядка в городе летом 1917 г. из Саратова с отрядом юнкеров и Оренбургских казаков полковник Корвин-Круковский в своем распоряжении писал: «Минин является влиятельнейшим из главарей местной большевистской партии, возбуждавшим солдат не подчиняться распоряжением военного министра и способствующий полной деморализации гарнизона...» [4].

В четвертый раз он был арестован по дороге на VI съезд РСДРП(б), с 20 июля по 29 августа 1917 г. находился под арестом в Саратовской тюрьме, откуда был освобожден солдатами 141-го полка, переведенного из Царицына.

В короткие наезды в родной купеческий посад Дубовка успевал своими выступлениями, революционными проповедями собирать грандиозные для Дубовки митинги, высказывавшиеся за недоверие Временному правительству, за прекращение войны. Аудитория была иной, чем в Царицыне: не было солдат, да и заводских рабочих было всего несколько десятков. Большинство составляли ремесленники, кустари, береговые грузчики, но он умел выступать вперед любой аудиторией. Говорил неторопливо, веско, и его подолгу внимательно слушали. Впоследствии Сергей Константинович назовет пар-

тийную работу своей профессией, уточнив, что он: «организатор, литератор, оратор», а позже, что он «пропагандист и агитатор против религии и по вопросам общей политики и строительства РКП». О своей теоретической подготовке напишет: «изучал марксизм в тюрьме, ссылке и эмиграции. В административной ссылке в 1910–1913 гг. в Кеми и Мезени преподавал в высших кружках русскую историю с точки зрения марксизма. В Мезени были между прочими Ворошилов и Володарский» [2, л. 4].

В «Личном листке» он отчитывается и об «остальной, кроме партийной, работе в Царицыне: с марта по сентябрь 1917 года – Царицынский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, товарищ председателя; с сентября 1917 года по ноябрь 1918 года. – Царицынский Совет. Председатель Совета депутатов; с сентября 1917 года по май 1918 года. – Царицын, Городская Дума, Городской голова; – с декабря 1917 года по май 1918 года. – Царицын. Штаб обороны советов. Председатель». На II Всероссийском Съезде Советов Минин избирается членом ВЦИК, осенью 1917 года – в Учредительное собрание. 19 декабря 1917 года на очередном заседании исполкома Совета депутатов было принято решение о создании на правах отдела Царицынского Совета Штаба обороны. Мера эта была вызвана крайне сложной военной обстановкой вокруг города. Председателем Штаба обороны был утвержден Минин. Он целиком погрузился в совершенно неизвестное ему военное дело. Штаб фактически работал круглосуточно. Эта работа была изнурительной, нервной, но не единственной: текущие дела в Совете, в комитете РКП(б), в редакции газеты «Борьба», одним из создателей и редакторов которой он являлся. От колоссального напряжения появляются следы физического переутомления. Ему только 36 лет, но за плечами уже 15 лет революционной работы, из которых 7 лет тюрьмы и ссылки.

Штаб обороны работал 5 месяцев, установив тесный контакт с революционно настроенными казачьими частями, после демобилизации возвращавшимися на Дон. Выходившая в Саратове газета «Социал-демократ» 9 января 1918 г. под заголовком «Раскол среди казаков» сообщала: *«Из Казани телеграфируют, что получены сведения от товарища Минина ... об участившихся в значительной степени случаях перехода казачьих частей на сторону Советской власти...»*.

В 1918 г. значение Царицына чрезвычайно возросло: через него шла дорога из богатых продовольствием районов Юга России в центральные голодающие губернии. Летом 1918 г. руководство продовольственным делом сосредоточилось в руках прибывшего в Царицын народного комиссара Сталина, а 19 июля под давлением Ленина Л. Троцкий своим приказом передал руководство всеми военными операциями под Царицыном в руки Военного

Совета СКВО в составе Сталина и Минина и, по их представлению, военного руководителя, которым 5 августа стал Ворошилов.

Под текстами приказов и постановлений Военного Совета СКВО рядом с подписью Сталина часто стоит подпись Минина.

7 сентября 1918 г. был образован Реввоенсовет Южного фронта. Минин – член РВС Южного фронта (сентябрь – октябрь 1918 г.). В октябре 1918 г. создана 10 Армия, Минин становится членом РВС 10 Армии Южного фронта (21 октября – ноябрь 1918 г., июль – 23 сентября 1919 г.). Определенный отрезок военного времени ему приходится работать со Сталиным, который станет в Царицыне инициатором конфликта с военным руководством и штабом СКВО. Минин был втянут в конфликт, разделив взгляды Сталина на военных специалистов и их использование в Красной Армии. Одновременно с работой военной, Минин с марта по ноябрь 1918 г. являлся Председателем комитета РКП(б) Царицына.

В личном Листе по учету кадров значится: «с декабря 1918 по июнь 1919 г. – Москва». В январе 1919 г. совместным постановлением ВЦИК и ЦК РКП были утверждены учебные планы и программы Центральной школы Советской и партийной работы, определены ответственные товарищи за разработку, организацию, ведение курсов лекций. В числе ответственных: Ленин, Бухарин, Зиновьев, Крыленко, Минин. Позже центральная школа была преобразована в Коммунистический университет им. Свердлова.

Связи с Царицыном Минин не прерывал. В конце 1918 г. направил Ленину отчет о боевых действиях под Царицыном, а 11 января 1919 г. в газете «Правда» появляется его статья «Осажденный город». Минина по праву можно назвать первым автором истории обороны Царицына.

К началу лета 1919 г. над Царицыном вновь сгустились тучи, и исполком городского Совета в Москву, Ленину, направил записку, в которой говорилось о необходимости издать приказ с категорическим запрещением сдачи города, а также о важности приезда в него Минина, «пользующегося любовью, доверием и авторитетом в рядах Царицынского пролетариата и войсках». Другие даты и назначения говорят о масштабах и разнообразии деятельности Минина: январь, май 1920 г. – председатель Губревкома Екатеринославщины; с мая 1920 г. по май 21-го – член РВС 1-й Конной Армии; с мая 1921 г. – помощник командующего всеми вооруженными силами на Украине и в Крыму по политчасти. За боевую деятельность в 1921 г. награжден золотыми часами, а в 1929 г. – орденом Красного Знамени.

Член ВЦИК 2, 6, 7, 8 и 9 созывов. Член 3 и 4 ЦК КПУ (Коммунистическая партия Украины). Член ВЦИК 4, 5, 6 созывов [1, л. 7–9]. В конце 1922 г. Сергей Константинович попал в автомобильную катастрофу и в декабре 1922 –

демобилизован [2, л. 2]. Однако партийной работы, которую считал смыслом своей жизни, не оставляет.

Царицын о нем помнил:

участвует в работе XIII и XIV партийных съездов. Он в числе выступавших и на XV съезде по отчету о работе ЦК и выполнении решений XIV съезда. Ему не дали договорить с трибуны: «Долой его!... Довольно!... Вон!... Иди к Троцкому!» [5], а3 марта 1929 г. Центральной контрольной комиссией ВКП(б) было принято решение: «Ввиду того, что тов. Минин целиком не согласен с решениями XIV и XV съездов партии, считая их антиленинскими (правоэсеровскими и левокоммунистическими) и ввиду того, что он в ряде своих антипартийных выступлений доказал полную свою неспособность проводить в жизнь решения партии, – считать невозможным его дальнейшее пребывание в рядах ВКП(б)». Спустя 3 года, 27 июля 1932 г. ЦК ВКП(б) вновь рассматривает вопрос о его партийности: «Ввиду враждебности Минина С.К. по отношению к ВКП(б) и его контрреволюционных выступлений по адресу ЦК партии, исключить Минина С.К. из ВКП(б). Считать необходимым отобрать у тов. Минина партбилет, как у совершенно невменяемого и исключенного из партии».

Кому и чем он был опасен? Но без суда и следствия осенью 1932 г. его направили (сослали) в места, где когда-то отбывали ссылку, сменяя друг друга, декабристы, народники, социал-демократы: в бывший Нарымский край, в с. Колпашево (ныне районный центр в Тюменской области, на р. Обь). Но, как писала сестра Сергея Константиновича, Софья Константиновна, ему, по просьбе родных, была «дана особая комната, лицо для ухода, обед. Однако по распоряжению Ягоды и других уход был отнят в начале 1933-го г., и он замерзал и голодал, посылая телеграммы родственникам. В 1934 г., после письма родственников И.В. Сталину и по просьбе родных, он был срочно возвращен ... содержался в хороших условиях до 1937 г., получая пенсию частично для воспитания сына, в результате чего имел улучшение...» [1, л. 7–8].

А в это время в центральных и местных партийных органах шла кардинальная переоценка его роли в Царицыне. Так, в сборнике статей и документов «Оборона Царицына», выпущенном Сталинградским краевым книжным издательством в 1937 г., на стр. 27–28 читаем: «Некоторые руководители во главе с Мининим пытались сглаживать классовые противоречия. Минин проповедовал, что «в городе нет такой контрреволюции, с которой следовало бы бороться», а буржуазия, под дымовой завесой мининского краснобайства о «лояльности» буржуазии, организует и всеми способами проводит борьбу с советской властью. Под крылышком почти легально существовавших эсеровских и меньшевистских организаций, группируется контрреволюционное офи-

царство... Надо быть предателем пролетарской революции, чтобы убеждать парторганизацию, как делал это Минин, что «наш город не знал сильной контрреволюции и анархии сравнительно с другими городами». (Один из авторов этих строк – В.М. Алексеев, первый директор открытого в 1937 г. музея Оборона Царицына, был в том же году репрессирован и расстрелян).

Летом 1937 года Минин С.К. переведен в I-ю загородную Московскую нервно-психиатрическую больницу, в с. Троицкое ... и помещен в общую комнату. По предложению администрации больницы, 26 июля 1945 г. выписан на площадь сестры, прошел ВТЭК, получил первую группу инвалидности [1, л. 7–9].

После смерти Сталина сестра обратилась в ЦК КПСС с ходатайством о реабилитации брата. В 1954 г. он был полностью восстановлен в гражданских правах, а в 1955 г. в связи с 50-летием Первой Русской революции, как её участник, награжден орденом Трудового Красного знамени [6, с. 7].

Социал-демократ начала XX века. Почему с такой убежденностью он шел против радикальных большевиков? Какую оценку даст, спустя какое-то время, история подобным ему «верным рыцарям революции», тем, кто шел в неё не за должностями, титулами и славой, а за лучшим будущим для других и искренно в это верил?

В сегодняшнем Волгограде о нем не напоминает ничего.

Список источников и литературы

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 195.
2. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 1036.
3. ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 60.
4. Волгоградская правда. – 1966. – 26 января.
5. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – Ч. 1. – М.: [б.и.], 1961. – 234 с.
6. Во главе Красного Царицына / Краеведческое пособие. – Дубовка: [б.и.], 2012.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

УДК 94(47)

Т.А. Биктимирова

Татар хатын-кызларының беренче корылтаена 100 ел¹

XX гасыр башының үтө каршылыклы ижтимагый-сәяси вазгыяте татар зыялыларын, милләтпәрвәрләрэн үз дулкыны эченә ала. Бу дулкынның өөрмә-давыллары аларның барысы өчен дә житди имтихан, милли сынау чоры була. Меңеллык дәүләтчелек тарихы булып та, коллыктак изелүгә дучар ителгән татар халкы язмышка гына буйсынып яши алмый инде, ул уйланырга, азатлык өчен көрәшкә хәзерләнергә мәжбүр. Төрле юнәлешлөрдә барган көрәшнөң башында татар зыялылары, милләт жанлы затлары тора. Алар арасында без укымышлы, бүген дә исемнәрэн горурлык һәм сагыш белән искә алырлык кызларыбызны күрөбез.

Инде мәгълүм булганча, 1917 елның февралендә Россиядә патша хөкүмәтенә каршы хәрәкәт үскәннән үсә барып, хакимиятнең Николай II кулыннан IV Дәүләт Думасының вакытлы комитетына күчүенә китерә. Комитет үз нәүбәтендә Вақытлы хөкүмәт тәзеп Дума утырышында раслата да. 21 мартта Вақытлы хөкүмәт рәисе князь Г.Е. Львов хатын-кызларның сайлауларда тигез хокуклы булулары хакында игълан итә. Хатын-кызларга хөкүмәт учреждениеләрендә эшләүгә дә хокук бирелә һәм шунда ук кадетлар партиясенә күренекле эшлеклесе С.В. Панина мәгариф министры урынбасары булып сайлана.

Мондый вазгыять татар хатын-кызларына да искиткеч тәэсир ясый. Тарих бүлөк иткән форсаттан файдаланып, алар ирекле илдә иркенләп, алда торган бурычлар чишәсе мәсьәләләр хакында сөйләшәр өчен тарихта беренче тапкыр мөслимәләр корылтаен үткөрер өчен хәзерлекне башлап жибәрәләр. Инде 5 мартта ук Мәскәү татар хатын-кызларының жыелышы уза. Жыелыш Дәүләт Думасының Мөселман фракциясенә

¹ 100 лет первому съезду татарских женщин!

мөрәжәгать кабул итә. Анда мондый юллар язылган була: «Мәскәүдәге мәселман хатын-кызлары Яңа хөкүмәтне тәбрик итәләр. Мәскәү хатын-кызлары кебек Казан, Уфа, Оренбург, Троицки, Әстерхан шәһәрләре хатын-кызлары да ничә гасырлардан бирле тапталган хокукларын сорарлар дип өмет итәбез... Аурупа хатын-кызларына күз салып, алардан гыйбрәт алырга кирәк».

Мөрәжәгать газета-журнал редакцияләренә дә җибәрелә һәм тиз арада бөтен мәселман хатын-кызлар дөнъясын кузгата. Оренбург, Уфа, Троицки, Әстерхан, Сәмәрканд хатын-кызларының бер-бер артлы уздырылган җыелышларының барысында да диярлек тигез хокук, азатлык, мөғариф лозунгылары куела. Бу җәһәттән 17 мартта үткәрелгән Оренбург хатын-кызлары мәҗлесе карарлары игътибарны җәлеп итә. Алар: Оренбург мәслимәләре җәмгыятен бөтен Оренбург тарафыннан хөрмәт итәрлек итеп әслах кылырга (оештырырга); уку яшендә мәктәп күрә алмаган мәслимәләр өчен «җомга дәрәсләре» оештырырга һәм мәслимәләр өчен дарелмөгаллимәт ачарга; мәғлүмат таратыр өчен авылларга хатын-кызлар җибәрергә; Төркестанда һәм Казагыстандагы мәселман хатын-кызлары арасында аңлату эшләре оештырырга һ.б.

Оренбург хатын-кызларының эшне колачлап алып бару һәм тугандаш хатын-кызларга да илдәге үзгәрешләренә төшендереп, азатлык көрәшендә ярдәм кулы сузу теләкләре аңлашыла. Карарларының үтөлешен тәэмин итәргә дип, аларн 9 кешедән «Мәслимәләр комитеты» да оештырып куялар. Әгъзалары итеп табибә Разия Котлырова-Сөләйманова, мөгаллимәләр – Маһирә Мөштәриева, Зәйнәп Вәлиева, Мөхфүзә Хөсәенова, Зәйнәп Камалия, Сәкинә Бакирова, Хәдичә Мәрҗания, Сафия Мөхмүдова һәм Тенишева (исеме күрсәтелмәгән) сайлана. Җыелыш соңында ул заман мәҗлесләренең аерылмас билгесенә әйләнгән «Уян татар» җыры башкарыла.

Югарыда искә алынган җыелышларның барсында да Бөтенроссия мәселман хатын-кызларына гомуми бер съезд кирәклегенә хақында сүз кузгала һәм «әгәр була калса» дип вәкилләр дә сайлана.

Мәскәү хатын-кызлары янә үз җенестәшләренә мөрәжәгать белән чыгалар: «Мәслимә кардәш вә иптәшләр! – диелә анда. – Бу тарихи көннәрдә ханымнарыбызның хәзерге һәм киләчәктәге тормышлары өчен мөйданга чыгып, эшкә тотыныгыз! Яңгырдан соң чыккан гөлләр кебек бердәм күтәрелегез!... Хәзерге көндә бөтен Русия халкы – русы, яһүде, әрмәнә вә башкасы үзара киңәшәп җәмгыятләр, съездлар ясап аерым бер фикергә килә, сайлау хәзерлеген күрә. Сайлауда, сайлануда ханымнарга ирләр белән бертигез хокук биреләчәк булганга, аларның ханымнары да ирләре кебек үк эшли, хәзерләнә, төрле оешмалар ясый... Безнең дә эшли, эшкә ярыш торган көчләребез бар. Фәкать болар бер жиргә, бер

фикергә, бер максат астына жыелмаган... Ханымнар арасына чөчөлгән көчләрне бергә жыеп, аерым бер юл белән барыр өчен без бергә жыелырга тиеш» [1]. 19 мартта Казанда уздырылган хатын-кызлар жыелышын съездны хәзерләүгә турыдан-туры хәзерлек дияргә була. Чөнки аны оешкан төстә үткөрү һәм мадди ягын тәэмин итү өчен жыелышта иганә дә жыела. «Кайбер ханымнар мең сумга кадәр иганә иттеләр» – дип яза «Сөембикә» журналы [2]. Бу жыелышта эле яңа гына оешкан Мөселман комитетына әгъзалар итеп Хәдичә Ямашева-Таначева һәм Гайшә Юнусовалар сайлана. Бер аз вакыттан соң Гайшә урынына Әминә Мостафина кандидатурасы күрсәтелә.

Соңыннан съездны үткөрү өчен «Вакытлы мәркәз бюро» сайланып, аның рәиссәсе итеп тә Хәдичә Таначева күрсәтелә. Әйтеп үтик, Хәдичә ханымның Россия мөселман хатын-кызлары арасында сәләтле оештыручы, дәрәжәле, зыялы ханым булып формалашуында, һичшиксез Хөсәен Ямашевның (Хәдичәнең беренче ире, Хөсәеннең вафатыннан соң Вәллидхан Таначевка чыга) да, туганы Фуад Туктаровның да йогынтылары булгандыр. Татарның олуг затларыннан саналган бу шөхәсләр милли азатлык өчен көрәшкә төрле юллар, төрле фикер каршылыклары аша килсәләр дә, тормышлары һәм көрәшләре белән татар дөньясы тарихында ятлы эз калдыралар. Хәдичә дә актив көрәшчә, без өйрәнгән чорның азатлык көрәшндә, бигрәк тә хатын-кызларның тормышта тигез хокукларын даулап чыгучы. 1917 елдагы активлыгы аның Сталин репрессиясенә дучар итәсен ул эле белми, Россия тарихында беренче мәртәбә уздырылчак мөселман хатын-кызлары корылтаен хәзерләүгә үзенең бөтен көчен сарыф итеп йөри.

1917 елның 24 апрелдә Казан шөһәрндә Бөтенрәсәй мөслимәләренең беренче корылтае тантаналы шартларда үзенең эшен башлап җибәрә. Кызыл әләмнәр белән бизәлгән «Новый клуб» бинасы (элеккеге Лядов, хәзерге М.Горький урамында урнашкан) хөррияткә, тигез хокук өчен көрәшкә, бөтендөнья хатын-кызларын берләшүгә өндәгән лозунглар белән тулы була. Корылтайга Эчке Россия, Кавказ, Кырым, Төркестан, Польша сайлаган 71 вәкиленең барысы да чиксез дулкынлану кичерәләр. Сайланып килүчеләр янына дөньяда күрелмәгән бу хәлне «Күрү, ишетү өчен тагын өч йөздән артык хатын-кызлар килеп, баштан-ахырга кадәр чын ихлас белән утырдылар», – дип яза Якуб Хәлили. – Чит ирләргә керергә ярамаса да, матбугат вәкилләре өчен махсус урын куелган иде» [3].

Корылтайны мәркәз бюро рәиссәсе Хәдичә Таначева ача. Килгән вәкилләрне тәбрик итеп, ул: «... Әлегә кадәр безгә хокуксызлык, золымнар хакында сөйләшәргә иске хөкүмәт ирек бирми иде. Хәзер иске идарә бетте, революция безгә хөррият алып бирде. «Мәркәз бюро» исеменнән шатлыгымны сезгә белдерәм һәм съездны чын күңелемнән тәбриклим. ...

Съезд Мәскәүдә булачак гомуми мөселманнар съездына кертелергә тиеш булган иң әһәмиятле мәсьәләләрне генә тикшерәчәк. Ул мәсьәләләр исә: хатыннарынның шәригатьтәге хокуклары; аларның гаиләдәге тоткан һәм тотачак урыннары; сәяси хокуклары; иҗтимагый тормышта тоткан урыннары; Учредительное собраниягә катнашулары һәм шуны эшкә ашыру һәм хатын-кызларга махсус муәссәләр.

Шушы алты мәсьәлә хакында бюро тарафыннан доклад хәзерләнде. Алар хакында сөйләү, бер карарга килү съезд эше булачак. Хәерле сөгәттә мөхтәрәм иптәшләрәм!»

Съездның президиумына Сара Әхмәрова (рәисә), булышчылары итеп Фатима Алкина, Хәдичә Таначева, сәркатиблыкка Зәһрә Салихова, Мәрьям Гөбәйдуллина, Хәдичә Мостафина, Зәйнәб Алиевалар күрсәтелә. Докладларны карап, тикшерү өчен 5 комиссия сайлана. Шулар арасында хокуклар хакындагы докладны карап чыгу өчен Гайшә Абызкылдеева, Фатима Лотфия, Хәтимә Камалова һәм Мәрвәрит Туктаровалар сайлана. Иҗтимагый-сәяси хокуклар хакындагы комиссиягә тагын 12 кеше күрсәтелә (Рис.4).

Съездны укытучылар исемнән Газиз Гөбәйдуллин, Ташкент хатын-кызларыннан Сәгәдәт Еникеева, Польша мөселман хатын-кызларыннан Мәрьям Криницкая тәбриклиләр. Гаяз Исхакиның тәбрик телеграммасы алкышлап каршы алына. Татар халкының мөгърифәт өлкәсендәге мөһһүр кызларыннан Зәһрә Акчурина-Гаспринская һәм Фатима-Фәридә Нәүрүзоваларны зал аягүрә торып искә ала.

25 апрельдә съезд докладларны тыңлап, карарлар кабул итәргә керешә. «Шәригатьтә хатын-кызларның хокуклары» (докладчы Мәрвәрит Туктарова), «Иҗтимагый-сәяси тормышта хатын-кызлар» (Мәрьям Мөштәриева), «Хатын-кызларның гаиләви хәлләре» (Хәтимә Камалова), «Милли мәсьәләләр хакында» (Мәрьям Мөштәриева, Заһидә Бурнашева) докладлар тыңлана. Фикер алышуларда безгә билгеле зыялы ханымнарыбыздан Ләбибә Хөсәения, Зөләйха Рахманкулова, Фатима Дәүләткылдеева, Әминә Мөхетдинова, Мәймүнә Шәфигуллина, Рауза Солтангалиева, Фатима Лотфия, Илһамия Туктарова һ.б. катнаша. Алар бүгенге көн өчен дә әһәмиятен югалтмаган тәкъдимнәр кертсәләр дә, сүз артык озын-га китүдән сакланып, кабул ителгән карарларны гына санап күрсәтик.

Хатын-кыз хокуклары хакында съездның карары түбәндәгечә:

- ир белән хатын-кыз бертигез танылсын;
- хатын-кызларга иҗтимагый-сәяси эшләрдә катнашырга хокук бирелде, димәк сайлауларда да катнаша алалар;
- күп хатынлылык рөхсәт ителмәсен;
- 8 яше тулган һәр балага уку мәҗбүри булсын һәм кызлар өчен урта һәм югары мәктәпләр ачылсын;

- хатыннарга йөзләрен ачып йөрү тыелмасын;
- уку яшенә житмәгән балалар өчен бакчалар һәм тәрбия йортлары ачылсын;
- шәһәрләрдә һәм авылларда аналарны саклау (охрана материнства) жәмгыятьләре ачылсын.

Карарлар бер тавыштан кабул ителеп, Мәскәү шәһәрәндә 1 майда ачылачак Бөтенроссия мәселманнары съездына кую өчен тәкъдим ителә. Әмма карарларны тормышка ашыру өчен хатын-кызларга бөтенләй башка вазгыятьтә, башка жирлектә бик озак көрәшәргә туры килә әле.

Съезд ахырында Мәскәүдә булачак съездга Сәлимә Якупова, Заһидә Бурнашева, Диләрә Булгакова, Әммегөлсем Әсфәндиярова, Рауза Солтангалиева, Илһамия Туктарова, Хәдичә Таначева һәм Мәрьям Криңцкаялар вәкилә итеп сайланалар.

Съезд бик оешкан төстә, матур гына тәмамлана да. «Ябылганнан соң Казан ханымнар жәмгыяте тарафыннан «Сәйяр» труппасының спектакле куелды. Вәкиләләр съездан разый булып киткәнлекләрен белдерделәр, – дип яза Якуб Хәлили. – Бу съезд татар галәмәндә зур шатлык һәм өмет тудырды».

Ни кызганыч, Россиядә килеп чыккан яңа революция илдәге тәртипләрне бөтенләй үзгәртеп жибереп, күп кенә өметләрне кисүе мәгълүм инде.

Список источников и литературы

1. Сөембикә. – 1917. – №11. – Б.191–192.
2. Сөембикә. – 1917. – №10. – Б.157.
3. Сөембикә. – 1917. – №11. – Б.174.

**Конструируя кряшенскую идентичность: дискуссии
вокруг «кряшенского вопроса» в 1917–1920-х гг.**

Великая русская революция 1917 г. предоставила нерусским народам Волго-Уральского региона широкие возможности по развитию культурных и общественных институтов, привела к росту национального самосознания, породила надежды на социальное переустройство страны. Не остались в стороне от этих явлений и кряшены, у которых к этому времени сформировалась своя культурная элита из числа сельской и городской интеллигенции. Кряшенская интеллигенция Казани приняла активное участие в создании «Общества мелких народностей Поволжья», ставшей одной из первых общественно-политических объединений нерусских народов Среднего Поволжья (чувашей, мари, удмуртов, мордвы). В первом собрании общества, состоявшемся в Казани 22 марта 1917 г. приняло участие 26 кряшен [1, с. 167]. В рамках этой организации была создана крещёно-татарская секция, переименованная в октябре 1917 г. в кряшенский отдел.

Организация особого отдела в Обществе мелких народностей Поволжья стала показателем перехода кряшенского движения на качественно новый этап, связанный с политизацией общественного сознания и желанием расширить рамки своей культурной автономии. Во главе ее стали представители дореволюционной культурной элиты – преподавательский состав Казанской центральной крещёно-татарской школы и Казанской учительской семинарии, а также видные представители православного духовенства (Т. Егоров, Р. Даулей, И. Михеев и др.). Но уже к концу 1917 г. все больший тон в кряшенском отделе начинает задавать «молодежь», вчерашние солдаты и младшие офицеры Царской армии возвращавшиеся с фронтов Первой мировой войны (И. Алексеев, Т. Каранаев и др.). Они имели более радикальные политические взгляды и придерживались проэсеровских взглядов. С этого времени отдел начинает расширять свою деятельность, активно включая в круг своих вопросов политические задачи.

Вскоре между представителями двух лагерей вспыхивает открытое противостояние и борьба. «Камнем преткновения» становится идеологическое и политическое направление газеты «Кряшен газетасы» являвшейся печатным органом отдела. Представители «старой» кряшенской интеллигенции настаивали на сохранении прежнего «внепартийного» формата газеты и создания в

ней «религиозно-нравственного» раздела. Задачей этой рубрики должно было стать: «укрепление крещён в христианстве, в целях удержания их от перехода в мусульманство, поднятие нравственного состояния их» [2]. Представители «нового» направления считали невозможным сохранение миссионерско-клерикального характера газеты «на основании идей Н.И. Ильминского», что в новых политических реалиях грозило закрытием этого периодического издания.

Окончательный разрыв представителей двух «партий» и «изгнание» представителей идей Н.И. Ильминского из общественно-политического поля происходит в октябре 1917 г. после выделения из Союза мелких народностей национальных обществ и преобразования крышенского отдела в самостоятельное «Национальное общество крышен». Председателем общества был избран член партии эсеров Д.И. Касимов, а основную роль в нем начинают играть представители светской интеллигенции и учащейся молодежи [3].

С изменением руководящего состава этой организации меняется и направление ее деятельности. Представители дореволюционной интеллигенции ратовали за сохранение крышенского общественного движения в рамках культурно-просветительского направления. Главными задачами для них было развитие школьного просвещения, усиление религиозно-нравственного воспитания, сохранение православной конфессиональной идентичности крышен. Не отрицая тесной исторической и культурной связи крышен и татар-мусульман, они в тоже время подчеркивали, что ключевым этнокультурным маркером крышен является конфессиональный фактор – исповедание православия. Исходя из этого, они считали, что лишь при сохранении значения религии в жизни общества возможно сохранение крышенской идентичности. Данный идеологический посыл был сформулирован представителями крышенской духовной интеллигенции еще в дореволюционный период. Впервые обозначенная в произведениях священника Я. Емельянова [4], а впоследствии развитая в программной статье священника Д. Григорьева «Зовите нас крещёнами» [5], эта идея базировалась на невозможности совмещения татарской этнической принадлежности, важной составляющей которой было исламское религиозное самосознание и православной конфессиональной ориентации лица. Для нового поколения крышенской элиты обладавшего секулярным сознанием конфессиональная принадлежность, хотя и продолжала оставаться одним из элементов крышенской идентичности, все же не являлась ее базисом. Это позволило им выдвинуть идею «Крышены – отдельная нация».

Политические взгляды руководства общества предопределили ориентацию на поддержку белого движения, что в условиях победы большевиков в Гражданской войне привело к фактическому прекращению деятельности этого объединения [6, с. 116]. Взамен общества крышен в начале 1920 г. в рам-

ках Народного комиссариата национальностей РСФСР был организован Кряшенский отдел.

Его руководство первоначально продолжала поддерживать лозунг «Кряшены – особая нация». Но при осуществлении на практике курса на национальное самоопределение кряшен они столкнулось с целым рядом объективных проблем. Многие разрабатывавшиеся проекты по конструированию национальных институтов так и не были реализованы. В частности, попытка создания в Казани кряшенского батальона предпринятая бывшим прапорщиком царской армии А.Г. Васильевым не привела к реальным результатам [6, с. 89]. Не был осуществлен и проект создания кряшенской культурно-национальной автономии, которая должна была включать в себя территорию бывшего Мензелинского уезда Уфимской губернии с центром в с. Бакалы [7]. Значительно более продуктивным оказалась реализация проектов в области культурного строительства и развития культурно-просветительских институтов. В 1918 г. был организован кряшенский советский передвижной театр, в 1919 г. открыто Центральное кряшенское издательство, печатавшее книжную продукцию на кириллическом алфавите, с 1917 г. в крупных городских центрах, в которых проживали кряшены начинают выходить газеты, в 1918 г. на базе Казанской центральной крещёно-татарской школы были созданы педагогические курсы, преобразованные в 1922 г. в Кряшпедтехникум [8, с. 160].

Таким образом, в первые постреволюционные годы кряшенская элита не смогла предложить механизмы реализации идеи по созданию «отдельной кряшенской нации». Можно назвать ряд причин этого явления. Ко времени революционных событий 1917 г. процесс внутренней консолидации кряшен не был завершён. Этому мешало гетерогенное расселение кряшенского сельского населения, ее низкая социальная мобильность и отсутствие достаточно прочных культурно-информационных связей между представителями отдельных этно-территориальных групп. Кроме того, сама кряшенская идентичность не смогла до конца вкорениться и стать основой национального самосознания представителей этого сообщества. Показательно в этом отношении ситуация сложившаяся во время проведения Первой всесоюзной переписи населения 1926 г. Несмотря на то, что кряшены были выделены как самостоятельная единица учета часть представителей этого этноконфессиональной общности предпочла записать себя ни «кряшенами», а «тавлинцами», «керинцами», «бакалой», «нагайбаками» т.е. бытовавшими у отдельных групп локальными эндонимами [8].

В целом кряшенское общество явно «не поспевало» за теми идеями, которые выдвигались кряшенскими «националистами». Несмотря на декларацию создания «кряшенской нации», объективных предпосылок к этому в данный период не было. В стадийном отношении кряшенское сообщество находилась на этапе трансформации конфессиональной идентичности в этно-

культурную. Сельской население, составлявшее подавляющее большинство кряшенского общества продолжало идентифицировать себя через призму конфессионального статуса. Православие оставалось основным маркером их идентичности, отличавшее их от татар. Существовала определенная бинарная оппозиция кряшен-православный – татарин-мусульманин. Превалирование конфессионального сознания над этническим у кряшен, можно проиллюстрировать на примере деятельности одного из первых их органов местного самоуправления, созданного «снизу». Стремясь выделиться из преобладающего татарского населения, жители Ахметьевский волостной Мензелинский уезд Уфимской губернии в середине 1917 г. создали волостной комитет, предпочтя обозначить свое объединение не кряшенским, а православным и избрать ее председателем местного священнослужителя Романова [9].

Наряду с «националистическими» взглядами среди пробольшевистски настроенных кряшенских политических деятелей получили популярность идеи о возможности интеграции кряшен в татарской национальное пространство при сохранении кряшенской этнокультурной самобытности. Еще в 1917 г. в периодической печати появляются первые публикации кряшен-революционеров с такими взглядами на «кряшенский вопрос». Так в «Известиях казанского совета солдатских и рабочих депутатов» от 20 июля 1917 г. за №81 Степанов писал о необходимости вхождения кряшен в общетатарское культурно-информационное поле: «по моему, самое лучшее для нас с малых лет в школах параллельно с изучением русского языка изучать родной мусульманский (т.е. татарский – *Р.И.*) язык, применяя при этом арабский шрифт» [10]. Переход на татарский алфавит, по мнению Степанова, позволил бы кряшенам, не ограничиваясь только небольшой переводной религиозной литературой созданной православными миссионерами, приобщиться к богатой татарской литературной традиции [6, с. 82].

Позиции сторонников этих идей укрепляются после образования в 1920 г. ТАССР. 19 марта 1921 г. областная конференция коммунистов-кряшен высказалась против культурно-национальной автономии кряшен как противоречащей программе РКП(б). Важным здесь стала позиция народного комиссара по делам национальностей И.В. Сталина сформулировавшего официальный взгляд советской власти на сущность нации «как исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [11, л. 63 об.]. Исходя из данной концепции кряшены не могли быть признаны отдельной нацией. Иной конфессиональный статус, выделявший кряшен из общей массы татар, в условиях строительства атеистического советского общества также не мог рассматриваться как достаточное основание в предоставлении им статуса особой народности. В связи с этим с 1922 г. кряшенский отдел факти-

чески отказывается от националистической идеологии и приступает к разработке и реализации программы по интеграции кряшен в татарское национальное пространство. В рамках этой программы в 1925 г. были реорганизованы кряшенские начальные школы, в 1928 г. преподавание в них началось осуществляться на основе татарского латинского алфавита (яналифа), в 1929 г. Кряшпедтехникум был объединен с Татпедтехникумом. Это привело к тому, что «кряшенский вопрос» на долгие годы вышел из повестки общественного обсуждения, а за кряшенами закрепился статус одной из самобытных этнографических групп татарского народа.

Список источников и литературы

1. Клементьев В.Н. Истоки государственности чувашей. – Кн.1: Истоки государственности чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 320 с.
2. Михеев И.С. К истории разложения национального общества кряшен [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://www.missiakryashen.ru/history/schools/Kazan/Miheev>. – Проверено: 30.06.2017.
3. Мухамадеева Л.А. Кряшны в обществе мелких народностей Поволжья (1917–1918 гг.) // Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения: материалы научно-практических конференций, посвященных 180-летию со дня рождения религиозного просветителя В.Т. Тимофеева / сост. и отв. ред. Р.Р. Исхаков. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 52.
4. Емельянов И. Стихи на крещено-татарском языке. – Казань: тип. Гладышевой, 1879. – 37 с.
5. Григорьев Д. Зовите нас крещёнами // Известия по Казанской епархии. – 1906. – № 14–15. – С. 450–454.
6. Григорьев А.Н. Кряшенский вопрос в Татарии и его разрешение советской властью: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1945. – 251 с.
8. Мухамадеева Л.А. Кряшны в 1917–1930-х гг. // Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения: материалы научно-практических конференций, посвященных 180-летию со дня рождения религиозного просветителя В.Т. Тимофеева / сост. и отв. ред. Р.Р. Исхаков. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 158–162.
10. Макаров Г.М. Тамги кряшен // Научный Татарстан. – 2011. – №3. – С. 230–233.
11. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств АН РТ (ЦПМН ИЯЛИ). Ф. 56. Оп. 1. Д. 5.

В.А. Бабюх

К проблеме определения настроений и мотивов поддержки украинской интеллигенцией Украинской революции 1917–1921 гг.

Многие десятилетия при изучении процессов и явлений Российской революции 1917 г. события в Украине трактовались как ее часть. В эмигрантской литературе указывалось участие украинцев в поддержке демократического правительства и конфронтации с ним по ряду национальных вопросов [1; 2; 3; 4]. В советской историографии отбрасывалась даже сама идея Украинской революции, а украинское национальное движение, которое не вписывалось в концепцию социалистической революции, объявлялось контрреволюционным. Но с начала 1990-х гг. ситуация изменилась. Начался новый этап в изучении политических, экономических и социальных процессов в Украине 1917–1920 гг. За это время были выпущены сотни книг и брошюр, тысячи статей, которые так или иначе анализируют события в Украине под углом зрения национально-демократической революции [5–21].

Именно благодаря современным исследованиям, по мнению В. Солдатенка, в наши дни довольно веско доказано, что «тесно взаимосвязанные с общероссийским революционным процессом, детерминированные им многие события в Украине следует все же условно выделить и именовать Украинской национально-демократической революцией» [22, с. 28]. Это вовсе не значит, что Украина была как-то отгорожена от общероссийских тенденций, и они совсем не коснулись ее территории и тех процессов, которые там проходили. Наоборот, многие характерные черты тогдашнего революционного времени проявились в Украине особенно четко и масштабно. Более того, огромное количество представителей украинского народа влилось в общий процесс демократических преобразований, сделав весомый вклад в необратимость начатого переустройства общества.

Как отмечает Д. Донцов, основными социальными силами Украинской революции были крестьяне и национальная интеллигенция [23, с. 126]. Причем, возможно, впервые в историографии он дает своеобразную классификацию украинской интеллигенции, разделяя ее на «украинофилов», которые реально отстаивали идею создания национального независимого государства и «москвофилов», которые шли в фарватере революционных событий в России [24–29].

Проблемам места и роли интеллигенции в Украинской революции 1917–1920 гг. посвящено много трудов, ведь все органы власти, начиная от Украинской Центральной Рады до советов, были заполнены представителями этого слоя населения [24–29]. Поэтому изучение революционных процессов в Украине во втором десятилетии XX в. непременно наталкивается на осмысление роли в них интеллигенции. Кроме того, существует ряд исследований, непосредственно освещающих деятельность интеллигенции в период революции, ее социально-политический портрет [30–34]. Но несмотря на большое количество трудов, не исследованными остаются настроения украинской интеллигенции в период революционных событий 1917 г., мотивы поддержки/противостояния украинской власти. Изучение настроений указанных слоев украинского общества возможно благодаря анализу их партийной и идеологической принадлежности, поддержке определенных решений власти. В то же время, при исследовании мотивов, которые побуждали интеллигенцию к действиям, мы непременно вынуждены будем вторгнуться в сферу исторической психологии. Потому, что любые общественно-исторические преобразования (а тем более революционные), решение политических, национальных, социальных вопросов возможно только на основе их осознания и принятия человеком, его заинтересованности в их осуществлении, т.е. предполагает обращение к человеческой составляющей исторического процесса: менталитета, среды проживания, культурных и духовных ценностей и др.

В данном случае, хочется сразу уточнить, что классификация как самой украинской интеллигенции, так и ее настроений, мотивов не является константой. В самой социальной группе происходили постоянные изменения, брожения, трансформации взглядов и т.п., под влиянием исторических событий. Это проявлялось в неустойчивости позиций и идей отдельных групп интеллигенции, о которых речь пойдет ниже. Более того, представленное исследование является всего лишь попыткой установить некую концепцию, выделить проблемную область для дальнейших исследований настроений интеллигенции и общества в целом.

Украинская революция имела два главных, довольно затяжных периода. Первый – это эпоха Центральной Рады: с начала марта 1917 г. до 29 апреля 1918 г. Второй – с установления власти Директории (14 декабря 1918 г.) – до конца 1920 г. В нашем исследовании мы ограничимся только первым этапом революции, как наиболее отражающим трансформации в общественном сознании.

После свержения самодержавия общественно-политическое движение в Украине, наряду с общим стремлением к демократизации и социальному прогрессу, имело свои, собственные задачи. Если их обобщить, то главной зада-

чей можно считать освобождение и возрождение украинской нации (во всех сферах общественного бытия – экономике, политике, духовной жизни).

Как указывает В. Солдатенко, для реализации этих задач кроме общероссийских партий, имевшим свой электорат в Украине, с начала века создавались и украинские (национальные) политические партии [22, с. 29].

В 1917 г. можно выделить целый ряд влиятельных, хотя и не в равной мере партий: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ), Украинская партия самостийников-социалистов (УПСС), Украинская хлеборобско-демократическая партия (УХДП) и др. В не зависимости от различий в их программах, все они сходились в одном – итоговой целью должно было стать превращение этнической общности украинцев в полноценную, современную политическую нацию с созданием собственной государственности.

Созданная 3–4 марта 1917 г. в Киеве Центральная Рада стала представительным органом, фактически украинским парламентом (в нее вошли представители всех наиболее многочисленных национальных групп, проживавших в Украине). Она провозглашала целью возглавленного ею движения достижение социалистического общества, («народоправства» – М. Грушевский), а на первом этапе – закрепление полномасштабных демократических преобразований – устранение национальных, этнических, религиозных и других различий на федеративных принципах [35, с. 107–108].

Уже в первых двух законодательных актах (Универсалах) 10 июня и 3 июля 1917 г. был задекларирован и закреплён автономный статус Украины в составе Российской республики.

Постепенно, с определенными сложностями (например, напряжение, возникшее в связи с Временной инструкцией Временного правительства Генеральному секретариату от 4 августа 1917 г., или из-за начавшегося процесса украинизации воинских частей), реализовывались провозглашённые задачи и цели.

Однако, такой ход событий получил иное направление после прихода к власти большевиков. Центральная Рада не признала власти ленинского Совнаркома, осудила смещение законного Временного правительства издала 7(20) ноября 1917 г. III Универсал, которым провозглашалось создание Украинской Народной Республики. В то же время, опять заявлялось и о том, что УНР не отделяется от России, а будет оставаться ее федеративной частью [36, с. 398–401].

Во всех этих событиях особое, ключевое место занимала украинская интеллигенция. Украинская интеллигенция начала XX в. – политически актив-

ная, экономически окрепшая, – на то время была главной силой национального возрождения. Она уже окончательно сформировалась как самостоятельный социальный слой населения со своей психологией, мировоззрением и претендовала на право стать политическим лидером в государстве.

Дореволюционная интеллигенция в Украине не была однородной как в социальном, так и национальном плане. Довольно большой процент группы составляли русские – 30%, евреи – 15%, поляки – 5%, украинцев было всего 32% [37, с. 150]. Русская интеллигенция, которая жила на Украине, относилась к украинскому национальному движению преимущественно негативно. Ее демократичная часть, разделяя взгляды мелкобуржуазной демократии, в общем признавала за Украиной право на национально-территориальную автономию. Однако решать «украинский вопрос» она предлагала постепенно и с участием Учредительного собрания. Выразителем взглядов этой части интеллигенции стал созданный в Киеве «Демократический союз работников российской культуры на Украине», в который вышли многие известные деятели науки и культуры [31, с. 5–6].

Другая часть российской интеллигенции, разделяя взгляды кадетов, относилась отрицательно не только к самой идее автономной Украины, но и к возможности национально-культурного развития, которое происходили после февраля 1917 г. Она не возражала против внедрения украинского языка в начальной школе, однако резко выступала против перехода на нее в вузах и государственных учреждениях. Рупором подобных настроений стала киевская газета «Киевлянин», которая в апреле 1917 г. сообщила о создании «Общества юго-росов» [38]. Важно отметить, что такие взгляды были продиктованы либо шовинистскими взглядами о неполноценности украинского языка и культуры, либо низкой историко-политической культурой части интеллигенции, навеянной многовековой политикой и идеологией царизма.

Если говорить о социальной численности интеллигенции в Украине 1917 г., то можно сказать, что интеллигенция не была относительно малочисленной в сравнении с другими социальными слоями. В то же время она была представлена во всех регионах Украины. В юго-западных губерниях количество интеллигенции составляло 37% от всего слоя, в трех губерниях Левобережья и на Слобожанщине – 41%, а на юге – всего 22% [39, с. 93].

Еще одной особенностью классификации данной группы населения является разделение на городскую (60%) и сельскую (40%) интеллигенцию. Характерно то, что носители украинской идентичности как раз преобладали именно на селе, что фактически полностью исключало ее из активного политического процесса [30, с. 42].

Украинская интеллигенция в основном принадлежала к среднему классу. Самый большой профессиональный отряд ее составляло народное учительство, немалой была доля агрономов, врачей, кооператоров, адвокатов, творческой интеллигенции. Значительную часть составляли так называемые полуинтеллигенты, то есть наименее материально обеспечены и малоквалифицированные специалисты и служащие. Верхушку представляла немногочисленная либеральная профессура.

Образовательный и культурный уровень, профессиональная подготовка дореволюционной интеллигенции были значительно выше по сравнению с другими социальными группами общества. Интеллектуальная работа тогда высоко ими ценилась. Соответственно высоким был и уровень жизни интеллигенции. Ее верхушка по своему материальному положению приближалась к наиболее состоятельным классам. Однако, материальные различия – не главное. Существенными, в нашем случае, были духовные, нравственные различия. Среди них – престижность, прежде всего, массовых профессий: учителей, врачей, инженеров, офицеров, а также высокий авторитет их в обществе. Самыми уважаемыми и авторитетными людьми на селе были священник и учитель. Общественное мнение в провинциальных городках формировали также учителя, врачи и адвокаты. Эта интеллигенция не стояла в стороне политической жизни. Она имела независимые политические взгляды и была довольно активной. Более того, местная интеллигенция, в отличие от профессуры, была близка к простому народу с его проблемами и чаяниями, что делало ее более социально-политически радикальной.

Еще одну классификацию предложил известный украинский историк Г. Касьянов. Он выделил две основные группы, которые кардинально отличались друг от друга. К первой относятся кооператоры, агрономы, мелкие служащие, юристы, учителя, земские служащие и др. Их в Украине насчитывалось более 160 тыс., что составляло больше половины всего слоя. Вторая группа – это люди, профессии которых обеспечивали потребности собственно интеллигенции – историки, философы, писатели, искусствоведы [30, с. 43–44]. Для собственного удобства мы будем называть эти группы «трудовой» интеллигенцией и «интеллектуальной» соответственно.

Все эти подходы к классификации играют очень важную роль в понимании настроений украинской интеллигенции в период Украинской революции 1917–1920 гг. и мотивов ее поддержки.

На окраинах Российской империи, которые испытывали не только социальный, но и национально-культурный гнет, роль интеллигенции в политической жизни общества была намного выше, чем в центре. Такое состояние сложилось исторически, поскольку интеллигенция угнетенных наций добро-

вольно выполняла высокую миссию просвещения своего народа, сохраняла и умножала его культурные традиции, воспитывала национальное сознание.

Буржуазно-демократический строй, установленный в феврале 1917 г., полностью устраивал всю украинскую интеллигенцию. Революционный подъем, вызвал бурный рост общественно-политической активности во всем обществе, с особой силой охватил интеллигенцию. Частично свои политические взгляды и настроения она смогла выразить в огромном спектре украинских политических партий от «хлеборобов» до «самостийников». Так, возможно, представители трудовой интеллигенции, которые в большинстве своем проживали в провинции и знали нужды и потребности трудового народа, поддерживали идеи украинских эсеров, социал-демократов, хлеборобов-демократов. Они плохо разбирались в политике, но лозунги об экономическом равноправии и справедливости толкали их к таким партиям, заставляя верить в скорые социальные изменения. После того, как Центральная Рада начала затягивать решение крестьянского и рабочего вопросов, а далее и вследствие октябрьского переворота 1917 г., большая часть этой группы перешла на сторону советов, польстившись на призывы большевиков: «Землю – крестьянам, фабрики – рабочим».

Иными были политические взгляды интеллектуальной интеллигенции. Ее материальное и социальное положение в обществе было очень высоким, но в политической жизни общества до марта 1917 г. она не играла значительной роли. В то же время, образовательный и политический уровень представителей данной группы был очень высок в связи с пониманием исторических и общественных процессов. Поэтому, «интеллектуалы» влились в революцию по причине уравнивания своих политических прав с русской интеллигенцией в России. В подтверждении этих предположений можно указать и на то, что некоторая часть данной группы русифицировалась, прониклась великодержавными настроениями, потеряла связь с народом, его языком и культурой. К тому же члены Центральной Рады стояли на позициях федерализма, а значит в определенной мере их устаивало личное положение в Российском государстве. Очень часто они выступали генераторами основополагающих идей создания нового государства, часто не считаясь с интересами представителей трудовой интеллигенции, что порождало недоразумения и конфликты.

Из последнего тезиса можно вывести еще одно предположение об особенностях политических мотивов поддержки Украинской революции интеллигенцией. Большая часть сельской и мелкой городской, а также незначительная часть верхних слоев интеллигенции имели статусную и материальную заинтересованность в создании национального государства, поскольку хотели быть в нем элитой. Подтверждением этому может служить то, что националистическое крыло украинского движения также возглавляла интеллиген-

ция, которая искала поддержки и сочувствия среди крестьянских и солдатских масс. Более того, после констатации нежелания Центральной Рады проводить социально-экономические реформы, начал расти авторитет «самостийников», которые призывали к немедленному разрыву с Россией. 2 июня 1917 г. националистическая организация «Союз украинской государственности» провела в Киеве массовый митинг, на котором звучали провокационные лозунги, призывы к немедленным действиям [40].

Но были и более глубокие отличия во взглядах и мотивах разных ее групп, порожденные ментальностью, положением, занятиями представителей интеллигенции. Так, трудовая ее часть, поскольку работала в провинции и непосредственно общалась с народом, прекрасно знала украинский язык, культуру, традиции этого народа. Но культурно-языковая политика царизма не допускала применения национальных языков в важных сферах жизни общества. Поэтому, когда Центральная Рада провозгласила путь на создание демократического общества, с поддержкой всех национальностей, провинциальная интеллигенция и небольшая часть интеллектуальной начали, по выражению С. Ефремова, заниматься национально-культурной работой и у них не оставалось времени для политики [41].

Очень удачно, на наш взгляд, сформулировал настроения украинской интеллигенции академик Российской академии наук, украинец по происхождению В. Вернадский в написанной в 1915 г. и не опубликованной статье «Украинский вопрос и русское общество»: «Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т.е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы считают, что в интересах не только местной украинской, но и общероссийской культуры не ставить преград их стремлениям к украинизации местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления» [42, с. 94].

Но важнейшей общей чертой взглядов украинской интеллигенции на революционные события 1917 г. было то, что ее симпатии были на стороне Центральной Рады. Именно она выражала все настроения данного слоя общества, будь то культурная автономия, или федерализация с сохранением существующих привилегий, или стремление стать государственной элитой и поддерживала идею национального освобождения. Остальное не имело для нее большого значения.

Характеризуя настроения, взгляды и мотивы украинской интеллигенции, очень сложно делать какие-то обобщения. Они всегда будут иметь примерный, условный характер. Однако одну особенность, присущую ей, кажется можно считать общей. Сознательную украинскую интеллигенцию, независимо

от социального положения и политических взглядов, ее представителей объединяла преданность «национальной идее». Все политические события, начиная с февраля 1917 г., она воспринимала сквозь призму этих идей. Социальные вопросы для нее всегда находились на втором плане. Этого нельзя сказать об украинском народе в целом, поскольку рабочие и крестьяне связывали решение национальных и социальных проблем. И это надо помнить, определяя настроения и мотивы украинской интеллигенции в 1917 г.

Список источников и литературы

1. Грушевський М. Ілюстрована історія України. – Київ-Відень, 1921. – С. 542–543.
2. Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть // Великий Українець. – Київ, 1992. – С. 69.
3. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції. – Т. I. – Прага, 1921. – С. 9.
4. Винниченко В. Відродження нації. – Ч. I. – Київ-Відень, 1920. – С. 50–51.
5. Українська ідея. Постаті на тлі революції. – Київ, 1994. – 256 с.
6. Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. (історико-генетичний аналіз). – Київ, 1995. – 263 с.
7. Верстюк В. Українська Центральна Рада: навч. посібник. – Київ, 1997. – 344 с.
8. Українська революція і державність. – Київ, 1998. – 248 с.
9. Кондратюк В.О., Буравченкова С.Б. Українська революція: здобутки і втрати в державотворчих змаганнях (1917–1920 рр.): навч. посібник. – Київ, 1998. – 280 с.
10. Українська революція: 1917 – початок 1918 рр. В.Ф. Солдатенко (Проблеми, пошуки, узагальнення). – Запоріжжя, 1998. – 264 с.
11. Реєнт О.П. Українські визвольні змагання (поч. ХХ ст. – 1921 рік). Події на східних теренах національної території // У робітнях історичної науки. – Київ, 1999. – С. 7–268 с.
12. Рубльов О.С., Реєнт О.П. Українські визвольні змагання 1917–1921 рр. – Київ, 1999. – 320 с.
13. Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис. – Київ, 1999. – 976 с.
14. Українська соборність. Ідея, досвід, проблеми (До 80-річчя Акту злуки 22 січня 1919 р.). 36. – Київ, 1999 – 407 с.
15. Курас І.Ф., Солдатенко В.Ф. Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні 1917–1920 рр. – Київ, 2001. – 248 с.

16. Солдатенко В.Ф., Хало Л.Г. Військовий чинник у боротьбі за політичну владу в Україні в 1917–1918 рр. Наукове видання. – Київ, 2002. – 398 с.
17. Верстюк В.Ф., Солдатенко В.Ф. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України. XX століття: У 6-ти т. – Т. 2. – Київ, 2003. – 488 с.
18. Події і особистості революційної доби. Збірник. – Київ, 2003. – 267 с.
19. Яневський Д. Політичні системи України 1917–1920 років: спроби творення і причини поразки. – Київ, 2003. – 674 с.
20. Любовець О. Українські партії й політичні альтернативи 1917–1920 років. – Київ, 2005. – 311 с.
21. Гай-Нижник П. Податкова політика Центральної Ради, урядів УНР, Української Держави, УСРР (1917–1930 рр.). – Київ, 2006. – 303 с.
22. Солдатенко В. Феномен Української революції // Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні епізоди, ключові постаті. – Київ, 2011. – С. 24–43.
23. Донцов Д. Підстави нашої політики. – Відень: Вид-во Донцових, 1921. – 210 с.
24. Корольов Г. Академічний дискурс дослідження історії Української революції 1917–1921 років (90-ті р. XX ст. – початок XXI ст.) // Історіографічні дослідження в Україні. – 2012. – № 22. – С. 371–384.
25. Верстюк В. Українська Центральна Рада. – Київ, 1997. – 344 с.
26. Солдатенко В.Ф., Любовець О.М. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. – Київ, 2010. – 317 с.
27. Гирич І. «Народництво» та «державництво» в українській історіографії: проблема змістового наповнення понять // Молода нація. – 2000. – Ч. 4. – С. 5–30.
28. Литовський Д.В. Утворення професійних організацій та становище єврейського вчителства в Україні за доби Центральної Ради // Влада і інтелігенція. – 2012. – № 27. – С. 140–147.
29. Маньківська Т.О. Умови праці та соціальної захист учительства на Слобожанщині в період національно-визвольних змагань 1917–1921 рр. // Влада і інтелігенція. – 2012. – № 27. – С. 147–154.
30. Касьянов Г.В. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX століть: соціально-політичний портрет. – Київ: Либідь, 1993. – 176 с.
31. Бойко О.Д. Українська інтелігенція в пошуках шляхів національного самовизначення (1917–1920 рр.) // Історичні зошити: Шляхи до української державності. Препринт № 1 / Академія наук Української РСР. Інститут історії. – Київ, 1992. – С. 2–18.

32. Слободянюк О.Р., Глушкова Н.М. Українська інтелігенція першої третини ХХ століття // Влада і інтелігенція. – 2008. – № 11. – С. 155–161.
33. Осташко Т.С. З історії літературно-мистецького життя в Україні за часів Центральної Ради // Український історичний журнал. – 1998. – № 3. – С. 24–38.
34. Басара-Тилищак Г. Розвиток української національної ідентичності на Наддніпрянщині у 1917 – на початку 1919 рр.: галицький чинник // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр.: зб. наук. пр. – 2010. – Вип. 5. – С. 61–82.
35. Солдатенко В.Ф. Українська революція: концепція та історіографія.– Київ: Пошуково-видавниче агентство книга пам'яті України, 1997. – 508 с.
36. Українська Центральна рада: Документи і матеріали. У 2 т. – Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р. / Упорядн.: В.Ф. Верстюк (керівник) та ін. – Київ: Наук. думка, 1996. – 589 с.
37. Лейберов О. Українська інтелігенція та «трудоий принцип» Директорії УНР // Література та культура Полісся. – 2005. – Вип. 28.
38. Нова рада – 1917. – 7 квітня.
39. Ростовська О., Родін С. В. Винниченко і його державно-політична концепція // Сіверянський літопис. – 1995. – №4. – С. 90–95.
40. Народна воля – 1917. – 17 червня.
41. Нова рада – 1917. – 9 квітня.
42. Вернадский В. Эти голоса не были услышаны // Родина. – 1990. – № 1. – С. 91–95.

Протестные настроения населения Вятской губернии в 1917 г.: влияние Первой мировой войны и русской революции

В исторической науке события 1917 г. снова стали объектом пристального внимания исследователей в канун своего столетия. Наиболее актуальной темой исследования на современном этапе становятся недостаточно изученные вопросы, связанные с жизненными проблемами и интересами граждан, их ценностными ориентациями в переломный момент истории. Нарастание протестного настроения населения данной эпохи особенно в региональном разрезе недостаточно исследованы. Лишь в статье Ю.А. Балыбердина прослеживаются этапы формирования протестных настроений народа в годы Первой мировой войны и их влияние на общественно-политическую жизнь в Вятско-Камском регионе [1].

Социально-экономическая разруха, складывавшаяся в ходе Первой мировой войны, в начале 1917 г. привела к сбоям в работе промышленности. С начала 1917 г. начали закрываться фабрики и заводы за отсутствием рабочих, из-за нехватки сырья, топлива и т.д. В январе 1917 г. закрылся Пудемский железодельный завод акционерного общества Северные заводы наследников Н.П. Пастухова «за дальностью расстояния от железной дороги». Чугунолитейный отдел сельскохозяйственного машиностроительного завода торгового дома «А. и П. Родыгины и К^о» в с. Шаркан был остановлен «по неимению кокса и чугуна». Паровой маслобойный завод торгового дома «Наследники И.В. Александрова» близ г. Малмыжа остановился «за переработкою сырья, уволено 44 человека рабочих; надежды пустить завод в ближайшем времени нет, за неимением топлива, так как Малмыжский исполнительный комитет воспрещает рубку дров в собственной лесной даче владельца завода» [2, с. 86]. Фабрика валяной обуви Товарищества братьев Родыгиных 01 апреля 1917 г. закрылась ввиду отсутствия рабочих рук, а марте Сюгинский стекольный завод Товарищества С.А. Сырневой и С.А. Шишкова прекратил свою работу из-за недостатка материала. Валамазский стекольный завод Павла Лазаричева Матвеева закрылся ввиду отсутствия топлива и рабочих рук. Механическая фабрика обуви Викентия Петровича Вахрушева в июле 1917 г. перестала работать из-за отсутствия мягкого сапожного сырья и топлива, а кожевенные заводы торгового дома М.Д. Лаптева, Торгового дома

Игнатия Лаптева с сыновьями, шубно-овчинный завод Василия Кондратьевича Шихова – за неимением сырья и из-за сильной изношенности оборудования. Из-за отсутствия материалов в июле 1917 г. закрылись спичечная фабрика Торгового дома А. и Н. Бровицыны и Торгового дома И.И. Сапожникова с сыновьями [3, с.76].

Города стали испытывать дефицит предметов первой необходимости. По данным Вятской казенной палаты, инфляция по губернии за три года (1914–1917 гг.) в среднем составила около 300%. Наибольшее повышение цен наблюдалось в Котельниче, Глазове, Елабуге и Нолинске. За годы Первой мировой войны больше всего выросла цена на коровье масло, мясо, молоко и яйца.

Продолжавшаяся в 1917 г. Первая мировая война продолжала требовать концентрации всех сил и средств страны на нужды фронта. Введение в марте 1917 г. государственной монополии на продажу хлеба, спускаемая на губернии обязательная разверстка на поставку зерна, скота и мяса по твердым ценам вызывали недовольство крестьянства. Рост патриотических настроений в начале революции привел к некоторому оживлению сбора хлеба на территории Удмуртии, в ряде мест отменены добровольные пожертвования хлеба крестьянами Вятской губернии. Однако постоянные реквизиции «на нужды военного времени», мобилизация большей части работоспособного населения в армию, привлечение крестьянского населения к «принудительному выполнению работ по вывозке, вырубке дров, перевозке грузов для Ижевских и Воткинского заводов» ослабили крестьянское хозяйство [4, с.181–187]. Одновременно проходила военно-конская мобилизация, реквизиция повозок и упряжи.

Летом 1917 г. повсеместно происходили крестьянские выступления против земельной и продовольственной политики Временного правительства (случаи самовольного захвата земель, вырубки леса, отказов от поставки хлеба, выступления против деятельности уездных и волостных продовольственных управ). В местной прессе в феврале 1917 г. говорилось о том, что «в Вятской губернии наблюдается скупка лесных дач и лесных материалов приезжими спекулянтами с целью полной вырубки лесов и сплава их на лесные рынки» [5]. В июле 1917 г. население Бурановской волости Сарапульского уезда отказалось добровольно отдавать скот для армии, никакие меры воздействия не имели успеха [6]. В августе 1917 г. крестьяне Киселевской волости выступили с отказом по проведению реквизиции скота для армии [3, с. 177–178]. В сентябре в телеграмме Вятского губернского комиссара Временного Правительства сообщалось, что в нескольких волостях Орловского уезда «ведется усиленная агитация против хлебной монополии. Крестьяне обсуждают этот вопрос даже на сходах и волостных собраниях» [3, с. 182].

Осенью 1917 г. газета «Вятская мысль» сообщала, что в Сарапуле был совершенно прекращен подвоз хлеба на ссыпные пункты. Крестьяне отказывались добровольно привозить на ссыпные пункты хлеб и сдавать его по твердым ценам.

Затруднялось продовольственное снабжение городов. Появлялись массовые сообщения о спекуляции торговцев, сокрытии товаров. В результате проверки, проведенной Ижевским исполкомом Совета рабочих депутатов, местные торговцы вынуждены были снизить цены. Глазовским Советом проводились обыски у местных заводчиков, купцов, чтобы изъять у них продовольственные запасы и раздать голодающим. Однако такие меры борьбы с товарным голодом могли лишь на время смягчить остроту проблемы, но не решить ее.

Промышленность Вятской губернии находилась в тяжелом положении. В результате Первой мировой войны и хозяйственной разрухи сокращалось производство товаров народного потребления. Только заводы военного подчинения – Воткинский железодельный и Ижевские оружейный и сталелитейный заводы переживали подъем. Ижевские заводы были непосредственно связаны с фронтом как «поставщик целого ряда предметов вооружения для подвижных пехотных мастерских», так и как оружейный завод, изготовляющий ежедневно до 2 тыс. винтовок. Но положение рабочих этих предприятий существенно ухудшалось. Нормой военного времени стали обязательные сверхурочные работы, оплата за которые даже по завышенным расценкам не могла покрыть роста цен. В докладной записке Военно-технического комитета Ижевских заводов от 29 марта 1917 г. отмечалось, что на заводах «предусматривалась продолжительность рабочего дня в 12 часов, не допуская ни праздничных, ни сверхурочных работ, оплачиваемых обычно в полуторном размере» [7, с. 662].

Весной 1917 г. революционные настроения докатились и до рабочих Вятской губернии. В марте-апреле 1917 г. на многих фабриках и заводах рабочие стали требовать увеличения заработной платы и введение 8-часового рабочего дня. В большинстве случаев требования выражались в корректной форме и заканчивались взаимным соглашением сторон. Так, на льно-прядельно-ткацкой фабрике Т.Ф. Булычева рабочие выдвинули категоричное требование о введении 8-часового рабочего дня и существенного увеличения заработной платы от 60 до 100%. Владельцем фабрики требования 300 рабочих были удовлетворены, хотя и совсем неохотно [3, с. 112]. Иная ситуация сложилась на спичечной фабрике торгового дома «И.И. Сапожников с сыновьями». 125 рабочими было предъявлено требование о сокращении рабочего дня с 11 до 9 часов. Владелец фабрики в удовлетворении требования отказал, и вопрос о продолжительности рабочего дня остался открытым.

В мае 1917 г. на кожевенном заводе Зонова в г. Нолинске рабочие устроили забастовку с требованиями ввести 8-часовой рабочий день и повысить сдельную оплату труда на 40%. Однако за месяц до забастовки сдельная оплата труда уже была увеличена на 47%. После примирения сторон апрельские расценки сдельной оплаты труда увеличились на 25% [3, с. 144].

В июне рабочие соломенно-оберточной фабрики Тимофея Ивановича Майорских вышли с требованиями «чрезмерного повышения заработной платы» и введения 8-часового рабочего дня. Но ввиду невозможности выполнения указанных требований и отсутствия свободных рабочих рук, фабрика была остановлена [3, с. 75].

Рабочие ремонтных паровых мастерских Аркульского затона, принадлежащего Товариществу Вятско-Волжского пароходства, в августе 1917 г. выдвинули требование о сокращении 10-часового рабочего дня до 8-ми часов. При этом они поставили ультиматум о том, что «в случае отказа сами введут 8-часовой рабочий день захватным порядком». Раньше правление шло навстречу интересам своих рабочих, но согласиться на предъявленное требование не могли по причине отсутствия рабочих рук. При содействии Уржумского исполнительного комитета компромисс был найден, рабочий день сокращен [3, с. 168–169].

В связи со стратегической важностью Вятской губернии как поставщика хлеба и оружия для армии в сентябре 1917 г. она была объявлена на военном положении. В городах и деревнях были расквартированы вооруженные отряды. Но революционное брожение проникло и в армейскую среду, разлагая ее дисциплину. Волнения среди солдат, отказы подчиняться приказам командиров были не единичными. Так, в августе произошли волнения в 166-м запасном полку, расквартированном в Сарапуле, из-за посылки части солдат для усмирения населения Юринской волости, не желавшего подчиняться введению хлебной монополии. 8 октября 1917 г. против Временного правительства выступили солдаты Глазовского гарнизона. Солдаты 230-го полка, расквартированного в Елабуге, отказались выйти на учения.

Затяжной характер Первой мировой войны, дороговизна продуктов питания и товаров первой необходимости, реквизиции хлеба, скота для нужд армии, начавшаяся революционная пропаганда способствовали росту протестных настроений и приводили к увеличению числа рабочих и крестьянских выступлений.

Список источников и литературы

1. Балыбердин Ю.А. Нарастание протестных настроений народа в годы Первой мировой войны в Вятско-Камском регионе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: История. – 2011. – №1. – С. 39–46.
2. Липина С.А. Модернизационные процессы промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910 – 1917 гг.). – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2010. – 192 с.
3. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. док. – Киров: Кировское книжное издательство, 1957. – 591 с.
4. Удмуртия в период Первой мировой войны. 1914–1918: Сб. док. – Ижевск, 2006. – 300 с.
5. Слово и жизнь. – 1917. – № 17 (28 февраля).
6. Вятская речь. – 1917. – № 141 (4 июля). – С. 3.
7. Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сб. док. / Под ред. Р.Ш. Ганелина. – М.: Новый хронограф, 2004. – 832 с.

Е.А. Ефимова

Скауты в России в 1917 году

Изучение истории российского скаутизма, действовавшего в России с 1910 г. детского движения, основанного на социально-педагогической системе, направленной на физическое и нравственное воспитание детей и подростков, как и истории мирового скаутского движения (берущего начало в Англии в 1907 г.), общих и особенных, характерных черт представляет как сугубо исследовательский, так и практический интерес. Подавляющее большинство отечественных изданий по теме вышло в последние 25 лет.

В периодизации истории российского скаутизма 1917 год часто стоит в качестве переломной даты [см., напр.: 1, с.98; 2]. Многие авторы шаблонно опираются на общеисторическую периодизацию истории нашей страны. Эту точку зрения в свое время пытался преодолеть известный исследователь истории скаутизма В.А. Кудинов [3], но в многочисленных околону научных интернет-публикациях взгляд на 1917 год как год крушения российского скаутизма сохранился.

Отметим, что понятие «1917 год» может быть презентовано как в прямом смысле – как именно дата в истории, так и в переносном – как обобщенный образ всех последующих революционных, социально-экономических перемен.

Несомненно, для скаутизма, являющегося буржуазной по своей сущности социально-педагогической системой, революционный 1917 год означал солидные перемены. Мы не ставим своей целью анализировать тот очевидный факт, что скаутизм был неотъемлемой частью буржуазного общества, что понятно из положений клятвы скаутов («За веру, государя и отечество»), что ясно по социальному составу скаутских групп, включавших в себя городских детей из весьма обеспеченных семей [см.: 4, с.134] и пр.

Как показывают факты, эти перемены были весьма отсрочены вследствие известного свойства исторической инерции, присущего педагогическим явлениям. Несмотря на смену социально-политического строя, конкретно 1917 год не может быть рассмотрен со знаком «минус» в истории отечественного скаутизма, что может быть прослежено на нескольких уровнях – внутреннем организационном, внутривнутриполитическом, военном.

Годы Первой мировой войны (1914–1918) были для российского скаутизма весьма плодотворны. Многие авторы закономерно соотносят активиза-

цию скаутского движения в России и во всем мире с началом Первой мировой войны [см. напр.: 5]. В частности, именно с войной связан процесс институционализации скаутского движения в нашей стране, его организационного, теоретического и методического самоопределения, создание и деятельность Общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут» (организованного по образцу благотворительных обществ; объединявшего не детей-скаутов, а взрослых, поддерживающих скаутскую работу с детьми).

Той же цели послужили и состоявшиеся в 1915–1917 гг. съезды по скаутизму, внесшие серьезный вклад в организационное и методическое развитие движения. Первый съезд по скаутизму прошел в Петрограде с 26 по 30 декабря 1915 года (8–12 января 1916 г.), на нем и было образовано Общество содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут» [см. подробнее: 6]. Второй съезд по скаутизму знаменовал собой начало 1917 года. Он состоялся в Петрограде с 28 декабря 1916 по 1 января 1917 по старому стилю [7, с.46; 8, с.133; 9, с.52] (по другим версиям – с 31 декабря по 4 января или с 28 декабря по 3 января [9, с.55; 10, с.67; 11, с.56]).

Съезд был посвящен подведению итогов работы за 1916 г.; он прошел под знаком выработки собственных, национальных организационных и методических основ работы.

Материалы II съезда не были опубликованы, имеются отдельные сообщения в прессе и разрозненные воспоминания участников. Съезд заявил о важности грядущего объединения скаутов всего мира; также была высказана мысль о необходимости общероссийского объединения скаутов, создания союза скаутских обществ с единым уставом.

Были высказаны предложения об ознакомлении широких кругов учителей города и села с основами скаутинга, в частности, через инструктивные курсы. Важным представляется положение о необходимости учета разнообразия местных условий при организации отрядов и при разработке программ для скаутов I и II разрядов. Съезд рекомендовал организовывать группы детей младшего возраста – стаи «волчат» и «птенчиков»; не оставляя без внимания и «одиночек» – скаутов, не имеющих возможности по какой-либо причине вступить в отряд. Особое внимание было обращено на воспитательную сторону скаутской работы, на роль руководителя [см. подробнее 7, с. 46; 8, с.134–136; 9, с.52–55].

Под знаком состоявшегося II съезда, нацеленные на III съезд, уже традиционно намеченный на конец года, скауты России вступили в 1917 год.

Нельзя сказать, что российские скауты больших и малых городов Российской империи (за исключением жителей двух столиц) как-то почувствовали влияние событий февральской и октябрьской революций на жизнь своих от-

рядов и патрулей. Те факты, которые удается собрать из прессы, воспоминаний вековой давности, перепечаток и позднейших публикаций, не дают оснований говорить об изменении форм и методов работы скаутов, об ухудшении или улучшении отношений скаутских организаций с властями и пр.

Сведения о численности скаутских организаций в начале 1917 г. и о динамике этой численности к концу года весьма противоречивы. Крупный историк скаутизма Ю.В. Кудряшов ссылается на многочисленные источники и публикации разных лет издания, критически их сравнивая. *«Абсолютно завышенными, – пишет он, – представляются данные, что осенью 1917 г. 50 тысяч скаутов состояли в организациях 143 городов (В. Гессен, Р. Полчанинов, В. Зорин, В. Лебединский, Г. Грибанова, Б. Голощапов [12, с.86; 13, с.27; 14, с.43; 15, с.160]). Никто не приводит каких-либо ссылок на первоисточник, каких-либо расчетов и статистических данных <...> В. Яковлев и А. Кудрявцев показали другую цифру – более 200 городов к октябрю 1917 г. [16, с.72] Журнал «Русский спорт» в начале 1917 г. приводил другие данные: «чуть более 55 городов охвачены движением». Некто Е.К. предложил еще один вариант: 100 тысяч человек в 60 городах (в конце 1916 г.). А. Смирнов, по моему мнению наиболее информированный в то время автор, заявлял, что в начале 1917 г. во всей стране насчитывалось около 20 тысяч скаутов в 115–120 организациях, а осенью – около 25 тысяч. Именно этим данным мы больше всего доверяем» [8, с.130]. Ю.В. Кудряшова поддерживают и другие специалисты [10, с.68; 7, с.46]. Отметим, что образ ста сорока трех городов с пятьюдесятью тысячами скаутов весьма популярен [17, с.854; 18, с.337; 19, с.129; 20 и др.] – «что составляет 0,2% молодежи этого возраста» [7, с.46]; мемуарист и историк скаутизма В.С. Зотов, как и Ю.В. Кудряшов, считает это число чрезмерным [21, с.134]. С другой стороны, один из крупнейших отечественных историков скаутизма В.А. Кудинов отмечает, что «общепризнанной в научной литературе является цифра, что до 1917 года в России было около 50 000 скаутов в полутора сотнях городов» [3, с.162].*

Судя по данным, представленным в позднейших исследованиях и публикациях, 1917 год стал годом начала скаутского движения во многих городах России: Армавир, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Вязьма, Иркутск, Калуга, Нерчинск, Орел, Самара, Семипалатинск, Чита, Ялта и др. [3, с.163, 164; 8, с.198, 200, 202, 205–208, 210; 22, с.14, 15]. Отметим, что Ю.В. Кудряшов [8; 11] представляет эти сведения, широко используя в своих трудах местную прессу и архивные материалы.

В Риге скаутские отряды были организованы в апреле 1917 г., входили в них русские, латыши и немцы [23, с.12, 15]. В 1917 г. скаутские отряды были

организованы в Белой Церкви, в Чернигове (Украина), в Ревеле (Эстония) [23, с.15], в Кишиневе (Бессарабия) [23, с.31].

Уже существовавшие отряды продолжали свою деятельность. В.С. Зотов со ссылкой на В.А. Попова приводит сведения о московских скаутах в 1917 г.: в Первую московскую дружину входили 4 отряда мальчиков и 1 отряд девочек, а также стаи волчат (младших мальчиков). Штаб-квартира занимала пять комнат, в ней каждый день собирался какой-либо отряд для занятий, бесед, игр, пения или гимнастики. Примерно раз в месяц проходили дружинные сборы в помещении какой-нибудь школы [21, с.134–135].

Американский скаут-ветеран, специализирующийся в изучении истории скаутизма, Р.В. Полчанинов, ссылаясь на брошюру Э.П. Цытовича «Русский скаут», изданную в Екатеринодаре в 1919 г., приводит данные о том, летом 1917 г. царсосельские скауты работали безвозмездно на общественных огородах под Царским Селом и несли круглосуточную охрану этих огородов [23, с.12]. Петроградские скауты участвовали в разборке массивов почты, образовавшихся в первые дни февральской революции [23, с.12]. А летом 1917 г. петроградские скауты организовали экспедиционный трудовой отряд из 200 скаутов для работы в деревне через общество «Трудовая помощь» в Александровском уезде Херсонской губернии, в районе Кременчуга. В сентябре 1917 г. возглавлявший петроградскую дружину скаутмастер Борис Свежевский организовал скаутский патруль в Гатчинской школе прапорщиков Северного фронта [11, с.45]. Ю.В. Кудряшов опубликовал также фотографию парада петроградских скаутов в 1917 г. [11, с.44].

Известно также свидетельство В.С. Зотова, вспоминавшего, что именно в 1917 г. он, ученик гимназии, впервые увидел скаутов, заинтересовался их жизнью, познакомился со скаутской литературой; вступил он в ряды скаутов в начале 1918 года [21, с.73].

Для скаутского движения в Забайкалье определяющее влияние имела деятельность скульптора и педагога, деятеля скаутского и пионерского движения Иннокентия Николаевича Жукова (1875–1948) [см. подробнее: 24]. В сентябре 1917 г. Жуков с семьей переехал из Петрограда к родным в Читу; в Чите он преподавал географию, рисование и лепку, служил инструктором Отдела единой школы в Министерстве просвещения Дальневосточной Республики, вел большую общественную работу. С первых дней пребывания в родном городе Жуков горячо взялся за работу: принял участие в создании в Чите скаутской организации, приступил к изданию журнала «Забайкальский скаут», в котором впоследствии были опубликованы многие его статьи. «С появлением Иннокентия Николаевича в Чите начинается новый период школы – как средней, так и низшей», отмечал А.М. Толстихин, в 1918 г. за-

ведущий школьным отделом Читинской Думы [цит. по: 25, с.128]; то же можно сказать и о скаутском движении Читы и Забайкалья.

1917 год был очередным, следующим за 1916, годом I мировой войны, когда, на волне патриотического подъема, именно скаутское движение давало юным гражданам возможность реализовать свои устремления и по мере сил помогать фронту. В годы войны скауты несли службу при госпиталях и различных учреждениях Общества Красного Креста, работали помощниками санитаров в лазаретах, организовывали связь между учреждениями с использованием собственных самокатов (велосипедов), ставили спектакли и концерты для раненных солдат, собирали подарки для солдат, встречали поезда с ранеными и сопровождали их в госпитали и больницы, оказывали помощь беженцам, в том числе по подысканию жилья, участвовали в проведении кружечных сборов для нужд войны, в наблюдении за порядком во время шествий и школьных массовых патриотических мероприятий [26, с.9, 14, 21–22, 25, 43; 8, с.129–130; 19, с.200; 9, с.42; 5; 27].

Не прекращалась и издательская деятельность; вышли не потерявшие своего значения и через сто лет работы М.Н. Васильевского, В.А. Попова и В.С. Преображенского [28; 29; 30]. Некоторые издания нам известны лишь по ссылкам, но их также следует упомянуть [31; 32].

Весь 1917 год В.А. Попов продолжал издавать «Будь готов! (Вестник скаутского движения в России и за границей)» в качестве приложения к журналу «Вокруг света», вместе с которым подписчикам была разослана и вышедшая отдельными выпусками его совместная с В.С. Преображенским книга [29]. Выходили периодические скаутские издания «Русский скаут», «Листок скаута», «Десятка (журнал петроградских скаутов)» [11, с.55]; немало материалов по скаутской тематике печаталось в центральных журналах «Геркулес», «Русский спорт», «Русская школа»; местная печать учету поддается с трудом. Сокращение листаж, тиража, снижение качества бумаги объясняется экономическими трудностями на четвертом году войны.

Таким образом, мы видим, что скаутизм в России успешно развивался в революционном 1917 году. Более того, впереди у него было еще несколько лет (1918–1922) поступательного движения при сотрудничестве с Всеобучем (Всеобщее военное обучение – организация, занимавшаяся допризывной подготовкой молодежи) [см. подробнее: 33; 34].

По нашему мнению, следует считать цельным периодом в истории русского скаутизма 1914–1922 годы, в течение которых имели место рост, поступательное развитие скаутского движения на территории Российской империи и СССР (при отделении ветви скаутской эмиграции, имеющей свою историю), успешная реализация его военного и спортивного потенциала, взаимовыгод-

ное сотрудничество с государственными учреждениями, рост числа скаутов и их первичных организаций. Дальнейшие обстоятельства истории скаутизма на территории СССР явились следствием его сущностного (классового) противоречия с политическим строем страны. «Жить в новом обществе и иметь скаутинг прежнего образца было невозможно» [11, с.57].

Список источников и литературы

1. Ковшов Р.В. Периодизация истории российского детского движения на территории России и стран русского зарубежья // 100 лет скаутскому движению: Материалы научно-практической конференции / [под ред. Ю.В. Кудряшова]. – Архангельск: Союз России: КИРА, 2008. – С. 97–100.
2. Подтынная Е.А. Русский скаутизм: история, теория, практика (1909–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1995. – 22 с.
3. Кудинов В.А. Периодизация скаутского движения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2009. – Т. 15. – №3. – С. 162–168.
4. Северин Н., Кудинов В. Роман с барабаном. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 206 с.
5. <http://www.scoutclub.ru/page-scout.html> Скаутское движение (июнь 2017)
6. Ефимова Е.А. К столетию Общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут» (1914–1918) [электронный ресурс] // Россия в Первой мировой войне. – Режим доступа свободный: <http://www.inion.ru/www1>. – Проверено: 20.07.2017.
7. Кудинов В.А., Ярмольчук А.В. История скаутского движения в России в XX веке. – М.: Нац. ин-т бизнеса, 2004. – 163 с.
8. Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение: Исторический очерк. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. – 393 с.
9. Радецкий-Микулич Г.В. Исторические пути развития нашего движения в 1909–1917 годы // Сборник исторических очерков основателей скаутского движения и участников событий / [Сост. и общ. ред. – В.Л. Кучин и В.И. Невсвря]. – М.: Федерация скаутов России, 1998. – С. 40–56.
10. Дружинин В.В. Детское движение в России: историко-теоретический аспект. – М.: Логос, 2004. – 240 с.
11. Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2005. – 593 с.
12. Гессен В. Комсомол и юные пионеры: Очерк истории коммунистического и детского движения в СССР. – М., 1926. – 162 с.
13. Грибанова Г.И. Скаутизм как воспитательная система // Педагогика. – 1992. – №5–6. – С. 26–32.

14. Голощапов Б.Р. Кто такие скауты // Физкультура в школе. – 1991. – №9. – С.41–47.
15. Зорин В. История детского движения в СССР // Партия, комсомол и юные пионеры. – Вып.1. – М., 1925. – С. 159–174.
16. Яковлев В.Г., Кудрявцев А.В. Возникновение детского коммунистического движения в СССР: Очерки. – М.: Мол.гвардия, 1933. – 96 с.
17. Педагогическая энциклопедия. – В 4 т. – Т.3. – М.: СЭ, 1966.
18. Российская педагогическая энциклопедия. – В 2 т. – Т.2. – М., 1999.
19. Черных В.Е. Твой скаутский путь. – М.: Ред. ж-ла «Вокруг света», 1996. – 206 с.
20. Символика русских скаутов в фалеристике [электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://goodcoins.su/pochetznak/skaut-falera.htm>. – Проверено: 20.07.2017.
21. Зотов В.С. Из истории скаутского движения в России. 1909–1926 года (воспоминания и размышления) // Сборник исторических очерков основателей скаутского движения и участников событий / [Сост. и общ. ред. – В Л. Кучин и В.И. Несевря]. – М.: Федерация скаутов России, 1998. – С. 69–216.
22. Шободоева А.В. Российский скаутинг: история, теория, практика. – Омск: Изд-во Омского госпедуниверситета, 1995. – 143 с.
23. Полчанинов Р.В. Справочник по истории ОРЮР – организации российских юных разведчиков / послесл. Г. Казаков. – М.: [б.и.], 2016.
24. Ефимова Е.А. «Длительная игра» Иннокентия Жукова // Институты образования, педагогические идеи и учения в истории человеческого общества / под ред. Г.Б. Корнетова. – М.: АСОУ, 2017. – С. 304–319.
25. Руденко И.В. Общественно-педагогическая деятельность Иннокентия Николаевича Жукова // Педагогические парадоксы Иннокентия Жукова / сост. и ред. И.В. Руденко. – Тольятти: ТГУ, 2010. – С. 14–28.
26. Будь готов! Издание состоящего под покровительством Ея императорского Высочества великой княгини Елисаветы Федоровны Московского Общества содействия организации «юных разведчиков» (Русский Скаут). – М., [1916]. – 56 с.
27. История скаутизма в России и за границей [электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: <http://www.scoutmaster.ru/ru/hist/history.htm>. – Проверено: 20.07.2017.
28. Бой-скауты: Руководство самовоспитания молодежи по системе «скаутинг» сэра Роберта Баден-Поуэлла применительно к условиям русской жизни и природы / В переработке В.А. Попова и В.С. Преображенского. – Вып.1–12. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. – 383 с.

39. Бой-скауты: Сборник рассказов и приключений из жизни английских бой-скаутов: С приложением фотографий из лагерной жизни русских скаутов / Сост. Вл.А. Попов, гл. инструктор отряда бой-скаутов Императорского Московского речного яхт-клуба. – [М.]: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. – 88 с.

30. Васильевский М.Н. Первая книжка скаута: Сборник необходимых сведений для юных разведчиков. – Пг.-М.: Т-во М.О. Вольф, [1917]. – [2], 5 с.

31. Преображенский В.С. Бой-скауты. – М.: Пед. ин-т Шелапутина, 1915. – Без указ. стр.

32. Спутник скаута / Сост. О.И. Пантюхов. 2-е изд. Петроград, Изд-е Т-ва В.А. Березовский, 1917. – Без указ. стр.

33. Ефимова Е.А. Под крылом Всевобуча // Мультикультурная и многонациональная Россия. V Батаевские чтения: Материалы Международной междисциплинарной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой. Москва, ИЯ РУДН, 16 ноября 2012 г.: в 3 частях. – Часть первая «Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века». – М.: РУДН, 2013. – С. 246–262.

34. Ефимова Е.А. Скауты и Всевобуч (1918–1922 гг.) // Внешкольное воспитание в современной России: Сб. материалов по итогам конференции 15–16 декабря 2012 г. / ред. Г.А. Казаков; Объединение педагогических исследований им. М.В. Агапова-Таганского. – М.: Вниигеосистем, 2015. – С. 174–189.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И РЕВОЛЮЦИЯ

УДК 929

Л.Р. Габдрафикова

«Потерянное поколение» татарской молодежи начала XX века (на примере биографии Абдулхамида Апанаева)

Как известно, в структуре общества возраст «служит критерием занятия или оставления определенных социальных ролей». Возрастное деление предполагает систему социальных ожиданий, а представители отдельного поколения отличаются определенными социально-психологическими характеристиками [1, с. 223]. Если принять во внимание, что наибольшая социально-политическая активность в татарском обществе приходилась на начало XX в., то, опираясь на этот временной промежуток, можно выделить несколько условных поколений.

Такой подход к изучению татарского общества уже применялся ранее А.Ю.Хабутдиновым. В политическом движении 1917–1918 гг. он выделил три группы: старшее поколение (старше 50 лет); среднее поколение (30–50 лет) или «поколение Гаспринского»; младшее поколение (20–30 лет) – «поколение послереволюционной эпохи». Возрастная дифференциация общества позволила ученому более выпукло показать степень участия того или иного поколения в революционном движении [2, с.280].

Наше обращение к возрастной стратификации татарского буржуазного общества было вызвано необходимостью обозначить разные модели повседневного поведения, в том числе этапы принятия нового стиля жизни. На рубеже XIX–XX вв. татарское общество переживало сложный процесс модернизации традиционных установок, результатом которого стало создание новой буржуазной культуры [3]. На основе анализа биографий известных представителей данной эпохи выделено три поколения:

1) Это родившиеся в 1830–1840-е гг. – «старшее поколение», к рубежу XIX–XX вв. они представляли собой людей солидного возраста. В силу этого

и по ряду других причин, в большинстве своем, придерживались традиционных воззрений. Исключение составляли чиновники и некоторые богатые предприниматели, которые стремились перенять новые манеры, но новации в их поведении не были связаны с реформаторскими убеждениями, а являлись лишь копированием некоторых аспектов образа жизни русского дворянства и купечества. Например, к этому поколению относились купцы С.Ерзин, А.Сайдашев, М.Казаков, А.Хусаинов. Отличительной чертой их повседневности было то, что домашние интерьеры предпринимателей в последней трети XIX в. мало отличались от европейских домов. Это создавало некую иллюзию европеизации татарского общества, но перемены наблюдались тогда лишь в материальном пространстве. Люди данного поколения чаще всего мыслили категориями «свой» (единоверцы) и «чужой» (иноверцы), а любые отступления от этих двух доминант воспринимались весьма болезненно.

2) Родившиеся в 1850–1860-е гг. – поколение «зрелых людей»: именно в их среде аккумулировались идеи татарского реформаторства (джадидизма). Они ратовали, прежде всего, за культурно-образовательное развитие общества, которое расширило бы кругозор и мировоззрение мусульман, но в то же время получение такого образования нужно было лишь для нормальной адаптации в иноверной среде и для сохранения собственной конфессиональной идентичности. Поэтому поколение «зрелых людей», чаще всего, в самой сокровенной сфере, например, в семейной жизни, демонстрировали традиционные убеждения. К этому поколению относились И.Гаспринский, Г.Баруди, Р.Фахретдин, промышленники братья Рамеевы, Г.Карими, А.Умеров и другие.

Поколение «зрелых людей» было менее зациклено на материальных атрибутах западной цивилизации, больше внимания обращали усвоению достижений европейской культуры и науки. Но надо отметить, что европейская литература доходила до них, в основном, в адаптированном виде: через османскую культуру. Происходило это из-за того, что многие представители данной возрастной группы не так хорошо владели русским языком.

3) Самая яркая группа – это молодежь, родившаяся в 1870–1880-е гг., которую мы обозначили как «потерянное поколение». К ним же примыкали и молодые люди, родившиеся в начале 1890-х гг. Но последние не успели проявить себя в полной мере до 1917 г., поэтому их общественная активность приходится, главным образом, на 1920-е гг.

Представители «потерянного поколения» росли в эпоху джадидских преобразований, получали образование в новометодных медресе, а некоторые – в русских школах, читали не только газету «Тарджеман», но и различные книги светского характера, русскую и османскую периодику, первые татарские временные издания. Они сформировались как люди, свободные от многих

стереотипов. Кажущийся эпатаж стал для них не просто формой протеста, а образом жизни. Они оказались слишком «европеизированными», если можно так выразиться и, к сожалению, были очень далеки от джадидских идеалов.

Третье поколение стало проводником сформировавшегося в начале XX в. буржуазного стиля жизни в народную среду. Но на смену идеям реформаторства пришли идеи просветительства, без профессиональной основы, а лишь с учетом национальных особенностей. Неслучайно кумиром молодежи начала XX в. являлся К. Насыри. Он служил в русском миссионерском учебном заведении, но все жизнь занимался переводческой и издательской деятельностью, адаптировал для татарского читателя русские научно-популярные издания. Но среди первого и второго поколения татарского общества он был изгоем. Собственно из-за этой тяги к светской культуре без привязки к религиозной составляющей и произошел новый слом: так же, как «старшее поколение» боролось со своим традиционным нутром и надвигающимися переменами, так и третье поколение осталось между джадидской первоосновой и стремлением к созданию новой национальной культуры. Кстати, сюжеты многих произведений татарской литературы начала XX в. построены на основе этой схемы – борьбы отцов и детей (Ф.Амирхан. «Молодежь», Г.Ибрагимов «Молодые сердца» и др.). Безусловно, большое влияние на татарских писателей оказали и сочинения классиков русской литературы.

Достаточно хорошо изучены биографии писателей и общественных деятелей, родившихся в 1880-е: Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, С.Рамиева, Г.Губайдуллина и других. Но гораздо интереснее взглянуть на судьбу человека не публичного, который оказался далек от общественных вопросов и жил своей жизнью, интересами личного характера.

Одним из таких людей был Абдул-Хамид Апанаев – сын казанского предпринимателя Исхака Апанаева, представитель известного купеческого рода. Его дед казанский купец 1-й гильдии Хасан Мусич Апанаев еще в 1834 г. получил звание потомственного почетного гражданина. Потомки дорожили этим званием. Несмотря на то, что в начале XX в. значение сословного деления в общественной жизни сильно уменьшилось, в 1908 г. Апанаевы вновь нотариально заверили верность данного свидетельства. Но в это время звание потомственного почетного гражданина скорее являлось лишь напоминанием о былой коммерческой успешности рода. Многие представители известных фамилий по уровню жизни не отличались от мещан средней руки. Иногда у них не было даже собственных домовладений и жили они на съемных квартирах. Но это не относилось к Хамиду Апанаеву: он родился в доме деда Хасана, под № 96 налевой набережной озера Кабан. Двухэтажный каменный дом в конце 1920-х гг. стал причиной различных имущественных пре-

тензий к Абдул-Хамиду Апаанаеву со стороны ярких приверженцев нового советского порядка. Хотя к тому времени бывший потомственный почетный гражданин занимал там лишь одну комнату, а ему все припоминали о «блестящем прошлом». Так что же там было «блестящего»?

Этот человек, вероятно, так и остался бы неприметным современником известных татарских деятелей начала XX в. Например, на одной из дачных фотографий, где запечатлены Г.Губайдуллин, Г.Кулахметов и другие знаменитые персоны, есть и Хамид Апаанаев. Увековечили его имя родственники, передав в Музей национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань» личные вещи, документы и другие экспонаты из семейного архива, отражающие жизнь и деятельность этого человека. Так здесь появилась коллекция Абдул-Хамида Апаанаева, многие предметы из которой заняли достойное место в экспозиции, некоторые документы и фотографии хранятся в фондах музея [4].

Интересно, что на рубеже XIX–XX вв. в Казани было несколько Абдулхамидов Апаанаевых. Этот род был очень многочисленным. Поэтому неудивительно, что встречались и тезки. Один из Абдулхамидов Апаанаевых, тоже потомственный почетный гражданин был известен тем, что вел праздный образ жизни. Впоследствии его дочь – Гайша Шарипова в автобиографичном романе «Семья Гафура» так описала отца: «Сорить деньгами Хамид был великий мастер. Газетная хроника чуть не каждый день сообщала об очередном дебоше, учиненным единственным сыном богобязанного Абсаляма» [5, с.32]. Хамид Апаанаев был женат на сестре Г.Кулахметова – Шамсикамар. Прожив вместе совсем недолго, в 1902 г. супруги развелись, не помогло даже рождение дочери Гайши [6, с.306–308].

Герой данной статьи – Абдулхамид Исакович Апаанаев кардинально отличался от своего скандального тезки. Во-первых, он был моложе его, родился в 1885 г. Во-вторых, торговый капитал отца сумел вложить в собственное образование. Если Абдулхамид Абсалямович стал заложником соблазнов буржуазной эпохи, то Абдулхамид Исакович, наоборот, успешно адаптировался в новых условиях. Возможно, в этом велика была роль его родителей. Мать Абдулхамиды – Биби-Гайша тоже являлась представительницей рода Апаанаевых, она была дочерью потомственного почетного гражданина Юсупа Мухаммедовича.

Опасения, что сына постигнет судьба многих богатых отпрысков – вечно пьяных, своим бесцельным существованием ведущих семью к неминуемому разорению, вероятно, послужили основным аргументом в пользу современного образования. Если раньше татарский купец мечтал видеть сына муллой, то новые реалии предлагали другие идеалы. Помимо привычной торговли и

богослужения появились дополнительные возможности для получения доходов. Но они требовали специальных знаний и навыков. После учебы в медресе, 16-летний Абдулхамид направляется в Казанское реальное училище. Там он проучился с 1901 по 1907 г. В реальном училище Хамид проявлял особую склонность к рисованию, его отличные успехи в этой области ежегодно отмечались ученическими наградами [4, с. 282, 283]. Как известно, рисование являлось одним из недоступных или скорее запретных областей для поволжских мусульман. Только в начале XX в. появились первые робкие попытки изображения живых существ. К сожалению, рисунки Хамида Апанаева не сохранились. Но, скорее всего, увлечение рисованием значительно расширило горизонты его «картины мира» и способствовало окончательной трансформации традиционного сознания.

Русское образование было в то время идеалом многих татарских юношей и девушек. Однако не у всех получалось осуществить эту мечту. Очень часто желанию детей противились отцы, лишали их материальной помощи. Конечно, некоторым из них удавалось убедить родителей в собственной правоте и необходимости получения именно иноверного образования. Как обстояло дело в семье Абдулхамиды Апанаева – мы не знаем. Но дальнейшая поддержка Исаком Апанаевым образовательных порывов сына, дает основание думать, что действовали они вполне согласованно. Как отмечал уже в советские годы сам Хамид, он учился до 28 лет. *«Я ровно ничем не виноват в том, что мой отец до революции имел небольшое поместье, но за то я никогда ничего не имел, за исключением полученного мной образования за средства отца»*, – писал бывший купеческий сын в 1930 г. [4, с. 235].

В 1907 г. Абдул-Хамид Апанаев стал вольнослушателем математического отделения физико-математического факультета Казанского университета. После сдачи экзамена по латинскому языку за 8-классов гимназического курса, его зачислили в студенты. Вероятно, у него были способности к точным наукам. Но молодой человек не собирался останавливаться на достигнутом и доучиваться на этом факультете. Он продолжал искать себя, его интересовали разные области знаний. Иначе как объяснить, что уже летом 1908 г. Апанаев стал студентом юридического факультета Казанского университета? К слову, как математики, так и юристы в это время среди татар были большой редкостью.

Но на этом поиски своего места в жизни для купеческого сына не завершились, в следующем 1909 г. Абдул-Хамид Апанаев оставил учебу в Казанском университете и поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Наверное, для человека, учившегося в медресе, знавшего арабский, турецкий и фарси, а также с базой реального училища, учеба здесь не составила большого труда. В 1913 г. он получил диплом I сте-

пени факультета востоковедения. Это свидетельство понадобится ему в советские годы, в 1925–1926 гг. он работал преподавателем персидского языка в Восточно-педагогическом институте РСФСР в Казани [4, с. 263].

В 1913 г. молодой специалист еще не спешил заниматься ориенталистикой, в том же году вернулся в родной город и восстановился на юридическом факультете Казанского университета. Может быть, родители настаивали на более надежном образовании. Ведь мусульманские присяжные поверенные вызывали больше доверия у своих единоверцев, к ним охотно обращались с разными вопросами. Примером для многих стала карьера адвоката С. Алкина. Показательно и то, что в Казани в 1913 г. издавался юридический журнал на татарском языке «Хокук вә хәят» (Право и жизнь). В начале XX в. татары, вместо казыев (судьи) Оренбургского магометанского духовного собрания, все чаще предпочитали с имущественными и бракоразводными делами обращаться в гражданские судебные органы. Однако диплом перспективной профессии юриста Абдул-Хамид Апанаев так и не получил. В дальнейшем, он и сам этот период обучения нигде не указывал. Для него время учебы закончилось в 28-летнем возрасте, в 1913 г. Однако по каким-то соображениям он скрывал этот факт. Например, среди его личных дел имеется справка о том, что «Хамид Исхакович Апанаев служил в кокандском отделении Торгового дома Братья Казаковы и К° в должности заведующего отделением с 1913 по 1916 г., потом был мобилизован в действующую армию». При этом справка дана в 1930 г., когда уже не было никакой фирмы Казаковых [4, с. 236]. Оставалась лишь дружба между бывшими купеческими детьми. В университетском свидетельстве от 10 ноября 1916 г. говорится о том, что в это время с 1913 по 1916 г. Апанаев учился на юридическом факультете, «на полукурсовых испытаниях показал успехи: по энциклопедии права – весьма удовлетворительные...», «ни в чем предосудительном не замечался и аттестовался поведению отличного» [4, с. 284]. Убедительным представляется именно это свидетельство.

Первая мировая война изменила привычный ход жизни. Какая бы справка ни была действительной, но в 1916 г. Хамид Апанаев оказался на военной службе. Солдат в татарском обществе конца XIX – начала XX в., несмотря на военную реформу, считался человеком обреченным, потерянным. Все семьи как огня боялись осмотра призывников и надеялись, что парня оставят хотя бы на год или вовсе навсегда. Весьма иллюстративен в этом плане эпизоды осмотров будущих солдат в романе Г.Ибрагимова «Молодые сердца». К слову, писатель сам избежал военной службы. Абдул-Хамид Апанаев, как человек уже получивший высшее образование, не мог рассчитывать на студенческую отсрочку в Казанском университете, поэтому вполне логично, что «в 1916 году по мобилизации был принят во флот» [4, с. 292]. Здесь он сливает-

сы с обезличенными героями «потерянного поколения», получившими вместо юношеских мечтаний войну и разруху. *«Когда-то XX век считали счастливым веком в истории человечества, оказывается мы ошиблись, – писал один из ровесников А.Апанаева в 1915 г., сын муллы, рядовой 109-го запасного пехотного батальона Сулейман Аюханов из Челябинска. – Никогда не случившиеся ужасы в истории человечества творятся в жизни несчастных нас, в нашем веке. Выходит, что этот век – один из самых несчастнейших веков существования человечества. Слишком грустно, что сам творец отрезает наши крылья, готовых вспорхнуть и скоро улететь»* [7]. В это время он готовился к отправке на фронт.

Судьба оградила Абдул-Хамида от ужасов действующей армии. В 1917 г. он был принят в учебное судно, которое отправляется в заграничное плавание. Курсировали они, в основном, в водах французского Индокитая – между Индийскими и Тихими океанами. В память о периоде дальнего вояжа «корабельного гардемарина» (именно так называлась должность Апанаева) на крейсере «Орел» [4, с. 254] в экспозиции музея имеется огромный дорожный чемодан, деревянная шкатулка с замком для хранения документов и разные экзотические сувениры: панцирь морской черепахи, зуб акулы, миниатюра из слоновой кости с изображением обезьян и другие предметы. Путешествовать Абдул-Хамид Апанаев любил и раньше. Ведь в начале XX в. путешествия, особенно заграничные, среди состоятельных татар становятся обязательной частью саморазвития. Некоторые отправляли своих отпрысков учиться за границу, кто-то ограничивался ознакомительными поездками. Например, такого рода целенаправленное путешествие в 1910 г. совершил купеческий сын, издатель Ахмет-Гарай Хасани. В коллекции А.Апанаева имеется альбом «На память о Париже» о достопримечательностях города на французском языке с пометкой Апанаева «1905 год». Есть такой же альбом на русском языке о Самарканде [4, с. 39, 40]. Возможно, справка о работе Абдул-Хамида в самаркандской конторе Казаковых была связана именно с этим путешествием.

Результатом активной интеграции татар в российское общество являлись изменения в их внешнем виде, в повседневных привычках и мировоззрении. В традиционной среде это выглядело вызывающе. Учеба в реальном училище и университете изменили мировосприятие Хамида Апанаева еще в юности. Так, у него нет ни одной фотографии с головным убором, из одежды и аксессуаров ничто не выдавало его национально-конфессиональную особенность. К примеру, есть среди экспонатов кожаный ремень с серебряной отделкой. Для Апанаева, вероятно, это была незначительная деталь. Между тем для татарского солдата из деревни, ремень – непривычный аксессуар, подчеркивающий его «вероотступничество». «Взяли на войну, / дали мне ре-

мень...», – говорится в одном из байтов времен Первой мировой войны и в этом простом замечании на самом деле обозначено глубокое противоречие в душе человека с традиционными воззрениями. Ведь он носил народные штаны, которые не нужно было подпоясывать ремнем. Как представитель городской молодежи – Абдул-Хамиду были чужды такие привычки. Вообще многие его личные вещи указывают на поведение, свободное от известных религиозных запретов: графин для коньяка, несколько серебряных мундштуков для сигар и сигарет, портсигар... В начале XX в. курение получило особое распространение среди молодежи. Более того, в медресе «Галия» в Уфе имелась даже отдельная комната для курения [8]. Употребление спиртного хоть и было под запретом, многими данное табу обходилось стороной [6, с.89–93]. Вероятно, и А.Апанаев не придавал этому особого внимания. Интересно, что среди экспонатов коллекции нет никаких предметов, указывающих на его религиозность. Например, намазлыки, молитвенники, четки и т.д. Возможно, они были специально уничтожены в советское время. Но многим семьям, несмотря на новую идеологию, удалось сохранить и религиозные реликвии.

Мировоззрение молодых людей, родившихся в конце XIX в., было очень часто амбивалентным. Поколение 1880-х гг. не связывало себя ни с джадидами, ни с кадимистами. Стремление к западным новациям смывало их мусульманскую идентичность, но они так и не сумели слиться с общеимперской русской культурой. Они оставались теми же «инородцами», что и татары XIX в. Возможно, поэтому одной из тенденций дореволюционного времени стало повышение интереса к национальным корням, народной культуре. Именно в этот период возшла звезда поэта Г.Тукая, который на базе татарского фольклора создал свой неповторимый художественный мир. Между тем, Абдул-Хамид Апанаев, оставив в 1909 г. юридический факультет, решил получить востоковедческое образование. Судя по всему, он руководствовался именно этническими мотивами. Но этот порыв не был привязан к религиозным традициям татарского народа, а был скорее предвестником атеистического национализма советского образца.

«Образование, науки, искусство... все это нужно, но без религии они служат лишь к ухудшению нашего положения», – писал журнал «Дин вэ ма-гишат» в 1913 г. [9, с.35]. Однако перемены в сознании молодежи произошли не только благодаря развитию науки и искусства. Огромную роль сыграли и расширившиеся буржуазные услуги (новая городская мода, формы досуга и т.п.), которые противоречили основным положениям ислама. Здесь во главу угла ставилась лишь экономическая выгода. «Я не европеец, и не азиат. Остался между ними», – писал о себе Ф.Карими [10, с.89]. Эта двойственность сознания была характерна для многих прогрессивных молодых людей.

Колебание между разными мирами: блеском Запада и неспешностью Востока отражалось и на устройстве личной жизни. Образованные татарские юноши искали для себя таких же прогрессивных девушек, сведущих в вопросах западной культуры.

Но добрачное общение молодежи в состоятельных кругах было практически невозможно. Такое допускали лишь редкие татарские семьи. Между тем молодые люди, начитавшиеся различных рассуждений о браке, уже не хотели полагаться на судьбу в выборе супруги. Неслучайно, в это время появляются первые эпизоды смешанных браков. Весьма выпукло данную дилемму татарской молодежи изобразил Г.Исхаки в рассказе «Он еще был не женат», где герой-татарин сожительствует с русской женщиной. Альтернативой смешанным бракам в некоторых случаях становились матримониальные союзы с польско-литовскими татарками. Эти девушки мало чем отличались от образованных русских барышень, кроме своего мусульманского вероисповедания. Например, Исмагил Аитов – сын купца С.Аитова был женат на такой девушке. Вот и женой Хамида Апанаева стала Софья Юнусовна Радецкая, литовская татарка.

Источники из музейного фонда не дают полной картины частной жизни Абдул-Хамида Апанаева. Мы не знаем, когда именно поженились Хамид и Софья, где познакомились. Возможно, встретились они еще в Санкт-Петербурге. Но нельзя исключать и знакомства в Казани. В годы Первой мировой войны на территорию Казанской губернии было эвакуированы большие группы польско-литовских татар из западных губерний империи [11, с.230–232]. Первая фотография супругов датируется лишь 1919 г., сделана она в Сайгоне. В семье рос сын – Надир. Именно Надир Апанаев передал материалы из архива отца в Музей национальной культуры.

С таким дореволюционным багажом поколение 1880-х вступило в советскую действительность. Многими новая власть была воспринята с большим воодушевлением. В Казань А-Х. Апанаев вернулся в 1923 г. К этому времени отца – Исхака Апанаева уже не было в живых, его не стало в 1918 г. Мир вокруг сильно изменился. Ему надо было подтвердить свое право на жизнь в новой системе координат. В 1924 г. Апанаева восстановили в правах, он занимал разные должности. Преподавал в Восточно-педагогическом институте¹, но вскоре предмет его убрали из учебной программы. Затем он устроился в Рыночный комитет, где выполнял, в том числе, и обязанности юриста (вот где понадобились царские дипломы). Однако с 1928 г. начинается его «систематическая травля». Первым сигналом стал выход статьи «Хорошо тому живется, кто устроиться сумел» в газете «Красная Татария». «Нами получен

¹Там же в это время работал и другой купеческий сын – Гали Рахим.

ряд рабкоровских писем, преисполненных негодования по поводу превращения бывшего помещика в советского служащего и профактивиста. И в один голос утверждают они, что деятельность Хамеда Апанаева в качестве управляющего базаркома сводится к всемерному обережению интересов частных торговцев, не только в ущерб интересам рабочих и служащих, но и в ущерб общей налоговой политике советского государства. Кроме того, все заметки упирают на чрезвычайную грубость Апанаева, на его помещицье-хамское обращение и требуют точного и ясного ответа:

– Долго ли еще бывший помещик Хамед Апанаев будет членом союза, членом РКК и нарзаседателем?

– Нет ли для этого дела более подходящих людей, у которых бы прошлое было менее блестящим, но зато более соответствующим интересам трудящихся?!» – жаловался на «товарища Апанаева» аноним, назвавшийся С.Мирским [12].

В это время реорганизовывали рыночный комитет и значительно сократили штат служащих. Сам Апанаев считал, что фельетон – эта «личная месть со стороны увольняемых или их вдохновителей», только увольнение рабочих было не в его компетенции. Как юрист он подает иск в суд. В ходе следствия, приведенные в газете, факты не подтвердились. Абдул-Хамид обращался несколько раз и в судебные органы, и в саму редакцию, просил дать в газете опровержение [4, с. 295]. Но его просьбу оставили без внимания.

В 1930 г. бывшего потомственного почетного гражданина выселили из дома. В то время в родовом гнезде на набережной Кабана, вместе с семьей он занимал одну комнату. Претензии такого «неблагонадежного элемента» как Апанаев (да еще со столь громкой фамилией) неизбежно могли привести только к одному итогу. В 1933 г. его осудили на три года исправительно-трудовых лагерей. В коллекции имеется справка от 20 июля 1935 г. о том, что Апанаев Абдул-Хамид Исхакович «по окончании срока с зачетом 146 рабочих дней из Сибирского лагеря освобожден» [4, с. 231]. Умер он в 1937 г. Таков итог жизни многих представителей поколения людей, рожденных в 1880-х годах. По крайней мере, тех татар, которые остались в России.

Список источников и литературы

1. Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. – Л.: Наука, 1979. – С.209–228.

2. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001. – 384 с.

3. Габдрафикова Л.Р. Возрастная стратификация татарского буржуазного общества (начало XX века) // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории, филологии (взгляд молодых ученых и аспирантов): Сборник статей научно-практической конференции. Казань, 7 марта 2014 г. / Институт Татарской энциклопедии АН РТ. – Казань: Фолиант, 2014. – С.20–27.
4. Музей национальной культуры при НКЦ «Казань». КП–13470.
5. Шарипова Г. Семья Гафура. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – 348 с.
6. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). – Казань: Татарское книжное издательство, 2015. – 367 с.
7. Государственный архив Оренбургской области. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.176.
8. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф.Р–4767. Оп.1. Д.2. Л.77.
9. Мир ислама. – СПб., 1913. – Том II, Выпуск 1.
10. Фатих Карими. Научно-биографический сборник. – Казань: Рухият, 2000. – 320 с.
11. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. – 396 с.
12. Красная Татария. – 1928. – 26 апреля. – №96(3069).

Х.З. Багаутдинова

**Назия Максудова: биография
ответственного работника (1903–1949)**

Период Великой русской революции 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война и годы лихолетья оставили глубокий, неизгладимый след в судьбах нескольких поколений многонационального населения Поволжья и Приуралья. Для отдельного человека это время было проникнуто личностными переживаниями и событиями, через призму которых он оценивал период глубоких социальных и политических изменений в стране. Изучение этих микроисторий, некоего персонифицированного среза жизни разных слоев общества обогащает наши представления об истории эпохи, окрашивает ее палитрой оценок непосредственных участников событий.

В ходе археографических исследований в фондах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД) нами был выявлен комплекс исторических источников личного происхождения, связанных с культурно-просветительской и общественной деятельностью Назии Абдулджамилевны (Эмельяновной) Максудовой (1903–1949) – яркой представительницы татарской интеллигенции первой половины XX в.

Назия Абдулджамилевна родилась в семье татарского имама д. Уразаево Салаушской волости Елабужского уезда Вятской губернии (совр. Агрызский район РТ) 25 июля 1903 г. Ее отец – Максудов Абдулджамиль Абдулманнанович (1828–1925) занимался хлебопашеством и учил детей основам татарской грамоты и исламского вероучения. В 1891 г., получив указ, стал муллой в родной деревне. В 1907 г. отказался от должности имам-хатыпа в пользу своего старшего сына и жил на иждивении своих детей [1, л.1 об.]. Высокой образованностью отличалась и мать Н.А. Максудовой – Шарифа, – которая долгие годы обучала девочек в Уразаевском мектебе. Семья Максудовых считалась в деревне зажиточной, имела лошадь, корову, мелкий рогатый скот. Назия была седьмым ребенком у немолодых родителей. Ее старшие сестры продолжили дело семьи, учительствуя в татарских школах Поволжья и Приуралья. По их стопам пошла и Н.А. Максудова. Уехав от родителей к своим сестрам, она окончила 7 классов татарской школы в с. Тарханы Симбирской губернии и 3 класса начальной русской школы в г. Атбасар Акмолинской области [2, л.12].

По окончании учебы летом 1917 г. она вернулась к родителям в Уразаево. В одном из своих писем, адресованных секретарю Областного Комитета ВКП(б) ТАССР З.И. Муратову и председателю Совета Министров ТАССР С.М. Шарифееву от 12 августа 1946 г., она писала, что до революции жители ее родной деревни жили крайне бедно, еле сводя концы с концами, не имели возможности дать достойное образование детям: *«Батрачество, беднота, составляющее большинство деревни, добывала хлеб «производством лаптей и березовых веников» для соседних рынков и отходным заработком. Газет, журналов школы Уразаево не имели, грамотных людей из крестьян можно было сосчитать на пальцах одной руки. Говоря просто, наша деревня при царизме была приговорена к вымиранию»* [3, л. 1 об.].

Практически сразу с приходом к власти большевиков Н.А. Максудова поддержала новый политический строй. Ей импонировали популистские, социалистические лозунги, выдвинутые советской администрацией – «вся власть советам», «земля крестьянам», «долой войну и социальное неравенство». В 1918 г. в пятнадцатилетнем возрасте Назия становится секретарем сельского совета д.Уразаево, а затем – местного комитета бедноты. С началом Гражданской войны активно участвует в борьбе с частями Белой армии. В 1919 г. в связи с наступлением Чехословацкого корпуса, она покидает родную деревню и вступает в партизанский отряд, созданный органами Салаушской и Красно-Борской волостных революционных комитетов. В марте 1919 г., выполняя задачу по сбору информации о частях противника, была схвачена колчаковцами и подвергнута пыткам и избиениям, но при помощи местного крестьянина-батрака Шакира Закирова ей удалось бежать [1, л.1].

В.Гурьев, один из видных большевистских лидеров Татарии, писал об этих годах жизни Н.А. Максудовой: *«Тов. Максудова Назия принимала участие на территории Красноборского района АТССР в организации Советской власти, с винтовкой в руках боролась с передовыми [от]рядами [против] Колчаковских банд в 1919 г. В 1920 г. активно участвовала в борьбе с кулацкими восстаниями, которые громили с/пункты на территории Елабужского кантона, участвовала в разведке и с винтовкой в руках, на постах, в полевых караулах и принимала участие в разоружении и в подавлении кулацкого восстания в Красном Боре. ... Т. Максудова была примерной коммунисткой и единственным членом ВКП(б) из женщин Красно-Борского района в 1919–1920 гг.»* [1, л.2].

25 ноября 1919 г. Н.А. Максудова вступила в ВКП(б) и начала работать организатором партийной работы среди женщин Салаушского и Красно-Борского Волкома и РК ВКП(б). Как она сама писала в своей автобиографии (1 марта 1944 г.): «Начало работы в годы революции – Гражданской войны яви-

лось для меня практической школой партийного работника» [2, л.33]. По освобождении Елабужского уезда от частей Белой армии она была направлена на учительские курсы и с сентября 1919 г. по май 1922 г. проработала учительницей, политпросветником-библиотекарем в Салаушской волостной библиотеке с совмещением должности волорганизатора Волкома ВКП(б). Кроме своей основной работы, она принимала активное участие во всех проводимых партией мероприятиях по борьбе с контрреволюцией, с дезертирством, по борьбе с голодом и т.д., выполняла поручения Ревкома и парторганизации. С мая 1922 г. была переведена заведующим женотделом Елабужского канткома ВКП(б), а в сентябре 1922 г. направлена на учебу на рабфак при Казанском государственном университете. В 1923 г. Максудова была командирована в Свияжский кантон для проведения конференций среди «беспартийных татарок» с целью разъяснения политической программы большевиков и ведения пропаганды в пользу советской власти среди местного населения [5, л.1]. В этом же году она участвует во Второй областной конференции татарок ТАССР [6, л.2].

Эти годы, по оценке Назии Абдулджамилевны, оказались еще тяжелее, чем период Гражданской войны. Наряду с совмещением работы и учебы она была вынуждена растить приемных детей – сирот брата и сестры. К этому надо добавить крайне сложные условия жизни, связанные с послевоенной разрухой и страшным голодом, разразившимся в Поволжье в 1921–1922 гг. Ко всем этим бедам в 1924 г. на Н.А. Максудову свалилось новое тяжелое испытание – она заболела туберкулезом легких. В связи с чем, была вынуждена оставить учебу и временно переехать в Крым для лечения и работы инструктором женотдела Крымского Обкома ВКП(б) [2, л.33].

Вернувшись в 1924 г. в Казань, она поступает на службу инструктором Татселькредсоюза и продолжает партийную работу среди женщин при ячейке ВКП(б) №3. С этого времени начинается ее деятельность по кооперативно-колхозному строительству. В 1926 г. по решению ОК ВКП(б) была мобилизована для работы в деревне и направлена в Красно-Борский район ТАССР, где проработала до сентября 1928 г. в системе сельского хозяйства и потребительской кооперации. За это время организовала из своих односельчан Товарищество общественной обработки земли (колхоз), где проработала председателем правления до 1928 г. В 1927 г. она была жестоко избита местными жителями, выместившими на ней недовольство своим бедственным положением и началом проведения политики коллективизации [2, л.28].

В сентябре 1928 г. в связи с развернувшейся в стране сплошной коллективизацией крестьянских хозяйств ОК ВКП(б) направил Н.А. Максудову на курсы колхозно-кооперативных работников при ЦК ВКП(б) в Москве. По окон-

чании курсов по направлению ЦК ВКП(б) и колхозцентра СССР с 1929–1932 гг. она уезжает в Среднюю Азию для проведения коллективизации и борьбы с басмачеством в районе г. Денау и Джар-Курган. В августе 1929 г. начинает работать инструктором Сельхозсоюза в пос. Турткуль Кара-Калпакской автономной области по колхозному строительству, затем член правления в качестве заведующего организационно-инструкторского отдела.

28 мая 1930 г. в жизни Н.А. Максудовой произошло знаменательное событие – у нее родился сын Виль (муж – Назиб Нуреев работал инспектором в органах НКВД, но в 1930 г. они разошлись). Но вскоре, оставив двухмесячного сына на попечении старшей сестры Магсумы Афлятуновой в д. Богдан Бирского р-на БАССР, она снова уезжает в Среднюю Азию по путевке ЦК ВКП(б) и Колхозцентра СССР инструктором Узколхозцентра Узбекской ССР и 26 июля 1930 г. прибывает в г. Самарканд. Здесь она проработала до 1932 г.

Ее ребенок, оставленный в деревне, заболел оспой и умер в 6-месячном возрасте [2, л. 5]. Н.Максудова тяжело переживала смерть сына. По всей видимости, эта психологическая травма привела к резкому ухудшению ее здоровья. Она была вынуждена просить освобождения от работы по болезни и в январе 1932 г. была откомандирована в распоряжение ЦК ВКП(б) в Москву, где ее направили на лечение в Московский санаторий им. Форреля. По состоянию здоровья она была признана инвалидом 2 группы.

В 1933 г. Н.Максудова опять возвращается в Казань, но в марте 1934 г. вновь направляется на работу в политотдел Краевой милиции г. Алма-Ата старшим инспектором, а с июля 1935 г. переводится в Краевой Госбанк г. Алма-Аты заведующей юридической частью, где работает до мая 1936 г. В связи с новым обострением болезни возвращается в Казань, где продолжает лечение. Ухудшение состояния ее здоровья в этот период усугубляется тем, что к туберкулезу легких присоединяются эпилептиформные припадки на почве травматического невроза. В связи с тяжелым заболеванием и необходимостью постоянного лечения в специальных стационарах, по ее просьбе решениями Бюро Молотовского РК ВКП(б) (2 октября 1939 г.), Бюро Казанского ГК ВКП(б) (13 октября 1939 г.) и Бюро Татарского ОК ВКП(б) (27 октября 1939 г.) было возбуждено ходатайство о переезде ее в Москву.

Несколько поправив здоровье, Н.Максудова с конца 1939 г. до августа 1941 г. работает начальником отдела кадров в Киевском райпромтресте г. Москвы. После начала Великой Отечественной войны в августе 1941 г. она вместе с тринадцатилетним приемным сыном Рамзи эвакуируется в г.Бирск БАССР, где проживала ее сестра Магсума Афлятунова с семьей. В Бирске с сентября 1941 по декабрь 1943 гг. она замещает должность начальника швейно-трикотажного цеха Райпромкомбината, а затем инспектора по про-

верке расходования хлебобудовых Бирской конторы Башзаготзерно, куда была направлена по решению Бирского РК ВКП(б).

Ухудшение здоровья заставило ее вновь вернуться в Казань, где она на протяжении 1944 г. болеет тяжелым обострением туберкулеза легких. С марта по 30 ноября 1944 г. Н.Максудова работает начальником картбюро Молотовского р-на г. Казани, но из-за частых обострений болезни вынуждена была отставить эту должность.

По воспоминаниям ее родственников и близких друзей Н.Максудова «...была способным остроумным человеком, обладала даром красноречия и веселым юмором. Она была открытым человеком, чутким в отношениях дружбы и товарищества. Наверное, все это привлекало к ней людей. Она легко находила общий язык с людьми, у нее всегда было много друзей и товарищей. Ее уважали, любили и ценили ее земляки, сотрудники по работе и просто знакомые и друзья. Она была честной и принципиальной. Работая на ответственных постах, строго соблюдала принципы советской законности, была требовательна и к себе, и к людям» [2, л.37].

В период Великой Отечественной войны Н.Максудова участвовала в организации помощи фронту. Несмотря на свое болезненное состояние, она дважды ездила в родной Красно-Борский район, в д. Салауши и Уразаево, в качестве уполномоченной по уборке урожая и хлебозаготовкам. После возвращения из Бирска в Казань 31 декабря 1943 г., тяжело болея, она часто и подолгу жила в семье своей сестры учительницы Зайнаб Максудовой (Казань, ул. Гоголя д.3 кв.16). В эти годы они вместе делили трудности тяжелых военных лет.

После ухода в ряды Советской Армии сына-воспитанника Рамзи в сентябре 1946 г., она осталась одна. К семейным проблемам и болезни прибавились бытовые сложности. «26.9. веч[ером] выехал Рамзи в Ленинград», – писала она в своих воспоминаниях. «Для проводов продала 2 руб. по 65 руб. (пропущено слово. – Б.Х.), телогрейку 120 и 100 шт. копче[ной] рыбы. Паек до 15/Х все ушло. Трудно жить на 250 руб. будучи не в состоянии ничего сделать. Квартира не отремонтирована, печка, окна все остаются по-прежнему, дров ни полена. Райсобес год уже водит за нос с доставкой дров. Соловьев все «контролирует» исполнение Масловой. Все болит, ноет, душа и тело, душит проклятая астма, слезы...» [4, л.3]. На полях в документе есть пометка: «Масловой отдала 130 руб. за 2 к/м дров».

На протяжении 1947–1949 гг. она периодически лечится в противотуберкулезном госпитале, в стационаре, в санатории «Каменка», но болезнь прогрессирует. Несмотря на это, она пытается участвовать в общественной жизни и деятельности партии. В одном из ее писем адресованному заведующему

военным отделом Молотовского райкома ВКП (б) Казани тов. Васильеву от 17 декабря 1948 г. читаем: *«Очень прошу Вас помочь мне в разрешении следующих вопросов: 1) Как мне быть с партвзносами, у меня не уплачено с июня месяца, потому что я сама не могу встать с постели, а из парторганизации (Молотовский Райсовет) меня не навещали с VI/48 года, т.е. со дня устройства в госпиталь. Я знаю, что причина у меня уважительная, но не хочется остаться задолженною, тем более кончается год. Если не будет оказана помощь и Вами, то я не знаю куда и обратиться в ГК и ОК ВКП(б), что ли? 2) Прошу помочь мне выписать газеты на 1949 г. «Правда» и «Литературная газета». Я ходить, говорить не могу, и единственная что возможно пока, это читать. Думаю, что вы не откажете мне в помощи» [4, л.8–8 об.]*

В послевоенные годы из-за тяжелой болезни, не имея возможности заниматься любимым делом, Н.Максудова начинает активно писать: ведет дневники, готовит свою автобиографию, посылает заметки в газеты и письма в местную и центральную администрации. Ее интересует тяжелое положение жителей родной деревни и района. В частности, в 1946 г. она готовит статью в газету «Правда», где поднимает вопрос о случаях, произошедших в колхозах Красно-Борского района ТАССР: *«20-го марта этого года из колхоза имени «Молотова» Красно-Борского района Татарской АССР приехал ко мне родственник Гали Латыпов, который рассказал и о безобразном расходовании колхозных средств с одной стороны, о явном нарушении финансовой дисциплины районными финансово-банковскими органами из-за их наивности или же не серьезности... В 1948 году колхозы имени Молотова (д. Уразаево), Ворошилова (Балтачево), Пушкина (Салауши), Марс (Варзи-Омга) и Степа Разина (Варзи) какими-то путями узнали о том, что в Москве в каком-то Автозаводе, где работают некие «Кожух, Хремгук» продаются за наличный расчет грузовые машины, и снабдив (своих представителей) деньгами (от 9-ти до 15000 руб.) и по одному пуду меда и масла для подарка направили своих представителей в Москву. По словам представителей вышеупомянутых колхозов, действительно они отдали подарку и деньги Кожуху и Хремгуку, а эти, в свою очередь, им дали расписки «в получении денег за отгруженные им автомашины». Конечно, никакой «отгрузки» не было и колхозные деньги были отданы аферистам наивными колхозными представителями от 9000 до 15000 руб. Характерно то, что почему районные организации, не ознакомившись с действительным положением «купли и продажи автомашин» разрешили командировку представителей колхозов в Москву? Почему Красно-Борский райбанк выдал на руки этим представителям колхозов от 9000 до 15000 руб. денег? Это анекдо-*

тичное событие с покупкой автомашин пятью колхозами Красно-Борского р-на ТАССР» [3, л.8–9].

В последние два года жизни тяжелое состояние здоровья Н.Максудовой усугубилось тем, что к туберкулезу легких присоединились туберкулез гортани и кишечника. От этих болезней она скончалась в возрасте 46 лет 9 мая 1949 г. Похоронена на татарском кладбище в Ново-Татарской слободе г. Казани (могила 21, №155).

При знакомстве с трудовой деятельностью Н.Максудовой может создаться впечатление, что она часто меняла место работы. Но, как справедливо она отмечает в своей автобиографии, «все перемещения с работы, из города в город производились на основании указаний парторганизаций или же ввиду болезни» [2, л.37].

Судьба и биография Н.А. Максудовой во многом схожа с жизнью многих других представителей татарской советской интеллигенции, и в тоже время имеет ряд особенностей, показывающих яркий характер данной неординарной личности. Несмотря на то, что Назия Абдулджамилевна не занимала высоких должностей в системе государственной власти, она на протяжении многих десятилетий активно участвовала во многих значимых культурных и политических событиях, происходивших в ТАССР, а также в Казахстане и Средней Азии, оставила о них свои воспоминания и заметки, которые позволяют нам взглянуть на них глазами современника.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД). Ф.8238. Оп.11. Д.15.
2. ЦГА ИПД. Ф.8238. Оп.11. Д.1.
3. ЦГА ИПД. Ф.8238. Оп.11. Д.16.
4. ЦГА ИПД. Ф.8238. Оп.11. Д.17.
5. ЦГА ИПД. Ф.8238. Оп.11. Д.6.
6. ЦГА ИПД. Ф.8238. Оп.11. Д.10.

Р.И. Ишмухамедова

Жизнь и подвиг братьев Рамазановых

В данном сообщении речь пойдет о судьбах двух братьев из татарской деревни Карлыган Петровского уезда Саратовской губернии: старшем – Шигапе Алимовиче (1887–1948) и младшем – Феттяхе Алимовиче (1904–1940). Из приведенных данных видно, что между ними была весьма значительная разница в возрасте. Однако данный факт не только не мешает, а, наоборот, позволяет более полно проследить судьбу татарского крестьянства на большом историческом отрезке, начиная с первой народной революции 1905–1907 гг. до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Интересно при этом отметить, что до последнего времени Шигап Рамазанов и Феттях Рамазанов были известны по публикациям, которые никак не пересекались и не были связаны между собой. О старшем из братьев известном специалисте по татарскому языкознанию, писала в основном казанская и московская пресса [1; 2; 3, с. 23], о младшем, студенте Саратовского университета, погибшем на финской войне, – пресса Саратова [4, с. 3–4]. Не было выявлена связь между ними как родными братьями. Они существовали врозь, каждый – сам по себе. Нам удалось на основе привлеченных архивных материалов воссоздать эту связь.

В ходе выполнения исследования по истории образования среди татар Саратовской губернии в последней трети XIX – начале XX в. мне приходилось выявлять имена учителей – новаторов или, как тогда говорили, «прогрессистов», из мусульманских школ – мектебов и медресе. Эти мугаллимсы учили детей грамоте по новому, звуковому методу («ысул-и джадид»), старались давать своим ученикам, наряду с религиозными догмами, начатки светских знаний. При этом они подвергались нападкам со стороны «стародумов мусульманства», религиозных фанатиков, на них косо смотрели представители официальной власти. Поэтому таких учителей, вначале было мало.

В татарской деревне Карлыган Петровского уезда одним из первых таких бесстрашных борцов за реформу старой мусульманской школы «бухарского типа» стал Шигап Алимович Рамазанов. Педагогическую деятельность он начал в своей родной деревне в революционном 1905 г., когда ему едва минуло 18 лет. Годом ранее в семье Алима Рамазанова 11-м ребенком появился на свет мальчик, которому дали имя Феттях.

К сожалению, мы пока не знаем биографий ни родителей, ни братьев и сестер Шигапа и Феттяха Рамазановых. Да и о жизненном пути братьев наши сведения являются неполными. Однако и тех фактов, которые нам удалось собрать, достаточно для того, чтобы через судьбы братьев попытаться понять суть и ход происходивших в России событий.

Более полными и точными являются факты биографии старшего брата, Шигапа Алимовича Рамазанова. Биографическая справка о нем помещена в вышедшем в 2010 г. 5-м томе «Татарской энциклопедии». Из нее мы узнаем, что Ш.А. Рамазанов в 1924–1925 гг. преподавал в Саратовском татарском педагогическом техникуме, в 1930–1931 гг. – в Астраханском педагогическом техникуме. Учителем в советских трудовых школах. За заслуги на педагогическом поприще Ш.А. Рамазанову в 1927 г. было присвоено почетное звание «Народный учитель». В 1930-е гг. он перебрался в Казань, стал крупным специалистом в области татарского языкознания. С 1937 г. преподавал в Казанском педагогическом институте. В 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию. Автор большого числа научных и учебно-методических трудов по татарской грамматике, словообразованию, истории татарского литературного языка, лексикологии и орфографии [3, с. 23].

Так же рано Шигап Рамазанов приобщился к общественно-политической жизни России. Он воспринял передовые для своего времени идеи демократии и социальной справедливости, стал активным пропагандистом этих идей среди односельчан. Интересно отметить такой факт. В сентябре 1906 г. пятеро жителей Карлыгана за участие в аграрных беспорядках решением сельского схода были удалены из общества и на основе приговора министра внутренних дел Российской империи отправлены на 3 года в ссылку в Архангельскую губернию [5, л. 1–54]. В том же году молодой учитель был вынужден покинуть родную деревню, очевидно опасаясь политических преследований. Однако ни горечь расставания с родными, ни выпавшие на его долю жизненные испытания и лишения не сломили его волю, не смогли заставить свернуть с избранного пути борьбы за народное счастье. В период между первой и второй русскими революциями он много учился, работал учителем, журналистом, был на фронтах Первой мировой войны.

Шигап Рамазанов, естественно, был не только свидетелем, но и активным участником революционных событий 1917 г. Из архивного дела узнаем, что на состоявшемся в августе 1917 г. мусульманском съезде Петровского уезда он был избран заведующим вновь созданного уездного отдела мусульманского народного образования [6, л. 11]. Октябрьскую революцию он встретил членом партии большевиков, сразу после установления советской власти

включился в борьбу по созданию новой, советской трудовой школы. О последних вехах его биографии мы уже рассказывали выше.

Если старшему из братьев Рамазановых довелось «делать» революцию и защищать ее завоевания в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, то представитель следующего поколения Феттях Алимович стал сознательным и активным строителем нового общества. Он пошел по стопам старшего брата. В 1923 г. у себя в деревне создал комсомольскую ячейку, стал советским активистом. В следующем, 1924 г., по комсомольской путевке он поступает на рабфак Саратовской совпартшколы, после окончания которой с головой окунается в хозяйственно-культурную работу. Становится членом ВКП(б). Работает там, куда его направляет партия. Зимой 1929/1930 гг. участвует в организации колхозов в одном из районов Саратовского края. Публикует в районной газете заметки, направленные против кулаков и их пособников. Это вызывает у противников коллективизации желание наказать активиста. Зимним вечером, когда он возвращался с работы домой, на берегу речки на него напали несколько человек неизвестных. Его сильно избили, погрузили головой в прорубь. Ему угрожала смерть. Феттяха спасло то, что нападавших спугнули люди, проезжавшие мимо. Простуда, полученная тогда, дала о себе знать впоследствии: он заболел туберкулезом [1, с. 3–4].

Летом 1930 г. его направляют на новый участок: претворять в жизнь только что принятый Закон о всеобщем обучении детей школьного возраста. В 1930/1931 учебном году он исполняет обязанности директора открытой в татарском селе Алтата Дергачевского района школы крестьянской молодежи (ШКМ). Одновременно организует работу по ликвидации безграмотности среди взрослого населения. Далее следует еще более ответственное поручение – редактировать краевую татарскую газету «Ялкын» («Пламя»), которая с 1931 г. выходила в Астрахани. И с этой работой он справился вполне успешно. Обо всем этом мы узнаем из воспоминаний его жены Аитовой (Рамазановой) Фатмы Усмановны [7]. Они поженились в начале 1930-х гг.

Далее следует еще один поворот в жизни: Феттях Алимовича назначают начальником политотдела Ново-Репнинской МТС Дергачевского района. В зону обслуживания МТС входят колхозы татарских сел Алтата, Осинов Гай и другие. В 1935 г. МТС добивается исторического результата: все виды работ по обработке пахотной земли выполняются отныне тракторами, без привлечения живой тягловой силы.

Наконец, Феттях Алимович вплотную приближается к исполнению своей давней мечты: получить высшее университетское образование, стать высококвалифицированным специалистом, окупиться в науку. И в этом деле примером ему служит старший брат, ставший в 1937 г. преподавателем казанского

вуза. В этом же году 32-летний Ф. А. Рамазанов подает заявление в Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. Он, в отличие от старшего брата, выбирает самую важную, главную науку – историю, поступает на восстановленный совсем недавно, в 1935 г., исторический факультет.

О студенческих годах Феттяха Алимовича мы узнаем из воспоминаний его однокурсника Леонида Гартунга, опубликованных в 1978 г. в университетской многотиражке. *«Мы не сразу оценили его, когда он попал в нашу группу, – пишет выпускник истфака, – и с некоторым пренебрежением относились к «старика»: молчаливому, серьезному, курящему махорку»* [4, с. 3–4]. Но очень скоро отношение к «старика» кардинально изменилось. Сокурсники оценили, что Федя, как его называли на истфаке, *«умел терпеливо слушать, что говорили другие, обдумывать каждое слово. Его собственные слова были убедительными и глубоко продуманными. Ничего – для эффекта, ничего – для красного словца. Он не старался показать себя, как-то выделиться среди других»* [4, с. 3–4].

Студент Рамазанов преуспевал и в учебе, его «зачетку» украшали отличные оценки почти по всем предметам. Поэтому не случайно к третьему году учебы он достигает очень высокого статуса не только на своем факультете, но и во всем университете. Коммунисты избирают его секретарем партийного бюро факультета, Ученый совет университета назначает ему стипендию имени Н.Г. Чернышевского. Его выдвигают кандидатом в депутаты Кировского районного совета депутатов трудящихся. Университетская многотиражка публикует портрет кандидата в депутаты [8, с. 2]. Все говорило о том, что в стенах четвертого корпуса университета формируется будущий крупный ученый-историк, первый из среды саратовских татар.

Однако грозные события конца 1930-х гг., связанные с началом Второй мировой войны, грубо и безжалостно прервали это восхождение к вершинам науки. В самом конце 1939 г., когда на истфаке началась зимняя сессия, Ф.А. Рамазанов вместе с другими добровольцами ушел на войну с Финляндией. В марте 1940 г. на факультет и в семью Феттяха Алимовича приходит печальная весть о его гибели от вражеской пули.

На примере жизни братьев Рамазановых мы видим, что в Октябре 1917 года в России свершилась подлинно народная социальная революция. Ее «делали» лучшие представители всех сословий, классов, национальностей. Она подняла к творческой, созидательной жизнедеятельности миллионы честных, талантливых людей. К их числу принадлежат и выходцы из татарского села родные братья Шигап и Феттях Рамазановы. У них не было идейно-нравственных расхождений ни с Советской властью, ни между собой. Это

были цельные натуры. Они делали историю нашей страны. Жаль, что Фетяху Рамазанову не довелось написать ее.

Список источников и литературы

1. Гартунг Л. О моем друге // Ленинский путь. – №5 – 1978. – 17 фев.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р–1712. Оп.1. Д.2.
3. ГАСО. Ф.Р–3745. Оп.1. Д.133 (запись беседы с Рамазановой (Аитовой) Фатьмой Усмановной).
4. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д. 7114.
5. Сталинец. – №39 (149) – 1939. – 24 окт.
6. Татарская энциклопедия (ТЭ). – Казань: Ин-т Тат. энц., 2010. – Т.5. – 734 с.
7. Юдакин А. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: энциклопедия. – М.: Моск. гос. ун-т, 2001. – 599 с.
8. Якупова Г. Шигап Алимович Рамазанов (к 90-летию со дня рождения) // Советская тюркология. – 1978. – №1.

УДК 94

А.Л. Худобородов

Восприятие революции 1917 г. и гражданской войны в мемуарах офицеров Оренбургского казачьего войска

Субъективное восприятие революции 1917 г. и гражданской войны, отраженное в мемуарах и исторической публицистике современников данных событий, очень важно для изучения этого трагического периода в истории России. Во-первых, эти источники отражают атмосферу изучаемой эпохи, накал общественно-политических страстей. Во-вторых, это позволяет реализовать антропологический подход к изучению истории, раскрыть «историю повседневности». В-третьих, в работах участников революции и гражданской войны нередко содержатся и объективные оценки рассматриваемых событий.

В данной статье для анализа были взяты работы оренбургских казаков И.Г. Акулинина, Г.В. Енборисова и А.В. Зуева, так как именно в них отражены многие события революции и гражданской войны на Урале. Необходимо сказать несколько слов об этих авторах.

Иван Григорьевич Акулинин – генерал-майор Оренбургского казачьего войска. После Октябрьской революции 1917 г. был избран Оренбургским войсковым кругом на пост помощника атамана А.И. Дутова. В годы гражданской войны командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса. После падения колчаковского фронта с остатками корпуса и с Уральской казачьей армией В.С. Толстова отступил на Каспий, потом на Кавказ. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, затем переехал во Францию. В феврале 1923 г. на организационном собрании оренбургских казаков в Китае избран войсковым атаманом оренбургского казачества в эмиграции. После создания в 1923 г. в Харбине Восточного казачьего союза назначен его представителем в Западной Европе. В 1926 г. участвовал в работе Российского зарубежного съезда в Париже.

В эмиграции сотрудничал в казачьих изданиях и состоял редактором казачьего отдела в журнале «Часовой». Умер в Париже в 1944 г.

Гавриил Васильевич Енборисов – полковник Оренбургского казачьего войска. В годы гражданской войны – комендант штаба обороны города Верхнеуральска и округа. В 1919 – 1920 гг. руководил одним из отрядов дружины Святого креста в составе армии А.В. Колчака. В 1920 г. – Дежурный генерал 3-го Отдельного стрелкового корпуса в Забайкалье, заместитель начальника охраны атамана Г.М. Семенова. Летом 1920 г. Г.В. Енборисов по заданию Г.М. Семенова выехал в Харбин, где и остался в эмиграции до конца жизни. В 1923 г. Г.В. Енборисов стал первым председателем правления и совета Восточного казачьего союза в Маньчжурии. В 1920-е гг. работал в администрации КВЖД, а затем на строительстве Хукайской железной дороги. Умер в Харбине в конце 1930-х гг.

Аристарх Васильевич Зуев – генерал-майор Оренбургского казачьего войска. В 1918 г. в чине подъесаула командовал 2-м Кундравинском казачьим полком, участвовал в боях против красных под Верхнеуральском.

Осенью 1918 г. А.В. Зуев назначается помощником командира 11-го Оренбургского казачьего полка, в составе отступивших колчаковских войск в конце 1919 – начале 1920 г. участвовал в знаменитом «Сибирском Ледяном походе». В 1920 – 1922 гг. А.В. Зуев во главе полка действует в Приморье в составе Оренбургской казачьей бригады. С конца 1922 г. он в эмиграции, в Харбине. С 1939 г. – начальник семеновского Союза казаков на Дальнем Востоке.

Достоинством работ указанных выше авторов является прежде всего в целом правдивое и достоверное изображение положения в Оренбургском казачьем войске после Февраля 1917 г. И И.Г. Акулинин, и Г.В. Енборисов отмечают спокойное отношение оренбургских казаков к свержению самодержавия, хотя часть казаков и отнеслась к Февральской революции настороженно. Оба автора указывают на всеобщее увлечение левыми настроениями весной 1917 г., которое захватило и значительную часть оренбургского казачества, в том числе заседания первого войскового круга, проходившего в Оренбурге в апреле мае 1917 г. «Первый войсковой круг, откровенно говоря, был немного революционен...», – отметил в своих мемуарах Г.В. Енборисов. И действительно, войсковой круг принял резолюции с требованием объявить Россию демократической республикой и об обязанности членов круга носить красные повязки.

В то же время полемический задор и эмоциональность, свойственные воспоминаниям монархиста Г.В. Енборисова, иногда приводят к искажению фактов и необъективности, необходимо учитывать современному читателю. Так, в мемуарах Г.В. Енборисова явно тенденциозно освещена деятельность Верхнеуральского станичного атамана Д.И. Каширина и его сыновей Николая

и Ивана, воевавших на стороне советской власти. Вызывают большие сомнения утверждения автора о его участии в заседании Петроградского Совета летом 1917 г. и его успешной полемике с В.И. Лениным [1, с.13–16]. В документах Петроградского Совета нет никаких упоминаний о полемике В.И. Ленина с оренбургским войсковым старшиной Г.В. Енборисовым. И, конечно, совершенно не соответствуют действительности утверждения Г.В. Енборисова о том, что В.К. Блюхер был евреем-дезертиром из австро-венгерской армии, приговоренным к смертной казни.

Достоверность фактического материала, объективность многих оценок событий гражданской войны на Урале характерны для книги И.Г. Акулинина. Автор правильно показал влияние аграрной политики большевиков весны 1918 (продовольственная диктатура, продразверстка) на настроение оренбургского казачества, которое встало на путь вооруженной борьбы против советской власти. Описывая события мая – июня 1918 г., И.Г. Акулинин отмечает: *«Успехи оренбургских казаков в этот период борьбы объясняются резким переломом, который произошел в настроении казачьей массы, вочию убедившейся, что казачеству с большевизмом не по пути»*.

Неумелая и жестокая политика большевиков, их ничем не прикрытая ненависть к казакам, надругательства над казачьими святынями и, особенно, кровавые расправы, реквизиции, контрибуции и разбои в станицах – все это открыло глаза казакам на сущность советской власти и заставило их взяться за оружие» [2, с.83]. Правда, упоминая о красном терроре, автор фактически не пишет о терроре со стороны белых в Оренбуржье в этот период.

В целом достаточно объективно И.Г. Акулинин пишет об ошибках и проблемах внутри белого движения на Урале в 1918 – 1919 гг., в частности, о причинах поражения колчаковцев летом – осенью 1919 г. на Урале. В связи с этим автор подчеркивает: *«Расформирование Оренбургской (Юго-Западной) армии и формирование вместо нее Южной повлекло за собой перерыв в операциях и перетасовку войск, что совершенно не вызывалось обстановкой. Оренбургская (Юго-Западная) армия представляла собою не мертвый труп, а живой организм, который сначала разрезали на куски, а потом снова соединили под именем Южной армии; но вдохнуть жизнь в новый организм не сумели и не успели: большевики скоро перешли в наступление <...>. Обстановка требовала не расформирования Оренбургской (Юго-Западной) армии, а усиления ее пехотными частями и техническими средствами»* [2, с.144–145].

Не скрывает И.Г. Акулинин и такой серьезной и болезненной проблемы в рядах белого движения, как нежелание казаков воевать с красными вдали от своих родных станиц. Это явление особенно раздражало некоторых лидеров

белого движения в России (А.И. Деникина, П.В. Врангеля) и среди противников казачества получило название «казачий сепаратизм».

О таких настроениях и соответствующем поведении оренбургских казаков И.Г. Акулинин пишет: *«Но справедливость требует сказать, что после изгнания большевиков с казачьей земли энтузиазм среди казаков сразу упал; появилось желание разойтись по домам, тем более, что наступило время сенокоса и уборки хлебов; многие казаки по близорукости считали большевиков совершенно разгромленными; некоторые смотрели на борьбу вне территории Войска, как на дело, их не касающееся. Казакам понятен был лозунг борьбы «за родные станицы», когда затрагивались их непосредственные интересы, но драться с большевиками «за мужичьи выгоды» у них не было никакого желания, особенно, когда во время преследования красных за пределами Войска они увидели, что крестьяне соседних областей и губерний не только не восстанут против большевиков, но по-прежнему держат их сторону и всячески стараются вредить казакам <...>».*

Такие факты обескураживали казаков и еще более укрепляли их в мысли, что они свое дело сделали, большевиков «из родного Войска» выгнали и, следовательно, теперь могут со спокойной совестью расходиться по домам, чтобы заняться своими казачьими делами и в мирную голову привести в порядок своих разоренных хозяйств» [2, с.85–86].

Подобная же оценка, но уже применительно к башкирам, дается в книге А.В. Зуева со ссылкой на мнение генерал-майора В.В. Кручинин. *«Тенденциозность башкир сказалась в том, что они готовы были драться с большевиками до момента нахождения их на «территории» башкир, а как только последние были изгнаны из нее, всякое желание драться за русскую землю у них отпало. Какой узкий и кургузый сепаратизм!» [3, с.27].*

Характерно, однако, что ни А.В.Зуев, ни И.Г. Акулинин ни разу не упомянули слова «казачий сепаратизм» и «самостийность». Надуманный характер «опасности казачьей самостийности» в 1918–1919 гг. отмечал в своих мемуарах также и кубанский атаман А.П. Филимонов [4, с.141], он верно отобразил в связи с этим истоки и сущность противоречий кубанского казачества с командованием Добровольческой армии [5, с.285, 286]. Интересно отметить, что в эмиграции ряд лидеров казачьих организаций, демократических по своим взглядам, разоблачали этот «жупел» казачьей самостийности и сепаратизма в годы гражданской войны. Так, в ноябре 1924 г., обсуждая доклад П.Н. Милюкова в Праге о белом движении, член кадетской партии, один из руководителей Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Чехословакии В.А. Харламов заявил: *«Нельзя отказать казачеству в том, что оно было демократическим и государственным. Казачья борьба не была борьбой за*

свою хату, за свой избыток. Казачество боролось за воссоздание русской государственности, казачий же сепаратизм был сочинен. Борьба с этим выдуманным сепаратизмом ослабляла белое движение, вносила в него развал и довела до Новороссийска» [6].

Оренбургские казаки – авторы мемуаров занимали совершенно определенную позицию в вопросе о месте казачества в белом движении. Они считали, что именно казаки были в авангарде белого движения, наиболее стойко боролись против большевиков. По этому поводу Г.В. Енборисов писал: «Прежде всего, русские люди не должны забывать, что вооруженная борьба с большевиками началась в казачьих областях – ни в каких других местах России. Не будь казачьих земель – не было бы и белого движения... В Воронежской губернии могла возникнуть «антоновщина», на Украине – «махновщина», по Черноморскому побережью – «зеленое движение», но для белого дела там не было почвы, оно было возможно только на казачьей земле» [7, с.27].

Следует учесть, что в рядах казачьей эмиграции была распространена и совершенно иная точка зрения по этому вопросу. Так, 1 ноября 1924 г. во время дискуссии в Праге о белом движении член ЦК Союза возрождения казачества Г.Ф. Фальчиков признал себя противником белого движения и далее заявил, что «белое движение сводилось к тому, что остатки классов старой монархической России объединились для преодоления революции и восстановления монархии. Рядом с ним и совершенно независимо от него существовало сложное народное движение. Эти два движения, в конце концов, столкнулись. В частности, казачье движение установило свое взаимоотношение с белым на основе военных договоров, которые не соблюдались. Казачья территория была оккупирована, казачество преследовалось и было обмануто руководителями белого движения. Вообще белое движение не было мечтой, оно было реальной попыткой осуществить реставрацию. Наше отношение – непримиримая борьба...» [6].

Типичным недостатком многих мемуаров казаков-эмигрантов являлось примитивное объяснение причин побед Красной армии и поддержки ее со стороны местного населения. Нередко все сводилось к изощенной и умело поставленной пропаганде и агитации большевиков. Не избежал такого упрощенного подхода и А.В. Зуев. Освещая «ледяной поход» оренбургских казаков в Восточной Сибири зимой 1919–1920 гг., он писал: «Однако уже через несколько переходов на пути к Верхоленску мы вновь встречаем серьезное сопротивление красных наймитов, ибо распропагандированное население, видимо, охотно шло в ряды воровской шайки, обещавшей, в случае поражения врага, наградить хорошей добычей. И наивные, слепо верившие крас-

ным погонщикам крестьяне шли за ними, как стадо баранов за своим поводом, увлекаемые ими в пропасть небытия...» [3, с.68].

Несмотря на отмеченные выше недостатки, публицистика и мемуары казачьего зарубежья являются ценным и интереснейшим источником по истории гражданской войны на Урале, они содержат не только богатый фактический материал, но и очень ярко передают атмосферу, настроения и взгляды участников белого движения в этот трагический период отечественной истории.

Список источников и литературы

1. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина (Памятка о пережитом). – Шанхай: [б.и.], 1932. – 288 с.
2. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917 – 1920. – Шанхай: [б.и.], 1937. – 97 с.
3. Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом 1918 – 1922 гг. Очерки. – Харбин: [б.и.], 1937. – 132 с.
4. Филимонов А.П. Кубанцы // Белое дело. – Кн.2. – М.: Голос, 1993.
5. Филимонов А.П. Разгром Кубанской Рады // Белое дело. – Кн. 8. – М.: Голос, 1992.
6. П.Н. Милюков в Праге (Прения по докладу о «белом движении») // Последние новости (Париж). – 1924. – 14 нояб.
7. Оренбургское казачье войско: Военная служба и общественная жизнь. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 1997. – 205 с.

Н.А. Павлова

Формирование в мемуарах образа врага: классовые стереотипы рабочих Пермской губернии

Анализ содержания воспоминаний показывает, что образ препятствия, требующего удаления на пути к светлому будущему, образ людей активно борющихся с революционерами и не желающих наступления революции стал складываться уже в ходе революционных событий начала XX в. Эти представления в советскую эпоху объединились в образ «врагов народа», который не только просуществовал весь период создания воспоминаний о революционных событиях начала XX в., но и получал на протяжении всего этого времени мощнейшую идеологическую и пропагандистскую поддержку, особенно ослепительную в период репрессий 1930 – первой половины 1950-х гг. Авторы воспоминаний, долгое время жившие в атмосфере подозрительности и откровенной вражды и агрессии в отношении «иных», «чужих», инакомыслящих, которая в каждом видеела врага и которой надо было постоянно различными средствами демонстрировать и доказывать свою лояльность, по тем или иным поводам часто обращались к концепту «враг народа». В своих высказываниях они активно использовали не только штампы советской пропагандистской машины, в их текстах можно найти отклики дореволюционной агитации и влияние средств массовой информации, в первую очередь, периодической печати того же времени.

Одной из наиболее популярных в последние годы тенденцией стало изучение представлений о революционных событиях ее участниками и очевидцами. Среди проблем исторической памяти стали выделяться вопросы о формировании у них образа врага. В России эти темы изучались фрагментарно, применительно к тому или иному сюжету или отрезку времени.

Жажда мести и социального реванша рабочих Пермской губернии посредством тактики политических деятелей и партийной прессы края способствовали активизации приоритетности принципа «кто не снами, тот против нас». Одним из типичных проявлений социально-психологического негативизма и политической нетерпимости рабочих масс стали антибуржуазные настроения. Антибуржуазные предубеждения уральских рабочих развивались на базе традиционных ценностей, преобладавших в сознании рабочих. У них накопился огромный потенциал ненависти к врагам трудящихся, к которым

относили помещиков и капиталистов. В качестве главного обвинения «кучки капиталистов» выступало то, что именно «ради их интересов ведется грабительская война», имеется в виду Первая мировая война [1].

Развивая свою идею врагов революции, большевики выделяли две противоположные позиции – «фронт буржуазии и фронт демократии». На данный момент «силы демократии должны быть направлены к победе ведущих эту борьбу Советов». У «денежного мешка» – буржуазии должны «революционные рабочие» вырвать мир, землю, хлеба, лучшую жизнь знают. Воплотить в действительность такую установку можно только одним средством – борьбой, восстанием [2]. Затем с подачи большевиков вина буржуа стала заключаться в притеснении рабочего класса за то, «что он силой заставил служить себе государственную машину, которую не дают ему те, кто до сих пор раболепствовал перед жандармским сапогом и начальническим виц-мундиром». А «сейчас судорожно вцепился в свои сундуки, свою землю, свою собственность» [3]. В данном случае переплетались доминирующие экономические и второстепенные политические представления.

В условиях продолжающейся мировой войны и эскалации социального напряжения уральская буржуазия предпочитала проповедовать теорию социального мира, единства интересов рабочих и капиталистов. Но в разжигающемся конфликте такие намерения не были поддержаны рабочими, и она не оказывала заметного влияния на сдерживание революционного движения [4, с. 101]. Рабочие продолжали заявлять на митингах: «Долой каторжные законы против рабочих! Требуем ... контроля рабочих над производством и распределение» [5, с. 4].

Обвинения в «буржуазности» часто использовались рабочими как политический ярлык. С точки зрения социалистов все иные партии были буржуазными [6, с. 197]. Наиболее конкретно формулировала свою позицию партия большевиков, считавшая борьбу за свержение буржуазии своей конечной задачей [7]. Таким образом, «буржуй» для рабочих губернии особенно к концу изучаемых событий – к 1917 г. – явился не столько социальным типом, сколько общественно признанным символом всего негативного. Об этом свидетельствует причисление к «буржуям» по своеобразным небуржуазным признакам [8, с. 158]. Действительно, антибуржуазные настроения оформляли не только классовые, но и социокультурные конфликты: носители антизападных, антигородских настроений использовали термин "буржуй" для характеристики своих противников.

В целом главным врагом считался «капитал» [9], наряду с наименованием «буржуй» в воспоминаниях рабочих активно используют понятие «контрреволюция». Считалось, что рабочие смогут завоевать государственную власть, т.е. произойдет передача власти в руки пролетариата, если над

контрреволюцией будет одержана победа [10, с. 2]. Поэтому необходимо бороться с контрреволюцией. В итоге ее разгрома будет проведена подготовка к новому этапу революции [11].

Контрреволюционером, «контриком» мог быть тот же буржуй, однако применение данного наименования было намного шире. В своих воспоминаниях большевистский лидер Белобородов писал, что речах к рабочим он указывал на «единение с русскими контрреволюционерами буржуазии». Они вместе ведут штурм революции. К тому же буржуазия, заручившись поддержкой союзников, с начала русской революции организовала против нее поход [12].

Контрреволюционный настрой уральский пролетариат обнаружил и у заводской администрации, которая вкупе с меньшевиками и эсерами стремилась расколоть рабочую среду. Она натравливала одну часть рабочих на другую, чтобы легче было задушить революцию. Этого администрация достигала путем перераспределения зарплаты так, что работавшие в механических цехов стали получать против занятых в горячих цехах в 2,5–3 раза больше. Уборщица лафетного цеха зарабатывала больше, чем мастер старого мартеновского цеха. Рабочие считали, что это не просто безобразия. По их мнению, поэтому и нарастало революционное движение [13]. На страницах меньшевистской газеты рабочие Юго-Камского завода жаловались на заводскую администрацию, которая призывала: «Уберите (рабочий) комитет и мы вам будем отпускать муку по 4 руб., что местный продовольственный орган сделать не в силах». По их словам, «заводоуправление» проводило игры с «малосознательной рабочей массой, в большинстве безграмотные старики». Подобное рабочие расценивали как «затыкание шумливых ртов 2 или 3 пудами муки» [14, с. 4].

Представление о врагах народа в огромной степени подпитывалось идеей классовой борьбы. Большевики растолковывали своим слушателям неизбежность такой борьбы с точки зрения позиции, занимаемой в сложной расстановке политических сил самими рабочими. Ее «развитие выдвигает перед пролетариатом положение: или бери себе права и обязанности государственной власти, или сдавай свою классовую позицию». Они предупреждали «рабочий изменит своему классу, отказавшись от государственной власти» [15]. Таких предателей собственного класса называли «дезертирами революции» [16, с. 1]. Тот рабочий, который отказывался бороться «за власть», переставал быть и сторонником революции, превращался в её изменника и поэтому зачислялся во враги революции. Рабочие партийные или сочувствующие большевикам считали беспартийных рабочих, которые в открытую враждебно выступали против большевиков, «первыми врагами советской власти и главными контрреволюционерами» и приговаривали: «Их надо с корня вырвать» [17].

Обвинялась в измене и буржуазия, которая выступила против революции» [18, с. 2]. Рабочие были враждебно настроены к буржуям потому, что подозревали их в желании «использовать завоевания революции в своих интересах» [19, с. 2]. А ведь завоеваниями революции могли пользоваться только рабочий класс. Так, во время сентябрьской забастовки 1917 г. на Верх – Исетском заводе выкрикивался лозунг «Да здравствует власть рабочих!» [20, с. 4]. Рабочие осознанно начали выдвигать требования по передаче власти народу.

Воспоминания дают возможность проследить, что представления о врагах в сознании рабочих Пермской губернии за рассматриваемый период проделали значительную эволюцию. Особенно явно смена минуса на плюс проявилась в представлениях о большевиках. Как ни странно, в текстах, созданных уже при советской власти можно найти упоминания о травле большевиков, называемых «немецкими шпионами», затем эсеров и меньшевиков [21, с. 59]. Она началась вскоре после февральской революции. Возмущению рабочих Лысьвенского завода на разговоры о том, «что Ленин приехал с двумя миллионами в plombированном вагоне предать Россию» не было предела. Большевистским ораторам приходилось очень осторожно выступать на митингах и собраниях. Не один раз большевики вынуждены были ретироваться, когда в ответ раздавались возгласы: «...большевик, долой его, бей его...» [22]. По наблюдению меньшевика П. Гвоздева, относящегося к началу июня 1917 г. «стоит в толпе кинуть по адресу оратора – большевик, как всякие доводы перестают действовать [23]. В воспоминаниях указывается что, когда выступали большевики на заводских собраниях, то «их освистывали» [24]. В письме рабочего Белорецкого завода, опубликованного в московской газете «Вперед» в июле 1917 г., отмечалось: «понятие большевик ... истолковывается очень широко, и под него подойдут не только большевики, но и все инакомыслящие» [25]. По воспоминаниям рабочего Степанова В.Т., в большевиках видели «подлотошников, которым нужна власть, работать – то неохото» [26].

В период от февраля к октябрю 1917 г. на ход и направленность группового сознания рабочих Пермской губернии огромное влияние оказывала обстановка разжигания страстей, поиска врага в обществе. Рабочие, выступая на заводских собраниях, называли врагами революции тех, которые «пытаются свалить ответственность за переживаемые народом несчастья» на рабочих, которые стремятся погубить народ, «совершивший величайшую в мире революцию» [27, с. 4]. Активизация психологического механизма «поиска врага» в условиях дихотомии «мы» и «они» проявлялась в признании врагами многих без различия их действительных политических позиций. Рабочие отрицательно относились к Пуришкевичу, Керенскому, Церетели, Чернову, Ленину, Троцкому,

не разбирая, кто прав, кто виноват, По отношению к этим лицам у них возник устойчивый комплекс поиска врага. Явным противником пролетарской революции называли Корнилова, который «хотел задавить свободу и революцию» [28, с. 4]. Образец политического мышления находим в письме рабочих завода Злоказовых: «Корниловых еще много, и нам некогда спать» [29].

Всеобщая атмосфера нетерпимости, подозрительности, когда «достаточно ради красного словца не пожалеть ни отца, ни матери», крикнуть одно лишь волшебное слово ««долгой» как массы моментально зажигаются верой в говорящего» [8, с. 157], создавалась питательная среда для поиска и «вращения» все новых врагов, которая в дальнейшем будет неоднократно использоваться в годы советской власти.

Представления рабочих Пермской губернии о врагах революции позволяют раскрыть особенности присущей им идейной системы и способа восприятия действительности. Дихотомия «свои-чужие» в их сознании базировалась на соотношении идеологии и традиционной политической культуры, группового сознания рабочих и политического менталитета. В ряде случаев демократическая идеология накладывалась на авторитарную ментальность, модные политические лозунги вступали во взаимодействие с глубинными религиозными и общинными традициями.

Список источников и литературы

1. Уральская правда. – 1917. – 30 июня.
2. Никто. Только два фронта // Пролетарское знамя. – 1917. – 29 октября.
3. Никто. О белых перчатках и ежовых рукавицах // Пролетарское знамя. – 1917. – 10 декабря.
4. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – 649 с.
5. О забастовке на Верх-Исетском заводе // Уральский рабочий. – 1917. – 13 сентября.
6. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуазное сознание // Анатомия революции. 1917 г. в России. – СПб., 1994. – С. 188–202.
7. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р.–732. Д. 81. Л. 1.
8. Коробков Ю.Д. Формирование стереотипов массового сознания (на примере «образа врага») как одна из социально-психологических предпосылок Гражданской войны [электронный ресурс] // Гражданская Война на Востоке России: Материалы Всероссийской научной конференции (Пермь, 2008). – Режим доступа свободный: <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-voyna-na-vostoke-rossii/yu-d-korobkov-formirovanie-steretipov->

massovogo-soznaniya-kak-odna-iz-sotsialno-psihologicheskikh-predposylok-grazhdanskoj-voyny.html

9. Толмачев Н.Г. Только два фронта // Пролетарское знамя. – 1917. – 29 октября.
10. Уральская правда. – 1917. – 24 августа.
11. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф.85.Оп. 1. Д. 1.2. Л. 38.
12. ПермГАНИ. Ф.85.Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
13. ГАПК. Ф. Р.–732. Д. 85. Л. 2.
14. Пермская жизнь. – 1917. – 6 октября.
15. Пролетарское знамя. – 1917. – 9 ноября.
16. Уральская правда. – 1917. – 21 августа.
17. ПермГАНИ. Ф.90. Оп. 4. Д. 1049. Л. 5.
18. О проведении всеобщей политической забастовки 1 сентября в Екатеринбурге // Уральский рабочий. – 1917. – 6 сентября.
19. Резолюция Уральского областного съезда С.р. и. с.д. о политическом моменте 17–21 августа // Уральская правда. – 1917. – 24 августа.
20. Уральский рабочий. – 1917. – 13 сентября.
21. Коробков Ю.Д. Политический выбор рабочих Урала в революциях начала XX в. // Страницы истории Урала. – Вып. 4. Общественное движение в крае XIX – начале XXI вв. – Пермь: Изд-во Пермского государственного педагогического университета, 2008. – С. 52–60.
22. ГАПК. Ф. Р.–732. Оп. 1. Д. 159. Л. 13.
23. Уральская жизнь (Екатеринбург). – 1917. – 6 июня.
24. ПермГАНИ. Ф.90. Оп. 4. Д. 989. Л. 17.
25. Вперед (Москва). – 1917. – 6 июля.
26. ПермГАНИ. Ф.90. Оп. 4. Д. 1049. Л. 4–5.
27. Пермская жизнь. – 1917. – 18 июля.
28. Постановление граждан Северной волости и завода // Уральский рабочий. – 1917. – 13 сентября.
29. Уральский рабочий. – 1917. – 10 сентября.

О.И. Боднарь

Гражданская война в воспоминаниях

Официальные сообщения о свержении самодержавия в феврале 1917 г. до Бондюжского химического завода дошли только в марте месяце. Началась полоса митингов и собраний. На поверхность вышли все политические течения, до этого державшие языки за зубами: эсеры, возглавляемые инженером Б.И. Збарским, большевики, под руководством С.Н. Гассара, меньшевики, вожаком которых был учитель из Кокшанского завода, некий Дулатов, и даже появились кадеты, во главе со старшим кассиром завода Д.П. Панковым и бухгалтером Ситниковым [1].

Ни эсеры, ни меньшевики, не говоря уже о кадетах, в рабочей среде популярностью и авторитетом не пользовались.

После февральской революции Сергей Николаевич Гассар и Лев Яковлевич Карпов, Яков Ильич Збарский создают кружок революционно настроенных, куда вошли Д.И. Мартынов, С.Ф. Медовых, П.Е. Махнев, Г.П. Климов, Г. Мифтахутдинов, В.С. Ветлугин, Н.А. Антонов, М.Н. Водяных, З.И. Сарманова. В ряды партии вступили и прибывшие с фронта П.И. Деревягин, Г. Гилязетдинов, Д.М. Курочкин, К. Юсупов, М. Теплых, М. Шакиров, Д. Гунин. В сентябре Бондюжская ячейка РСДРП(б) уже насчитывала около трех десятков членов [2, с.36].

Кадет Ситников организовал самостоятельный «Союз служащих БХЗ», но он просуществовал недолго и ничем себя не проявил. Кроме руководящих органов власти, как Совета рабочих депутатов и Заводского комитета профсоюза рабочих-химиков, в апреле 1917 г. учителем Сахабутдиновым Аглямом был организован «Мусульманский комитет» [1].

После Февральской буржуазной революции между представителями различных партий шла ожесточенная борьба, но рабочая масса Бондюжи, Кокшана и вообще населенных пунктов примкнула к большевикам.

Не трудно догадаться, как именно была встречена октябрьская революция 1917 г. Несмотря на то, что Елабужский уезд входил в состав Вятской губернии, партийная организация тяготела к Казани. Это объясняется и территориальной близостью, и тем, что весть о начавшейся революции дошла в уезд из Казани 26 октября, а из Вятки только 16 ноября 1917 г.

В том же 1917 г. из числа заводских рабочих была организована группа сочувствующих партии большевиков. Руководил этой группой Сливчиков Федор Андреевич, Юсупов Кирил Христофорович и Курочкин Дмитрий.

После получения правительственных телеграмм и столичных газет в Елабуге и Бондюге были проведены многолюдные митинги, на которых народ продемонстрировал, что он за Советскую власть. Создаются отряды Красной гвардии в Елабуге и селениях: Токмашке – 42 человека, Мурзихе – 12 человек, Танайке – 12 человек, Ново-Гришкине – 38 человек [3, с. 16].

13 ноября 1917 г. считается днем установления Советской власти в Бондюге. Совет создал отряд Красной гвардии из рабочих [4].

В борьбе против саботажа, ЧК Бондюжского Химического завода оказала исключительно большую помощь Елабужскому Уездному исполкому, образовавшись в начале января 1918 г. на уездном съезде Советов. Часть отделов исполкома и уездных учреждений тогда возглавили Бондюжские большевики.

Активное участие в борьбе за Советскую власть принимали К.Х. Юсупов, И.П. Лузинин, Д.М. Курочкин, Г. Климов, А.С. Сахабутдинов, П.И. Деревягин, Г.Б. Багаутдинов, М. Водяных, Н. Антонов, Г.Ф. Фасхутдинов, Ш.З. Саттаров, М.Н. Усачев, М.Ш. Шакиров, Ф. Сливщиков, Ветлугин, В. Махнев, А.В. Молчанов, М.Д. Мартынов и др. [5]

26 февраля 1918 г. под влиянием эсеров в Казани был учрежден СНК в составе 11 наркомов. Такие республики создались в Чистопольском и Елабужском уездах. В уезде вынашивали идею создания «Прикамской автономной республики» с центром в г. Сарапуле [4].

В начале 1918 г. положение рабочих Бондюжского завода стало ухудшаться. Сырье было на исходе, заработную плату рабочим выплачивали от случая к случаю. Бывшие хозяева завода Шеин и Николаев – не стали об этом заботиться, надо полагать уже чувствовали, что завод, не сегодня – завтра, перейдет в руки рабоче-крестьянского государства.

Администрацией завода было решено обратиться с письмом в Москву к Л.Я. Карпову, являвшимся на тот момент заведующим отделом химической промышленности и членом Президиума ВСНХ РСФСР. При получении ответа на письмо было проведено собрание коллектива завода. На собрании от 31 мая 1918 г. было решено выехать в Москву, где на заседании ВСНХ вынесено решение о национализации завода.

Военный вопрос 1918 г. рассматривался с особой серьезностью. Так, в документах за период с 22 по 29 марта в г. Елабуга можно найти сведения о количестве добровольцев, вступивших в ряды Красной Армии [6, с. 164].

В марте 1918 г. в Елабужский уезд прибыл с широкими полномочиями представитель Казанского губвоенкомитета эсер Замятин. Он арестовал ру-

ководителя Бондюжских большевиков, председателя Елабужского уездного исполкома товарища Гассара и отправил его под конвоем в Казань. Хотя в Казани С.Н. Гассар был освобожден, но он уже больше не вернулся в Елабугу и уездная партийная организация лишилась крупного вожака. В последствии, Сергей Николаевич убит белочехами [4].

19 апреля 1918 г. в г.Вятка на Первом губернском съезде фабрично-заводских комитетов профсоюзных и рабочих кооперативов представители бондюжско-кокшанской делегации большевики Г. Багаутдинов и Н. Усцов избраны в состав губернского Совета народного хозяйства.

Летом 1918 года в Сибири и на Дальнем Востоке вспыхивает восстание среди военно-пленных чехословаков, которые начинают пробиваться к себе домой из Сибири на запад. Наряду с белочехами, царский генерал А.И. Дутов формирует свою белую армию, которая вместе с белочехами занимает города: Пермь на р.Каме, Уфу на р.Белой, Златоуст и Челябинск на Урале, и свои главные силы направляет на Самару, занимает её и двигается на Казань, которая под натиском была вынуждена сдаться. Так что территория между Казанью, Пермью и Ижевским заводом на Востоке оказывается в полном окружении белых войск чехословаков и генерала Дутова [1].

8 июня 1918 года в Самаре образуется КОМУЧ, который претендует на власть.

Документов о действиях партизанских отрядов и восстаниях крестьян против власти Комуча сохранилось не много. Так, из воспоминаний самих партизан стало известно, что в 1918 г. на БХЗ был создан такой отряд, командиром которого стал Колпаков Яков Степанович. К 1 августа 1918 года отряд насчитывает в своих рядах 150–200 рабочих партизан [7].

Партизаны вели разведку, вступали в сражения с небольшими группами противника, мешали белогвардейцам увозить реквизированный хлеб и скот.

В августе 1918 г. Бондюжский завод занимают банды чехословаков. Аксакал деревни Камаево Кураковской волости вспоминал: *«Белье пришли со стороны Юмы. Они были лучше вооружены и уже на подходе обстреляли Камаево снарядами»* [8, с.20].

Получив сообщение о захвате 6 августа белогвардейцами Казани, елабужские уездные советские органы, Бондюжский и Кокшанский Совдепы в соответствии с приказом 2-ой армии Восточного фронта эвакуировались на пароходах и баржах вверх по Каме в город Сарапул. Через несколько дней бондюжцы вернулись на завод. Он снова заработал, но недолго. 7 сентября 1918 года пала Елабуга.

8 сентября 1918 г. бондюжские, елабужские, кокшанские воинские части в клубе Бондюжского химического завода устроили общее собрание, на кото-

ром выступили товарищ Тугаров – председатель ВЧК, Тимофеев, Маратхузин и Колпаков. Было решено очистить Елабугу от белочехов и был составлен план наступления. В три часа утра началось наступление на Елабугу.

«Собралось около 40 красноармейцев. Замятин выступил с напутственной речью и подчеркнул, что белочехи, от которых предстояло защищаться, представляют собой небольшую группу, и что необходимо задержать их. В пути следования выяснилось, что белочехов была не небольшая группа, как это говорил Замятин, а несколько сот человек, причем хорошо вооруженных. При первой же перестрелке, наш отряд был вынужден отступить... Насколько верно, но говорили также, что Замятин являлся разведчиком белочехов и уехал вместе с ними» [9; 10].

При отступлении красных на Бондюгу, возле деревни Старое Гришкино был встречен товарищ Курочкин, который сообщил, что в Бондюге красных нет и нужно отступать на Кокшанский завод. В д. Старое Гришкино было выдано 15 подвод. Туда стеклись отряды красных из Елабуги, Мензелинска, Бондюги. 2 дня красногвардейцы провели на Кокшанском заводе. Решили отступать на станцию Сюгинск (ныне Можга), но были встречены Ижевскими повстанцами и обстреляны. Было принято решение отступать на Кизнер. Далее войска прошли до Вятских Полян. Где вступили в дивизию Владимира Азина.

8 августа 1918 г. приказом губвоенкома Азин назначается командиром 1-го батальона 19 Уральского полка. В его состав вошли 400 штыков пехоты, конный связной отряд из 23 сабель и двухорудийная батарея.

Со стороны белого движения так же создавались отряды. Так в начале сентября в Елабуге началось формирование Елабужской Народной Армии, которую возглавил Молчанов Викторин Михайлович [11, с.15].

При формировании армии Молчанов освободил всех тюремно-заключенных. Каждому из них был предложен выбор: уйти или остаться. Из бывших офицеров ушли только офицеры-сибиряки, все остальные остались. *«И вот так набралось около 500 человек»*. *«Добровольцев больше семи тысяч. Оружия нет для них, пищи полно, хлеба полно. Я связался, в конце концов, с Ижевским заводом, где нет хлеба, но есть винтовки»* [12, с. 83].

После взятия Казани 10 сентября 1918 г. Красной армией, Молчанову был отдан приказ выдвигаться в сторону Ижевска для подкрепления. И Елабуга была сдана без боя.

В воспоминаниях Молчанова описывается: *«Стекольный завод был занят Красными. Красные не обращали внимание на Елабугу, им нужен был Ижевск»*. Приведенные ранее воспоминания Колпакова Якова – командира партизанского отряда, подтверждают эти события. (Стекольный завод – часть Кокшанского химического завода).

Боевые действия на территории Кураковской волости прекратились до весны 1919 г. Участники гражданской войны либо ушли вместе с Азинской дивизией, либо вернулись к мирной жизни на заводе.

Весной 1919 г. войска адмирала Колчака перешли в наступление. 14 марта они овладели Уфой, сломили сопротивление малочисленной 5-й Красной Армии и начали продвижение к Волге.

В связи с подступающими колчаковцами, на Бондюжский завод поступило распоряжение разобрать заводские машины и аппаратуру. Всем специалистам выехать в Москву в распоряжение ВСНХ. Школьные работники так же эвакуируются по направлению к городу Казани и находятся в распоряжении Свяжского уездного отдела народного образования [13, с. 26].

Из воспоминаний Хузина Сафаргалея – участника данных событий: *«В марте 1919 года белогвардейцы под командованием Колчака вплотную подошли к деревне Бондюга, захватили село Тихие Горы. Начались зверства»*. Первой жертвой оказался молодой рабочий Бондюжского завода красноармеец Тимофей Ерохин. Схваченный белогвардейцами, Ерохин подвергся зверскому истязанию. Ему выкололи глаза, отрезали уши, нанесли множество штыковых ран. В тот же день были схвачены и расстреляны члены Тихогорского сельсовета Софронов, Денисов и Чирков [13, с. 26].

«Но заводской народ не думал сдаваться без боя: они заняли круговую оборону на горе вокруг жилых домов на подступах к заводу. Позиция заводских дружинников была выгодной, внизу протекала река Тойма, пойма реки хорошо просматривалась». Через несколько дней две роты колчаковцев заняли деревню Бондюга. Но спокойно ночевать им не пришлось. Ночью 16 бондюжских рабочих во главе с Харисом Мратхужиным совершили налет на деревню. Стрельбой, взрывами гранат они подняли среди колчаковцев панику и вынудили обе роты бежать в темноте в открытое поле.

По воспоминаниям Закирова Файзрахмана, участника гражданской войны 28-й азинской дивизии, это была *«задача, во что бы то стало остановить противника на некоторое время на линии Тихие горы, Кокшан, Новогорск, Грахово. Так и было сделано. Продвижение колчаковцев было приостановлено на этом рубеже на 10–15 дней»*.

До 26 апреля 1919 г. Азинская дивизия держала фронт от Тихих Гор на Каме и далее по течению реки Валы. Затем на этом участке начались упорные, кровопролитные бои. Белогвардейцы непрерывно подбрасывал на фронт свежие силы. Под натиском, 28 апреля 1919 г. дивизия отступила на линию Архангельска, Адамуш, Малые Челны, Мемкшур [14].

4 мая 1919 г. 28-я дивизия была благополучно переправлена за реку Вятку и заняла оборону на правом берегу. Железнодорожный мост через

р. Вятку, красные войска сохранили за собой и колчаковцам даже не суждено было увидеть.

Когда 28-я дивизия стояла в обороне, то колчаковцы кое-где пробовали форсировать реку, но им это не удалось. Около города Уржум два полка колчаковцев переправились через Вятку на правый берег, но красные войска вытеснили их обратно. После всего этого красные войска прочно удерживали свою оборону и усиленно готовились к будущим схваткам с противником. Полки пополнялись живой силой и вооружением.

28-я дивизия, в составе которой сражались бондюжцы, переходит в наступление в г. Мамадыш 20 мая 1919 г, берёт один за другим населённые пункты этого района и в 6 часов утра 21 мая 1919 г. входит в Елабугу, а вечером этого же дня освобождает Бондюгу [1].

26-го мая 1919 г. был освобожден г. Елабуга от белогвардейцев. 30 мая 28-я стрелковая дивизия во взаимодействии с другими частями Восточного фронта освободила от колчаковцев Бондюжский завод и окрестные деревни.

246-ой полк взял направление через город Елабугу, Тихоново, Тихие Горы к Бизьякам. 40-й полк держал направление через Елабугу, Тат. Челны, Мунайку, Бондюжский завод. Этим полком командовал Чуйков. 249-1 полк продвигался через Ст. Юраши, Абалачи, Ст. Гришкино, Ашпайково и Камаево. 244-й полк продвигался через Лекарево, Качку, село Гари, Ст. Гришкино и вышел на большую дорогу.

«Колчаковцы при наступлении от Вятки мобилизовали рабочих Кокшанского завода на строительство оборонительных сооружений. Голодных и изможденных людей безжалостные конвоиры гнали на восток без всякого отдыха, пока не дошли до Красноуфимска.

Здесь их разместили в холодных бараках военного городка. Пополнять ими ряды своей армии белые боялись, потому что знали рабочие, бывших заводов Ушкова, настроены революционно» [14].

7 июня 1919 г. полки 28 дивизии заняли Ижевск, а затем Воткинск. Находящиеся там военные заводы были восстановлены и стали работать на Красную Армию. 3 июля 1919 г. был освобожден от колчаковцев Красноуфимск, войска шли всё дальше и дальше на восток.

После окончания боевых действий на территории Кураковской волости Елабужского уезда экономическое положение продолжало оставаться крайне тяжелым. После эвакуации и реэвакуации заводского оборудования встал вопрос о закрытии предприятия. Так же не хватало продовольствия, транспорт был нарушен, свирепствовали болезни.

Создавшиеся условия потребовали большего внимания хозяйственным проблемам. С первых мирных месяцев началась борьба против экономиче-

ской разрухи, трудящиеся добивались не закрытия завода и подъема его производительности.

Развитие событий гражданской войны затронуло многие регионы Советской республики, в частности и территорию Менделеевского района. Ведущим фактором событий стало то, что этот край был в основном рабочим классом, трудящимся на заводе. Поэтому многие источники указывают на борьбу против Белого движения.

Список источников и литературы

1. Воспоминания Медовых С.Ф. // Краеведческий музей г. Менделеевск.
2. Кашин С.Г. Есть на Каме завод. Очерк о революционных и трудовых делах бондюжских рабочих. – Казань: Таткнигоиздат, 1965. – 95 с.
3. Краснов В.В. Гражданская война на территории Елабужского уезда и Нижнем Прикамье // Материалы I Всероссийской научной конференции «Пастернаковские чтения». – Казань: РТК «Омега», 2013.
4. Гришина Г.А. Установление и упрочение Советской власти в Елабуге // Краеведческий музей г. Менделеевск
5. Воспоминания Шагимуратова Х.Ш. // Краеведческий музей г. Менделеевск.
6. Андрианов Н.А. Становление и упрочение власти советов в Татарии. – Казань: Таткнигиздат, 1967. – 292 с.
7. Воспоминания Саттарова Ш. // Бондюг (татарские рабочие в прошлом). – Казань, 1934. – С.118–128.
8. Миннахметов А.Б. Гражданская война в Камаево // Материалы I Всероссийской научной конференции «Пастернаковские чтения». – Казань: РТК «Омега», 2013. – С.19–22.
9. Воспоминания Камалетдинова З.К. // Краеведческий музей г. Менделеевск.
10. Воспоминания Колпакова Я. // Краеведческий музей г. Менделеевск.
11. Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 416 с.
12. Молчанов В.М. Последний белый генерал. – М.: Айрис-Пресс, 2009. – 400 с.
13. Мещерякова Е.Ю. Период гражданской войны в Бондюжском крае // Материалы I Всероссийской научной конференции «Пастернаковские чтения». – Казань: РТК «Омега», 2013.
14. О боевых действиях в годы гражданской войны дивизии Азина // Краеведческий музей г. Менделеевск.

Е.Ю. Мещерякова

Период гражданской войны в Бондюжском крае

О событиях Гражданской войны в Бондюжском крае рассказывается в книгах: Бурган «Бондюг» (1934 г.) и С.Г.Кашин, Р.В.Волков, А.Б.Пашковский «Есть на Каме завод» (1965 г.). Есть и воспоминания очевидцев, хранящиеся в фондах ГБУК «Краеведческий музей г.Менделеевск».

Из воспоминаний Сахабутдинова Кашафа: *«В августе 1918 года Бондюжский завод занимают банды чехословаков и генерала Дутова. Наряду с другими организациями политического характера разгрому подвергается и русско-татарская школа: уничтожаются учебники и учебные пособия, и самое ценное – архив школы, благодаря чему и в этом историческом описании чрезвычайно трудно из-за отсутствия архивных материалов останавливаться на каких либо данных и цифрах. После занятия завода красными войсками и начала учебных занятий в школе – организуются родительские и школьные советы.*

В 1919 году, весной, в связи с приближением Колчака по распоряжению заводских организаций все школьные работники вместе с рабочими завода эвакуируются по направлению к городу Казани и находятся в распоряжении Свяжского уездного отдела народного образования. И мне, как председателю Совета Народного Образования пришлось эвакуироваться во главе учительской группы Бондюжского завода.

По прибытии в Казань по распоряжению ГУП Органов просвещения я был направлен в Свяжск Казанской губернии, где как народный учитель был принят на учет и назначен руководителем курсов по трудовым процессам. В начале июня 1919 года Красная армия очистила район нашего завода и бондюжцы возвратились в свой родной очаг. Началась напряженная работа в восстановлении завода, организаций и органов просвещения» [5].

Те, кто был эвакуирован 22 марта 1919 г. [1, с.44], остались живы, но пострадали оставшиеся в ополчении и партизанских отрядах. В книге Бориса Пастернака главный герой попадает как раз в один из таких отрядов¹.

¹ Автор романа «Доктор Живаго» в годы Первой мировой войны проживал в рабочем поселке Бондюжское и работал на местном химическом заводе в качестве кон-

Из воспоминаний Хузина Сафаргалея – участника данных событий: «В марте 1919 года белогвардейцы под командованием Колчака вплотную подошли к деревне Бондюга (ныне часть г. Менделеевск), захватили село Тихие Горы. Начались зверства. Но заводской народ не думал сдаваться без боя: они заняли круговую оборону на горе вокруг жилых домов на подступах к заводу. Позиция заводских дружинников была выгодной, внизу протекала река Тойма, пойма реки хорошо просматривалась.

Завязался тяжелый бой. Силы были неравны. Мы долго держались, но под угрозой окружения пришлось отступить. Часть дружинников, оставшихся в живых, направилась к реке Вятка и там слилась с армией под командованием В.Азина. Только в конце 1919 года Бондюжский завод, деревня Камашево и деревня Бондюга были очищены от колчаковцев. Я встречался с Азиным и Чуйковым, чьи армейские соединения освобождали наш завод. Улицу деревни Камашево, где проходили жаркие бои, назвали улицей Гора Революции. На вершине холма поставили памятник погибшим. Фамилии их не знаю, так как был тяжело ранен» [7, с. 87].

Свидетельств событий времен гражданской войны сохранилось немного. Установить точные имена, кому был поставлен памятник, не удалось. В архиве музея была обнаружена тетрадь, в которой есть данные о ветеранах гражданской войны, бывших красных партизанах, старых рабочих завода. Это: Саттаров Шамгун, Филиппов Н.И., Бурмистров И.П., Шаяхметов Н., Юсупов Шамсун [8].

Ранним утром 20 апреля 1919 г. колчаковцы вступили в село Тихие Горы и начали наводить свои порядки. Первой жертвой оказался молодой рабочий Бондюжского завода красноармеец Тимофей Ерохин. В этот же день были схвачены и расстреляны члены Тихогорского сельсовета Самарин, Чирков и Денисов. На этом же месте впоследствии были захоронены и другие борцы за Советскую власть. Рядом с захоронением стояли нефтяные баки, которые относились к химическому заводу. Так и появилось мемориальное кладбище Бондюжского завода «Нефтебаки» [3].

торского служащего. Как и многие промышленные предприятия того времени, Бондюжский химический завод Ушковых выполнял военные заказы и его военнoбязанные рабочие и служащие получали освобождение от мобилизации. Именно этот факт стал решающим для временного переезда молодого Б.Пастернака в октябре 1916 г. из Москвы в п. Бондюжское Елабужского уезда Вятской губернии (совр. г. Менделеевск Республики Татарстан). Уехал писатель из Бондюжского края в марте 1917 г. – прим. научн. ред.

На старом кладбище Бондюжского завода «Нефтебаки» также захоронены другие борцы за Советскую власть:

- Лапин Фёдор Константинович 1878–1933 гг.
- Валиуллин Хайрулла Валеевич 1895–1933 гг.
- Доронин Василий Петрович 1896–1934 гг.
- Карсаков Ефим Федорович 1890–1929 гг.
- Деревягин Пётр Иванович 1884–1932 гг.

Одним из защитников Советской власти в годы гражданской войны был Валиуллин Хайрулла Валеевич (1895 г. р.). В 1919 г. он вступил в ряды Красной Армии. В годы гражданской войны, когда в наш край пришли белочехи, он ушёл в партизанский отряд. В Вятских Полянах отряды, прибывшие из Бондюжи, влились в состав Первого сводного революционного полка, входившего в группу войск, которой командовал В.М.Азин [6]. Его дочь Раиса Хайрулловна рассказывает, что когда белогвардейцы учинили расправу над населением, мама Валиуллина Гайша успела собрать всю одежду отца и выкинула её в мазут за домом. При обыске маму выгнали с детьми на улицу, но ничего не нашли. Так семья спаслась от ареста.

Хотелось бы еще сказать об одном рабочем, который пользовалась большим уважением среди заводчан – это Петр Иванович Деревягин [4]. В феврале 1917 г. вступил в партию большевиков. В годы гражданской войны участвовал в партизанском движении. Принимал участие на встрече с Надеждой Константиновной Крупской в Бондюге в 1919 г. П.И. Деревягин являлся «первым рабочим директором», его так называли рабочие из-за большого уважения и его авторитета. Скоропостижно скончался в 1932 г.

И ещё немного по истории гражданской войны в нашем крае. В начале сентября 1918 г. уроженец Старо Гришкино Максимов Андрей Максимович был мобилизован в ряды Красной Армии. Воевал против колчаковцев. В то время белогвардейцы Дутова дошли до Елабуги. Из города Елабуги он был направлен в город Сарапул, в Бирский отряд. Здесь он служил в 244-м стрелковом полку 28-й дивизии под командованием В.М. Азина [2].

В 1918 г. в деревне Старо-Гришкино была создана концертная бригада «Бигэш». Они возили продукты для бригады Азина и давали концерты бойцам. Эта концертная бригада продолжала жить и в военные годы и в годы создания колхоза. В азиновской дивизии в годы гражданской войны служили 2000 кряшен.

В заключение хотелось бы сказать, что в своей книге «Доктор Живаго» Борис Пастернак описал события гражданской войны и создается впечатле-

ние, что он писал о событиях в нашем крае. Конечно же, эти события проходили по всей России, и невозможно определить, был ли это вымысел автора или реальные события.

Нами был найден ещё один участник гражданской войны Губайдуллин Хаким Губаевич 1894 г.р. Хаким Губаевич в гражданскую войну 1919 г. был в частях Красной армии в Сибири, был в плену у белогвардейцев, но из плена бежал в составе 7 человек.

Список источников и литературы

1. Есть на Каме завод / С.Г.Кашин, Р.В.Волков, А.Б.Пашковский. – Казань: Таткнигоиздат, 1965. – 95 с.
2. Камашев И.И. История Старо-Гришкино. – Набережные Челны: [б.и.], 2004.
3. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. – Т. I. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 458 с.
4. Школьный музей / Д.Г. Щербаков. – Казань: Таткнигоиздат, 1983. – 104 с.
5. Архив А.М. Бажановой.
6. Архив Л.Р. Хамитовой.
7. Менделеевский музейный вестник. – 2007. – № 4–5.
8. Фонды ГУК «Краеведческий музей» Менделеевск. – КПНВ 324.

Встреча с трагической реальностью: письмо омской гимназистки Зои Гавриловой о раненых воинах (1919)¹

Как бы ни были объективны и академически нейтральны разного рода исторические исследования, основанные на данных статистики, справках, резолюциях, они, конечно, не смогут до конца оценить и передать трагедию гражданской войны без свидетельств очевидцев. В данной публикации речь пойдёт о таком свидетельстве. Перед нами очевидец особого рода – юная девушка Зоя Гаврилова, которая в 1919 году обучалась в старших классах омской женской гимназии. Письмо Зои о раненых солдатах на станции Куломзино было опубликовано во втором номере омской газеты «Наш путь» от 22(9) сентября 1919 года [1, с. 4].

Но прежде чем подробнее пойдёт разговор об этом важном письме-свидетельстве, следует ещё сказать, что это уже второе письмо Зои, опубликованное в газете. В предыдущем номере газеты «Наш путь» (№1 от 15 (2) сентября 1919 года) есть ещё одно письмо [2, с. 4], которое, хоть и менее интересно, но зато позволяет получить дополнительные данные об авторе, а это имеет значение при оценке свидетельства. В этом первом своём письме гимназистка с почти детской непосредственностью рассказывает, как хорошо поставлено дело воспитания детей в одной «богатой словацкой семье», с которой ей удалось познакомиться. Она советует поучиться этому и соотечественников: обучение детей иностранным языкам, музыки.

Нам неизвестно, каким образом появились эти словацкие богачи в Омске, и чем они занимались. Очевидно, что Зоя, ставя в пример эту богатую семью, не могла не отдавать себе отчёта, что для многих тысяч семей беженцев в Омске первостепенной задачей было не обучение детей музыке и языкам, а добывание для них куска хлеба. Можно ещё предположить, что семья Зои смогла относительно неплохо устроиться, раз смогли снять нормальное жильё, дать ей возможность дочери учиться в гимназии. Газете «Наш путь» себя заявляла как

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «"Белая столица России": повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

«орган славянского единства», поэтому письмо Зои было вполне в духе газеты, призывавших всех братьев-славян к единению.

Из первого письма гимназистки Зои мы также узнаём, что она приехала со своей семьёй в Омск 22 октября 1918 г. (т.е. ещё до колчаковского переворота) и именно у словацкой семьи, о которой речь идёт в письме, они сняли жильё. С большой вероятностью можно предположить, что осенью 1918 г. Зоя и её семья стали беженцами, но приехали в Омск тогда, когда ещё можно было неплохо устроиться. Позднее, когда поток беженцев резко вырос, стало уже неимоверно трудно найти жильё: в газетных объявлениях предлагались большие суммы (до 2500 руб. за информацию о сдаче комнат).

Письмо позволяет оценить и некоторые политические взгляды нашего свидетеля. Несмотря на свою юность, Зоя предстаёт перед нами как личность со своими убеждениями. Они, впрочем, вполне соответствуют официальным идеологическим постулатам Белого движения. Как следует из письма, Зоя испытывала глубокую благодарность к чехословакам. Она пишет: *«Всем известно, сколько героизма и стойкости проявили они при освобождении сибирских городов от большевистского ига.*

Всех их заслуг перечислить нельзя, да и не стоит повторяться, т.к. они и так останутся для нас памятными. Нас, русских, чехи называют старшими братьями и стараются всячески нам помочь. Они жалеют, что им раньше не приходилось нас близко узнать, познакомиться с нашей культурой, они стараются наверстать потерянное время: ходят в театры, читают, посещают концерты».

Конечно, такой взгляд на чехословаков иначе как наивным, не назовёшь, но не забудем: речь идёт о взглядах несовершеннолетней девушки-гимназистки, которая много могла и не знать. Может быть, позднее Зоя пересмотрела свои идеалистические представления об «освободителях», узнав и о грабежах ими местного населения, и о предательстве (выдаче ими адмирала Колчака иркутскому Политцентру) и о захвате и вывозе ими за рубеж русского золота.

Теперь пришло время поговорить о втором, более важном, письме Зои, опубликованному в «Нашем пути» 22(9) сентября 1919 г. Оно, конечно, кардинально отличается от первого её послания в газету. Суть письма в следующем: прочитав в одной из газет, что больные и раненые солдаты на станции Куломзино находятся в тяжёлом положении, Зоя вместе со своей подругой-гимназисткой Таней К. (полное имя в письме не называется) решают поехать к раненым и привезти им провизию. Собрав 200 руб., девушки сходили на рынок, купили там провизию (молоко, яйца) и табак, добавили в корзины испечённый дома хлеб и поехали.

Станция Куломзино находится на левом берегу Иртыша, недалеко от железнодорожного моста, который был тогда единственным капитальным сооружением, соединявшим правый и левый берега Иртыша. Тогда город Омск был намного меньше в размерах и находился лишь на правом берегу реки. Для того, чтобы добраться до Куломзино, гимназистки должны были сесть на пароход или ехать по железной дороге. Девушки плыли на пароходе «Александр» (вероятно, в связи с загруженностью железной дороги, этот вариант был удобнее).

Первоначально гимназистки рассматривали свою поездку как увлекательную прогулку. Зоя описывает начало их поездки так: *«Ни я ни моя спутница не чувствовали что нас ожидает впереди, а поэтому настроение было великолепное. Весело болтая и смеясь, мы не заметили, как минут через 40 пароход причалил к пристани»*. А вот дальше началась встреча с той трагической реальностью, которая заставила Зою взяться за перо и звать на помощь.

Когда подруги дотащили свои корзины до станции, они увидели множество вагонов, в которых жили беженцы, а далее стоял и эшелон с больными и ранеными солдатами. Девушки явно не ожидали такой неприглядной картины: *«Шагах в трёх от него (эшелона – С.С.) нас уже поразил сильный, удушливый запах, – происходивший вот почему: больные дизентерией были так слабы, что сами выползти из теплушек не могли и устраивали свои дела здесь же, свешиваясь с вагонов. Ко всему этому прибавьте ещё: полугнившая солома, вместо подстилки, грязное бельё»*.

Выяснилось, что только в одном таком эшелоне находится 15 вагонов, причём в каждом вагоне находятся 22 больных и раненых солдат. И на всех 330 несчастных была 1 медицинская сестра, 2 сиделки и один санитар. При этом медсестра не имела никаких лекарств, даже карболовой кислоты для дезинфекции.

Шок гимназисток от увиденного был сильным. *«У меня с непривычки голова закружилась; я, хоть и не робкого десятка, – пишет Зоя, – но, признаться сказать, испугалась. Страшно стало мне от этих жёлтых, исхудалых лиц, глаза которых горели лихорадочным блеском. Многие из них так слабы, что не имеют сил подняться, или повернуться на бок»*.

Немного придя в себя, Зоя и Таня попытались разобраться, почему больные солдаты находятся в таком состоянии. Полученные ответы их не порадовали. На вопрос о том, где же сестра милосердия, солдаты ответили, что пошла в санитарный поезд, чтобы попросить кипячёной воды, поскольку на станции ей дать кипяток отказались.

««Почему тяжело больных не отвезут в лазареты?» – спросила я одного солдата».

«Какое там лазареты! Хоть бы вагоны-то вымели да вычистили, и то ладно! А то, привезут молока да хлеба, раздадут, утром «пустым» чаем напоят, вот и всё», – отвечал он, махнув рукой».

Надо отдать должное гимназисткам, они, раздав привезённые продукты, не ушли, а стали помогать больным и раненым.

Вернулась медсестра с вестью, что в кипятке снова отказали. На вопрос девушек: почему сами воду не кипятите, медсестра объяснила ситуацию. Оказывается, в её распоряжении нет ни бочки, ни лошади, чтобы воду возить, нет плиты, чтобы кипятить воду и готовить кашу. На все просьбы медицинской сестры о помощи начальство не даёт никакого ответа.

Зое удалось уговорить истопника (вероятно, со станции) дать воду, и девушки вместе с медсестрой и сиделками стали таскать воду со станции к эшелону, чтобы напоить больных и раненых воинов. Весь день гимназистки провели в заботах об этих несчастных.

Вот пронзительное окончание этого письма: *«В 6 часов вечера мы поехали обратно. Тот же «Александр» повёз нас, но на душе; невесело было.*

Возвращаясь по Любинскому домой, я видела веселую нарядную толпу, которая гуляя, смеялась; но ни одной из этих барыnek не придёт на ум снять с ли себя шёлк и золото, одеться в белый халат и идти туда, к этим страдальцам!

Здесь, в саду, гремит музыка, а там люди умирают и некому подать воды. А теперь, не за горою зима, холод, стужа!»

Эта картина, нарисованная в письме омской гимназистки очень наглядна: умирающие без лекарств, еды и воды солдаты, которым даже с трудом удаётся получить кипяток, с одной стороны и беззаботная гуляющая толпа по главной улице Омска – Любинскому проспекту, с другой.

Гимназистка Зоя, человек, действительно, «неробкого десятка», имеющая, как принято говорить, активную жизненную позицию, увидела трагическую сторону гражданской войны. Она не только оказала помощь, но и попыталась привлечь внимание властей и общественности, написав письмо в газету.

Омским гимназисткам, конечно, было известно, что весьма неблагоприятная ситуация с медицинским обслуживанием была и в самой Белой столице. Наплыв беженцев, перенаселённость, отсутствие общедоступной чистой воды и канализации, неразвитость системы уборки отходов, антисанитария стали причинами катастрофического распространения инфекционных заболеваний. В деятельности российских медицинских служб сказывалось не только низкое материальное обеспечение, но и недостаток кадров и медикаментов, невысокий уровень квалификации части персонала.

В сентябре 1919 года фронт неудержимо катился на восток и письмо с призывом о помощи больным и раненым воинам гимназистки Зои Гавриловой, скорее всего, осталось гласом вопиющего в пустыне. 14 ноября 1919 г. Красная Армия взяла Омск. Нам неизвестно, как сложилась судьба Зои и её подруги Тани. Смогли ли они бежать из Омска, остались ли? Ясно одно, письмо Зои – это искреннее письмо равнодушного человека. А ещё это важное свидетельство очевидца для исследователей Белого Омска и его повседневности [3].

Список источников и литературы

1. Гаврилова З. На помощь! (Письмо гимназистки) // Наш путь (Омск). – 1919. – №2. – 22(9) сентября.
2. Гаврилова З. Письмо гимназистки // Наш путь (Омск). – 1919. – №1. – 15(2) сентября.
3. Сизов С.Г. Историография повседневности «Белой столицы России»: Омск (Июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Архитектура, строительство, транспорт [Электронный ресурс]: материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). – Электрон. дан. – Омск: СибАДИ, 2015. – С. 1674–1682. – Режим доступа: <http://bek.sibadi.org/fulltext/ESD75.pdf>

**Эго-документы сельских мугаллимов предреволюционной эпохи
(по материалам журнала «Шура»)**

Исследовательский интерес к историческим источникам, в которых человек повествует о себе сам (такого рода тексты получили наименование эго-документов), начал активно пробуждаться еще на рубеже 70-х–80-х годов XX столетия, когда для европейских ученых стал очевиден методологический и гносеологический кризис, господствовавшей в предыдущий период социальной истории с ее макроисторическим подходом к прошлому. Подобный поворот в науке доказал свою состоятельность и продуктивность: изучение источников нового типа позволяет глубже понять мотивы поведения как отдельных людей, так и целых социальных групп, проникнуть в их систему ценностей, выявить векторы их социальных ожиданий.

Одну из наиболее социально активных и влиятельных групп в любом обществе составляло и составляет учительство, особенно же данный тезис актуален по отношению к татарскому дореволюционному обществу с его культом учености и образованности. И для понимания сущности революционных процессов в нашем регионе выявление заинтересованности мугаллимов более чем многочисленных мектебе и медресе в тех социально-экономических преобразованиях, которые ожидали в обществе от революции, является одной из наиболее актуальных задач.

Важно заметить, что 95% от общего числа «... татарских конфессиональных школ» составляли сельские мектебе и медресе [1, с. 74], поэтому мы считаем необходимым в первую очередь изучить эго-документы преподавателей именно вышеназванных учебных заведений. В этой связи следует сделать акцент на том факте, социальный облик сельских мугаллимов для большей части научного сообщества остается terra incognita, хотя формальный статус преподавателей деревенских новометодных школ давно определен, роль же освящена многовековой традицией. Обращение к эго-документам мотивировано тем, что архивные материалы способны дать далеко не полную и обедненную картину, лишенную живых, ярких, порой резких красок, без которых невозможны полноценные исследования в области социальной истории; одним же из наиболее репрезентативных, интересных, значимых и распространенных, но малоизученных источников подобного рода являются

публикации сельских мугаллимов о своем положении на страницах национальной периодической печати начала XX в., которая за ничтожно короткое время сумела превратиться в «... важнейший идеологический и политический фактор жизни» [2, с. 3] татарского общества соответствующего периода. И вовсе не случайно, что выбор наш пал на журнал «Шура», ставший, по определению Г. Ибрагимова, «... целой эпохой в истории нашего интеллектуального совершенствования» [3, с. 12]. Современные исследователи всецело разделяют воодушевление своего именитого предшественника, в качестве квинтэссенции данных ими названному изданию характеристик можно привести слова А.Ю. Хабутдинова: «Ученые не знают ни одного журнала наших дней, который мог бы выдержать сравнение с «Шурой» [4, с. 65].

Анализ вышеуказанных публикаций логично начать ab ovo – с выявления социальных корней преподавателей деревенских мектебе и медресе: декларированное нами стремление к представлению рассматриваемых феноменов в восприятии людей начала XX столетия, с точки зрения их «...представлений и ценностей» [5, с. 223], обязывает прийти к выводу, что место учителя деревенской новометодной школы было столь малопривлекательным, что занимали его почти исключительно выходцы из самых бедных семей, – «Шура» пестрел характеристиками, содержанием своим идентичными нижеприведенной: «*Они [сельские мугаллимы – Б.Х.] наши молодые люди, которые в детстве своем, воспитываясь в бедных семьях, с предельными страданиями получали знания в школах, посещая их босиком, в рваных штанах и почерневших рубахах*» [6, с. 376]. Обусловлено вышеописанное положение дел было стремительной имущественной маргинализацией прослойки сельских мугаллимов, что можно оценить как обратную сторону джадидистских преобразований, в которых была заложена тенденция к «мягкой» секуляризации образовательной системы татар, одной из форм которой явилась постепенная дифференциация духовенства и учителяства – окончательное отделение мектебе от медресе и передача первых в руки профессиональных преподавателей с назначением им ежемесячного жалования [7, с. 53] имели совершенно неожиданные последствия: священнослужители, выполнявшие одновременно обязанности муллы и мударриса, продолжали получать от населения традиционные пожертвования, предписываемые Исламом, приглашались на трапезы (тат. «аш») в дома зажиточных крестьян и крестьян-середняков, где им также вручались гостинцы, и, таким образом, о слове «нищета» вспоминали только тогда, когда его нужно было употребить во время проповеди, в то время как мугаллимы, как справедливо указывал один из исследователей, «... могли рассчитывать на очень небольшое содержание» [8, с. 205]. Столь небольшое, что в одной из статей прямо говори-

лось: «Сей двадцатый век – это такая эпоха, когда большая часть тех, кто находится на жаловании, из-за малых его размеров устраивает забастовки и бросает свою работу. В такие времена [...] следует не винить в чем-то деревенских мугаллимов, а благодарить их за службу» [9, с. 149].

Концентрация татарского сельского учительства на имущественном дне вела к вполне предсказуемым результатам: «... регулярное недоедание» [10, с. 312], на которое не раз обращалось внимание в журнале, подрывало молодой неокрепший организм мугаллима – вчерашнего выпускника медресе, – и его коллегам на страницах национальной периодической печати приходилось лишь с горечью констатировать: «Несчастный смолоду сохнет [...]. Лишается и здоровья, необходимого для [физической] работы. По этой причине он, потеряв само человеческое достоинство, остается ни работником, ни разбойником» [10, с. 313]. Немудрено, что неизменным спутником преподавателей деревенских новометодных школ становился туберкулез, от которого представители интеллектуальной элиты нации – а в прессе сельские мугаллимы позиционировались именно так («... лишь в мугаллимах надежда нации на будущее» [10, с. 313]) – умирали столь же массово, как и представители социальных низов: «В конечном итоге они, не изведав даже, что такое белый свет, вкусная еда и хорошая жизнь, потихоньку покидают сей мир (по большей части из-за чахотки)» [10, с. 313]. Данное заболевание, как следует из публикаций в журнале «Шура», приводило к изгнанию мугаллима с занимаемой им должности, что, собственно, понятно; однако такой преподаватель со всем своим семейством обрекался, как будет сказано ниже, на голодную смерть. «Шура» напечатал своего рода «открытое письмо» одного из этих несчастных, в котором говорилось: *«Я до этого безнадежного года 5 лет был мугаллимом, а в сей ужасный год, заболев туберкулезом, вынужден был остаться без места [...], имея же небольшую семью на своем содержании, мне для ее обеспечения и собственного выживания пришлось распродавать книги, собранные мной некогда по крупице. Расставаясь с каждой книгой, словно с душой, мы с семьей не могли сдерживать слез»* [11, с. 30]. Примечательно, что в описании жертв, принесенных им на алтарь просвещения народа, мугаллим этот обращается к фольклорным традициям: *«Я, несчастный, за 5 лет своего учительства пожертвовал своим лицом, подобным спелому яблоку, своей грудью, подобной мосту, своей молодой жизнью, подобной цветущему саду»* [11, с. 31]. Интересно, что даже действующие мугаллимы писали о себе в схожих тонах: «... самые несчастные из мугаллимов – деревенские мугаллимы» [10, с. 376], «... бедный мугаллим» [9, с. 312], «печальное состояние сельского мугаллима» [6, с. 276] и пр.

Можно предположить, что подобные автохарактеристики были не только, с позволения сказать, «криком души», но и формой аргументационных стратегий, призванных удовлетворить филантропические ожидания лиц, чье материальное благополучие во многом зависело от щедрости баев – состоятельных предпринимателей и промышленников, – тративших значительные средства на поддержку образования. Закономерно, что получатели благотворительной помощи были заинтересованы в том, чтобы через прессу закрепить в общественном сознании подобную роль представителей крупного торгового и промышленного капитала, и воздействовать на них уже через рычаг высокой мотивации на социальное одобрение, которая была свойственна для татарских купцов и фабрикантов, надеясь, что они по-прежнему будут брать на себя осуществление практически всех функций Министерства Народного Просвещения, чей бюджет, к слову, в 1914 г. составил 161, 2 миллиона рублей [12, с. 10], и которое в деле просвещения русского народа добилось гораздо меньшего, чем союз татарской буржуазии и татарского сельского учительства в деле просвещения татарской нации. Но, как явствует из вышесказанного, одних только благотворительных средств было явно недостаточно для формирования надежной материальной базы существования такой социальной группы, о влиянии которой на общественные настроения мы говорили выше, как мусульманское сельское учительство.

Стоит ли удивляться, самая образованная прослойка татарского общества в лице шакирдов медресе (едва ли не большая часть которых – дети деревенских мугаллимов) и их выпускников активно поддержала начальную фазу революции 1917 года. Именно бедствия нашего народа подняли нас на борьбу, и нас никогда не поймут те народы, что не испытали подобных лишений. Загадочным и даже непостижимым представляется им то, что нация, лишь за несколько десятилетий до октябрьского переворота вышедшая из феодальной спячки, дала миру революционеров, чьи идеи определили революционное движение в мусульманских странах на протяжении всего XX века¹.

¹ Очевидно, автор подразумевает идеи Мирсаида Султан-Галиева, базирующиеся на основах ислама и марксизма. Султан-Галиев родился в Уфимской губернии в 1892 г., до революции работал учителем в татарских школах, в 1917 г. совместно с М.Вахитовым организовал Мусульманский социалистический комитет в Казани. В 1919–1921 гг. возглавлял Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). В 1923 г. был арестован и исключен из партии. Расстрелян в 1940 г. Его взгляды были популярны у некоторых лидеров арабских стран. По утверждению историка И.Р.Тагирова, в кабинетах первого президента Алжира Ахмеда Бен Беллы и вождя Египетской революции Гамалея Абдель Насера были развешаны портреты М. Султан-Галиева. На родине его имя считалось на-

Они сражались, жертвуя собой, не за идеи, не за теории, не за абстрактные партийные программы. Нет! Они жили и боролись за просвещенную татарскую нацию, за ее существование в качестве передового народа исламского мира, России и Европы. Но создававшаяся столетиями и достигшая своего расцвета в предреволюционный период национально-конфессиональная система образования была вырвана с корнем и растоптана, а вчерашние мугаллимы сменили перо и учительскую указку на лопату и кирку строителей Беломорско-Балтийского канала.

Список источников и литературы

1. Рахимов С. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII – нач. XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума, Казань 29 апреля – 1 мая 1996 г.). – Казань, 1997. – 378 с.
2. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: Наука, 1984. – 151 с.
3. Ибраһимов Г. Журналларымыз // Тормыш. – 1915. – №292.
4. Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 159 с.
5. Кром М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. – 2006. – №81.
6. эл-Сәғыйди Ш. Карья мөгаллимнәре // Шура. – 1912. – №12.
7. Дәүләт Н. Русия төркиләренәң милли кәрәш тарихы (1905–1917). – Казан: Милли китап, 1998. – 400 б.
8. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – 320 с.
9. Шаһиәхмәдов Ю. Мөгаллимнәр хәленнән // Шура. – 1913. – №5.
10. эл-Кадыйри Н. Мөгаллимнәр хәленнән // Шура. – 1912. – №10.
11. Хәснәтдинов К. Мөгаллим хәле // Шура. – 1915. – №1.
12. Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II в 1864–1917 гг. в цифрах и фактах. – Изд. 2-е. – Нью-Йорк, 1968.

рицательным и, по иронии судьбы, было связано с ярлыком «буржуазных националистов». Последователями «султан-галиевщины» считали всех репрессированных представителей татарской интеллигенции. – *прим. научн. ред.*

РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

УДК 94

С.И. Алиева

Азербайджан и Северный Кавказ в период русской революции 1917 года: историография

Учитывая, что современное пространство бывшей Российской империи и СССР спустя 100 лет снова столкнулось со сложными проблемами, выпавшими век назад на долю народов, их населяющих, аналитики и исследователи вновь указывают на исторический опыт – ослабление русской центральной власти, падение ее авторитета из-за военно-политических неудач или непопулярных действий на международной арене и ослабления экономической мощи России, вызвавших столетие назад широкомасштабный кризис, приведший к росту революционного движения и центробежных сил. Все это повлекло не только социальные потрясения, но и привело к этно-конфессиональному, гражданскому и политическому противостоянию в обществе, усилению как религиозной, так и национальной радикализации общества.

В связи с этой датой интерес к событиям, трактовкам и плюрализму мнений по этому поворотному событию в истории возрос в разы. Все громче звучат опасения о повторе истории и возможных потрясениях. Поэтому в этот год ученые, эксперты, политики и аналитики подводят итоги. Наибольший интерес вызывает историография темы, ее динамика, специфика и конъюнктурность. По степени изученности, полярности мнений и повышенного внимания она уступает быть может только исследованиям по Первой мировой войне.

Ученые, общественные деятели, мыслители и любители, размышляющие о судьбах человечества, по-разному освещали и освещают всевозможные стороны этой обширной и многогранной темы.

Почти все исследователи, изучив материалы того периода, пришли к единому мнению, что в Азербайджане свержение самодержавия было воспринято с большим воодушевлением. Усилилась активность общественных организаций и политических партий.

9 марта 1917 г. наместничество на Кавказе было ликвидировано и образован орган Временного правительства на Южном Кавказе – ОЗАКОМ (Особый Закавказский Комитет, 15 марта – 15 ноября 1917). Азербайджанские представители стали вести свою деятельность в составе Озакома. Еще в марте 1917 г. «Тюркская партия федералистов» выступила за территориальную автономию Азербайджана в составе России. 29 марта 1917 г. был создан Временный Комитет бакинских мусульманских общественных организаций, объединивший азербайджанское национальное движение. На съезде мусульман Кавказа в Баку (15–20 апреля 1917 г.), организованном азербайджанскими лидерами, была поддержана идея федеративной демократической республики, заимствованная из программы Тюркской партии федералистов.

В том же году в связи с политическими и социальными изменениями в Российской империи начинается новый этап в истории ее бывших национальных провинций и, в частности, во взаимоотношениях народов Азербайджана и Северного Кавказа. Баку в то время являлся не только центром религиозной, духовной и культурной жизни мусульманских народов Кавказа, но и средоточием разнонациональной рабочей силы региона.

1–10 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся I съезд горских народов Кавказа и был создан Союз Объединенных Горцев Кавказа, на этом историческом мероприятии присутствовали и азербайджанские делегаты, а азербайджанские меценаты выделили финансовую помощь съезду. Представители Азербайджана на Первом Горском съезде во Владикавказе поддержали Союз объединенных горцев Северного Кавказа. Они приветствовали единение всех мусульман Северного Кавказа, принятие ими Декларации Союза горцев, выбор демократических органов управления, стремление к установлению дружественных отношений со своими соседями.

После того как 7 ноября (25 октября) 1917 г. в Петрограде власть перешла в руки большевиков, объявивших советскую власть, буржуазно-националистические партии Южного и Северного Кавказа решительно отвергли власть нового правительства. На местах наблюдалось отмежевание от Советской России. На Южном Кавказе 11 (24) ноября 1917 г. был создан Закавказский комиссариат. Различные казачьи и горские организации Северного Кавказа установили связи с Закавказским правительством. Но уже 15 ноября 1917 г. Особый Закавказский комитет самораспустился. В конце 1917 года по всей России и ее бывшим окраинам на несколько лет развернулась по определению советских историков – гражданская война, а по определению национальных авторов – национально-освободительная борьба за полное отделение от России, независимость и признание международным сообществом.

Передовые представители Кавказского региона приступили к оформлению самостоятельного политического существования стран Южного и Северного Кавказа. Начал свою работу новый орган – Временный комитет общественной безопасности.

27 октября объединенное совещание руководства исполкома, Национального Комитета, секции Союза горцев Северного Кавказа, Городской Думы Темир-Хан-Шуры, Совета военных депутатов и штаба Темир-Хан-Шурина отказалось признать власть большевиков, провозглашенную в столице России. Также поступили и лидеры Южного Кавказа, в том числе Азербайджана. В апреле 1918 г. Закавказский комиссариат провозгласил независимость Закавказской Республики (22 апреля – 26 мая 1918).

3 мая 1918 г. на совместном заседании всех мусульманских Сеймовых фракций под председательством М.Э.Расулзаде было решено «всемерно поддерживать идею конфедерации Грузии, Армении и Азербайджана вместе с Северным Кавказом, причем Азербайджан и Северный Кавказ федерируют между собой» [1, с.48].

В сложной военно-политической обстановке ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа 11 мая 1918 г. провозгласил независимость Горской республики и отделение ее от России (11 мая 1918 г. проходило первое заседание Батумской мирной конференции с целью заключения договора мира и дружбы между Германией, Османской империей, Закавказскими республиками и Союзом горских народов Кавказа и Дагестана).

26 мая грузинская делегация объявила о выходе из Заксейма и образовании независимого государства. 27 мая на чрезвычайном заседании мусульманской фракции был создан Временный Национальный Совет под председательством М.Э.Расулзаде. А 28 мая 1918 г. на первом заседании Национального Совета Азербайджан был провозглашен независимым демократическим государством с республиканской формой политического устройства. Было сформировано Первое Правительство Азербайджанской Республики во главе с премьер-министром Фатали ханом Хойским. Османская империя признала независимость Горской Республики и Азербайджанской Демократической Республики, что вызвало протест советской России. Надо отметить, что часть территории Азербайджана, в т.ч. Баку, находилась под управлением Бакинского Совнаркома (Бакинской Коммуны), не признававшей независимость Азербайджанской Республики. В связи с этим в ходе Батумской конференции делегации Азербайджана и Турции подписали 4 июня договор о мире и дружбе, по условиям которого Турция обязывалась оказывать военную помощь Азербайджану в случае угрозы его безопасности. Аналогичный договор османские власти заключили и с Горской республикой.

При этом отношения между АДР (1918–1920) и Горской республикой (1918–1919) приобрели новое содержание и стали более тесными. Период независимости государственных образований на Кавказе, борьба за суверенитет вплоть до окончательного утверждения власти большевиков в регионе (1917–1920-е гг.) – входит в хронологические рамки русской революции. Историографию по истории Азербайджана и Северного Кавказа в период русской революции в целом можно разделить условно на четыре периода:

1. Период установления и упрочения советской власти на Кавказе (1920–1934 годы). Первые работы по рассматриваемому вопросу вышли из-под пера непосредственных участников процесса. Характерной чертой этого периода является изложение истории без глубокого исторического осмысления событий. В 1934 году состоялся XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) («Съезд победителей»), на котором был идеологически обоснован культ Сталина.

2. Период культа личности (1934–1956 гг.), характерной чертой которого является жесткие идеологические установки, изложенные в «История ВКП (б). Краткий курс» – учебнике по истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), составленном при участии Секретаря ЦК ВКП(б) Сталина и опубликованном в 1938 г. Работы этого периода отличались обличением врагов советского государства и вражеских агентов. Продолжался до XX съезда КПСС, на котором был осужден культ личности Сталина.

3. Период Хрущевской оттепели и Брежневского застоя (1956–1985 гг.), характерной чертой которого является отказ от многих сталинских установок и т.п. Вплоть до «перестройки» Горбачева, провозглашения «гласности» и «нового политического мышления», введения многопартийной системы и объявления предыдущего периода как «застойного». Этот период завершился распадом Восточного блока, прекращением Холодной войны, ликвидацией Организации Варшавского договора.

4. Современный период, который начинается с момента распада СССР и продолжается до наших дней. Характерной чертой этого периода является отказ от идеологических установок при оценке исторических событий и личностей, открытие повсеместно всех секретных фондов из бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС и его филиалов в республиках, появление возможностей у исследователей максимально объективно реконструировать исторические процессы и исследовать их, и т.п.

К первому относятся сочинения и произведения, написанные современниками и участниками событий рассматриваемого периода, как большевистского лагеря, так и национального движения. Ко второму и третьему – исследования советских авторов, а к четвертому – работы современных ученых (1991–2017).

Работы авторов 1920-х гг. отличаются широтой изложения фактов, эмоциональностью, детализацией, открытым выражением собственного отношения к излагаемым событиям. К такого рода работам относятся труды А.Раевского, Я.Ратгаузера, С. Иткина, С. Сефа, А.Стеклова, С.Эфендиева, С.Шаумяна и др. [2–12].

Сочинения азербайджанских общественных деятелей, после советизации Азербайджана оказавшихся в эмиграции, причисляются к эмигрантской литературе. В произведениях А.М.Топчибашева, М.Э.Расулзаде, А.Зиядхана, Р.Векилова, Дж.Гаджибейли, Т.Гусейнова, Ю.В.Чеменземинли рассматриваются следующие проблемы: политическая ситуация на Южном Кавказе до 1917 года, политика великих держав в период Первой мировой войны на Кавказе, управление, установившееся после Февральской революции, роль политических партий в борьбе за власть в Азербайджане и взаимоотношения между ними, деятельность Закавказского комиссариата и Закавказского Сейма и участие в них азербайджанских делегатов [13–21].

Интерес представляют также произведения лидеров северокавказской эмиграции, лидеров белогвардейского движения и большевистских деятелей: А.И.Деникина, А. Авторханова, И. Борисенко, Н. Буркина, А. Иванова, М. Каца, А. Костерина, Г. Мартиросяна, М. Омарова, Х. Ошаева, М. Павловича, Н.Н. Пчелина, Н. Самурского, М. Свечникова [22–29; 2; 4; 30; 31], А. Ставровского, А. Стеклова, Н. Столярова, А. Тодорского, Л. Троцкого, А.-Г. Гойгова, Н. Эмирова, Е. Эшба, А. Дубнера, Н. Яковлева, И. Ульянова и др. [32–47]. В издании «К истории Ясского совещания» интерес представляет журнал №21 совещания контрреволюционной «Русской делегации в Яссках», состоявшегося в Одессе 30 ноября – 1 декабря 1918 г., где с докладом выступил ген. А.Н.Гришин-Алмазов, поделившийся своими впечатлениями о различных контрреволюционных правительствах на Кавказе [48]. В издании «Памяти 26 бакинских комиссаров» собраны статьи Сталина (1919), Микояна (1933) и Орджоникидзе (1922) по этой теме, переписка С.Шаумяна с Лениным и Сталиным, письма Микояна и Орджоникидзе и др. документы за декабрь 1917 г. – август 1918 г. о борьбе за власть Советов в Азербайджане против контрреволюции и английской интервенции и телеграммы о гибели 26 бакинских комиссаров [49].

В издании «Горская контрреволюция и интервенция» содержится переписка горского «правительства» относительно его признания с германскими оккупантами и правительством грузинских меньшевиков в мае-июне 1918 г. и с английскими оккупантами в ноябре 1918 г. и апреле 1919 г. по поводу столкновения с азербайджанскими и грузинскими националистами и Добровольческой армией ген. Деникина. Письма горской заграничной делегации председа-

телю правительства П.Коцеву в декабре 1918 г. – марте 1919 г. о пребывании делегации в Константинополе [50].

В 1930-е гг. и в последующем публиковались сборники документов по истории революции и Гражданской войны, в которых, в частности, содержались Декрет Совнаркома о Чрезвычайном комиссариате Южного района 11 апреля 1918 г. Телеграммы Г.К.Орджоникидзе В.И.Ленину, приказы войскам Кавказского фронта и др. документы о борьбе за советскую власть на Кавказе в 1918–1920 гг. и т.д. [51].

В Азербайджане велась не только классовая, отмечали авторы, но и национальная борьба. Основные национальные группы были представлены у власти тюркской партией «Мусават», армянской «Дашнакцутюн» и русской – правые эсеры. Работы этих авторов содержат в основном сведения о деятельности Совета солдатских и рабочих депутатов, созданного 6 марта 1917 г. в Баку, деятельности большевиков и социально-экономических трудностях населения, сочувственно относившихся к ним и приветствовавших приход XI Красной Армии. Именно эти авторы, многие из которых были не только современниками, но и очевидцами излагаемых событий, заложили основу для дальнейших исследований и являются фундаментальной базой изучения событий изучаемого периода. Все работы современников считаются мемуарной литературой и требуют критического подхода, сравнения, сопоставления с другими сочинениями.

Основная цель официальной советской историографии заключалась в выявлении фактов участия азербайджанских трудящихся в социалистической революции и в борьбе за установление советской власти [52]. Несмотря на то, что основным лейтмотивом этих работ была пропаганда и борьба с «мусаватистским» наследием в освещении событий 1917–1920 гг., явная однобокость изложения, авторы ссылались на архивные материалы и периодические издания того периода. Поэтому стоит признать научную ценность этих изданий.

В СССР изучаемый период рассматривался через призму национально-религиозной особенности региона, предопределившей распространение идей «пантюркизма и панисламизма». История 1917–1920 гг. преподносилась как история победы Великой Октябрьской Социалистической революции, установления власти рабочих и крестьян, антибольшевистского движения, Гражданской войны, интервенции и победы Красной Армии. Как известно, в ночь с 26 на 27 апреля 1920 г. XI Красная Армия перешла границу Азербайджана, где на 70 с лишним лет была установлена советская власть.

В работах советских авторов установление советской власти на Северном Кавказе и Азербайджане рассматривалось как победа власти трудящихся, рабочих и крестьян над буржуазно-клерикальной «кликой» и «контррево-

люционной» властью «мусаватистских» беков. Обращается внимание на двое- или многовластие в регионах, начиная с октября 1917 г., дальнейший период вплоть до окончательного утверждения большевистской власти – называется гражданской войной, а последующие антисоветские выступления – антисоветскими, бандитскими мятежами и выступлениями. Во всех работах подчеркивалось, что Баку был первым городом Закавказья, поднявшим «Красное знамя Октября». Все дальнейшие события преподносились как противодействие «буржуазно-помещичьих националистических контрреволюционных элементов и их вдохновителей – иностранных империалистов» укреплению советской власти на Кавказе. В советской историографии героизировалась деятельность, созданного 25 апреля 1918 г. Совнаркома Бакинской губернии – Бакинской коммуны. Период провозглашения и существования независимых демократических государств на Кавказе – преподносился как период диктатуры буржуазно-демократических партий: грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов, которые в феврале 1918 г. создали свое правительство – Закавказский Сейм, провозгласивший отделение Закавказья от Советской России. Провозглашение независимости Горской Республики, Грузинской Республики, Азербайджанской Республики, Армянской Республики в советской историографии связывалось с указкой и помощью иностранных держав. Во всех советских работах подчеркивалось, что правительства «буржуазных националистов» отдавало народы Закавказья «в кабалу сначала германо-турецких, а затем английских интервентов». Победа советской власти в Азербайджане показывалась как результат героической борьбы Бакинского пролетариата и усиление революционного движения среди крестьянства, организовавших вооруженное восстание.

С усилением партийного диктата считалось недопустимым использование фактов о кровавом противостоянии в 1918 г. и антисоветских восстаниях 1920-х годов. Некоторые авторы, исследующие революционный период даже были репрессированы. Все работы советских авторов содержат исследования деятельности азербайджанских и северокавказских большевиков, их связи с российскими большевиками и центральными большевистскими органами власти. В работах В.А.Гурко-Кряжина, Т.Гусейнова, Х.Алиева, Х.Алимирзоева, А.Дж.Рагимова, Ю.А.Багирова, Дж.Б.Гулиева, М.Д.Гусейнова, П.А.Азизбекова, А.Н.Кулиева, Х.Ахмедова, З.Ибрагимова, Н.Азимова, Т.Кочарли, А.С.Сумбатзаде, Н.Ализаде [53–71] и других историков изучена деятельность азербайджанских большевиков по организации борьбы народных масс за победу советской власти, которая заключалась в издании большевистских печатных изданий, проведении Первого съезда Азербайджанской Коммунистической Партии большевиков, потребовавшего расширения подготовительных работ

для свержения «реакционного мусаватского» правительства. В советских изданиях подчеркивалась согласованность действий революционных бакинских рабочих и XI Красной Армии против «буржуазной» АДР, правительство которой обвинялось в предательстве народа и сотрудничестве сначала с Турцией, а затем с Антантой.

В советской историографии тема русской революции хоть и была широко изучена, но были искажены некоторые события. Мартовские события 1918 г. некоторые авторы называли «Бакинским октябрем», объясняя, что трудности установления власти большевиков были связаны с особенностями национальных взаимоотношений между тюркским и армянским населением. Если азербайджанские национальные деятели утверждали, что не было никакой советской власти и гражданской войны, в действительности была установлена армянская диктатура в лице дашнаков и большевиков-армян, которые учинили армяно-татарскую резню, то советские авторы представляли обратную концепцию. Некоторые из них при этом признавали малочисленность большевиков, однако отмечали, что необходимость снабжения пролетариата продовольствием диктовало необходимость утверждения большевистской власти в Баку. Падение Бакинской Коммуны они объясняли «бесчестной и продажной» политикой «соглашательских» и националистических партий. По мнению советских авторов, мартовские события 1918 г. носили характер гражданской войны [72; 4]. В то же время из-за участия армянских националистов погибли якобы отдельные азербайджанцы. А победу «Мусавата» на выборах в Баксовет объясняли политической безграмотностью азербайджанских рабочих. В советской историографии геноцид, учиненный дашнаками и большевиками против мирного мусульманского населения в Баку, Кубе, Кюдамире, Шамахе и др. городах преподносился в интерпретации народного комиссара по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г.Н.Корганова, который назвал события марта-апреля в Азербайджане – подавлением восстания «бекской партии «Мусават» [73]. В современной азербайджанской историографии события марта 1918 г. оцениваются как геноцид против тюрко-мусульманского населения.

К 1930-м гг. в стране установился культ личности Сталина. Тоталитарный режим, установившийся в советском государстве, поддерживался репрессиями и массовым террором. Уничтожение потенциальных и возможных противников власти большевиков, всех тех, кто рассматривался в качестве классовых врагов (бывших царских чиновников и военных, представителей буржуазии, духовенства, крестьян-кулаков и пр.) оказало влияние на историческую науку и издательскую деятельность особо жестким идеологическим подходом. Хоть кавказские народы и показали небывалый героизм на фронтах Второй Мировой войны в борьбе против фашизма, однако в годы войны многие народы Кавказа

были репрессированы и депортированы с мест своего исторического существования советской властью. Азербайджанский народ не был репрессирован как многие другие народы Кавказа по обвинению в пособничестве фашистам. Однако в Азербайджане было осуществлено переселение населения из пограничной полосы. Жители приграничной полосы подвергались тщательному контролю. Из приграничных районов с Ираном были выселены все «политически сомнительные элементы». Как подготовкой к войне с Турцией можно считать репрессии кавказского и тюркского населения, особенно расселенного вдоль побережья Черного моря, вдоль советско-турецкой границы. В советской печати появляются работы с выпадами против Турции, особенно со стороны армянских авторов. Дружественные отношения между Турцией и СССР в период Второй Мировой войны перешли в напряженное русло.

В послевоенное время в связи с политизацией исторической науки, с тиражированием идеи турецкой «угрозы» Советскому Союзу появляются работы о германской и турецкой интервенции на Кавказ. В азербайджанской историографии такого рода подход встречается в исследованиях Е.А. Токаржевского, И.А. Гусейнова, М.Искендерова, Дж.Б.Гулиева, Д.Ф.Енукидзе, С.Кузнецова, А.Мильмана и др. [74–82]. Из одного издания в другое кочевала концепция о слаженности действий мирового империализма, который вел «демагогическую игру с лозунгом самоопределения народов» против советской России. В угоду этой концепции ошибочно отмечалось, что Германия всячески поощряла наступление турецких войск на Кавказ, однако документы, опубликованные в советское же время, свидетельствовали об обратном. Кроме того, ни о какой слаженности действий мирового империализма не было и речи, напротив, соперничество германской и британской политики наглядно отразилось в борьбе за Кавказ, в частности, за выход к Баку. Объединение по одну сторону баррикад всех иностранных интервентов и «внутренних контрреволюционеров», свидетельствует о подтасовке фактов. На самом деле Германия, Турция, Великобритания и другие державы имели как общие, так и противоположные интересы в регионе, соперничали между собой, неоднозначной была и позиция Азербайджанского Правительства к ним. Если к турецким войскам относились как к освободителям, то с британской оккупацией национальным силам пришлось смириться, противники подали в отставку.

Некоторые аспекты истории Азербайджана и Северного Кавказа в период русской революции 1917 г. исследуется такими авторами, как А.Базиянц, Ф.Волков, Е.Киреев, Г.Кокиев, В.Крикунов, П.Лебедев, А.Мельчин, А.Мнацаканян, Е.Песикина, И.Разгон [83–102]. В работах по истории Азербайджана и Северного Кавказа периода национального строительства 1918–1920 гг.

основной упор авторы делали на внешний фактор этого вопроса, отмечая интересы и политику британского и германского империализма.

Стоит отметить, что в основном после XX Съезда КПСС, который состоялся в Москве 14–25 февраля 1956 г., и на котором был развенчан и осужден культ личности Сталина, произошло некоторое оживление в исторической науке. В работах конца 1940–1950-х гг. азербайджанское национальное движение рассматривалось однобоко и предвзято, в то же время азербайджанские национальные организации и их лидеры были представлены как ярые враги своего народа и слуги империализма [103].

Работы, изданные в 1960-е гг., отличались богатым фактологическим материалом по истории большевистского движения на Кавказе и борьбе против иностранной интервенции. В историографии появилось множество работ по отдельно взятым регионам Северного Кавказа и Закавказья. Это было связано и с тем, что в 1960-е гг. бурно развивается кавказоведение и в целом историческая наука. Однако, в публикациях 1950–1980-х гг. не упоминается даже название Азербайджанской Демократической Республики. Упомянулось лишь о мусаватистах, правительство АДР представлялось как мусаватское правительство. Об иностранной интервенции на территорию Азербайджана и Северного Кавказа и интересах великих держав говорится в работах И.А. Гусейнова, З.И. Кулиева, Г. Мадатова, М. Искендерова, М.И. Найделя, Ю.В. Хоруева, Г.Шахгельдиева, Х.Ахмедова, Ю.В.Хоруева, Х.Алимирзаева и других [104–111]. И в последующем азербайджанские авторы Дж. Гулиев, А.С. Сумбатзаде, Х.А. Алиев, Г.З. Алиев, Г.С. Азимов, Г.М. Байрамов и др. продолжали рассматривать противостояние Баксовета и «мусаватистов», указывать интересы Турции на Кавказе и т.д. [68; 112–117]. Все эти азербайджанские ученые отрицали факт национального движения в Азербайджане, установления Азербайджанской Демократической Республики, парламентаризма, передовых реформ и принятие законов, роль лидеров АДР в строительстве государственности и признания независимого азербайджанского государства мировым сообществом. Советские ученые, опираясь на классовый принцип, обходили стороной темы, связанные с национальным вопросом, межнациональными отношениями и порицали западных ученых – т.н. буржуазную историографию (Л.Тиллет, О.Кэроу, А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькеже, А.Мейер, Х.М.Зихни и др.) в противопоставлении мусульман немусульманам. В советское время умалчивались многие страницы истории Азербайджана, особенно период Закавказского Сейма, Азербайджанской Демократической Республики, Горской Республики и пр. Советские работы были строго идеологизованы. Работы, посвященные межнациональным отношениям, окружал ореол интернационализма. В советской исторической литературе в соответствии с

принятой идеологией основное место отводилось рассмотрению выступлений азербайджанских и дагестанских большевиков против белогвардейцев и иностранных интервентов. При этом затушевывалась и намеренно искажалась деятельность Азербайджанского и Горского правительств.

В 1970–1980-е гг. возросло число работ по истории русской революции. Это было связано и со стремлением региональных историков изучить ход и особенности революционного движения и установления советской власти в своем регионе, а также с догматизмом исторической конъюнктуры при изучении и преподавании истории КПСС [118–146].

Делался одинаковый во всех работах акцент на то, что мусаватисты (а также грузинские меньшевики и армянские дашнаки), создав свое буржуазно-помещичье правительство, пришли к решению отторжения Южного Кавказа от большевистской России, считая установление советской власти угрозой для себя и своих привилегий.

Эта тенденция продолжалась до 1987-го г. [110; 111; 147–155]. Во второй половине 1980-х гг. в связи с потеплением политического климата и с ростом плюрализма в советском обществе появляются статьи и работы, обозначившие дискуссионные вопросы истории Азербайджана и Северного Кавказа. На Северном Кавказе национальные авторы дают самые жесткие оценки мероприятиям царизма, осуждают мероприятия советской власти: красный террор, репрессии, депортации и т.д., приведшие к гибели представителей народов Северного Кавказа. Наиболее актуальной темой стала критика административно-территориального передела в советские годы.

При изучении истории Азербайджана и Северного Кавказа в период русской революции 1917 г., провозглашения независимых государственных образований на Кавказе (АДР, Горская республика и т.д.), интервенции иностранных держав в регион и влияние процессов, происходящих в Закавказье, в частности, в Азербайджане на северокавказские народы большое значение имеют работы П.Азизбековой, А.Мнацаканян, М.Траскунова, М.Казиева, Г.З.Алиева, А.С.Амирхановой-Кулиш, З.Г.Зильпукаровой, А.А.Ахтамзян, Х.А.Бадалян, И.Б.Гаджиева, Г.А.Дзидзария, И.М.Дубинского-Мухадзе, А.Б.Кадишева, А.П.Лежава, Г.С.Меликян, Г.В.Пипия, Г.Азимова и др. [62; 115; 156–167].

Полярные исследования и соответственно выводы, извлекались учеными на Западе. Интерес представляют, например, работы профессора Йельского университета США, этнического азербайджанца Фируза Кязимзаде и польского историка Тадеуша Свентоховского [168; 169]. Работая на западе и в силу своего подхода к изучению истории русской революции и последующего утверждения советской власти, они в свое время причислялись советскими учеными к фальсификаторам истории и назывались буржуазными историками.

С конца 1980-х гг. в связи с либерализацией верховной власти в СССР, провозглашением перестройки, гласности и свободы слова, нового мышления, советские, а в дальнейшем постсоветские авторы принялись за изучение тем, которые либо мало изучались, либо подвергались односторонней оценке. Новые работы по истории Азербайджана и Северного Кавказа в годы русской революции и дальнейших событий, связанных с этим эпохальным явлением, и продолжившихся до 1920–1924 гг. отличались максимальным вниманием к антибольшевистской, антисоветской истории того периода.

В 1991 г. в провозгласившей независимость Азербайджанской Республике после распада СССР начался бум исследований и публикаций по истории общественных движений и политических партий в Азербайджане в начале XX в. и АДР (1918–1920). Это монографии Дж.Гасанова (Гасанлы), Н.Джафарова, Р.С.Мустафазаде, И.С.Багировой, Ф.Ф.Ахмедовой, С.М.Сулеймановой, А.Искандерова, А.Балаева и др. [170–186]. Стоит отметить, что некоторые бывшие советские авторы изменили свои взгляды и это отразилось на их научных акцентах. Так, в 1991 г. выходит статья П.А.Азизбековой «АДР и межнациональные отношения (1918–1920 гг.)» [187]. В научных сборниках публикуются статьи по истории Азербайджана начала XX в., и в частности 1917–1920-х гг., в научный оборот вводятся новые сведения, пересматриваются многие темы. Так, в статьях А.Назарли рассматривается деятельность правительства АДР в области среднего образования, что уже являлось новым научным исследованием, с новым подходом [188].

При этом наряду с новым характером и подходом к написанию национальной истории появились работы националистического толка с крайними взглядами и выводами, направленными на резкое отрицание роли и значения большевиков в истории Азербайджана. В связи с политизированностью общества и некоторых авторов, присоединившихся к политическим партиям и движениям, возникшим в то время в начале 1990-х годов, перемены и события в Азербайджанской Республике оказали влияние на дух и почерк издаваемых ими работ. Азербайджанские авторы академической школы, в свою очередь, освободившись от советских стереотипов написания истории, выдвинули в своих работах на первый план понятие «азербайджанские тюрки» вместо принятого с 1930-х гг. названия «азербайджанцы» (А.Балаев, Н.Джафаров и др.), привлекли забытые сочинения М.Э.Расулзаде, А.Гусейнзаде и других мыслителей начала XX в. о судьбе азербайджанской нации и государственности.

Сулейман Алиярлы и другие азербайджанские ученые выдвинули на первый план историю азербайджанского языка, провозглашенного в 1918 г. государственным и национальной идентичности. В 1989 г., еще до распада СССР, Сулейман Алиярлы написал в статье «О Т.Свентоховском и его книге» к пере-

печатываемому в прессе отрывку из работы Т.Свентоховского, впервые осудил нападки на западного историка и отметил его достижения, несмотря на некоторые недочеты, в изучении АДР и азербайджанских тюрок. В статье «Республика Азербайджан: заметки о государственных границах в прошлом и настоящем» С.Алиярлы поднимает тему создания независимых республик на Южном Кавказе, актуализирует проблему территориальных споров и межнациональных отношений в 1917–1920-е гг. Это было связано с возникновением армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта в 1988–1994 гг., истоки которого уходили в период после распада Российской империи [189].

Профессор Джамиль Гасанлы в серии своих монографий на основании огромного пласта вводимых впервые им в научный оборот архивных источников восстановил историю Азербайджана периода 1917–1920 гг. и после советизации. В 1991 г. вышла в свет его книга «Тени над "белыми пятнами"», которая обнажила наиболее дискуссионные проблемы истории Азербайджана. Автор раскрыл исторические условия провозглашения Азербайджанской Демократической Республики, основные принципы и государственные институты и атрибуты, описал политическую борьбу того времени, британскую оккупацию Баку и кровавые столкновения с армянами и дашнаками в марте 1918 г. Автор выразил решительную позицию о независимой внешней политике АДР и ее роли и месте в международных связях. В этой же работе Дж.Гасанлы выразил отношение к установлению советской власти в Азербайджане и последующим репрессиям деятелей АДР и сторонников национальной независимости, тем самым впервые наметив приоритеты азербайджанской национальной историографии современного периода. Именно этой концепции придерживаются и сегодня азербайджанские ученые [190–196].

Одновременно на Северном Кавказе историки и общественные деятели обратили внимание на историю Горской Республики (1918–1919) и Северокавказского эмиратства Узун-Хаджи (1919). В результате состоявшейся в Махачкале конференции по этой теме был опубликован сборник статей, затрагивавших, в частности, сотрудничество Горской Республики с АДР [197].

В монографии и статьях А.Геюшева освещается история Союза горских народов Северного Кавказа и показаны некоторые аспекты взаимоотношения этого образования с Азербайджаном [198]. В постсоветское время внимание исследователей привлекают ранее не изученные страницы истории. Проблема государственного строительства на Кавказе, развитие идеи независимости и суверенитета рассматриваются на Южном Кавказе с новых позиций. Поразному эта тема отражается в российской исторической науке. Причем официальный придерживается традиционных оценок, а отдельные национальные авторы придают новое звучание событиям 1917–1920 гг. [199–201].

В целом на протяжении 1920–1991 гг. идет формирование и создание исследований в рамках единой советской исторической школы. С 1991 г. в азербайджанской историографии стали переосмысливаться многие темы и разрабатываться новые направления в исторической науке. Возник интерес к отдельно взятым регионам, районам Азербайджана, в научный оборот были введены новые термины и понятия: Северный Азербайджан, Южный Азербайджан, Западный Азербайджан, Северо-Западный Азербайджан и т.д. В этой связи надо отметить, что во взаимоотношения с Северным Кавказом был вовлечен Северный Азербайджан. Актуализировались изучение взаимоотношений с соседними странами: Россией, Ираном, Грузией и др. Появляется ряд работ, посвященных сугубо региональной истории. В 1990-е гг. появились работы, по-новому отображающие многие исторические процессы на Кавказе, новые подходы, новые понятия: национальное сознание, национально-демократическое движение и т.д. Если в советское время все проблемы рассматривались через призму классовой борьбы, то с начала 1990-х гг. в связи с возросшим интересом к национальной истории, большинство историков стали освещать локальные события с точки зрения борьбы своего этноса за независимость, некоторые пытались оценивать события с точки зрения социопсихологии и философии. Именно с этого времени впервые в Азербайджанской Республике начинают издаваться работы политических деятелей, живших в эмиграции, имена которых в свое время были под запретом. В 1990-е гг. в Азербайджане стали публиковаться также работы турецких специалистов, посвященных тюркской идентичности. В 1990-е гг. в Азербайджане в связи с идеями в обществе стало известно о работах турецких специалистов, посвященных тюркости. В этот период в работах подавляющего большинства авторов (М.Мамедоглы, М.Маммедли, М.Б.Меммедзаде, Г.Мешадиев, Я.М.Махмудов и др.) подчеркивается тюркская составляющая азербайджанского народа.

В азербайджанской историографии, особенно после восстановления независимости Азербайджанской Республики в 1991 г., появилось множество работ как общего плана, так и узкоспециальных, посвященных в основном Азербайджанской Демократической Республике, созданной в 1918 г. вследствие распада Российской империи, роста национального самосознания, непризнания большевистской власти и оккупации ее Красной Армией в апреле 1920 г. [202–204].

В 1990–2000-е гг. появилось множество интересных аналитических исследований, фундаментальных, всеобъемлющих работ, анализирующие события прошлого и настоящего с точки зрения новых парадигм, содержащие рецепты разрешения затянувшихся споров и нацеленные на миротворчество, опыт совместного равноправного общежития всех народов без исключения.

Азербайджанские исследователи обращаются к ранее затушеванным темам под новым ракурсом внимания, привлекают новые материалы (фонды турецких архивов и турецкую научную литературу, ранее засекреченные материалы российских архивов).

Особо стоит выделить фундаментальные исследования Т.М.Музаева [205], С.Исхакова [206], В.Дзидзоева и др. [207; 208]. Стоит отметить, что азербайджанский исследователь кавказской эмиграции Рамиз Абуталыбов вместе с Георгием Мамулиа выявил личные архивы и мемуарную литературу представителей передовой кавказской национальной элиты за рубежом, изучил публицистическое наследие политических эмигрантов [209].

В Азербайджане организуются и проводятся республиканские и международные конференции, посвященные малоизвестным и стратегически важным вопросам истории Кавказского региона. Азербайджанские историки регулярно участвуют в международных конференциях, в том числе на Северном Кавказе. Все это способствует поддержанию не только научных связей, но и развитию исторически сложившихся дружественных связей. Пробел в изучении истории взаимоотношений Азербайджана с народами и государственными образованиями Северного Кавказа был восполнен автором этих строк, издавшей в Баку 3 монографии и десятки статей по этой теме. Основной лейтмотив этих работ в том, что после октября 1917 г., передовые представители Кавказского региона приняли самое активное участие в формировании самостоятельных политических субъектов на Южном и Северном Кавказе. В период АДР и Горской республики неоднократно появлялись проекты соединения, слияния этих двух государств. Инициатива, как правило, исходила от представителей Северного Кавказа. Азербайджанское правительство, разные слои населения Азербайджана поддерживали и оказывали народам Северного Кавказа помощь в их стремлении обрести национальную свободу. Однако практические шаги к осуществлению этой цели были пресечены внешними силами [210; 211].

В российской историографии последних двух десятилетий наблюдается огромный интерес к белогвардейскому движению [212; 213]. Более того, прослеживается отход от крайних выводов и постановок проблем, наблюдающихся в 1990-е гг., когда историография по истории Азербайджана и Северного Кавказа посвящалась наиболее тяжелым и кровавым страницам истории. Так, на Северном Кавказе национальные ученые акцентировали внимание на геноциде черкесского народа, Кавказской войне, движении шейха Мансура, деятельности Нажмутдина Гоцинского и других антироссийских и антисоветских деятелей. В Азербайджане подняли тему мартовских событий 1918 г., красного террора, антибольшевистских восстаний в 1920-е гг., сталинских репрессий и депортаций. В целом тема национально-освободи-

тельного движения и национального освобождения приобрела новое звучание [214–216]. Русскоязычный книжный рынок пополнился переводной мухаджирской или эмигрантской литературой [217–219]. В наиболее ярких и фундаментальных научных исследованиях Х.М.Доного, Д.И.Месхидзе, Н.З.Нахибашева, Р.Джамбулатова и др. содержатся некоторые сведения о взаимосвязи национально-освободительного движения на Северном Кавказе с Азербайджаном в 1917–1920 гг. [220–223; 205].

Таким образом, распад Российской империи в результате революционных потрясений 1917 года привел к провозглашению на Кавказе различных государственных образований, их борьбе за суверенитет и независимость. Однако окончательная победа большевиков вначале пресекла развитие данной тенденции, а затем и существенно изменила весь политический и социально-экономический уклад кавказского общества. Вместе с изменением государственного строя, произошли существенные сдвиги в идеологии, появились штампы, рамки, дежурные формулировки и клише, одинаково используемые учеными. В зависимости от политической конъюнктуры они менялись, вместе с ними вновь и вновь менялся характер и вектор научных работ. Вместе с тем, несмотря на привязанность научных работ идеологии – как неотъемлемой части могущества страны, и догмам времени, многие из них отличаются информативной насыщенностью, глубоким анализом и проблемностью постановки вопроса, опираются на широкий пласт письменных источников и вполне могут служить серьезной базой для изучения истории и последствий русской революции 1917 года в будущем.

Список источников и литературы

1. Протокол совместного заседания всех мусульманских Сеймовых фракций от 3 мая 1918 года, Тифлис // *Zaqafqaziya seyminin müsəlman fraksiyası*.
2. Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.
3. Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921. Париж, 1924.
4. Ратгаузер Я. К истории Гражданской войны на Тереке. Баку: Азгосиздат, 1928.
5. Иткин С. Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах. 1917–1920 г. Баку, 1927.
6. Степков А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.
7. Гатуев Д. Империя Узун-Хаджи // *Революционный Восток*. 1928. №4–5.
8. Сеф С.Е. Революция в 1917 года в Закавказье (документы и материалы). Тбилиси, 1927.

9. Аркомед. Материалы по отпадению Закавказья от России, 1925. М.: Военное изд-во, 1923.
10. Эфендиев С.М. Из истории революционного движений тюркского пролетариата // Из прошлого. Баку, 1923.
11. Шаумян С.С. Бакинская коммуна. Баку, 1927.
12. Hüseynov T. Aprel inqilabı (Azərbaycanda Şura hökumətinin altı illiyinə). Bakı, 1926.
13. Çəmənzəminli Y.V. Xarici siyasətimiz. Bakı: Azərneşr, 1993.
14. Vəkilov R.Ə. Azərbaycan Respublikasının yaradılması tarixi. Bakı, 1998.
15. Ziyadxanov A. Azərbaycan. Bakı: Azərbaycan, 1993.
16. Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyəti. Bakı, 1990.
17. Rəsulzadə M.Ə. Bolşeviklərin Şərqi siyasəti. Bakı, Sabah, 1994.
18. Topçubaşov Ə.M. Azərbaycanın təşəkkülü. İstanbul, 1918.
19. Rəsulzadə M.Ə. Azərbaycanın təşkilində müsavat. Bakı, 1920.
20. Ziyadxanlı A. Azərbaycan. Bakı, 1919; Djeyhoun Bey Hadjibeyli. La premiere Republique musulmane: Azerbaïdjan. Editions Ernest Leroux, vol. XXXVI, Paris, 1919.
21. Topçubaşov Ə.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyətinin yaradılması. Bakı, 2013.
22. Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. М.: «Наука», 1991.
23. Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории Гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченнациздат, 1933.
24. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930.
25. Буркин Н.Г. Горское правительство и интервенция на Северном Кавказе в 1918–1919 гг. // Историк – марксист. Т. 2. М., 1934.
26. Иванов А. Горская контрреволюция и интервенция // Красный архив. 1935. № 68.
27. Костерин А. 1919–1920 гг. В горах Кавказа. Исторический очерк горского революционного движения. Владикавказ, 1921.
28. Павлович М. На высотах Красного Дагестана. Из истории контрреволюции на Кавказе: Путевые наброски. М., 1921.
29. Попов А.Л. Из истории революции в Восточном Закавказье 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1924. №5.
30. Самурский Н. Гражданская война в Дагестане. Махачкала: Даггосиздат, 1925.
31. Тахо-Годи А. На путях к «независимости». Махачкала, 1930.
32. Ставровский А. Закавказье после Октября: Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М.; Л., 1925.
33. Столяров Н. Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920–1921 гг. М.; Л.: Госиздат, 1928.
34. Тодорский А. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1925.

35. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. М.: 1923.
36. Хейр-Хаев (Гойгов А.-Г). Этапы революции в Ингушетии // Горский вестник. 1924. № 2. С. 35–53.
37. Эмиров Н.П. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. 1917–1918. М., 1949.
38. Эшба Е.А. Асланбек Шерипов: Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с народно-революционным движением в Чечне. Грозный, 1929.
39. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. В 2 т. Ростов н/Д, 1930.
40. Берлов В. Из истории гражданской войны на Северном Кавказе // Пролетарская революция. 1927. № 6(65).
41. Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1933.
42. Достижения Советской власти на Северном Кавказе в области национальной политики к 10-летию Октября. Ростов-на-Дону, 1927.
43. Янчевский Н.Л. Гражданская война на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов н/Д, 1927.
44. Янчевский Н.Л. Краткий очерк истории революции на Юге-Востоке. 1917–1920. Ростов н/Д, 1924.
45. Дубнер А. Бакинский пролетариат в годы революции 1917–1920 гг. Баку: Истпарт, 1931.
46. Пчелин Н.Н. Крестьянский вопрос при Мусавате (1918–1920 гг.). Очерки, Баку, 1931.
47. Шахдин И. Дашнакцутюн на службе русской белогвардейщины и английского командования на Кавказе, Тифлис, 1931.
48. К истории Ясского совещания. Предисл. А.Гуковского // Красный архив, 1926, 5 (18), с. 105–116.
49. Памяти 26 бакинских комиссаров // Красный архив, 1938.
50. Горская контрреволюция и интервенция. Предисл. А.Иванова // Красный архив. 1935. № 1(68). С. 125–153.
51. К деятельности Г.К.Орджоникидзе в годы гражданской войны (Из документов Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной Армии) // Красный архив. 1936. № 4 (78).
52. Atakişiyev A. Oktyabr inqilabı Azərbaycan fəhlə sinfinə nə verdi. Bakı: Azərneşr, 1957.
53. Гурко-Кряжин В.А. Английская интервенция в 1918–1919 г. в Закаспии и Закавказье // «Историк-марксист», 1926, №2.
54. Гусейнов Т. Октябрь в Азербайджане (к семилетию Апрельской революции). Баку, 1927.
55. Гусейнов М.Д. Тюркская демократическая партия федералистов Мусават» в прошлом и настоящем. Баку: Коммунист, 1927.

56. Алиев Х. Что дала Советская власть крестьянам Азербайджана. Баку, 1957.
57. Алимизоев Х. Советский Азербайджан – дитя Октябрьской социалистической революции. Баку, 1958.
58. Рагимов А.Дж. Ликвидация земельной собственности в Азербайджане в 1920 году. Баку, 1962.
59. Багиров Ю.А. Из истории советско-турецких отношений (1920–1922 гг.). Баку, 1965.
60. Кулиев Дж. V.İ.Lenin və Azərbaycanca sovet hakimiyyətinin qələbəsi və möhkəmlənməsi uğrunda mübarizə. Bakı, 1957.
61. İbrahimov Z.İ. V.İ.Lenin və Azərbaycanca sosialist inqilabının qələbəsi. Bakı, 1970.
62. Азизбекова П.А. Руководство В.И.Ленина социалистическим строительством в Азербайджане. 1920–1923. Баку, 1960.
63. Кулиев А.Н. В.Ленин и Азербайджан. Баку, 1960.
64. Ахмедов Х. Создание и укрепление Советов в Азербайджане. Баку, 1966.
65. Ибрагимов З. В.И.Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970.
66. Азимов Н.С. Великий Октябрь в Азербайджане. Баку, 1987.
67. Кочарли Т. Против фальсификаторов истории. Баку: Азернешр, 1972.
68. Сумбатзаде А.С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М.: Наука, 1972.
69. Ализаде Н. Великая народная революция. Баку, 1966.
70. Алиев Х. Некоторые особенности социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970.
71. Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971.
72. Qaziyev M. Azərbaycanca vətəndaş müharibəsi qəhrəmanları. Bakı: Azərbaycan, 1941.
73. Из доклада народного комиссара по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Г.Н.Корганова в Совет Народных Комиссаров о положении в Азербайджане и Закавказье, 22 мая 1918 г. // Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917–1918 гг. Баку, 1957. С. 415–420.
74. Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.
75. Гусейнов И.А. Баку в захватнических планах английских империалистов в 1918 г. // Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Т. XIII. Баку, 1947.
76. Гусейнов И.А. Победа советской власти в Азербайджане в 1920 г. и помощь XI Красной армии // Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Т. XVIII. Баку, 1952.

77. Искендеров М. Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958.
78. Азизбекова П.А. Братская помощь великого русского народа победе Советской власти в Азербайджане. Баку, 1954.
79. Гулиев Дж.Б. В.И. Ленин и борьба за победу и укрепление советской власти в Азербайджане. Баку, 1957.
80. Milman A.Ş. Bakı Soveti – Azərbaycanda proletar diktaturası orqanıdır (oktyabr 1917-ci il-iyul 1918-ci). Bakı, 1957.
81. Енукидзе Д.Ф. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954.
82. Кузнецова С. Крах турецкой интервенции в Закавказье // Вопросы истории, 1951, № 9.
83. Базиянц А.П. Захватническая политика англо-американского империализма в Баку и Азербайджане (ноябрь 1918 – апрель 1920). М., 1950.
84. Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). М., 1954.
85. Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталистов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного (1893–1917 гг.) // Известия ГОКМ. Вып. 5. Грозный, 1953.
86. Лебедев П.А. Кабарда в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1952. Вып. 4.
87. Мельчин А. Боевые руководители народов Дагестана // Военно-исторический журнал. 1939. № 3.
88. Мнацаканян А. Правая агентура немецко-турецких захватчиков на Кавказе. (Канун Первой мировой войны). Ереван, 1948.
89. Песикина Е.И. Народный Комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950.
90. Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941.
91. Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942.
92. Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917–1921). Махачкала: Даггиз, 1945.
93. Гаджиев И. Антисоветская интервенция Англии на Кавказе (1918–1920). Махачкала, 1958.
94. Бербеков Х.М. Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть Советов. Нальчик, 1957.
95. Калмыков Б.Э. Революционное движение в Кабарде (Очерки). Нальчик, 1957.
96. Гугов Р.Х., Улигов У.А. Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1957.

97. Гиев М.И. Деятельность революционных комитетов в Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1957.
98. Тотоев М.С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1957.
99. Вагабов М.В. Партизанское движение в Дагестане. Махачкала, 1959.
100. Васильев Д. Героическая оборона Кизляра в 1918 г. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т.3.
101. Гаджиев А.С. Из истории борьбы трудящихся Дагестана за установление Советской власти (1917 – май 1918 гг.) // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. 2.
102. Кичиев Н. Разгром антисоветского мятежа Гоцинского в Дагестане 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... к.и.н. Махачкала, 1955.
103. Azərbaycanca Sovet hakimiyyəti qurulmasının 38-ci ildönümü // Azərbaycan kommunisti, 1958, № 4.
104. Шахгельдиев Г. Помощь русского народа победе советской власти в Азербайджане. Баку, 1960.
105. Мадатов Г. Победа советской власти в Нахичеване и образование Нахичеваньской АССР. Баку, 1968.
106. История Коммунистической партии Азербайджана. Баку. 1963.
107. История Азербайджана. Т.3. Ч.1. Баку, 1963.
108. Əhmədov X. Azərbaycanca Sovetlərin yaradılması və möhkəmləndirilməsi. Bakı: Azərb. SSR EA Nəşriyyatı, 1966.
109. Хоруев Ю.В. Аграрный вопрос и крестьянское движение на Тереке в эпоху империализма (1900–1917 гг.): автореф. дис. ... д.и.н. Баку, 1986;
110. Əlimirzəyev X. Sovet Azərbaycanı Böyük Oktyabr sosialist inqilabının yetişdirməsidir. Bakı, 1958;
111. Əlizadə N. Böyük xalq inqilabı. Bakı, 1966.
112. Гулиев Дж.Б. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.
113. Кочарли Т.К. Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980.
114. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.
115. Азимов Г.С. Великий Октябрь в Азербайджане. Баку, 1987.
116. Байрамов К.М. Массовые рабочие организации Азербайджана в борьбе за победу советской власти. Баку, 1983.
117. Azərbaycan tarixi və mədəniyyətinin burjuva saxtalaşdırıcılarına qarşı / Ə.S.Sumbatzadənin redaktəsi ilə. Bakı, 1978.
118. Абдулова Е.А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг. Ростов н/Д., 1984.
119. Амирханова-Кулиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920–1923 гг. Махачкала, 1976.

120. Антипина О.А. Агитационно-пропагандистская, политико-массовая работа большевиков среди трудящихся Терека в годы гражданской войны (июнь 1918 – март 1920 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Орджоникидзе, 1984.
121. Антонов А.Е. Боевой восемнадцатый год (Военные действия Красной армии в 1918 – начале 1919 г.). М., 1961. 264 с.
122. Бекижев М.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа. 1917–1941. Черкесск, 1978.
123. Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921 г. М., 1979.
124. Бутаев М.Д. Большеви́стская печать Дагестана (1904–1921 гг.). История становления. Махачкала, 1988.
125. Вацуев А.З. В.И. Ленин у истоков создания национальной государственности горских народов // Из истории борьбы за власть Советов и социалистических преобразований в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
126. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980.
127. Гаджиев И. Антисоветская интервенция Англии на Кавказе (1918–1920). Махачкала, 1958.
128. Гиоев М.И. Антиденикинский фронт на Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1984. 256 с.
129. Боевые и революционные традиции моряков краснойзнаменной Каспийской флотилии. Баку, 1960.
130. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.
131. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской Социалистической революции. Грозный, 1972.
132. Гражданская война на Северном Кавказе. Материалы региональной научной сессии 23–24 декабря 1980 года. Махачкала, 1982.
133. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975.
134. Джанаев А.К. Народы Терека в Российской революции 1905–1907 гг. Орджоникидзе. 1988.
135. Долунц Г.К. Киров на Северном Кавказе. М., 1973.
136. Екати Б.П. Большевики Терека во главе борьбы против интервентов и внутренней контрреволюции. (Лето 1918 – н. 1919 гг.). Орджоникидзе, 1964. 55 с.
137. Ермолин А.П. Революция и казачество (1917–1920). М., 1982.
138. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988.
139. Исрапилов А.К.-М. Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа: автореф. дис. ... д.и.н. Махачкала, 1982.

140. Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. М., 1988.
141. Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1973.
142. Коренев Д.З. Революция на Тереке. Орджоникидзе: Кн. издат. Управл. по печати при Сов. Министров Северо-Осетинской АССР, 1967. 352 с.
143. Корольков И.В. Борьба за власть Советов на Северном Кавказе. Чита, 1962.
144. Кумыков Т.Х. Втягивание Северного Кавказа во всероссийский рынок в пореформенный период. Нальчик. 1962.
145. Кучиев В.Д. Октябрь и Советы на Тереке. 1917–1918. Орджоникидзе, 1979.
146. Лавров С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5.
147. Azərbaycanca sovet hakimiyyəti orqanlarının yaradılması və fəaliyyəti. Bakı: Azərbaycan Dövlət Universiteti, 1984.
148. Böyük Oktyabr ideyalarının Azərbaycanda tənənəsi / Azərbaycan SSR EA prezidenti, akademik E.Y.Salayevin redaktəsi ilə. Bakı, 1987.
149. Böyük Oktyabr və Azərbaycanda Sovet hakimiyyəti uğrunda mübarizə. Bakı: Az.SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1958.
150. Böyük Oktyabr və Azərbaycan / Y.H.Səfərov və A.İ.Xəlilovun redaktəsi ilə. Bakı, 1967.
151. Əzizbəyova P.Ə. Onlar 26 nəfər idi. Bakı, 1966.
152. Kommunizm uğrunda mərd mübarizələr. Bakı: Azərnəşr, 1968.
153. Köçərli T. Tarixi saxtalaşdıranlar əleyhinə. Bakı, 1972.
154. Məmmədov N.Z. Böyük Oktyabr və Azərbaycanda Sovet hakimiyyətinin qələbəsi. Bakı, 1987.
155. Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Том первый (80-е годы XIX в. – апрель 1920 г.) Баку, 1985.
156. Азизбекова П., Мнацаканян А., Траскунов М. Советская Россия и борьба за установление и упрочнение власти Советов в Закавказье. Баку, 1978.
157. Алиев Г.З. Турция в период Первой Мировой войны. Баку, 1965.
158. Амирханова-Кулиш А.С., Зильпукаров З.Г. Помощь Красной Армии в социалистическом строительстве в Азербайджане. М., 1981.
159. Ахтамзян А.А. От Бреста до Киля: Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.
160. Бадалян Х.А. Турецко-германская экспансия в Закавказье (1914–1918 гг.). Ереван, 1980.
161. Гаджиев И.Б. Совместная борьба трудящихся Азербайджана и Дагестана за власть Советов. Махачкала, 1968.
162. Дзидзария Г.А. Наш Серго. Тбилиси, 1976.
163. Дубинский-Мухадзе И.М. Шаумян (1878–1918). М., 1965.

164. Кадишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960.
165. Лежава А.П. Революционное содружество народов Грузии и Северного Кавказа в борьбе за победу социалистической революции. М., 1978.
166. Меликян Г.С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.
167. Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.
168. Кязимзаде Ф. Борьба за Закавказье (1917–1921 гг.) // Литературный Азербайджан, 1993, № 3–4.
169. Свентоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920 гг. // Хазар журн, 1990, № 2.
170. Məmmədzađe M.B. Milli Azərbaýcan hərəkatı. Bakı: Nicat, 1992.
171. Bünyadov Z.M. Qırmızı terror. Bakı: Azərneşr, 1993.
172. Cəfərov N. Milli – ictimai fikir tariximizdən (1914- fevral 1917) Bakı: Azərneşr, 1993.
173. Baykara H. Azərbaycan istiqlal mübarizəsi tarixi. Bakı, 1992.
174. Qasımov M. Xarici dövlətlər və Azərbaycan (aprel işğalından SSRİ yaradılana qədərki dövrdə diplomatik-siyasi münasibətlər). Bakı, 1998.
175. Həsənov C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində (1918–1920-ci illər). Bakı, 1993.
176. Əhmədova F. Nəriman Nərimanov – İdeal və gerçəklik (1920-ci il). Bakı, 1998.
177. Süleymanov M. Azərbaycan Ordusu (1918–1920). Bakı: Hərbi Nəşriyyət, 1998.
178. Qasımov M.C. Xarici dövlətlər və Azərbaycan. Bakı: Qanun, 1998.
179. İsgəndərov A.C. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti. 1918–1920. Bakı, 2003.
180. Həsənlı C.P. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin Xarici Siyasəti (1918–1920). Bakı, 2009.
181. Балаев А.Г. Азербайджанское национально-демократическое движение 1917–1920 гг. Баку, 1990.
182. Nəcəfov B. Azərbaycan Demokratik Respublikası: Daxili və xarici siyasəti. Bakı, 1992.
183. Məmmədov X. Azərbaycan milli hərəkatı (1875–1918-ci illər). Bakı: Sabah, 1996.
184. Məmmədzađe M.B. Azərbaycan milli hərəkatı. Bakı, 1992.
185. Azərbaycan Cümhuriyyəti. 1918–1920. Bakı, 1998.
186. Azərbaycan Demokratik Respublikası. Azərbaycan hökuməti (1918–1920). Bakı, 1990.
187. Азизбекова П.А. АДР и межнациональные отношения (1918–1920 гг.) // Известия АН АР. Серия История, философия и право, 1991, № 1.

188. Назарли А. Деятельность правительства Азербайджанской республики в области среднего образования (1918–1920 гг.) // Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyasının Xəbərləri. Tarix. Fəlsəfə və hüquq seriyası. Bakı, 1990, № 4.
189. Süleyman Əliyərli. Tariximiz açıqlanmamış mövzuları ilə. Bakı, 2012.
190. Həsənli С. Ağ ləkələrin qara kölgəsi. 1920–1930-cu illərdə Azərbaycanda Sovet totalitarizmi. Bakı, 1991.
191. Гасанов Дж. Тени над «белыми пятнами». Баку, 1991.
192. Həsənli С. Azərbaycan Respublikası beynəlxalq münasibətlər sisteminə, 1918–1920. Bakı, 1993.
193. Həsənli С. Azərbaycan Respublikası. Türkiyə yardımından Rusiya işqalına qədər. 1918–1920. Ankara, 1998.
194. Гасанли Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920). М., 2010.
195. Гасанли Дж. Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости, 1917–1920. М., 2011.
196. Гасанли Дж. Али Мардан-бек Топчибашев: жизнь за идею. М., 2014.
197. История горских народов Кавказа 1917–1920 гг. и независимость горских республик 11 мая 1918 г. // Сборник материалов 1-й науч.-практ. конф. Махачкала, 1992.
198. Göyüşov A.R. Şimali Qafqaz xalqlarının Milli-azadlıq hərəkatında müsəlman din xadimlərinin rolu (1917–1920-ci illər) // Türk və Qafqaz xalqları tarixinin bəzi məsələləri. Bakı, 1997.
199. Багирова И.С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. Баку, 1997.
200. Мамедов Х. Азербайджанское национальное движение. Баку, 1996.
201. Сеидзаде Д.Б. Из истории Азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978.
202. Azərbaycan Demokratik Respublikası. Bakı: Azərneşr, 1992.
203. Qafarov V.V. Türkiyə-Rusiya münasibətlərində Azərbaycan məsələsi (1917–1922). Bakı: Azərneşr, 2011.
204. Назарли А. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920). Баку, 2008.
205. Музаев Т.М. Союз горцев: Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007.
206. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004.
207. Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. Владикавказ: Алания, 2000.
208. Дзидзоев В.Д. Из истории досоветских национально-государственных образований на Северном Кавказе (1917–1920 гг.). Владикавказ, 2004.
209. Мамулиа Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920–1945 гг. Париж-Баку, 2014.

210. Алиева С. Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII – начало XXI вв.). Баку: Шарг-Гарб, 2010.
211. Алиева С. Взаимоотношения Азербайджана и народов Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). Баку, 2015.
212. Безугольный А. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.
213. Лобанов В.Б. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920 гг.: на материалах Терека и Дагестана. СПб., 2013.
214. Гибель Черкесии. Краснодар, 1994.
215. Черкесская трагедия. Нальчик, 1994.
216. Шабаетов Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1992;
217. Бутбай Мустафа. Воспоминания о Кавказе / Пер. с тур. акад. З.М.Буниятова. Махачкала: журнал «Наш Дагестан», 1993.
218. Коцев П. Свободы без жертв не бывает. Перевод с английского // «Сказания о Дагестане». Сопроводительные очерки, перевод комментарии и составление Муртазали Дугричилова. Махачкала, 2000.
219. Джабагиев В.-Г. Революция и гражданская война на Северном Кавказе: конец XIX – начало XX века // Журнал «Наш Дагестан», 1994, № 167–168.
220. Доного Х.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: автореф. дис. ... д.и.н. М., 2008.
221. Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1920): автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 2006.
222. Джамбулатов Р. Революция и гражданская война в Терской области (февраль 1917 – апрель 1920 гг.) (на материалах Хасав-Юртовского округа и Кизлярского отдела): автореф. дис. ... к.и.н. Махачкала, 2009.
223. Нахибашев Н.З. Узун-Хаджи Салтинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни: автореф. дис. ... к.и.н. Махачкала, 2006.

Нухат Бойукбаш

Советская революция и уроки истории в школах Турецкой Республики

Özet: 1914 yılında başlayan birinci dünya savaşı, sonuçları itibariyle yüzyılımızın başında bütün dünya dengelerini, ülke sınırlarını, yönetimlerini ve rejimlerini etkilemiştir.

Türkiye Cumhuriyeti savaşı kaybeden Osmanlı bakiyesi üzerine, kurtuluş savaşı vererek yeni bir devlet kurmuştur.

Çarlık Rusya'sı galip devletler safında ve Osmanlı ile savaş halinde olmasına karşın, 1917 Bolşevik ihtilali ile savaştan çekilmiş ve yeni bir ideoloji ve devlet yönetimi ile tarih sahnesindeki yerini Sovyetler Birliği'ne bırakmıştır.

Sovyetler Birliği aynı coğrafyada birbirine komşu, yönetimi altında birçok Türk devlet ve toplulukları ile Türkiye Cumhuriyeti Devletini her alanda yakından ilgilendiren yeni bir devlettir. Her iki devletin devamı olduğu, Osmanlı ve Çarlık Rusya'sının tarihsel perspektif içindeki çıkar ilişkileri, çatışmalarının etkili analizi gelecekteki ilişkilerinde belirleyicisi durumundadır. Sovyet Rusya ve Türkiye Cumhuriyeti devletlerinin ilişkilerinin doğru analizi de geleceğin iyi komşuluk ilişkileri ve dünya barışına etkisi açısından önemlidir.

Tarihten süregelen ilişkileri, savaşları, barış içinde komşuluk ilişkileri, Rusya ve Sovyetler Birliği'nin egemenliği altında tuttuğu, aramızda soy birliği veya din birliği olan topluluklarla ilişkileri açısından Sovyet İhtilali çok önemli bir tarihi dönüm noktasıdır.

Bu tarihi hadisenin tüm süreçleriyle yeni nesile aktarılması, Türkiye Cumhuriyeti'nin ve Rusya'nın geleceğini oluşturacak insan kaynaklarının tutum ve davranışlarına doğru bir şekilde yansıtılması çok önemlidir.

Bu çalışma geleceğin nitelikli insan kaynaklarını oluşturmada çağımızın en etkili aracı olan eğitim sisteminin içinde yer alan ve geçmiş geleceğe taşıma aracı olarak görülen tarih dersi öğretim programı ile ders kitaplarında Sovyet İhtilalinin yer alma durumu analiz edilecektir.

Введение

Обучение и образование в Турции проводятся на основе принципов и реформ Ататюрка, с учетом основ современной науки и педагогических методов, под надзором и контролем государства. Каждый гражданин республики имеет

право на обучение и образование и никто не должен быть лишен этого конституционного права. Основным исполнительным органом, регулирующим вопросы просвещения, является Министерство образования Турецкой Республики.

Начальное образование для всех граждан мужского и женского пола в государственных школах обязательно и бесплатно. Здесь надо отметить, что принципы, определяющие функционирование частных начальных и средних школ, должны соответствовать стандартам, установленным для государственных образовательных учреждений. Основным языком обучения в стране является турецкий и никакой другой язык не должен преподаваться турецким гражданам в качестве родного языка, независимо от статуса учебного заведения [1]. Кроме того, государством предусмотрены стипендии и другие формы помощи, позволяющие студентам, испытывающим финансовые затруднения, продолжить образование. Турецкая Республика принимает все необходимые меры, чтобы поддержать людей, нуждающихся в специальном обучении.

Предметом данного исследования, приуроченной к 100-летию Советской революции, является отражение революционных событий в школьных учебных программах Турецкой Республики: рождение советской революции, распад старого мира и географические перемены, в том числе связанные с нашим регионом. Это исследование было ограничено учебниками истории и обществознания начальных и средних классов.

В этом контексте были проанализированы исторические сюжеты, содержащиеся в учебниках по обществознанию для 5–6-х и 7-х классов, а также учебники истории 8 и 10 классов (о принципах Ататюрка и истории революции), обязательные учебники истории 11 классов, учебники по новейшей истории Турции и мира для 12 классов. В старших классах уроки истории изучаются 2 часа в неделю.

Советская революция занимает важное место в истории тюркского мира: именно в эпоху революции все тюркские регионы Средней Азии и Кавказа вошли в состав российского государства. Советская революция повлияла на Первую мировую войну и ее итоги [2]. Это событие отразилось и на истории Османской империи. Именно после ее распада была основана Турецкая Республика. Поэтому подрастающему поколению нужно передавать данный опыт прошлого, связанный с одной и той же географической территорией, отмеченный как периодами единства, так состоянием войны, причины и последствия эпохальных событий; очень важно и необходимо изучение истории большого государства.

Есть и второй момент, связанный с данным интересом – это турецко-российские взаимоотношения и тюркские общины, исторически и географически связанные с царской, советской и современной Россией.

Советская революция на уроках истории

Уроки обществознания 4–5 классов. Этот урок по социальным знаниям является обязательным и ему отводится 3 часа в неделю. В программе данного предмета предусмотрена тема «Я изучаю мое прошлое», которая включает в себя такие исторические страницы начала XX в., как национальная борьба в Анатолии после Первой мировой войны, приход Ататюрка и принятие стратегии Кемализма [3].

Уроки обществознания 6–7 классов. В 6 классе обществознанию отводится 3 часа в неделю, в 7-м – 4 часа. В учебной программе 6-го класса историческим темам посвящен 4-й раздел под названием «Культура и наследие». В нем изучаются дастаны кагана Огуза, Эргенекона, история гуннов, первых тюркских государств Центральной Азии, Караханидского государства. Древняя тюркская история до сельджукского периода рассматривается через образы таких персон, как Бильге-хан, Махмуд аль-Кашгари, султан Газны, великий сельджукский визирь Низам аль-Мульк.

В учебнике обществознания 7-го класса истории отводится 3-й раздел. Здесь основное внимание уделяется средневековой истории: крестовым походам, сельджукским караван-сараям и медресе, приводятся краткие сведения о процессе создания Османской империи, завоевании Фатихом (Мехмед II Завоеватель – *прим. ред.*) Константинополя, а также об османско-европейских отношениях. В этих учебных программах нет упоминаний, касающихся русской истории [4].

Уроки о революционной истории Турецкой Республики и принципах Ататюрка для 8 и 10 классов. В учебном курсе за 8 класс уроком истории отводится 2 часа в неделю. На этих уроках изучается история революции в Турецком государстве и основы кемализма. Они являются обязательными и считаются первой ступенью базового курса истории турецкой педагогической системы. Знания о становлении Турецкой Республики и идеологии основателей государства являются важными элементами обучения подрастающего поколения.

Аналогичный образовательный курс считается обязательным и для программы 10-го класса. Учебная программа состоит из 7 разделов. Первый раздел посвящен биографии Ататюрка (рождение, детство, годы учебы и т.д.). Во 2-м и 3-м разделах основное внимание уделяется событиям Первой мировой войны и положению нашей страны в эти годы, сражениям и договорам, роли Ататюрка в национальной борьбе и его героизму. В 4-м разделе рассматриваются основные вехи истории связанные со строительством современной Турции, в том числе преобразования в социальной сфере. В 5-м разделе раскрываются основные идеи Ататюрка. Наряду с событиями Первой

мировой войны и становлением Турецкой Республики, эти разделы охватывают период Советской революции.

В 6-м разделе речь идет о внешней политике Турции в годы правления Ататюрка и о его смерти, но, несмотря на то, что эти проблемы связаны с советской революцией, тюркским миром и т.п. вопросами, последние не были представлены в качестве отдельного предмета изучения. Лишь в 7-м разделе, где говорится о Турции после Ататюрка, в годы Второй мировой войны и послевоенном периоде, имеется тема «Распад СССР и его влияние на ситуацию в мире и Турции». Предлагается оценить события на Балканах, Кавказе и Средней Азии после холодной войны и их влияние на нашу экономику и политику [5]. В одном из учебников, разработанных на основе данной программы, приводится газетная статья 1991 г. о влиянии распада СССР на ситуацию в мире [6].

Уроки истории в 9 классе. В 9-м классе программа обучения состоит из 6 разделов, которая включает возникновение первых цивилизаций, первые тюркские государства, историю ислама и мусульманской цивилизации (до XIII в.), мусульманские тюркские государства (X–XIII вв.), историю Турции (XI–XIII вв.) [7].

Уроки истории в 10 классе. В 10-м классе курс истории состоит из 5 разделов, где имеются следующие темы: государства бейликов (1300–1453), мировая сила: Османская империя (1453–1600), годы поисков (XVII в.), Европа и Османская империя (XVIII в.) и самый долгий век (1800–1922). Проблема Советской революции на этих уроках не рассматривается [8].

Уроки о революционной истории Турецкой Республики и принципах Ататюрка для 11 классов. Учебному курсу «История революции Турецкой Республики и Кемализм» в системе среднего образования отводится 2 часа в неделю. Программа обучения состоит из 7 разделов, включая жизнь Мустафы Кемали с 1881 по 1919 г., подготовительный период национальной борьбы, фронты национальной борьбы, турецкую революцию и принципы Ататюрка, внешнюю политику в годы Ататюрка и его смерть. Этот урок является обязательным для 8-х и 11-х классов. Курс 11-го класса выступает продолжением базового курса 8-го класса. Цель данной учебной программы – передача новым поколениям идей Ататюрка, кемализма как государственной идеологии.

В учебнике данного курса, в разделе «Внешняя политика во время Ататюрка» представлен параграф о турецко-советских отношениях в 1923–1932 гг. Обращает на себя внимание следующий фрагмент этого параграфа:

«Türk milletinin işgalci güçlere karşı verdiği mücadeleyi siyasal, ekonomik ve askerî açıdan en çok destekleyen ve uluslararası alanda Türkiye ile birlikte hareket eden Sovyetler Birliği oldu. Özellikle Lozan Barış Görüşmeleri sırasında On İki Ada ve Boğazlar gibi önemli konularda Sovyetler Birliği, Türkiye'nin millî çıkarlarını

gözeten bir politika takip etti. Ayrıca Musul sorununun çıkmaza girdiği dönemde Türkiye ile Sovyetler Birliği arasında Dostluk ve Tarafsızlık Antlaşması imzalandı (17 Aralık 1925). Bu antlaşma, iki ülkenin yaklaşmasını ve iyi komşuluk ilişkilerinin gelişmesini hızlandırdı. 1928 yılında İsviçre'nin Cenevre şehrinde toplanması planlanan «Silahsızlanma Konferansı»na bizzat Sovyetler Birliği'nin davet etmesi üzerine Türkiye de katıldı. Kurtuluş Savaşı'nın zaferle noktalanmasından sonra Türkiye böylece ilk defa milletlerarası bir toplantıya katılma hakkını elde etmiş oldu. Türkiye adına konferansa katılan delegeler topyekûn silahsızlanma konusunda Sovyetler Birliği'nin görüşlerini savunan konuşmalar yaptı. Sovyetler Birliği ile Türkiye arasında daha sonraki yıllarda zaman zaman rejim ihracı ve sınırların güvenliği konusunda sorunlar çıkmasına rağmen Atatürk Dönemi'nde karşılıklı güvene dayanan siyasal ve ekonomik ilişkiler devam etti [9].

В учебнике подчеркивается, что Советская Россия оказала политическую, экономическую и военную поддержку турецкой нации в борьбе с оккупационными силами. На международной арене СССР и Турция в этот период действовали совместно. В частности, во время Лозаннской конференции 1922–1923 г. Советский Союз в ходе обсуждения вопроса о 12 островах и проливах выступил в поддержку национальных интересов Турции. Важной вехой в отношениях двух государств стало подписание Договора о нейтралитете и дружбе (17 декабря 1925). Этот договор ускорил сближение двух стран и способствовал развитию добрососедских отношений. В 1928 г. в Женеве прошла конференция по разоружению. По приглашению СССР, на этом международном заседании приняла участие и Турция и поддержала точку зрения Советской России о необходимости разоружения. В последующие годы, несмотря на периодически возникающие вопросы о пограничье, во время правления Ататюрка сохранились политические и экономические контакты между двумя странами, основанные на взаимном доверии.

Факультативные уроки по новейшей истории Турции и мира в 12-м классе. По учебному плану эти занятия проводятся в 12 классах 2 часа в неделю. Программа обучения состоит из 5 разделов: мир в начале XX в., Вторая мировая война, холодная война, период *detente*¹, после *detente* и глобализированный мир [10].

В первом разделе «Мир в начале XX века» есть блок о становлении Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и событиях, связанных с турецким государством и сообществами Средней Азии. В этом блоке

¹ Период разрядки международной напряженности (конец 1960-х – конец 1970-х гг.), в турецкой историографии для обозначения данного исторического периода используется французское слово «*detente*» (разрядка) – прим. ред.

даются сведения о населении Советского Союза в этот период, природных ресурсах, населенных пунктах (в том числе с применением географических карт), рассматривается история басмачества (борьбы местного населения против большевистской администрации в Туркестане) и биография участника этих событий, историка Заки Валиди Тогана.

Важная часть 3-ого раздела учебного плана посвящена эпохе холодной войны. В данном разделе много внимания уделяется истории Советского Союза. Ученики должны проанализировать баланс мировых сил, который возник в конце Второй мировой войны. Для этого рекомендуется подготовить ролевую игру, в котором Трумэн, Сталин, Эттли и Де Голль обсуждают меняющийся мир во время холодной войны. Преподавателям рекомендуется рассказать ученикам о причинах возникновения на мировой арене двух сил – США и СССР, о влиянии данного положения на международную политику, об использовании идеологии в дипломатических отношениях.

В следующей теме говорится о создании и развитии Восточного блока (СЭВ – *прим. ред.*). Для этого предлагается изучить карту со «странами железного занавеса», границами Советского Союза до и после Второй мировой войны. В этой же теме рассматривается Берлинский кризис 1948 г., причины и его результаты, появление НАТО и Организации Варшавского договора. Здесь же говорится о вхождении некоторых стран Восточной Европы в зону влияния СССР, разделении Германии на две части, о приходе коммунистических режимов в Югославии, Албании, Китае, Северной Корее и Кубе, о различных экономических и военных учреждениях созданных в этот период под эгидой Советского Союза (Коминформ, СЭВ, Варшавский договор). Кроме того, имеются сюжеты о разногласиях между СССР и Югославией, СССР и Китаем, революциях в Венгрии и Чехословакии, реакции на политику господства СССР.

В главе под названием «Создание и развитие Западного блока» рассказывается о том, что происходило в это время в Европе и Америке, об экономических и военных мерах принятых США против советского экспансионизма. В этом разделе, мы видим, что в период Советского Союза, Турция являлась членом НАТО и союзником США. Поэтому данный исторический промежуток оценивается в рамках официальной позиции Турецкой Республики.

В разделе «Период *detente* и после этого» учителям рекомендуется разъяснить причины и результаты конфликтов данного периода, политику *detente* и её влияние на международные отношения. В данном разделе изучаются две главные исторические фигуры этого периода – Кеннеди и Хрущев, их встреча в 1961 г. и влияние этой ситуации на отношения между двумя военными блоками. В рамках политики *detente*, кроме американско-советских

отношений, рассматриваются и китайско-американские отношения, попытки ограничить ядерное оружие и Хельсинская конференция.

Далее идет сюжет о политике США и западных государств, а также арабского мира на фоне конфликта в Афганистане, в том числе об отражении политики на спортивных мероприятиях (Олимпийские игры в Москве), изменениях в политике СССР и распаде Восточного блока.

В 5-м разделе «Глобализованный мир» объясняется значение терминов гласность и перестройка. Ученики должны знать о влиянии этих явлений на мировую политику, также им предлагается изучить биографию Михаила Горбачева. В этом блоке анализируются изменения во внутренней и внешней политике СССР, отражение этих событий на страны Восточной Европы и влияние распада СССР на баланс мировых сил.

В этом же разделе есть отдельная статья о процессе обретения независимости тюркскими государствами на постсоветском пространстве. Ученикам предлагается карта, на которой представлены тюркские государства и сообщества, получившие независимость после распада СССР. При изучении этих сюжетов используется биография и произведения Чингиза Айтматова, Алма-Атинская декларация. Учащиеся должны разобрать пункты декларации, по географической карте изучить распределение природного газа и нефти на Кавказе и в бассейне Каспийского моря, также им предлагается через интернет-ресурсы изучить деятельность ТИКА (Турецкое управление по сотрудничеству и развитию при Аппарате Премьер-министра Республики Турция – *прим. ред.*) и о независимых тюркских государствах. Политическая, социальная, экономическая и культурная деятельность Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана Кыргызстана и других тюркских общин, создание Содружества Независимых Государств и организации ТИКА являются другими важными темами.

Кроме того, в данном разделе рассматриваются события Восточного блока, произошедшие после распада СССР: создание единой Германии (ученики должны подготовить презентацию о падении Берлинской стены с использованием наглядных материалов), создании Европейского союза (ученики готовят карту Союза, таблицу с хронологией вступления стран бывшего СЭВ и Варшавского договора в НАТО и ЕС).

Уроки истории в системе высшего образования. «История Турецкой Республики» является обязательным предметом в некоторых факультетатах и кафедрах. Основным пособием к этому курсу является учебник «История Турецкой Республики» в двух томах, опубликованный Исследовательским центром им. Ататюрка и ставший бестселлером. В первом томе этой книге имеются фрагменты о Советской революции. На 105-й странице данной книги

есть сюжет под названием «Большевицкая революция и выход России из войны», которая включена в параграф «Конец Первой мировой войны и судьба войны». В данном эпизоде приводится краткая оценка политики царской России, причин Советской революции, говорится о Брестском договоре и первых мирных инициативах большевиков [11].

Заключение

Безусловно, советская революция занимает определенное место в турецком письменном мире. Это была идейная революция, которая ставила себе целью распространение марксистской идеологии по всему миру. Коммунистическая идеология, в особенности идеи равенства и братства, главенства рабочего класса привлекла внимание всего мира. Благодаря широкой издательской деятельности и специальной литературе были сторонники этих взглядов и в Турецкой Республике.

Однако советская революционная идеология, из-за роста демократических идей во многих развитых странах, не нашла достаточного числа сторонников. По этой причине усилились антикоммунистические настроения.

Идеи Ататюрка о сильной и демократической республике, принятые в качестве государственной идеологии, разнились с установками Советского Союза, поэтому Турецкая Республика не поддерживала его позицию. Это отношение получило отражение в школьных программах и учебниках. Со времен Советской революции 1917 г. до распада Союза в 1991 г., 74-летний период истории России не был введен в качестве отдельного предмета изучения в основной курс новейшей истории. Как было показано выше, лишь на уроках истории 12-х классов уделяется отдельное внимание событиям в России.

В турецкой системе образования обязательными являются начальное и среднее образование, коэффициент охвата детей школьного возраста приближается к 100%. В эпоху, когда все граждане получают минимальный уровень среднего образования, пользуясь качественными учебными программами, можно подготовить квалифицированные кадровые ресурсы. Уроки истории занимают особое место в воспитании подрастающего поколения. Каждая нация ищет свои корни на той земле, где она живет, а также опирается на древнюю историю собственного народа. Новое поколение должно знать, что у него есть свое место в драгоценном прошлом и гордиться своей историей. С другой стороны, исторические знания о сильном государстве, которое поддерживало добрососедские отношения с другими странами, а также возможность извлечь уроки из прошлого, являются необходимым элементом подготовки молодого поколения.

Перевод с турецкого языка Л.Р.Габдрафиковой.

Список источников и литературы

1. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası, 42. Madde, 20.10.1982 tarih ve 17844 sayılı Resmi Gazete.
2. Shaw, Stanford J. Birinci Dünya Savaşı'nda Osmanlı İmparatorluğu Savaşa Giriş. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayını, 2014.
3. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, İlköğretim 4. Sınıf Sosyal Bilgiler Dersi Öğretim Programı. Ankara, 2004.
4. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, İlköğretim 6–7. Sınıf Sosyal Bilgiler Dersi Öğretim Programı. Ankara, 2009.
5. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, İlköğretim 8.Sınıf Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi Ve Atatürkçülük Dersi Programı. Ankara, 2010.
6. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük Ders Kitabı, Devlet Kitapları, MEB. Ankara, 2013.
7. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, 11. Sınıf Tarih Dersi Öğretim Programı. Ankara, 2007.
8. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, 10. Sınıf Tarih Dersi Öğretim Programı. Ankara, 2008.
9. Ürküt Mahmut, Ortaöğretim Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi ve Atatürkçülük Ders Kitabı, ATA Yayıncılık. Ankara, 2015.
10. MEB, Talim Terbiye Kurulu Başkanlığı, Ortaöğretim, Çağdaş Türk ve Dünya Tarihi Dersi, Öğretim Programı. Ankara, 2008.
11. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi, Atatürk Araştırma Merkezi Yayını Cilt I, s.23, 105. Ankara, 2016.

*С.А. Аргасцева***Художественные панорамы,
посвященные теме «Оборона Царицына»**

Развитие панорамного искусства в годы советской власти связано с именем М.Б. Грекова. Его часто называют первым советским художником-баталистом, но забывают заслуги как создателя первой советской панорамы, и темой этой первой советской панорамы была «Оборона Царицына в годы Гражданской войны».

Панорамы советского времени, разумеется, базируются на дореволюционных традициях этого искусства и, следовательно, неразрывно связаны с именем Франца Алексеевича Рубо, его сподвижников и учеников.

Преемственность эта состоит не только в использовании творческого наследия Рубо, но и в таком немаловажном факте, что и Ф.А. Рубо и М.Б. Грекова учились в одной и той же Одесской рисовальной школе, основанной в 1840 г. обществом любителей искусств как подготовительное отделение Академии художеств, позднее художественное училище. Здесь с 1865 по 1870 г. учился Ф.А. Рубо, а с 1888 по 1903 г. – М.Б. Греков (до 1911 г. носивший фамилию М.П. Мартищенко)¹. В Одесском училище существовали прочные традиции и в их числе – приверженность к многофигурным композициям. Преподаватели стремились выработать у своих учеников особую зрительную память, которая необходима при создании панорам. В подтверждении этого можно привести историю поступления Грекова в это училище. Так как общеобразовательная подготовка Грекова, которую он получил в Каменском училище, оказалась весьма слабой, сначала он не был принят по результатам общего экзамена. Но композиции его сложных динамичных рисунков так заинтересовали ведущего преподавателя одесского училища К.К. Костанди, что по его настоянию Грекова зачислили сразу на второй курс, обязав догнать своих сверстников по общеобразовательным предметам и рисованию с гипсов.

¹ Письмо директора одесского историко-краеведческого музея Иванова № 131 от 7.06.1886 г. Одесское художественное училище им. Великого князя Владимира Александровича учреждено рескриптом Академии художеств в 1898 г., училище открылось на базе Одесской рисовальной школы – Подготовительного отделения Академии художеств с 1885 г.

Тяготение к многофигурным композициям, к динамичному изображению фигур естественно привело Грекова к батальному жанру. Свое образование он продолжал в батальной мастерской Петербургской Академии художеств, руководителем которой в то время был Ф.А. Рубо. А он наиболее талантливых своих художников, среди которых были М. Греков, М. Авиллов, П. Добрынин, привлекал в качестве помощников при установке и реставрации своих панорам, в частности, панорамы «Оборона Севастополя», когда ее привезли в Петербург для показа императору. В 1909 г. панораму вернули в Севастополь, и Грекову была поручена наиболее ответственная работа: он «списывал» холст с предметным планом. Позднее Греков принимал участие в многочисленных реставрациях и установках других панорам Рубо.

Греков мечтал о создании советской панорамы и, начиная с 1927 г., подает в Правительство и Наркомпрос ряд докладных записок с предложением практических мер по развитию панорамного искусства. Так появился специальный орган для координации работ по созданию новых панорам «Бюро панорамных бригад». Полностью сохранилась документация деятельности этого бюро в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства [1]. Эта организация состояла из нескольких коллективов, наиболее плодотворно работали две бригады, которые возглавили Г.К. Савицкий и М.Б. Греков. Греков чрезвычайно ответственно относился к новому делу и считал, что «...усилить себя опытом старых мастеров в этом деле нам необходимо». В его письме И. Бродскому говорится: «Мы должны гарантировать, что напишем не хуже Рубо, а надеемся написать даже лучше» [2].

Когда встал вопрос о первой советской панораме, сразу же возникла тема – Оборона Красного Царицына. В 1932 г. по заданию К.Е. Ворошилова в Сталинград приехала бригада художников (М. Авиллов, М. Соколов, П. Шухмин) во главе с М. Грековым. Местная печать не раз освещала работу этих художников. В газете «Борьба» были помещены фотографии художников за работой на натуре [3]. На одной из них запечатлен Греков, сидящий на возвышенности у станции Садовая, под огромным зонтом за этюдником² (что очень напоминает известную гравюру, где изображен Баркер за этюдами под Эдинбургом на Калтон Хила).

Первоначальный эскиз панорамы Грекова, Авилова и Шухмина не сохранился, но остались репродукции и воспоминания, видевших его, по которым можно судить о том, что здесь были допущены композиционные ошибки, а также неправильно была выбрана арена действий. При обсуждении эскиза

² В Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО) в газетном фонде хранится фотография: М.Б. Греков и П.М. Шухмин на этюдах у станции Садовая.

на «Бюро панорамных бригад» было сказано, что художники показывают события, возможные на позициях любого фронта, они не сумели в своем эскизе отразить главное, характерное для боев у Царицына.

8 ноября 1932 г. в Москве при Центральном музее Народоведения во дворце Нескушного сада проходила выставка рабочих макетов, эскизов, этюдов и рисунков для художественной панорамы «Оборона Царицына». Эту выставку курировало «бюро по сооружению агитационно-пропагандистских художественных панорам», которое, как сказано выше, было создано при Наркомпросе РСФСР. На выставке были представлены работы Р.Р. Френца, Г.К. Савицкого, М.И. Авилова, М.Б. Грекова, П.М. Шухмина, Н.Г. Котова, В.Н. Яковлева, В.К. Бялыницкого-Бируля, П.С. Добрынина, В.П. Ефанова, Н.П. Христенко. Как гласила афиша: «передние натуральные планы панорам и диорам исполнены бригадой в составе: Д.П. Звягинцова, Н.И. Фирсова и Б.И. Беляева» [4].

Греков – уже один – стал работать над новым эскизом. На небольшом холсте, который сохранился, мы видим эпизод борьбы за батарею, он мыслится композиционным центром будущей панорамы³. Но это был не единственный вариант эскиза; художник постоянно вносил изменения, пытаясь найти наилучшее решение. На одном из эскизов Греков изобразил себя в образе красноармейца, что у художников-панорамистов является своеобразной визитной карточкой.

В настоящее время имеются зарисовки Грекова по теме «Оборона Царицына», эскизы панорамы и большой ее фрагмент под названием «Бой за батарею», они находятся в ЦГАЛИ, в ЦГМР СССР (ныне ГЦМСИР), в домемузее М.Б. Грекова в г. Новочеркасске и в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации [5].

В то время существовали разные взгляды на панораму: одни считали, что панорама не представляет самостоятельной художественной ценности и потому работа в этой области нужна только для заработка, чтобы можно было заниматься «настоящим» искусством; другие (и Греков в том числе) в панорамной живописи видели новую форму искусства с еще неиспользованными возможностями.

Исследование советского панорамного искусства, особенно до 1941 г., затруднено нечетким разграничением понятий «панорама» и «диорама». В печатных изданиях часто панорамами называли не только диорамы, но даже картины больших размеров, да и сам Греков иногда называл панорамные

³ Находится в экспозиции Государственного дома-музея Грекова М.Б. в г. Новочеркасске.

работы Рубо диорамами⁴. Кроме прочего, во время войны погибли многие документы и другие материалы, что крайне осложняет изучение первого довоенного этапа развития советской панорамы. Можно лишь удивляться, что в те трудные и тревожные годы искусству, требующему огромных финансовых затрат, уделялось достаточно большое внимание.

В 1936 г. возобновились работы по созданию панорамы «Оборона Царицына». Центральный музей Революции СССР поручил эту работу художникам Н.Г. Котову и П.С. Добрынину⁵. В фондах музея «Сталинградская битва» хранится полная круговая фоторазверстка этой панорамы, переданная музею-панораме Белокопытовым⁶.

По-видимому, это уменьшенный вариант будущей панорамы, об этом свидетельствует и авторская запись на обратной стороне холста: «Первый вариант – малая панорама «Оборона Царицына». В фондовых карточках Центрального музея Революции имеется запись, по которой можно судить, что панорама была завершена к 20-му апреля 1936 г. Военными консультантами полотна были Е.А. Щаденко, В.А. Меликов⁷. Однако, в путеводителях по музею она упоминается только с 1939 года. В нем записано: «После ознакомления с этими документами следует осмотреть панораму обороны Царицына в 1918 году, выполненную художниками Н.Г. Котовым, П.С. Добрыниным. Панорама изображает один из моментов обороны Царицына в период «второго окружения» в октябре 1918 г. Прямо перед зрителем Волга, правее – город. На противоположной стороне видны атакующие казацки части ставленника германского империалиста Краснова. На правой стороне, на пригорке стоят И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов, руководящие сражением». Описание подтверждается фоторазверсткой. Точкой обзора для этого варианта панорамы была выбрана станция Садовая: на полотне видны пригороды Царицына – Ельшанка, Воропоново, ветряк, железная дорога вдоль Волги, по которой

⁴ Греков писал: «...Есть лозунг: Догнать и перегнать. Смысл этого лозунга в том, что прежде перегнать, надо догнать. Поэтому в работе панорам должно быть равнение на лучшее, существовавшее до нас, диорамы Рубо» (рукопись хранится РГАЛИ, фонд 1996, ед.хр. ЕХ–64).

⁵ В ГАВО в газетном фонде хранится фотография – фрагмент панорамы «Бой под Царицыном» Н.Г. Котова и П.С. Добрынина, 1935 г.

⁶ ГМПСБ, негативы с живописного полотна панорамы «Оборона Царицына», изготовленные фотографом Белокопытовым, ГМПСБ, папка 73, инв./нег. № 3648.

⁷ Полотно панорамы хранится в Государственном центральном музее Современной истории России (бывший Центральный музей Революции) свернутым на вал, ГЦМСИР, инв. № 13399, 18 рулон.

идет бронепоезд. Хорошо переданы отдельные эпизоды боя, динамика атаки, удачно и общее композиционное решение полотна [6].

Необходимо также упомянуть о книге, которая хранится в фондах музея-панорамы «Сталинградская битва»: это сборник статей и документов «Оборона Царицына» (редактор В. Алексеев и Н. Нефедов), изданный в 1937 г. и иллюстрированный фрагментами этой панорамы [7].

Но существовал и второй вариант этой панорамы, выполненный теми же художниками. В нашем музее хранится акт выполненных работ, подписанный директором музея А.И. Хмельковым и зав. отделом Л.А. Самариной, по созданию второго варианта панорамы «Оборона Царицына» для экспозиции в стенах музея обороны им. тов. Сталина, выполненный Н. Котовым и П. Добрыниным⁸. О художественно-композиционных особенностях этого варианта судить не приходится. Полотно и другие фондовые материалы не вернулись из эвакуации фондов музея, по-видимому, они погибли в дни Сталинградской битвы, пока не найдены даже ее фотоиллюстрации.

Газета «Правда» информирует о том, что выставленная панорама в Музее Революции «Героическая оборона Царицына» вдохновила художника создать большую по масштабам панораму, дополнить ее новыми эпизодами, и для этой работы в Москве строится специальная ротонда [8] (предположительно, что уменьшенный вариант именно этой работы и демонстрировался в нашем музее обороны в Сталинграде, о чем свидетельствуют акты выполненных работ по полотну панорамы и сохранившиеся этюды и эскизы к этой работе⁹).

⁸ Общая стоимость работ составила 9100 руб., включая «Бой Красной Армии под Царицыном» (1670 руб.) и «Бой Красной Армии под Ельшанкой» (1670 руб.).

⁹ В музее-панораме сохранилось несколько работ этих художников к панораме «Оборона Царицына»:

- Волгоградский государственный музей-панорама «Сталинградская битва» (ВГМП), эскиз к панораме «Оборона Царицына» (бой Красной Армии с белогвардейцами), Н. Котов, П. Добрынин, 1936 г., картон, гуашь, инв. № 44 нв/ф;
- ВГМП, панно, материал к панораме «Оборона Царицына», Г. Котов, П. Добрынин, 1936 г., холст, гуашь, инв. № 49 нв/ф;
- ВГМП, эскиз к панораме «Оборона Царицына», Г. Котов, П. Добрынин, 1936 г., холст, бумага, гуашь;
- ВГМП, эскиз к панораме «Оборона Царицына», Г. Котов, П. Добрынин, 1935 г., холст, гуашь, 49 x 223, инв. № 59 нв/ф;
- эскиз панорамы «Оборона Царицына», Г. Котов, 30-е годы, холст, гуашь, инв. № 60 нв/ф;
- этюд к панораме «Оборона Царицына» (Бой под Царицыном), Г. Котов, П. Добрынин, 30-е годы, инв. № 45 нв/ф.

В ходе изучения истории создания этой панорамы получены данные, свидетельствующие о том, что на ту же тему готовились панорамы и другими художниками. Нам известны четыре бригады, возглавляемые Н. Котовым, П. Покаржевским¹⁰, В. Бялыницким-Бируля¹¹ и Р. Френцем, которые почти одновременно работали над панорамой «Оборона Царицына». Не все в истории работы над этими панорамами достаточно выяснено, пока же можно указать на некоторые имеющиеся по этому поводу данные. Некоторый свет на эту историю проливают воспоминания художника В.Т. Давыдова, который летом 1942 г. был в Сталинграде. Он писал: «...Я запомнил пересыльный пункт в Сталинграде в конце лета 1942 г., дней за двадцать до боев на подступах к городу. Городской сквер, обнесенный забором, переполнился солдатами разных возрастов: здесь были новобранцы и «старики», выдержавшие отступления первого года войны. Потом я заметил, что через дыру в заборе входят и выходят солдаты и, последовав их примеру, вышел в город. Мне тут же попала на глаза афиша, гласящая, что 25-го открылась выставка эскизов к панораме «Героическая оборона Царицына». Представлены работы художников П.И. Котова, П.Д. Покаржевского и В.К. Бялыницкого-Бируля. Я тут же побежал к Центральному показательному универмагу, где весь третий этаж был занят под выставку. Мог ли я тогда подумать о том, что в подвале этого универмага всего через семь месяцев будет плене гитлеровский генерал-фельдмаршал Паулюс, а я после окончания войны буду учиться в художественном институте у академика Котова и у профессора Покаржевского?¹²».

¹⁰ У автора статьи хранится ксерокопия документа, подтверждающая работу художника П.Д. Покаржевского над панорамой «Оборона Царицына» (подлинник документа хранится в семье у сына художника); ксерокопия фотографии П.Д. Покаржевский и П.С. Добрынин под Сталинградом на этюдах к панораме «Оборона Царицына», 1940 г. (подлинник в семье сына художника). У автора статьи находятся ксерокопии рисунков и набросков к панораме «Оборона Царицына», выполненные П.Д. Покаржевским. Подлинники хранятся в Государственном Историческом Музее, дар А.Н. Леонард-Покажевской (жены художника), акт приема 6/10 от 23.10.69 г. с № 42–58, а также фрагменты рисунков, хранящиеся в ЦГАЛИ, фонд 3003.

¹¹ У автора статьи имеется ксерокопия страницы из автобиографии В.К. Бялыницкого-Бирули, написанной в 1950 г. Подлинник хранится в РГАЛИ, фонд 2318, оп. 1, ед.хр. 1, п. 7, от Е.А. Бялыницкой-Бируля (жена художника).

¹² Воспоминания В.Т. Давыдова напечатаны в книге «Московские художники в дни Великой Отечественной войны. Воспоминания. Письма. Статьи» (М.: Советский художник, 1981). Однако, при личной встрече В.Т. Давыдов сказал, что приведенные в этой книге воспоминания записаны им по памяти, и он по ошибке назвал профессора живописи Петра Ивановича Котова, у которого он учился, тогда как в работе над панорамой участвовал Николай Георгиевич Котов.

Очень ценны воспоминания волгоградского художника А.Н. Николаева¹³, который в дни битвы возглавлял Сталинградское товарищество художников, остался вместе с правлением товарищества в Сталинграде и, естественно, не раз посещал выставку панорам. Он пишет: «В эти грозные дни в Сталинграде в помещении Центрального Универмага на четвертом этаже была открыта выставка проектов трех диорам – «Оборона Царицына» ведущих советских художников: Н.Г. Котова, Р.Р. Френца и заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора живописи Покражевского Петра Дмитриевича». А далее: «...Покражевский, работая совместно с выдающимся мастером русского пейзажа Бельницким, решали диораму в приглушенных тонах, предвечернего пейзажа, характерного для природы Нижнего Поволжья. Великолепный рисовальщик, П.Д. Покражевский, чьи рисунки о военных действиях русской армии в первую мировую войну печатались во многих журналах России, экспрессивно и убедительно изобразил ожесточенность происходящих боевых действий на поле битвы под ст. Воропоново».

В газете «Сталинградская правда» от 28 июля 1942 г. находим подтверждение этому факту: в ней сообщалось, что 26 июня в Сталинграде в помещении центрального универмага открылась выставка макетов панорамы «Героическая оборона Царицына», где представлены работы академика живописи В. Бялыницкого-Бируля и художника П. Покражевского. Также сообщалось, что за два дня выставки ее посетило свыше тысячи человек. Необходимо также упомянуть о документальном фильме «Страницы Сталинградской битвы», где есть кадры, когда бойцы проходят по площади Павших Борцов мимо здания Центрального универмага, на котором хорошо видна укрепленная афиша выставки панорам «Обороны Царицына» [9].

Имеются также документы и сообщения в московских газетах о выставке макетов панорамы «Героическая оборона Царицына» в Государственном музее им. Пушкина, где авторами полотен указываются Котов, Покражевский, Френц.

Следует привести сведения из писем сына Покражевского: «Все лето 1940 года отец работал в Сталинграде, выезжал на место боев. Затем в Москве занялся росписью полотна, которое было натянуто на мощные конструкции, перед ним площадка для предметного плана. Все это было приподнято, и ход был снизу. Писалась панорама в Хорошевском поселке в здании, как я помню, какого-то клуба. В одну из первых бомбежек поселок горел, но здание, где работал отец, отстояли. Это я видел все своими

¹³ Воспоминания Николаева хранятся в архиве Волгоградского отделения Союза художников России.

глазами, находясь на дежурстве на крыше 1-го дома Художников. Отцу пришлось переехать в музей изобразительных искусств в египетский зал. Помню открытие здесь всех трех панорам: Котова, Френца и отца. Отец пришел ликующий, его панорама была признана лучшей». Этот же факт сын художника подтвердил и в личной беседе¹⁴.

Упоминание В. Бялыницкого-Бируля в качестве художника-панорамиста у большинства исследователей его творчества вызывает сомнения, поскольку он известен только как пейзажист. Однако, его участие в создании панорамы «Героическая оборона Царицына» подтверждается его вдовой Еленой Алексеевной, а также воспоминаниями Давыдова и Николаева и материалами сталинградских газет. Кроме того, в РГАЛИ найдена справка, выданная Союзом художником Витольду Казтановичу Бялыницкому-Бируля, в том, что он является руководителем группы художников, работающей над панорамой. Зав. отделом русского искусства Государственного художественного музея Белоруссии Я.К. Ресина сообщает, что в некоторых документах, связанных с Бялыницким-Бируля, упоминается его работа над какой-то панорамой. Вероятно, эти работы художника погибли в годы войны, тем более это вероятно, что они находились в 1942 году в Сталинграде.

В воспоминаниях Д. Покаржевского упоминается как участник создания панорамы не Бялыницкий-Бируля, а К. Френц. Факт работы Френца над панорамой упоминают все его биографы, причем говорится, что его эскизы погибли в блокадном Ленинграде и, таким образом, в Сталинграде они быть не могли.

В газете «Вечерняя Москва» от 26 февраля 1942 г. сообщалось о проведении в Москве, в ГМИИ имени Пушкина, выставки макетов всех трех панорам «Героическая оборона Царицына», после чего они были направлены в Сталинград. По-видимому, один из макетов, а именно Френца, не был отправлен по какой-то причине. В Сталинграде же помимо макетов Котова и Покаржевского, возможно, экспонировалась панорама Бялыницкого-Бируля.

Несмотря на тот факт, что панорамы, посвященные обороне Царицына, не сохранились (кроме одной), исследования истории работы художников над этой темой очень важны, т.к. в процессе создания первой советской панорамы были выработаны принципы идеологической, художественной и технической работы, которыми позднее руководствовались и при создании других советских панорам. Многие художественно-композиционные решения, сфор-

¹⁴ Некоторые из личных писем Дмитрия Петровича Покаржевского (сына художника П.Д. Покаржевского) автору данной статьи сданы в научный архив и фонды музея-панорамы «Сталинградская битва», некоторые хранятся в личном архиве.

мированные именно в той первой панорамой работе, мы видим и в других панорамах грековцев, в том числе посвященных и Сталинградской битве.

На сегодняшний день, когда уже исторически советского государства нет, вызывает особый интерес исследование художественной и духовной культуры социалистического времени, где работы над панорамами, посвященными Царицынской обороне, занимают одно из ведущих мест, т.к. тесно связаны с именами не только известнейших художников 30-х годов: М.Б. Грекова, М.И. Авилова, Г.К. Савицкого, Р.Р. Френца, П.Д. Покаржевского, Н.Г. Котова, В.К. Бялыницкий-Бируля, но и с именами видных политических деятелей, которые формировали идеологически-нравственные основы художественной культуры того времени: И.В. Сталина, С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова, Е.А. Щаденко и многими другими, стоявшими у руля власти.

Панорамное искусство за годы советской власти было довольно широко распространено и имело свои достижения и неудачи, свои этапы развития, тесно связанные с историей советского государства и господствовавшей тогда идеологией. Своими специфическими средствами советские панорамы так или иначе способствовали укреплению многих мифов в истории нашей страны, особенно в советский период.

Панорамы, посвященные обороне Царицына и освещение грандиозных работ, связанных по их созданию, занимали одно из главных мест на первом этапе развития советского панорамного искусства. Эти панорамы останутся не только историческим памятником, они войдут в историю культуры как отражение взглядов идеологии времени, когда они создавались, вобрав в себя все достоинства и недостатки целой исторической эпохи. Но все же эти панорамы прежде всего являются произведениями искусства и их изучение поможет понять развитие художественной культуры, техники рисования, построения композиций на первом этапе развития искусства советского времени.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. № 2458.
2. РГАЛИ, ф. № 1996 (Греков М.Б.), ед. хр. 44, лист 123.
3. Борьба (газета Сталинградского крайкома партии). – 1932. – 12 октября. – № 238.
4. Афиша выставки рабочих макетов, эскизов, этюдов и рисунков для художественных панорам, отражающих и обнимающих основные этапы 15-летнего существования Советской страны. – М., 1932.
5. Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации, инв. № 12/5247. Греков М.Б. (Оборона Царицына, х.м., 152 x 401).

6. Луцкий Е.А. Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–20 гг.). Путеводитель по залам № 23, 24, 25, 26 Музея Революции СССР. – М., 1939.

7. Государственный музей-заповедник «Сталинградская битва» (ГМПСБ), инв. № 17729.

8. Правда. – 1938. – 20 апреля.

9. ГМПСБ, Страницы Сталинградской битвы (7 фильмов); фильм 2-й, 2 части, «23 августа», инв. № 3383 нв/ф.

10. Грекова Г.А. Певец подвига. М.Б. Греков. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966.

11. Тимошин Г.А. М.Б. Греков. 1882–1934. – М.: Советский художник, 1961.

12. Левандовский С.Н. Митрофан Борисович Греков (1882–1934). – Л.: Художник РСФСР, 1982.

13. Исаков С.К. Михаил Иванович Авилов. К 30-летию художественной деятельности. – Л.: Ленинградский союз советских художников, 1940.

14. Исаков С.К. Михаил Авилов. – Л.-М.: Искусство, 1941.

15. Новоуспенский Н. Михаил Иванович Авилов. – М.-Л.: Искусство, 1950.

16. Полищук Э.А. Георгий Константинович Савицкий. 1887–1949. – М.: Искусство, 1961.

17. Беспалова Л.А. Петр Дмитриевич Покаржевский. – М.: Советский художник, 1959.

18. Хламинский Ю. Франц Алексеевич Рубо. – М.: Искусство, 1952.

19. Аргументы и Факты. – 1988. – апрель.

*С.А. Приходько***Брянская область в октябре 1917 года:
дневник событий первых дней советской власти**

Поскольку до 5 июля 1944 г. Брянская область юридически не существовала, в настоящей статье идёт речь о населённых пунктах, входящих в современный субъект Российской Федерации. Районы (до 1929 г. – уезды), составляющие Брянскую область, относились в 1917 г. к различным административно-территориальным единицам Российской республики, в том числе к Орловской губернии (отдельные уезды) и Черниговской губернии (большинство уездов).

До Февральской буржуазно-демократической революции большевистских организаций в Брянской области не существовало. В марте-апреле 1917 г. были созданы объединённые комитеты РСДРП, в которые входили как большевики, так и меньшевики. Такие организации возникли в Бежице и Брянске, Дятькове и Клинцах, Новозыбкове и Орле. В мае 1917 г. начался процесс раскола объединённых организаций [1, с. 41].

25 октября (по новому стилю – 7 ноября) сторонники большевиков взяли штурмом Зимний дворец и арестовали министров Временного правительства. С двоевластием было покончено. Теперь вся полнота власти в Российской республике перешла к Петроградскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. О приходе к власти большевиков стали узнавать в глубинке.

25 октября

Информация о свержении Временного правительства была получена в Брянске в 23 часа 25 октября 1917 г. По предложению лидера брянских большевиков И.И. Фокина Брянский совет принял решение о создании Военно-революционного комитета (ВРК). В состав ВРК вошли 5 большевиков, 1 меньшевик и 1 эсер. Его председателем был избран И.И. Фокин. Заместителем председателя стал эсер-максималист Петрище [1, с. 44].

В первые часы после прихода большевиков к власти в Петрограде Брянский комитет РСДРП (б) отправил в Трубчевск литературу и организовал там партийную ячейку [2, л. 27].

Брянский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручил исполнительному комитету создать военный центр для организации боевых

сил и руководства ими на случай выступления контрреволюции. Соответствующим центром стал Революционный штаб Брянского Совета [3, л. 45].

В тот же день в печати было опубликовано обращение Бежицкого Совета рабочих и солдатских депутатов «К населению Бежицы», в котором сообщалось о создании при Совете Комитета спасения революции (ревкома) [4].

Именно 25 октября большинство городов узнало о вооружённом восстании в столице [5, с. 257]. Тем не менее, в Новозыбков новость о свержении министров-капиталистов пришла 26 октября. Труженики города восприняли данное сообщение с огромной радостью [6, с. 30].

Московское областное бюро РСДРП (б) получило сообщение о вооружённом восстании в Петрограде и разослало в провинцию условные телеграммы. В тот же знаменательный день в Брянск пришла телеграмма следующего содержания: «Курсы отложены». Она явилась сигналом к выступлению. Бюро также направило В.Н. Максимовского в Брянск и Орёл для создания оборонительных пунктов на случай наступления контрреволюционных вооружённых сил на Москву [7, с. 253–254].

Получив отправленную Московским областным бюро РСДРП (б) условную телеграмму, Брянский областной комитет РСДРП (б) приступил к действиям. Целями большевиков стали вокзалы и казначейство, почта и телеграф, телефон и штабы воинских частей. По приказу революционного комитета красногвардейские отряды заняли все стратегические пункты Брянска [8, л. 15] и тем самым обеспечили защиту города. Жизнь горожан оставалась стабильной.

Наиболее интересной ситуация являлась в Чернигове. Буквально за день до свержения Временного правительства на I съезде жителей Полесья, проходившем в Чернигове, была провозглашена Полесская (Лесная) республика. Было избраны её руководители. Власть большевиков не была признана делегатами затянувшегося съезда, которые заявили, что Полесская республика стала независимой страной и не будет подчиняться Петроградскому совету.

Какого-либо признания Лесная республика не получила и была упразднена 28 ноября 1917 г., хотя её президент М.В. Соков и премьер-министр О.Д. Будаков не руководили новым государством 10 лет, как это предполагалось в день их избрания. Силowych действий против неожиданно объявленного государственного образования предпринято не было, поскольку в течение месяца о существовании самопровозглашённого государства не знали ни чиновники в Киеве, ни большевики в Петрограде, ни жители самой Черниговской губернии, которые так же внезапно вошли уже в состав Украинской народной республики.

В историю нашей страны Полесская республика вошла в качестве единственного государства, провозглашённого на территории Российской буржуазно-демократической республики в межреволюционный период 1917 г.

26 октября

В Бежице и Брянске быстро установилась Советская власть [9, л. 36–37], но в других городах большевики не сразу добились успеха. К примеру, трудности у сторонников Советской власти возникли в Орле.

Если Брянск и Бежица сразу поддержали новую власть, то в губернском центре, в котором прочные политические позиции имели представители партии социалистов-революционеров и РСДРП (о), большевики встретили сопротивление. Орловский совет рабочих депутатов, находившийся под контролем меньшевиков и эсеров, 26 октября 1917 г. принял резолюцию, осуждавшую захват власти в Петрограде: «Считая, что вооруженное выступление большевиков имеет целью навязать демократии волю меньшинства, что оно, в конечном счете, может привести к срыву Всероссийского Учредительного собрания и крушению революции, исполком Орловского совета РСД и совет крестьянских депутатов резко осуждает тактику большевиков» [1, с. 46].

Бежицкий военно-революционный комитет послал комиссаров на все стратегически важные участки: большевика А.А. Левочкина – на станцию Болва, левого эсера П.В. Алимова – на почту, анархиста И.А.Евдокимова – на телеграф, другого анархиста С.С. Оглоблина – в местный гарнизон [10, с. 107]. Информационное противостояние между анархистами и левыми эсерами, поддержавшими большевиков, и представителями других партий перешло на новый уровень [11].

В 12.00 станцией Брянск была принята из Москвы телефонограмма о низложении Временного правительства и переходе власти Советам. Поздно вечером на станции Брянск был создан ревком [12, л. 100–101].

Брянский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получил телефонограммы от Карачевского, Клинецовского и Рославльского советов телеграммы с просьбой сообщать о событиях в Петрограде и поддерживать с ними регулярную телеграфную связь [12, л. 96, 98–99].

В газете «Брянский рабочий» была опубликована статья «Два съезда», посвящённая открывшемуся II Всероссийскому Съезду Советов [13].

В тот же день было издано в качестве листовки «Воззвание Брянского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В нём сообщалось о победе вооружённого восстания в Петрограде и провозглашении в стране Советской власти. Революционный комитет призывал трудящихся города и

уезда проявлять революционную бдительность и быть на страже завоеваний революции [14].

В Трубчевск пришло телеграфное сообщение о создании в стране нового кабинета министров – Совета народных комиссаров. Принадлежавшие помещикам библиотеки, книги и рукописи стали браться под контроль и национализироваться.

27 октября

Военно-революционный комитет обратился к Петроградскому совету с письменной просьбой (отношением №1334 за подписью Ф.Э. Дзержинского) выдать в качестве займа (заимообразно) 12 тысяч рублей на расходы посылке в регионы 400 агитаторов. В течение месяца в Орловскую губернию были направлены 14 агитаторов, до Черниговской губернии добрались 8 агитаторов. Большинство агитаторов составляли представители рабочего класса, хотя посылались также матросы и солдаты [15, с. 68].

В тот же день в Новозыбкове был создан Революционный штаб, просуществовавший несколько месяцев и функционировавший параллельно с Советами. Именно Революционному штабу принадлежала реальная власть в городе.

28 октября

Революционный комитет Брянского совета разъяснял военным властям, что все приказы начальника гарнизона подлежат исполнению, если они подписаны комиссарами ревкома [3, л. 46].

В газете «Брянский рабочий» опубликовано воззвание военно-революционного комитета при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов «К населению Петрограда» [16].

Действия большевиков подвергли критике в некоторых Советах Черниговской губернии, в которых доминирующими политическими силами являлись меньшевики и правые эсеры. 28 октября 1917 г. Карачевский совет осудил переворот в Петрограде. Негативное решение Советом было принято под влиянием меньшевиков и правых эсеров [17, л. 57]. Вероятно, до конца 1917 г. в органах власти Карачева вообще не было большевиков.

29 октября

В газете «Брянский рабочий» были опубликованы доклад В.И. Ленина на заседании Петроградского совета 25 октября и воззвание военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов «К гражданам России». В воззвании сообщалось об аресте Временного

правительства и переходе государственной власти к Военно-революционному комитету [18].

Активную агитацию по-прежнему вели анархисты среди местных рабочих, устраивали митинги и собрания. 29 октября 1917 г. анархистами группы «Хлеб и воля» был устроен митинг в память 30-й годовщины казни анархистов в Чикаго [19].

30 октября

Революционный штаб Брянского совета заслушал доклады с мест, обсудил вопросы об учёте оружия и организации вооружённых отрядов для защиты революции [20, л. 1].

Влияние большевиков росло и за пределами современной Брянской области. 30 октября на Болховском уездном съезде Советов все 43 избранных делегата оказались коммунистами [21, л. 11; 22, л. 100].

31 октября

В тот день состоялись заседания Бежицкого и Брянского Советов. На них с докладами выступили делегаты II Всероссийского съезда Советов. В ходе заседаний шли споры между представителями различных партий. Лидер бежицких меньшевиков Д.В. Тернавский и эсер И.Д. Ульянов обвинили большевиков в узурпации власти, но большинство депутатов не поддержало их мнение. Советы направили резолюции с приветствиями рабочему классу Петрограда [23, с. 88].

На заседании Бежицкого совета Д.В. Тернавский назвал большевистское выступление «авантюрой». И.Д. Ульянов заявил, что коммунисты долго у власти не продержатся, так как народные массы «сметут» их, как «смели» Временное правительство [24, л. 40]. Мнения противников партии большевиков не были учтены. Бежицкий совет рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад Г.К. Шоханова об итогах работы II Всероссийского Съезда Советов и одобрил принятые Съездом декреты и постановления [24, л. 40–41].

В тот же день в газете «Брянский рабочий» были опубликован декрет о мире, принятый II Всероссийским Съездом Советов [19].

Брянский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов заслушал доклад М.М. Кулькова об итогах работы II Всероссийского Съезда Советов и одобрил принятые Съездом декреты и постановления. На том же заседании И.И. Фокин был избран председателем Брянского Совета [25, л. 39].

Также удалось создать Льговскую поселковую организацию РСДРП (б), позднее реорганизованную в Фокинскую организацию КПСС Брянска.

На территории Трубчевского уезда была сформирована Уручьевская организация РСДРП (б) [26, л. 24].

Справедливости ради следует подчеркнуть, что ещё до Великой Октябрьской социалистической революции в ряде населённых пунктов Орловской и Черниговской губерний власть полностью или частично уже принадлежала большевикам. Летом 1917 г. были учреждены Новозыбковская и Клинцовская организации РСДРП (б) [27, с. 56, 59]. Уже в июле 1917 г. в Новозыбкове заседал революционный комитет. В городе на стене 10-го дома на площади Октябрьской революции размещена соответствующая памятная доска.

С 25 по 31 октября 1917 г. знамя Октября было поднято в 31 центральной губернии [5, с. 259]. Безусловно, после устранения большевиками с политической арены враждебного кабинета министров перестройка системы управления значительно ускорилась. Оформление органов Советской власти продолжалось в других регионах необъятной страны. Упорное сопротивление монополизации власти со стороны большевиков оказывали различные политические силы.

Список источников и литературы

1. Кляченков Е.А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (1917 год – вторая половина 1920-х годов): дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2014. – 247 с.
2. Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИ БО). Ф. 8283. Оп. 1. Св. 1. Д. 3.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 1616. Оп. 1. Д. 9.
4. Брянский рабочий. – 1917. – 25 октября.
5. Ерыкалов Е.Ф., Камешков Б.Н. Ленинский ЦК – штаб Великого Октября. – Л.: Лениздат, 1977. – 280 с.
6. Вольный А.Г. Новозыбков. – Тула: Приокское книжное издательство, 1989. – 141 с.
7. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). Документы и материалы. – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 577 с.
8. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 36.
9. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 194.
10. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. Сборник документов. – Орел: Орловская правда, 1957. – 354 с.
11. Киселева Е.В. Формирование образа Советской власти средствами агитации и пропаганды (октябрь 1917 г. – 1920 г.) (на материалах Орловской и Брянской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Брянск: БГУ, 2011. – 231 с.

12. ГАБО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 5.
13. Брянский рабочий. – 1917. – 26 октября.
14. Брянский государственный объединённый историко-революционный музей (БМ).
15. Документы великой пролетарской революции (ДВПР). – Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского совета. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 68. Документ № 89.
16. Брянский рабочий. – 1917. – 28 октября.
17. ГАБО. Ф. Р–526. Оп. 1. Д. 3.
18. Брянский рабочий. – 1917. – 29 октября.
19. Брянский рабочий. – 1917. – 31 октября.
20. ГАБО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 33.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–393. Оп. 3. Д. 20.
22. ГАРФ. Ф. Р–393. Оп. 24. Д. 7.
23. Крашенинников В.В. История Брянского края. XX век. – Клинцы: Издательство Клинцовской городской типографии, 2003. – 450 с.
24. ГАБО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2.
25. ГАБО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 21.
26. ЦДНИ БО. Ф. 1. Оп. 1. Св. 4. Д. 90.
27. Очерки истории Брянской организации КПСС (ОИБО КПСС). – Тула: Приокское книжное издательство, 1982. – 541 с.

Мисте Хотонн-Рике, Руперт Кайзер

Татарский светильник из Гарделегена: частные миры Первой мировой войны

Наиболее известным немецко-татарским артефактом времен Первой мировой войны, подтверждающим общую историю, является светильник с татарской резьбой, созданный в татарской столярной мастерской руками военнопленных Вюнсдорфского лагеря¹ для ратуши ганзейского города Гарделегена.

«Татарский светильник» был найден Рупертом Кайзером² в ходе инвентаризации, он же рассказал нам историю появления данного предмета в Гарделегене³.

В 1914–1917 гг. ратуша Гарделегена была перестроена, по старым планам, признанным специалистом по городским средневековым ратушам, профессором архитектуры Отто Штилем, и приобрела свой нынешний облик.

¹ Вюнсдорфский лагерь был организован в начале 1915 г. для содержания военнопленных-мусульман из России, Великобритании, Франции, располагался в 40 км. от Берлина. Лагерь имел пропагандистский характер. Основная цель пропаганды – формирование отрядов военнопленных-мусульман для борьбы против стран Антанты – не имела успеха у заключенных. В лагере содержалось 15 тысяч военнопленных, среди них было много татар. На кладбище Вюнсдорфского лагеря сохранился памятник, поставленный по инициативе и на средства военнопленных-татар, в память об умерших товарищах. Лагерь был расформирован в мае 1922 г. – *прим. научн. ред.*

² См.: Kaiser, Rupert, Bibliothekar und Kabarett-Wissenschaftler, publizierte das erste Mal über den sogenannten Tatarenleuchter im Gardelegener Stadtmagazin: Aus der Geschichte der Hansestadt. Der Tatarenleuchter von Gardelegen. In: Friedrichs, Helmut [Hrsg.]: Stadtspiegel Gardelegen, Nr. 201 / Oktober 2015, S. 7. Auch online unter URL: https://issuu.com/stadtspiegelgardelegen/docs/stadtspiegel_oktoberpdf_klein_1_ [5.2.2017].

³ Дальнейшие сведения базируются на заявлении, сделанном господином Кайзером на прошедшей 10 января 2017 г. в городском музее Гарделегена пресс-конференции, на его письме автору данной статьи и на публикации газеты «Stadtspiegel» от 01.17.2017.

В результате увеличения крыши городской ратуши на четыре метра, удалось создать широкий фронтон со стороны городского рынка и тогдашней Магдебургской улицы (современная улица Эрнста Тельмана). В результате удалось вновь сделать доступным для обозрения замурованные более 150 лет аркады со звездчатым сводом и исторический кирпичный пол.

Подвал ратуши не был включен в план реконструкции, так как в тот период он был арендован городским оптовым поставщиком вина. Так план профессора Штиля по созданию в подвальном помещении таверны в соответствии историческими данными пока остается не реализованным. Та же участь, но по финансовым причинам, постигла разработанные профессором Максом Кутшманном (1871–1943) фрески из истории Гарделегена для залов ратуши.

В результате побеленный зал городской ратуши украсили только покрашенные в бронзу с золотом две деревянные звездообразные люстры и двенадцать маленьких светильников. Все эти светильники были подарены бывшим жителем Гарделегена Максом Нёггерафом⁴. Под каждым светильником присутствует надпись: «Пожертвовано в день возвращения торговой подводной лодки «Германия». 23 августа 1916. Макс Нёггераф, Ганновер».

Наш экспонат, так называемый татарский светильник (**Рис.5**), предположительно находился в прихожей под аркой. На нём вырезана надпись: «*Меня сконструировал и поставил – архитектор – профессор О. Штиль, Штеглиц-Цоссен. Меня вырезал в 1916 г. военнопленный из лагеря Вайнберг-Цоссен казанский татарин Назибулла*»⁵. Этот человек, возможно, являлся тем заключенным из лагеря в Вюндорфе, указанным на мемориальной пли-

⁴ Нёггераф, Макс Теодор Пауль (* 18.12.1859 в Gardelegen, † 30.08.1924 в Ганновере) женился 10.04.1890 в Гарделегене на Ганни Конрадине Уилелмине Огюсте Вильгельмине Августе Гермине Шварцлозе (* 12.12.1870 в Гарлегене, † 11.15.1924 в Ганновере). Макс происходил из семьи лютеран, был сыном Густава Адольфа Теодора Нёггерафа (* 01.09.1822 в Гарделегене, † 10.20.1866 в Гарделегене) и Иоанны Марии Софии Эмилии Гаузвальд (* 01.01.1837 в Брауншвейге, † 19.10.1900 в Ганновере).

⁵ В 2017 г. люстра, сделанная в 1916 г. военнопленным – казанским татаринцом Насибуллой, экспонировалась в Казани в Музее исламской культуры мечети Кул-Шариф в рамках выставки «Турки, мавры, татары – мусульмане Пруссии и Германии». Выставка была организована Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, совместно с Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Казанский Кремль» и Институтом кавказских, татарских и туркестанских исследований (ICATAT). В Казани выставку представил музей истории Бранденбург-Пруссии города Вустрау. – прим. научн. ред.

те, как умерший 24.01.1917 Назибулла Хафизов, и похороненный в квадрате «G» татарского кладбища. Но, согласно представленным в сети архивным данным «Народного Союза Германии по уходу за военными могилами» на кладбище для военнопленных в Вюнсдорфе-Церенсдорфе в квадрате «R» в могиле № 853 покоится, умерший 13.11.1918, ещё один татарин под именем Назибуллах⁶.

Резной светильник, безусловно, является единственным из сохранившихся предметов интерьера ратуши, существовавшего в период с 1916 по 1959 г. Скорее всего, данный светильник является единственным дошедшим до нас изделием, созданным в лагере Вайнберг-Цоссен. В 1959 г. молодому социалистическому государству ГДР захотелось избавиться от всех вещей «империалистического» прошлого. Поэтому при реконструкции гарделегенской ратуши были уничтожены все свидетельства прошлого. Не пощадил даже резные деревянные светильники. Их попросту выбросили в окно. Однако, этот татарский светильник был спасен тогдашним директором городского музея, доктором Эдвином Ниттером. Он был уведомлен горожанами Гарделегена об этой акции уничтожения культурных ценностей, и поспешил на ратушную площадь, где смог спасти из образовавшейся кучи мусора лишь этот небольшой резной светильник.

По конструкции этот светильник был близок к уничтоженным в 1959 г. и сделанным в вайнбергской татарской столярной мастерской другим большим люстрам. Однако, чтобы доказать это необходимо исследовать архивные материалы.

Архивные материалы тоже создаются людьми:
как Шафик превратился в Ивана.

Кроме того еще предстоит проанализировать документы кладбища и концлагеря в Вюнсдорфе на предмет определения этнической принадлежности захороненных здесь военнопленных. Примечательно, что надпись на люстре четко указывает на ее связь с казанскими татарами, в то время, как правило, бывает крайне сложно выявить этническую принадлежность военнопленных, поскольку немецкие власти группировали их по религиозному принципу, объединяя в специальные лагеря и всех мусульман многонационального российского государства, определяли их по гражданству – «русски-

⁶ Адрес доступа базы данных архива военных кладбищ: [http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2\[gid\]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb](http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2[gid]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb) (12.3.2017).

ми». Поэтому на немецких военных кладбищах, также как и в Гарделегене, под надгробиями с надписью «русский солдат» могли быть захороненными тысячи представителей нерусских народов России.

Например, в списке погребенных в Гарделегене обозначены, как «русский»: Шагержан Бишмухаметов (могила № 258 – умерший 12/07/1915 г. в Циенау, солдат 86-го пехотного полка); Микиан Мухамеджанов (могила № 374 – родившийся 12/15/1867 г. и умерший 12/07/1918 г. в Циенау, рядовой 103-го пехотного полка); Мутали Толубаев (могила № 388 – умерший в Циенау 05/09/1919 г. рядовой 29-го кавалерийского полка); Гарифула Гассино (могила № 391 – умерший в Циенау 31/12/1919 г. рядовой 187-го пехотного полка) и так называемый «Иван Нассикофф»⁷. 19 умерших военнопленных русской армии исламского вероисповедания, первоначально захороненные на городском кладбище, после Первой мировой войны по решению городской администрации, были перезахоронены на кладбище для военнопленных Гарделегене-Циенау. В соответствии со списками перезахоронных солдат «Иван Нассиков» был обозначен как «русский» (дата смерти 01/04/1915; 103-й русский пехотный полк, 18 страница, 4-я строка в списке погребенных). При этом, стоящий на городском кладбище мемориальный камень с точно такими же данными (103-й русский пехотный полк / † 01.04.1915) указывает на мусульманское имя этого солдата – «Шафик Нассиков».

После того как грибники случайно обнаружили это забытое кладбище для военнопленных и сообщили о находке в администрацию города, осенью 2015 г. произошло новое перезахоронение остатков. После длительных административных споров между представителями ганзейского города Гарделеген, администрацией федеральной земли Саксонии-Анхальт и Национальной ассоциацией военных кладбищ Германии, в присутствии городского мэра Мэнди Цэпиг и российского дипломата Николая Аврамова 13 ноября 2015 г. нашли свой покой 197 павших в Первую мировую войну солдат Российской и 27 павших во Вторую мировую войну солдат Красной армии. Христианские религиозные общины были представлены пастором евангелистской церкви Гарделегена Мартином Гётцки, протоиреем Русской Православной Церкви в Магдебурге Борисом Устименко и пастором католического прихода Св. Хилдегарда (Гарделеген, епископство Дрезден-Мейсен) Андреас Лоренц. К сожа-

⁷ За уточнение списков захороненных мы благодарим представителя «Народного Союза Германии по уходу за военными могилами» в Гальбе, Бранденбург, господина Иоахима Козловского.

лению, не присутствовали при перезахоронении остатков на новом месте, представители исламской и иудейской религиозных общин.

Из различных источников нам известно только о бедственном положении русских военнопленных. Тогда, как в Гарделегене захоронены и представители татарского и других мусульманских народов, входивших в состав многонациональной Российской империи⁸. О пребывании последних напоминает теперь и музейный экспонат – татарский светильник из Гарделегена.

Перевод с немецкого языка Т.Ф.Хайдарова.

⁸ Friedrich, Jana: Gedenkstunde für Gefallene des 1. und 2. Weltkrieges. In: Stadtspiegel, Gardelegen, Nr. 11, Dezember 2015, S. 10–11; Schmidt, Stefan: Gedenkstunde: Umbettung russischer Kriegsgefangener auf Gardelegener Friedhof. In: Altmark-Zeitung, 14.11.2015; ders.: Totenbuch erinnert an gestorbene Russen. In: Altmark-Zeitung, 18.11.2015; Schulz, Wally: Torso eines Denkmals wiedergefunden. In: Altmark-Blätter, Nr. 48, 26.11.2016, S. 189–191; Ilka Marten: Konzept für neue Kriegsgräberstätte steht. In: Volksstimme, 10.11.2015; Cornelia Ahlfeld: „Wir brauchen jetzt die Hilfe der Politik« und Gräbergesetz. In: Volksstimme, 31.1.2015; diess.: Waldfriedhof: Umbettung der Toten von Zienau. In: Volksstimme, 30.5.2015; Schmidt, Stefan: Den Gefangenen Namen geben. In: Altmarkzeitung, 23.6.2016.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВА

УДК 94(470.41-25)"1917"

Л.А. Бушуева

В поисках путей модернизации: Казанский университет и преобразования в высшей школе в 1917 г.

Комитет государственной думы, пришедший к власти в стране в результате февральских событий 1917 г., с особым вниманием отнесся к системе высшего образования. Так, почти сразу произошли кардинальные перемены в составе Министерства народного просвещения. Министра Н.К. Кульчитского сменил бывший ректор Московского университета А.А. Мануйлов – один из лидеров партии кадетов. Обязанности его заместителя были поручены бывшему либеральному ректору Петроградского университета Д.Д. Гриму, который сместил с этой позиции В.А. Удинцева [1, с. 315].

Уже 11 марта 1917 г. новое министерство выпустило постановление о возвращении в высшие учебные заведения преподавателей, «уволненных за политическую деятельность при прежнем режиме». Назначенные в учебные заведения после 27 августа 1905 г. без согласия университетских факультетов и совета, напротив, подвергались увольнению [2, с. 3]. Инициатором этого шага являлся министр А.А. Мануйлов, уволенный с поста ректора Московского университета в 1911 г. при министерстве Л.А. Кассо.

В Казанском университете назначенцами Л.А. Кассо были исполняющий должность профессора философии И.И. Ягодинский, профессор Д.П. Шестаков и профессор К.В. Харлампович. Не дожидаясь предложения факультетского начальства, И.И. Ягодинский поспешил подать прошение об отставке. К.В. Харлампович и Д.П. Шестаков остались в университете, так как были переизбраны на свои же кафедры. На заседании совета 10 мая вместо И.И. Ягодинского на кафедру философии историко-филологический факультет избрал приват-доцента Московского университета В.Н. Ивановского, до

1914 г. уже преподававшего в Казанском университете [3, с. 298]. В отличие от других университетов (Московского, Томского), состав администрации в Казанском университете не изменился. На ректорском посту остался профессор Г.Ф. Дормидонтов.

Весной 1917 г. началась работа комиссий Министерства народного просвещения по реформе в системе высших учебных заведений, в мае был создан Государственный комитет по народному образованию – общественный орган при Министерстве народного просвещения для разработки нового законодательства. На повестку дня были поставлены такие вопросы, как изъятие университетов из введения попечителей учебных округов, расширение самостоятельности профессорских советов, восстановление должности штатных доцентов, упраздненных университетским уставом 1884 г. Под давлением студенческого движения началось обсуждение вопроса о возможном представительстве учащихся в управлении высшими учебными заведениями. В Казанском университете уже в конце марта 1917 г. студенты медицинского факультета потребовали участия в факультетских заседаниях. Вскоре к ним присоединились учащиеся других факультетов с требованием решающего голоса в профессорском совете. Большинству казанских преподавателей эти притязания казались возмутительным легкомыслием и ребячеством. Дать молодым людям право голоса в таких вопросах, как выборы преподавателей, утверждение учебных программ, а также присвоение ученых степеней, по мнению профессорского сообщества, означало бы довести до абсурда автономию университета. За участие студентов во всех университетских делах открыто высказывался только профессор физико-математического факультета В.В. Лепешкин. Призывая коллег быть более гибкими и следовать велению времени, он отмечал: «Жизнь не ждет, мы видим, что различные общественные учреждения, носящие временный характер, конструируются без какого-либо особого законопроекта (Комитет общественной безопасности в Казани, например). Поэтому, как временную меру, мне кажется, вполне целесообразно ввести представителей от студентов в факультетские и советские собрания» [4, л.14]. Однако коллегия отвергла это предложение, категорически не желая нарушать привычный порядок университетского управления. Привлекать учащихся казанские преподаватели намеревались только по студенческим вопросам.

Окончательное решение о представительстве студентов в университетском управлении было вынесено в июне 1917 г. на совещании представителей высших учебных заведений России. Совещание постановило, что «студенты не могут быть допускаемы в качестве постоянных членов» в совет,

факультеты и правление, а для взаимодействия с учащимися преподавателям было рекомендовано создать специальные комиссии.

В апреле 1917 г. Министерство народного просвещения Временного правительство начало обсуждение изменений условий приема учащихся. Оно предлагало расширить их контингент, допустив в университеты не только выпускников классических гимназий, но и воспитанников коммерческих, сельскохозяйственных и земледельческих училищ, а также решить пресловутый «женский вопрос», открыв доступ в университеты женщинам. В Казанском университете безоговорочно приняли эту инициативу только преподаватели физико-математического факультета. Остальные, формально согласившись с предложениями правительства, высказались за обязательное вступительное испытание по латинскому языку, обучали которому только в классических гимназиях. Профессора историко-филологического факультета вообще заявили о приоритетном принятии в число студентов исключительно юношей, ссылаясь на то, что в Казани функционируют Высшие женские курсы, где девушек обучают университетские преподаватели по программе историко-филологического факультета [5, л.4]. Правила приема студентов, требовавшие знания латинского языка, и были узаконены на следующий 1917/1918 учебный год. Позднее они распространились на медицинский факультет и в дальнейшем строго соблюдались [6, с.149]. Таким образом, казанская профессура в отношении своих воспитанников решительно отстаивала давние академические традиции и в целом поддерживала политику кабинета А.А. Мануйлова по сдерживанию демократизации университетской системы «снизу». Однако в других общественных кругах звучали неодобрительные оценки в адрес Министерства народного просвещения. «Вступив на престол, изгнал 75 профессоров... собрал съезд гимназистов и упразднил буквы "Ъ"... Вот и вся деятельность этого министерства. А сколько было трубных звуков и рукоплесканий при вступлении в министерство», – подводил неутешительный итог профессор Московского университета М.М. Богословский [7, с.191].

Неудовлетворенность мерами Временного правительства также спровоцировало «полевение» определенной части казанских студентов. В это время такие лидеры казанских учащихся, как И. Волков и Г. Олькеницкий, окончательно разорвали связи с университетской средой и посвятили себя профессиональной революционной деятельности в радикальных социалистических партиях. Главным объектом их пропаганды стали рабочие, а не студенты.

Катастрофическое ухудшение состояния страны в течение весны-лета 1917 г. вносило свои коррективы в планы реформирования высшей школы.

Еще в апреле 1917 г. М.М. Богословский писал в своем дневнике: «Временное правительство – все же некоторый последний устой и символ порядка. Но оно власть без власти. Его никто не слушает и знать не хочет...» [7, с. 176]. В связи с кризисами Временного правительства на протяжении нескольких месяцев неоднократно менялся состав Министерства народного просвещения. В июле 1917 г. А.А. Мануйлова сменил академик С.Ф. Ольденбург, а в августе 1917 г. министерство народного просвещения возглавил профессор С.С. Салазкин.

Последний состав министерства действовал в сложнейших условиях наступления германских войск, в том числе и на такие российские университетские центры, как Петроград и Юрьев. Тяжелейшая обстановка, в которой приходилось работать министерским чиновникам, красноречиво описана в воспоминаниях профессора Киевского университета Е.В. Спекторского о его визите к С.С. Салазкину: «Петербург производил зловещее впечатление. Днем по городу носились автомобили с вооруженными седоками более или менее ломбровского вида. Вечером город погрузился во мрак во избежание неприятельского воздушного нападения... Министр принял нас всех сразу. Выслушав наши жалобы, он бессильно развел руками, чтобы нас утешить, сказал, что чего доброго его самого вскоре заставят выйти с метлой подметать улицы. Служитель принес всем нам стаканы с пустым жидким чаем. Министр замялся. Вынул из жилетного кармана коробочку с крохотными кусочками сахара и протянул ее нам. Каждый из нас взял всего по кусочку, выбирая самый маленький» [8, с. 108–133].

Чиновниками было принято решение перенести начало 1917/1918 учебного года на 2 октября и начать эвакуацию учебных заведений Юрьева и Петрограда. Юрьевский университет переправил свое имущество в Пермь, Нижний Новгород и Воронеж. В Перми же началась организация отделения Петроградского университета. Так же в срочном порядке министерство пыталось решить вопрос о продолжении обучения петроградских и юрьевских студентов в других российских вузах. В телеграмме от 20 сентября 1917 г. товарищ министра народного просвещения В.И. Вернадский просил администрацию Казанского университета в «пределах фактической возможности» допустить таких лиц к занятиям и зачетным работам и экзаменам в качестве вольнослушателей, а также срочно сообщить о числе вакансий для студентов Петрограда и Юрьева [4, л. 30–32]. Казанский университет готовился принять 100 человек на первый и второй курсы физико-математического факультета, на четвертый и пятый курсы медицинского факультета, и до 100 слушателей на историко-филологический и юридический факультеты.

Осенью 1917 г. произошло значимое событие в жизни младших преподавателей. В Казани эта часть университетской коллегии составляла почти половину преподавательского состава университета и несла существенную учебную и научную нагрузку. Однако до 1917 г. младшие преподаватели не играли никакой роли в университетском управлении. С середины сентября 1917 г. приват-доценты, имеющие ученую степень или работавшие в университете не менее трех лет, были переведены в должности штатных доцентов. Доценты, читающие обязательные учебные курсы, допускались к участию в факультетских и советских заседаниях с правом решающего голоса, за исключением выборов профессоров и преподавателей и присуждения ученых степеней. Однако эти перемены, которых младшие преподаватели ждали долгие годы, в условиях нараставшего кризиса, остались практически незамеченными.

Реакция Казанского университета на свершившийся Октябрьский переворот последовала далеко не сразу. В первые месяцы Казанский университет игнорировал новую власть. В это время он практически жил самостоятельной жизнью. Профессорский совет и факультетские собрания продолжали обсуждать планы приема студентов на следующий год и кандидатов на вакантные кафедры, распределяли учебную нагрузку, фиксируя свои решения на бланках уже не существующего Министерства народного просвещения Временного правительства. С другой стороны, как отмечают историки Казанского университета, самим большевикам «не было никакого дела до высшей школы. Они были слишком озабочены решением политически более важных, более неотложных... проблем» [6, с. 152]. Первые контакты Казанского университета и новой власти начались только в начале 1918 г. Большое влияние на их дальнейшие взаимоотношения оказала Гражданская война, одним из драматичных эпизодов которой являлось бегство профессоров и преподавателей вместе со сторонниками Комитета Учредительного собрания в сентябре 1918 г. Эти события и приблизили «красногвардейскую атаку» на Казанский университет, итогом которой стала его кардинальная перестройка.

Список источников и литературы

1. Университет и город в России (начало XX века). – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 784 с.
2. Циркуляр попечителям учебных округов // Дело народа. – 1917. – 17 марта.
3. Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. – Т. 2. – Казань: Издание Казанского ун-та, 1930. – 211 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13415.
5. НА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 13409.
6. Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 гг. // Очерки истории Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – С. 149–165.
7. Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. – М.: Время, 2011. – 423 с.
8. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. – 2013. – № 4(122). – С. 108–133.

И.Е. Крапоткина

Российское образование в 1917–1918 учебном году: сохранение наследия или формирование новой школы

В современном обществе возрос научный и практический интерес к проблемам повседневной истории, что даёт возможность значительно расширить проблематику исследований. Через повседневность ярче преломляются многие процессы, происходящие в обществе. В кризисное время – революционные события, военный период – острее проявляется и ощущается отношение человека к тому, что его окружает, что происходит вокруг него. Развитие образования и просвещения в России в начале XX в. также позволяет определить реакцию на происходящие события, выявить включённость в них как всей системы, так и отдельных представителей педагогического сообщества.

Особый интерес представляют периодические издания, которые на страницах своих журналов бурно обсуждали наиболее актуальные вопросы и проблемы, связанные с российской школой. В данной статье анализируются публикации, вошедшие в «Вестник воспитания» за 1917 год. Журнал являлся авторитетным дореволюционным педагогическим изданием, авторы освещали актуальные проблемы народного образования и просвещения, старались объективно подходить к тем событиям, в которых развивалась революционная Россия.

Внутриполитические противоречия и обстоятельства внешней политики, в которых оказалась Российская империя к 1917 г., втянули в проблемное поле администрацию учебных заведений, учителей, учащихся, родителей.

Педагогическая интеллигенция придерживалась мнения, что радикально изменившийся строй Российского государства должен привести к коренной реорганизации народного образования. При этом отмечалось, что нельзя безоговорочно отказываться от накопившегося опыта и педагогической преемственности [1, с. 58–60]. «Необходимость сохранить, оберечь и упрочить старые ценности диктуется не только простой экономикой, но и важностью последовательного исторического развития школьного дела... Все эти элементарные истины приходится указывать по той причине, что психология революционных моментов вообще имеет тенденцию их игнорировать» [1, с. 60–61].

«Долой старую царскую школу!», «Да здравствует новая свободная школа!» – эти лозунги стали актуальными среди передовой молодёжи и революционно настроенного учительства. При этом одномоментный отказ от тех

элементов образовательной системы, которые выстраивались царским правительством и министерством просвещения на протяжении XIX – начала XX в., мог привести к непоправимым последствиям. Это всерьёз осознавали и представители педагогического сообщества.

Министерство просвещения и администрация учебных округов в лице попечителей прилагали все усилия для того, чтобы оградить учебные заведения от революционного влияния. Например, в Казанском учебном округе образовательный процесс шёл в соответствии с выработанным расписанием. О случаях волнений или антиправительственных мероприятиях, в которых могли участвовать педагоги и ученики, в официальных документах речи не велось. Дирекции народных училищ и окружные инспекторы, согласно предписаниям попечителя М.М. Ломиковского, любыми способами «отвлекали» учащихся от политических проблем: проводились «репетиции» пробных экзаменов, организовывались подвижные игры на гимнастических площадках, принадлежащих учебным заведениям; в каникулярное время работали ученические библиотеки; для неуспевающих учеников были спланированы групповые занятия [2].

Под предлогом передачи больших управленческих полномочий попечителям, в течение 1916–1917 учебного года министерство начинает только наблюдать за той ситуацией, которая развивалась в учебных округах. 24 марта 1917 г. от товарища министра просвещения О.П. Герасимова на имя попечителя Казанского учебного округа пришла телеграмма, в которой отмечалось, что администрация округа и начальники учебных заведений должны предоставлять в министерство сведения о ходе учебных занятий лишь тогда, когда они нарушены [3].

Уже летом 1917 г. никакие мероприятия руководящего состава Казанского учебного центра не могли уберечь округ от революционного влияния и последующей реорганизации всей системы просвещения.

Исполняющий обязанности попечителя Казанского учебного округа С.И. Любомудров в письме от 4 июля 1917 г. сообщал товарищу министра просвещения О.П. Герасимову, что ситуация в Управлении Казанского учебного округа очень тяжёлая. Привлечь сотрудников на работу в каникулярное время не удалось. Всю работу вели два человека – сам Любомудров и окружной инспектор Васильев [4].

К осени 1917 г. в Управление округа стали поступать представления от Педагогических советов учебных заведений о решении закрыть училища и отпустить учащихся на Рождественские каникулы, возобновив занятия с января 1918 г. [5].

29 ноября 1917 г. Управляющему Казанским учебным округом Председатель Педагогического совета Казанской 4-ой женской гимназии, учреждённой

В.А. Ряхиной, сообщал, что 27 и 28 ноября занятия не велись. Собрание родителей приняло решение не отпускать детей в гимназию «в эти тревожные дни, тем более что по соседству с гимназией происходили митинги, на которых шла ожесточённая партийная борьба» [6]. Педагогический совет принял решение о том, что занятия будут завершены 21 декабря 1917 г. Рождественские каникулы продлятся до 8 января 1918 г. От родителей всё чаще поступали жалобы на то, что преподаватели уклоняются от исполнения своих непосредственных обязанностей, плохо знают предмет [7]. Эти примеры свидетельствовали о том, что учебное ведомство уже не могло контролировать ситуацию.

«Неуверенность и шаткость положения школы проистекали из условий, в которых находилось высшее руководство просвещением. Там царило безначалие, отсутствие твёрдой и ясной деловой политики. Деятельность ответственных руководителей была парализована» [8, с. 24]. Попечители учебных округов постепенно оказались изолированными и от учебных заведений, и от министерства просвещения. Устранение окружных инспекторов, директоров и инспекторов народных училищ привело к тому, что попечители остались без служебной помощи в административно-учебных делах [8, с. 25]. Необходимость в данной должности сама собой ушла на второй план.

Вопрос о полном или частичном закрытии учебных заведений особо был актуален для Москвы и Петрограда по причине затруднений с продовольствием и топливом [9, с. 53]. Учебное руководство вынуждено было прервать занятия с декабря 1917 г. по февраль 1918 г., возобновив учебный процесс во время пасхальных и летних каникул. Надежды возлагались на то, что в это время школы не будут подвергаться никаким реформам и экспериментам, что сохраняться минимальные программные требования к предметам [9, с. 54].

Педагогическая интеллигенция и те, кому была небезразлична дальнейшая судьба отечественной системы образования, высказывались за то, чтобы в сложившейся ситуации временно приспособить старые формы школьного дела к сложившимся условиям, оставить без кардинальных изменений учебные планы и программы, постараться сохранить педагогический коллектив, тех учителей, кто зарекомендовал себя как опытный педагог. Необходимость сохранения наработанных образовательных ценностей была продиктована также важностью последовательного исторического развития школьного дела. Формирование новой системы образования и просвещения требовало много времени и усилий. Успешная реализация коренного преобразования школы могла состояться при условии, когда окружающая школу жизнь, потрясённая войной и революцией, будет приближена к стабильности. При этом немаловажно было сформировать структуры управления системой образования.

1917–1918 учебный год стал переходным периодом в развитии отечественного образования и просвещения. Попытки сберечь от полного развала школу оказались более важными, чем лозунги полного обновления образовательной системы.

Список источников и литературы

1. Роков Г. Руководящие задачи школьной политики в 1917/18 году // Вестник воспитания. – 1917. – № 6–7. – С. 58–92.
2. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 92. Оп. 2. Д. 23973. Л. 47–47 об.
3. НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25460. Л. 168.
4. РГИА (Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург). Ф. 740. Оп. 18. Д. 214. Л. 71–72 об.
5. НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25460. Л. 18, 23, 30.
6. НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 25409. Л. 27–28.
7. НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 24837. Л. 5–7.
8. Хроника // Вестник воспитания. – 1917. – № 6–7. – С. 24–47.
9. Вопрос о закрытии школ // Вестник воспитания. – 1917. – № 6–7. – С. 53–54.

Л.Р. Муртазина

Совет властеның беренче елларында татарлар арасында укый-яза белмәүчелекне бетерүнең кайбер мәсьәләләре (ТАССР мисалында)¹

Гомуми белем дәрәжәсе – теләсә кайсы милләтнең һәм жәмгыятьнең мәдәни үсешен билгеләүче төп билгеләрнең берсе. Россиядә XIX гасыр ахыры – XX гасыр башында белемлелек дәрәжәсе шактый түбән булу Октябрь революциясеннән соң яшь Совет хөкүмәте алдына иң беренче һәм әһәмиятле мәсьәләләрнең берсе итеп халыкның грамоталылык дәрәжәсен күтәрү бурычын куюга сәбәп була. Ләкин бу өлкәдә үзгәрешләрне бары тик революция казанышы буларак кына карау дәрәжә булмас. Бигрәк тә татар халкына мөнәсәбәттә. Чөнки XIX гасырда итжтимагый тормышта, бигрәк тә мәгариф өлкәсендә, башланган үзгәрешләр – мәгрифәтчелек, жәдитчелек хәрәкәтләренең дә асылында милләтне мәгрифәтле, мәдәниятле итү идеясе ята. Революциягә кадәр үк дөнья күргән күп кенә чыганаclarда, шул исәптән рус һәм Европа галимнәренең хезмәтләрендә, татарларның белемлелек дәрәжәсе буенча Россия халыклары арасында иң югары урыннарны биләве турындагы фикерләр әйтелсә дә, совет чорында моның киресе расланып киләнде.

П. Знаменский билгеләп үткәнчә, «татар кешесе рус грамотасын да бик жиңел үзләштерә ала, татар солдатлары русларга караганда укырга-язарга тизрәк өйрәнәләр» [1, с. 24]. Татарларның революциягә кадәр белем дәрәжәсе югары булу турындагы фикерләр атаклы рус галиме Я.Коблов хезмәтләрендә дә искә алына. Ул: «Россиянең Көнчыгыш өлешендә яшәүче халыклар арасында мөселман татарлар укый-яза белү буенча беренче урында торалар. Аларда грамоталылык дәрәжәсе хәтта руслар белән чагыштырганда да югарырак» [2, с. 1]; «Россиядә Казан татарлары кебек укый-яза белү киң таралган башка халыкны атау кыен. Укый-яза белмәгән татар кешесен бик сирәк очратырга мөмкин», – дип яза [3, с. 4]. А. Сперанский да татарлар арасында грамоталылыкның русларга караганда киңрәк жәелүен раслый, әмма аның дини характерда булуын ассызыклай [4, с. 9]. Шулай итеп, әлеге рус чыганаclarыннан чыгып кына да Октябрь революциясенә

¹ Некоторые вопросы ликвидации безграмотности среди татар в первые годы Советской власти (на примере ТАССР).

кадәр татарлар арасында гарәп хәрефләре нигезендә укый-яза белү дәрәжәсе киң жәелгән булуы, тик халык санын алу һәм һәртөрле ревизияләрдә бары тик русча укый-яза белү генә исәпкә алыну сәбәплә, татарларның белемлек дәрәжәсе турында ялгыш картина тудырылуы күренә. Моннан тыш, татарларның һәртөрле «ревизия»ләр вакытында үзләрен укый-яза белмәүче итеп күрсәтүләре дә билгеле: «ачы тарихи тәжрибегә ия булган татарлар рус администрациясә тарафыннан үткә-релгән исәп, сан алулардан мөмкин кадәр качалар, аларда дини-милли үзенчәлекләрен чикләү, юк итү, руслаштыру һәм христианлаштыру куркы-нычын күрәләр» [5, с. 46]. Шулай итеп, ана телендә, гарәп хәрефләре белән укый-яза белгән кеше белемсез (неграмотный) дип саналган; кайбер аерым очракларда күпмедер дәрәжәдә рус хәрефләрен белгән кеше дә, алда искә алган сәбәпләр аркасында үзен белемсез дип белдерүне кирәк тапкан. 1897 елгы халык санын алу нәтижәләрендә татарлар арасында укый-яза белүчеләр санының түбән булуы да (18,8%), беренче чиратта, шуның белән билгеләнә. Шул сәбәплә ясалган нәтижәләр гомуми күрсәткечләр белән (аерым алганда руслар арасында укый-яза белү) чагыштырганда күпкә түбән булып күренгән. Бу хәл 1926 елгы халык санын алу кампаниясенә кадәр дәвам итә. 20 нче еллар башында һәрбер халыкның үз телендә белем алуга хокукы турындагы мәсьәлә каралып, уңай хәл ителгәннән соң гына [6, с. 51–60] татарларның гарәп шрифтында укый-яза белүләре грамоталылык дәрәжәсе итеп таныла башлый [7, с. 16]. 1926 елгы халык санын алу нәтижәләре буенча татарлар арасында грамоталылык дәрәжәсе 92,5% булып, алар СССР халыклары арасында беренче урынга чыгалар [8, с. 60].

Шулай итеп, татарлар арасында ликбез үткөрүнең, башка милләтләр белән чагыштырганда, шактый үзенчәлекләре бар. Татар язуының берничә тапкыр үзгәреш кичерүен, ягъни графика алыштыруларны да исәпкә алсак, рәсми хисапларда грамоталылык дәрәжәсе ни өчен югары булмаганлыгы ачык аңлашыла. 1927 елда гарәп графикасына нигезләнгән татар язуының яңалиф (латин алфавитына нигезләнгән язу) белән алыштырылуы гарәп хәрефләрен белгәннәрнең кабат белемсез дип танылуына китерә, белемсезләр саны тулылана, 92,5% ның күпмедер өлеше кабат грамотасыз дип табыла. 1939 елда русграфикасына нигезләнгән яңа алфавитка күчкәндә дә бу күренеш беркадәр күзәтелә, ләкин ликбез мәктәпләрендә рус теленә өйрәтү дә каралу сәбәплә, ул кадәр үк киң таралмый. Болар барысы да – Россиядә рус булмаган милләтләргә карата алып барылган мәгариф сәясәтенә нәтижәләре. Грамоталылык дәрәжәсенә ана телен белү (туган тел компетенцияләре) нигезендә билгеләнгән бөтендөнья тәжрибәсенә килсәк, татарларның Октябрь революциясенә кадәр укый-яза белү дәрәжәсенә югары булуын тану дөнья стандартларына туры килә. Татар мәгарифе мәсьәләләрен жентекле өйрәнгән тарихчы-галимнәр аны

80% тирәсе дип билгелиләр [5, с. 46–47]. Совет чорында дөнья күргән хезмәтләрдә бу проблема бары тик партия һәм совет идеологиясе күзлегеннән чыгып кына каралды, шул сәбәпле тулы һәм дәрәс мәғлүмәтләр алу мөмкинлеге тудырылмады.

Гомумән алганда, Россиядә мәктәп системасыннан тыш эшләүче «зурлар мәгарифе» (образование взрослых) дигән төшенчә һәм аның тормышка ашырылуы революциягә кадәр үк була (якшәмбе мәктәпләре һ.б.). Татарлар арасында зурларны укыту эше РСФСР Халык мәгарифе комиссарлары советының 1919 елның 26 декабрендә дөнья күргән 8 яшьтән алып 55 яшькәчә халыкны күздә тоткан «РСФСР халыклары арасында укый-яза белмәүчелекне бетерү турындагы» Декреты кабул ителгәннән соң гына барлыкка килә. I Бөтенроссия мәктәптән тыш белем бирү буенча үткәрелгән съездда «Укый-яза белмәүчелекне бетерү турында» резолюция кабул ителә, яшүсмерләр һәм зурлар өчен мәктәп типлары билгеләнә. 1919 елның июнендә Казан шәһәрində уздырылган мәктәптән тыш белем бирү буенча I Казан губерна съездында зурлар мәктәпләре оештыруны кичектермичә башлау турында сүз алып барыла [9, с. 6]. 1920 елның 21 гыйнварында Казан губерна башкарма комитеты президиумы «Казанда һәм губернада укый-яза белмәүчелекне бетерү проекты»н кабул итә. Шушы ук елның 25–29 мартында узган мәктәптән тыш белем бирү буенча III губерна съездында башланып киткән кампанияне үткөрү буенча конкрет план билгеләнә. Озакламый Казан губернасы буенча ликпунктларның саны 5717 гә житә [8, с. 58]. 1920 елның 30 ноябрində ТАССР халык мәгарифе комиссариаты каршында ликбез буенча бөтөнтатар комиссиясе төзү турындагы күрсәтмә кабул ителә [7, с. 23]. Әлеге комиссиянең төп бурычларынан берсе – ликбез мәктәпләре өчен дәрәслек-кулланмалар, әлифбалар төзүне оештыру була. Эшнәң нәтижәсе буларак, 1920 елның жәендә үк Казан губернасында 50 мең әлифба дөнья күрә [10, с. 88]. Иң беренче әлифбаларның авторлары М.Корбангалиев һәм Т.Бәдигый була [11; 12]. 1921 елда М.Корбангалиевнәң «Олыларны укырга өйрәтү юллары һәм дәрәс бирү үрнәкләре» дигән методик кулланмасы басылып чыга. Республикада яшәүче башка рус булмаган халыклар белән чагыштырганда, методик әдәбият белән тәэмин ителеш ягыннан татарлар беренче урында була һәм бу тенденция кампания азагына кадәр саклана. Бу вакытта Казан шәһәрində аерым татар инструкторы (ликвидаторларга, яғни ликбез мәктәпләрендә укытучыларга методик яктан ярдәм күрсәтүче махсус әзерлекле педагог) да була. Махсус матбугат органы ачу турындагы мәсьәлә күтәрелсә дә, ул бары тик 30 елларда гына хәл ителә: аз белемләләр өчен «Башлап уку», «Уку ударнигы» газеталары басыла башлай.

Ликбез системасында «грамоталы» сүзе, гомуми мәгънәдән аермалы буларак, бигрәк тә беренче чорда, рус хәрәфләрен тану, иң элементар рәвештә русча укый-яза белүне аңлаткан. Баштарак уку-язуга һәм санарга

өйрәтү максат итеп алынса, 30нчы елларда, моннан тыш, икътисади география, жәмгыять белеме, тарих, авыл хужалыгы һәм зоотехник (авылда) һәм политехник (шәһәрдә) белем бирелгән. Ликбез мәктәпләрендә укуту, куелган максаттан чыгып, ике баскычка (төргә) бүленгән: белемсезләр һәм аз белемеләрне укуту; шуңа карап белем бирүнең эчтәлеген билгеләнгән. Әмма ул үзгәрәп торган: 20 нче елларда хәреф танырга өйрәнгән, саный белгән кеше аз белемле саналса, 30 нчы елларда инде ликпунктларны төмамлаучылардан газеталар белән эш итә белү, беркадәр сәяси мәсьәләләрдә ориентлаша белү таләп ителгән.

Ликбез кампаниясенең беренче чоры билгеле бер эзлеклеклекнең булмавы һәм алып барылган эшләрнең төрлелеге белән характерлана. Агитация һәм пропаганда нигездә рус телендә алып барыла. Зурлар өчен татар телендә язылган уңышлы дәрәслекләр һәм татарча эшләүче ликвидаторларның аз булуы да эшкә комачаулык ясай. Уңышлы яклардан ликбез мәктәпләре өчен укутучылар әзерләү эшенең яхшы куелышын атарга мөмкин. 1921 елгы ачык нәтижәсендә укуту эшләре сүлпәнәя, ликпунктлар саны кими, губернада 1922 елга аларның саны 215 кенә кала [9, с. 13]. Балалар мәктәпләренең аз булуы да кампаниянең үтәлешенә комачаучылык итә. 1922 елда 15 татар ликпункты ачыла. 1923/24 уку елыннан укый-яза белмәүчелекне бетерү кампаниясе планлы, эзлекле рәвештә, 1920 елгы халык санын алу нәтижәләренә нигезләнеп төзелгән бердәм план нигезендә тормышка ашырыла башлый. Беренче чорда төп игътибар 18–35 яшьлекләрне укутуга бирелә. Татарстанда 1924 елда зурларны укуту өчен 963 мәктәп ачыла, 9 мең кеше өлгә мәктәпләренә бетерә [13]. Бу елда кантоннарда ачылган ликбез мәктәпләренең гомуми саны 542 булса, шуларның 272 се – татар мәктәбе була [14]. Зурлар мәктәпләрен тагын да күбәйтү, һәр волость саен 10 мәктәп ачу, уку кирәк-яраклары белән мөмкин кадәр күбрәк тәэмин итү мәсьәләсе күтәрелә [13]. Киң халык массаларын жәлеп итү максатыннан «Бетсен наданлык» жәмгыяте төзелә, урыннарда аның күпсанлы бүлекчәләре (ячейкалары) барлыкка килә. Белемсезлек белән көрәшкә халык үзе – яңа гына ликпунктларны төмамлаган эшче һәм крестьяннар жәлеп ителә («Наданлык фронтында бөтенез күмәкләшеп көрәшәбез, өмә булы эшлибез» [13]). Яңа төр чаралар – «атналыклар», «өчкөнлекләр» уздыру да эшне югары баскычка күтәрергә мөмкинлек бирә. Мәсәлән, шундый атналыкларның берсе 1924 елның 25 октябренә – 1 ноябрәндә уза [13]. Уку-укуту әсбаплары белән тәэмин ителеш мәсьәләсе дә уңай якка кузгала: Казан шәһәрәндә «Бетсен наданлык» жәмгыятенә Татар өлкә советы типографиясе оештырыла. Ликбез мәктәпләрендә белем бирү методикасын камилләштерү максатында Казанда 1923 елның 15–20 сентябрәндә I Көнчыгыш методик конференциясе уздырыла. Анда зурларны укуту өчен бөтен сүзләр методының уңышлылыгы раслана һәм төп метод буларак кабул ителә.

Махсус орган булдырылганчы, ликбез кампаниясенең эшен яктыртуда көндәлек вакытлы матбугат, аерым алганда, «Крестьян гәзите», «Кызыл Татарстан» кебек татар газеталарының роле зур була. Аларда республикада эшнең барышы, уңышлы яклар, кимчелекләр турындагы мәкаләләр басыла, эш тәҗрибәсе яктыртыла, уку-язуга өйрәнүнең, белем алуның әһәмияте ассызыклана, агитация һәм пропаганда алып барыла. Мәселән, «Крестьян гәзите»нең 1924 елгы 12 сентябрь санында басылып чыккан «Укый-яза белмәүчелек белән көрәш» дигән мәкаләдә (авторы Х. Вәлиуллин) авыл халкының әлеге кампанияне яклавы, «Бетсен наданлык» жәмгыяте файдасына 11 пот 16 кадак арыш жыелуы турында хәбәр ителә. Ярдәм итүнең бу формасын бер ай дәвамында алып баруны планлаштырганлыкны истә тотканда [15], аның шактый масштаблы күренеш булганлыгын чамалау кыен түгел.

Татарстанда ликбез мәктәпләренең берничә төрен аерып күрсәтергә мөмкин. Иң беренче булып ликпунктлар барлыкка килә. Алар укыргазарга өйрәтүне максат итә, уку вакыты 3–4 ай. Ликпункт тәмамлаучыларның үзлекләреннән шөгыльләнүләрен давам итмәгән очракта, уку-язу күнекмәләрен онытулары (рецидив) күзәтелә. Шул сәбәпле, ликпунктларны тәмамлаучылар өчен аз белемлеләр мәктәпләре оештырыла башлый. Шулай ук сезонлы ликпунктлар ачу тәҗрибәсе дә (алар жәй айларында эшләгән), индивидуаль-төркемле укыту, аз белемлеләр түгәрәкләре кебек формалар да кулланылган. Ликпунктлар (аларны грамота мәктәпләре дип тә йөрткәннәр) балалар мәктәпләре, берләшмәләр каршында, клубларда, китапханәләрдә, уку йортларында, эшчеләр тулай торакаларында оештырылганнар. Шулай ук белем алучыларның социаль һәм һөнәри составынан чыгып та бүленеш булган: эшчеләр, крестьяннар, хезмәтчеләр, хужабикәләр, профсоюз эгъзалары өчен һ.б. Дәрәслекләр, аерым алганда, әлифбалар төзегәндә дә бу принцип нигез итеп алынган (авыл өчен крестьян әлифбасы һәм шәһәр варианты (эшчеләр өчен) [16; 17; 18]. Шул елларда хатын-кызлар өчен аерым мәктәпләр ачу мәсьәләсе күтәрелә, озаklamый андый мәктәпләр урыннарда ачыла.

20 нче елларның икенче яртысында гомумән мөгариф өлкәсендә барган үзгәрешләр ликбез мәктәпләрендә дә чагылыш таба – дөүләт телләрен укытуга игътибар арта. Шул уңайдан татар ликпунктлары өчен рус теле дәрәслекләре язу эше күтәрелә. Гомумән алганда, 20 нче еллар азагына татар ликпунктларында укыту методикасы тулысынча эшләнеп беткән була инде.

Ликбез мәктәпләренең төп максаты олыларны укыргазарга һәм сарнарга гына өйрәтү булмыйча, иң беренче чиратта совет иленең гражданында яңа, пролетар аң, социалистик жәмгыять төзелешендә катнашу теләге тәрбияләүдән гыйбарәт була. Азаккы максат – белемле һәм сәяси яктан грамоталы кеше формалаштыру. Шул максатларны тормышка ашы-

ру сәяси сәғәтьләр уздыру, мәктәптән тыш пропаганда алып бару, белем алучыларны сәяси тормышка тарту юллары аша алып барылган. Шуңа күрә укырга-язарга өйрәткәндә дә жәмгыяви-сәяси тормыш материалына нигезләнелгән.

Укыту алымнарын сайлауга килгәндә, беренче чорда, беркадәр өстәмә материаллар кертеп, балалар мәктәпләре тәҗрибәсенә таяныла. Әмма иске метод һәм алымнардан азат булган яңа методикага нигезләнәп укыту тарафдарларының карашлары дәрәҗәсиз дип табыла һәм нәтиҗәдә укытуның комплекслы методы, бөтен сүзләр, әңгәмә ысуллары, уку эчтәлеген тормыш һәм һөнәри эшчәнлек белән, теорияне практика белән бәйләп алып бару, белем бирүдә эзләнү-тикшеренү элементларын куллану, иллюстрация һәм күрсәтмәләргә игътибарны юнәлтү кебек метод һәм алымнарға өстенлек бирелә. Психологик аспектны («Һәрбер яңа нәрсе балаларны үзенә тарта, ә олылар үзләренә күпмедер таныш булган нәрсәләр белән генә кызыксыналар» [19, с. 17]) истә тотып эшләнгән методика отышлы дип табыла. Шулай итеп, уку-укыту барышын оештыруның яңа, моңарчы күрелмәгән формалары кертелә («Дальтон-план», «бригада-лаборатор», «проектлар методы» һ.б.).

1927/28 уку елыннан кертелгән индивидуаль һәм индивидуаль-төркемле укыту моңарчы уку мөмкинлеге булмаганнарны тарту өчен бик уңайлы була. Нәтиҗәдә бик күп хатын-кызлар, вак предприятиеләрдә эшләүчеләр, авылда яшәүчеләр ликпунктларга килә. Татарстан шартларында кулланылган үзенчәлекле оештыру формасы буларак зурлар һәм балалар төркемнәреннән гыйбарәт булган ликпунктларны атарга мөмкин. Балалар өчен мәктәпләр ачылмаган авылларда мондый оештыру формасы уңай нәтиҗәләргә китергән. Шулай ук укытуны практика белән бәйләп алып баруға, житештерү оешмаларына экскурсияләр оештыру, экспериментлар ясауга игътибар бирелә.

Ликбез кампаниясенең беренче елларында грамотасызлар рәте гомуми мәктәпкә тартылмаган 8–12 яшьлек балалар исәбенә тулылана. Бу мәсьәлә бары тик 1930 елда «Гомуми мәҗбүри белем бирү» турындагы карар кабул ителгәннән соң гына уңай чишелә.

Яшь совет иле гражданны В.И.Ленинның «1927 елның 7 ноябрена чаклы советлар илендә укый-яза белмәгән бер генә кеше дә калмаска тиеш» дигән васыятен үтәргә тырышсалар да [13], ликбез кампаниясен рәсми рәвештә 30 нчы еллар азагына кадәр сузыла. Татар телендә нәшер ителгән уку әсбаплары исә укый-яза белмәүчелекнең күпмедер дәрәҗәдә 50 нче елларга кадәр саклануы турында сөйли.

Список источников и литературы

1. Знаменский П. Казанские татары. – Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1910. – 67 с.

2. Коблов Я. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. – Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1908. – 20 с.
3. Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916. – 119 с.
4. Сперанский А. Казанские татары (Историко-этнографический очерк). – Казань: Центр. тип., 1914. – 30 с.
5. Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 22–60.
6. Языковая политика в Республике Татарстан. – Казань, 1998. – С. 51–60.
7. Муртазина Л.Р. Педагогический анализ деятельности ликбезов (на примере Республики Татарстан). – Казань: Печатный двор, 2002. – 135 с.
8. Галиев Р. Беренче күчмә мәктәпләр // Совет мәктәбе. – 1972. – № 10. – 60 б.
9. Хакимова Р.Ш. Борьба татарской партийной организации за ликвидацию неграмотности среди населения // Борьба КПСС за развитие народного образования и культуры. – Казань, 1972. – С. 3–30.
10. Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. – М: Наука, 1967. – 327 с.
11. Корбангали М. Олылар өчен рәсемле татар әлифбасы. – Казан: Милләт, 1920. – 46 б.
12. Бәдигый Т. Зурлар әлифбасына үрнәк. – Казан: Татар. дәүл. нәшр., 1920. – 15 б.
13. Парсин М. 25 октябрьдән башлап 1 ноябрьгә чаклы укый-яза белмәүчелекне бетерү атналыгы ясала // Крестьян гәзите. – 1924. – 24 октябрь.
14. Парсин М. Наданлыкның тамырына балта чабыйк! // Крестьян гәзите. – 1924. – 19 декабрь.
15. Вәлиуллин Х. Укый-яза белмәүчелек белән көрәш // Крестьян гәзите. – 1924. – 12 сентябрь.
16. Корбангалиев М., Бәдигый Х. Крестьян әлифбасы (зурлар өчен). – М., 1925. – 48 б.
17. Мөхәммәдев М.Н. Эшчеләр әлифбасы. – М., 1924. – 80 б.
18. Саттаров Ш. Кызылармеец әлифбасы. – М.: Дәүл. Хәрби нәшр., 1925. – 64 б.
19. Дистанов Г. Укый-яза белмәүчеләрне һәм аз белемлеләрне укытучылар өчен кулланма. – Казан: Татиздат, 1926. – 104 б.

Г.С. Сабирзянов

Испорченный праздник духа. К 100-летию начала культурной революции в СССР

При обобщении опыта первых десятилетий осуществления планов социалистического строительства в нашей стране советскими обществоведами культурная революция в СССР, наряду с коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией страны, была отнесена к числу одной из основных закономерностей таких преобразований, и надо подчеркнуть, что она началась буквально с первых шагов новой власти и не была каким-то спонтанным начинанием, а осуществлялась по заранее продуманному плану. Об этом имеется замечательное свидетельство А.В.Луначарского. В 1972 г. была издана книга «Ленин и культурная революция. Хроника событий. 1917–1923». В ней приведен отрывок из его воспоминаний. Он писал, что 8 ноября 1917 г. после заседания ЦК РСДРП(б), на котором Луначарский был утвержден народным комиссаром по просвещению, поздно ночью в коридоре Смольного ему встретился В.И.Ленин. *«Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе, – писал он. – Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени... Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям... Но со всеми реформами нужно быть по-моему очень осторожным. Дело крайне сложное. Ясно одно: надо всемерно позаботиться о расширении доступа в высшие учебные заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи... Большое значение я придаю библиотекам... Книга огромная сила... Надо обеспечить читателя и большими читальными залами и подвижностью книги...»* [4, с.33–34]. Стоит обратить внимание на то, что это происходит в первую ночь после взятия власти.

Конечно, на практике революция в области культуры началась не с этого, а с коренной перестройки системы средств массовой информации. Понятно, что основная цель этих перемен в области культуры состояла в том, чтобы поставить всю систему пропаганды и агитации, науку, искусство, художественную культуру на службу новой власти, делу утверждения в жизни новой общественно-политической системы.

Декрет «О печати» В.И.Лениным был подписан 27 октября 1917 г. – это 9 ноября по новому стилю. В соответствии с ним подлежали закрытию органы печати, выступающие с призывами к неповиновению Рабоче-Крестьянскому правительству, сеющие смуту в народе.

В Казани одной из первых 14 декабря 1917 г. была закрыта газета казанских кадетов «Камско-Волжская речь», 22 декабря – орган правых эсеров «Крестьянская Казанского губернского земства газета», в начале февраля 1918 г. – орган Казанского губернского земства газета «Крестьянская жизнь», в марте 1918 – правозэсеровская газета «Трудовой путь», 16 мая 1918 г. – меньшевистская газета «Рабочее дело». В список таких изданий попали две очень интересные газеты, выходившие на татарском языке. С 21 июня 1918 г. перестала выходить газета «Юлдуз» («Йолдыз» – «Звезда»), после 4 апр. 1918 г. – газета «Курултай» («Корылтай» – «Съезд»).

Первая из них была общественно-политической и литературной газетой. Стала издаваться на волне Революции 1905–1907 гг. – с 15 января 1905 г. Издателем и редактором был Ахмедхади Максуди, секретарем – Галиаскар Камал. В ней печатались Садри Максуди, Заки Валиди, Хади Атласи, Габдельбари Баттал; на ее страницах были опубликованы произведения Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Мажита Гафури, Галимжана Ибрагимова и других видных деятелей татарской культуры. Это был поистине общенациональный печатный орган татарского народа. Причиной закрытия, по-видимому, стало то, что газета анонсировала себя как орган, не зависящий от интересов каких-либо политических партий.

Газета «Курултай» была тоже очень влиятельным изданием, она тоже не являлась приверженцем идей социализма.

В то же время с ноября 1917 г. в Казани стали выходить газеты местных органов ВКП(б) – «Знамя революции», ныне это газета «Республика Татарстан»; с сентября 1918 г. – газета «Эшче» («Рабочий») на татарском языке. С начала 1918 г. в Москве на татарском языке стала издаваться газета «Чулпан» («Утренняя заря»). Это был орган Центрального мусульманского комиссариата при Наркомате по делам национальностей РСФСР, фактическим редактором был Г.Г.Ибрагимов; с марта того же года в Казани начали издавать газету «Эш» («Труд») – орган Казанского мусульманского комиссариата. Она стала родоначальницей современной газеты «Ватаным Татарстан». Все эти издания сыграли большую роль в привлечении народных масс на сторону большевиков и органов советской власти. Конечно же, одним из важнейших направлений деятельности органов новой власти в центре и на местах было дело народного просвещения. 9 ноября 1917 г. Ленин подписал Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению». Он со-

стоял из 15 отделов – по всем отраслям культурного строительства. Это случилось на второй день после прихода партии к власти.

В процессе роспуска Городской думы и создания в январе 1918 г. Казанского совета городского хозяйства в его составе была образована Школьная комиссия, которая занялась реорганизацией содержания деятельности школ и других учебных заведений. В феврале 1918 г. постановлением исполнительного бюро Казанского совета городского хозяйства был упразднен Казанский учебный округ и создан Комиссариат народного просвещения Казанской губернии. Народным комиссаром был утвержден член РКП(б) Александр Александрович Максимов, который в 1916 г. окончил Казанский университет по специальности химия и был оставлен там для подготовки к профессорскому званию. С ноября 1918 г. он одновременно был назначен Комиссаром высших учебных заведений Казани.

В апреле 1918 г. в составе Мусульманского комиссариата Казанского совета городского хозяйства был учрежден Отдел народного просвещения мусульман. Его заведующим стал очень деятельный человек, писатель – Шагит Гимадудинович Ахмадиев, имевший опыт учительствования, журналистской работы. Если судить по сделанному ими, это, по-видимому, был хороший тандем.

На своих новых должностях А.А.Максимов проработал меньше года. Он уже в октябре октября 1919 г. был направлен в Красную Армию, в начале комиссаром полка, затем и дивизии. За год его работы народным комиссаром по просвещению было начато преобразование земских и городских начальных школ в советские школы 1-й ступени, высших начальных училищ, гимназий и реальных училищ – в школы второй и третьей ступеней, закрыты все религиозные учебные учреждения, соответствующие преобразования шли и в высших учебных заведениях.

С целью коренной реорганизации системы народного образования 30 мая 1918 г. принимается Декрет СНК РСФСР «Об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата просвещения», 18 июня 1918 г. – «Положение об организации дела народного образования в Российской Республике». В октябре 1918 г. Комиссариат народного просвещения был преобразован в Губернский отдел народного образования при Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; чуть позже для решения вопросов национальных школ в его структуре были созданы 5 национальных отделов по народному образованию: русский, мусульманский (татарский), чувашский, черемисский (марийский) и «прочих мелких народностей».

Постепенно работа по переустройству системы школьного дела приняла планомерный характер. Распоряжением Наркомата просвещения

РСФСР от 26 февраля 1918 г. во всех советских учебных заведениях было прекращено преподавание Закона Божьего «как в урочное, так и во внеурочное время».

В сфере организации деятельности учреждений народного образования главным был вопрос о педагогических кадрах, об их отношении к Советской власти. Уже в феврале–марте 1918 г. стали проводиться съезды учителей в городах и уездах. В ходе их выяснилось, что надежды на безусловную поддержку педагогической интеллигенцией новой власти не оправдываются: значительная часть и русских, и татарских учителей не приняла Советскую власть, в оппозиции к ней находилась и большая часть профессорско-преподавательского состава вузов. В связи с этим одной из важнейших задач в области культуры стало привлечение учителей и научно-педагогических кадров на сторону нового строя, а также подготовка преданных Советской власти новых специалистов из числа рабоче-крестьянской молодежи. В начале мая 1918 г. в местных газетах было опубликовано сообщение об открытии трехмесячных курсов «для переподготовки учителей и воспитателей – татар»; все учителя, работавшие в 1917/18 учебном году в Казанском уезде, были обязаны пройти эти курсы. 2 авг. 1918 г. В.И. Ленин подписал Декрет СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» и постановление СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Эти документы, положившие начало «пролетаризации» высшей школы, были дополнены постановлением Наркомата просвещения РСФСР об открытии в вузах подготовительных курсов – рабочих факультетов (рабфаков), имевших целью подготовку в кратчайшие сроки рабочих и крестьян к учебе в высшей школе. В ноябре 1919 г. состоялось открытие первого в губернии рабфака в Казанском университете (численность студентов 504 чел.). В июне 1920 г. рабфак был организован при Казанском политехническом институте (количество рабфаковцев в Казани возросло до 730 чел.).

Одним из важнейших направлений развития культурной революции в стране и Казанской губернии являлась ликвидация неграмотности взрослого населения. Она же была ужасающей. В 1911 г. в Санкт-Петербурге вышла достаточно объемная книга «Ежегодник России. 1910 г.» В ней приведены такие данные: если взять население без учета числа детей до 9-летнего возраста, то есть в таком очищенном виде, то грамотность по России составляла 27%, в том числе по Сибири – 16% [5, с.89]. Грамотность среди татар была достаточно высокая, но на арабском алфавите.

26 дек. 1919 г. Лениным был подписан Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Нарком просвещения А.В. Луначарский рассматривал его как «один из величайших декретов Советской власти».

Это вполне понятно: в условиях отсутствия радио, на бескрайних просторах России, особенно в сельских местностях, человек, умеющий читать, становился способным брать в руки газету, он получал возможность осознанно участвовать в общественной жизни.

В соответствии с декретом все население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, должно было обучаться грамоте на родном или русском языках. 21 января 1920 г. президиум Казанского губисполкома утвердил «Проект ликвидации безграмотности в Казанской губернии». Работа по его выполнению в губернии, как и во всей стране, велась с беспрецедентным размахом. К обучению неграмотных были привлечены все, кто имел образование. В школах, зданиях различных учреждений, вновь создававшихся клубах, библиотеках, так называемых красных уголках на предприятиях, фермах и в армейских частях – всюду организовывались пункты ликвидации безграмотности, проводились «курсы ликвидаторов» (людей, привлеченных к обучению грамоте рабочих и крестьян), издавались различные пособия и плакаты. В 1920 г. через пункты ликбеза в Татарстане прошли 127155 чел., 47650 из них были признаны грамотными. Это был один из лучших показателей в РСФСР.

В июле 1920 г. при Наркомате просвещения РСФСР была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (она существовала до 1930 г.), после чего обучение взрослого населения приняло еще более широкий размах. Если по переписи населения 1926 г. из 2589645 жителей края грамотными были 1399889 чел. (54%), то в 1935 г. грамотность населения составляла уже 72,6%, а в 1939 – 90,4%.

В системе общеобразовательного обучения детей с 1930/31 учебном году страна перешла к введению всеобщего обязательного начального обучения детей 8–10 лет (завершено в 1933/34 учебном году), с 1934/35 учебном году был взят курс на осуществление всеобщего семилетнего образования в городах. Таким образом, за короткие сроки было достигнуто значительное повышение образовательного уровня населения. Это означало, что люди получили реальные возможности для поступления в средние специальные и высшие учебные заведения.

Если в начале 1914/15 учебного года на территории современного Татарстана было 1835 общеобразовательных учреждений, в которых обучались 117,2 тысяч учащихся, то в начале 1940/41 учебного года работало уже 3537 школ с численностью учащихся 541,8 тысяч человек; при этом в сельских местностях число школ возросло с 1640 до 3327, а количество учащихся – в 4,8 раза: с 91,1 тысячи до 435 тысяч человек.

Это был первый в мировой истории опыт решения столь масштабных задач в области приобщения всего населения страны к чтению и письму в такие короткие сроки.

Одним из принципиально важных новшеств в организации работы советских учреждений в Татарстане в первые годы Советской власти стал Декрет ЦИК и СНК ТАССР от 25 июня 1921 г. «О введении татарского языка в делопроизводство советских учреждений республики». Была развернута огромная работа по внедрению татарского языка даже в практику почтово-телеграфных отправок, значительно повысился уровень преподавания татарского языка в школах, в том числе и детям других национальностей. Однако, с конца 1920-х гг. под нажимом из Центра вся эта работа стала сворачиваться и постепенно была свёрнута.

С самых первых лет после Октября партийные и советские органы пристальное внимание уделяли культурно-просветительной работе среди населения. Правда, в первые годы, в условиях отсутствия сети радиопередач, клубных и библиотечных учреждений, особое значение имело живое слово агитатора; они, как правило, выполняли роль и «книгонош», буквально несли в массы только что изданные газеты, журналы, брошюры и книги. Поэтому новые власти принимали самые различные меры по оказанию практической помощи организаторам культработы на местах. Так, осенью 1918 г. в Москве был организован «военно-подвижной фронтовой литературный поезд имени В.И.Ленина». Он прибыл в Казань 21 сент. 1918 г. В течение недели его агитационно-инструкторский состав проводил учебно-методическую работу с партийными и советскими активистами, заведующими клубами, библиотеками; местным «культурмейцам» выдавались комплекты новой печатной продукции. В октябре 1919 г. в Казани состоялся губернский съезд библиотечных работников, он положил начало активному развитию библиотечного дела. Уже в 1920 г. в Казани работала 71 библиотека, тогда как в 1914 г. их было всего 19. Огромное внимание уделялось развитию библиотечного дела в сельской местности. В то время там вовсе не было массовых библиотек, но при советской власти уже к 1928 г. было организовано 608 библиотек с книжным фондом 743,5 тысячи экземпляров. В 1917 г. в Казани имелось 6 клубных учреждений – Благородное и Военное собрания, Шахматный, Купеческий, Новый и Восточный клубы, в 1939 г. в городе работало 38 рабочих клубов; они создавались также в татарских микрорайонах Казани, в уездах и волостях губернии. Число клубных учреждений в сельской местности выросло с 11 в 1913 г. до 3114 – в 1939 г.

В годы культурной революции в стране появились такие новые виды сельских культурно-просветительских учреждений, как избы-читальни. Пер-

воначально они размещались в крестьянских избах. В них по вечерам сельчане приходили почитать свежие газеты, журналы, новые книги, а позже и послушать радиопередачи; впоследствии красные уголки стали создаваться и на фермах колхозов, совхозов, машинно-тракторных станциях и т.д. Красные уголки работали также и на предприятиях в городах.

Особая роль в массово-политической работе руководителями партийных и советских органов отводилась кино. Нарком А.В.Луначарский вспоминал, что в начале 1920-х годов в беседе с ним по вопросам осуществления культурной политики В.И.Ленин подчеркивал, что пока народ малограмотен, из всех искусств для нас важнейшим является кино.

Принимались различные меры по всемерному использованию этого мощного средства влияния на общественное сознание масс. Уже в ноябре–декабре 1918 г. в Казани в составе Губернского отдела народного образования был создан кинокомитет, он провел муниципализацию кинотеатров Казани; вскоре все 11 кинотеатров города стали работать под его руководством. В сельской местности губернии в 1913 г. население обслуживали всего 9 кинотеатров и стационарных киноустановок, в 1928 г. их число увеличилось в три раза, а в 1939 г. их было уже 162. Там, где не было стационарных киноустановок широко использовались передвижные. Но репертуар кинофильмов был скудным. Многие из ранее созданных «живых картин» – такие, как «Казань во время Масленицы» или «Торжественный парад войск казанского гарнизона» (1910 г.) не годились вовсе. Надо было создавать свои, советские фильмы. Это дело в Татарстане началось с того, что в 1920 г. московскими операторами были проведены съемки Первого съезда Советов ТАССР, парада войск казанского гарнизона в связи с трехлетием освобождения Казани от белочехов. Эти и поступавшие из Москвы киножурналы, позже и сюжетные фильмы вызвали огромный интерес у зрителей, оказывали мощное воздействие на общественное сознание людей.

В ходе глубочайших преобразований в области культуры татарский народ пережил крупнейшие социально-психологические потрясения, связанные с двукратной сменой алфавита. 3 июля 1927 г. Совет народных комиссаров ТАССР принял постановление о переводе татарской письменности от арабской графики на латинскую. Делалось это после активных дискуссий с целью облегчения приобщения татарского народа к культуре европейских народов. Эта проблема назрела задолго до революции, поэтому реформа была правильным шагом, но сложилось так, что через 12 лет после перехода на латиницу – 5 мая 1939 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета ТАССР «О переводе татарской письменности с латинизированного алфавита на алфавит на основе русской графики» – на кириллицу. Все это требовало не

только огромных усилий в организационном плане и значительных материальных затрат. Главное же заключалось в том, что, во-первых, надо было переучивать весь народ, а во-вторых, в результате этой реформы ранее созданные книжные и другие письменные богатства татарского народа становились недоступными для подрастающих поколений. Это не могло не сдерживать интеллектуальный прогресс народа, рост его духовной культуры. Тем не менее, народ преодолел эти трудности и смог удержать на должном уровне систему своего национального духовного производства.

Мощный толчок, данный Октябрем процессам культурного строительства, привел к значительным достижениям: ощутимо возрос общеобразовательный уровень населения, шла подготовка высококвалифицированных специалистов, в том числе и национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства. Страна в целом и каждый народ в отдельности переживали небывалый культурно-образовательный подъем. Неслучайно именно в 1920-е гг. были созданы многие из лучших произведений татарской художественной литературы: в 1924 г. в Центриздате народов СССР (Москва) напечатана повесть Г.Ибрагимова «Казакъ кызы» («Дочь степи»), в 1928 увидел свет его роман «Тирэн тамырлар» («Глубокие корни»). В эти же годы К.Тинчурин публиковал ставшие знаменитыми пьесы: в 1924 г. – «Казан сөлгесе» («Казанское полотенце»), «Американ» («Американец»), «Сүнгән йолдызлар» («Угасшие звезды»); через 2 года – «Зенгәр шөл» («Голубая шаль»), «Жилкәнселәр» («Без ветрил»). В 1927 г. был напечатан роман Ш.Камала «Таң атканда» («На заре»). Вышли новые произведения драматургов М.Файзи, Г.Камала, Ф.Бурнаша, прозаиков К.Наджми, А.Шамова, поэтов М.Гафури, Х.Такташа и др.

Годы культурной революции ознаменовались огромными успехами татарского драматического театра. В 1926 г. творческий коллектив академического театра успешно совершил большую гастрольную поездку по маршруту: Москва – Оренбург – Кызыл Орда – Ташкент – Самарканд – Астрахань – Сталинград – Ростов – Донбасс – Саратов. В начале 1920-х годов создавал свои шедевры татарский композитор С.Сайдашев. Летом 1925 г. казанскому зрителю была представлена первая татарская опера «Сания» Г.С.Альмухамедова, В.И.Виноградова, С.Х.Габаша, через пять лет состоялась премьера новой национальной оперы «Эшче» («Рабочий») этих же композиторов.

В изобразительном искусстве, в котором блистали произведения русских казанских художников Н.И.Фешина, П.А.Радимова, П.П.Бенькова, Г.А.Медведева, В.К.Тимофеева и др., стали появляться первые художники из татар – Ф.Ш.Тагиров, Б.И.Урманче, С.С.Ахун.

А какую обширную и важную работу развернул Академический центр, созданный в 1921 г. в структуре Наркомата просвещения ТАССР с целью координации научно-исследовательской, научно-педагогической, музейно-архивной и переводческой деятельности! Можно прямо сказать, что республика, татарский народ были буквально вздыблены идеями культурного прогресса. То же самое положение было и в других регионах страны. Творческие деятели нерусских народов впервые в своей истории почувствовали себя самостоятельными, суверенными субъектами исторического процесса, горели желанием наверстать упущенное в развитии культуры своих народов. Они были уверены в том, что все сделанное ими сегодня, будет служить интересам их народов и в будущем. Это придавало им огромные творческие силы, рождало небывалый энтузиазм.

Однако по мере укрепления своих позиций в стране партийные органы все активнее стали вмешиваться в процессы развития художественной культуры и науки. Репертуар драматических театров, планы работы книжных издательств, творчество концертных исполнителей, композиторов, художников подвергались тщательной проверке. С годами эти меры по контролю приобретали все более жесткие формы и по существу превратились в партийно-идеологический диктат. Такое давление на художественную интеллигенцию стало особенно четко ощущаться с созданием в 1930-х годах союзов творческой интеллигенции – Союза писателей Республики Татарстан (1934 г.), Союза художников Республики Татарстан (1936 г.), Союза композиторов Республики Татарстан (1939 г.).

Во второй половине 1920-х гг. начинается полоса политических репрессий, к концу 1930-х гг. они вырастают в так называемую «ежовщину» или «большой террор». Первой жертвой этого беспрецедентного произвола в стране стал один из крупных политических деятелей из татар, теоретик национально-государственного строительства Мирсаид Хайдарович Султангалеев (1892–1940 гг.). С августа 1919 г. он работал в Москве был членом коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, председателем Центрального мусульманского комиссариата, руководителем Центрального бюро коммунистических организаций при ЦК РСДРП(б). Но по ряду вопросов осуществления национальной политики он выражал несогласие со взглядами Сталина. В результате чего в 1923 г. был осужден как враг партии, снят со всех должностей и подвергнут аресту. В 1928 г. его арестовали второй раз; в третий раз он был подвергнут тюремному заключению в 1937 и расстрелян в 1940 г. А далее шла целая череда расправ над представителями татарской творческой интеллигенции. К примеру, Габидуллин Хаджи Загидуллоевич, государственный деятель, историк. Он в 1930 г. был переведен на работу в

Москву. В 1933–1937 гг. занимал должность начальника Главного управления университетов и научно-исследовательских учреждений РСФСР и одновременно был заведующим кафедрой истории колониальных и зависимых народов в Московском университете. Был обвинен в принадлежности к некоей контрреволюционной троцкистско-националистической террористической организации и расстрелян.

Список таких людей, имена которых навечно вписаны в историю нашей культуры, очень большой. Назовем еще только одно из них. Это Галимджан Гирфанович Ибрагимов. 11 ноября 1932 г. Председателем ВЦИК СССР М.И.Калининым было подписано постановление, в котором говорилось: «Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, отмечая Вашу выдающуюся и исключительно полезную деятельность в области социально-культурного развития татарских трудящихся масс, выразившуюся в создании классических произведений татарской художественной литературы, в издании специальных трудов по изучению классово-борьбы и революционного движения среди татар, а также учитывая Вашу активную общественную работу, награждает Вас званием Героя Труда». Казалось бы, чего еще надо – такое высокое признание, но нет, 3 августа 1937 г. Ибрагимов, находившегося на лечении в Крыму, арестовали, привезли в Казань и поместили в лазарет НКВД ТАССР, где он и скончался 21 февраля 1938 г.

С 1927 г. был взят курс на сворачивание, затем и прекращение деятельности Академцентра.

Таким образом, невиданный в мировой истории опыт по преобразованию культурного облика такой огромной и многонациональной страны в результате развернутого Сталиным преступного произвола не получил логического завершения. Широчайшие возможности, открытые Октябрьской революцией для подъема культуры, развития науки, в стране и национальных республиках во многом остались не использованными, великий праздник духа был подавлен.

Список источников и литературы

1. Основные материалы к плану хозяйства и культуры Татарской АССР на 1936 год. – Казань, 1936.
2. Культурная революция в СССР. 1917–1965 гг. – М., 1967.
3. Культурное строительство в Татарии. 1917–1941: Сб. док. и материалов. – Казань, 1971.
4. Ленин и культурная революция. Хроника событий. 1917–1923. – М., 1972.
5. Ежегодник России. 1910 г. – СПб., 1911.

6. Культурное строительство в Татарии. 1941–1970: Док. и материалы. – Казань, 1978.
7. Гарипова З.Г. Культурно-просветительная работа в Татарии в годы 1-й пятилетки. – Казань, 1985.
8. Культурная революция в Татарии (1917–1937 гг.). – Казань, 1985.
9. Семенихина И.Н. Советская историография культурной революции в Среднем Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987.
10. Татарская энциклопедия. В 6-и томах. – Казань, 2002–2014.
11. Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы: 1920–1930 е гг. – Казань, 1988.
12. Республика Татарстан. 1920–2000: Стат. сб. – Казань, 2001.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Габдрафикова Л.Р. Частные миры революции 1917 года: постановка проблемы. В статье рассматриваются основные задачи и направления работы научной конференции «Частные миры Великой русской революции», приуроченной к 100-летию революции и организованной Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ (28–29 сентября 2017 г., Казань). Приводится краткий обзор разделов сборника. **Ключевые слова:** историческая антропология, история частной жизни, повседневность, частная собственность, общественные настроения, коллективные биографии.

Маслова И.В. Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях. В статье исследуются новейшие тенденции в методологии исторического знания, связанные с появлением новых исследовательских подходов и концепций, развитием кросс-дисциплинарных направлений. Вопросы, поставленные перед современной исторической наукой, предполагают поиск новой исследовательской оптики, связанной не столько с причинностью или последствиями, сколько с контингентностью истории. Парадигмальный спор сторонников макро- и микро- исторических походов начавшейся к концу прошлого столетия находит возможности для консенсуса в рамках локальной истории, исследовательские материалы которой могут и должны включаться в обобщающие исследования, проводимые на принципах макро-истории.

Предметом изучения историка становится не просто человек в истории, а человек взаимодействующий. Коммуникативный подход к изучению человека в истории выводит исследователя на проблемы идентичности, коллективной памяти. **Ключевые слова:** микро-история, коллективная память, локальная история, идентичность, контингентность истории.

Данилов С.А. Частный мир и институты революции: риски бунтующего социума. В статье исследуются аспекты трансформации приватного пространства человека в условиях революционного социума. Изменения обусловлены кризисом институциональной структуры общества, что напрямую влияет на изменения частной сферы. Возникающие амбивалентные состояния определяют ситуации, когда частное становится общественным, а общественное – частным. Ситуация революции представлена сосуществованием конструктивных и деструктивных начал, тенденций консолидации и дезинтеграции. **Ключевые слова:** революция, институты, ценности, приватное, риски, власть.

ДОМ И СЕМЬЯ

Маслова И.В. Революция и предпринимательство: судьбы Стахеевых после 1917 г. (на материалах личного происхождения). В статье исследуются революционные события 1917 г. и их последствия в контексте личностного восприятия российскими предпринимателями. Исследование проведено на основе анализа документов личного происхождения, хранящихся в семейных архивах потомков Стахеевых во Франции и Англии. **Ключевые слова:** Великая русская революция, Стахеевы, источники личного происхождения.

Таиров Н.И. События 1917–1918 годов и татарские предприниматели Акчурины. В статье, опираясь на архивные документы, материалы периодических изданий, мемуары и опубликованные материалы исследуются некоторые страницы жизни и деятельности татарских предпринимателей Акчуриных после событий 1917–1918 годов. **Ключевые слова:** 1917–1918 годы, Россия, татары, предприниматели Акчурины, Симбирская губерния.

Гайнанова М.Р. Семья Садри Максуди в годы революции. В статье рассматривается жизнь Садри Максуди и его семьи в нач. XX в. Автор описывает жизнь семьи в эмиграции (Финляндия, Германия, Франция). **Ключевые слова:** Российская империя, революция, эмиграция, татарская интеллигенция, Садри Максуди, Камиля Рамиева, Гаяз Исхаки.

Филиппова А.Л. Царицын – Париж. История семьи. События 1917 г. изменили судьбы многих россиян. Не обошли эти события стороной и донское казачество. Об одной из таких удивительных историй этот рассказ. **Ключевые слова:** Станица Кременская, донская казачка, французский завод, Царицын.

Габдрафикова Л.Р. «Женский вопрос» и революция в татарском обществе: опыт историко-биографического анализа. К началу XX в. самыми эмансипированными среди мусульманок Российской империи были татарские женщины. Они сыграли особую роль в культурной революции 1920-х гг. в мусульманских регионах Советской России. В статье представлен опыт анализа биографий татарских активисток периода революции. Для этого были изучены автобиографии участниц женского движения. Автором выделены типичные и уникальные моменты в их судьбах, основные мотивы общественной деятельности в эпоху перемен. **Ключевые слова:** феминизм, повседневность, татарское общество, джадидизм, исторические биографии, автобиографии, женское движение, А.Сайфи, А.Мухетдинова, К.Валитова, З.Баимбетова, Г.Тазетдинова.

Зиннатуллина А.А. Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары (Предпосылки возникновения первых татарских детских садов и их становление). В статье дается краткий обзор существовавших до Октябрьской революции дошкольных детских учреждений. Указываются главные цели и задачи, типы первых детских учреждений, возникших в первые годы после революции. Упомянуты татарские педагоги, которые содействовали становлению и развитию татарских детских организаций. Учитывая тот факт, что детские дошкольные учреждения для татарских детей были созданы впервые, подчеркиваются способы их учреждения, указывается, на что опирались авторы в первую очередь). Статья на татарском языке. **Ключевые слова:** детские сады, детские дошкольные учреждения, ясли, трудовое воспитание, гигиена.

Марданова Д.З. «Я» – жена-коммунистка. Враг? В статье рассматривается участие в коммунистическом проекте по созданию сознательных советских граждан Юлии Пятницкой, жены известного партийного деятеля Осипа Пятницкого. Через дневник Пятницкой прослеживается постепенное трансформация ее субъективности и превращение женщины из «обычной» жены-индивидуалистки, заботящейся прежде всего о счастье собственной семьи, в жену-коммунистку и сознательного советского гражданина. Главным жизненным приоритетом обновленной Юлии становятся интересы партии и будущее страны; личные и семейные ценности при этом отходят на второй план. **Ключевые слова:** субъективность, СССР, «чистки», Большой террор, Юлия Пятницкая, жена-коммунистка.

Махмутов З.А. Революция в судьбах татар Петропавловска. Данная статья освещает судьбу видных представителей татарской общины Петропавловска в революционное и постреволюционное время. В дореволюционный период город являлся одним из крупнейших центров концентрации татарского населения в степной зоне. Революционные события развели татар Петропавловска по разные стороны баррикад: одни из них поддерживали «белое» движение, другие стали яркими фигурами в стане большевиков. Судьбы большинства из них сложились весьма трагично. Численность татар в городе после революционных событий сократилась почти в два раза. **Ключевые слова:** Петропавловск, татары, революция, гражданская война, репрессии.

Гайкин В.А. Биография старого дома (бывшая дача Бринеров в пригороде Владивостока). Статья о биографии дома, отразившей историю XX века с его войнами, социальными катаклизмами. Люди, пристанищем которых стал особняк на станции Санаторной, были причастны ко многим «великим потрясениям». **Ключевые слова:** станция Санаторная, Бринер, Ким Ир сен, Генрих Люшков.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Шайдуллин Р.В. Земельный вопрос в России в 1917–1918 гг. В статье рассматривается один из ключевых периодов истории аграрного сектора экономики России XX в. – период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., когда произошли масштабные земельные переделы в российской многонациональной деревне, в целом имевшие стихийный, народный характер. Кроме того, вкратце анализируется деятельность Временного правительства в контексте изучения аграрных программ социалистов-революционеров, а также большевиков, раздувших огонь крестьянской стихии и отдавших крестьянам на разграбление частновладельческие земли и имения, отчасти и крестьянские (хуторян, отрубников и др.). Установлено, что новые земельные переделы, спровоцированные большевиками, не способствовали существенному приращению к крестьянской земле, наоборот разрушили устойчивые земельные отношения в деревне и усилили общинные традиции в земельных отношениях. **Ключевые слова:** Россия, Казанская губерния, Временное правительство, крестьянство, земельный вопрос, социалисты-революционеры, большевики, аграрные преобразования 1917–1918 гг.

Батыршин Р.Р. Организация и деятельность земельных комитетов Казанской губернии весной–летом 1917 г. В статье рассматривается деятельность земельных комитетов Казанской губернии, направленная на подготовку аграрной реформы, осуществляемой Временным правительством в 1917 г. Представлено влияние местных земельных комитетов на решение крестьянского вопроса в революционный период и формирование новых властных структур на селе. **Ключевые слова:** Казанская губерния, крестьянство, земельные комитеты, аграрный вопрос, Временное правительство.

Рафиков А.М. 1917 год в судьбе купеческой династии Заитовых. В статье рассматривается родословная вятской купеческой династии Заитовых. Автор воссоздает генеалогию этой фамилии, анализирует предпринимательскую и общественную деятельность ряда ее представителей в дореволюционный период. Основное внимание уделяется судьбам некоторых представителей рода Заитовых после Октябрьской революции 1917 г. и в первое десятилетие советской власти. **Ключевые слова:** Вятская губерния, купечество, Заитовы, торгово-предпринимательская и общественная деятельность, Октябрьская революция 1917 г., раскулачивание.

Медеубаев Е.И. «Красногвардейская атака на капитал» в городах Казахстана в эпоху «военного коммунизма» (1918–1921 гг.). В данной статье освещаются некоторые актуальные вопросы, касающиеся частной жизни человека, его частной собственности, бытовых и семейных забот в городах Ка-

захстан в эпоху «военного коммунизма» в 1918–1921 гг. Под натиском революционных преобразований правосознание в обществе претерпело значительную трансформацию. Полностью игнорировалось право неприкосновенности частной собственности. Большевистский режим не признавал правовых механизмов, подменив их аморфным понятием «революционная законность». Все это создавало простор для произвола и разгула беззакония со стороны власти. **Ключевые слова:** революция, «революционная законность», национализация, конфискация, реквизиция, экспроприация, «военный коммунизм».

Рябец И.А. Судьбы провинциальной интеллигенции в 1917–1918 гг.: на примере «музыкальной истории» семьи Гольник в Царицыне. В статье предпринята попытка воссоздать картины городского музыкального быта г. Царицына, которые стали фоном для изучения истории семьи владельцев музыкального магазина – Гольников с момента их появления в городе в начале XX в. вплоть до событий 1917–1918 гг., участниками которых они стали. **Ключевые слова:** музыкальная культура Нижнего Поволжья, инструментально-музыкальный магазин, отдел по борьбе со спекуляцией.

ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

Миронова Е.В. Н.И. Фешин: художник и революция. В статье рассматривается жизнь и творчество казанского художника Н.И. Фешина от Октябрьской революции до переезда в Америку. Показаны как бытовые, так и творческие условия этого периода, разобраны мотивы его выезда из страны. Сделан вывод, что хотя Фешин и не выступал против большевиков как политической силы, но из-за неблагоприятных материальных условий жизни был вынужден уехать в Америку. **Ключевые слова:** Н.И. Фешин, Октябрьская революция, художники, Казань, Казанская художественная школа.

Мусаева У.К. Усеин Абдурезиевич Боданинский (1877–1938) и сохранение историко-культурного наследия Бахчисарая в годы революции. В статье рассмотрены на основе обширного корпуса архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, деятельность Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры г. Бахчисарая в годы революции. Восстановлена подвижническая деятельность в области изучения и сохранения историко-культурного наследия, становление и развитие музейного учреждения. В статье так же рассмотрена научная жизнь и активизация памятникоохранительной и музейной деятельности в 1917–1918 гг. известного этнографа, музееведа У.А. Боданинского. **Ключевые слова:** У.А. Боданинский, Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, Крымская АССР, музееведение.

Никонова С.И. Иерей В.М. Филиппов (1874–1937): жизнь и судьба.

Важные для страны события нашли отражение в судьбах людей, ставших современниками Великой Российской революции. Революция четко разделила жизнь каждого человека на «до» и «после». Для отдельных категорий населения жизнь «после» – это лишения, невзгоды, семейные и личные трагедии. В статье рассмотрены жизненные реалии представителя сельской духовной интеллигенции В.М. Филиппова. Отец Владимир разделил судьбу миллионов российских граждан, отдавших жизнь за веру и служение Отечеству. **Ключевые слова:** духовная интеллигенция, сельский священник, законоучитель, земские школы.

Зайнутдинов Д.Р. Татарские правоведы и татарская правовая мысль в начале XX века. В статье рассматривается становление татарской правовой мысли в области теории и истории государства и права в эпоху социальных потрясений начала XX века. Отдельное внимание уделено трансформации воззрений татарских правоведов в дореволюционной и послереволюционный периоды. В процессе исследования автор концентрирует внимание на работах Хасан-Гата Габяши, Мусы Бигиева, Юсуфа Акчуры, Садри Максуди, Хади Атласи, Гаяза Исхаки, Габделбари Баттала, Газиза Губайдуллина. **Ключевые слова:** татарские правоведы, теория государства и права, история государства и права, Революция, Гражданская война, эмиграция.

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Машковцев А.А. Распространение баптизма в Волго-Уральском регионе в 1905–1917 гг. В статье рассмотрено распространение баптизма на территории трёх губерний Волго-Уральского региона (Казанской, Пермской и Вятской) в 1905–1917 гг. Автор проанализировал причины активизации баптистов в годы Первой русской революции и Думской монархии. Кроме того, выявлены районы наибольшей активности представителей данной религиозной группы, фамилии их лидеров и наиболее деятельных членов. А.А. Машковцев отмечает, что баптистские общины Волго-Уралья пополнялись не только за счет сторонников Русской православной церкви, но также и адептов иных конфессий, в частности старообрядцев. **Ключевые слова:** органы государственной власти, конфессиональная политика, баптизм.

Рашитов Ф.А. Четвертый на Земле «мироворвец» (о Мергалетдине Курамшине). Рассказывается о драматической судьбе саратовского купца М.А. Курамшина, который в условиях охвативших Россию системного кризиса и революционной лихорадки, выступил с проектом радикальной реформы всех существующих на Земле религий, объявив себя четвертым – после Мои-

сея, Иисуса, Мухаммеда – «миротворцем». Конкретно речь шла о созыве Всемирного Духовного Собора для выработки единого для всего человечества Духовного Закона. В сообщении главное внимание уделено изложению социально-нравственных взглядов татарского «пророка» в связи с проходившими в стране и мире в начале XX века революционными потрясениями. **Ключевые слова:** религия, реформы, Духовный Собор, наука, справедливость, братство.

Салахова Э.К. Бөтенрусия мөселманнарының гомуми корылтаенда (Мәскәү, 1–11 май 1917 ел) дини тәшкилат проблемасы (Проблема религиозной организации на Всероссийском мусульманском съезде (Москва, 1–11 мая 1917 г)). Статья посвящена изучению одной из ключевых тем Всероссийского мусульманского съезда (Москва, 1–11 мая 1917 г.) – религиозного вопроса. Также рассматриваются другие проблемы, поднятые мусульманскими делегатами съезда: создание мусульманской религиозной организации мусульман всей России, определение дальнейшего развития мусульман в сложившихся реалиях после февральской революции. На съезде по религиозным вопросам были заслушаны 2 доклада, которые были представлены видными татарскими общественными деятелями С. Алкиным и К. Тарджемани. В статье дан анализ их докладов и предложений по созданию религиозных объединений и религиозных учреждений. Особый акцент был сделан на выступление К. Тарджемани, как на менее известный источник, который незаслужанно выпал из поля зрения исследователей этого события и того времени. Статья на татарском языке. **Ключевые слова:** революция, 1917 год, Всероссийский мусульманский съезд, религиозные вопросы, религиозные объединения, история татарского народа.

Яшина М.А. Эволюция взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви в период 1917–1929 гг. В статье рассматривается эволюция взаимоотношения Русской православной церкви (РПЦ) и советского государства в период НЭПа как в центре так и на периферии (на материалах Урала), восстановление патриаршества и реорганизация церковной жизни, давление начальника ОГПУ на архиереев РПЦ для признания советской власти, позиция местоблюстителей к происходящим событиям в указанный период. **Ключевые слова:** патриарх, местоблюститель патриаршего престола, митрополит, епископ, церковные ценности, Малый Собор, обновленцы, тихоновцы, григорианцы.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Синова И.В. 1917 год: вопросы повседневной жизни и моды в российских женских журналах. В статье на основе анализа публикаций в российских женских журналах – «Журнале для женщин» и «Женское дело» за 1917 год показано отражение вопросов повседневной жизни на фоне растущей политической активности населения. Журналы публиковали статьи о достижениях революции, о борьбе женщин за своё равноправие в сочетании с кулинарными рецептами, советами по красоте, здоровью, гигиене, дизайну квартиры, модной одежде, предлагали альбомы прикладного искусства и выкройки платьев. **Ключевые слова:** российские женские журналы, повседневная жизнь, революция, мода.

Зезегова О.И. Революция 1917 года по дневникам петроградской интеллигенции. Дневники Ольги Викторовны Синакевич и Владимира Владимировича Бирюковича дают описание Петрограда в период Великой российской революции 1917 года. Это взгляд мужчины и женщины, зрелого и молодого человека, историка и математика на одни и те же события. **Ключевые слова:** дневники, революция 1917 года, Петроград, повседневность, Синакевич, Бирюкович.

Шадманова С.Б. Продовольственный кризис в Туркестане: доходы и потребление (1914–1917 гг.). В статье исследуются вопросы продовольствия в Туркестане в 1914–1917 гг. В первой части статьи анализируются география экспорта сельскохозяйственных продуктов и цены на продукты. Затем рассматривается, в каком количестве одна семья в среднем и какую продукцию потребляла. Также, для яркого представления ситуации с продовольствием цифры, касающиеся Туркестана, сравниваются с данными других регионов Российской империи. В последующей части раскрываются вопросы худшего потребления продуктов сельского населения края, чем городских жителей. Кроме того, освещается какую часть заработков местные дехкане и рабочие тратили на закупку продуктов. В последней части статьи анализируется влияние экономического положения 1917 года на потребление продуктов питания местного населения. **Ключевые слова:** Туркестан, повседневность, доходы населения, Первая мировая война.

Макарова В.Н. Жизнь в провинции в годы революции глазами петербургского кадета (по воспоминаниям А.А.Алексеева). В статье приводятся фрагменты из воспоминаний Александра Алексеевича Алексеева – известного мультипликатора, который в юности вынужден был покинуть Санкт-Петербург. События Революции и Гражданской войны увиденные глазами будущего художника живописуют развитие событий в провинции, обра-

зы, характеры, отношения. **Ключевые слова:** Революция, Гражданская война, провинция, заложники, Транссибирская железная ветка.

ВЛАСТЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Абдуллин Х.М. Командующий войсками Казанского военного округа Александр Генрихович Сандецкий: поступки и восприятие обществом в 1917 г. Статья посвящена биографии и деятельности на посту Командующего войсками Казанского военного округа Александра Генриховича Сандецкого. Исследование построено, преимущественно, на анализе приказов по военному округу, мемуаров и воспоминаний, а также специальной исторической и военной литературы. Наибольшее внимание уделено характеру деятельности генерала на высших военно-административных постах в период 1905–1917 гг., и в особенности в предшествующие месяцы и в период Февральской революции 1917 г. **Ключевые слова:** генерал от инфантерии Александр Генрихович Сандецкий, Казанский военный округ, Первая мировая война, Февральская революция 1917 г.

Миронова Е.В. Формирование народной милиции в Казанской губернии после Февральской революции. В статье рассматривается процесс реорганизации правоохранительных органов Казанской губернии между Февральской и Октябрьской революциями. Показаны проблемы становления народной милиции, её кадровый состав, деятельность и причины её неэффективности. Автор делает вывод, что слабость милиции является одним из факторов падения власти Временного правительства в Казанской губернии. **Ключевые слова:** Казанская губерния, Февральская революция, Временное правительство, правоохранительные органы, милиция.

Афонина Е.В. Деятельность уездных комитетов общественной безопасности в 1917 году (на примере Свяжского уезда). Статья о создании и деятельности Свяжского уездного комитета общественной безопасности в период с апрель по октябрь 1917г. Основными источниками исследования стали протоколы заседания этого комитета, отразившие политические и экономические события времени. **Ключевые слова:** Временное правительство, уездный комитет общественной безопасности, Свяжский уезд, 1917, уездный комиссар.

Курмаев Ю.Я. Большевики Саратова и их политические противники в 1917 году. Статья посвящена установлению советской власти в Саратовской губернии, борьбе отдельных политических деятелей за умы людей. Актуальность статьи заключается в том, что в 1917 г. вопрос о власти для разных политических партий решался не только в Петрограде и Москве, а,

пожалуй, больше в регионах, где процесс радикализации масс шел гораздо медленнее, нежели в столице. **Ключевые слова:** революция, Саратов, партии, губернатор, комиссар.

ЛИЦА ЭПОХИ

Ошаев А.Г., Сануков К.Н. Просветитель П.П.Глезденев на Первом Всероссийском съезде марийского народа. В статье рассматривается участие и роль просветителя П.П. Глезденева в организации и проведении Первого Всероссийского съезда народа мари. Съезд состоялся 15 – 25 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии. В проведении этого крупного и важного события в жизни марийского народа большая заслуга принадлежит известному миссионеру, издателю и педагогу П.П. Глезденеву. Он стал одним из подлинных выразителей национальных интересов народа, способствовал пробуждению национального самосознания. **Ключевые слова:** Революция 1917 г., просветитель П.П. Глезденев, Первый Всероссийский Съезд Мари, газеты «Война Узэр» и «Ўжара», культурно-просветительская работа.

Кажаров А.Г., Захохов З.Ю., Самко М.М., Соломина И.Ю., Политова Н.И. Пшемахо Тамашевич Коцев: исторические реалии жизни. В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути П.Т. Коцева, одного из руководителей горского национального движения на Северном Кавказе в 1917–1920 годах. Освещаются малоизвестные страницы из истории Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана и Горской Республики. **Ключевые слова:** Кабарда, Нальчик, Владикавказ, Союз горцев, Горская Республика, Стамбул, мусаватисты, Северный Кавказ, горцы, казаки.

Кротова М.В. Проекция человеческой судьбы на русскую революцию: биография А.М.Дьяконова. Статья посвящена биографии А.М. Дьяконова – потомственного дворянина, юриста, чекиста. В его судьбе отразились не только все события переломной эпохи, но и личный опыт пути в революцию. Изучение биографии А.М. Дьяконова с помощью микроисторического подхода позволяет проанализировать как индивидуальные стратегии, так и процессы эволюции ментальности, раскола национального самосознания, порожденного революцией. Статья основана на неопубликованных архивных источниках из РГАСПИ, ГА РФ, РГИА. **Ключевые слова:** биография, А.М. Дьяконов, микроистория, ВЧК, революционный трибунал, КВЖД.

Попков В.И., Болдырев Ю.Ф., Назарова О.В., Болдырев Н.Ю. Дмитрий Николаевич Потоцкий. 1880–1949. В статье рассматриваются судьба и военная карьера генерал-майора, участника Белого движения Дмитрия Николаевича Потоцкого (1880–1949). Раскрываются малоизвестные факты его

пребывания в станице Урюпинской в 1917 г., когда атаманом Области Войска Донского А.М. Калединым ему было поручено подготовить казачьи части для наступления в центр России на Москву. Приводятся причины, помешавшие осуществлению этого замысла. **Ключевые слова:** Дмитрий Николаевич Потоцкий, биография, Белое движение на Юге России, 7-я Донская казачья дивизия, белые и красные, станица Урюпинская.

Будченко Л.И. Организатор и вожак первых царицынских большевиков. Построение справедливого общества было мечтой человечества на протяжении веков. Такая попытка была предпринята в России в 1917 году. И среди тех, кто искренне верил в её осуществление и тяжело переживал происходившее в стране в 1920–30-е годы, был Сергей Константинович Минин. Сегодня это имя почти забыто. **Ключевые слова:** Царицын, председатель комитета РСДРП(б), 1917 год, 1937 год.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Биктимирова Т.А. Татар хатын-кызларының беренче корылтаена 100 ел! (100 лет первому съезду татарских женщин!). В статье рассматривается политическая обстановка после установления Временного правительства. Под руководством татарских просветителей татарские женщины стремились добиваться политического равноправия. Чтобы обсудить ближайшие задачи, которые стояли перед женским движением, они решили созвать съезд мусульманок России. Статья на татарском языке. **Ключевые слова:** общественно-политическая обстановка, под давлением рабства, татарская интеллигенция, равноправие женщин, Мусульманская фракция, женский мир.

Исхаков Р.Р. Конструируя кряшенскую идентичность: дискуссии вокруг «кряшенского вопроса» в 1917–1920-х гг. В статье проанализированы формирование и эволюция взглядов кряшенских общественных и политических деятелей 1917–1920-х гг. на место татар-кряшен в полиэтническом пространстве Волго-Уралья. Показаны причины, приведшие к отказу от реализации проекта создания культурно-национальной автономии кряшен и их интеграции в татарское культурно-информационное и национальное пространство. **Ключевые слова:** кряшены, Великая русская революция, Общество мелких народностей Поволжья, кряшенский отдел, ТАССР.

Бабюх В.А. К проблеме определения настроений и мотивов поддержки украинской интеллигенцией Украинской революции 1917–1921 гг. В статье, на основе анализа литературы и источников, сделана попытка раскрыть настроения украинской интеллигенции в период Украинской революции 1917–1920 гг. Выделены аспекты, влияющие на возможные мотивы поддерж-

ки интеллигенцией политики Украинской Центральной Рады. Проведена классификация данного слоя общества и выделена взаимосвязь между отдельными его группами и их настроениями и взглядами. **Ключевые слова:** украинская интеллигенция, Украинская революция, Украинская Центральная Рада, настроения, мотивы.

Рябая С.А. Протестные настроения населения Вятской губернии в 1917 г.: влияние Первой мировой войны и русской революции. В статье показано нарастание недовольства и протестного настроения среди населения Вятской губернии в 1917 г., связанного с затянувшейся Первой мировой войной и начавшимися революционными выступлениями. **Ключевые слова:** Первая мировая война, революция 1917 г., революционное движение, протестное настроение, Вятская губерния.

Ефимова Е.А. Скауты в России в 1917 году. В статье освещены эпизоды истории скаутского движения в России в 1917 году; затронуты моменты историографии скаутизма и его периодизации. **Ключевые слова:** скаутизм, скаутское движение, история, 1917 год, периодизация, историография.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И РЕВОЛЮЦИЯ

Габдрафикова Л.Р. «Потерянное поколение» татарской молодежи начала XX века (на примере биографии Абдулхамида Апанаева). Буржуазные изменения пореформенного времени и джадидские преобразования оказали значительное влияние на формирование личности молодых людей, родившихся в 1880-е годы. Они были первым поколением «европеизированных» татар, которые с детства оказались в центре новой городской культуры. Абдулахамид Апанаев – один из ярких представителей этой молодежи, становление и зрелые годы которого пришлись на начало XX века. **Ключевые слова:** татары, ислам, джадидизм, повседневность, музейные коллекции, Апанаевы, татарское купечество, репрессии.

Багаутдинова Х.З. Назия Максудова: биография ответственного работника (1903–1949). В статье представлены материалы, раскрывающие основные вехи жизни: общественной, культурно-просветительской и политической деятельности Назии Абдулджамилевны (Эмельяновны) Максудовой в 1917–1948-е гг. Биография Н.А. Максудовой составлена на основе документов личного происхождения, которые находятся в фондах Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан. Эти материалы помогают проследить и оценить на примере судьбы одной личности – представителя татарской советской интеллигенции – события сложной и неоднозначной эпохи. **Ключевые слова:** Н.А. Максудова, дер.

Уразаево, Салаушская волость, Агрызкий район РТ, Красно-Борский район ТАССР.

Ишмухамедова Р.И. Жизнь и подвиг братьев Рамазановых. В сообщении на примере жизни братьев Шигапа и Феттяха Рамазановых рассматриваются важные для историографии вопросы о вовлечении татарских крестьян в российское революционное движение, о влиянии революционных преобразований на процессы самореализации личности. Исследование позволяет сделать вывод об органической связи Октябрьской революции и Советской власти с живым творчеством трудящегося народа, о благотворительном влиянии революции на татарское крестьянство, на отдельных его представителей. **Ключевые слова:** революция, учитель, народное образование, университет, война

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

Худобородов А.Л. Восприятие революции 1917 г. и гражданской войны в мемуарах офицеров Оренбургского казачьего войска. В статье исследуется отражение событий революции 1917 г. и гражданской войны в воспоминаниях оренбургского казачьего войска И.Г. Акулинина, Г.В. Енборисова и А.В. Зуева. Показано влияние личного субъективного опыта участия этих событий, горечи поражения в гражданской войне на восприятие революции и гражданской войны в данных мемуарах. **Ключевые слова:** революция, гражданская война, казачество, белое движение, войсковой круг.

Павлова Н.А. Формирование в мемуарах образа врага: классовые стереотипы рабочих Пермской губернии. В статье рассматриваются представления рабочих Пермской губернии о врагах революции. Они позволяют раскрыть особенности присущей им идейной системы и способа восприятия действительности. Дихотомия «свои-чужие» в их сознании базировалась на соотношении идеологии и традиционной политической культуры, группового сознания рабочих. **Ключевые слова:** воспоминания, большевики, образ, рабочие, Пермская губерния, враги революции, буржуазия, капитал.

Боднарь О.И. Гражданская война в воспоминаниях. Гражданская война в России стала одним из явлений XX в., повлекшими за собой масштабные изменения. Не обошло стороной и заводской посёлок Бондюжский (в 1967 г. переименован в город Менделеевск). Изучение записей воспоминаний участников войны Менделеевского района, позволило составить хронологический ряд из жизни борцов за власть, происходящих на территории края. **Ключевые слова:** Менделеевск, Бондюжский химический завод, партизан

ское движение бондюжцев, Февральская буржуазная революция, военные столкновения Красной и Белой армий 1918–1919 гг.

Мещерякова Е.Ю. Период гражданской войны в Бондюжском крае. Есть в Татарстане небольшой провинциальный город Менделеевск. В 2017 г. будет праздноваться 50-летие города, до 1967 г. он назывался рабочий поселок Бондюга. В период гражданской войны Бондюга находилась в эпицентре событий тех лет. **Ключевые слова:** Гражданская война, Бондюга, воспоминания очевидцев, эвакуация оборудования и специалистов.

Сизов С.Г. Встреча с трагической реальностью: письмо омской гимназистки Зои Гавриловой о раненых воинах (1919). В статье рассмотрено письмо омской гимназистки Зои Гавриловой, в котором рассказано об ужасных условиях нахождения на станции Куломзино больных и раненых воинов. Письмо рассмотрено в статье как свидетельство очевидца, которое отражает тяжелейшую ситуацию с медицинской помощью в Белом Омске в годы гражданской войны. Гражданская война привела к резкому ослаблению медико-санитарной службы, нехватке лекарств, медицинского персонала, материальных средств. Правительство А.В. Колчака и местные органы власти принимали меры для борьбы с эпидемиями, но они были недостаточно эффективными. **Ключевые слова:** повседневность, Белый Омск, гражданская война, правительство А.В. Колчака, эпидемия тифа, медицина, санитария.

Хайрутдинов Б.Ю. Эго-документы сельских мугаллимов предреволюционной эпохи (по материалам журнала «Шура»). В статье анализируются в качестве эго-документов статьи преподавателей сельских мектебе и медресе в журнале «Шура», посвященные собственному социально-экономическому положению последних. Выявляются причины, обусловившие поддержку начальной фазы революционных событий наиболее образованной прослойкой татарского населения Российской империи. **Ключевые слова:** эго-документы, микроистория, мектебе, медресе, журнал «Шура», джадидизм, Великая Октябрьская Социалистическая Революция.

РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО

Алиева С.И. Азербайджан и Северный Кавказ в период русской революции 1917 года: историография. Советизация Азербайджана и Северного Кавказа по-разному нашла свое отражение в историографии. Освещение, трактовка и оценка этого сложного процесса зависело от конъюнктуры, личности и места проживания автора. От политической конъюнктуры менялся характер и вектор научных работ. В целом, полярность и эволюция концептуальных подходов демонстрирует зависимость исторических исследований как продукта

общества от идеологии и духа этого общества. Позиция автора зачастую была подчинена необходимости и штампам времени. Историографию по истории Азербайджана и Северного Кавказа по изучаемой теме можно разделить условно на четыре периода: 1) Период установления и упрочения советской власти на Кавказе (1920–1934 годы); 2) Период культа личности (1934–1956 гг.); 3) Период Хрущевской оттепели и Брежневского застоя (1956–1985 гг.), характерной чертой которого является отказ от многих сталинских установок и т.п. Вплоть до «перестройки» Горбачева, провозглашения «гласности» и «нового политического мышления», введения многопартийной системы и объявление предыдущего периода как «застойного». 4) Современный период, который начинается с момента распада СССР и продолжается до наших дней. **Ключевые слова:** Азербайджанская Демократическая Республика, РСФСР, Северный Кавказ, историография, революция, эмиграция, национальная история.

Нихат Бойукбаш. Советская революция и уроки истории в школах Турецкой Республики. В статье проанализированы учебные программы уроков обществознания и истории, принятые в системе начального, среднего и высшего образования Турции. Особое внимание уделяется эпизодам, связанным с историей Советской России и постсоветским пространством. **Ключевые слова:** Советская революция, революция 1917 г., урок истории, система образования Турции, учебная программа, учебники.

Аргасцева С.А. Художественные панорамы, посвященные теме «Оборона Царицына». В статье рассматривается становление советского панорамного искусства вплоть до Великой Отечественной войны. Проблема раскрывается на примере темы «Оборона Царицына в годы Гражданской войны», с акцентом на её художественной составляющей. **Ключевые слова:** панорама, Царицын, Сталинград, Гражданская война, М.Б. Греков.

Приходько С.А. Брянская область в октябре 1917 года: дневник событий первых дней советской власти. В настоящей статье освещены драматические события, развернувшиеся в Брянской области в течение первой недели Советской власти. На основе широкого круга архивных и публицистических источников автор воссоздаёт хронологию эпохи вековой давности. Текст представляет собой своеобразный дневник, охватывающий конец октября 1917 года. Значительное внимание автор уделяет межпартийной борьбе. Для аспирантов, историков, научных сотрудников, политиков и преподавателей. **Ключевые слова:** Брянская область, 1917 год, Орловская губерния, Черниговская губерния, большевики, Новозыбков, Петроград.

Мисте Хотопп-Рике, Руперт Кайзер. Татарский светильник из Гарделегена: частные миры Первой мировой войны. Статья посвящена обнаруженному в 2015 г. в немецком городе Гарделегене экспонату времен

Первой мировой войны – деревянной люстре. Она была сделана военнопленным из Вюнсдорфского лагеря – казанским татаринном Насибуллой. Кроме того, акцентируется внимание на трудностях идентификации солдат-мусульман, искажении их имен в архивных документах, а также на мемориалах времен Первой мировой войны на территории Германии. **Ключевые слова:** Первая мировая война, военнопленные, артефакты, татары, мусульмане, военные мемориалы.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ОБЩЕСТВА

Бушуета Л.А. В поисках путей модернизации: Казанский университет и преобразования в высшей школе в 1917 г. В статье рассматриваются реформы Временного правительства в системе высшего образования. Показано, каким образом эти преобразования проходили в Казанском университете. **Ключевые слова:** 1917 г., Казанский университет, Временное правительство, Министерство народного просвещения, профессора, преподаватели.

Крапоткина И.Е. Российское образование в 1917–1918 учебном году: сохранение наследия или формирование новой школы. В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в системе образования России к 1917–1918 учебному году. Переходный этап характеризовался крайней нестабильностью и дезорганизацией работы всех структурных элементов: начиная от министерства просвещения, администрации учебных округов, заканчивая отдельными школами. В дело сохранения основ образования и просвещения включилась педагогическая интеллигенция, которая сумела отстоять и сохранить накопленный опыт в развитии отечественной школы. **Ключевые слова:** Великая российская революция, система образования, Казанский учебный округ, попечитель, педагогическая интеллигенция, сохранение культурного наследия.

Муртазина Л.Р. Совет властеның беренче елларында татарлар арасында укый-яза белмәүчелекне бетерүнең кайбер мәсьәләләре (ТАССР мисалында) (Некоторые вопросы ликвидации безграмотности среди татар в первые годы Советской власти (на примере ТАССР)). В статье раскрываются некоторые особенности проведения ликвидации безграмотности – одной из масштабных кампаний, проведенных молодым советским государством в первые годы его существования. Указываются формы и пути ее реализации в условиях Татарской республики, уделяется внимание также учебникам, методическим пособиям для татарских ликпунктов, освещению проблемы на страницах татарских газет. Статья на татарском языке. **Ключевые слова:** ликбез, безграмотность, обучение грамоте, ликпункт, ликвидатор, политическое воспитание, учебники.

Сабирзянов Г.С. Испорченный праздник духа. К 100-летию начала культурной революции в СССР. Культурная революция – одна из основных закономерностей утверждения Советской власти и социалистического строительства в СССР. В ходе ее был осуществлен перевод идейно–политических основ функционирования культуры на базу идеологии марксизма–ленинизма. Это и величайший в истории опыт практического решения вопросов повышения образовательного уровня, общей культуры народных масс, науки и искусств, мощного развития культур нерусских народов. Однако диктат партийных органов и политика репрессий душили творческую мысль и инициативу деятелей культуры. **Ключевые слова:** культурная революция, В.И.Ленин, А.В.Луначарский, просвещение, партийный диктат, репрессии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдуллин Халим Миннуллович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань).
- Алиева Севиндж Исрафил кызы** – доктор исторических наук, заведующая отделом «История азербайджано-российских отношений», Институт истории им. А.А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).
- Аргасцева Светлана Анатольевна** – кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников РФ; заведующая экспозиционно-выставочным отделом, ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (г. Волгоград).
- Афони́на Елена Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ-КАИ), научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свияжск» (г. Казань).
- Бабюх Виталий Антонович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет (г. Казань).
- Багаутдинова Халида Зиннатовна** – научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Батыршин Рустам Рафаэлевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань).
- Биктимирова Таэмина Ахметовна** – кандидат исторических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан (г. Казань).
- Боднарь Ольга Ивановна** – старший научный сотрудник, Краеведческий музей г. Менделеевск (г. Менделеевск).
- Болдырев Николай Юрьевич** – кандидат экономических наук, директор ООО Юридическая фирма «Веритас» (г. Волгоград).
- Болдырев Юрий Федорович** – кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский филиал Московского юридического финансового университета; руководитель Ресурсного центра Волгоградского регионального отделения (ВРО) «Ассамблея народов России» (г. Волгоград).
- Бойукбаш, Нихат** – вице-президент Исследовательского центра Ататюрка (АТАМ) (г. Анкара, Турция).

- Будченко Лидия Ивановна** – кандидат юридических наук, директор, ГКУ «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (г. Волгоград).
- Бушуева Людмила Александровна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Габдрафикова Лилия Рамилевна** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Гайкин Виктор Алексеевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
- Гайнанова Миляуша Рамилевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела общественной мысли, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Данилов Сергей Александрович** – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов).
- Ефимова Елена Алексеевна** – кандидат педагогических наук, старший методист, Музей истории детского движения ГБПОУ «Воробьевы горы» (г. Москва).
- Зайнутдинов Динар Рафаилович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Институт социальных и гуманитарных знаний (г. Казань).
- Захохов Заур Юрьевич** – кандидат юридических наук, начальник юридического отдела ООО ТПКА «Эльбрус» (г. Волгоград).
- Зезегова Ольга Ивановна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам, магистрант 2 курса кафедры государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» (г.Сыктывкар).
- Зиннатуллина Алсу Анваровна** – научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).
- Исхаков Радик Равильевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Ишмухамедова Резеда Илгизовна** – главный архивист отдела научного использования документов и справочно-поисковых средств, ОГУ «Государственный архив Саратовской области» (г. Саратов).

- Кажаров Артур Гусманович** – кандидат исторических наук, доцент, заместитель министра образования, науки и по делам молодёжи Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).
- Кайзер, Руперт** – сотрудник Управления культуры и мероприятий ганзейского города Гарделеген (г. Гарделеген, Германия).
- Крапоткина Ирина Евгеньевна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга).
- Кротова Мария Владимировна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург).
- Курмакаев Юнир Якубович** – кандидат исторических наук, преподаватель, Российский университет кооперации (г. Мытищи).
- Макарова Вера Николаевна** – кандидат исторических наук, заведующая отделом истории края, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа).
- Марданова Динара Замировна** – старший научный сотрудник отдела общественной мысли, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; ведущий библиограф Центра письменного и музыкального наследия, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (г. Казань).
- Маслова Инга Владимировна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского федерального университета (г. Елабуга).
- Махмутов Zufar Александрович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Машковцев Андрей Анатольевич** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет (г. Киров).
- Медеубаев Ерлан Ислямович** – кандидат исторических наук, профессор Казахско-Русского Международного Университета (г. Актобе, Казахстан).
- Мещерякова Елена Юрьевна** – директор Краеведческого музея г. Менделеевск (г. Менделеевск).
- Миронова Елена Валерьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Муртазина Ляля Раисовна** – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).

- Мусаева Улькера Кязимовна** – доктор исторических наук, доцент кафедры истории, ГБОУ ВО РК Крымский инженерно-педагогический университет; старший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Симферополь).
- Назарова Ольга Валерьевна** – заведующая Сектором краеведения ГБУК «Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького»; аспирант кафедры истории и культурологии ГБОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет» (г. Волгоград).
- Никонова Светлана Игоревна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (г. Казань).
- Ошаев Алексей Григорьевич** – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).
- Павлова Наталия Анатольевна** – аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).
- Политова Нина Ивановна** – заведующая сектором сельскохозяйственной литературы, ВОУНБ им. М.Горького (г. Волгоград).
- Попков Владимир Иванович** – заместитель Губернатора Волгоградской области, председатель Комитета культуры Волгоградской области (г. Волгоград).
- Приходько Сергей Александрович** – научный сотрудник, Новозыбковский краеведческий музей (г. Новозыбков).
- Рафиков Азат Миннегазович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет (г. Киров).
- Рашитов Фрид Айниевич** – доктор исторических наук, руководитель Саратовского отделения Научного совета по проблемам татароведения при Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Саратов).
- Рябая Светлана Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История российской государственности», Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (г. Ижевск).
- Рябец Ирина Анатольевна** – кандидат исторических наук, директор Института молодёжной политики и социальной работы, Волгоградская государственная академия последипломного образования (г. Волгоград).
- Сабирзянов Гумер Салихович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ответственный редактор татарской энциклопедии Центра энциклопедистики, ОП «Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» (г. Казань).

- Салахова Эльмира Кадимовна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
- Самко Марина Михайловна** – заведующая информационно-библиографическим отделом, ВОУНБ им. М. Горького (г. Волгоград).
- Сануков Ксенофонт Никанорович** – доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).
- Сизов Сергей Григорьевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры «Общая экономика и право», Сибирский автомобильно-дорожный университет (г. Омск).
- Синова Ирина Владимировна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург).
- Соломина Ирина Юрьевна** – заведующая сектором межбиблиотечного абонемента и электронной доставки документов, ВОУНБ им. М. Горького (г. Волгоград).
- Таиров Наиль Измайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии, Казанский государственный институт культуры (г. Казань).
- Филиппова Антонина Петровна** – главный специалист отдела информационных архивных технологий, ГКУ «Центр документации новейшей истории Волгоградской области» (г. Волгоград).
- Хайрутдинов Булат Юнусович** – директор научной библиотеки, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации (г. Казань).
- Хотопп-Рике, Мисте** – доктор философии, руководитель Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT) в Магдебурге (г. Магдебург, Германия).
- Худобородов Александр Леонидович** – доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).
- Шадманова Санобар Базарбаевна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Узбекистана второй половины XIX – начала XX веков (до 1917), Институт Истории Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан).
- Шайдуллин Рафаиль Валеевич** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром энциклопедистики, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань).
- Яшина Марина Анатольевна** – кандидат исторических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск).

Журнал «ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ»

В 2016 г. Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан запустил новый издательский проект – научный журнал «Историческая этнология». Журнал предназначен для актуализации современных методологических подходов при анализе социальных процессов в Татарстане и тюрко-татарском мире.

«Татары составляют особый, сложный и высокообразованный мир со своими традициями, интересами, ценностями. Для большинства российских и зарубежных ученых это – малознакомая тема, как, впрочем, и Татарстан. Только достижения последних лет в политике и экономике заставили обратить внимание исследователей на республику.

Татарстан в качестве объекта исследования может рассматриваться как некая модель для обобщений, поскольку республика, при всей своей уникальности, несет и некоторые универсальные черты. Территория Татарстана всегда была в центре важных исторических событий. Роль разных народов в формировании евразийской культуры со временем менялась, но Поволжье оставалось хребтом, соединяющим степь с лесом, север с югом. И сегодня значительная часть экономического и интеллектуального потенциала России сосредоточена в Поволжье.

Республика Татарстан демонстрирует предельно сложный синтез двух различных культур – исламской и православной, татарской и русской, в орбите которых находятся культуры других тюркских и финских народов. Это своего рода микромодель Евразии, которая для сохранения общего культурного стержня нуждается в межкультурном взаимопонимании.

Потребность в новых подходах вызвана тем разрывом, который образовался среди исследователей гуманитарной сферы. С каждым годом историки, этнологи, археологи и другие гуманитарии отдаляются друг от друга, вырабатывая свои собственные методы исследования и круг понятий. В результате теряется целостный взгляд на социальные явления. Методы исторической этнологии позволяют более полно, нежели отдельные дисциплины, изучать как прошлое, так и настоящее, а значит, приблизиться к пониманию будущего. Редакция журнала «Историческая этнология» надеется внести свою лепту в это важное дело».

Р.С. Хакимов, главный редактор

Журнал публикует статьи на русском, английском и татарском языке; выходит 2 раза в год. Электронный адрес редакции: historical.ethnology@gmail.com

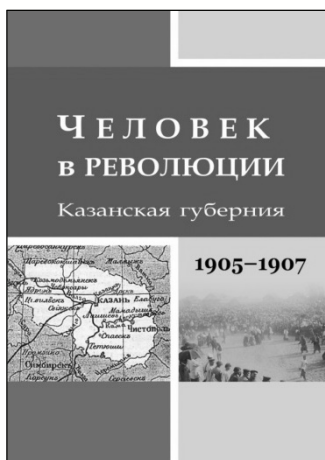
НОВЫЕ КНИГИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИМ. Ш.МАРДЖАНИ АН РТ
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ

Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. *Л.П.Габдрафиковой*. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 360 с. + 24 с. вкл.

ISBN 978-5-94981-221-1

Авторы монографии: *Л.П.Габдрафикова, Р.Р.Салихов, Е.В.Миронова, Р.Р.Исхаков, Л.А.Бушужева, Р.Р.Батыршин, И.Е.Крапоткина, А.Г.Ошаев*.

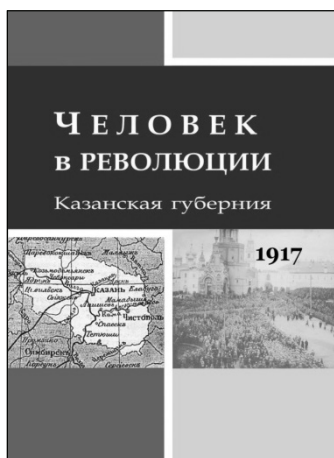
В монографии представлен историко-антропологический анализ событий 1905–1907 гг. в Казанской губернии. Земледельческие баталии крестьян и дворян, конфликты в трудовых коллективах в условиях революции соседствовали с протестной активностью учеников и студентов, политическими требованиями этноконфессиональных групп. Особое внимание уделено общественно-политической деятельности мусульман в годы революции, поиску «панисламизма» в татарской среде, полемике кадимистов и джадидов в сфере образования, повседневной жизни шакирдов медресе. Кроме того, авторы реконструируют общественные настроения, страхи и эмоции революционной поры, исследуют «людей власти», оказавшихся по ту сторону протестных баррикад. Одним из итогов революции стал рост этноконфессионального самосознания и развитие культурного многообразия империи. Сюжеты о татарской, марийской, крышанской культуре отражают региональные особенности Поволжья революционной эпохи.

Человек в революции: Казанская губерния: в 2-х томах. Т.2. 1917 г. / под ред. *Л.Р.Габдрафиковой*; с предисл. *Р.С.Хакимова*. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 432 с. + 20 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-255-6

Авторы монографии: *Л.Р.Габдрафикова, Е.В.Миронова, Р.Р.Батыршин, Х.М.Абдуллин, Л.А.Бушуева, И.Е.Крапоткина, А.Р.Мухамадеев*.

В монографии представлен историко-антропологический анализ жизни многонационального населения Казанской губернии в 1917 г.: взаимодействие индивида с представителями старой и новой власти, перемены в массовом сознании, социальные реакции на материальные трудности, взаимоотношения в трудовых и учебных коллективах, сельской общине, положение семьи и женщин, проблемы вынужденных мигрантов войны в губернском обществе (военнопленных, беженцев, интернированного населения). Изменившаяся общественная иерархия и трансформация системы власти в губернии обострили внутренние противоречия и

породили конфликты, как между различными социальными группами, так и внутри сообществ. В контексте символики власти особое внимание уделяется истории Казанского кремля. Исследование базируется на новейших методологических подходах и неопубликованных документальных источниках, в том числе материалах личного происхождения.

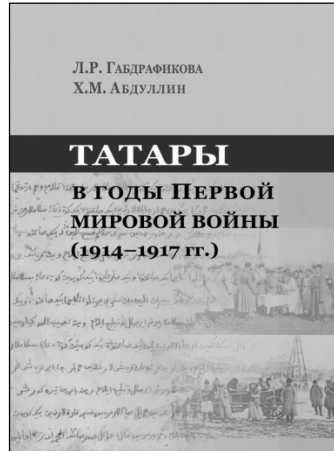
Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 396 с.

ISBN 978-5-94981-191-7

Авторы монографии: *Л.Р.Габдрафикова, Х.М.Абдуллин.*

Монография посвящена жизни татарского народа в годы Первой мировой войны. Книга включает два блока: фронт и тыл. На основе разноплановых источников авторы рассматривают участие татарских солдат и офицеров в Первой мировой войне, социально-экономическую и культурную жизнь татарского мусульманского общества в годы войны. Книга представляет собой первое комплексное исследование, посвященное роли Первой мировой войны в истории татарского народа.

Для специалистов гуманитарного профиля и всех интересующихся отечественной историей и культурой.

Еще больше книг см. на сайте tataroved.rf / разделы «библиотека» или «книжный киоск»

Частные миры Великой русской революции

Сборник научных трудов
(на русском и татарском языках)

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*

Подписано в печать 04.09.2017 г. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 30,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46,

231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф